

sf_fantasy

Дана
Арнаутова
<https://coollib.net/a/136774>

Стальной подснежник

Друзья звали ее Стальным Подснежником, враги — упрямой и живучей стервой. Дар боевого мага не вечен, а врагов все больше... И теперь судьба леди Лавинии Ревенгар — стать разменной монетой в чужих интригах и королевской наградой для коменданта пограничной крепости, недавно потерявшего любимую жену. Расцветет ли стальной подснежник среди пепла и льда?

ru

Кауа

FictionBook Editor Release 2.6.7
09 March 2019
C2C4270C-9941-48EB-80EC-1CD7DFF7B451
1.0

1.0 — создание файла (Кауа)

Дана Арнаутова «Стальной подснежник»
АСТ
Москва
2019
978-5-17-113044-2

Б БК 84(2Рос=Рус)6-44 А84 Разработка серийного оформления Евгения Антофия Иллюстрация на обложке Станислава Дудина Стальной подснежник : роман / Дана Арнаутова. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 416 с. — (Другие Миры). Заведующий редакцией Сергей Тишков Ответственный редактор Светлана Каскова Корректор Надежда Власенко Компьютерная верстка: Евгений Зайцев Подписано в печать 10.12.2018. Формат 84x108/32 Печать офсетная. Гарнитура JournalC. Бумага газетная, пухлая. Усл. печ. л. 21,84 Тираж 2500 экз. Заказ №1819620.

Дана Арнаутова
СТАЛЬНОЙ ПОДСНЕЖНИК

Глава 1 ДВЕ АУДИЕНЦИИ

— Так значит, теперь, когда я не могу умереть за Орден в бою, он милостиво позволяет мне содохнуть самой по себе? Пятнадцать флоринов в зубы — и доброго пути?

Ло старалась говорить спокойно, но кипевший в ней гнев все равно просачивался в голос, отравляя интонации. А что хуже всего — она отлично знала за собой эту мерзкую особенность: если сдерживаться слишком долго, после злость вырвется наружу непредсказуемым способом.

— Леди Ревенгар, не стоит представлять все таким образом.

Антуан Саттерклиф, великий магистр Ордена, только досадливо поморщился, словно отчитывая нашалившую адептку, и немного наклонился вперед. Массивная звезда-семилучевик, усыпанная драгоценными камнями, — знак его сана — блеснула Ло в глаза россыпью цветных огоньков, хотя свет падал магистру в спину.

— Пятнадцать флоринов, о которых вы отзываетесь с таким пренебрежением, это почетная пенсия. И многие были бы ей рады.

— О, не сомневаюсь! — выплюнула Ло. — На нее ведь можно целый месяц жить в съёмной комнатухе на окраине и позволять себе любые лакомства из овсянки и пареной репы. Не отводите глаза, магистр! Вы отлично знаете, что такое пятнадцать флоринов в столице для женщины моего происхождения.

— Ну...

Магистр и вправду с подчеркнутым вниманием рассматривал настенную карту за спиной Ло.

— Столица, кстати, не слишком полезное место при вашем... состоянии здоровья. В провинции жизнь дешевле, а в двадцать шесть лет, да с вашим умом и внешностью...

— Я не собираюсь бегать за деревенскими женихами, подобрав драные юбки, купленные на ваши полтора десятка монет. Вы обещали мне место преподавателя, когда закончится мой армейский контракт. Он закончился. И я не вижу ни одного претендента с большим боевым опытом, чем у меня. Даже странно, не правда ли? Место в Академии — вот все, чего я хочу. Ло сцепила руки за спиной, задрав подбородок и чуть заметно покачиваясь с каблук на носок. Со стороны поза выглядела высокомерной, а в облегающих штанах и мужском камзоле — так и вовсе вызывающей, но не объяснять же каждому болвану, что так у нее меньше болит спина, если приходится подолгу стоять. А сесть магистр ей не предложил. Наверное, боялся, что тогда она расположится в его кабинете надолго. Правильно боялся!

— Не с вашим заболеванием! — отрезал Антуан и без всякой нужды переложил с места на место пресс-папье из вулканического камня.

Золоченая надпись на полированной темной плитке блеснула в солнечных лучах — за окном разгорался уже седьмой день мирной жизни. Жизни, в которой боевая магичка, лишившаяся дара, оказалась бесполезным грузом для поредевшего Ордена.

— Я не больна! — огрызнулась Ло. — Я всего лишь могу умереть в любую минуту. Так это можно сказать о каждом. Даже о вас, магистр.

— Угрожаете? — нехорошо прищурился Антуан и тут же опомнился: — Ладно, ладно...

Послушайте, Лавиния, мне действительно жаль. И ваш опыт бесценен, признаю. Но преподаватель без капли дара? Вы себя помните в их годы? Это же не просто дети! Это мажата, еще не умеющие контролировать силу. Или не желающие. Они вас живьем съедят!

— Подавятся, — процедила Ло, умом понимая, что магистр до тошноты прав. — Я вполне могу читать курс герменевтики. Или теории стихий. Да хоть этикета, в тридцать три рогатых демона через барготову мать!

— Последний аргумент особенно убедителен, — с каменным лицом согласился магистр.

Встав из-за стола, он подошел к окну и задернул шторы. Неужели изволил заметить, что гостя морщится от солнца в лицо? Ло хмуро посмотрела в сухопарую спину, обтянутую черным суконным камзолом. Саттерклиф носил траур по погибшему сыну. Длинные волосы магистра, перевязанные черной же лентой, падали на спину неряшливым белым хвостом, и Ло только сейчас поняла, что Саттерклиф за последние месяцы почти полностью поседел и будто стал ниже ростом. А ведь всего год назад был полон сил и жизни.

— Послушайте, Лавиния, — утомленно сказал Антуан, вернувшись к столу и не присев за него снова, а опираясь о столешницу ладонями. — Я сколько угодно могу говорить, что мне жаль, но

это ничего не изменит. Мы оба знаем, что магия исцеления здесь бесполезна. Думаете, я пожалел бы денег на лекарей для героини Руденхольмского ущелья? Для Стального Подснежника? Да я бы последнее выскреб из казны, хотя она, видит Пресветлый Воин, и так пуста. У меня дюжина человек в госпитале, и это только полноценные маги. Да адептов два десятка. И целители говорят, что большая часть из них останется калеками. Ну, хоть с даром... И многие тоже мечтают о месте преподавателя. Понимаете, Лавиния? У них еще вся жизнь впереди! Ну и что, что без руки или с обожженным лицом, — преподавать это не мешает. А вы... Вам ведь даже волноваться нельзя! Осколок стронется, дойдет до сердца и...

— Хватит! Можете дальше не объяснять!

Ло услышала свой голос словно со стороны. Звенящий, полный холодной ярости, как темная вода в полынье бывает пополам с острой ледяной крошкой.

— Благодарю, мне все понятно, — продолжила она, выталкивая слова через ком в горле. — Вы абсолютно правы, магистр Саттерклиф. Следует позаботиться о тех, кто не отдаст концы от ужаса, увидев мышь в аудитории, и сможет сплести хотя бы простейший аркан. И вы правы, для казны Ордена даже мои пятнадцать флоринов — нешуточная трата. Зато можно надеяться, что долго эти расходы не продлятся.

Ничего не видя прямо перед собой в отлично освещенном кабинете, Ло вслепую развернулась, ткнулась в закрытую дверь, толкнула ее рукой. То ли пружину за время ее отсутствия сменили на более тугую, то ли толкнула она слабее, чем показалось, но дверь осталась неподвижна.

— Лавиния Ревенгар! Остановись! Не смей, говорю, дурная девчонка!

— Была девчонка, да сдохла в Руденхольме, — прошептала Ло, с размаху саданув по двери ногой в армейском сапоге. — И жалко, что не вся...

Под крики Антуана она пролетела приемную, чудом не сбив кинувшегося наперерез секретаря, через две ступеньки пробежала по лестнице — длинной, до самого холла на первом этаже. И только там остановилась, да и то не потому, что устала, а просто холл был полон.

Ло прищурилась: в полутемном зале небольшие окна вдобавок были прикрыты массивными решетками. То ли память о тех временах, когда здание Ордена служило крепостью на случай городских боев, то ли просто чтоб не выпцвели многочисленные штандарты, развешанные по стенам. А людей не так уж много. И большая часть — подростки. Мальчишки лет двенадцати-тринадцати, все по-разному одетые, кто хорохорится, кто любопытно озирается по сторонам...

А вон стайка девчонок того же возраста — забились в уголок, только светлые платица видны в сумерках. Набор! Как же она могла забыть? Это ежегодный осенний набор учеников.

Но, Пресветлый Воин, почему так мало? До войны Орден каждый год набирал две-три сотни ребят. Кто-то уходил, сразу не выдержав, кто-то отсеивался потом, но поначалу обучение велось сразу в десятке классов, и только потом они постепенно сливались, чтобы к концу десятилетней учебы орденский перстень надели две-три дюжины магов и магесс. А здесь... Здесь и сотни не наберется. Неужели у Ордена не просто плохо с деньгами, а настолько плохо? Но это бред — куда деваться остальным одаренным детям?

Ло шла по длинному залу, чувствуя на себе множество взглядов, слыша за спиной шепотки. И еще больше выпрямляла и без того идеальную спину, печатая шаг. Потом она сможет свалиться в гостинице, подложив подушечку под ноющую поясницу, прикрыв глаза и отпиваясь травяным чаем от ломоты в перебитых ребрах, — все потом. Сейчас она не калека, только что вышвырнутая из Ордена за ненужность. Она все еще его часть. И лучший боевой маг Ордена в своем поколении, хоть и бывший. Лучший просто потому, что остальные не дожили.

— Госпожа магичка! Госпожа...

— Леди магесса, — сухо поправила она мальчишку, бросившегося ей наперерез и явно перепуганного собственной дерзостью. — К старшим собратьям следует обращаться «лорд» и «леди» независимо от их происхождения. Что тебе, юноша?

— Госпожа... То есть леди магесса! А правда, что вы и есть эта? Ну, эта...

— Я безусловно эта, а не та, — усмехнулась Ло. — Выражайся яснее. Так кто я?

— Стальной Подснежник! — выпалил мальчишка и даже зажмурился, но тут же распахнул карие глазки, глядя на Ло с восторгом.

— Леди Лавиния Ревенгар к вашим услугам, юноша, — устало сказала Ло, уговаривая себя не сорваться.

Это мальчишка, просто мальчишка. А хоть бы и девчонка. Всем им, будущим мажатам, нужны герои. А из нее всенепременно сделают героиню, не может Орден упустить такой случай.

Повесят портрет в аудитории, напишут биографию — и будут первокурсники-адепты заучивать жизнеописание магессы Ревенгар, в котором хорошо если одна строчка из дюжины окажется правдивой. И хорошо, если она сама до этого не доживет. Упаси Пресветлый Воин стать легендой при жизни.

— Да, меня и так называли, — вздохнула она, глядя в круглое конопатое лицо будущего собрата. — И что?

— Ничего, — смутился мальчик, судя по одежде, из небогатых купцов или состоятельных ремесленников. — Прошу прощения, леди. Я просто хотел поблагодарить вас. Мой старший брат — сержант третьего пехотного полка. Он был в Руденхольме. Моя мать... она молится о вас каждый день. Она сказала, если я когда вас увижу, поклониться вам от всей семьи. Он опустился на одно колено, склонил голову, а в зале вдруг стало так тихо... Смертельно тихо, как называл это Арчибальд Леруазен, оставшийся в Руденхольмском ущелье, чтобы брат этого мальчишки смог уйти.

— Скажи матери... — что-то слишком часто у нее перехватывало горло сегодня, — что я не сделала ничего особенного. Просто выполнила свой долг. И учись... хорошо.

— Да, леди магесса Ревенгар.

Карие глазки смотрели с обожанием. Смотри-ка, еще выдумает себе великую любовь... Хотя в его возрасте это полезно. Ло вздохнула. Сняла с пояса безделушку — перочинный ножик с клеймом ордена, — наклонилась и сунула в руки мальчишке, сказав негромко, но зная, что ее слышат все в этом зале:

— В Руденхольмском ущелье погибли пятеро магов и семеро адептов. Твой брат обязан жизнью им, а не мне. Знаешь девиз Ордена? «Учись прилежно, живи честно, умри доблестно». Как тебя зовут, юноша?

— Тайлин... Тайлин Формиз.

— Учись прилежно, Тайлин, — повторила Ло. — И живи честно. Этого пока вполне достаточно.

Рывком поднявшись, она почти пробежала по залу — еще не хватало кому-то увидеть не слезы, нет, просто зажмуренные глаза.

Выскочила на улицу, под яркое безоблачное небо, вдохнула прохладную столичную сырость и поняла, что сегодня напьется. Обязательно! Но — вечером. Потому что в полдень ей предстоит малая аудиенция у его величества.

* * *

К шепоткам за спиной Ло привыкла давно. В детстве ее сила была нестабильна, и сначала окружающие болтали о бесталанной девчонке, которую взяли в Академию не иначе как по протекции деда-преподавателя. Это было так глупо, что даже не обидно: любой здравомыслящий и знающий человек понимал, что без дара обучение не пройти. А на дураков Ло было плевать.

Потом сплетничали о молодой талантливой магессе, которая, вот жалость какая, выбрала совершенно не женскую специализацию боевых чар. Это было еще глупее: силу не выбирают, она сама выбирает мага, причем иногда очень странно. Ло попадались и редкостные говнюки с даром целителя, и нежнейшей души некроманты. Боги, роняя в душу будущего мага искру, любят пошутить.

И все эти годы о ней шептались, шептались, шептались... В шелесте и шорохе вкрадчивых шепотков слышались зависть, презрение, ханжество; не было только жалости. И Ло казалось, что никогда не будет. Жалость она ненавидела еще сильнее, чем насмешки. А вот теперь, пройдя дворцовыми коридорами, ясно читала ее в любопытных взглядах и все сильнее злилась. Проклятые стервятники! Она еще жива и примерять саван не собирается!

К тому моменту, как чопорный церемониймейстер объявил, что его величество желает видеть леди Ревенгар в малом кабинете, Ло уже была как стрела на натянутой тетиве — готова сорваться.

Но, ступив на шоколадного цвета ковер в небольшой и совсем не богато меблированной комнате, притихла. Конечно, не из благоговения перед монархом, а просто от удивления. Единственный раз до этого Ло видела его величество вблизи на принятии присяги, но тогда он выглядел... больше похожим на парадные портреты, пожалуй. Или она была юной восторженной дурочкой. Сейчас королевский кабинет напоминал ей обиталище какого-нибудь провинциального мэра, а его хозяин — чиновника средней руки.

Немолодой, слегка сутуловатый мужчина с залысинами хмуро глянул на нее из-за стола темно-серыми с болотной прозеленью глазами-буравчиками. Оглядел от стянутых на затылке в хвост коротких волос до носков запыленных сапог, едва заметно скривился. Ло и сама понимала, что выглядит совсем не подобающе леди, но за три года войны растеряла все ненужные в горах и лесах платья, оценив преимущества штанов и армейской обуви. А новые наряды шить не собиралась, втайне надеясь на преподавательские мантии, выдаваемые Академией. Платья пусть Мелли шьет, ей нужнее.

Кстати, белокурая коса, единственное, что Ло признавала у себя красивым, тоже осталась там, в пограничных лесах, в первую же зиму. Некромант Маркус предлагал вывести вшей магией, раз уж горячая вода и мыло стали роскошью, но Ло, скривившись от брезгливости, ножом отхватила толстый жгут волос чуть ли не под корень и только тогда подставила голову под зеленое сияние, льющееся с пальцев друга. Потом она обрезала едва подросшие пряди постоянно, и только в лазарете, пока Ло месяц валялась едва живая, они отросли до плеч.

— Леди Лавиния Ревенгар, — не столько сухо, сколько невыразительно сказал его величество Криспин. — Как ваше здоровье?

— Прекрасно, сир.

Делать реверанс в штанах было бы глупо, так что Ло поклонилась.

— Лекари другого мнения. Они утверждают, что о месте преподавателя в Академии Ордена не может быть и речи.

Ло почувствовала, как ее щеки загорелись румянцем. Она еще и слова не сказала, не привела все безупречные и тщательно выверенные доводы, которые готовила с таким прилежанием, — а ей уже отказали. И как только король узнал?! Неужели... магистр Саттерклиф? Больше никому, разумеется.

— Ваше величество не желает меня выслушать? — с трудом сохраняя спокойствие, поинтересовалась она.

— В этом вопросе — не желает, — отрезал король. — Не вижу ни малейшего смысла оспаривать решение великого магистра. Вы много сделали для короны и страны, леди Ревенгар, я не считаю разумным и дальше жертвовать вашим здоровьем. Вам назначили пенсию?

— Да, сир.

Ло заставила себя дышать размеренно и ритмично, как перед плетением заклятья: разговор еще не окончен, ни в коем случае нельзя предстать перед королем истеричной сумасбродкой.

— Сколько бы это ни было, я удвою сумму и добавлю к пенсии от Ордена свою. Не слишком щедро за то, что вы сделали, но казна и так пуста.

— Я понимаю, сир. Очень вам благодарна...

Ло снова поклонилась, чувствуя себя дрессированной собачкой, стоящей на задних лапах за печенье. Пенсия — всего лишь подачка, пусть и чуть более увесистая. Что ж, не в ее положении быть слишком гордой, ведь еще предстоит выдавать замуж Мелли. Каждый флорин скоро будет на счету.

— У вас есть другие просьбы? — все тем же скучающим тоном поинтересовался король, подвигая к себе стопку аккуратно обрезанных листов плотной бумаги и беря перо.

— Да, ваше величество. Если я больше не могу колдовать, то, возможно, в Королевской Академии...

Ло запнулась, ненавидя саму себя за просительный тон и неумолимое предчувствие отказа.

Почему ей непременно должны отказать, она и сама не знала, но разве так разговаривают с офицером, который отдал королевской службе все: здоровье, магию, саму жизнь? Это не просто обидно, это... нелепо, в конце концов! Разве она просит милостыню? Она лишь хочет и дальше служить стране, как умеет. А умеет она многое! Обучение мага — это же не просто чары, это знания во всех областях современной науки!

Все это и многое другое она готовилась объяснять и доказывать, но не пришлось. Король, подняв голову от бумаг, в которые успел глянуть, утомленно вздохнул:

— Вы полагаете, леди, что моя Академия возьмет...

«Второсортный товар?» — прочла Лавиния невысказанное по глазам короля.

— ...преподавателя, от которого отказался Орден?

— Я надеюсь... — начала она.

— Впрочем, есть одна возможность, — задумчиво сказал его величество Криспин. —

Допустим, место преподавателя истории. С полным обеспечением, жалованьем и сохранением пенсии, разумеется. Вас бы это устроило, леди Ревенгар?

Место историка? Ло ушам не верила — такая щедрость сразу после отказа!

— Конечно, сир, — выпалила она, едва сдерживая радость. — Я могу приступить к работе немедленно! Сейчас ведь как раз осенний набор студизусов, и...

— О, не так быстро... — протянул король, откидываясь на спинку резного деревянного кресла с бархатной обивкой и снова разглядывая Ло с каким-то подозрительным вниманием. — Вы же понимаете, моя дорогая леди, что в этом деле я иду наперекор собственным принципам? Да еще и рискуя поссориться с магистром Саттерклифом. Думаю, будет справедливо, если вы тоже ответите мне небольшой приятной услугой. Скажем, потратите один-два месяца, чтобы скрасить мое одиночество по вечерам и ночью. Леди Мэвелли, моя прошлая фаворитка, недавно решила устроить свою жизнь, составив счастье одного из моих же генералов. Понятное желание для женщины, я совершенно не в претензии. Но засыпать в холодной постели не люблю.

— Возможно, вашему величеству стоит поискать другую претендентку? — тихо и очень зло спросила Ло. — Более... подходящую?

— То есть милую, скромную и женственную, в отличие от вас? Способную оценить предлагаемую честь и проявить благодарность за покровительство?

В голосе короля явно слышалась ирония. Ло стиснула зубы, выпрямившись еще сильнее и чувствуя себя породистой кобылой под придирчивым взглядом лошадиного барышника, нашедшего кучу недостатков. Она так и слышала голос, точь-в-точь с королевскими интонациями тянувший вслух: «Кобылка норовиста, да и не первой молодости уже. Хотя кровей хороших и на ходу не засекается. Можно и попробовать. Хороший хлыст и пряник не таких от лишнего норова лечили...»

— Прекрасное описание, ваше величество, — с ласковой ядовитостью отозвалась она. — Совершенно противоположное мне, как видите. Очень сожалею, что не могу соответствовать столь резонным требованиям.

И к Барготу место преподавателя, хоть в Академии Ордена, хоть в личном ученом заповеднике короля. К Барготу и тридцати трем его демонам место, ради которого придется раздвигать ноги и ложиться под эту скотину с рыбьей кровью и взглядом лошадиного барышника. Ло Ревенгар проживет и так — тем более сколько ей той жизни осталось?

— Что ж, — хмыкнул ее собеседник. — Невольно не буду. Разрешите только полнобпытствовать, леди: это вам лично я так не нравлюсь, или верны слухи, что магессы Ордена предпочитают носить штаны, потому что сами мужеподобны?

— Как вы смеете? — прошипела Ло, вскидывая голову. — Я не дала никакого повода разговаривать со мной так! Неудивительно, что женщинам приходится носить мужское платье, если первый из мужчин королевства забыл о мужском долге и чести.

— Как много красивых слов, леди...

Король рассматривал ее со странным удовлетворением, совсем без гнева, как могла бы ждать Ло. Но от этого казался еще опаснее.

— Я полагал, возвращение от самых ворот Претемных Садов смягчает нрав. Ошибался, похоже. Значит, вы мне решительно отказываете? Невзирая на последствия?

— А какие могут быть последствия, ваше величество? — старательно усмехнулась Ло. — Я совершеннолетняя высокородная женщина, глава своего дома по праву старшинства. И подчиняться сюзерену обязана только в рамках вассального кодекса. Напомнить вам, что, согласно ему, вы можете потребовать мою жизнь, но не честь?

— Не стоит, — все с той же убийственной ироничной серьезностью отказался король. — А вам, леди Ревенгар, напомнить, что, согласно тому же кодексу, в отсутствие старших родственников мужского пола я как ваш сюзерен обязан позаботиться о вас? В частности, устроить вашу судьбу через брак с достойным человеком. Вам никогда не приходило в голову, леди, что положение королевской фаворитки не худший выбор по сравнению с иным замужеством? Или у вас кто-то есть на примете? Если вы отказываете мне из соображений нравственности, готов рассмотреть любого претендента на вашу руку. Все равно вам потребуется мое согласие на брак.

Ло закусила губу, из последних сил сдерживая ругательство. Черное похабное ругательство, рвущееся с губ. Да, эту статью она тоже знала. Но ее использовали так редко! Да любой

вменяемый король предпочитал позволять женщинам самим находить мужа, лишь бы не заботиться о внушительном приданом, которое в таком случае требовалось от него как от опекуна. Криспин рехнулся? Или это месть за отказ?

— Вижу, претендентов нет, — заметил, не позволяя себе даже усмешки, король. — И отчего-то не удивлен этим обстоятельством. Итак, давайте начистоту, леди. Либо вы принимаете мое предложение, а потом получаете место в Академии, раз уж вам так хочется учить недорослей, либо выходите замуж в интересах королевства. Вы бедны, как мышь в придорожной часовне, но старинного рода. А у меня много других героев войны, и кое-кто предпочтет получить вознаграждение титулом, а не золотом. Место фаворитки и потом свобода — или замуж за первого встречного. С вашей точки зрения первого, конечно.

— Да уж лучше за первого встречного, — ласково сообщила Ло тоном, после которого знающие ее старались убраться подальше. — Если я и сомневалась, то теперь убеждена. И если это все, ваше величество, то почтительно прошу разрешения откланяться.

— Разрешаю, — бросил король, снова уставившись в бумаги.

В последний момент вспомнив, что следует отступать к двери, не поворачиваясь, — а ведь казалось, что этикет в нее вколотили лучше, чем умение дышать, — Ло на негнувшихся ногах сделала пять шагов, ступила за порог предупредительно открывшейся двери, за пределами кабинета развернулась, крутнувшись на каблуках, и длинно яростно выдохнула. О, как ей сейчас нужна была магия! Поджечь бы что-нибудь или грохнуть с размаха, подняв над головой одной силой мысли, — сразу полегчало бы.

«Ненавижу! — с яростным наслаждением думала она, несясь по коридорам и уже не замечая ничьих взглядов или приветствий. — Чтоб ты провалился, дражайший сюзерен, тварь болотная, мертвяк неупокоенный! Да лучше и вправду замуж! То есть не лучше, конечно... Но что может быть хуже тебя? Ох, вот теперь и вправду не грех выпить! А лучше — нажраться самым неподобающим леди образом. Сплясать полуголой на трактирном столе, набить морду какому-нибудь типу понаглее, залезть на крышу городской ратуши и запустить фейерверк... Да что угодно, лишь бы ни один жених не взял даже с королевским приданым, к барготовой матери его...»

Слетев с дворцовых ступеней и прошагав под бдительными взглядами вездесущей стражи до ворот, Ло остановилась на краю площади. Прижала ладони к горячим щекам. Кипящая от унижения и злости кровь требовала немедленно творить глупости, голова слабо возражала, что следует подумать о репутации Мелиссы: кто ее возьмет замуж, опозорься старшая сестра настолько непристойно? И все-таки неизвестно, до чего бы она додумалась, если б не услышала позади радостно-изумленный голос:

— Да это же моя милая Ло! Здравствуй, Подснежник! Я и не знал, что ты уже в столице! Приехать и не зайти ко мне — как ты могла?

Обернувшись, Ло протянула руки, и ее немедленно притянули к себе, по-братски чмокнув в щеку. Кажется, прохожие косились на странную пару — длинноволосого щеголя в синем бархате и одетую по-мужски коротко стриженную женщину, — но Ло было все равно. Маркус! Как же она в самом деле могла забыть? Впрочем, не забыла, конечно, просто к друзьям хочется идти с радостью, а у Ло последние дни были сплошь беды — не нести же их дорогому человеку.

— Маркус! — сказала она, невольно улыбаясь. — Ты прекрасно выглядишь. Слушай, ты свободен? В смысле, на этот вечер? Мне немедленно нужно выпить в хорошей компании.

— О...

Лорд Маркус Бастельеро, некромант и Избранный Смерти, чью компанию следовало уметь оценить, несколько мгновений глядел на нее, потом улыбнулся еще шире:

— Как угодно, Подснежник! Не знаю, какой повод, но ты же мне расскажешь? Вон там мой экипаж, идем скорее, драгоценная!

На краткий миг Ло показалось, что сейчас все снова будет хорошо. Как раньше, в годы учебы или сразу после выпуска. Когда все их друзья еще были живы, и на пирушках поднимались бокалы только за любовь и удачу, а не в память об ушедших в Претемные Сады.

В карете Маркус немедленно достал из-под сиденья флягу с карвейном и протянул Ло.

— Не знаю почему, но тебе и вправду нужно выпить, — откровенно сказал он. — На тебе лица нет. Ну, сейчас поговорим, или подождем, когда первая бутылка дно покажет?

— Сейчас, — мрачно сказала Ло. — Маркус, мне срочно нужно выйти замуж. Хорошо бы прямо сегодня.

Бастельеро длинно присвистнул, так что кучер придержал лошадей и заглянул в окошко экипажа — узнать, не нужно ли чего господам. Маркус махнул ему ехать дальше и серьезно посмотрел на Ло. В сумраке кареты за предусмотрительно задернутыми занавесками его синие глаза казались непроницаемо темными.

— Что ты на этот раз натворила? — требовательно спросил он. — Ну же, драгоценная?

Откинувшись на спинку скамьи, Ло закрыла глаза и монотонно рассказала все. Как сбежала из госпиталя, узнав, что осколок под сердцем может убить ее в любую минуту. Как просила Саттерклифа и короля. Как получила роскошное, мать его барготову, предложение выслужить место преподавателя в должности королевской шлюхи. И как в одну минуту из шлюхи попала в невесты, ту же самую барготову мать всеми демонами Междумирья...

— Да, дела... — растерянно сказал Маркус. — Ну, если так дело обстоит... Ло, выходи за меня? Я, конечно, не подарок, но...

Ло покачала головой.

— Нет, Маркус, тебе я жизнь портить не буду. Король такого не простит ни мне, ни будущему мужу. Да мне-то все равно... Только замуж придется выходить в храме Странника — больше никто без разрешения не обвенчает.

— Не горячи коней, Ло, — все так же задумчиво посоветовал Маркус. — Не завтра же тебя потащат под венец? А годного мужа в лавке не купишь и на улице не найдешь. Есть у меня пара знакомых... Напишу им сегодня же вечером, годится? А пока остановишься у меня. И не спорь! Выдумала тоже — жить в гостинице!

— Ох, Маркус, — благодарно сказала Ло, наконец-то отпустив страшное напряжение внутри себя. — Как скажешь, драгоценный. Но обещай, что сегодня мы все-таки выпьем? Я так устала...

Вместо ответа Маркус пересел к ней на сиденье, обнял, и Ло уткнулась ему в плечо, уговаривая себя, что хоть один вечер можно побыть слабой. Она так давно не позволяла себе подобной роскоши.

Глава 2

ТРИ СТЕРВЯТНИКА — К БЕДЕ

Примету насчет стервятников Эйнар узнал еще в юности. Он тогда ходил под началом тана Дольфира в его личной Волчьей Сотне и по той же юной дурости кичился, что не боится ни живых врагов, ни нежити. Зато старые вояки-Волки, завидев над лагерем или отрядом тройку падальщиков, мрачнели, сплевывали и делали знак, отвращающий зло, — смотря кто в какого бога верил. Эйнар сначала ухмылялся, а потом понял: и верно, появление трех стервятников — непременно к нехорошим покойникам. Одна гнусная птичка — это понятно, выглядит, что пожрать. Две — тоже ничего страшного, надо же и им пароваться да гнезда вить. А вот трое — к беде, тут и к ведьме не ходи.

— Что, всё кружат?

Подошедший Тибо, задрал голову, поглядел в небо, где плавали, то сходясь, то расходясь, три крылатые тени, потом пожал плечами и со смаком сплюнул. О стервятниках он знал не хуже Эйнара, но хорохорился. Что ж, ничего странного — они не на гулянке, и уж трупы ожидаются точно. Причем самые что ни на есть нехорошие.

— Собирай отряд, — велел Эйнар вместо ненужного ответа на ненужный же вопрос. — На закате к распадку выйдем.

Кивнув, Тибальд пошел к костру, разведенному под пологом. Сырая кожа, растянутая на кольях, надежно скрывала огонь и рассеивала столб дыма. Сам Эйнар все равно учуял бы костер даже за милю, да и среди тех, кого они ловили, наверняка хватало бывших охотников, но стоянка ублюдков далеко: ущелье, по-местному — распадок, милях в семи. И часовых они ставят только возле лагеря, Эйнар с Тибо уже проверили.

Больше не обращая внимания на стервятников, он проверил оружие, снял сапоги и заново перемотал чистые сухие портянки, сменил рубашку на свежую, встряхнул и надел тяжелую, чуть влажную куртку-кожанку со стальными накладками, застегнув каждую пуговицу и подтянув ремни. Покосился на костер, откуда тянуло вкусным запахом каши, поставленной,

пока Эйнар был в лесу. Потом — на небо, где солнце уже клонилось к западу. Новобранцы, чтоб их. Сейчас налпаются, а потом с полным брюхом — сначала на быстрый марш, потом в драку. Щенки дурные. Пополнение... Дал Пресветлый новый день, а король — заботу. Он подошел к костру, в упор глянул на вскочившего кашевара, совсем юного, вихрастого и конопатого, как перепелиное яйцо. Тот поежился, опустил виноватый взгляд — вспомнил утренний приказ горячее на ужин не варить.

— Снимай, — велел Эйнар. — Кашу в кусты, котелок здесь оставь, тяжелые вещи на обратном пути заберем. К дереву, вон, повесь...

— Жалко, господин капитан, — шмыгнул носом вихрастый Винсент. — Хорошая каша... Я сала положил и грибов чуток...

Под взглядом Эйнара он потупился, снял котелок и, чуть не плача, поплелся в кусты — выбрасывать. Эйнар обвел взглядом угрюмо молчащих парней — полтора десятка бывших крестьян смотрели на него почти с ненавистью, как на святотатца. Вывернуть котел доброй еды — да за такое в деревне и голову проломить могут, особенно там, где пережили Голодные Годы. Только Тибо глядел понимающе: спусти один раз невыполнение приказа — и про порядок в отряде можно забыть. По-хорошему, Винсента еще и наказать следовало, но не перед боем же.

— Вы дыру в животе видели? — негромко спросил Эйнар, не глядя ни на кого, а получалось так, что разом на всех. — Когда лекарь наконечник достает с кишками, шьет их и обратно запихивает. Если кишки пустые — можно залить зельями, и один раненый из трех выкарабкается. А вот если полные — сразу копай могилу и жди, пока человек от горячки помрет. Помрет он непременно, потому что магов-целителей тут нет. Кто на охоту ходил, знает, что и волк загнанный втрое опаснее, а это не волки — люди страшнее любого зверья. Мародерам терять нечего, и воевать они обучены не хуже вашего. Так что котел каши не стоит того, чтобы подыхать от меча или стрелы в брюхо. Всем ясно?

Он дождался нестройного, но послушного «Так точно, господин капитан!» и в который раз недобрым словом помянул про себя короля, сменившего гарнизон крепости почти целиком: на три дюжины новобранцев осталось четверо опытных служак да два сержанта. Трое ушли провожать обоз, один свалился с лихорадкой, сержанта Малкольма пришлось оставить за старшего, так что в конце концов Эйнар пошел за бандой с едва натасканными щенками и Тибальдом. Ничего, заматереют, если живы останутся. Про то, что бывшие королевские солдаты, дезертиры и мародеры, воевать умеют куда лучше этой своры, он говорить не стал. Кто не дурак — сам сообразит, а пугать перед первым боем не нюхавший крови молодежь — дело неразумное.

Он еще раз оглядел хмурых парней, велел попрыгать и подтянуть все, что зазвякало или болтается. Тибо запрыгал первым — и в карманах у него зазвенело так, словно там лежала колодезная цепь. Ничуть не смущаясь, сержант с невинным видом вытащил несколько монет и маленькую подкову.

— Подкова тебе зачем? — хмуро поинтересовался Эйнар, чуя подвох.

— Так на счастье, — ухмыльнулся Тибо. — Зажму в кулак, дам кому-нибудь по морде — и будет мне сплошное счастье!

Рассовав монетки по разным карманам, он подпрыгнул снова, на этот раз бесшумно.

Шутка, на вкус Эйнара, вышла так себе, но, глядя на сержанта, и молодежь заскакал, проверяя карманы; посыпались шуточки про козлов и жеребцов...

А потом они пошли по заранее проложенным вешкам неторопким, но на деле быстрым шагом, которым Эйнар последний месяц каждое утро гонял гарнизон вокруг крепости. Тогда мальчишки скулили, особенно в дождь, зато сейчас ломились, как лоси, не замечая веса оружия и доспехов. Тибальд шел первым, Эйнар замыкал и думал, что если они с Тибо — матерые волки, то эти еще даже не волчата, а стадо баранов. Хотя нет... Сравнение с волками, которым он раньше гордился, теперь саднило, как старый шрам, растертый паршивыми ремнями снаряжения. Он уже не волк, давно не волк. Пастуший пес, вот так будет точнее. А что масть похожа, так это не странно: волк и овчарка — те самые братья, что и у людей зачастую глотку друг другу перегрызть готовы.

Усмехаясь собственным мыслям, Эйнар не забывал зорко поглядывать и по сторонам, и вперед, на слегка растянувшийся отряд, и назад — никогда не помешает. И к распадку, узкому, мрачному даже в ясный день, потому что скалы нависают, они вышли вовремя, как раз на

закате. Подошли с нужной стороны, и последние лучи солнца, оставив их в тени, упали с запада, осветив каменистый пятачок, на котором был разбит лагерь.

От лагеря, впрочем, там было одно название. Три палатки из плотной парусины, костровище, обложенное камнями, да старая пастушеская хижина, у которой горе-войки даже крышу подновить не изволили. Зимовать не собирались, значит. Решили поднакопить жирка да уйти перевалом на ту сторону, в долины Невии. А как волк жирок копит? Вот то-то же...

Еще раз растянув губы в злой усмешке, Эйнар дал парням отдышаться, но не вволю, чтоб разогретое ходьбой тело только восстановило силы, а не расслабилось. Расставил по заранее оговоренной диспозиции — весь день вчера зубрили сначала по карте, потом прямо на поляне, разбредая по кустам. Того, что их заметят слишком рано, Эйнар не боялся: мародерская шваль даже на посту глушила местный самогон.

Достав арбалет, он взвел пружину, зацепил крючок и принялся ждать. Не прошло и пары минут, как с пригорка над лагерем понесся истошный вой солдатского рожка, голосящего побудку.

Эйнар поднял свой, висевший на поясе, протрубил в ответ тревогу. Тибальд ответил обеденным сбором, потом заиграл «К смотру стройся!» и закончил заливчатским «Равнение на короля».

Ошалевшие, ничего не понимающие ублюдки, годами привыкшие по рожку вставать, ложиться и подыхать в бою, выбежали из палаток, наспех натягивая штаны и хватая оружие. Несколько человек высочили из хижины. Эйнар поднял арбалет, расчетливо наметив цель, одетую получше и с мечом в руках. Но Тибальд успел раньше — нарядный запнулся и упал, покотившись по камням. Эйнар плавно повел арбалетом и нажал спусковой крючок чуть левее — упал еще один.

Всего бандитов, как посчитали они с Тибальдом во время разведки, было почти две дюжины. Не так уж много, но среди них явно затесалось несколько ветеранов, да еще приبلудились местные, знающие горы, как собственный карман. Если бы банда ушла, ловить их по одному было бы делом гиблым. Так что выпускать он никого не собирался.

Тибальд выстрелил еще четыре раза, да Эйнар — два. Потом переполох, позволявший стрелять почти на выбор, поулегся, бандиты разбежались по укрытиям, кто-то заскочил в ту же хижину, кто-то кинулся вдоль по распадку, но там ждали полдюжины щенков Эйнара со строгим приказом близко не подпускать, бить из луков издали. Это к арбалету — дорогой и требующей сноровки вещи — они были непривычны, а луком каждый владел сызмальства наперекор всем королевским охотничьим законам.

Эйнар снова поднес к губам рожок, проиграл отбой вместо атаки. И первым кинулся вниз, к лагерю, поднимая за собой оставшихся щенков. Тибальд остался наверху, прикрывая. Вряд ли кого-то из бандитов всерьез обманула и успокоила хитрость с неправильным сигналом, но в бою иногда решает дело и мгновенная заминка, а Эйнар собирался выдрать у солдатской судьбы столько удачи, сколько сможет. Эх, если б не щенки, он бы просто подождал возвращения своих старых бойцов и заглянул сюда ночью, пройдясь по палаткам тихой беспощадной смертью. Однако новобранцев следует учить. И учить драться, а не резать спящих.

Все кончилось быстро. На удивление быстро и успешно, так что даже холодок между лопатками полз от такого успеха — легким победам Эйнар давно не верил. Но щенки сработали прямо как обученные солдаты: никто не запнулся, не подставился, не погиб, и даже раны оказались легкие — пятерых все-таки успели подрезать да еще один вывихнул ногу. С потерями противника — никакого сравнения.

К тем семи, кого они с Тибальдом положили сразу, добавилось еще десять трупов: восемь в лагере, да двое успели убежать по распадку, где их, как и было велено, положили стрелами. Еще пятерых, сразу ткнувшихся мордой в грязь и вопивших о пощаде, взяли живьем. Эйнар досадливо дернул углом рта, разглядывая перепуганных подонков, которых его новобранцы, гордясь собой, связали и притащили к капитану. Ну точно как щенки, радостно несущие брошенную палку. Лучше бы этой пятерке подохнуть в бою. Вот и стервятники припомнились...

— Господин капитан! Господин капитан! — заголосил вдруг один из связанных, чумазый парень не старше Эйнаровых новобранцев, одетый по-местному — в кожаные штаны с курткой и полосатую домотканую рубаху. — Вы меня не знаете? Я же из деревни! Из Гарвии я! Отсюда, снизу! Я вдовы Вальдонии сын!

Вальдонию Эйнар помнил, старуха разводила гусей и делала неплохие подушки, охотно продавая их в крепость. Помнил и сына... Эйнар присмотрелся. Точно, он. Что ж, значит, все еще хуже.

— И что ты здесь делаешь? — спросил он для порядка, хотя все и так было понятно.

— Так брат у меня тут, господин капитан, — угодливо зачастил парень, пытаясь поклониться, чему мешали двое держащих его солдат. — Брат у меня с войны вернулся. Позвал вот... А я ж не знал! Не знал, что они разбоем промышлять думают! Я бы никогда, господин капитан!

— Где брат?

Сын вдовы пугливо оглянулся в сторону трупов, разложенных шагах в пяти, жалко скривился, всхлипнул разбитым носом. Ясно...

— Из Гарвии, значит, — неторопливо уточнил Эйнар, глянув на небо, где гасли последние лучи заката. — Еще здесь ваши деревенские есть? Или другие местные?

— Я, господин капитан, — подал голос второй, постарше и хмуро-настороженный, как волк, попавший в капкан. — Тоже... из Гарвии.

Остальные трое молчали. Один глядел куда-то вдаль, мимо Эйнара, еще двое потупились. Эйнар снова посмотрел на тела. Семнадцать человек. Молодых и не очень, но уж точно способных заработать чем-то, кроме грабежа на большой дороге. Ну, сдохли, — и к демонам их души. А вот тела... Хотя раз там были и гарвийские, значит, деревне их и хоронить.

— Идем в Гарвию, — велел он. — Этих пятерых — на одну веревку. Тибальд, покажи!

Пока Тибо показывал, как вязать на длинной веревке узлы-удавки, позволяющие пленным идти, но не брыкаться, Эйнар прошелся по лагерю. Заглянул в палатки, в хижину. Позвал Винсента, первым попавшегося на глаза, велел вынести к костру несколько вещей.

— Всем сюда! И смотреть внимательно! — велел он.

Новобранцы, столпившись у костра, в который подкинули поленьев для света и пламя ярко озарило полянку, мрачно разглядывали принесенное. Женские шали, теплые шерстяные и легкие шелковые. Край одной запачкан в чем-то темном. Понятно в чем. Взломанный сундучок, в каких хранят деньги и семейные ценности небогатые горожане. Несколько курток разного размера, женское платье, нарядное, но с подолом, разорванным до самого лифа, и испачканное в грязи. Деревянная миска, наполненная дорогими мелочами: гребнями, шпильками, бусами...

— Насмотрелись? — тихо спросил Эйнар. — Хорошо запомнили? Скоро пригодится. Как начнете жалеть или подурнеет — вспоминайте. Винсент, Рори, останетесь здесь под началом сержанта Мерри. Все вещи сложить в мешки, я их в хижине видел. Каждый мешок завязать и опечатать. Свечи тоже были где-то, растопите их на воск для печатей.

Он снял с пальца кольцо с печаткой коменданта, отдал Тибальду.

— Утром пришлю вам людей в помощь. А мы — в деревню.

— Осторожней там, — буркнул Тибо, решив вдруг вместо шута побыть нянькой. — Может, рассвета дождетесь?

— Ничего, дорога рядом. Сейчас луна выйдет, как днем станет.

Луна и вправду поднималась над горизонтом круглобокая, нагло-яркая и веселая, как богатая молодка на деревенском гулянье. Еще чуть — и зальет светом все вокруг. Эйнар вздохнул, махнул рукой и первым пошел по тропе, ведущей вниз, к деревне у подножья горы. Хорошо, что здесь расстояния не такие, как в степях. Под гору по знакомой дороге — часа через два они будут в Гарвии.

Он не ошибся — дошли как раз за это время. Ну, может, чуть дольше, и то из-за мародеров. Те плелись невесело, только вдовый сын все пытался забежать вперед, канюча, что не знал, не думал, не виноват, — пока Эйнар не велел ему заткнуться. Парень притих и дальше шел молча, перебирая ногами настолько быстро, насколько позволяла общая веревка.

А над Даглорскими горами висело серебряное блюдо луны, почти совсем круглое — до полнолуния был еще день. В детстве мать рассказывала Эйнару, что это окошко в другой мир, и умершие смотрят сквозь него на живых. Эйнар старался вести себя хорошо, чтоб отцу не пришлось за него краснеть... Но получалось у него это так себе. Если отец и вправду смотрел на него с небес, то только вздыхал, наверное, от непутевости единственного отпрыска.

В голову лезла всякая муть — лишь бы не думать о том, чем сейчас придется заниматься. Идя впереди, чтобы задать правильный шаг отряду, он первым увидел скупые огоньки деревни.

Здесь, как и везде в поселениях, ложились рано, разве что женщины допоздна занимались рукоделием при лучине, но за полночь легли и они.

Эйнар вышел на площадь и, дождавшись, пока пленников построят у королевского столба, ударил в висящее на нем било — большой медный диск с привязанной колотушкой. Собаки, и до этого провожавшие чужаков лаем, залились вовсе истошно. За прикрытыми ставнями окон начал тут и там теплиться свет, кто-то высунулся на улицу, позвал соседей — деревня просыпалась.

Эйнар терпеливо дождался, пока на площадь выбежал, подвязывая штаны, местный староста. Пока он, уразумев происходящее и охая, собирал деревню, двое солдат зажигали просмоленные факелы, по закону висящие у каждого королевского столба, и вставляли их в кольца-держатели. На площади стало гораздо светлее, но в кольце света оказались главным образом сам Эйнар, солдаты и пленники. Из приземистых каменных хижин вышли все: от стариков до детей, цепляющихся за материнские юбки и таращащих сонные глазенки. Эйнар дернул щекой, но убрать с площади детей не велел. Вместо этого он кивнул одному из новобранцев на било. Парень понятливо ударил — по площади снова разнесся густой звук, прекративший людской гомон.

— Люди Гарвии, — хрипловато начал Эйнар, постепенно набирая силу голоса. — Подданные его величества Криспина Третьего, да хранят его небеса! Я, Эйнар Рольфсон, комендант крепости Дракониус Зуб, привел сюда преступников, подлежащих королевскому суду. Эти пятеро — все, кто остался в живых из шайки убийц, грабителей, мародеров. Узнаете ли вы кого-то из них?

Деревня испуганно молчала. Где-то в толпе заныл ребенок — женщина шикнула на него, и тонкий голосок смолк.

— Узнаете ли вы кого-то? — снова повторил Эйнар.

— Это же я! — крикнул вдовий сын, шагая вперед, насколько позволила веревка. — Люди, это же я, сын Вальдонии!

Эйнар обвел глазами темную колышущуюся массу. Сам бы он не разглядел и тем более не узнал в толпе старуху Вальдонию, но деревенские расступились — будто вода отхлынула, обнажая единственный черный камень.

— Сыно-о-ок... — выдохнула вдова, валясь на колени. — Младший мо-о-ой... Да что же это... Прежде чем заговорить снова, Эйнар вспомнил миску с побрякушками и ворох шалей.

— Узнаете, значит. А этого? — кивнул он на второго гарвийца старосте.

— Пришлый он, — заискивающе ответил староста, поглаживая странно куцую бороденку. — В том году только пришел. Не наш...

— Если в том году, значит, ваш, — тяжело уронил Эйнар. — Вина их доказана, есть свидетели и улики. Как офицер короля приговариваю этих людей к немедленной смерти через повешение.

— Да как это? — истошно крикнул вдовий сын в оглушительной тишине после слов Эйнара. — Я же не знал! Не хотел я! Клянусь, господин капитан! Брат меня сманил!

— Брат виноват, значит? — тяжело и холодно повторил Эйнар. — И давно он тебя сманил?

Вдовий сын смотрел на него круглыми глазами, не соображая от страха, что ответить.

Мальчишка, щенок... Только из этого уже не вырастет честного пса: ни пастушьего, ни охотничьего, ни даже просто шавки, стерегущей дом и радующей детей. А чтобы из него не вырос волк или шакал, об этом придется позаботиться Эйнару.

— Господин капитан, господин капитан!

Вдова, уразумевшая его слова, рванулась вперед и рухнула к ногам Эйнара, пытаясь их обнять.

Он торопливо сделал шаг назад, велел:

— Поднимите ее. Быстро!

Ошалевшие новобранцы — эти тоже не ожидали, видно, что поход в деревню кончится казнью, — подхватили женщину.

— Господин капитан, — рыдала старуха. — Младшенький ведь он! Один остался! Это Ирек его сманил, демонское отродье, сизмалу от него толку не было, а теперь и брата загубил.

Помилуйте! Всю жизнь за вас буду богов молить, сколько хватит мне той жизни! Не оставляйте одну, господин капитан, не дайте пережить кровиночку!

На одно-единственное мгновение у Эйнара и впрямь мелькнула мысль оставить вдове сына.

Трусливый да пуганный — вдруг и впрямь возьмется за ум? Хотя будет кому приглядеть за старой. Но он не зря велел своим щенкам смотреть на испачканную кровью одежду и помнить.

— Женщина, — сказал Эйнар. — Как давно твой младший ушел из дома?

Старуха, рыдая, мотала головой, и Эйнар повернулся к старосте. Тот, чуя за собой и деревней немалую вину — им бы раньше предупредить о пришельцах да поучаствовать в облаве, — торопливо отозвался:

— Дней десять, как ушел он. Всего-то дней десять. Мы думали, на охоту подался парнишка. Кто ж знал...

— Кто знал... — снова повторил Эйнар, глядя на старосту в упор. — Ну-ну...

Глава деревни под его взглядом икнул и попятился.

— Вдова Вальдония, — снова повторил Эйнар, поворачиваясь к старухе, прекратившей рыдать и глядящей на него с безумной надеждой. — Шесть дней назад на перевале ограбили обоз. Два купца с возчиками да три семьи переселенцев. Их всех перерезали, как скот. С женщинами еще и потешились сначала. Только двоих детей один из переселенцев успел спасти. Мальчик утащил маленькую сестру в лес. Два дня они прятались, а на третий их нашли мои люди. Девочка больна, мальчишка рассказал, что случилось, и замолчал. До сих пор молчит. Ты боишься остаться одна, женщина? Хочешь взять себе этих детей? У них нет ни отца, ни матери. И твои сыновья этому виной.

— Го-го-господин капитан... — всхлипнула вдова.

— Я не повесил этих пятерых там... — опять заговорил громче Эйнар, — чтобы показать их вам. Чтобы каждый взрослый и ребенок запомнил и передал другим: вот что бывает с убийцами и мародерами. Наказание одно и для всех — смерть.

Он нашел взглядом высокое дерево — старый граб, растущий у края площади. Не будь его, пришлось бы использовать сам королевский столб — для этого на нем предусмотрительно имелись наверху особые скобы.

— Тимар, Искин, веревки. Узел-удавку вязать умеете?

Даже в темноте бледные, как рыбье брюхо, новобранцы замотали головой. Эйнар взял веревку, сноровисто завязал на ней пять палаческих петель. Не так, как настоящие палачи, конечно... И витков маловато, и вешать положено по одному...

— Чурбаки катите, — обратился к парням. — Живо, а то сами их за ноги держать будете. В толпе сначала тихо, потом все громче завывли женщины. Пятеро, так и стоящие понуро, повалились на колени. Один, тот самый вдовый сын, которого Эйнару хотелось приложить совсем другим имечком, да при исполнении нельзя, тихо скулил.

Двое новобранцев, испуганные обещанием, быстро раздобыли в чьем-то дворе не чурбаки, но длинную скамью. Что ж, пойдет. Эйнар велел перенести ее под дерево, прямо под нижнюю ветку. Сам, вскочив на скамью, закрепил веревку, обвив ее и спустив петли вниз. Ветка выглядела вполне способной выдержать пять тел. Спрыгивая, Эйнар незаметно для всех передернулся — спина между лопатками зудела, словно в нее целились.

Махнув рукой, он велел вести осужденных к виселице. Трое пошли обреченно, еще двое забились в корчах, завопили, мешая ругательства с мольбами.

Эйнар кивнул старосте и, дождавшись, пока тот подбежит, сказал нарочито громко:

— За то, что знали и не сообщили, да за своих двух дураков — похоронишь и этих, и остальных. Там они, в распадке. Ну, если не похороните, как положено, на неупокойцев мне потом не жалуйтесь.

— Слушаюсь, господин капитан, — тоскливо подтвердил староста, понимая, что дешево отделаes: комендант хотя бы не стал обвинять деревню в сообщничестве, а ведь добыча наверняка шла и сюда.

— Тварь! Гадина! — завопила нектати очнувшаяся вдова удивительно молодым голосом — отчаяние добавило ей сил. — Чтоб ты сдох! Чтоб тебя боги наказали! Чтоб тебе всю жизнь мои сынки снились! Чтоб ты сгнил изнутри!

Она кричала что-то еще, пока на шеи мародерам надевали петли. Потом двое солдат крепче рывком выхватили из-под их ног скамью — и пятеро тел повисли в воздухе. Ни хрипа, ни стонов. Эйнар вязал петли неказисто, но умело: несколько негромких хрустов от мгновенно сломавшихся шей слились в один. Только резко и гнусно запахло из-под тел — смерть от повешения красивой и чистой не назовешь. Кого-то из новобранцев вывернуло, но желудок был пуст, и парень только издал несколько кашляющих всхлипов.

— Смотри, капитан! — крикнул мужской голос из темноты за толпой. — Ходи да оглядывайся! На всякого волка стрела найдется!

Эйнар, не отвечая, кивнул — и вернулся к столбу. Староста суетился вокруг, уверяя, что это ничего не значит, что он прикажет найти да выпороть... Эйнар только отмахнулся: угрозы он слышал больше, чем иной жрец — молитв. Ночь началась нехорошо, продолжилась вовсе паршиво и заканчиваться пока не собиралась: его еще ждал путь в крепость. Ночной путь — задерживаться в Гарвии Эйнар даже не думал. Что ж, на этот раз стервятники промахнулись, не принесли особой беды, — сдохли только те, кому положено.

— Вот ведь... Кирпич... — услышал он за спиной свое прозвище, сказанное кем-то из щенков с угрюмым восхищением, но даже не обернулся. Пусть их, каждого офицера как-то зовут за глаза, и Кирпич — далеко не худшее, что могло к нему прилипнуть.

Глава 3 ЖАБЫ И ПРИНЦЕССЫ

Ло с трудом разлепила ресницы и подняла тяжелые веки. Во рту устроила сортир не какая-то банальная кошка, а самое малое рота лейб-гвардии — те еще говнюки, по общему мнению всех армейцев. Вдобавок эта самая рота теперь ходила вокруг уборной строевым шагом, печатая его с извращенной старательностью, и каждый удар подкованных сапог отдавался в висках и затылке Ло.

— У-убью, — простонал рядом Маркус. — А потом подниму из мертвых и опять убью! А потом...

Что некромант сделает потом, Ло не узнала, потому что парад в ее голове ненадолго прекратился, зато в дверь кто-то постучал. Стук был мелкий, быстрый, какой-то боязливый, будто стучавший и торопится, и боится разбудить спящих. Только тогда Ло вдруг поняла, что грохот до этого был не в ее голове, а самый настоящий — в парадную дверь особняка Бастельеро. Ну да, она заночевала у Маркуса, вспомнила Ло. Особняк Ревенгаров после отъезда Мелиссы пришлось заколотить ради экономии средств, а в гостиницу она и возвращаться не стала — зачем?

— Кого там демоны принесли? — откликнулся Маркус, пытаясь выпутаться из одеяла, застрявшего между постелью и стеной. Просто слезть с кровати у него не выходило, потому что с краю лежала Ло, а откинуть барготово одеяло с них обоих некромант то ли не догадался, то ли щадил ее стыдливость.

— Простите, милорд, — приглушенно послышалось из-за двери. — Их светлость лейтенант королевской гвардии и с ним два стражника, милорд. Очень настаивают, ми... Ай!

Судя по звуку, гвардейцы окончательно настояли на встрече — хм, не зря ей спросонья подумалось именно о лейб-гвардии — и забарабанили уже в дверь спальни.

— Именем короля приказываю открыть! — послышалось из коридора.

— Хамы, — сквозь зубы процедил Маркус, оглядываясь в поисках одежды. — Лакеи мундирные...

Вообще-то королевская гвардия при исполнении личного приказа его величества имела право беспрепятственного доступа в любой дом, но есть же приличия, в конце концов... Да и Маркус, как любой армеец, лейб-гвардию просто очень не любил.

— Шпага у кресла, штаны на столе, — подсказала Ло, поправляя свой край одеяла и по привычке расставляя приоритеты в пользу оружия. — Да открой ты им уже. И так всем все ясно.

Действительно, что уж тут непонятного — застать неженатую леди в спальне незамужнего лорда после совместно проведенной ночи. То есть наоборот, конечно... Ло поморщилась, запуская пальцы в волосы и слегка приглаживая их, чтобы не топорщились на висках, где пряди пока не отросли. Можно не сомневаться, еще до обеда весь двор будет знать. Стоило бы порадоваться: не станет же король домогаться женщины, что так явно не заботится о репутации. Только вот Мелли...

Маркус глянул на дверь и обреченно взмахнул рукой, делая пасс. Задвижка послушно выскочила из петли, дверь распахнулась, и лейтенантик лет двадцати едва не свалился на пол спальни, в последний момент удержавшись на ногах. Выпрямился и посмотрел с уморительной грозностью:

— Королевский приказ, лорд Бастельеро! Неподчинение строго карается!

— Неужели король приказал ворваться в мою спальню, испугать мою гостью и оскорбить меня? — зевнув, очень вежливо поинтересовался Маркус. — Простите, не поверю.

— Эм-м...

Лейтенантик стрельнул глазами в сторону Ло, потом — на ворох одежды, брошенный на туалетном столике. Несколько мгновений смотрел с недоумением — не иначе, пытался разглядеть платье. Увы, там только две рубашки и две пары штанов сплетались в непристойных объятиях, перекрученные, будто кто-то пытался завязать их узлом. Поверх вороха красовалось кружевное бюстье: Ло ненавидела спать в белье, каким бы удобным оно ни было. Лучшее лансийское кружево — это Маркус к выписке из госпиталя прислал ей все необходимое, потому что собственная одежда Ло и на тряпки не годилась, — блестело на солнце, две нежно-голубые прозрачные половинки соединялись посередине эмалевой кошачьей мордочкой... Глаза лейтенанта с трудом вернулись к Ло, и юнец мучительно покраснел. Ло недоуменно подняла бровь.

— Прошу прощения... миледи... Королевский приказ... Я обязан доставить вас во дворец! Немедленно!

— Прощаю, — хриплым спросонья и от похмелья голосом бросила Ло. — А теперь будьте любезны оставить нас.

— Я...

— Вы меня в таком виде доставлять собираетесь? — уточнила Ло. — Или полагаете, что я сейчас выскочу в окно, лишь бы не ехать во дворец?

— Я... нет, конечно...

— Выйдите, — уже утомленно попросила Ло. — Иначе мне придется одеваться при вас, чтобы не заставлять его величество ждать. Маркус, а ты останься. Мне понадобится твоя помощь. Когда всего через полчаса она спустилась вниз, глаза лейтенанта вылезли на лоб.

— Простите... миледи... вы собираетесь ехать в этом?!

— Боюсь, аудиенция у его величества стала для меня слишком внезапным счастьем, — чопорно сообщила Ло, одетая в собственные штаны, но чужую рубашку. Мужскую, разумеется, ибо свою она вчера залила вином, задев бокал рукавом после третьей бутылки из знаменитых винных подвалов Бастельеро, а других женщин, кроме прислуги, в этом особняке давно не было.

В плечах белая шелковая рубашка была ей изрядно велика, зато в поясе — Маркус не зря гордился своей фигурой — сидела получше. Широкий ремень с серебряными накладками, тоже позаимствованный у некроманта, окончательно спас положение и даже, пожалуй, отлично подходил к любимым армейским сапогам, узким, почти до колена и на небольшом каблучке. Камзолы друга Ло оглядела с жадным интересом, но решила не трогать, благо погода позволяла. И так получилось на грани приличий. То есть для боевой магессы — вполне пристойно, а вот для леди...

Лицо у лейтенанта стало совсем обреченным, но от радостного предложения Маркуса — заехать по дороге к мостике — он отказался.

— Если не вернешься, я возьму дворец штурмом, — шепнул ей на ухо некромант, целуя на прощание в щеку. — И помни: мое предложение в силе. Фамилия Бастельеро пойдет тебе еще больше, чем моя рубашка.

— Я подумаю, — легко соврала Ло.

До дворца они ехали в полном молчании. Ло и все еще краснощекий лейтенант — в карете с дворцовым гербом, двое верховых — по бокам, будто и впрямь боялись, что сопровождаемая может бежать. А во дворце ее сразу провели к королевскому кабинету, на этот раз не заставив ждать аудиенции. Лейтенант остался в приемной, Ло, надменно вскинув голову, переступила уже знакомый порог, поклонилась.

— Я нашел вам первого встречного, — вместо приветствия сообщил король.

Он сидел точно в той же позе, словно и не вставал из-за стола со вчерашнего дня. Только бумаги лежали иначе, да прибавилось несколько пергаментных свитков очень официального вида: длинных, с тяжелыми сургучными печатями на шнурах.

Подняв голову, король оглядел гостью. Задержал взгляд на рубашке — Ло злорадно улыбнулась про себя, — дернул уголок рта.

— Надеюсь, — с ядовитой ласковостью ответила Ло, — это нищий угольщик или корзинщик? Так ведь положено в сказках о свадьбе с первым встречным?

— Не надейтесь, — бросил король. — За угольщиков и корзинщиков выдают только принцесс, а вам, леди Ревенгар, это не по чину. Садитесь.

Он кивнул на свободное кресло перед столом, и Ло села, вызываясь закинув ногу на ногу.

— У вас настолько плохо с гардеробом? — поинтересовался король, немного помолчав.

— Ваше величество уже думает о моем приданом?

— Один-один, — вдруг усмехнулся король. — И хватит ярмарочного балагана. Вы не такая развратная дура, какой пытаетесь показаться. Рубашка, полагаю, принадлежит лорду Бастельеро? Ваш друг еще по Академии, вы служили вместе... Остановились у него?

Осведомленность короля неприятно кольнула тревогой. Впрочем, если уж за ней послали стражу в дом Маркуса, значит, знали, куда посылать. А это уже интересно, кстати. Следили? Лавиния молчала, благо король не задавал прямых вопросов, просто размышлял вслух.

— Что ж, думаю, вы не захотите неприятностей ни для него, ни для своей младшей сестры, — сухо констатировал он наконец. — Надеюсь, вы понимаете, что я говорил о вашем замужестве совершенно серьезно?

— Понимаю, сир, — процедила Ло, покачивая ногой и старательно глядя только на носок сапога. — Можно узнать, кто жених?

Насколько она помнила проклятый закон, который они с Маркусом вчера все-таки проштудировали в библиотеке особняка, особых лазеек там не имелось. А те, что были, наверняка предусмотрены сидящей перед ней сволочью.

— Достойный человек, разумеется. Комендант одной из моих крепостей. Лейб-дворянин...

Ах, вот оно что. Лейб-дворянство дается за личные заслуги перед монархом и имеет неприятную особенность — оно не наследуется. Чтобы получить полное кровное дворянство и передать его потомкам, награжденный должен подняться еще на одну ступень королевских милостей. Отличная морковка для некоторых ослов. Ну, или можно заключить брак с кем-то из истинных аристократов.

— Я слушаю, сир.

Ло лихорадочно перебирала в памяти все крепости, принадлежащие не определенному роду или клану, а королю лично.

— Его зовут Эйнар Рольфсон. Вольфгардец по отцу, но родился и жил в Невии. Служил в личной охране невийского тана, потом не поладил с ним и поступил в дорвенантскую армию, где выслужил офицерский чин. Тридцать пять лет, вдовец, имеет несовершеннолетнюю дочь, — мерно перечислял король по памяти. — Жена, приехавшая с ним из Невии, погибла два года назад. Через перевал, где стоит крепость, прошло племя урту-томгар. Лейтенант Рольфсон принял командование после гибели коменданта, лишился супруги, но был награжден за то, что отстоял крепость.

— А что еще он сделал за эти два года? — светски поинтересовалась Ло. — Если за ту осаду вы пожаловали ему чин капитана, то сейчас...

Историю урту-томгар она знала, разумеется, хоть и была в то время на другом конце страны. Дикое племя в несколько тысяч человек, обитающее на границе с валирийскими степями, вдруг снялось с места и пошло на поиски новых земель. Боги им так велели, что ли... В мирное время дикарей живо загнали бы обратно, однако страна воевала с Вольфгардом, и урту-томгар прошли окраинами королевства слишком далеко. За ними оставались разграбленные и выжженные земли: племя считало людьми только себя, а всех остальных — скотом или охотничьей добычей. Чтобы разубедить их, понадобилось всего два полка пехоты и пяток магов, но даже три недели промедления стоили королевству дюжины пограничных деревень. А остановили дикарей у подножья Даглорского хребта. Вот, значит, какая это крепость! Драканий Зуб на границе с Невией!

— Это вас не касается, — отрезал король. — Желаете ознакомиться с брачным контрактом?

— Разумеется, сир.

Ло протянула руку, приняла тяжелый свиток — как раз один из лежащих на столе. Ярмарка невест у него тут, что ли? И вдруг поняла, что все это происходит именно с ней. Это ее, Лавинию Корделию Антуанетту Жозефину Ревенгар, выдают замуж за человека, которого она в глаза не видела и видеть не желает! Урожденную аристократку в двадцати двух поколениях, главу одной из трех дюжин знатнейших семей Дорвенанта, боевого мага — за коменданта

паршивой, затерянной в северо-западных горах крепостушки. Простолюдина, которому бросили лейб-дворянство то ли в награду за службу, то ли в уплату за смерть жены. Ло стало душно. В висках застучала кровь, а ведь казалось, что зелье из запасов Маркуса надежно сняло похмелье. Она вдруг глупо, совершенно нелепо испугалась, что прямо сейчас проклятый осколок сдвинется — и все. «А может, это и выход? — шепнула подленькая мысль. — Не придется жить калекой, лишившись магии. Да и брак тогда точно не состоится...» «Ну уж нет, — зло оборвала Ло мысль-предательницу. — Не для того я выживала, чтобы сдаться так просто. Еще потрепыхаюсь».

— А комендант Рольфсон знает, что в качестве невесты получает подпорченный товар?

Ло развернула пергамент. Четко написанные строчки плясали перед глазами, буквы разбегались, как тараканы.

— Что именно вы имеете в виду? — уточнил король с каменным выражением лица.

— Всё, — криво усмехнулась Лавиния. — Начиная от моего нежелания выходить замуж и заканчивая перспективой в любой момент снова оставить коменданта вдовцом. Да и магесс не слишком охотно берут в жены. Нрав и репутация не способствуют.

— Вы уже не магесса. Поэтому нрав можно придержать, а репутацию — побережь.

Ло незамедлительно захотелось его убить. Или хотя бы ударить. Врезать, как человеку, ткнувшему в свежую рану, — изо всех сил и так же болезненно. Она невыносимо ярко представила зарождающееся в ладонях пламя: тугой пульсирующий сгусток огня, такой опасный, такой живой... Но внутри, где обычно радостно откликалась ее сила, было мертво и пусто — даже дыхание перехватило от осознания собственной беспомощности. А король безжалостно продолжил:

— С таким приданым я мог бы отправить под венец даже жабу. И без всяких гарантий, что она превратится в принцессу. С вами все обстоит гораздо лучше, вы хотя бы способны понять...

— Когда не стоит квакать? — криво усмехнулась Ло, поднимая глаза от контракта.

Гнев, мгновение назад пылавший внутри, сменился тяжелой ледяной ненавистью. За что с ней так? Только за то, что она отказала этой мрази в постельных забавах? Или за то, что уже не может защитить себя, вызвать если не уважение, то хотя бы тень страха в бесстрастных зеркальцах чужих зрачков?

Несколько мгновений они смотрели друг на друга. Взгляд его величества Криспина был совершенно непроницаем, словно Ло усталилась в два болотных омуты.

— Читайте контракт, — посоветовал король, явно поняв, что она не собирается опускать глаза первой.

Снова криво улыбнувшись, Ло глянула на пергамент — и только злость помогла ей сосредоточиться.

Сумма приданого была более чем пристойной. Ладно, даже щедрой. Коменданта Рольфсона король явно ценил, поскольку деньги предназначались ему, тут Ло не обманывалась. Она бежала взглядом по строчкам обычных условий: пристойное денежное содержание супруги, доля в приданое дочери от первого брака — ага, своих денег у северянина нет, — доли последующим детям... А это что? Условия расторжения?

Ло вчиталась внимательнее, насколько это было возможно. Если через три года у пары не появятся совместных детей, брак может быть расторгнут по желанию любого из них. Северянин остается наследственным аристократом с родовым именем Рольфсон-Ревенгар, как у младшей ветви, леди Ревенгар возвращает себе девичью фамилию, но титул главы рода переходит к ее младшей сестре. Лавиния же становится абсолютно вольна как в поступках, так и в решении о следующем замужестве. О да, с клеймом разведенной за бесплодие жены, без денег и титула! И что значит — титул переходит к Мелиссе? Королю понравилось выдавать замуж девиц Ревенгар?

— С пунктом о передаче титула не согласна, — она протянула контракт королю, но тот даже не глянул на лист. — Сломать жизнь еще и моей сестре я вам не позволю.

— Уверен, леди Мелисса легко найдет себе жениха и без моего участия, — равнодушно бросил коронованный гад. — Этот пункт предназначен только для того, чтобы обеспечить ваше... супружеское рвение.

Лавинию затошнило, в придачу к головной боли. Руки оторвать зельевару, у которого Маркус брал эликсир. Хотя, может, это предчувствие счастливого брака вызывает у нее такое блаженство?

— Супружеское рвение пусть проявляет муж, если ему нужны наследники, — парировала Ло. — От жены, как я понимаю, в этом деле достаточно терпения и послушания. Измените условие. Можете оставить передачу титула, но укажите, что Мелисса свободна от вашей воли в выборе супруга. Хватит с вас одной Ревенгар, ваше... величество.

Король молча взял свиток, который она так и протягивала, макнул перо и обвел спорный пункт жирной чертой.

— Это переделают, — спокойно согласился он, возвращая контракт. — Что-нибудь еще?

Но больше, как ни вглядывалась Ло в ненавистный документ, придаться было не к чему.

— А если я не проживу эти три года? — вдруг вспомнила она. — Или мой муж?

— Если смерть будет естественной — а я за этим прослежу, не сомневайтесь, — оставшийся в живых супруг признается честным вдовцом или вдовой с возможностью повторного брака по своему усмотрению. С сохранением прав всех детей, конечно же. Однако если один из супругов скончается меньше чем через год или потребует расторжения брака, все вернется к исходному положению дел: Рольфсон лишится титула, а я буду крайне недоволен вашей семьей, леди Ревенгар.

Ло на мгновение прикрыла глаза, чтобы тут же открыть их вновь. Что ж, по крайней мере, год им с будущим мужем нельзя поубивать друг друга... Она начала опасаться, что может упасть в обморок, словно изнеженная дева, слишком туго затянувшая корсет. Вот позору будет. Уж лучше пусть ее вывернет на королевский ковер! Правда, тогда неминуемо подозрение в беременности и еще больше слухов. А она не может позволить себе ни слухи, ни строптивость — ради Мелиссы. А что может? Ну, например, повести себя так, чтобы за три года у коменданта не появилось желание проявить это самое... рвение. Если Рольфсон окажется разумным человеком, то, возможно, с ним удастся поладить? Три года они друг друга перетерпят, а потом пусть комендант остается с ее приданым и титулом, а Ло... получит свободу! Неужели желанная лазейка!

— Конечно, пока контракт не подписан, а брак не заключен, вы всегда можете передумать, — невозмутимо напомнил король. — С вами поедет мой стряпчий, чтобы сопровождать невесту и передать приданое. У него приказ: если брак не состоится, вернуть вас в столицу как можно быстрее. И мы продолжим увлекательный разговор о первых встречах и... других возможностях избежать супружеских уз.

— Не дождетесь. Где подписать?

— В крепости Драконий Зуб. Жена ставит подпись после мужа, — растянул губы в холодной невеселой усмешке король. — Привыкайте к супружескому этикету, леди Ревенгар, для обычных женщин это важное умение. До отъезда неделя, все это время вы будете моей гостьей. Можете не благодарить, это меньшее, что я обязан для вас сделать.

— Всего лишь гостьей? — презрительно подняла бровь Ло.

— Запирать дверь спальни не обязательно: я понимаю слово «нет», когда это не кокетство, а твердое решение. Так что — гостьей. За неделю вам подготовят гардероб и соберут в путь обоз. Ло мимолетно пожалела портных, если король и к ее гардеробу подойдет с той же мерзкой занудностью.

— Покидать дворец вы можете только в сопровождении охраны, — размеренно продолжал король. — И исключительно по делам подготовки к браку и поездке. Портные, магазины... Если желаете помощи кого-то из подруг, можете их позвать. Насколько я помню, родственниц, кроме сестры, у вас нет.

— Подруг тоже. А моя сестра? Я могу с ней увидеться?

— Она в загородной резиденции вместе с моей женой. Королева слаба здоровьем, ей полезен воздух соснового бора... За леди Мелиссой пошлют.

— Я могу навещать друзей? — закинула Ло удочку, не особо надеясь на успех.

— Мужского пола? — с легкой брезгливостью уточнил король. — Не думаю, что это уместно. И, уверен, помощь лорда Бастельеро в выборе женских штучек вам не понадобится.

Ло как раз в этом уверена не была — в моде Маркус разбирался гораздо лучше нее, — но смолчала, чтобы не навлечь на друга опалу. Некромантия — редкий дар, и ее обладателям традиционно прощалось многое, но Маркус и так слишком часто ходил по краю, шокируя общество выходками, от невинных проказ до дуэлей со смертельным исходом.

— Итак, — подытожил король, — полагаю, мы договорились. Прислать вам моего целителя? У вас не слишком здоровый вид.

— Благодарю, обойдусь, — изобразила Ло улыбку, больше похожую на оскал. — До заключения брака я постараюсь дожить и так, а в остальном целители мне бесполезны. Я могу идти, сир?

— Можете.

Король позвонил в колокольчик.

— Увидимся перед вашим отъездом, — пообещал он, как и в прошлый раз, утыкаясь в бумаги. Уже не лейтенант, а обычный лакей проводил Ло до гостевых апартаментов, почтительно предложил обед, ванну, помощь горничной и все, что будет угодно миледи.

— Ванну, — устало сказала Ло. — Через полчаса. А сейчас — письменный прибор, чашку отвара из мяты с ромашкой и не беспокоить.

Ей нужно было написать Маркусу, чтобы и вправду не наделал глупостей. Со штурмом друг хватил лишку, но, даже реши он просто навестить ее во дворце, может получиться плохо. На доставленный прибор и дымящийся чай Ло посмотрела мрачно: хотелось не травок, а еще вина. В крайнем случае капустного рассола. Ее мучило от состоявшегося разговора, от собственной слабости и беспомощности, от грядущих перемен и прошлого, которое не желало выпускать, душило тяжелыми грязными лапами, постоянно напоминая, что она никто. Нищая леди, утратившая дар магичка, нежеланная невеста — что может быть более жалким даже по отдельности, а уж вместе! И этот унизительный договор!

Она — часть награды! Племенная кобыла в придачу к деньгам и титулу! Бантик на подарке! Да чтоб им обоим, и королю, и этому коменданту, сдохнуть!

Ло до боли закусил губу, пытаясь выдать хоть немного магии. Хоть искорку! Не огненный шар, не полноценное плетение аркана, но хотя бы отзвук на зов — услышать, что магия не мертва.

Застыв посреди комнаты, она закрыла глаза, иступленно вслушиваясь в тишину внутри себя. Ни-че-го. Сухой колодец, пожарище, бездонный провал... Хотелось плакать, но слезы не шли, будто тоже иссякли. Только было очень больно и горько. И в который раз подумалось: не напрасно ли она выжила? Что хорошего ее ждет впереди? И как же ей вспомнить, что на самом деле случилось там, в проклятом всеми богами Руденхольмском ущелье? Что превратило ее в огарок прежней Ло Ревенгар — Стального Подснежника?

Маги неопределенно пожимали плечами, целители отводили глаза, королевский следователь допытывался о каждой мелочи, но сам на вопросы не отвечал. И Ло казалось, что она попала в бесконечный морок, из которого так и не смогла выбраться. Что, если все происходящее ей снится в предсмертной агонии, пока тело лежит в развалинах Руденхольмской крепости?

Ло передернула плечами и схватила перо — хоть как-то отвлечься от кошмара наяву.

* * *

Эйнар в который раз перечитывал по-казенному скупые и сухие строки письма. Пакет королевской канцелярии, вскрытый без должной почтительности охотничьим ножом и оттого с неровным рваным краем, валялся на столе. Эйнар три раза проверил печати, надеясь, что это все-таки чья-то безмерно дурацкая шутка. Хотя не представлял, у кого хватит безмозглости баловаться с королевской печатью. Нет, письмо было настоящим. И, значит, все в нем написанное — тоже.

Отложив тонкий лист дорогого пергамента, Эйнар поставил локти на стол, оперся лбом о ладони и долго сидел, пытаясь понять, что ему делать. Отказаться от непрошенной чести? Это оскорбление королевской воли! Или нет? Да, он подавал прошение, чтобы пожалованное лейб-дворянство распространилось и на его дочь как единственную наследницу. Даже указывал, что в таком случае готов отказаться от него сам — как посоветовал стряпчий, составлявший бумагу. Мол, в таком случае в столице отнесутся к просьбе благосклоннее, увидев не жадность и дерзость, а просто желание обеспечить будущее дочери.

Но брак по королевскому сватовству! Жена — леди! Да что он будет с ней делать здесь, где ни балов, ни лавок, ни достойных ее подруг? Чем думал король, навязывая ему такое сватовство?

Хотя, конечно, не сам же король озабочился поиском жены для коменданта пограничной крепости? Настолько Эйнар дураком не был. Нет, его прошение наверняка попало в лапы обычных канцелярских чинуш, а те... Поразмыслив, Эйнар решил, что шуткой канцеляристов это тоже быть не может, опять же из-за печати. Но и представить женщину благородного происхождения рядом с собой у алтаря не мог. Вот не выходило, хоть ты тресни по швам!

Эйнар глухо застонал, с ненавистью глядя на письмо.

Еще утром жизнь казалась простой и понятной. Он вернулся из клятой деревни, мечтая облиться горячей водой, поесть и завалиться спать. С первым и вторым получилось, а вот с третьим пришлось обождать, как обычно. Тибальд исполнил распоряжение о мародерской добыче в точности, мешки уже стояли в кладовой, но теперь надо было срочно писать донесение в Дайхольм с просьбой прислать стряпчего для описи. Второе донесение надо было писать о казни мародеров. По всем законам Эйнар был прав, конечно, но обязанности составить бумаги это с него не снимало.

А еще были дети: захворавшая лихорадкой девочка и мальчишка, смотревший волчонком, разве что зубы не скалил. Пока о ребятах заботилась Молли, и больную все равно нельзя было трогать, но лекарь Лестер уверял, что болезнь не опасна, малявке только нужно отлежаться в тепле и покое. А потом что с ними делать-то? Дети — круглые сироты, родственников у них тоже нет. Мальчишка, во всяком случае, на вопрос о них мотал головой и отводил взгляд. Оставить при крепости? Лишнего куска да одежки не жалко, но дети вырастут... Да и вдруг их кто-то все же ищет? А в сиротском приюте несладко.

Эйнар застонал про себя, решив хотя бы заботу о приبلудышах пока оставить на потом. Сейчас главное — королевская то ли милость, то ли гнусная шутка. Он, Эйнар Рольфсон, — и жена-леди! Написать и отказаться, пока не поздно? Дальше Драконьего Зуба все равно не сошлют — некуда. И из комендантов вряд ли разжалуют...

Так ничего и не придумав, он сложил письмо, сунул его в пакет и отправился в лазарет, к Лестеру. В молодости старый армейский лекарь закончил целых пять курсов магической Академии, пока не вылетел, дойдя до пределов способностей. Значит, был человеком образованным, в чем Эйнар неоднократно убеждался. Мог иногда помочь с составлением особенно заковыристой бумаги или подсказать, как вести себя с приезжим чиновником из штатских. Вдруг и сейчас чего-нибудь сообразит?

Еще на совет стоило позвать Тибо. Образованием сержант похвастаться не мог, зато был очень неглуп и по-житейски сметлив. Втроем они что-нибудь да измыслят. Письмо жгло карман, будто Эйнар в него раскаленных углей сдуру насыпал. Леди... Да не нужна ему никакая леди! Надменная, изнеженная, брезгливая... Насмотрелся он на них, хоть и издалека — бывал в городах. И уж точно Тильде не нужна мачеха. Девочке и так тяжело, она до сих пор плачет ночами, разве может кто-то заменить ей мать?

И, как всегда, воспоминание ржавым ножом полоснуло по сердцу. Спускаясь по лестнице во двор, Эйнар даже скривился от внезапной боли и отвращения: какая-то высокородная дура займет место Мари? Будет жить в ее комнате, спать в их с Эйнаром постели, может, даже копаться в вещах... Эйнар стиснул зубы: он уже ненавидел самозванку. Не надо ему никакого дворянства, и Тильда без него обойдется, только бы никто не лез равнодушно и жестоко в их с дочерью горе. Как же все-таки избавиться от нежданной и такой ненужной королевской милости? Это только в сказках принцессы выходят замуж за солдат и живут с ними счастливо. А в их семье в сказки не верит даже Тильда.

Глава 4 БЕЛЫЙ ШЕЛК И ЧЕРНЫЕ РОЗЫ

Вот уже четвертый день Ло пребывала в состоянии тихого холодного бешенства. Его величество Криспин, долгих ему дней жизни и умертвие каждую ночь под одеяло, явно не считал возможным отправить подданному жабу, не завернув ее в подарочную обертку. Поэтому в отведенных Ло комнатах дневали и ночевали модистки, кружевницы, чулочницы и башмачники. Хвала Пресветлому Воину, хоть от парикмахеров удалось отвертеться: за полторы недели пути к Драконьему Зубу рассыпалась бы любая прическа, да и соорудить ее из коротких прядей было более чем затруднительно. Пожилой мастер только сокрушенно пощелкал ножницами и покачал головой, сообщая Ло, что изрядная часть волос у нее не белая, а седая — и это в цвете блистательной юности!

Ло пожалла плечами: никакой особой разницы она даже в зеркале не видела — белые и белые. Ну, может, стали еще сильнее отливать металлом, да и то надо присмотреться и помнить, какими они были раньше.

От модисток так просто было не спастись. Они никак не желали понимать, что леди Ревенгар едет не в загородный замок или хотя бы приличный провинциальный городок, где три-четыре раза в год устраивают балы, а в крепость. На границе! Да, в горах, где холодно, ветрено и никто не оценит турнир на драгоценном китовом усе. Уже потому не оценит, что Ло его наденет исключительно под угрозой смертной казни, да и то подумает.

Когда удалось вбить это в головы швей, дело пошло веселее. Ей сшили несколько вполне удобных платьев из тонкой шерсти и льна, отыгравшись за простоту фасона на отделке: столько кружева, расшитых золотом и серебром вставок, пуговиц и меховой оторочки Ло не видела на своей одежде никогда. Глядя в зеркало при очередной примерке, она с отвращением убеждалась, что видит перед собой именно то, от чего всю сознательную жизнь пряталась сначала за мантией адепки, потом за армейским мундиром: не слишком красивую и совершенно бесцветную девушку. Скуластую, остроносую, прозрачно-бледную... Блекло-серые глаза, прямые светлые волосы — с какой только дури Маркус прозвал ее Подснежником? Девушка в зеркале, несмотря на все ухищрения модисток, больше напоминала выжженный солнцем сорняк, который рачительный садовник выдирал-выдирал, да так и бросил, не справившись с цепкой дрянью.

— Миледи нужно носить темно-синее, — почтительно подсказала девочка-швея, ползая вокруг Ло и что-то приметывая к подолу ее юбки. — А еще королевскую вишню и аквамарин...

При мысли о королевской вишне — густой вишневый цвет негласно считался принадлежащим монарху, его семье и фавориткам — Ло передернуло. Вишневый она бы надела разве что на собственные похороны. Ну, или на королевские — на такой знак внимания к усопшему Ло согласилась бы с удовольствием.

— Готово, миледи. Можно снимать, — прошептала девушка и добавила с благоговением: — Время мерить свадебное платье, миледи...

Ло стиснула зубы: свадебное платье было последним бастионом королевских модисток, на котором они решили погибнуть, но отправить невесту, сосватанную его величеством, к жениху во всеоружии. Женском всеоружии, разумеется!

Спору нет, платье было... красивым. Если кто-то мечтает утонуть в ворохе нежнейшего серебристого шелка, таких же серебряных кружев и лент, расшитых мелким жемчугом. Дивное платье! Изящное, небрежно-величественное, прекрасное каждым стежком и линией... Ло чувствовала себя в нем драгоценной фарфоровой куклой, которую страшно взять в руки, чтобы не испачкать или не сломать. То есть абсолютно, отвратительно бесполезной вещью!

Ее трясло от ненависти к этому платью, а приходилось делать вид, что оно ей нравится, — не обижать же модисток, которые со всем старанием сотворили действительно чудесную вещь. Утешало только то, что в крепости ее в этом не увидит никто, кроме гарнизона да ненавистного супруга. И если не к ночи упомянутый супруг не сумеет выковырять новобрачную из наряда, не запутавшись в шнурах и юбках, то, может, по-солдатски победит портновский шедевр с помощью ножа? Ло вот несколько бы не расстроилась!

— Вчера же мерили, — с трудом сдерживаясь, напомнила она. — И позавчера. И третьего дня.

— Но мы же на полпальца заузили корсаж, — захлопала ресницами девчонка в неподдельном удивлении, и Ло возвела глаза к потолку.

Увы, на потолке, расписанном нимфами и кувшинками, не нашлось никаких подсказок, как обычно. Ло вздохнула.

— Последний раз, — предупредила она. — И больше никаких переделок. Иначе пойду к алтарю в мундире. Имею право, между прочим! Как отставной офицер!

Швея поперхнулась воздухом, набранным для очередных уверений, что леди Ревенгар прекрасна и все такое. Хитро-наивные глаза наполнились искренним ужасом. Ло торжествующе улыбнулась, хоть и не была уверена, что данный пункт Устава касается женщин. Прецедентов с невестами в армейской форме она что-то среди высшего света не помнила...

— Мы можем померить чуть позже. Наверное, миледи хочет отдохнуть?

Ло подумала, что девушка далеко пойдет в своем ремесле: явно не дурушка и знает, когда надо сделать реверанс и исчезнуть. Вот и сейчас заторопилась, собирая обрезки лент и лоскутки шелка, белого, как на платье, но узорчатого. Из него и нежнейшего прозрачного батиста для Ло шили шапочку с фатой, усыпанную крошечными кремовыми розочками. «Выходить замуж в цветах невинности — какое лицемерие, — усмехнулась она про себя. — Если наряд выражает

суть невесты, то мое платье должно быть пропитано кровью и запятнано гарью от воротника до подола».

Модистка тихонько испарилась, и Ло осталась одна, досадуя, что едва не сорвалась на девочку. А все бессонница. После госпиталя сон восстановился, но, как оказалось, ненадолго. Напрасно, конечно, она отказалась от королевского лекаря, по полночи ворочаясь в удобных прохладных просторах постели. Бессонница не отпускала, а когда удавалось забыться, сны приходили тревожные и тяжелые.

Ло обняла себя руками за плечи, хотя в комнате было тепло, почти душно. Начало ранней осени в столице выдалось ласково-мягким, а во дворце вдобавок уже давно протапливали небольшие печи, нарядно обложенные изразцами. Но ее знобило изнутри, словно вокруг все еще были каменные, вечно стылые стены Руденхольмского Гвоздя. Холод и сырость из крошечной крепости над горной рекой не уходили даже летом. А теперь и подавно не уйдут — ибо спать Руденхольму до скончания веков под злыми водами Рудена...

Она встряхнула головой, отгоняя внезапную слабость и гадостное чувство беспомощности, недоуменно посмотрела на собственные пальцы, сложенные в аркане набора силы. Тело никак не хотело смириться с тем, что магия, текущая через него столько лет, вдруг исчезла. Тело хотело привычной мощи и защиты... Ло закусила губу — и тут в дверь постучали.

— Войдите! — позволила она, пряча руки в складки платья — пальцы все никак не хотели слушаться, им было так легко и уютно в привычном положении.

— Цветы для миледи!

Мальчишка-паж внес небольшую корзинку, заученно поклонился, и Ло радостно вскинулась: Маркус! Пора бы уже другу и объявиться. Конечно, она сама ему написала, чтобы не беспокоился, но все-таки скучала. Маркус Бастельеро был единственным человеком, которого она действительно хотела видеть. И просто поговорить, и чтобы все-таки расспросить некроманта о том проклятом дне.

— Благодарю, милый, — улыбнулась она, и мальчишка, снова поклонившись, убежал.

Ло шагнула к поставленной на стол корзинке и вдруг замерла. Что-то было неправильно с букетом, но она слишком отвыкла от придворного этикета подарков и прочих глупостей вроде языка цветов. Ах, георгин означает утонченность, а бузина — сочувствие... Лет в четырнадцать и под присмотром строгих дуэний это, разумеется, бесценно, да только дуэньи знают такие хитрости лучше самих подопечных. Ло же в четырнадцать лет, как и несколькими годами раньше или позже, до темноты в глазах зубрила гримуары и растягивала пальцы, чтобы бросить аркан на полмгновения раньше соперника. И уж совсем идиотским на языке цветов выглядело собственное прозвище, когда Подснежник еще и близко не именовался Стальным, а был всего лишь Подснежничком — и то лишь для Маркуса и пары друзей-адептов. Аконит или лишайник — еще бы куда ни шло. Но боевому магу именоваться воплощением чистоты и невинности?

Она скривилась, осторожно делая шаг к корзине. Дурацкая шутка. Слишком дурацкая и мерзкая для Бастельеро — некромант никогда не прислал бы ей подобного. Не подснежники, вовсе нет. Розы. Роскошные черные розы, обвитые белыми шелковыми лентами, совсем как те, что норовили пришить на каждый дюйм ее свадебных уборов модистки.

Ло протянула руку, почти дотронулась до бархатных черных лепестков — и отдернула пальцы. Магическое чутье, которое раньше предупредило бы об опасности, молчало. Она беззащитна, как обычный человек, — пришлось напомнить себе в очередной раз. И если к розам прицеплена черномагическая дрянь, Ло и пискнуть не успеет, как свалится в корчах. Уж работы Маркуса она насмотрелась до кошмаров.

Но кто? Черные розы — смерть, прощание, ненависть... Кто может ненавидеть ее настолько сильно? За что?

Ло судорожно вздохнула, мучительно раздумывая: послать за дворцовым магом или плюнуть на приказ короля, вылезти в окно и рвануть в особняк Маркуса. Розы устроились в корзинке уютно, словно гадюка на солнцепеке, — жирные, полностью распустившиеся, бессовестно и порочно роскошные. Вот пышные венчики шевельнулись... Ло отпрыгнула! Хотела закричать, выбежать из комнаты — и не успела! Сотни тугих черных лепестков взлетели вверх, кружась, словно жуткие мотыльки, и опустились на свадебное платье, растянутое рядом со столом на вешалке.

Ло, задохнувшись, замерев, как перед разъяренной змеей, смотрела, как лепестки оседают на корсаж, рукава и юбку, исчезая, словно бесследно впитываясь, не оставляя ни пятнышка на

холодной невинной белизне шелка... Иллюзия! Хвала Пресветлому, всего лишь обманка... Ло глянула, переведя дух, — в корзине торчали сухие венчики совершенно обычных роз, темно-красных, кажется. Из-под ломких серо-бурых листьев виднелся конверт.

Несколько мгновений поколебавшись, она взяла письмо. Если бы действительно хотели убить, то навели бы чары на цветы — чего уж проще. От проклятья на розах она бы уклониться не успела, а теперь-то что? Может, кстати, и не успела?

Распечатавая конверт, Ло тоскливо прислушалась к себе. Нет, никаких признаков магического поражения, доступных не-магу, она не чувствовала. Неизвестный ублюдок ограничился пугающим намеком — и посланием. Простой белый листочек, ничем не надушенный, обычные темно-синие чернила, размашистый легкий почерк. Ло прочла послание, затем медленно перечитала, и еще раз...

Три строчки издевательски шептали вкрадчивым незнакомым голосом:

«Леди Ревенгар, этой зимой погода в окрестностях Драконьего Зуба исключительно вредна для вашего ослабленного ранением здоровья. Советую предпочесть королевскую немилость и не покидать пределов столицы. Ваш искренний друг».

Не ехать на север к будущему супругу? Ло яростно стиснула в пальцах бумагу, едва замечая, что комкает ее. Она и сама смертельно хотела бы остаться в Дорвенне, но... теперь слово «смертельно» приобретало несколько иной смысл, зловещий и тем более заманчивый. Кто-то очень не хочет, чтобы она отправилась к коменданту как-его-там? Отлично! Она поедет!

Поедет, и пусть хоть сам Баргот с его тридцатью тремя демонами встанет у нее на дороге — им же хуже! Если только... — Ло нахмурилась и бережно расправила листочек — это не ловушка, чтобы заставить ее как раз уехать. Боги, как же ей нужен хороший совет!

Убрав листок обратно в конверт, а конверт — в поясную сумочку, Ло дернула за шнурок колокольчика, вызывая прислугу. Плевать на мнение короля, ей срочно нужен Маркус. Здесь дело посерьезнее, чем выбор бюстье для соблазнения коменданта.

* * *

Ни Лестер, ни Тибо так и не смогли посоветовать ничего дельного. Выслушали в полном ошеломлении, Лестер задумчиво подергал себя за короткую седую бородку, Тибо, у которого в каморке собрались подальше от любопытных глаз и ушей, покачал головой и вытащил из личных запасов бутылку карвейна. Карвейн был не просто крепким, но и хорошим, уже по одному этому можно было понять, насколько близко к сердцу Тибальд принял беду своего капитана.

— А может, обойдется? — сказал он сочувственно, протирая края стаканов рукавом. — Ну, жена, и что? Не тебя ж замуж выдают, а ее.

Эйнар мрачно глянул, едва не подавившись куском ветчины, но Тибо продолжил:

— Ей, поди, и самой неохота будет сидеть в нашей крепости. Постоите у алтаря, брачную ночь перебудуете, да и разбежитесь. Ты здесь останешься, она опять в столицу укатит, только и дела, что кольцо на пальце.

— И зачем мне такая жена? — хмуро поинтересовался Эйнар. — И я ей зачем?

Но от сердца слегка отлегло. И правда, если ему от неизвестной леди нужен только титул, да и то не для себя, а для дочери, значит, ей тоже что-то нужно. Хотя вот вопрос — что?

Этим вопросом он и поделился, закусив скользнувший в горло жидким огнем карвейн.

— А чего тут долго думать? — хмыкнул Тибо. — Под венец за первого встречного бегут, когда грех прикрыть надо. Кроме честного имени, с тебя и взять-то нечего. Э, капитан... Ты чего! Стакан поставь!

— Шлюха, значит? — процедил Эйнар, которому такое — прав Тибо, считающий его честным дурнем, — в голову не пришло. — Ну-ну...

Он глянул на стакан, который едва не пронес мимо бутылки, зацепив ее рукавом, поставил его на стол.

— Да может, и нет! — тут же осадил назад Тибо. — Мало ли... Сирота, может, вот и пристроил его величество девку. То есть леди...

— Это бывает, — подтвердил Лестер. — По королевскому сватовству невесте приданое положено, для некоторых сирот это за счастье. Ты сначала поговори с ней, Эйнар. Расспроси,

что да как, добром... Думаешь, ей сладко в нашу глухомань да неизвестно к кому? Как зовут ее — знаешь хоть?

— Ревенгар, — буркнул Эйнар. — Имени не помню, оно пышное такое: Лови... Лаве... Нет, не помню.

— Ревенгар... — протянул Лестер. — Что-то знакомое... А напишу-ка я паре знакомцев в столицу! Глядишь, хоть узнаем, с чего она за тебя пойти согласилась. Ревенгар... Вот так и вертится! А что — не помню.

— Зато я, кажись, помню, — проговорил Тибальд голосом, которого Эйнар у него давненько не слышал и очень не любил. — Ревенгар, значит? Ох, барготова мать нас побери!

* * *

Маркус примчался так быстро, словно сидел дома и ждал ее письма с просьбой о помощи. Возможно, действительно ждал, свободного времени у него было сейчас много. Получив почетную отставку, лорд Бастельеро найти новое место службы не соизволил, пробавляясь частными заказами, которых у некромантов всегда предостаточно. Удивительно, сколько человек хочет выяснить судьбу потерянных семейных ценностей или раскрыть давние тайны. Ло всегда полагала, что тревожить покой мертвых допустимо только по очень веским причинам. Узнать имя убийцы, например. Но нет... Маркус как-то рассказал, что самой выгодной клиенткой в его практике была некая вдова, шесть раз выходившая замуж и неизменно всякий раз сообщавшая об этом первому покойному мужу, «чтобы знал, скотина, какой прекрасной женщине портил жизнь».

Но это все были шуточки, а сейчас Маркус выглядел убийственно серьезным. Молча собрав сухие стебли, он отнес их зачем-то к окну и пару минут, стоя спиной к Ло, работал с уликой. Потом вернулся и пожал плечами:

— Никакого следа тьмы, никаких вредных чар. Даже если делал маг-малефик, злого умысла не было. Погоди, я еще платье гляну. Красивое, кстати...

— Если при экспертизе оно случайно сгорит, я не обижусь, — сообщила Ло, сидя на диване и наблюдая за работой некроманта со стороны. — И кто это может быть?

— Подснежник, — вздохнул Маркус, добросовестно исследовав свадебный наряд и признав его невинным и безопасным, — ну как же я тебе скажу? Вот если бы чары были темные, то по почерку мага я бы что-нибудь сообразил. А иллюзию, сама знаешь, любой адепт Академии наведет, кроме совсем уж бесталанных. Ты сама что думаешь? Кому настолько сильно наступила на ногу?

Развалившись в кресле, он дотянулся до очередной чашки с травяным отваром, сиротливо тоскующей на столе, понюхал содержимое, попробовал и, скривившись, вернул лекарство на место.

— Кому угодно, — мрачно призналась Ло. — Вот никаких мыслей. Маркус, меня три года не было в Дорвенне. Старые проказы давно забылись, да и не делали мы ничего такого... Достойного пожелания сдохнуть. Ненавидеть меня должны вольфгардцы, но они точно не пришлют черные розы. У них клановый кодекс чести, а по этому кодексу мы достойные враги. Разве что на дуэль могут вызвать, да и то после перемирия с этим непросто.

— Верно... — рассеянно подтвердил Маркус. — Ло, это не старые долги. Это что-то новое. Других странностей не было?

— Сколько угодно. Моя свадьба — это нормально, по-твоему?

Ло широким взмахом руки обвела вешалки с платьями и короба с прочим приданым, занимающие большую часть комнаты. Маркус невозмутимо пожал плечами.

— Свадьба — это вообще ненормально, — изрек он, но шуточный тон не вязался с тревогой в глазах. — Ло, ты так ничего и не вспомнила?

— Ох, не начинай снова. Хватило мне королевского дознавателя.

Ло поморщилась, взяла со стола ромашковый отвар и одним махом выпила, остро осознавая бесполезность этого действия: такие безобидные травы ей давно уже не помогали успокоиться. Еще и остыло...

— Нет, я ничего не вспомнила, — проговорила она, сплетая пальцы на колене. — Я бы даже эти барготовы кошмары потерпела, если бы в них снилось что-то дельное, а то ведь сплошная бессвязная дрянь.

— Какая дрянь?

Ло мученически возвела очи к уже знакомой наизусть росписи на потолке.

— Бессвязная, говорю же. То последний штурм Гвоздя, то я тону в Рудене, то вообще просто темнота и звезды разноцветные. Большие такие звезды, яркие...

— Звезды... И это все?

Кого-то другого она бы давно послала на аудиенцию к Барготу и его матушке, но Маркус имел право спрашивать. Потому что это он, не дождавшись возвращения боевых магов, рванул вопреки всем приказам в портал и вытащил полумертвую Ло. К башне Гвоздя уже подступала вода, ледяная злая вода Рудена...

— Все, — буркнула Ло. — Маркус, ну не помню я. Силой своей... то есть чем угодно клянусь, — болезненно скривившись, поправилась она. — Вспышку помню, когда нас накрыло. Арчибальд закричал, тонко так, истошно... Я первой сознание потеряла, а они...

Ло содрогнулась, но упрямо продолжила, уставившись на колени:

— Они горели изнутри, выгорали дотла, понимаешь? Если бы... если бы я не слила резерв накануне...

— Ты ни в чем не виновата, — тихо и очень убежденно сказал Маркус. — Ло, ты не виновата, что осталась жива. Никто не мог знать, что вольфгардцы применяют такое. Они же никогда не использовали боевую магию. Ведьмачью — да, но не наши боевые арканы.

— Ждали момента, значит, — невесело усмехнулась Ло. — Все эти разговоры о воинской чести, о клановой доблести... Они выждали момент — и ударили. А я нарушила устав, потому и спаслась. Случайно...

— Ты нарушила устав, чтобы спасти человека, — напомнил Маркус. — Ло, милая, мы столько убили на этой войне. Ты имела право спасти хотя бы одного. Ты никого не предала тем, что выжила.

— Я нарушила Устав, — упрямо повторила Ло. — Мы должны были держать резерв на максимуме во избежание непредвиденных случайностей. Чтобы защитить взрыватель и активировать его в нужный момент. А я слила большую часть резерва на спасение этого мальчишки. Маркус, я ведь даже не видела его потом. Я даже не знаю, наш он был или вольфгардец, понимаешь? Он так обгорел... Форма почернела и влеклась в тело... Пресветлый, он обгорел совсем, как Этьен, только Этьен — сразу, мгновенно, а этот был жив и кричал, пока еще кричать мог...

Она склонилась еще ниже, почти уткнувшись лицом в колени, и Маркус пересел к ней, обнял за плечи, погладил по голове, как маленькую.

— Ло, милая моя, девочка... Ну прости, родная. Я не хотел беречь...

— Я ничего не помню, — измученно сказала Ло, — а ведь хочу вспомнить больше всего на свете. Нет, больше всего я хочу вернуть свою магию. А потом найти тех, кто убил Арчи с Колином, и убить их тоже. Маркус, это безумие?

— Для боевого мага? Для мага вообще? Или для простого человека? Ло, ты права во всех трех случаях.

Он обнимал ее так крепко и вместе с тем нежно, от него пахло хорошими мужскими духами, алхимическим кисло-горьким дымом и, совсем немного, самим Маркусом, здоровым молодым мужчиной. Значит, ее письмо выдернуло некроманта прямо из-за работы, и он кинулся сюда, даже не приняв ванну и не сменив рубашку. Ее Маркус, верный, заботливый, всегда готовый примчаться и спасти. Только вот теперь он ровным счетом ничего не может сделать.

— Я виновата в том, что нарушила устав, — тихо продолжила Ло. — У целителей дежурил совсем еще мальчик-адепт, ему не хватало сил. Он плакал, глядя на этих, последних... Я слила ему свой резерв досуха и сидела рядом, пока один мальчишка лечил другого. Будь она проклята, эта война... Я думала, что успею восстановиться, и вообще, нас же было трое! Трое дежурных магов, как и положено. Никто даже не узнал бы, что я такое сотворила. А они ударили! И волна не сожгла меня, как остальных, а только выжгла каналы...

— И поэтому ты очнулась и смогла активировать взрыватель! — рявкнул Маркус. — И выполнить приказ! Хватит, Ло! Хватит выедать себе душу, слышишь? Если б ты погибла вместе со всеми, вольфгардцы вошли бы в Руденхольм! Тебе надо благодарить Пресветлого, что ты слила резерв, поняла? Иначе...

— Нет, Маркус, — устало покачала головой Ло. — Благодарить — не могу. Да, я его взорвала. Но как? Дознаватель спрашивал, а я сама не могла ничего ему сказать. Как я активировала проклятый взрыватель, если на это нужна была магия? Я же... я просто не могла! У меня не было ни капли силы...

— Значит, немного осталось. Всегда остаются какие-то крохи, даже если полностью выкладываешься. Ло, ключ от взрывателя был у тебя в ладони. Ты лежала рядом с передатчиком. Я сам тебя вытаскивал, тут не ошибешься. Больше некому было, понимаешь? Ло глубоко вздохнула, собираясь с мыслями. Все, что говорил Маркус, было абсолютно логично и потому правильно. Никто не мог воспользоваться ключом, кроме тех трех, на кого он был настроен, — команды боевых магов Ордена. Даже любой другой маг. Ключ привязывали трижды: на кровь, на магию и на индивидуальный отпечаток души — во избежание предательства или ошибки. Арчибальд Леруазен, Колин Вестфален и Лавиния Ревенгар — лучшие из лучших...

— Но кто-то же ударил меня ножом, — еле слышно сказала она. — Маркус, кто это был? Арчи и Колин погибли, у караула внизу вообще не было доступа в башню, а я... Ладно, пусть я очнулась и каким-то чудом выполнила приказ... Но кто ударил меня ножом?

Резко и мучительно остро заныла спина. Шрам под лопаткой, совсем узкий, почти незаметный... Ло знала, что болеть у нее ничего не может — рана давно зажила, даже оставшийся внутри осколок притаился, ничем себя не выдавая до поры. Старик Эверард, лучший целитель Ордена и Избранник Милосердной Сестры, утешал, что маленькая стальная смерть может уснуть навсегда, затянувшись плотью, врасти в тело и стать безопасной. Повезло же Лавинии Ревенгар, герою Руденхольма, выжить после такого ранения? Может повезти и во второй раз по воле Благих Богов. Главное — беречься от потрясений, как физических, так и душевных.

— Не знаю, Ло, — эхом отозвался Маркус, на мгновение прижимая ее крепче, с какой-то иступленной тоской или виной. — Если бы я тогда пришел раньше...

— Ты и так пришел, хотя не должен был. Ладно, хватит... поминок. Просто...

Ло мягко высвободилась из его объятий и продолжила:

— Это не вольфгардцы, я уверена. Зачем бы им писать про моего жениха, в конце концов?

— Чтобы ты осталась в столице, и до тебя было легче добраться? — предположил Маркус, поправляя кружевные манжеты.

— Нет, это местный стиль. Наш, столичный. Язык цветов, иллюзия, даже письмо это. Думаешь, вольфгардец назвал бы себя моим другом? У них ведь как? Произнесенное или написанное слово получает силу клятвы. Это не они.

— Да, пожалуй, — задумчиво согласился Маркус. — И что ты решила?

— Не знаю. Меня мучает мысль, что этим письмом от меня чего-то добиваются. Только вот чего?

— А что, если тебе и вправду остаться?

Маркус был очень серьезен и сосредоточен, как перед тяжелым заклинанием или дракой.

— Я ведь не шутил, Подснежник. Я глава своего рода, ты тоже. Если поженимся, нам никто ничего не может сделать. Даже королю придется смириться. Ну, отлучит от двора, это мы переживем. А ты уедешь в мое поместье под Дорвенной, пока я с этим разберусь.

— То есть спрячусь за тебя? — прошипела Ло. — Считаешь меня настолько беспомощной? Раз я лишилась силы, то ни на что больше не годна?

Слезы, так долго сдерживаемые, навернулись на глаза. От кого-кого, а от Маркуса она не ожидала. Он запрет ее в поместье под охраной, а сам начнет искать неведомо кого...

— Ло!

Она вскочила и заметалась по комнате — рвущаяся наружу ярость требовала хоть какого-то выплеска.

— Нет уж! — остановившись, выплонула она. — Никакого поместья! И никакой женитьбы! То есть нашей... Этот ублюдок не хочет, чтоб я ехала на север? Прекрасно! Правда это или нет, но я поеду! И тогда ему придется сделать очередной ход. А ты... ты...

— Ради Темной Госпожи, Лавиния... — простонал Маркус, от отчаяния называя Ло полным именем, что делал крайне редко, когда сам злился. — Не сходи с ума!

— Ты pomoжешь мне собраться? — в упор глянула она на друга. — Маркус, я не могу заказать лейб-аптекарю те лекарства, которые мне нужны.

— Хорошо, Подснежник, — сдался, как всегда, Бастельеро: — Все, что пожелаешь...

Глава 5 ДОРОГА В ПРИГРАНИЧЬЕ

— Вы что, про Руденхольм не слыхали? — напоказ удивился Тибо, чуть ли не раздуваясь от важности. — Ладно, Лестер за своими клистирами света не видит, а ты-то, капитан?!

— Слыхали, — скупо уронил Эйнар, который и вправду слышал что-то такое пару месяцев назад, но война с Вольфгардом от Драконьего Зуба прошла в стороне — и хвала

Пресветлому. — Рассказывай уже, не томи.

— А я и не слышал, — подтвердил никогда не обижающийся лекарь, подрезая ветчину на общее блюдо со сноровкой человека, для которого скальпель привычнее ложки. — Разве что в Академии читал про ущелье, да то когда было.

Когда Тибальд переставал придуливаться, от него можно было ждать чего угодно. Например, хорошего знания вещей, случившихся давно и далеко, но вдруг оказавшихся важными. Тибо был кладезем историй — необходимое свойство для отрядного шута и балагура. Многие считали его недалеким и легкомысленным, но не Эйнар.

Вот и сейчас Тибо сдвинул кувшин и начал возить пальцем по лужице карвейна, все-таки выплеснувшегося из стакана Эйнара. Темная жидкость растеклась по гладко струганной столешнице, и Тибо изобразил что-то, похожее то ли на пару воронок, то ли на песочные часы.

— Вот это — Руденхольмское ущелье, — пустился он в объяснения. — Лет двести назад Руден тек так высоко, что по нему только на лодке сплавиться можно было, да и то если с головой не в порядке. Потому что тут вот, в Глотке Баргота, — он показал на самое узкое место, — течение было сами понимаете какое. А потом тогдашний король Дорвенанта велел магам отвести воду, и они устроили вроде озера вот тут... — палец нарисовал большое пятно рядом с верхней частью воронки. — Руден обмелел, а у Дорвенанта получился прямой путь через горы в Дильмах и дальше к вольфгардцам. Дорога по склону над Руденом вышла все равно узенькая, но для купцов с легкими повозками годилась, а с нашей стороны для таможенников построили махонькую крепостушку — Руденхольмский Гвоздь. Аккурат вот тут, на склоне. Был я там как-то, дыра еще та. Одна каменная башня да несколько домишек, как ласточкины гнезда... Ну, когда заваруха с Вольфгардом дошла до того, что никто не мог верх взять, клановые поставили всё на Руденхольм. Договорились с княжеством Дильмах, которое вроде было само по себе, и те пропустили несколько полков северян к ущелью. Подойти-то они подошли, да в Глотке Баргота и застряли...

— Про создание озера над Руденхольмом я читал, — вставил Лестер. — В истории магии. Там пол-ордена работало... Молчу-молчу, давай дальше.

— С нашей стороны к Руденхольму войска подвести можно было, но толку? — серьезно продолжил Тибальд. — Правильной битвы там не устроишь, места мало, вот и заваливали ущелье то камнями, то телами — уж как получалось. Почти полк горных егерей там лег, пока вольфгардцы ломались, а потом Орден прислал магов, аж целую барготову дюжину, и стало нам полегче. Для Вольфгарда это был последний способ закончить войну быстро, они и так увязли в ней по уши, вот и штурмовали как оголтелые, а наши отбивались, пока какая-то светлая голова не придумала, что, если что-то когда-то осушили, можно ж обратно затопить. Только людей вывести надо было, а как? Выведешь войска — Вольфгард пойдет следом.

— Ну? — не выдержал Эйнар.

— Не нукай, капитан, — укоризненно глянул Тибо. — А то главного не поймешь. Магов к этому времени уже поменьше стало, кто-то погиб. Но они держали оборону, а сами пробрались к озеру и заложили там какой-то хитрый магический заряд. Чтoб уж рвануло так рвануло. И портал поставили из Руденхольма прямо в столицу, чтoб отвести людей. Все это быстро сделано было, чтoб вольфгардцы не прознали... Два полка, уже не егерей, а простой пехоты, они увели, но сами полегли почти все. А когда солдаты ушли, тут-то орденцы и должны были подорвать заряд и пустить Руден в ущелье. Три мага специально для этого остались: двое мужиков и одна девка-магичка.

— Женщина — боевой маг? — усомнился Эйнар.

— И не просто боевой, а один из лучших, — назидательно поднял мокрый палец Тибо. — Да только что-то там пошло не так. Вольфгардцы, язви их барготова мать, тоже использовали магию — и положили двоих из трех. Мужиков как раз... А девка живучая оказалась, добралась до этого их заряда — и пошел Руден в Руденхольм, заливать Барготову Глотку.

— Тибо, ври, да не завирайся. Вольфгард боевую магию за бесчестье считает, — не выдержал Эйнар. — Не могли они здешней магией... А ведьмаки, сам говоришь, туда прорваться не успели.

— Что они могли, а чего нет, — парировал Тибо, — это ты у жены спросишь, капитан. Потому как если все сходится, то эта твоя невеста — как раз и есть та самая магичка Лавиния Ревенгар, что осталась в живых одна из тринадцати. И выходит, что миром с Вольфгардом мы изрядно ей обязаны, потому что после Руденхольма клановые поняли, что мы им все-таки не по зубам, и прислали парламентариев. Ну, понятно, Криспин тоже отказываться не стал...

— А ее, значит, в благодарность — замуж? За меня?

Эйнар махом опрокинул треть стакана и вдруг успокоился. Все это чем дальше, тем больше напоминало дурной сон. Пока смотришь — все ясным кажется, а проснешься — и сам не поймешь, как такое в голову пришло. Не могла его жена быть еще и магичкой, притом героиней войны. За такое король должен был не замуж ее выпихивать в пограничную крепость за бывшего наемника, а... Тут Эйнару воображение отказывало. Орден дать, наверное, земли какие, раз титул у нее уже есть. А если уж замуж — то за такого же лорда, мало ли их. Не саму магичку взяли бы в жены, так положенную к ней королевскую милость.

— Бред! — решительно заключил он. — Значит, это не она. Может, у нее сестра есть или кузина. Или племянница какая...

— Или тетюшка семидесяти лет, — подсказал с откровенной жалостью смотрящий на него Тибо. — Вот хорошо было бы. Женился, через годик похоронил... А если в брачную ночь постараться, то и сразу. С молодой-то намучаешься. Магички — они горячие...

— Тибо! — одернул его Лестер. — Придержи помело! А ты, Эйнар, шел бы спать... Сами всё скоро узнаем.

Эйнар молча поднялся из-за стола, который почему-то качнулся. Нет, это качнулись стены...

— Ох я, старый дурак, — вздохнул Лестер. — Да и ты, болтун, не лучше. Он же со вчерашнего утра на ногах. Ну, Эйнар, пойдем, я тебя уложу. Поспишь здесь, а Тибо у меня ляжет.

— Я... домой... к дочери... — упрямо отозвался Эйнар, пытаясь удержаться на ставших вдруг тяжелыми и непослушными ногах.

— Много ей от тебя такого радости, — вздохнул старый лекарь. — Ложись уж, найдется кому присмотреть за Тильдой. Давай-давай...

Вдвоем с предателем Тибо, присоединившимся к Лестеру, они почти силой уложили Эйнара, лекарь укрыл его одеялом. Эйнар пытался открыть глаза, но они сами закрывались, а в темноте перед свинцовыми веками плясали всполохи и кружились девицы в пышных ярких платьях, так что Эйнара почти стошнило, но он удержался. «Жена-магичка? Этого не может быть, потому что просто быть не может», — очень умно утешил он себя и уснул, гордясь собственным рассудком.

* * *

Маркус хотел проводить ее, но Ло запретила. Хватило ей вечера накануне отъезда, когда некромант принес заказанные зелья и кучу пустяков, о которых она не подумала, вроде изящного несессера со всем необходимым, от расчески и платков до освежающего волосы зелья. Еще несколько свертков и коробок он велел слугам уложить в багаж, туманно отозвавшись, что это пригодится в крепости.

Ло было не до сборов. Она отчаянно не хотела ехать, но что-то гнало ее вперед, словно прищипленную лошадь. В этот последний вечер Маркус был против обыкновения тих и скован, ей тоже не хотелось болтать, так что они просто посидели у камина молча, как могут только очень близкие люди. Он не спрашивал, почему рядом с Ло нет Мелиссы, и это тоже было хорошо, ведь Ло не смогла бы ответить.

С Мелиссой... все было сложно. Учась в Академии, Ло видела ее только дважды в год на зимних и летних каникулах. Она приезжала домой, в обветшалый тихий особняк, с подарками, на которые полгода старательно собирала деньги из скромной стипендии. Мелисса встречала старшую сестру с восторгом, а Ло радовалась тому, как тоненькая, голенастая, словно щенок-подросток, девочка меняется и расцветает. Мелисса была красива, у Мелиссы были не просто прекрасные манеры, но и живое милое обаяние. Даже фамильная бледность Ревенгаров только придавала ей особенную нежность и утонченность. И Ло была свято уверена, что сестре непременно повезет при дворе.

Потом Ло уехала к первому месту службы — отбывать ту самую стипендию и содержание за годы учебы. Обычная практика среди магов, которым семья не могла оплатить обучение, — Орден сочетал заботу о молодых адептах с разумной бережливостью. Мелисса, как они и решили на семейном совете, состоящем из двух девиц Ревенгар, старшей и младшей, отправилась ко двору. Ло пришлось заключить контракт на пять лет вперед, но она разом погасила долг за учебу и достойно собрала сестру. Друзья отца оказали протекцию, королевская чета вспомнила, что Ревенгары, пусть и обедневшие, входят в Три Золотые Дюжины родов Дорвенанта, — и Мелисса попала в число личных фрейлин королевы. Большая честь! А главное — полное содержание...

Потом, не успевшая отслужить по контракту и пары месяцев, случилась война. И, когда Ло растирала сведенные напряжением и болью пальцы, чтоб не подвели в нужный момент, или мечтала закрыть глаза, чтобы не видеть дело рук своих, она вспоминала Мелиссу. И упрямо думала, что зато у сестренки, нежной, тихой, доверчивой, уж точно все будет хорошо. А теперь Ло вернулась. И, когда Мелисса примчалась из загородного королевского дворца, все должно было быть прекрасно! Ну, хоть ненадолго, пока Ло не уедет... Они должны были наговориться всласть, забравшись под одно одеяло, как в детстве. Ло хотела расчесать чудесные белокурые волосы Мелли и пить с ней горячий шамьет, подсовывая друг другу самые вкусные конфеты и сваренные в меду сливы... Когда все пошло не так? Неправильно, странно, до боли обидно.

Наверное, когда Мелли увидела платье. То самое, свадебное. На все остальные она смотрела с восхищением, но как-то сдерживалась, только щебетала чуть громче обычного и суежилась вокруг Ло, упрямившая померить то и это. А вот свадебное надеть даже не предложила. Перед жемчужно сияющим атласным чудом Мелли замерла, как птичка перед змеей, глядя заворуженно, с мгновенной безнадежной влюбленностью.

И ведь Ло сама понимала, что высшая несправедливость — тратить это платье на нее: худую до болезненности, изможденную после госпиталя, коротко стриженную и блеклую от кончика слишком длинного носа до тонких пальцев, все время беспокойно мнущих что-то. Пальцы настойчиво пытались вернуть ощущение горячих упругих потоков, пронизывающих все вокруг, но бесполезно, и Ло старательно прятала их или следила за неподвижностью, но все равно постоянно забывала. Со стороны это, наверное, выглядело то ли смешно, то ли жутковато, словно вязальщица нащупывает невидимые спицы и пытается накинуть на них такие же невидимые нити.

А на Мелли платье смотрелось бы просто невероятно. Она в нем была бы прекрасна так, что глаз не отвести, Ло знала точно. И изнемогала от невозможности поделиться с сестрой хоть чем-то из богатого приданого, которое ей самой было совершенно не нужно. Увы, нарядные платья, тонкие шерстяные и шелковые чулки, теплые и легкие накидки ей не принадлежали — это была всего лишь обертка для королевского подарка. И каждая пара чулок была тщательно сосчитана и внесена в опись. Ведь Ло теперь и сама не принадлежала себе. Объяснять же это Мелиссе оказалось бесполезно — сестра попросту не слышала. Ей, второй дочери в семье, выйти замуж по королевскому сватовству казалось милостью небес. Да она хоть сейчас бы с радостью заняла место Ло под венцом с кем угодно — главное, чтобы в этом платье...

Ло грустно улыбнулась, глядя на суматоху вокруг кареты так равнодушно, словно к ней все это никак не относилось. Бедная глупышка Мелисса... Что ж, она подрастет и поймет. Девочке всего семнадцать, она никогда не была свободна в выборе нарядов, нельзя быть к ней слишком строгой. Но объяснять Маркусу, почему сестра не осталась ее проводить, а на следующий же день заторопилась во дворец, сославшись на обязанности, Ло не собиралась.

— Вы готовы, миледи? — обратился к ней стряпчий, назначенный королем в сопровождение. Мэтр Тюбуи, худой и носатый, в суконном черном сюртуке и белой крахмальной манишке похожий на аиста, вызывал у Ло не отвращение, но неприязнь уж точно. Нет, он держался безукоризненно вежливо, но даже не холодно, а с полнейшим равнодушием. Мэтр Тюбуи видел в ней дорогой и способный доставить хлопоты груз, который следовало довести в целостности и сохранности от его величества коменданту Рольфсону. Это не просто раздражало — у Ло в глазах темнело от бессильной злости. А впереди были две недели пути и одна карета на двоих, где она сможет уединиться только на краткие минуты утреннего и вечернего туалета. Баргот поберей этого стряпчего! Или помоги, Пресветлый, его не убить...

— Разумеется, — бросила она точно с таким же равнодушием.

Стряпчий бросил взгляд на ее личную укладку, закрепленную под днищем кареты, и на бесстрастном лице появилась тень неодобрения. Видимо, по его представлениям, говорящей и двигающейся вещи под названием «леди Ревенгар, невеста, одна штука» иметь багаж не полагалось. Мало ли что она там скрывает и какие от этого могут быть неудобства! Интересно, а в списке груза она сама числится под номером один или где-то ближе к концу?

— Извольте сесть в карету, миледи, — сухо, одним кивком, поклонился стряпчий. — Я присоединюсь к вам позже.

— Да хоть бы и никогда, аист засушенный, — дождавшись, пока стряпчий отошел, тихо пробурчала Ло, запрыгивая в карету и чувствуя себя, словно в клетке.

Ну, ничего, посмотрим, кому в дороге придется хуже. Что-то подсказывало, что мэтр не относится к числу заядлых путешественников. Иначе он бы понял, почему Ло наотрез отказалась ехать в платье с корсетом, заявив, что лучше отправится голой, чем сменит штаны и рубашку на «приличный леди наряд». Зато он пытался навязать ей горничную. Рыхлая сдобная девица и на багаж, и на стряпчего, и на саму Ло смотрела коровьими глазами с одинаковым тоскливым ужасом. Ло с мстительным упрямством заявила, что карета и так слишком тесна, а верхом девушка ехать не сможет, разумеется. Придется ей, леди Ревенгар, в дороге обходиться собственными силами — справлялась же она как-то все эти годы там, где до горничных было дальше, чем до позиций противника.

Ло выглянула из окна, в последний раз оглядев пыльный двор, мощный крупными плоскими камнями, глухие стены тыльной стороны дворца, чахлые кустики, отделяющие каретный двор от конюшни. «Слов нет, как романтично, — злобно подумала она. — Сказка просто...

Трепетная невеста спешит к нетерпеливому жениху, дюжину умертвий ему под одеяло. Надо было выпросить в дорогу парочку любовных романов — было бы хоть чем запустить в стену кареты с тоски».

* * *

Дорога оказалась даже большим испытанием, чем она могла предположить. Хотя мэтр, к удивлению Ло, проявил себя полезным и ненавязчивым попутчиком. Он безропотно убирался из кареты по малейшему намеку, равнодушно терпел шипение Ло и быстро выучил, что по утрам ее не следует трогать до первой чашки шамьета. Причем шамьет должен быть горячим, густым и сладким настолько, чтобы ложка стояла и дымилась!

Примерно через неделю Ло признала про себя, что с молчаливым и незаметным стряпчим ей повезло, о чем не преминула сообщить самому мэтру: мол, если он решит сменить род занятий и устроиться горничной, она даст наилучшие рекомендации. Мэтр сухо поблагодарил, не дрогнув ни единой черточкой лица, и продолжил читать какую-то книгу, пользуясь короткой роскошью дневного света. Ло с сожалением присудила ему еще одно очко за выдержку и продолжила думать о своем.

Что действительно было отвратительным, так это скука днем и дурные сны ночью. Никогда ей не приходилось так надолго оказываться в отчаянном безделье! Раньше она бы посвятила внезапный досуг отработке или составлению арканов. Вспомнила бы самые удачные комбинации, случившиеся в бою, разобрала их на составляющие, прикинула, как улучшить, а то и попробовала во время утренней и вечерней остановки. Но раньше она и ехала бы, скорее всего, не в карете, а верхом, в мужском седле, подставляя лицо прохладному осеннему ветру, фыркая над шутками солдат и поглядывая по сторонам с настороженным интересом. Раньше... Раньше она бы не позволила себе каждую ночь просыпаться от темного липкого ужаса, заполняющего каждый уголок ее снов подобно черному, резко и дурманно пахнущему меду, который пчелы собирают с гнилых плодов. Этот ужас не то поднимался изнутри, не то приходил извне, и Ло барахталась в нем, видя всегда одно и то же. Разноцветные звезды-семилучевики. Как и зачем символ Ордена попал в ее кошмары, она не знала, но целитель-душевед с умным видом сообщил, что так выражается тоска по утраченной силе. Тоска была, с этим не поспоришь, и Ло приняла объяснение. Лучшего у нее все равно не нашлось.

Она украдкой покосилась на руки, смиренно сложенные на коленях. На указательном пальце все еще виднелся след от единственного украшения, что она носила, — перстня с рубиновой звездочкой. Такие Орден по традиции дарил всем выпускникам, отличался только цвет камня, у каждого факультета свой. Семь факультетов — семь специальностей — семь цветов магического спектра. Ее рубин, знак боевого мага, был кроваво-красным, горячим, и внутри него всегда билась в такт сердцу Ло крошечная искра... Она оставила перстень Маркусу — не

могла больше видеть мертвый камень. Но и продать ставшую теперь обычной драгоценность рука не поднялась. Что ж, пусть лежит на черный день. Вместо него она скоро наденет фамильный женский перстень Ревенгаров из обручальной пары, которую везет для обряда мэтр Тюбуи.

Но почему все-таки звезды разноцветные? Если дело в утраченной силе боевого мага, им следует быть красными!

Карета мерно качалась на рессорах, лошади шли превосходной размеренной рысью, и Ло откинулась на мягкое сиденье, почти не чувствуя боли в спине. Так, тянуло немного... Да и то скоро совсем заживет, как наперебой обещали лекари в госпитале, пока она с мучительной тянущей жаждой замечала их травянисто-зеленые живые звезды-камни. Не хотела, но те сами бросались в глаза! Нет, что-то не сходилось в предположении того душеведа.

Вздохнув, Ло постаралась выкинуть магический спектр из головы — хватало более важных тем для размышлений. Например, как она все-таки смогла активировать ключ от взрывателя? Какие там остатки силы? Да она выгорела изнутри так, что даже каналы спеклись — Ло поморщилась, представив черную, выжженную изнутри сеть силовых каналов, как на учебном пособии. Аркан Медеоса — лучшее средство против мага, потому что обращает против него собственную силу. Чем больше силы, тем мощнее удар. Идеальное средство против трех боевых чародеев, оставшихся на дежурстве у ключа и накачанных силой до предела резерва.

Только вот противник никогда не использовал боевую магию. Северяне-вольфгардцы жили по жесткому кодексу чести, в котором боевая магия Дорвенанта прямо относилась к недостойным воина уловкам и отрицалась напрочь. Лекари, погодники и артефакторы в Вольфгарде были, но не боевики! Даже их ведьмаки творили магию совсем иную, основанную не на чистой божественной силе, но на изначальных природных эманациях. А чары Медеоса — это даже не огненную сеть слепить, чтобы пугнуть вражескую кавалерию, Они требуют совершенного мастерства и огромной силы. Откуда же у них взялся боевой маг, способный на Аркан Медеоса такой мощи? И, главное, как он оказался в укрепленной охраняемой башне за спинами чародеев Дорвенанта?

Ло нахмурилась, восстанавливая в памяти расположение комнат. Пост был ровно посередине второго этажа, на первом дежурила пара солдат. Не для охраны — уж трое таких мастеров боевой магии могли защитить себя лучше, чем рота гвардейцев. Нет, эту пару оставили просто на посылах. Затопить камин, разогреть нехитрый паек или сварить шамьет лордам и леди... Что случилось с этими двумя? Ло не знала... Она даже их имена и лица не могла вспомнить, а ведь должна была! Ладно, допустим, враг, кто бы он ни был, проник в башню. В конце концов, если это сильный маг, он мог использовать личный портал. Мог? Мог. Теоретически. Уж силы индивидуальный нестабильный портал требует куда меньше Медеоса, только умения и знания координат.

Он либо переместился сразу на второй этаж, либо прошел с первого, минуя солдат. Одурманил или убил. Неважно... И вошел в комнату с ключом. Там почти ничего не было... Ло скривилась — виски заломило болью, — но упрямо продолжила вспоминать. Стол посреди небольшого зала, там стояла подставка с ключом. Ключ... Цилиндрик в палец длиной. Взять, прижать палец к махонькой иголочке. Та уколется сама и либо подтвердит допуск, либо пошлет в кровь порцию мощного сонного зелья. Это Арчи предложил, чтобы не убить возможного злоумышленника, а оставить для допроса. Пресветлый Воин, да разве они верили всерьез в каких-то злоумышленников?!

Еще в комнате было три кресла. Два стояли у камина, Колин и Арчи коротали время за игрой в зернь, положив доску прямо на колени. Оба плутовали отчаянно, кости плясали так, что отлетали от доски и кружились между игроками, рассыпая искры... Лавиния с усилием вздохнула, проталкивая воздух в сжавшееся горло и запретив себе вспоминать лица друзей. А ее кресло стояло чуть поодаль, она пыталась наложить заплатку на штанину — та прорвалась на самом колене. Заплатке, конечно, полагалось держаться без ниток, на живую, но в практической артефакторике Ло всегда была очень плоха... Кусочек тонкой кожи морщился, норовил выползти из-под пальцев...

И снова тьма! Тьма накрыла все, что Ло должна, обязана была помнить. Сквозь тьму она слышала истошный крик, показавшийся бесконечным. Кажется, она сама тоже крикнула, и всё. Тьма и звезды! Проклятые семилучевые звезды! Может, следовало сказать о них дознавателю? Но тот и без того вытряхнул из целителей все, что касалось Ло. Каждое слово, каждое

движение, пока она валялась без сознания. Что преступного может быть в официальном символе Ордена?

— Ваша светлость...

— Что? — вскинулась она, недоуменно глядя на стряпчего, некстати оторвавшего ее от почти пойманной мысли. — Простите?

— Подъезжаем к постоялому двору, — терпеливо повторил мэтр Тюбуи. — Здесь можно отдохнуть под крышей.

— Ванна! — выдохнула Ло, прижимая пальцы к вискам, куда будто гвозди забивали. — Хотя... Ладно, бочка. Да хоть поилка для лошадей, лишь бы с горячей водой!

— Я учту ваши пожелания, миледи, — церемонно кивнул мэтр, и Ло содрогнулась, представив, что сухарь-стряпчий выполнит ее волю насчет поилки в точности. То ли из чудовищной пунктуальности, то ли из мстительности. Вдруг он... не такой сухарь, каким кажется?

— Будьте добры, — попросила она, изобразив любезную улыбку, но мэтр почему-то вздрогнул и поспешно уткнулся в книгу.

С поилкой обошлось. Для Ло нашли вполне пристойную бочку-купальню, и всего через час после приезда она нежилась в исходящей паром воде, куда молоденькая служанка плеснула травяного отвара. Судя по запаху, там точно была мята и что-то еще с медовым теплым ароматом.

Сидя в бочке по самую шею, хоть для этого и пришлось обнять колени, Ло шурилась, слегка шевелила руками, разгоняя горячую воду, и с вожделением думала, как сейчас она промоет волосы, высушит их, сменит белье на свежее и ляжет в постель. Пресветлый Воин и все его благие родичи, постель! На которой можно вытянуться! И которая — вот счастье-то — никуда не едет и даже не качается. Ло казалось, что даже бочка, стоящая на полу, мерно подпрыгивает на барготовых рессорах — так она привыкла за пять дней к дорожной качке.

Она выполнила свой план ровно наполовину. Отмылась до скрипа, но волосы не высушила, а только вытерла полотенцем. Усмехнулась зло и горько, спохватившись только, когда уже сложила пальцы для горячей воздушной струи. Даже такой мелочи лишилась... Как обходятся без этого обычные женщины? Привыкай, Ло Ревенгар.

Но все равно было чудесно. Ощущение чистоты от кожи, волос и одежды, новые тонкие чулки, рубашка... Ло села у окна, взяла расческу, запустила пальцы в подсохшие пряди. Комнату ей отвели с окном в сад, уже изрядно облетевший, но несколько поздних яблонь еще кучерявились листвою, закрывая окно, отчего днем в комнате было прохладно, а сейчас, после купания, даже холодно, пожалуй. Через пару минут у нее замерзли ноги, да и пол был мокрый, так что Ло с сожалением натянула сапоги. Потом взмахнула расческой раз, другой...

Звуки за окном сначала показались обычной ночной жизнью постоялого двора. То ли кошка мяукнула, то ли сыч заорал... Нет! Она прислушалась.

— Пу-у-устите... Не хочу... Не на-а-адо... Ай!

Ло распахнула окно раньше, чем успела это понять. Деревянная решетчатая ставня открыла сад, залитый лунным светом. Возле ближнего к окну дерева что-то копошилось. Темное, непонятное.

— Не на-а!

Тонкий крик захлебнулся. Как была, в рубашке, чулках и сапогах, Ло взлетела на подоконник, прыгнула в траву с высоты своего роста. Вскочила и кинулась к яблоне. Света от почти полной луны хватило, чтоб увидеть...

В последний момент она успела пожалеть, что не схватила что-то получше щетки для волос. Что-то или тяжелее, или острее. Ло изо всех сил ткнула ею в спину мужика, что тискал почти не заметную за его тушей девушку. Дождалась, пока обернется, и вторым ударом впечатала массивную серебряную щетку узким краем ему в переносицу. Мужик охнул, схватился за лицо. Подхватив край рубашки, Ло так же молча ударила его ногой в пах. Дождалась вопля и пнула в колено — под окованным носком сапога хрустнуло. Свалившись, мужик уже не орал, только катался по траве, мыча и сдавленно подвывая.

— Ми... ми... леди... — скулила девчонка, держась за яблоню.

— Ваша светлость! — укоризненно воскликнул мэтр Тюбуи, примчавшийся в сад еще раньше хозяина, Ло даже заподозрила, что стряпчий был где-то неподалеку. — Нельзя же так!

— Можно, — с глубоким удовлетворением сообщила Ло, оглядывая присутствующих. — И даже необходимо.

Мэтр стыдливо отвел глаза от ее груди, просвечивающей под тонкой тканью. Ло усмехнулась, представив, как смотрится со стороны в одной рубашке поверх чулок.

— Потаскуха приبلудная! — орал хозяин на служанку, которая часом ранее таскала воду в бадью для купания Ло, по два тяжелых деревянных ведра разом. — Ты зачем с ним в сад пошла?! У, шлюха... Запорю мерзавку, месяц не сядешь!

— Да я... — всхлипывала девчонка. — Он сказал... что леди яблок просит...

— Яблок, значит, — прищурилась Ло. — А ну-ка, милейший, оставьте в покое мою горничную.

— Чаво? — поразился хозяин.

— Ваша светлость! У вас нет горничной.

— Теперь есть, — сообщила Ло. — Потрудитесь завтра выдать ей жалованье за первую неделю вперед. И велите убрать этого борова, он стонет слишком близко от моего окна. Хозяин, купальню можно забрать, принесите вторую постель и подавайте ужин. На двоих. А ты, милочка...

Девчонка глядела на нее со священным ужасом, хозяин ловил воздух ртом, а мэтр — Ло начала проникаться к нему уважением — поклонился и исчез.

— Вещи есть? Собирай и переходи ко мне в комнату, — велела Ло.

Еще сильнее выпрямившись, она развернулась на каблуках и пошла к себе — через сад, по двору и на лестницу, надменно вскинув голову и старательно не замечая изумленных взглядов, провожающих полураздетую постоялицу. Внутри медленно отпускал липкий страх: она только сейчас поняла, что, оказавшись хоть один удар неудачным... Свалить ублюдка магией не вышло бы. А мэтр мог и не успеть. «Как обычная женщина... — звучал у нее в памяти голос короля. — Привыкайте...»

Глава 6 И ЖИЛИ ОНИ ДОЛГО И СЧАСТЛИВО...

С первого взгляда на невесту Эйнар понял, что все его мрачные предчувствия — сущие пустяки по сравнению с действительностью. Выбравшаяся из кареты светловолосая женщина в мужской одежде походила на леди не больше, чем сам капитан — на балованного придворного хлыща. Высокая и не столько стройная, сколько откровенно тощая, больше всего она была похожа на горную кошку, пережившую очень тяжелую зиму. Даже двигалась именно так: скудными медленными движениями, словно сил у нее осталось ровно на то, чтобы вцепиться кому-то в глотку.

Ступив на землю возле кареты, она первым делом посмотрела не на встречающих, а на солнце. Осеннее неяркое солнце, полускрытое низкими серыми облаками, цепляющими верхушку Орлиного пика. Прищурившись, дернула плечом, криво и совсем не весело улыбнулась краем рта и лишь тогда в упор взглянула на Эйнара, безошибочно выбрав его среди пяти-шести человек.

— Комендант Рольфсон?

Голос у нее для женщины тоже был низковат и с легкой хрипотцой. Эйнар смотрел на короткие белые волосы, собранные в небрежный пучок, на острые скулы и упрямый подбородок, светлые почти до прозрачности глаза, то ли серые, то ли голубые, он никак не мог разобрать.

— Леди... Ревенгар?

Поклон у него вышел неудачным, больше похожим на кивок и слишком резким. И тут же он подумал, как она будет отвечать реверансом в непристойно узких замшевых штанах вместо юбки или платья? Оказалось, никак. Потратив еще несколько мучительно долгих мгновений на его рассматривание, магичка вздохнула и угрюмо поинтересовалась:

— Могу я вымыться и отдохнуть с дороги?

— Разумеется, — спохватился Эйнар, досадуя на собственную тупость. — Тибальд, проводи. Ваш багаж принесут следом, миледи.

Ответив ему точно таким же кивком-поклоном, женщина молча пошла за Тибо, шагая слишком резкой и какой-то рваной походкой. Эйнар проводил ее взглядом и повернулся к остроносому человеку в глухом сюртуке темного сукна. Видно ворона по перьям, а стряпчего — по повадкам.

— Я мэтр Тюбуи, — представился тот. — Королевский стряпчий, сопровождающий леди Ревенгар согласно уложениям о порядке заключения брака по королевскому сватовству. Когда вам будет угодно приступить к обсуждению договора, капитан? Я готов предоставить соответствующие документы.

— А что, невесты это не касается? — слегка удивился Эйнар, потому что леди-магичка не выглядела безропотной куколкой.

— В данном случае — нет. Ее светлость может только одобрить договор. Или не одобрить.

Чего, я полагаю, не случится. Интересы ее светлости здесь представляю я.

— Вы все-таки тоже передохните с дороги, мэтр, — вздохнул Эйнар. — Мы вас ждали двумя днями позже, я сейчас уезжаю на заставу. Вернусь только вечером, тогда и поговорим.

— Настолько срочное дело? — в голосе мэтра, таком же гладко-суконном, как безупречный воротник его сюртука, проскользнул намек на неудовольствие.

— Очень, — соврал Эйнар и позорно сбежал.

На заставу он и в самом деле поехал — давно пора было отвезти туда теплых одеял, светильного масла для ламп, да и просто еды. Армейского пайка трем новобранцам и одному ветерану должно было еще хватить на пару недель, но если можно чем-то сдобрить приевшуюся кашу с солониной, то Эйнар не видел причин держать людей на одних казенных харчах. А в последнем «перевальном мешке», который купцы по нерушиму обычаю добавляли к таможенному сбору лично для солдат крепости, нашлась отличная свиная колбаса. А еще копченая рыба, горох и даже сушеные яблоки. Это на равнине яблоками зачастую кормят коров и свиней, здесь же они сойдут за лакомство. Эйнар снова вспомнил тоскливый, упрямо-загнанный взгляд магички-невесты и внутренне передернулся: тяжело ей будет, да и ему не легче. Если, конечно, в договоре не прописано, что муж и жена могут жить в разных местах. Вернувшись, он первым делом завернул в лазарет и велел Лестеру собрать для балбесов на заставе лечебный припас — один из троих молодняк ухитрился сбить ноги сапогами, и потертости начали нарывать. Второй маялся животом, но клялся, что не ел ничего такого. Но это всё были заботы мелкие, пустяковые, а вот идти на ужин отчаянно не хотелось.

— Тибальда позови, — попросил он. — Пусть сюда придет.

— Да уже позвал, — невозмутимо ответил Лестер, бросив на него сочувственный взгляд. — Вон он, спешит.

— Ну? — бросил Эйнар, без всякой нужды присев к топящейся печи и поправляя в ней поленья. — Как леди? Устроилась?

— Это-то да...

Что-то в голосе старого приятеля Эйнару не понравилось. Он обернулся и увидел, что Тибо мнется в нерешительности, которая за ним водилась крайне редко.

— Что такое?

— Да Молли... Понимаешь, она, оказывается, комнаты приготовила... Ну, не те...

— Не тяни козла за рога, Тибо. Какие комнаты? У нас тут что, постоянный двор?

— В том и беда, — потупился сержант. — В северном крыле, сам знаешь, дует и дымоходы сто лет не чищены. А в твоей спальне до свадьбы ей делать нечего. Вот Молли и того... открыла ей спальню Мари.

— Так...

Эйнар почувствовал, как скулы сводит от злости. Дура! Другого места найти не могла?! На одну-две ночи бы как-то устроила, а потом уж...

— Эйнар, не злись, — торопливо попросил Тибальд, выглядя виноватым. — Что она там, погрызет что-то? И в углу не нагадит, не кошка, чай. А потом в свою спальню заберешь. Ну, когда поженитесь.

— Хватит, — бросил Эйнар и тут же поправился: — Про это хватит. А вообще — как там?

— Да ничего! — воспрял духом Тибо, решив, что гроза прошла мимо. — Сундуков у нее — полкомнаты заняли. И горничная. Уж такая девочка... Прям яблоневый цвет! Щебечет, как птичка, вокруг хозяйки вьется, в рот ей заглядывает, леди то да леди это...

— Хватит про горничную! — начал закипать, как котелок на огне, Эйнар. — Леди что?

— Леди велела бадью принести и воды нагреть. Помылась, от еды отказалась. Сказала, что будет ужинать, когда ты приедешь. Неприлично, мол, без хозяина. И велела не беспокоить, вот.

— Неприлично, значит?

Эйнар поморщился. У него теплилась надежда, что хоть сегодня получится не видеть друг друга, раз уж договор он будет обсуждать со стряпчим. А ужин... Баргот его знает, как устраивать ужин для благородной дамы. У него и скатерти-то нет. Давно уже.

— Молли сказала, что для гостей расстарается, — тихо сказал Тибо, как обычно понимающий до отвращения много.

— Отправь кого-нибудь дымоходы в северном почистить, — приказал Эйнар, вдруг почувствовавший себя омерзительно потным и пыльным. И всего-то проехал верхом миль пятнадцать да оттуда столько же. По единственной здесь вполне приличной дороге. — Завтра же и отправь. И рамы пусть починят, что ли.

Потому что нечего хоть самой высокородной леди делать в комнате Мари. И Тильда... Как все это теперь объяснить Тильде, ради Пресветлого Воина?

* * *

— Ой, миледи, какой у вас жених суровый! — болтала Нэнси, быстро и ловко разбирая самые необходимые вещи. — Как глянул — у меня и душа в пятки шмыгнула! А так мужчина ничего, видный... Плечистый, и шрамов нету. Вот у меня два дядьки в солдатах — так и носы переломанные, и зубов не хватает, а уж если рубаху снимут — жуть! А у его светлости лицо чистое. Видать, сам на других шрамы оставлял...

— Помолчи, — устало сказала Ло, опускаясь на кровать и морщась — от постельного белья повеяло затхлостью.

Девчонка послушно притихла, и Ло огляделась вокруг. Спальня, дверь в которую отперла высокая тетка в нарядном по меркам прислуги платье и чистом переднике, явно была нежилой. Тетка клялась и божилась, что ее милость ждали не раньше послезавтра, вот и не успели все подготовить. Но они сейчас! И действительно, снизу примчались еще две девицы и под руководством тетки быстренько вытерли пыль, смахнули паутину и даже провели мокрой тряпкой по оконным стеклам, отчего на тех остались заметные разводы. В общем, ни в один приличный дом местную прислугу не взяли бы даже поломойками, но Ло прекрасно понимала, что это крепость. Горная пограничная крепость. И уже то, что здесь вообще есть прислуга, — изрядная роскошь. Но про белье никто не подумал, а оно, хоть и чистое, явно отдавало сыростью. И обои, простенькие, дешевые, кое-где подернулись зеленым. Ло снова поморщилась.

Высокая деревянная кровать, накрытая шерстяным пледом, у окна — туалетный столик с тумбами и тусклым зеркалом в половину человеческого роста. Дорогая вещь для обычного служак, между прочим. Щетка для волос, какие-то ленты, шпильки... Баночка то ли пудры, то ли помады, пыльная, не разобрать. На окне — засохший цветок в горшке... Ло передернуло. Склеп, только без тела. Чужой склеп, закрытый не один год назад и открытый сейчас лично для нее, новой супруги. Она зябко обхватила себя за плечи ладонями — по комнате словно подул холодом. Кажется, комендант Рольфсон — дурак. Или просто бесчувственный скот. Устроить ее в комнате покойницы, откуда вещи даже не успели вынести! Может, это изысканное издевательство? Хотя Рольфсон не был похож на человека, способного придумать подобное нарочно.

Ло вспомнила коменданта. Чуть пониже Маркуса, но это ни о чем не говорит, некромант — та еще жердь. Зато в плечах куда шире. Короткие, неровно обкромсанные темно-русые волосы, мощная упрямая челюсть с недавней щетиной. Одевается по-солдатски, выглядит старше своих лет и так, словно давно не высыпается. Уж в этом Ло разбиралась... И глаза под тяжелыми набрякшими веками — как у больного пса на цепи. Матерого такого волкодава, с крепкими острыми клыками и ничего хорошего не ждущего ни от одной протянутой к нему руки. Неужели до сих пор тоскует по жене? Глупости... Романтические глупости... Которые тебе, Ло Ревенгар, стоит выбросить из головы и не приписывать будущему супругу излишней утонченности натуры. Солдафон и есть солдафон, ты ли их не навидалась? Некоторым на цепи самое место, кстати сказать, они и не знают, как без нее жить. И дать им свободу опасно что для них самих, что для окружающих.

— Нэнси! — позвала она девчонку. — Сбегай вниз, найди местную экономку и возьми чистое белье. На этом спать невозможно. И пусть пришлют плотника выставить рамы. А потом — затопят камин.

Поднявшись, она подошла к окну, брезгливо потрогала пальцем грязное стекло. Понятно, что ей отвели лучшую комнату по здешним меркам, но, чтобы склеп снова превратился в спальню,

надо потрудиться. А ведь выходит, что жена коменданта ночевала одна? Странно для обычной семьи, это ведь не аристократы, для которых отдельные спальни в порядке вещей. За спиной раздался drobный стук башмачков Нэнси. Девчонка с постоялого двора оказалась прекрасной горничной. Не слишком умелая в обращении с одеждой — понятно, где бы деревенской девице научиться гладить атлас и чистить бархат, — зато смывленная, расторопная, всегда в веселом настроении. А уж угодить старается так, что первые дни приходилось одергивать, чтоб не слишком мельтешила. Вот и сейчас быстренько сбежала по лестнице и куда-то летит через двор, только юбка вокруг ног плещется.

Ло присмотрелась к двору. Плиты серого камня чисто выметены, к бочке под водосточным желобом привязан ковш, чтобы удобнее черпать воду, вдоль одной стены навес, под которым аккуратно сложены колотые дрова. Похоже, вон та дверь — на кухню, из выведенной наружу трубы вьется дымок. И нигде никакого сора, грязи... То ли комендант — рачительный хозяин, то ли у него кто-то толковый и строгий в помощниках. А вот дерево почти среди двора... Дерево странное.

Высокий вяз по-осеннему желтел и зеленел листьями только на половине веток. Вторая половина засохла и торчала жалкими темно-серыми рогульками. Почему их не спилили? Смотреть же противно, и никак не вяжется с идеальным порядком во дворе. Да и ствол... Даже из окна ствол выглядел искореженным, покрытым неестественно вздувшимися наростами. Ло досадливо дернула уголок рта: повреждения вяза были очень похожи на магические. Странно... Ладно, это сейчас не самое важное.

Дверь скрипнула, и Ло удивленно обернулась: Нэнси назад не пробегала, а местным следовало постучаться и спросить разрешения войти. Супруг, что ли?

Нет, на пороге стояла незнакомая девчонка. Лет двенадцати-тринадцати, тоненькая, в красно-коричневом полосатом платье, явно перешитом со взрослого плеча и стянутом на талии простым кожаным пояском. Кто-то, наверное, мог бы умилиться круглому веснушчатому личику и двум коротким темно-рыжим косичкам, но Ло увидела другое: холодный взгляд, плотно сжатые губы и бледность. Девчонка смотрела со злостью, которую даже не думала скрывать. На миг Ло будто увидела себя ее глазами: отвратительную чужачку, занявшую комнату матери. Будущую мачеху, словно только что из сказки...

— Добрый день, — сказала она девочке, стараясь говорить приветливо. — Ты пришла познакомиться со мной? Я очень рада.

Радости Ло не испытывала ровным счетом никакой, а знакомиться с будущей падчерицей предпочла бы в присутствии ее отца. Представление друг другу, реверансы, улыбки, пусть и деланные, — таков этикет, чтобы сгладить неловкость первой встречи.

— Меня зовут Лавиния, — продолжила она, гадая, не мая ли девчонка. — Леди Лавиния Ревенгар. Наверное, твой отец рассказал тебе обо мне? А как твое имя?

Девчонка все так же смотрела на нее в упор, кажется, даже не мигая. Потом медленно обвела взглядом комнату и бросила:

— Это комната мамы.

— Я знаю, — вздохнула Ло. — Поверь, мне жаль, что пришлось пока ее занять. Уверена, мы что-нибудь придумаем, и скоро я ее оставлю. Не беспокойся, я не буду здесь ничего трогать...

— Это. Комната. Мамы! — отчеканила девчонка, и в лягушачье-зеленых глазах мелькнула совсем не детская ненависть.

Повернувшись, она бросилась бежать по коридору, токая башмаками так, словно вколачивала их в пол. Мелькнуло полосатое платье и скрылось за поворотом. Ло вздохнула, отходя от окна и снова присаживаясь на кровать. Великолепно! Вот она и познакомилась с падчерицей. А судя по характеру девчонки, скоро Ло будет вполне понимать своих сказочных товарок, норовящих избавиться от прелестных сироток то отравленным яблоком, то прогулкой в лес в один конец. Чутье подсказывало, что ей только что объявили войну.

Ло потеряла виски, уговаривая себя, что это просто усталость. Надо бы все-таки выпить травяного отвара... Но тошнота не отпускала, становясь все сильнее от запаха плесени и сырости. Чужая спальня давила со всех сторон, потолок казался слишком низким, вещи неизвестной мертвой женщины вызвали гадливость, которую покойница не заслужила, но легче от этого не становилось. Ло мысленно поклялась себе, что это будет ее первая и последняя ночь здесь. Даже если спать придется на конюшне. Ну, и где Баргот носит дражайшего супруга?

* * *

Не пойти на ужин было очень заманчивой мыслью, но Эйнар от нее отказался. Рано или поздно все равно придется узнавать будущую супругу поближе. Не говоря уж о том, что ждет их после свадьбы. По правде говоря, даже думать о брачной ночи не хотелось. Первое время после гибели Мари любая женщина вызывала у него острое отвращение. Вид их, запах, искреннее или фальшивое сочувствие в глупых глазах — Эйнар даже не разбирался, каким оно было. Одну дуру, решившую утешить несчастного вдовца и забравшуюся в его постель среди ночи, он молча выкинул за шкуру в коридор прямо в рубашке, которую та не успела снять. Дура рыдала, а Эйнар велел Молли рассчитать ее и отправить с первым же обозом в любую сторону перевала. Остальные всё поняли правильно и в кровать к нему больше не лезли.

Иногда звериная тоска по Мари невольно перетекала в такое же звериное, безрассудное плотское желание снова обнять жену, вдохнуть ее теплый, чуть сладковатый, родной запах, прижать к себе... Но ни одна женщина рядом не была ею, и обмануть себя у Эйнара не получилось бы ни трезвым, ни пьяным, ни смертельно усталым. Что ж... Если мужчина — действительно мужчина, а не гуляющий пес, то решает у него та голова, что на плечах. А для бунтующего тела есть ледяная вода, тренировки с новобранцами, бег в полной выкладке и работа до одури. Каждый день, с утра до вечера.

Теперь это должно было так или иначе измениться, но почему именно с ней? Высокой тощей белобрысой магичкой, не похожей на Мари ни единой чертой! А может, и хорошо, что не похожей. Уж если изменять памяти жены, то не обманывая себя сходством.

Эйнар зло усмехнулся, вытираясь полотенцем и надевая чистые штаны с рубахой. Честный предатель? Вот уж дурость.

Обед для леди-невесты и ее сопровождающего накрыли не в общем зале казармы, где столовались солдаты, а в комнате, где останавливались приезжавшие за таможенным сбором чиновники. Большой, но давно обветшавший зал разделялся пополам перегородкой, за которой стояли три обычные солдатские кровати, но с приличным бельем и двумя одеялами вместо одного. В передней половине гостей кормили, здесь имелся стол, за которым с удобством могло разместиться человек двенадцать. И вот тут Эйнар задумался...

Сама леди-магичка, ее стряпчий, Эйнар, Тильда...

— Вели Молли накрывать на шестерых, — приказал он парню, притаившему таз и ведро горячей воды. — И скажи сержанту Мерри и мэтру Вайсу, что я их жду к ужину. Понял?

— Так точно, господин капитан! — отрапортовал парнишка и умчался, а Эйнар почувствовал себя немного лучше.

Он ведь вправе пригласить к столу кого угодно? Например, своего сержанта... А невеста сможет поговорить с Лестером, как магичка с магом. Хоть Лестер и недоучка, но все-таки... Хорошим план казался ровно до того момента, как Эйнар увидел на пороге обеденного зала тонкую высокую фигуру в темно-синем платье, расшитом золотом. Не целиком, только по рукавам, вороту и низу подола, да пояс был золотым. Но одно это платье явно стоило дороже, чем весь одежный сундук семьи Рольфсонов. Бывшей семьи Рольфсонов.

— Папа, я не хочу с ней ужинать, — сказала Тильда, прижимаясь к нему плечом, хотя робости за его дочерью отродясь не водилось. — Она злая.

— Тиль, давай поговорим потом, — негромко ответил Эйнар, кляня себя последними словами: что бы ему раньше побеседовать с дочерью? — Ты ее совсем не знаешь.

Тильда замолчала и быстро шмыгнула на стул возле Эйнара, вцепившись в ложку и опустив глаза.

— Леди Ревенгар?

Ну почему у него язык узлом завязывается при виде этой женщины? Ну и что, что она леди? Можно подумать, у них все иначе устроено, не как у простых.

— Комендант Рольфсон...

Да она издевается, похоже. Видит в нем неотесанного северного дурня, не способного двух слов сложить! Злость странным образом успокоила и придала Эйнару соображения.

— Прошу к столу, — сдержанно сказал он, и стряпчий, до этого следовавший за магичкой, подал ей руку, подводя к столу.

Не рядом с Эйнаром, а напротив. Ну да, она ведь еще не жена.

Леди опустилась на стул, расправив платье таким изящным незаметным жестом, что это стало понятно лишь по легкому шороху. Посмотрела на Эйнара с вежливой улыбкой. На узких

светлых губах без малейшего следа краски учтивая улыбка смотрелась так же фальшиво и неуместно, как сама леди здесь, в зале с закопченными стенами и щелястым скрипучим полом. Будто дорогая кукла, как-то оказавшаяся на трактирной полке или в бедняцкой лавке.

— Мы еще кого-то ждем? — поинтересовался мэтр Тюбуи, окидывая взглядом скатерть, все-таки добытую Молли из каких-то тайных запасов.

На скатерти, старенькой, но чистой и отглаженной, гордо располагался сегодняшний ужин: обычный хлеб и творожные лепешки, черничный джем на меду — гордость Молли, масло, сыр и блюдо жареных перепелов, дичи вкусной, но не пользующейся в крепости особым почетом, потому как что там есть, кости одни. А вот для столичных гостей кухарка сочла их вполне подходящим блюдом.

— Моих людей, — буркнул Эйнар и кивнул сунувшему нос в дверь Тибо. — Леди, мэтр Тюбуи, извольте познакомиться: сержант Тибальд Мерри и наш целитель, мэтр Лестер Вайс.

Леди магичка чинно кивнула. Стряпчий, еще не успевший сесть, поклонился, и Тибальд с Лестером поклонились в ответ, а Эйнар вдруг понял, что ужин будет бесконечным. Что же говорить о целой жизни?!

— Зеленый факультет? — негромко спросила леди на удивление человеческим голосом, и Лестер заулыбался:

— Пять курсов. На шестом... перестало хватать резерва. А вы, разумеется...

— Красный, полный курс, — так же негромко уронила невеста и с интересом посмотрела на еду.

Эйнар перевел дух. Кажется, все не так уж плохо? Стряпчий положил леди парочку перепелов и что-то поискал глазами.

— Мэтр Тюбуи? — насторожился Эйнар.

— А, нет-нет... — законник все-таки пребывал в некоторой растерянности.

— Передайте мои поздравления вашей кухарке, комендант Рольфсон, — невозмутимо сказала леди, беря нож и ловко разделявая птичку, придерживая ее за ножку тонкими длинными пальцами. — Очень трудно так пожарить перепелов, чтобы они подрумянились до хруста, но остались сочными.

Мэтр покосился на нее с явным удивлением, тоже взялся за ножку перепелки, но почему-то сразу положил нож.

— А вам наши горные перепелки не по вкусу? — с участием спросил Тибо, и Эйнар пожалел, что не может заткнуть приятеля одним взглядом — явно ведь тот что-то понял и готовится отмотчить шуточку.

— Эм... я не настолько голоден, — вывернулся стряпчий. — Пожалуй, возьму лепешку...

— Это же дичь, мэтр, — усмехнулась магичка. — Ее можно и без вилки. Между прочим, перепела и вправду очень хороши.

Кровь бросилась Эйнару сначала в щеки, потом в уши. Все-таки опозорился. Вилки он, конечно, видал, но всегда считал блажью знатных и богатых, кто не может просто взять и съесть честный кусок мяса, разрезав его ножом. Нож и ложка — что еще нужно для стола? Проклятье...

Магичка невозмутимо уплетала уже вторую птичку, но в ее взгляде Эйнару все равно виднелось снисходительное презрение.

— Да, конечно... — сконфуженно улыбнулся стряпчий, осторожно прихватывая злосчастного перепела, словно тот мог клюнуть или улететь.

Рядом Тильда, насупившись, ковыряла ложкой лепешку, полив ее джемом, хотя мясо очень любила, и Эйнар ее понимал. Есть хотелось до рычания в желудке, но ведь непременно сделаешь что-нибудь не так. Он покосился на остальных. Тибо не в счет, он разделялся с перепелками не более стеснительно, чем дворовый пес, то есть с хрустом и смачным чавканьем. Наверняка еще и посильнее чавкал — нарочно. Лестер ел спокойно и тоже держал проклятую птицу за ногу. А магичка, оставив на краю тарелки аккуратно обглоданные косточки, безмятежно промокнула пальцы куском хлеба, взяла себе лепешку, подцепив ее ножом и самым кончиком ложки, и тем же самым ножом принялась мазать на лепешку джем. Получалось у нее это так легко и спокойно, словно всю жизнь только тем и занималась. А вот Эйнар взял бы ложку. И салфетки Молли на стол не положила, разумеется...

А, да гори оно все огнем! Хотя простым, хоть магическим. Эйнар подцепил с блюда сразу двух перепелов пожирнее, перетащил к себе, намазал кусок хлеба маслом и положил сверху сыра.

Еще он голодным не оставался в собственной крепости, потому что у кого-то особые представления, как надо есть. Может, за королевским столом он бы и постеснялся, но здесь-то стол — его!

Глаза Тибо, уплетающего очередную пичужку, весело и одобрительно блеснули. Леди магичка, разрезав пышку на куски, принялась есть ее ложкой, не пачкая губ черничным джемом, который вообще-то красит все, с чем оказывается рядом.

— Скажите, миледи, — спросил вдруг Лестер, — Седрик Ревенгар вам не родственник?

Прекрасный был маг, выдающийся...

— Двоюродный дедушка, — ответила та ровно. — Вы его знали?

— А как же! Он вел у нас начальный курс. Редкий мастер! Просто редчайший... Мог не только объяснить некоторые сложные аспекты взаимодействия стихий, но и показать их. Правда, сил у него было немного, но для разумника это не помеха.

— Разумник? — леди удивленно подняла одну бровь. — Вы ошибаетесь, мэтр, почтенный Седрик был целителем. В детстве я играла его перстнем, там был изумруд.

— Да? Но... Ах да... Двойная звезда... Но я полагал, что белый... — смешался Лестер. — Наверное, что-то путаю...

Магичка смотрела на целителя взглядом, который Эйнар не знал, как назвать, но он ему не нравился. Пусть Лестер и напутал что-то в воспоминаниях об учителе — так немудрено, столько лет прошло. И вообще... надо бы заканчивать этот йотунов урок хороших манер и поговорить о деле, иначе он через несколько минут захрапит. Встал-то задолго до рассвета — опять не спалось.

— Миледи! Ой...

В дверь, так и оставшуюся полуприкрытой, заглянула горничная магички, бойкая девица, уже успевшая обежать всю крепость. Спряталась, опять заглянула...

— Господа, прошу прощения, — снова холодно улыбнулась леди. — Нэнси — девочка серьезная, попусту тревожить не будет. Иди сюда, милая!

Горничная влетела в комнату, и Эйнар увидел, что глаза у девицы перепуганные и даже вроде заплаканные.

— Ми-ми-миледи...

— Нэнси, успокойся. Что случилось?

Леди на девицу не рывкнула, как ожидал Эйнар, а попыталась выяснить все добром, но девчонка заревела, не глядя на гостей, и попыталась рухнуть на колени, уткнувшись в подол хозяйки и причитая:

— Платье, ми-миледи... Не виновата я! Клянусь, не я... Я... на минутку... Только за углями... в утюг...

— Простите, господа, — вздохнула магичка. — Кажется, придется мне самой туда подняться. Неспроста же такое отчаяние.

— Я с вами, — поднялся Эйнар.

Чем дальше, тем больше ему не нравилось происходящее в комнате Мари, что бы там ни случилось.

— С вашего позволения, мы пойдем...

Тибальд, напротив, воспользовался случаем улизнуть и потянул за рукав Лестера.

Мэтр Тюбуи увязался следом за опекаемой, словно боялся отпустить ее одну, так что наверх поднялись все вместе: леди Ревенгар, прямая и легкая, будто и не после сытного ужина, мэтр, скулящая горничная, Эйнар и позади, хвостиком, Тильда.

В комнату они, разумеется, все разом не вошли. Мэтр с Тильдой остались в коридоре, а вот Эйнар шагнул вслед за женщинами через порог, ожидая чего угодно, и замер.

На стене, растянутое на каких-то деревяшках, висело такое роскошное свадебное платье, что он и представить не мог. Белоснежное, даже в свете масляной лампы сияющее и нашитым жемчугом, и само по себе. Немыслимой цены — это уж наверняка. И щедро залитое чернилами прямо посередине — огромной нагой черной кляксой, словно кто-то запустил целой банкой.

— И жили они долго и счастливо, — задумчиво сказала его, Эйнара, невеста, глядя на платье с непередаваемым выражением лица. — А потом, как водится, встретились.

Глава 7 СВАДЬБА ИСТИННОЙ ЛЕДИ

Первым, что испытала Лавиния при взгляде на платье, было глубочайшее разочарование и смутное удивление. В мечтах она сама поступала с несчастным нарядом даже более жестоко, но прекрасно понимала, что не наберется духу воплотить мечты в действительность. Не так жалко испортить просто дорогую вещь, но платье было по-настоящему красивым, к тому же ее всегда учили ценить чужой труд. А тут вот так запросто...

И вообще, это ее платье! Нелюбимое, ставшее символом ненавистного брака, но все-таки принадлежащее лично ей, Лавинии Ревенгар! И какая дрянь посмела...

Медленно повернувшись, она в упор взглянула на жениха и поинтересовалась очень-очень спокойно, просто образцом учтивого тона:

— Вы ничего не хотите мне сказать, господин комендант?

— Сожалею, — процедил Рольфсон, переведя взгляд с платья, которое мрачно разглядывал, на Ло. — Это... можно как-то отчистить?

— Водостойкие чернила с арлезийского шелка? Не думаю... — протянула Ло. — Разве что опытный маг-артефактор справился бы. У вас, случайно, нет такого в крепости?

— Нет, — сказал комендант с каменным лицом, на котором что-то выражали только глаза. Зато как выражали! Растерянность, злость, недоверие... Ло мгновенно убедилась, что сам Рольфсон к этой мерзости отношения не имеет. Ну не был капитан похож на глупого пакостника. К тому же у Ло имелась на эту роль кандидатка получше.

— И вы не представляете, кто мог это сделать? — спросила она так же спокойно, однако уже закипая.

Мелкая дрянь пряталась за спинами взрослых, но Ло поставила бы свой перстень мага, что это она. Только непонятно — как? Ведь девчонка ужинала с ними.

— Полагаю, вам следует спросить свою горничную, миледи.

— Это не Нэнси, — твердо сказала Ло, отыскав взглядом бледную заплаканную служанку. — Чернила стояли на туалетном столике, я не успела закончить письмо, когда меня пригласили к ужину. Чтобы залить ими платье, нужно было взять пузырек и... Кстати, где пузырек?

— В у-у-углу валяется, — прохныкала Нэнси, показывая туда пальцем. — Я тро-о-огать не стала...

— И правильно сделала. Покажи руки.

Девчонка, все так же всхлипывая, показала ладони, потом тыльную сторону совершенно чистых пальцев с коротко подрезанными ноготками, на удивление аккуратными для крестьянки. Ло прищурилась, вспоминая... Нет, у дочери коменданта руки тоже чистые, она сидела за столом, ела лепешку, крутя ложку в пальцах... На память Ло никогда не жаловалась, если не считать Руденхольма.

— Как видите, это не Нэнси, — сказала она коменданту.

Мэтр, просочившийся в комнату и все это время разглядывавший платье, присвистнул, впервые на памяти Ло поведя себя как человек, а не как свод законов в человеческом обличье.

— Оскорбление его величества... — пробормотал он, потирая кончик носа.

— Что? — круто повернулась к нему Ло.

— Какого йотуна... — выдохнул комендант.

Йотун? Ах да, он же северянин.

— Оскорбление дамы, находящейся под личной королевской опекой, согласно уложению о королевском сватовстве, является личным оскорблением его величества, — пробубнил мэтр. — Миледи Ревенгар, вы будете подавать жалобу?

Ох, как Ло хотелось именно так и поступить! Если уж она должна вести себя как леди и не может просто наорать на всех, швырнуть что-нибудь о стену и высказать коменданту все, что думает о нем, его доченьке и его крепости... Жалоба! Оскорбление короля, пусть и непреднамеренное, наверняка может стать поводом для расторжения договора. Но... смысл? Ей либо найдут нового жениха, либо вернут в столицу. Вдобавок она бы скорее сама сожрала это платье целиком, со всем его жемчугом и кружевом, чем доставила его величеству удовольствие разбирать ее, Ло Ревенгар, жалобу! От боевого мага! На испорченное барготово платье, тридцатью тремя демонами его дери!

— Нет! — бросила она, задрав подбородок и привычно вытянувшись по струнке, потому что спина не вовремя напомнила о себе. — Никаких жалоб. Но я хочу знать, кто это сделал. Кому-то здесь не помешали бы розги для вразумления.

— Не знаю, о ком вы, миледи. Никто из моих людей на такое не способен.

В глухом голосе коменданта слышалось твердолобое упрямство, но не страх. Если он и сообразил, какими неприятностями грозит ему жалоба Ло, то никак этого не показал.

— Да? А кто? — прищурилась она, отвечая на его раздраженный взгляд своим таким же. — Не я ведь!

— Понятия не имею! — отрубил Рольфсон. — Здесь никто не желал нанести вам обиду, ручаюсь честью.

Ло уже набрала воздуху в грудь, чтобы позвать милое дитя поближе и припереть к стене Нэнси: правда ли горничная оставила комнату ненадолго? Как ее остановила простая и очень неприятная мысль. Если девчонка вдруг ни в чем не виновата, она, Ло, в глазах всей крепости мгновенно станет той самой злобной мачехой, что с первого дня обижает бедную сиротку. Не на это ли рассчитывала неизвестная дрянь? Девчонка явно не безобидный воробушек, но...

На несколько мгновений Ло заколебалась, и комендант, разумеется, понял это по-своему.

— Если вам больше нечего сказать, миледи, может, вернемся к столу?

— Нет, благодарю, — выдавила Ло. — Я совершенно сыта.

— Тогда желаю приятного отдыха. Встретимся завтра у алтаря.

Он издевался, сволоочь. Невозмутимый и надменный, словно каменная статуя. Нет, горгулья с крыши столичного храма! Плечи широченные, морда мрачная... Вылитый, только рогов и хвоста недостает! И она еще отказалась жаловаться! Хотя правильно отказалась, сама справится.

— У алтаря? — переспросила Ло. — И в чем прикажете мне туда идти?

— Не вижу, чем плохо платье, которое на вас сейчас.

— Оно же синее, — пискнула из угла Нэнси в праведном возмущении и зажала себе рот рукой, судя по звуку.

— Оно синее, — ласково повторила Ло, гадая, действительно ли комендант не понимает, в чем дело, или просто придушивается.

— Ну так наденьте другое, — в голосе Рольфсона прорезалось раздражение, комендант смотрел на Ло снисходительно, как на... дурочку, вот!

— Да неужели я бы не додумалась? — прошипела она, по привычке отступая на шаг, чтобы наложить магическое плетение по большей площади и точнее. Поймала себя на этом, осеклась, но продолжила: — По-вашему, сколько у меня свадебных белых платьев в гардеробе? Как-то не рассчитывала, что понадобится больше одного! Не знаю, как у вас на родине, а у нас в Дорвенанте в цветном к алтарю идут разведенные жены, вдовы и опороченные девицы в положении. Смею надеяться, ни к одной из этих категорий я не принадлежу. Так что цветное я надену не раньше своей следующей свадьбы!

Она смотрела на Рольфсона, чувствуя себя совершенно правой и очень злой. Да, в столице Ло могла придираться к материалу платья, его фасону, слишком богатой отделке, да чему угодно! Только не к цвету! Белое — право и закон для любой девицы Дорвенанта или Фраганы, впервые выходящей замуж. Шутка насчет мундира... даже для Ло была просто шуткой, понятно же. Комендант дрогнул и явно растерялся. Ага, не совсем дурак. Но тут же Ло изменила свое мнение и потеряла дар речи.

— Не знаю, на что вы рассчитывали, миледи, — угрюмо сказал Рольфсон, меряя ее презрительным взглядом. — Но, если эта свадьба вам не по вкусу, откажитесь от нее сами, как положено. У вас для этого есть стряпчий, нечего делать дурака из меня и обвинять моих людей непонятно в чем. А если я ошибаюсь, то завтра жду вас у алтаря. Могу прислать Молли, если нужна женская помощь.

— Она мне белую скатерть принесет? — съязвила Ло, разглядывая коменданта в полном ошеломлении.

— Да хоть простыню! — рявкнул Рольфсон. — Идите к алтарю в чем угодно. Мне плевать, что на вас будет до этой проклятой свадьбы, во время нее и после! Спокойной ночи, миледи!

Дверью комендант не хлопнул лишь потому, что она была распахнута настежь. Но по коридору ушел так, что скрипучий пол трещал и постанывал под тяжелыми шагами.

— Надеюсь, миледи, вы не собираетесь... поступить неразумно? — уныло поинтересовался мэтр, последние пару минут изображавший предмет обстановки, вроде канделябра.

— То есть отказаться от брака? Не дождется!

Злость бурлила внутри так, что в висках заломило. Просила выхода, хоть какого-нибудь. Ло оглянулась по сторонам — ничего подходящего. Хотя вот! Шагнув к подоконнику, она подхватила горшок с трупом цветка и с размаху грохнула об пол. С наслаждением! Не огненный шар, конечно, но хоть что-то... Ойкнула Нэнси, во все стороны полетели осколки и земля, мэтр бочком двинулся к выходу.

— Не дождется! — убежденно повторила Ло. — Вот теперь — точно! К алтарю, значит? В чем угодно? Великолепно! Спокойной ночи, мэтр. Идите-идите, наши женские сложности насчет нарядов вас не касаются. Не беспокойтесь, на свадьбе я буду выглядеть, как положено леди. В белом, мать его барготову! Нэнси, а ну вылезай из-под стола, дуреха. Ищи нитки с иглой, утюг, крахмал...

Через пару минут после ухода мэтра Ло приоткрыла дверь — в коридоре было пусто.

Вернувшись в комнату, она уже спокойно сказала роющейся в сундуках девчонке:

— А теперь правду, милочка. Не бойся, наказывать не буду. Платье оставалось без присмотра перед ужином?

— Д-да, миледи, — всхлипнула Нэнси, вставая со шкатулкой в руках и опуская глаза.

— То есть вышла ты не на минуточку? — уточнила Ло, жалея, что нельзя вернуть коменданта, но понимая, что это совершенно бесполезно.

Горничная молча кивнула, съезжившись.

— У меня живот прихватило, — тихо сказала она. — Вот и просидела в уборной... А потом сходила за утюгом, поднялась сюда и увидела... Вы на ужине были как раз...

— Почему сразу не сказала?

— Так не любят хозяева больную прислугу, — шмыгнула носом та. — Говорят, от работы отлыниваем.

— Дура, — устало сообщила Ло. — Будешь мне врать — вот тогда выгоню. Сходи к целителю, попроси лекарство. А потом быстро сюда. В чем угодно, значит, — мстительно улыбнулась она, повторив слова коменданта. — До и после свадьбы... И во время нее... Ну нет, до простыни я, пожалуй, не опущусь...

Испорченное платье, всего лишь. Помня черные розы, она была настороже с самого первого шага по крепостному двору, не зная, чего ожидать. Но уж точно не этого. А платье и вредная девчонка-падчерица... Это вполне можно пережить и даже получить удовольствие от происходящего. Истинная леди держится с достоинством в любой одежде.

Улыбка Ло стала мечтательной и предвкушающей.

* * *

Стоя перед алтарем в ожидании невесты, Эйнар тридцать три раза проклял свою вчерашнюю глупость. Да, сорвался он и вправду по-дурацки. От усталости и угрюмой неловкости, мучившей его весь вечер. И, наверное, стоило потом подняться наверх и извиниться, ведь крепость — его хозяйство, и за все, происходящее в ней, отвечает комендант. А с платьем вышло... нехорошо. Да что там, гнусно вышло. Для любой женщины, по любви она идет под венец или по расчету, свадьба — особый день. Он вспомнил свою свадьбу и с усилием вдохнул, словно что-то давило грудь. Дурак... Как есть дурак. Надо же было ему ляпнуть про синее платье! Просто в голову не пришло... Мари под венцом была в шелковом зеленом платье с белой кружевной накидкой, он отвалил за него месячное жалованье, и красивее невесты не было во всей Невии! Только вот Мари уже носила под сердцем Тильду... Иначе разве отдал бы ее отец, богатый мельник и староста деревни, за наемника, пусть даже из Волчьей Сотни Дольфира?

Но в Невии с этим проще. Там до сих пор держатся вольфгардских обычаев, по которым невесте не зазорно идти к алтарю с круглящимся передником. Что звериный приплод, что человеческий угоден Всеобщей Матери. И если уж случилось такое, что девка понесла до свадьбы, законный брак все прикроет и поправит, лишь бы он случился.

А он, выходит, наговорил такого... Но кто же залил проклятое платье?!

Эйнар мучился этим вчера, пока не провалился в сон, и сегодня с утра, когда пришлось все-таки обсуждать брачный договор с вьедливым мэтром Тюбуи. Мэтр честно зачитывал и объяснял каждый пункт, пока все они не слились и не закружились у Эйнара в голове. Главное он все-

таки уяснил: если за три года его жена не родит ребенка, они могут развестись. Правда, прожить эти три года они должны непременно вместе, не разлучаясь чаще, чем положено по делам службы. На заставу, значит, он может съездить без супруги, как и она в ближний городок Донвен за покупками. А вот в Дайхольм, главный город провинции, уже только вместе. Ну, благодарность вам огромная, ваше величество... Вот ведь облагодетельствовали. Впрочем, жить в одной крепости еще не значит быть мужем и женой по-настоящему, уж это было понятно, стоит взглянуть на будущую супругу. Леди магичка, и вправду та самая Ревенгар, держалась так, словно шомпол проглотила, а ее улыбкой можно было молоко в погребе морозить. И эта надменная аристократка ляжет с ним в одну постель? Да лучше бревно обнять, ради всех йотунов Вольфгарда!

Эйнар стиснул зубы, глянув на солнечный луч, как раз достигший вершины алтарного камня, отмечая полдень. Это не невеста опаздывала, а сам он явился рановато. Хотя все остальные тоже давно собрались. Весь крепостной гарнизон переминался у стены с одной стороны, с другой — столпились женщины во главе с Молли, смертельно обиженной, что ее не допустили к одеванию невесты. Леди изволила сказать, что справится с помощью горничной. Он поискал взглядом Тильду, с которой вчера тоже был разговор не из легких. Дочка сначала не могла понять, о чем он ее спрашивает, потом разревелась, крича, что не трогала никакое платье, и Эйнару пришлось ее успокаивать, мучаясь виной и стыдом. Нет, это не Тильда, да и не успела бы она. Но кто?

Снова и снова Эйнар перебирал всех, кто мог испортить наряд, и по всему выходило, что это горничная миледи. Мало ли что там девчонка говорит! Может, нарочно это сделала, по приказу самой хозяйки, а может, и нечаянно... Главное, что сам Эйнар опозорился, ведь, в чем бы ни пришла его невеста к алтарю, виноват в этом он сам. Надо было отложить свадьбу, что ли. Послать за платьем в город... Но задним умом все крепки, а теперь... Ладно, придется извиниться после обряда — язык не отвалится.

За спиной вдруг пронесся шепот со стороны гостей. С обеих сторон. Эйнар медленно повернулся, зная, что сейчас все увидит своими глазами, и все-таки гадая, в чем же будет невеста. Хотя что гадать — наденет любой другой наряд. Не в простыне же, в самом-то де... Шепот уже превратился в гул, кто-то из гарнизона присвистнул. Едва слышно, но Эйнар бы вlepил двадцать нарядов вне очереди — если б мог посмотреть туда. Если б вообще мог посмотреть на что-то, кроме идущей по проходу женщины.

Его невеста... Что ж, она выполнила обещание — пришла в белом. Только то, что Эйнар на время онемел, не дало ему грязно выругаться в святом месте.

— Что-то я не понял, — очень тихо сказал стоящий рядом с ним Тибо. — Кто тут на ком женится?

Молча слушая, как гудит храм от шепота солдат и женских повизгиваний, Эйнар смотрел на медленно ступающую по дорожке магичку. Камзол, в котором леди была в день приезда, она сняла. Само собой, он же темный... Зато рубашка просто сияла белизной! Переливалась, как заснеженная горная вершина в солнечный день, аж искрила, только кружевные манжеты и воротник поблескивали чуть мягче. Низ рубашки леди заправила в штаны. Не белые, правда, а из светло-золотистой замши. Белых, видно, не нашлось. Узкие армейские сапоги на небольшом каблуке обтягивали стройные лодыжки и голени почти до колена, а выше тончайшая замша облегла бедра, как перчатка, и каждый в храме, от кухарки до новобранца, мог видеть, что фигура у леди — само совершенство. Если, конечно, этому каждому нравятся женщины, одновременно похожие на горную кошку и боевую шпагу.

Эйнар смотрел. И все остальные тоже смотрели на магичку. А проклятая рубашка мягко обрисовывала ее грудь, высокую, дерзкую, словно у едва созревшей девушки. И тем местом, где крепится рукав, рубашка сползала вниз почти до середины плеча. Кто бы ни носил ее раньше, плечи у него были поуже, чем у Эйнара, но уж точно не женские. И застежка ворота была мужская. Отделанная кружевом, но на правую сторону. Да и в талии — удивительно изящной — рубашку пришлось прихватить широким кожаным поясом с серебряными накладками. Дорогим, красивым, но тоже мужским. Эйнар будто увидел на миг щеголя, носившего белый шелк и серебро, — аж в глазах потемнело!

И весь гарнизон видел это. Его, капитана Рольфсона, невесту, явившуюся к алтарю в рубашке с чужого плеча... Эйнар сглотнул. Еще раз и еще. Леди шла, смотря на него в упор, — о, она прекрасно знала, что делает. Потому что шла она... Невесты так не ходят. Не бывает у

новобрачных, леди они или нет, такого упругого легкого шага, стремительного и точного в каждом касании подошвы к полу. Так идут корабли по штормовой волне. Или воины — в атаку. Если собираются победить или умереть.

В храме вдруг стало тихо. Так тихо, что муху было бы слышно, прожужжи она. Но даже мухи затаились в ожидании. Эйнар молчал. Молчала и она, его невеста, которой вчера испортили платье в его, Эйнара, крепости. Только бы не забыть об этом...

— Миледи... — проговорил Эйнар, точно так же глядя в упор в светлые-светлые яростные глаза. «Ну, давай, скажи что-нибудь! — насмеялись эти глаза под тонкими, слегка нахмуренными бровями. — Скажи, прогони, дай повод!»

— Капитан...

Она снова не сделала реверанс — в таких-то штанах, — только поклонилась коротко и четко, как перед поединком. Эйнар оценил, в очередной раз сглатывая комок в горле. Войну ему объявили по всем правилам.

— Леди Ревенгар! — выдохнул стряпчий, подвернувшийся совсем некстати. — Вы... вы...

— Что — я? — негромко спросила магичка, не отрывая взгляда от Эйнара, будто пыталась в нем дыру провертеть. — Мэтр, извольте объясняться точнее, вы же стряпчий.

На ее лице, бледном до прозрачности, не было ни следа краски, короткие белые волосы уложены в строгий узел. Эйнар будто в первый раз увидел узкие губы, точеные скулы и холодную сталь радужки вокруг черных зрачков. Его первый меч был точно такого цвета. Хороший был клинок, надежный.

— Вы одеты... неподобающе... — простонал Тюбуи.

— Ошибаетесь, — ответила леди так же негромко, но до того четко, что каждый звук разносился по храму до самых дальних уголков — на радость всем жадным ушам. — Во-первых, я в белом. Как и положено порядочной девушке, впервые выходящей замуж. Во-вторых, капитан сам вчера предоставил мне полную свободу в выборе наряда.

Предоставил свободу? Он, Эйнар?!

— Капитан? — неверящим голосом повторил мэтр.

— Изволил сообщить, — так же ясно отчеканила магичка, — что ему плевать, что на мне будет до этой проклятой свадьбы, во время нее и после. При вас, кстати. Полагаю, мэтр, вы понимаете, что слово дворянина незыблемо. Тем более слово лорда, нового главы дома Ревенгар. И я очень рада, что будущий супруг так недвусмысленно дал мне разрешение одеваться по своему усмотрению.

— А... да... конечно... — прошептал укрощенный мэтр, отступая на свое место свидетеля со стороны невесты.

— Мы можем начать, капитан? — поинтересовалась леди у Эйнара таким мягким кротким голосом, что у него снова потемнело в глазах от злости.

— Да, — деревянным голосом сказал он, поворачиваясь к алтарю и глядя прямо вперед, на освещенную солнцем поверхность камня с выбитыми письменами.

Храм снова наполнился шепотом, словно в него только сейчас вошли люди. Эйнар стоял, как облитый помоями, изо всех сил сдерживая злость. Он дал разрешение! При свидетеле! А теперь, получается, и при всем гарнизоне разом! Йотуновы потроха... И ведь в самом деле, взять слово обратно нельзя. Он теперь не просто дворянин. Он лорд. Настоящий аристократ, пусть и через брак!

Дальше все приличные мысли у него закончились. Эйнар осторожно, чтоб не раздавить, взял узкую прохладную ладонь с удивительно жесткими пальцами, словно и не женскую. Так же глядя только вперед, проговорил все нужные слова и ответил Лестеру, исполняющему в крепости роль жреца, на все положенные вопросы. Надел невесте кольцо из коробочки, поданной стряпчим, а она — ему. Тяжелый золотой перстень с кроваво-красным камнем сел на палец как влитой. Эйнару все время казалось, что он спит и все это уже было. Потом он сообразил, что и вправду было, двенадцать лет назад. Только женщина рядом была другая, и он тогда был счастлив, глупо, до неприличия, так что счастье рвалось из него наружу, окрашивая весь мир в хмельные яркие цвета. А сейчас...

— Леди Лавиния Корделия Антуанетта Жозефина Ревенгар! Согласны ли вы по доброй воле и без принуждения... — очень старательно и громко спрашивал Лестер.

— Да, — уронила совершенно чужая женщина рядом.

Боевая магичка, аристократка, наглая холеная стерва... Эйнар стиснул зубы, тщательно следя, чтобы не слишком сильно сжать ладонь. Вся вина, которую он испытывал утром, исчезла, растворилась в пережитом на глазах у всех унижении. Явиться к алтарю в рубашке любовника! Кем еще ей может быть неизвестный ублюдок в шелке и кружевах? Бедная сиротка! Покровительство короля! А может, она и белое надела не по праву, что бы там ни говорила? Ну, это он у нее спросит. Вот в первую брачную ночь, будь она неладна, и поинтересуется. Чужому ребенку он свое имя не даст, пусть эта добродетельная невинная невеста и не надеется. Как там ее... Подснежник... Тьфу!

* * *

К концу бракосочетания Ло простила неизвестную дрянь, испортившую платье. А на втором часу свадебного пира готова была от души поблагодарить. Стоило только представить, что все то же самое ей пришлось бы пережить затянутой в корсет и узкий шелковый лиф, расшитый жемчугом так, что ткань превратилась почти в доспехи. Пышная струящаяся юбка, легкие рукава... И туфли! Белые атласные туфельки с позолоченными каблукками, в которых пришлось бы провести весь день и вечер. Бр-р-р!

Так что, если бы все неприятности начала ее семейной жизни ограничились платьем, Ло с огромным удовольствием похоронила бы эту историю. Ей самой вполне хватило неописуемого выражения на лице коменданта, когда она шла к алтарю. Вот и второй раз пригодилась рубашка Маркуса, в которой Ло увезли во дворец. Правда, ходить в ней каждый день было бы чересчур. Подобной оплеухи по самолюбию не выдержит ни один мужчина, достойный этого названия, а комендант, как подсказывало чутье, особым терпением и вовсе не отличался. Так что Ло была готова на перемирие.

Но Рольфсон молчал. С другими он разговаривал, отвечал на шутки и поздравления нужными словами, даже усмехнулся пару раз. После ритуала с безупречной вежливостью проводил Ло к ее месту во главе свадебного стола, сел рядом, положил ей на тарелку что-то, налил вина в бокал... И все это — ни говоря ни слова сверх самого необходимого. «Да, миледи». «Нет, миледи». «Еще вина, миледи?» Что ж, Ло отвечала тем же самым, благодарила и улыбалась. И все больше погружалась в глухую тоску...

Мэтр, как почетный гость, сидел по другую руку от коменданта, и даже с ним было словечком не перекинуться. А потом ей и вовсе не хотелось разговаривать. Свадебный стол сервировали в длинном зале на первом этаже, и за него уселся весь гарнизон, не такой уж большой, как представлялось Ло. Следовало признать, экономка Молли постаралась на славу. Стол накрыли куском цветной ткани, в оконных проемах и над стульями молодых развесили венки, наскоро связанные из тонких веток с листьями, перевитых цветными лентами, такими же лентами подвязали широкие суконные шторы, висящие здесь явно не для красоты, а защитой от ветра. Ло смотрела на разномастные тарелки и стаканы, простые глиняные кувшины с ягодным вином и блюда с пирожками... И ясно понимала, что старались тут не для нее, пришедшей чужачки, а для коменданта. На нее кидали косые взгляды, когда думали, что она не видит, перешептывались... Ну, ничего другого после выходки с рубашкой она и не ждала. И вообще ей было плевать! Она поставила подпись на договоре, положившись на слово мэтра, что никаких изменений без ее ведома там не сделали. Да, условия всё те же. Ну и прекрасно. Размашистая подпись Рольфсона наверху, ее — следом, как и положено супруге. Один экземпляр мэтр торжественно передал коменданту, второй вручил Ло, а третий забрал себе, в королевскую канцелярию. Поздравления и пожелания счастливой семейной жизни от Тюбуи, а потом и от каждого человека в гарнизоне, от повара до рядовых, звучали изощренным издевательством, но Ло их приняла с улыбкой и каждому ответила с должной учтивостью. Леди умеет держать лицо в любой обстановке. И плевать, что рядом нет ни одного человека, которого она хотела бы здесь видеть. Она — Ревенгар. И если бы ей пришлось выходить замуж по принуждению не за коменданта крепости, а за наследного принца, она бы не была более любезной.

Она честно отсидела весь свадебный обед, который плавно перешел в ужин. Кто-то вставал из-за стола и возвращался, появлялись все новые блюда, сержант Мерри принес мандолину и недурно спел несколько песен, целитель Лестер, сидевший рядом, подкладывал на тарелку Ло то одно, то другое... А ей хотелось выть от тоски. Не так она представляла собственную свадьбу. Хотя она ее вообще никак не представляла, если не врать самой себе. Но уж такое и в кошмаре привидеться не могло. А ведь впереди еще брачная ночь...

Когда комендант по-прежнему бесцветным тоном поинтересовался, не желает ли миледи встать из-за стола, она обреченно кивнула с той же приклеенной к губам любезной улыбкой. Спина весь последний час разламывалась, Ло сейчас что угодно отдала бы за простую жесткую кровать с тонким матрасом. А еще ей смертельно хотелось снять жесткое тугое бюстье, придающее груди идеальную форму, распустить и расчесать волосы, закутаться во что-нибудь мягкое, теплое и просто закрыть глаза...

За спиной слышались соленые шуточки — солдаты всегда и везде солдаты, как бы ни уважали командира. Выходя из зала, Ло услышала, как изменился звук мандолины и понеслись первые такты «Веселой трактирщицы», а кто-то закричал, чтоб открыли еще бочонок. Ну, понятное дело, — гарнизон гуляет на законных основаниях.

Она поднялась по широкой лестнице, стараясь не морщиться от боли в спине. Комендант шел рядом, держа свечу, его тень падала под ноги, и такой обреченно-несчастной Ло себя не чувствовала давным-давно.

— Не та дверь, миледи, — послышался очень спокойный голос Рольфсона, когда она остановилась. — Наша спальня дальше.

— Ах да, — усмехнулась Ло. — Простите, это я с непривычки.

Рольфсон открыл перед ней дверь, пропустил вперед. Ло переступила порог полутемной комнаты, мрак в которой рассеивала только пара свечей в высоком канделябре. И замерла. Да, она понимала, что брак — это еще и супружеская постель. Разумеется, понимала. И готова была выполнять барготовы обязанности жены, но...

Дыхание, и так стесненное из-за боли в спине, перехватило окончательно. Ло выпрямилась еще сильнее, вскинула подбородок, замерев посреди небольшой комнаты в трех шагах от массивной деревянной кровати с высоким изголовьем. Запах каких-то трав — то ли полы мыли с настоем, то ли белье в нем полоскали. Треск воска... Ветер за окном...

— Думаю, миледи, нам пора поговорить, — все так же ровно сказал комендант.

Ло шагнула раз, другой, третий — самые паршивые три шага в ее жизни — обернулась и села на край кровати.

— Да, капитан, — сказала она, глядя на будто вырубленное из камня лицо человека, которого следующие три года придется звать мужем, слушаться и чтить. — Вы правы, пора.

Глава 8

БРАЧНАЯ НОЧЬ МИЛОРДА

Капитан Рольфсон, которого теперь следовало звать мужем, дорогим супругом или еще как-нибудь глупо, смотрел на нее, не торопясь ни подходить, ни раздеваться. И вообще вел себя очень спокойно для человека, который был оскорблен собственной невестой у алтаря. Пожалуй, если бы он рывкнул, выругался или еще как-то проявил характер, Ло стало бы полегче. А так она даже задумалась: не испугаться ли ей? Или, может, почувствовать себя виноватой? Но сил не было ни на то, ни на другое.

Поэтому она просто наклонилась и стянула сапоги. Конечно, растоптанная любимая обувка — это не атласные туфельки на каблучке, но за день ноги все равно устали. С наслаждением пошевелила пальцами в тонких шелковых чулках, но их снимать пока не стала. Покосилась на одеяло, которое так и манило под него забраться, но подобное выглядело бы даже не капитуляцией, а откровенным приглашением для хозяина спальни. Который в ранге пока колебался между возможным союзником и вероятным противником.

— Надеюсь, вы не собираетесь и после свадьбы так ходить? — поинтересовался капитан на удивление мирно. — В смысле, в штанах.

— Почему же? — удивилась Ло. — Собираюсь. Может, не каждый день, но... я об этом думаю. Вы бы знали, какие платья неудобные.

— Это неприлично. Недостойно замужней женщины.

— Перестаньте, — поморщилась Ло, вытаскивая шпильки из туго закрученного узла. —

Капитан, я не хочу ссориться из-за таких пустяков. Может, об одежде и приличиях поговорим завтра?

Освободившиеся волосы рассыпались по плечам, она запустила пальцы в мягкие пряди и несколько раз провела от корней к кончикам. Надо будет научить Нэнси паре несложных причесок. Девчонка умеет плести косы, но какие косы на таких огрызках? Смех один...

— Непременно поговорим, — отозвался капитан, делая шаг и прислоняясь спиной к стене. — Если я снова увижу вас в чем-то мужском. В этой рубашке, например.

— О... — усмехнулась Ло. — А вам не понравилось? Ну, благодарите того, кто залил мое платье. Кстати, я его терпеть не могла. Так что передайте заодно и мою благодарность.

— Терпеть не могли? — прищурился Рольфсон. — Интересно, почему? И как сильно?

— Не ловите меня на слове, капитан, — огрызнулась Ло. — Не настолько, чтобы испортить. И кстати... Я не стала жаловаться стряпчему, но, если не найдете виновного, я решу, что вам действительно нет дела до моих нужд и обид. А тогда попрошу не указывать мне, в чем ходить. Он так ничего и не понял, солдафон! По-прежнему был убежден, что она испортила платье сама или спустила это с рук горничной. Обида и злость снова зашевелились, подсказывая колкие дерзости, но Ло еще держалась. Правда, из последних сил.

— А у вас много таких рубашек? — с тем же каменным лицом спросил комендант. — Одного размера или разные?

В первый момент она действительно задумалась, сможет ли менять их ежедневно. А потом поняла, что услышала. И злость, копившаяся весь долгий трудный день, перехлестнула берега терпения.

— Не сомневайтесь, капитан, мне хватит, — проворковала Ло. — На ваши претендовать не собираюсь, это вам еще заслужить надо.

Рольфсон сделал шаг. Один-единственный. Его лицо дрогнуло, и Ло поняла, что перегнула палку. Это было прекрасно! Она вновь почувствовала себя живой, глядя в полные изумленной ярости мужские глаза. Ей бы следовало испугаться... Вспомнить, что это ее муж. Задуматься, что комендант — невиец-северянин, едва ли не дикарь, и его нынешний титул — золоченая цепочка, на которую привязали волкодава. Такого этикетом не удержишь. Но Ло смотрела в восторге, как когда-то на первый сотворенный ею огненный шар. Рвущееся пламя, треск сухого дерева, восхитительный запах чистого дыма...

— Если поднимете на меня руку — убью, — предупредила она тем же медовым голосом. — Запомните это, капитан Рольфсон.

— Я не бью женщин! — выплюнул он, уронив ладони на высокую спинку кровати. — Даже тех, кто думает, что может дать сдачи. Но и унижать себя не позволю. И непотребного поведения от жены не потерплю.

— О, вы вспомнили о нашем браке? — ехидно обрадовалась Ло. — Как мило! Ну так позвольте напомнить, что я тоже ожидаю от вас действий, достойных супруга. То есть помощи, заботы и защиты. А вижу пока лишь непонятные подозрения. И встречу, от радушия которой хочется сбежать обратно. Если вы так не хотели жениться, капитан Рольфсон, то могли об этом заявить тому же самому стряпчему. Как мне посоветовали!

— Может, и стоило, — процедил северянин. — Но королю не отказывают.

Ло едва не расхохоталась. Еще как отказывают! Знал бы капитан, что именно из-за отказа Криспину она и оказалась под венцом с первым встречным. Но ведь не поверит же? В любом случае, об этом стоит молчать. История из тех, что не делают чести ни при каком исходе. И как объяснить этому волкодаву цепному, что ей этот брак не милее, чем ему? Да не будет она ничего объяснять! В самом деле не заслужил!

— Не сомневаюсь, вы верный слуга его величества, — хотела она сказать вежливо, а получилось снова ехидно. — Как и я. То-то нас обоих наградили по заслугам. Только вот беда, капитан, я тоже не из тех, кто позволит марать свою честь. И за ваше предположение о... рубашках требую извинений. В противном случае мне самой непонятно, что я делаю в этой спальне!

— Извинений?

Капитан шагнул еще раз, оказавшись совсем близко — Ло могла бы коснуться его, вздумай она протянуть руку. Вот его рубашка ей бы точно даже близко не пришлось впору — плечи как валуны. Грудь вздымается так, что пуговицы едва не отлетают, но только это и выдает злость. Да глаза на обветренном каменном лице горят, словно те огни, что в бурю скачут по корабельным снастям голубым жутким пламенем.

— Я с радостью извинюсь, — сказал он так же четко. — Если буду точно знать, что вы этих извинений заслуживаете. Здесь не столица, а Пограничье. И люди будут судить обо мне по моей семье. Честь моей жены — это моя честь. И если вам есть что сказать мне, говорите сейчас, прошу вас.

— Объяснитесь, капитан, — тихо сказала Ло, понимая, что разговор сворачивает на действительно опасный путь. «Только бы не сорваться, только бы не наговорить лишнего», — взмолилась она про себя. — Я вас не понимаю...

— В самом деле? — скривил губы Рольфсон. — Ладно, каждой крепостной мышце понятно, как этим браком наградил король меня. Титул, приданое, жена... А вам, леди, что за выгода была ехать к йотунам в... сюда, в общем? Что, в столице никого в женихи не нашлось? С вашей славой да родовитостью?

— Не ваше дело, — выплюнула Ло.

Если бы он только не смотрел на нее так! Ло никогда не считала себя красавицей, она и сама знала, что фамильная красота Ревенгаров на ней дала осечку, как мушкет с подмокшим порохом. Но такого взгляда — холодного, брезгливого! — она все же не заслужила. И под этим взглядом признаться в истинной причине? Да Рольфсон над ней расхохочется! Странно, что король ей предложил подобное — вот уж в самом деле после деликатесов потянуло на солдатскую кухню.

— Полагаю, как раз мое. Это мое дело, раз вы почему-то решили, что тупой служака проглотит любую ложь. Видят боги, я и не жду от вас невинности, но...

— Что — но? — тихо-тихо уточнила Ло.

Пальцы свела судорога. Она с трудом оторвала взгляд от лица капитана, посмотрела на руки и увидела, что кисти застыли в положении для боевого аркана. Того самого, что известен как Молот Пресветлого. И побелевшие пальцы сложены идеально, а напряжение такое, что только встряхни — сорвавшаяся с них мощь пробьет каменную стену спальни насквозь. Ах нет, не пробьет... Потому и судорога — сила не течет сквозь послушные руки, как раньше.

— Но я жду правды, — холодно и тяжело уронил Эйнар Рольфсон, не зная, как близко был бы от крупных неприятностей, обладай Ло хоть частью прежней силы.

Нет, швырять в супруга Молотом она не стала бы, разумеется. Конечно, нет... Но еще одно окно пошло бы этой проклятой спальне только на пользу.

— Правды? — снова повторила она эхом. — И какая правда вам нужна, капитан?

«Вот как я буду его звать, — со странным облегчением поняла вдруг Ло. — Капитаном... Не мужем, в самом-то деле. Какой он мне муж?»

— Зачем вы приехали, миледи? — почти так же тихо спросил он глубоким низким голосом, только не мягким, а почти рычанием. — Мне плевать, чья это рубашка, но что вы хотите скрыть под... белым платьем? Вам ведь важно, что оно именно белое, да? А что, если на самом деле вам впору как раз цветное? Может, вам на память подарили рубашку, но не согласны дать имя тому, кого вы под ней носите? Правду, миледи. Вот все, чего я от вас хочу.

— А не поздно ли вы ею озаботились? — проворковала Ло, глядя на капитана и комнату вокруг через мутно-красную пелену истинного бешенства. — Теперь, когда ничего не поправить? Напомнить вам брачный контракт? Развод не раньше трех лет. Если не будет совместных детей...

— Именно, — растянул губы в усмешке Рольфсон. — Удобное условие, правда? Отличная ловушка на дурака-северянина.

— Да идите вы к Барготу, капитан! — выкрикнула Ло, ненавидя и себя, и тупую наглую тварь, навязанную ей в мужа, и весь мир, такой несправедливый и мерзкий. — Бойтесь дать имя бастарду? Ну так я вас в постель не тяну! И оправдываться не собираюсь! Не знаю, как хранила вашу семейную честь прежняя жена, что вы такой пуганный зверь, но я не шлюха! И не пошла бы к алтарю с женщиной, нося ребенка от другого!

— Не смей вспоминать мою жену.

Он сказал это так спокойно и мертвенно, что Ло чутьем, единственным, что осталось ей от умения боевого мага, поняла: вот за это и в самом деле ударит. Или даже убьет. Любого, не замечая титула и пола. И неважно, кто из них успеет убить другого первым, — в этом бою победителей не будет.

— Не смейте говорить со мной так! — огрызнулась она. — Я ничем не заслужила оскорблений. Особенно от того, кто недавно клялся перед богами беречь меня и защищать. Не вам просить у меня отчета и требовать добродетели, капитан Рольфсон, — цену вашим клятвам я уже вижу. Она медленно поднялась с кровати и встала, вытянувшись в струну. Даже боль в спине отступила перед раскаленной алой яростью, застилающей взгляд. А она еще пыталась смириться, хотела договариваться, надеялась честно и старательно исполнять договор... Ей же плюнули в лицо! Превратили честь Ревенгаров в тряпку и вытерли грязные солдатские сапоги. Ну так больше смирения и договоров не будет — Ло поклялась себе в этом, черпая силы в злости и мечтая только не упасть в обморок. Все равно никто не поймет...

— Отлично, миледи, на этом и сойдемся.

Капитан отступил на шаг, качнувшись неожиданно легко для такого массивного тела, и добавил с тем же невыносимым холодным презрением в глазах, за которое его стоило убить медленно и мучительно:

— Можете ложиться спать, я вас не потревожу.

— Я могу на это рассчитывать? — ледяным голосом уточнила Ло. — Или этому обещанию стоит верить, как и прочим?

А нет, скрипнул зубами... Все-таки не каменный!

— Можете.

— Как долго? Вы ведь собираетесь убедиться в моей добродетели? А учитывая, что невинности не ждете, я знаю только один способ — подождать ясных доказательств, что я не в положении. Заодно сможете предъявить всем простыню с пятном — не дай боги кто-то заподозрит вашу светлость в мужской несостоятельности.

Столько ненависти в глазах она давно не видела... Ло почти наслаждалась: если она бессильна, то и Рольфсон в том же положении. И плевать, что будет завтра. Смерть, которая всегда рядом, быстро учит не откладывать удовольствия на потом.

— Нравится испытывать мое терпение? Миледи...

Надо же, понял! Ло чуть не расхохоталась, но в последний момент прикусила губу — смех вышел бы нехорошим.

— Убирайтесь к Барготу, милорд, — ответила она в том же тоне. — Кстати, почему вам не обезопасить себя от бастардов самым простым путем? Я была бы только счастлива не видеть вас в спальне все положенные по договору три года. А по их истечении у нас будет законный повод развестись. Что скажете?

— Отличная мысль. Так и сделаем.

Он поклонился! То есть просто кивнул, конечно, но вышло это с такой безупречной издевкой, что у Ло заныло где-то внутри: она ничего не могла противопоставить этой спокойной наглости. Если не лгать самой себе...

А барготов капитан просто развернулся и вышел. Так просто взял и ушел! Из своей барготовой спальни, где Ло собиралась провести тридцатью тремя демонами пользованную барготову брачную ночь! И если ей не показалось, то у него даже облегчение мелькнуло в глазах! Словно он обрадовался возможности не спать с новой женой.

Она беспомощно огляделась — тут и в стену-то бросить нечего! Ни вазы, ни горшка, ни даже ножа... Проклятье... Ло все-таки рассмеялась, сначала тихо, потом громче, потом, когда она снова села на постель, смех перешел в плач, но это было уже неважно, потому что в коридоре наверняка давно никого не было. И вообще, это все от боли в спине, разумеется. И лечь ей тоже хочется от боли, но не вытянуться, как обычно, а свернуться клубочком, уткнуться в подушку и тихо-тихо поскулить. Никто же не услышит, а подушка к утру высохнет.

* * *

Да что же это такое, дюжину йотунов ему под одеяло! Снова он повел себя как дурак перед этой женщиной! А она...

У Эйнара даже челюсти свело от бессильного гнева. На себя, на нее, на короля, чтоб ему спокойно не спалось, на всю проклятую глупость, что происходит вокруг! Он шел по коридору второго этажа, от бешенства не видя и не слыша ничего вокруг. Вот бы провалиться сквозь землю, подальше от леди супруги! И забыть о ней! И о том, что завтра придется вернуться и как-то снова попробовать договориться с женщиной, которая... Да любого мужчину он бы за такое убил!

— Капитан Рольфсон...

Резко остановившись, Эйнар прислушался. Показалось?

— Капитан... Рольфсон...

Нет, не показалось. Эйнар шагнул к стене и встал у нее, чувствуя лопатками надежный камень. Огляделся в обе стороны, переведя дух. Только что кипящая кровь еще стучала в висках, но он заставил себя дышать глубоко и медленно. В пустом полутемном коридоре, скудно освещенном единственным факелом, просматривался каждый уголок. Некому было окликнуть. Точно некому.

— Капитан?

Голос был мягким и каким-то безликим... Никак не получалось представить, кому он мог бы принадлежать. Разве что скорее мужчине, чем женщине. Хотя Эйнар бы и за это не поручился.

— Кто ты? — сказал он негромко, кладя ладонь на рукоять ножа и жалея, что больше никакого оружия при нем нет. — Покажись!

— Не здесь, — в голосе не слышалось угрозы. — Пройдите дальше, капитан. К северному окну.

— Сам иди к йотуну, — огрызнулся Эйнар. — Человек ты или нечисть?

— Человек, — а вот теперь, пожалуй, и насмешку можно различить. — И обещаю не причинить вам никакого вреда. Просто поговорим. Ну же, капитан, не бойтесь...

Эйнар ухмыльнулся. Что, его действительно пытаются взять на слабо, как мальчишку?

— А может, я боюсь! — сказал он чуть громче. — Неизвестно кто зовет неизвестно куда... Если и правда не желаешь плохого — почему не показаться?

Снизу донесся приглушенный рев — гарнизон праздновал его свадьбу от души. Кликнуть подмогу, что ли? Часовые-то точно не спят и не гуляют. Но голос — кто б он ни был — попал в крепость мимо них. Эйнар глубоко вдохнул: по спине и вправду пробежал холод. Не страха, но тревоги.

— Не могу, — терпеливо, как полному дураку, объяснил невидимка. — Вам решать, капитан. Еще немного, и я уйду. А вы не узнаете кое-чего очень важного. Вы уже задумывались, почему король так странно наградил леди Ревенгар?

Голос смолк. И Эйнар понял, что эту наживку, пожалуй, проглотит. Или сделает вид, что проглотил. Но что же оно такое? Колдовские штучки, не иначе.

— Ладно, иду, — мрачно ответил он.

И вправду, пока кого позовешь, пока объяснишь... Невидимка, можно ручаться, исчезнет. А с ним и ответы на вопросы, которыми Эйнар мучается который день. А если бы ему хотели плохого, то могли бы не забалтывать, а сразу ударить в спину.

Миновав лестницу, он прошел по коридору дальше, до северного окна с небольшим балкончиком, выходящим на крутой обрыв. Снизу не залезть, других окон рядом нет, разве что с крыши можно спуститься, если как-то на нее попасть. И куда обладатель голоса думает теперь спрятаться? Может, он крылатый?

Но на балконе никого не было. Только ночная тьма, тишина и холод. Не подходя к краю, Эйнар осмотрелся: точно никого. Хотя темнота в правом углу у перил... чуть темнее, что ли?

— Вот и славно, — сказала темнота, и из нее соткалась человеческая фигура, напоминающая жреца Претемной Госпожи: длинный плащ и капюшон, скрывающий лицо. — Не беспокойтесь, я действительно человек.

— Колдун, — буркнул Эйнар даже не вопросительно, и фигура кивнула.

— Если вам так спокойнее, можете достать нож, — сказал обладатель безликого голоса, не ставшего более узнаваемым — словно через плотную подушку слышишь, только яснее. — Но в ход пускать не советую. Мне не повредит, я фантом. Знаете, что это такое? Морок, по-вашему. А тело мое отсюда далеко.

Эйнар присмотрелся: через фигуру прищельца просвечивала пара огоньков — окна видной с балкона караулки. Ах вот оно что... Ну, мороку, конечно, нож не страшен, но и сам он ничего сделать не может. Только заморочить. К краю балкона подходить уж точно не стоит.

— Кто ты и зачем пришел? — спросил он, приваливаясь плечом к косяку и на всякий случай благоразумно не сходя с порога, отделяющего балкончик от коридора; известно же, что порог — место между мирами, и над стоящим на нем нечисть не властна. — Что тебе до моей жены? — Быстро вы привыкли называть ее женой, — усмехнулся морок. — Живую-то легче любить, верно?

Это было как удар под дых. Эйнар захлебнулся холодным ночным воздухом, качнулся вперед, схватившись за черен ножа так, что тот впился в ладонь.

— Тише, капитан, — укоризненно сказал голос. — Тише... Неужели рана до сих пор столь свежа?

— Что тебе нужно? — прохрипел Эйнар. — Говори или убирайся!

— Мне нужно, чтобы вы подумали. Хорошо подумали, капитан. В Руденхольмском ущелье воевала барготова дюжина магов. Двенадцать из них погибли. Честно, героически, спасая многие и многие жизни простых солдат. А одна — выжила. Не странно ли?

— Иди ты к йотуну, — снова бессильно огрызнулся Эйнар. — Так бывает. Я сам терял людей, но выжил.

— Допустим, — легко согласился морок. — Но почему король не наградил женщину, которая спасла Руденхольм? Она ведь и всю страну спасла, получается... От Руденхольма до Дорвенны — рукой подать. А вольфгардцы, обломав там зубы, пошли на мировую. Разве такой подвиг не заслужил награды?

— Говори яснее, — угрюмо сказал Эйнар. — Хватит крутить, как лиса хвостом. Она трусила? Или что?

— Этого вам никто не скажет, капитан, — вкрадчиво мурлыкнул морок. — Даже я. А если скажу, то с чего вы должны мне поверить? О вашей жене, второй жене, не первой, поют баллады. Король назначил ей пенсию и нашел прекрасного мужа. Правда, подальше от столицы. Наверное, неспроста?

— Ну? — выдохнул Эйнар.

Да что же эта тварь поминает Мари? Зачем? И что хочет сказать про магичку?

— Двенадцать, капитан. Двенадцать магов спят под водами Руденхольма, — нараспев сказал морок, не шевелясь. — А у единственной выжившей на пальце нет перстня. У вас ведь есть друг-целитель, капитан? Спросите у него, что такое лишение кольца? Кто его делает и, главное, за что? А потом...

— Да говори же, — процедил сквозь зубы Эйнар, когда молчание стало невыносимым.

— Потом, капитан, — снова зажурчал тихий сладкий яд, — хорошо подумайте: что так удобно скрыть в глухой пограничной крепости? Подвиг или нечто совсем иное? Народ любит баллады о героях. В Академии Ордена детишкам-мажатам рассказывают о Стальном Подснежнике... Разве можно отнять у людей такую сказку? Даже если героиня — не совсем героиня... Среди тринадцати магов было только три женщины. И две погибли почти сразу. А одна — выжила и пережила всех мужчин. Кто теперь узнает, за чьей спиной она пряталась? Кто прикрыл ее собой...

— А ты... знаешь? Откуда?

Эйнар не хотел слушать — и не мог заставить себя уйти.

— О, я очень хорошо знаю леди Ло, — усмехнулся, судя по голосу из-под капюшона, морок. — И очень давно. Женщины, капитан, как и мужчины, тоже делятся на тех, кто прячет других — и кто прячется сам.

И снова Эйнар будто пропустил увесистый удар, да по больному месту. Нет, не мог проклятый морок знать — откуда ему? Откуда ему было видеть, как тонкую фигурку охватывает зеленое пламя? Как все решают мгновения, бесконечные мгновения, за которые можно успеть отпихнуть в сторону дочь, но уже не выйдет спрятаться самой...

— Спросите у своей новой жены, — донесся сочувственный голос, — кто еще жив из тех, с кем она служила? Если она скажет правду, вы сильно удивитесь, капитан.

— Это война, — упрямо сказал Эйнар, сам не зная, что заставило его ошетиниться. — А боевых магов стараются выбить первыми. За любого боевика вольфгардцы платили как за полковника, даже за мажат-послушников.

— Но леди Ревенгар выжила, — вкрадчиво уточнил морок. — Редкое везение. В двадцать пять лет пережить старых опытных магов. Не буду спорить, капитан. Просто присмотритесь. И подумайте... Почему леди Подснежник никогда не рассказывает о своем подвиге? Даже королевскому дознавателю не ответила на вопросы. Почему она не носит перстень, который ни один маг не снимает по доброй воле? Почему король швырнул ей пенсию и выдал замуж за первого попавшегося служаку в захолустный гарнизон? Почему ей не нашли место в Академии, раз она такой великий маг? Уж детишек-то могла бы учить... Почему она не любит говорить о сослуживцах? Почему ее мучают дурные сны, да такие, что леди изволит принимать хелайзиль — знаете это дивное зелье? Не дай боги нормальному человеку попробовать... И почему она согласилась выйти за вас — вот самый интересный вопрос.

— Я подумаю, — сказал Эйнар, отликая от косяка и делая шаг вперед. — Если ты тоже ответишь на вопрос. Зачем ты мне все это рассказываешь? Война закончилась, моя жена больше не армейская магичка. Так что тебе до нас, а?

— Я хочу справедливости, капитан, — сказал морок за пару мгновений до того, как растаять в его руках. — Справедливости для павших и наказания для предателей. Клянусь в этом. Еще увидимся...

Ладони Эйнара обдало холодом, словно в родник опустил. Ничего... Только легкая дымка, и та исчезла на глазах, стоило повеять ночному ветерку. И правда морок, наваждение. А жаль!

Добраться бы и поговорить начистоту!

Эйнар отступил назад, опять привалившись к косяку. Во что это он влез ненароком? Королю не отказывают, но, если бы знать раньше, послать бы сватовство его величества хоть к родным северным йотунам, хоть к местному Барготу. А теперь поздно. И леди магичку спрашивать бесполезно, не с чего ей с ним откровенничать. Уж точно не после того, до чего они договорились этой ночью.

Закусив губу, Эйнар помотал головой, будто сбрасывая хмель. Снова посмотрел на руки, удивляясь собственной глупости: вздумал тоже, морок руками хватать. Но если тот вернется, можно будет узнать еще что-нибудь. А пока и вправду приглядеться к женщине, навязанной ему в жены. Верить на слово Эйнар не собирался никому. Тем более незваным, но заявившимся в гости морокам. Хотя прекрасно понимал неизвестного мага, который ненавидит Лавинию Ревенгар. Ему самому хватило нескольких минут один на один, чтобы захотелось ее ударить!

Снизу заорали так, что чуть стены не качнулись. Эйнар поморщился. А ведь надо где-то устроиться на ночь. Не в казарму же идти... К Лестеру, может? Нет, слишком многое объяснять придется. А вот... Он оглянулся. Факелы в коридоре горели ровно, дверь спальни, его собственной спальни, была плотно закрыта. Но что, если...

Он вернулся к комнате Мари. Там должна была спать горничная, это он вспомнил в последний момент, уже толкнув дверь. Девчонка, в самом деле устроившаяся на постели, ойкнула, воззрилась на него огромными перепуганными глазами.

— Тихо ты, дуреха, — бросил он ей. — Иди к своей хозяйке, в спальню. Ну, живо!

Подхватившись и кутаясь в тонкое одеяло, горничная проскочила мимо, косясь с откровенным ужасом. Что уж она себе вообразила, Эйнар не знал и думать не собирался. На душе и так было тошно.

Пройдя к кровати, он скинул сапоги, содрал рубашку и штаны — самые лучшие, старательно с утра отутюженные прислужой. Завалился на разобранную постель и уставился в потолок.

Брачная ночь, йотунам ее в задницу... И вот ради этого стоило становиться лордом? Он бы сейчас десять лет жизни отдал, пожалуй, чтобы просто услышать голос жены. Своей настоящей жены, единственной, любимой... Просто узнать, что там, где она сейчас, у нее все хорошо. Хотя бы приснилась, что ли... Но разве он заслужил такое счастье? Только не сегодня.

Глава 9

УТРО ЛЮБЯЩИХ СУПРУГОВ

Проснувшись, Лавиния несколько мгновений созерцала потолок, невольно раздумывая: неужели в пределах досягаемости нет ни одного штукатурка? Вон там трещина и там... А там, того и гляди, вот-вот отвалится изрядный кусок, и хорошо, если не кому-нибудь на голову.

Например, законному супругу до истечения первого года брака. Доказывая потом, что непричастна. Хотя такую голову, наверное, обычной штукатуркой не повредить. Для нее бы осадное бревно использовать или катапульту.

— Нэнси! — окликнула она горничную. — Его светлость никого не прислал?

— Никак нет, миледи, — подскочила девчонка, что-то шьющая у окна. — Его светлость с утра уехал. На кухне сказали, на дальнюю заставу.

— Вот как? — усмехнулась Ло. — Интересно, есть ли на земле такое место, чтобы мужу некуда было деться от жены? Даже здесь, где ни трактиров, ни игорных домов, а служба под боком, — и то нашлась застава.

Она глянула в окно, привычно определяя время по солнцу. Выходило, что проснулась не так уж поздно, часа через два после рассвета. Капитан — ранняя пташка. Или очень торопился, что вернее. Не рассчитывает же он отсидеться на заставе все три года? А ведь неплохо было бы. Сев в постели, она велела Нэнси бежать за теплой водой, а сама всерьез задумалась. Как им с Рольфсоном теперь жить, как ей поставить себя с прислугой, как приструнить бедную сиротку? Ну и самое важное, сама себе усмехнулась Ло, — что ей сегодня надеть? Рубашка Маркуса вчера уже отслужила свое, носить ее теперь — открыто бросить капитану вызов. Да и не таскать же одну рубаху со штанами каждый день. Платье? Это будет прилично, спору нет. И Рольфсон убедится, что Ло готова пойти на мировую. После вчерашнего уступать капитану хотелось не больше, чем садиться за один стол с вольфгардцами, но... если его величество, чтоб ему последняя дрянь в новые фаворитки досталась, замирился с северянами, то и ей стоит попробовать. Последний раз. И только ради предстоящих трех лет супружества. Ло с сожалением посмотрела на рубашку и штаны, бережно повешенные Нэнси на спинку кровати. Вчера девчонка примчалась к ней в ужасе и недоумении, сообщив, что его светлость... Да-да, в той самой комнате! А ее сюда отправил. И если леди что-нибудь нужно... Воды горячей или целителя...

Уже успевшая проплакаться Ло сообразила: если не успокоить Нэнси, наутро весь гарнизон будет знать, что брачная ночь их капитана закончилась каким-то непотребством. Виданное ли дело, чтобы новобрачный сбежал из супружеской постели! Удружил капитан... Впрочем, они с Рольфсоном все равно не собираются эту постель делить, так что пусть уж местные сразу почешут языки и привыкнут. Девчонке она велела смолкнуть и укладываться спать. Удовлетворять жадное любопытство, светящееся в умных глазках, Ло не собиралась — еще не хватало откровенничать с прислугой.

А сейчас, раз капитана нет дома, можно сходить в ту спальню и выбрать из багажа платье поскромнее. Попрошаться с мэтром Тюбуи, написать все-таки и отправить с ним письма для Мелиссы и Маркуса. Позавтракать, осмотреть крепость, разобрать багаж... Чем угодно заняться, лишь бы не завывать от накаывающей безнадежной тоски. Три года? Да она уже готова бежать отсюда босиком до самой Дорвенны!

Стиснув зубы и одернув себя, Ло встала, накинула приготовленный умницей Нэнси шелковый халат. Выглянула в окно, выходившее все на тот же двор. Полузасохшее дерево, каменный круг накрытого крышкой колодца, молодой солдатик тянет ведро помоев куда-то за угол... Это вам не столица, леди Ревенгар, привыкайте. Зато с утра от вас на заставу сбегает законный муж-комендант, а мог бы его величество отправляться к государственным делам. А в приемной толпились бы придворные, ожидая выхода королевской фаворитки и случая предложить услуги или выпросить милостей. Бр-р-р-р...

Платье поскромнее нашлось с некоторым трудом — она явно не привыкла к роскоши, положенной ей как главе рода. Обедневшего рода, об этом Ло помнила постоянно, как только привыкла осознавать себя старшей из Ревенгаров. Обедневшего и землями, и средствами, и, что хуже всего, членами семьи. Они с Мелиссой да пара близнецов-кузенов, о которых что-то давно ничего не слышно с тех пор, как юноши закончили зеленый факультет и уехали делать карьеру во Фрагану — там высоко ценят дорвенантских магов. Для серьезного древнего дома — неслыханный упадок! И не похоже, чтобы замужество Ло как-то поправило дело, даже стать комендант и его дочь полноправными Ревенгарами. Одна надежда на Мелиссу.

Но думать о сестре сейчас не хотелось — и так душа болела за то, как они расстались.

Для первого дня в крепости Ло выбрала темно-серое платье из тонкой шерсти, очень скромное и удобное. Умеренно широкая юбка в мягкую двустороннюю складку, скроенный точно по фигуре лиф и прямые, слегка облегающие рукава. Из-за цвета платье казалось почти траурным, но отделка серебряным кружевом превращала мрачность основы в строгую изысканность.

— Может, все-таки бирюзовое? — жалобно спросила умильно простодушная Нэнси. — Миледи, вы в нем такая, такая... будто вам столько лет!

— Сколько? — с интересом спросила Ло, разглядывая в помутневшем зеркале холодную строгую аристократку, незнакомую и очень неприятную.

На вид леди в зеркале было лет тридцать, а то и тридцать пять. Восхитительно! Вот в этом Ло и пойдет знакомиться с местной прислугой.

— Много, — увильнула от ответа горничная. — А бирюзовое — нежное, шелк так и струится.

— Сделай мне пучок, как вчера, — велела Ло, садясь в потертое старое кресло с пыльной обивкой. — И... сколько в крепости женщин, кроме экономки? Молли, верно?

— Точно так, ваша светлость! — отрапортовала горничная. — Она и кухарка заодно. Ведает продуктами, бельем и всяким припасом. Еще есть Дагни, Торунн, Селина и Катиша. Катиша помогает на кухне, Селина убирает в комнатах его светлости и его дочери, стирает для них и шьет. Дагни и Торунн — солдатские прачки. Ну и это... — Нэнси слегка зарумянилась, — они еще для мужчин на всякие услуги горазды.

— Вольфгардки, что ли? — удивилась Ло северным именам.

— Ага. Вроде еще до войны приехали на заработки. Ой, миледи, а его светлость, оказывается, вместе с солдатами столуется! И дочка с ним, только для нее, понятное дело, что повкусней готовят — Молли старается...

Хорошая разведка — половина успеха в бою. Нэнси расчесывала и укладывала ей волосы, треща как дюжина сорок, а Ло слушала, что в крепости после его светлости главный — сержант Тибальд Мерри. Все про всех знает, все может достать, и вообще, господину капитану — правая рука и вернейший друг-приятель. Есть еще один сержант — Малкольм Верзила, но тот молчун и мрачный, как кладбищенский ворон. Господин капитан уж на что сам суровый, но и он с Малкольмом не особо ладит, а с Тибальдом они после службы часто заглядывают — нет, не к девицам! Что вы такое говорите, миледи! — к лекарю Лестеру они заглядывают. Тот наливки делает и сам человек ученый, приятный, господин капитан с ним душой отдыхают... Ой, миледи, до чего у вас волосы густые, только короткие, жалость какая. Ну да ничего, отрастут! А еще по жене он сильно тоскует. Уж как он тоскует — на редкость прямо! Они ж молодыми поженились и жили много лет душа в душу, а как пару лет назад госпожа Мари погибла, так его светлость, считай, и не улыбнулся ни разу. Разве что дочери. Вот в ней души не чает, балует как может, ни в чем девице отказа нет. И так-то она девочка незлая, но больно уж взбалмошная, привыкла отцом крутить, как своей юбчонкой. А на мать похожа — прямо вылитая! Та тоже была рыженькая и круглолицая, что твое солнышко, — так Молли говорит. И нрава веселого... Да, миледи, уже заканчиваю. Только здесь еще заколю... Вот у его светлости одна отрада в жизни и осталась — госпожа Тильда. А про девиц даже и не думайте, миледи! Его светлость как вдовцом остался, так и ни-ни! Ни с прачками, ни в городе! Городок маленький, куда бы там утаить такое дело. Вот да, удивительно... Чтoб мужчина в самом соку два года жил отшельником!

А теперь все в крепости ждут, чего будет, потому что нрав у его светлости крутой, да видно, что миледи ему не уступает. Все уже знают, что его светлость вчера от нее ночевать в старую спальню ушел, да только гадают: почему? Ой нет, миледи, она, Нэнси, никому ничего! Да и не знает она, что сказать, даже если б хотела. Вот эти духи, миледи? А Селина спрашивает, не надо ли поменять белье в спальне его светлости, — и явно неспроста спрашивает, хитрюга... А капитан — ой, вы знаете, как его за глаза-то зовут? Миледи не рассердится? Миледи такая Добрая...

— Кирпич? — переспросила Ло, невольно впервые за утро улыбаясь. — А ведь подходит.

— И не говорите, миледи, — хихикнула Нэнси. — Ну вот, все готово. Только лучше бы все-таки бирюзовое! Кирпич там его светлость или целый горный утес, а чтoб мужчина после двухлетнего поста перед женщиной устоял, да еще законной женой, да в шелке-кружевах...

«Вот потому-то бирюзовому платью лучше остаться в сундуке, — мрачно подумала Ло. — Но кто бы мог и вправду подумать? Два года целомудрия? Или капитан очень умело и тихо устраивает свои постельные дела, или я слишком цинично думаю о мужчинах и верная супружеская память все-таки существует. Но у этого солдафона? У Кирпича? Вот уж кому точно подобрали прозвище, как вылитый...»

* * *

На заставу Эйнар уехал больше для того, чтобы дороге подумать в тишине и покое. Ну и остыть перед новой встречей с супругой, потому что полночи он провертелся, угрюмо перебирая все, что можно было сказать, да вовремя не пришло на язык. А теперь и говорить, может, не стоило? Все-таки три года им терпеть друг друга, и если леди придержит ядовитый язычок, то и он, Эйнар, как-нибудь повесит замок на рот. Спорить с женщиной — последнее дело. С собственной женой — вовсе позор. Никто тебя не тащил к алтарю под конвоем, капитан, и не подпаивал в трактире, как мальчишку-рекрута. Раньше надо было смотреть, с кем соглашаешься жить в горе и счастье.

Зато теперь, пожалуй, понятно, почему леди Ревенгар пришлось выходить замуж по королевскому сватовству за дурня, никогда в жизни ее прежде не выдавшего. Одного милого да скромного нрава хватило бы распугать полк женихов. А если леди притом небогата и на лицо с фигурой не особо хороша, то ей и вовсе стоит благодарить его величество за отцовскую заботу. Хоть такого мужа нашел.

Немолодой соловый жеребец шел ровно, дорога была знакома так, что Эйнар проехал бы по ней с закрытыми глазами, зная окрестности до малейшего кустика и сусличьей норы, которую хозяин уже законопатил на зиму перед тем, как уснуть. Хотя полной безопасности не бывает нигде и никогда, а уж в пограничных горах и подавно. Особенно если несколько дней назад лично повесил пять прошелыг, у которых поблизости остались друзья и родичи. Но он всегда ездил на заставу в одиночку, и поступить иначе — показать, что Кирпича Рольфсона удалось припугнуть. Да и не поможет ничем пара солдат от обещанной стрелы в спину или камня из пращи. Вот знание, что за смерть королевского офицера деревню подожгут с четырех концов, — это помогает. Местный народ уважает только силу и жесткость, отец нынешнего короля хорошо это понимал, потому Дорвенант и продвинулся в горы так далеко.

А что уважает леди Ревенгар, боевая магичка, как ее там... Стальной Подснежник? Можно ли все-таки с ней договориться добром, как советовал Лестер?

Эйнара пробрал знобкий холодок, и совсем не от утреннего ветра. Имя Лестера потянуло за собой другое воспоминание — вчерашний морок, наглый и вкрадчивый гость без имени и лица. Что ему нужно? Может, Эйнар зря беспокоится о трех годах жизни с леди Ревенгар, если у нее такие враги?

«Она твоя жена, — угрюмо напомнил внутренний голос. — И вчера была права, между прочим. Ты поклялся перед богами, что никому не дашь ее в обиду. Можешь не любить, капитан, но защищать — изволь».

Вчерашний разговор с мороком ныл, как больной зуб. Во что его впутала женитьба на леди-магичке, за которой тянутся такие следы? Допустим, обвинением в том, что леди осталась в живых одна из всех, можно и пренебречь. Понятно, мужчины всегда будут прикрывать оказавшуюся с ними в бою женщину, маги они там или простые наемники. Может, и ценой своей жизни. А если такое дело, как подрыв заряда и спасение королевства, доверили всего троим магам и в их числе женщине, то неумехой ее точно не назвать. Морок мог сказать правду, а мог и крутить, пользуясь тем, что Эйнар в магических делах разбирается, как его жеребец — в армейском уставе.

Но кое-что из сказанного мороком и впрямь можно проверить. Леди не носит перстня, который ей положен по форме, да и колдовать без него вроде несподручно. Во всяком случае, об этом должен знать Лестер, его и следует спросить сразу по возвращении. А еще морок сказал про хелайзиль. Вот это совсем паршиво, если его, Эйнара, жена балуется дурным зельем, от которого человек теряет рассудок быстро и безнадежно. Может, это и есть настоящая причина ее ссылки? Нехорошо, если признанная героиня на глазах у народа превращается... Эйнар вспомнил, во что превращаются рабы хелайзили, и невольно скривился от отвращения. Но по ней пока ничего похожего не видно. Зрачки обычные, говорит чисто и ясно, разве что бледная, как мертвец неупокоенный. Или как долго и тяжело болевший человек.

Ах, как хотелось поговорить с ней начистоту. Рассказать о проклятом мороке и спросить: какие старые счета леди тянут теперь лапы к их семье? Чего ждать, от чего защищаться? Но сердце чувало, что спрашивать бесполезно. Не тот у леди нрав, чтобы довериться и просить помощи даже у законного мужа. Еще и съязвит что-нибудь. Мол, вы сначала, комендант, найдите, кто мне платье испортил, а уж потом ловите мороков... И ведь права будет, йотун поberi всю эту поганую историю.

Настроение испортилось окончательно. Эйнар чувствовал, будто с размаху наступил в клубок ядовитых змей, и теперь его сапоги жалят, пытаются прокусить, шипя, обвиваясь и хлеща хвостами. И вроде знаешь, что магической выделки кожа и ткань, из которой шьют форму и обувь офицерам, не по зубам даже крупной горной гадюке, так что штаны и сапоги — надежная защита, но сердце противно свербит: вдруг все-таки найдет слабое место? Или подскочит и укусит в открытое тело? А ведь морок будет поопаснее любых гадюк, даже соберись они со всего Драконьего хребта. Вчерашняя его болтовня — просто разведка и приглядывание к Эйнару. Проба доспехов на зуб, так сказать. Даже о Мари не поленился узнать, тварь.

И выходит, что придется лезть в этот гадючий клубок голыми руками, потому что защиты от неизвестного врага у него попросту нет. Распутывать ядовитых кусачих тварей по одной, защищая себя, Тильду и, так уж получается, леди Ревенгар, которая сама даст урок любой гадюке. Какой она, к йотунам, Подснежник? И какая из нее жена? Дикие кошки не приручаются, хоть ты ее возьми из логова слепым котенком.

И снова Эйнару привиделась пронзительная, стылая тоска в блекло-серых глазах, смотрящих на солнце над Драконьим хребтом, словно у приговоренного к казни, видящего небо в последний раз.

* * *

Хорошенько поразмыслив, Ло решила отложить знакомство с прислугой до возвращения коменданта. Нравы здесь, конечно, простые, но все равно этикет требует, чтобы домочадцев новой хозяйке представлял хозяин. Заодно и обговорит с ним самые нужные дела. Ремонт в спальне, например.

Поэтому Ло велела Нэнси подать наверх завтрак и непременно большую чашку шамьета. Она же пока закончит начатое позавчера письмо к Мелиссе. Пузырек с разлившимися чернилами Нэнси уже убрала, но у мэтра Тюбуи наверняка найдется еще. Стряпчий без пера и чернил — как солдат без оружия или целитель без лекарств.

И действительно, мэтр охотно предоставил в ее распоряжение собственный письменный прибор. Обмакивая в чернильницу прекрасно очиненное перо, Ло вздохнула. Она совершенно не представляла, что написать Мелиссе. Жаловаться младшей сестре на мужа? Глупо и некрасиво. Да и нет у нее пока особых причин для жалоб. Конечно, капитан Рольфсон ведет себя как самый наглый и упрямый баран-солдафон из всех виденных Ло мужчин. Но, следует признать, ни за кого из них она не выходила замуж, так что неизвестно, как на его месте вели бы себя другие. А учитывая характер самой Ло, у капитана тоже есть причины быть недовольным. Вот ведь не повезло им друг с другом.

И потому в письме к Мелиссе Ло не лгала, она всего лишь очень сдержанно описала своего мужа, упирая на его прекрасные качества как коменданта крепости. О да, подчиненные его уважают и отзываются о нем с неизменным почтением!

Ясный образ кирпича стоял перед глазами, норовя прорваться в строки письма, и Ло нервно хихикнула, продолжая.

Пусть Мелисса не сомневается, ее сестра здесь окружена вниманием и радушием, ей не дают скучать, а свадебный наряд произвел на гостей ошеломляющее впечатление! Описывать брачную ночь она, разумеется, не вправе из соображений стыдливости, но пусть Мелли поверит, что таковая превзошла самые смелые ее, Лавинии, ожидания. И вообще семейная жизнь с капитаном Рольфсоном обещает быть крайне увлекательной!

Ло снова хихикнула, представляя, как придворные дамы, терзаемые любопытством, заставляют Мелли читать письмо вслух. Вот Маркус бы непременно обеспокоился таким напыщенным слогом, справедливо уловив скрытые за ним издевки. Но Маркус ее хорошо знает, а Мелли впечатлительна и наивна. Ни к чему ей переживать за сестру. Леди Лавиния Ревенгар счастлива в браке. И неизмеримо благодарна его величеству! Можно не сомневаться, что ему это передадут...

Письмо к Мелиссе исчерпало ее и без того скудный запас хорошего настроения настолько, что второе — к Маркусу — Лавиния решила отложить. Завтрак, принесенный Нэнси, уже успел остыть, но главное, что на подносе исходила ароматным паром чашка шамьета — восхитительного, густого, черного как смоль шамьета. Ло пригубила его, заранее шурясь от удовольствия... Покатала глоток жидкости во рту... Проглотила — не плевать же. И протянула чашку Нэнси, коротко велев:

— Попробуй.

Недоуменно хлопающая ресницами горничная послушно отпила и скривилась.

— Миледи... Да что же это...

— Кто готовил завтрак? — с интересом спросила Ло.

— Не... не знаю, миледи! То есть Молли готовила! Только я рядом стояла, она ничего... ничего такого...

— Я тоже думаю, что у экономки хватило бы ума не сыпать при тебе в шамьет соль, — согласилась Ло. — Вспоминай, Нэнси. Кто еще там был? Тильда была?

— Нет, — почти разочарованно помотала головой Нэнси. — Честное слово, миледи, госпожи Тильды и близко не было. Катиша была. Так она к шамьету и близко не подходила. Молли сама его варила, сама пряностями заправляла и медом...

— Медом и пряностями, — задумчиво повторила Ло. — Ладно... на кухне не вздумай ляпнуть про соль, поняла? Спросят про завтрак — скажи, что миледи понравилось. Очень понравилось, ясно?

— Ясно... а зачем?

— Посмотришь, удивятся или нет, — терпеливо объяснила Ло, и девчонка, сообразив, разулыбалась.

— Понятно, миледи. Не извольте беспокоиться! Ой, а все-таки кто же вас невзлюбил так здесь? Сначала платье, теперь вот это...

Ло пожалала плечами. Наверное, она должна была разозлиться. Этого от нее ждали, подленько покусывая исподтишка. Но делать то, что от тебя ожидает противник, не будет ни один вменяемый боевой маг. Она должна была устроить скандал из-за соленого, как солдатская ветчина, шамьета? Не дождетесь. И это не слабость, а ее ответный ход.

Отставив чашку, Ло попробовала молочную овсяную кашу с копченым сыром. Восхитительно! Гренки румяные, хрустящие, но поджаренные как раз в меру. Черничный джем, который она лизнула с некоторой опаской, можно было смело подавать к королевскому столу. Значит, только шамьет... Интересно, куда заранее насыпали соль, в мед или в специи? Глупая маленькая война, которую все равно нельзя спускать с рук. Жаловаться коменданту бесполезно, разумеется.

С удовольствием позавтракав, тем более что время близилось к обеду, Ло запечатала письмо и велела Нэнси отдать его мэтру Тюбуи лично в руки. Нигде не оставлять! Проникшаяся почти военным положением девчонка клятвенно пообещала. А Ло, услышав цокот копыт по плитам, подошла к окну. Ага... Капитан Рольфсон, ее законный и благоверный Кирпич! Надо думать, на заставе все в порядке, раз так быстро обернулся.

Спешившись, капитан сам повел жеребца в конюшню, а Ло, прихватив злополучный шамьет, поспешила из комнаты, рассчитав, что времени ей как раз хватит, чтобы встретить супруга внизу.

Разумеется, она успела вовремя. Рольфсон, запыленный и очень мрачный — впрочем, это явно было его обычным состоянием, — вошел в зал на первом этаже и с недоумением взглянул на Ло, будто не понимая, что она здесь делает.

Ло улыбнулась. Слегка и почти искренне. Во всяком случае, старательно. Поставив чашку на стол, сделала реверанс. Капитан сдержанно поклонился в ответ.

— Доброго дня, милорд.

— И вам, миледи.

Капитан оглядел ее с ног до головы, настороженно прищурился. Процедил:

— Благодарю, что учли мои пожелания насчет одежды.

Ло промолчала, что вообще-то рассчитывает носить и штаны тоже, когда сочтет это нужным.

Ладно, не сейчас. Видит Пресветлый Воин, их общий с капитаном покровитель, она старается.

— Папа, ты вернулся!

Рыжекосый красно-коричневый вихрь слетел с лестницы, пронесся мимо нее и повис на капитане, отработанным движением подхватившем дочь. Обняв отца за шею, Тильда болтала ногами, а у Рольфсона вдруг сделалось совершенно человеческое лицо. Открытое, почти мягкое... На Ло он, конечно, не смотрел, уткнувшись подбородком в рыжую макушку с плохо заплетенными косами. Ло еще успела подумать, что надо бы научить девчонку плести что-то по красивее. А если сама не сможет, то Ло даст пару уроков прислуге...

И тут она увидела пятна. На полосатой юбке явно любимого платья, из которого Тильда так и не вылезала третий день, у края подола красовались темно-синие пятна, незаметные раньше, но сейчас, когда девчонка повисла на отце...

— Капитан, — очень мягко позвала Ло, почти жалея, что разрушает такую семейную идиллию, — могу я задать вопрос вашей дочери?

Рольфсон непонимающе глянул на нее поверх головы Тильды и опустил девчонку на пол.

Стукнули деревянные подметки ее башмачков.

— Тильда, дорогая, — сказала Ло так же ровно, чувствуя азарт охотника, на выстрел к которому вышла вожаденная дичь. — В чем испачкано ваше платье? Во-о-он там, на подоле...

Девчонка глянула на подол. На Ло. На отца. Рольфсон нахмурился. Да уж, дураком он точно не был.

— Не знаю... — голосок Тильды был жалобным и умилительно-звонким, такой бы девочке года на три помладше.

— Правда не знаете? — ласково переспросила Ло. — А мне кажется, очень похоже на чернила. Замерев, Тильда снова бросила на отца взгляд, в котором Ло почудилось что-то неправильное. Слишком... много испуга? А губы плотно сжаты. И испуг, которым прямо светилось веснушчатое личико Тильды, вдруг показался на нем совсем лишним, неправильным, как соль в шамьете...

— Тильда... — глухо сказал Рольфсон, глядя на дочь. — Послушай...

Да, его было почти жалко. И даже без «почти». Его-то Ло понимала.

— Я вспомнила! — вдруг вскрикнула Тильда, всплескивая руками, как плохая провинциальная актриса в трагической роли. — Я... Папа, это черника! Я помогала Молли перебирать чернику! Она... Она сказала, что миледи понравился джем... Папа, я... я только хотела ей угодить! Я хотела угодить миледи, чтобы она на меня не злилась! Я... я... Папа, почему она меня во всем обвиняет? Во всем!

Скривив лицо, она снова кинулась к отцу, обнимая его, прячась на груди, всхлипывая громко и, на вкус Ло, бездарно фальшиво, но это уже было неважно. Онемев от возмущения, Ло встретила пристальный, почти ненавидящий взгляд капитана и поняла, что совершила чудовищную ошибку — недооценила противника. Дура! Надменная ты дура, Ло Ревенгар! Пятна совсем свежие! И намазаны так, чтобы ты их точно заметила! И подставилась, все-таки представ злобной мачехой. Ах, как же хорошо, что Ло промолчала насчет шамьета, наверняка и это было предусмотрено. Браво, леди Тильда, маленькая дрянь... туше!

— Миледи... — голос капитана был, как валун, пару столетий пролежавший на берегу северного моря, тяжелый и источающий холод. — Извольте оставить мою дочь в покое.

— Разумеется, — процедила Ло, в бессильной злости смотря, как Рольфсон гладит мерзавку по голове, бережно отстраняет и идет мимо Ло к лестнице наверх. — Капитан!

Он оглянулся. Глянул на нее угрюмо, и было понятно, что ничего не выйдет, но Ло все-таки надеялась. Нельзя же быть таким болваном! Ладно, пусть он слеп, глух и теряет рассудок, когда дело касается мелкой наглой паршивки, но в других-то вопросах должен проявлять признаки разума?

— Капитан, когда вы представите мне прислугу крепости? — насколько могла спокойно спросила Ло. — Как ваша жена я должна заниматься хозяйством.

По каменным скулам прокатились желваки. Рольфсон нехорошо прищурился, в упор рассматривая Ло, и она вдруг почувствовала себя совершенно беспомощной. Нет уж! Она в своем праве! И пусть серое платье ничуть не похоже на мундир королевского боевого мага, но положенного ей по закону Ло не уступит. Возможно, и Рольфсон что-то прочел по ее глазам, потому что уронил едва ли не с отвращением:

— Что касается хозяйства, крепость и люди в вашем распоряжении. Занимайтесь чем хотите.

— То есть... сама? — недоуменно воззрилась на него Ло. — Вы не хотите дать вашей экономке и слугам распоряжение мне подчиняться? Обсудить самые первостепенные дела? Вы здесь комендант и мой супруг!

— Супруг, а не нянька, — отрубил Рольфсон. — А если понадобится как комендант, то, надеюсь, по серьезному делу.

Онемев, Ло смотрела, как он уходит вверх по лестнице. Тильда, побежавшая было за отцом, вдруг остановилась. Дождалась, пока Рольфсон поднимется и свернет за угол, издевательски улынулась Ло и сделала реверанс, низко присев и держа пальчиками испачканную юбку. А потом вприпрыжку кинулась вслед капитану.

— Хорошо... — медленно и тихо сказала Ло, прикрыв глаза.

Что там говорили целители — не нервничать? О, конечно, она не нервничает. Она в бешенстве. И это тоже неплохо, потому что спина почти перестала болеть, а мысли стали четкими и ясными.

— Хорошо... — повторила Ло, прикидывая, с чего начать знакомство с крепостью. — Как скажете, дорогой супруг.

Сделав шаг назад, к столу, она не глядя протянула руку, но чашки там не было.

— Простите, — сконфуженно отозвался сержант Мерри, лучший приятель ее мужа. — Так это ваш шамьет? Мои извинения, леди.
— О, что вы! — лучезарно улыбнулась Ло. — Угощайтесь, сержант! Попробуйте-попробуйте... Мерри, не сводя с нее подозрительного взгляда — а хорошее у него чутье, — осторожно пригубил, закашлялся, воззрился на шамьет, потом на Ло.
— Нравится? — участливо спросила она. — Интересный рецепт, правда?
— Не то слово! — выразительно сказал сержант. — Это так в столице пьют, миледи?
— Да нет, — усмехнулась Ло, подходя и забирая у него чашку. — У вас в крепости. И готова поставить свое приданое против вашего жалованья за день, что самое интересное только начинается.

Глава 10 ЛЕДИ НЕ ТОРГУЮТСЯ?

Теперь Эйнар отчетливо понимал то, что по капле просачивалось в его мысли последние несколько месяцев: из него вышел паршивый отец. Да, он любил Тильду истово, как только можно любить единственную дочь и память о любимой женщине, но совершенно не понимал, что с ней делать. Детей следует воспитывать, иногда им нужна строгость, а не только ласка, но Эйнар не мог заставить себя прикрикнуть на Тильду или наказать ее, даже когда это было нужно.

После смерти Мари Тильда надолго замкнулась, спрятавшись в молчании, сидела в ее комнате, перебирала вещи матери, засыпала только в обнимку с их любимой кошкой-трехцветкой, уже старой и облезлой Нисси. Эйнар, сам света не видевший, а ведь на нем была теперь вся крепость, не знал, что и делать. Но постепенно Тильда оттаяла, снова начала улыбаться, а главное — привязалась к нему, как никогда. Бегала следом хвостиком, при каждом удобном и неудобном моменте замирала рядом, вцепившись в руку, и даже попыталась было напроситься к нему спать, но тут уж Эйнар решительно воспротивился: совсем ведь взрослая девица, скоро заневестится!

А вот что с нею делать — он не знал. И иной раз, молча кляня собственную слабость, подло сожалел, что Мари оставила ему не сына. С мальчишкой он бы знал, как управиться! Брал бы с собой везде, учил ездить на лошади, читать следы и драться любым оружием или голыми руками. Мальчишку он научил бы плавать и нырять, ловить рыбу в быстрых горных ручьях, разводить костер в любую погоду, мастерить воинский припас и добывать зверя. Да мало ли вещей, которым мужчина может и должен научить сына!

Тильда была девочкой. Да, она с радостью ездила с ним на прогулки и неплохо держалась в седле. Умела подбить брошенным ножом суслика, а потом разделать его и пожарить на костре, могла заварить питье из горных трав или угадать погоду на будущий день по облакам, ветру и закату. Но при всем этом она была девочкой, и Эйнар смертельно боялся, что она сломает себе что-нибудь, отобьет или застудит. Девочка — будущая жена и мать, ее должно растить как хозяйку дома, а что в этом понимает Эйнар?

Тильда не хотела учиться хозяйству. Мари не выпускала из рук рукоделья, и рядом с ней Тильда привыкла управляться с иглой и спицами, но теперь корзина с разноцветными мотками пряжи и недошитыми детскими одежками стояла в самом дальнем углу спальни. На неумело лукавые просьбы Эйнара что-то зашить или залатать Тильда мрачнела, сжимала губы и относилась к Селине. Готовить она тоже терпеть не могла, как бы ни пыталась Молли пристроить ее к кухне. Кое-как научилась печь любимые лепешки Эйнара, да и то по праздникам.

И самое паршивое, что заставить Тильду заниматься чем-то полезным и пристойным для девицы было невозможно. Уговоры и приказы не помогали, лишать ее сладостей оказалось бесполезно, развлечений в крепости и так не случалось, а выпороть рука не поднималась. Если Матильда Рольфсон что-то вбивала себе в голову, вытряхнуть это оттуда было все равно, что убедить kota жрать овес вместо мяса.

А теперь его любимая, но упрямая, как ослица, дочь решила, что леди Ревенгар — ее враг. И Эйнар ее даже понимал, но что было делать ему, попавшему между двух жерновов? Понятно,

что леди, привыкшая к уважению и послушанию, видит в его дочери дерзкую девчонку, которую нужно прибрать к рукам. Само собой, Тильда тоже невзлюбила пришлую женщину, занявшую место ее матери. А виноват во всем, как ни крути, Эйнар.

Поднявшись наверх, он окликнул Тильду и подождал, пока она послушно зашла вслед за ним в спальню Мари. Приданое леди, еще не разобранные, так и стояло в коробах, а горничная возилась с одним из них, доставая вещи. Эйнар указал ей глазами на дверь, и понятливая девица, торопливо присев в реверансе, выскочила из комнаты. Вот и еще забота, кстати. Если они с леди разойдутся по разным спальням, вещи следует отнести в бывшую спальню Эйнара. А он останется здесь.

— Тиль, — начал он, осторожно подбирая слова и стараясь глядеть на дочь поласковее. — С чего ты взяла, что леди Ревенгар на тебя злится? Она с тобой вроде и пары слов не сказала.

— Потому что она злая, — с полным убеждением отозвалась Тильда, крутя в пальцах кожаную кисточку пояса и уставившись в пол. — Папа, зачем она нам?

Эйнар смотрел на дочь, и ему было почти страшно, как сильно она становится похожа на Мари, входя в пору девичества. Разве что рост от него. Мари была невысокой и кругленькой, особенно после рождения Тильды, а дочь уже сейчас ее обогнала, и видно, что еще вытянется. Однако знакомый прищур ярко-зеленых глаз, овал лица, еще по-детски круглого, но уже с изящно вырезанными скулами и подбородком, губы... У него растет красивая девочка, взявшая от обоих родителей самое лучшее. Еще бы ей побольше мягкости матери, а не упрямства отца...

— Тиль, — терпеливо повторил он, — послушай, так уж получилось. Леди Ревенгар выдал за меня замуж сам король. Это огромная честь, милая. Леди древнего рода, она настоящая дворянка. И ты теперь тоже станешь истинной леди. Поедешь в столицу и выйдешь замуж за благородного мужчину.

— Не хочу замуж! — с ненавистью выдохнула Тильда, терзая пояс. — Не хочу в столицу! Ничего не хочу! Пусть она уедет. Папа, прошу тебя...

— Тиль, ты еще дитя...

Эйнар осекся, понимая, что сгруппировал с последним доводом. Скажи ему кто в двенадцать, когда считаешь себя уже взрослым, что он ребенок, — Эйнар и слушать бы дальше не стал.

— Но вот-вот станешь девушкой на выданье, — поправился он. — Что тебе делать здесь, в горах? Разве ты не хочешь увидеть Дорвенну? У тебя там найдутся подруги, а молодые люди будут ухаживать за тобой. Но для этого ты должна стать настоящей дворянкой, милая.

«Только вот забудут ли эти молодые люди, глядя на герб твоей мачехи, что ты дочь солдата и внука мельника? — пронзила Эйнара острая беспощадная мысль. — Не погубил ли я тебя, замахнувшись в мечтах слишком высоко? Могут ли крылья поднять в небо того, кто не был с ними рожден?»

— А я не хочу становиться дворянкой, — еще злее процедила Тильда. — Не хочу становиться как она. Ходит, кривится, будто жабу съела, смотрит на всех, как на грязь под ногами. Не хочу! И мамину комнату она заняла!

— Тильда, не дури! Ну стоит там несколько ящиков, и что? — начал злиться Эйнар. — Заберет их в большую спальню. А тебе не мешает быть повежливее. Лучше поучилась бы у леди манерам, тебе это пригодится.

— Манеры? — фыркнула Тильда, вскидывая голову. — Фу-ты ну-ты! А Молли говорит, что она дурная женщина! И Селина! И все говорят! Потому что у нее платяев дюжина коробов, а замуж пошла в мужской одежде. И простыню никому не показали. Папа... а зачем показывать простыню?

— Тильда!

Эйнар с отчаяньем понял, что краснеет. Ну вот почему эти болтливые дуры, раз уж и без того наболтали лишнего, не объяснили заодно девочке то, что должны объяснять женщины, а не мужчины? Небось, трепали языками на кухне, а Тильда подслушивала. Потом спохватились. И да, ей давно пора знать такие вещи, только мужики при дочери капитана держат рот на замке, боясь даже ругнуться, — знают, что никому мало не покажется. А женщины просто не думают, что девочка растет без матери, и то, что им известно чуть ли не с рождения, ей некому было сказать.

— Тильда, — с усилием повторил он, — вот такие вещи тебе и должна бы объяснять...

Как ее назвать? Не матушкой же! И не мачехой — совсем непочтительно.

— Леди! — выкрутился он. — И про простыню, и про девичью честь, и про манеры. И про то, о чем можно говорить с мужчинами, а о чем — нет.

— Ты не мужчина, — резонно заметила Тильда. — Ты же мой отец. А она дура. И злая. И дурная женщина.

— Я Молли и Селине языки оторву, — угрюмо пообещал Эйнар, понимая, что не вывешенная по обычаю простыня — это еще тот капкан.

Сейчас они додумались до самого простого и грязного объяснения, а когда узнают, что Эйнар с леди ночуют в разных спальнях, — невесть до чего додумаются! И ведь Тильду от этого никак не уберечь. Ох, легче того же кота не только овес научить жрать, но еще ходить строем и честь отдавать, чем заставить женщин молчать.

Тильда молча подошла к нему, сидящему на постели, ближе, обняла, положив голову на плечо. Эйнар вдохнул ее запах. От дочери пахло полынью, печеным хлебом — то-то на кухне сидела, свежие лепешки караулила — и собаками.

— Тиль, опять на псарню полезла? — упрекнул он, ловя редкий момент близости, как затишье перед бурей. — Я тебе сколько раз говорил? Без меня или Тибальда — ни ногой. Там волкодавы!

— У Майры щенки... — виновато отозвалась дочь, уткнувшись ему в плечо. — Хорошенькие такие! Можно я одного себе возьму, насовсем? Папа, пожалуйста!

— Посмотрим, — буркнул Эйнар. — Они еще маленькие. И без меня не ходи. Райда вот-вот загуляет, кобели взбесятся. И, Тиль... извинись перед леди, слышишь? Она вовсе не злая. Вот узнаешь ее лучше...

— Не буду!

Тильда отпрыгнула от него, как кошка. Сверкнула яростно глазами, задрала подбородок. Уже совсем не Мари! А вылитый он сам в ее возрасте, дурак и осел!

— Извиняться? Перед этой белобрысой? Ни за что! Пусть убирается в свою столицу и там в штанах ходит, чтоб на нее мужики слюни пускали!

— Тиль! Не смей!

Снова фыркнув, Тильда вылетела за дверь как ошпаренная. Простучала туфлями по полу коридора. Эйнар закусил губу, наливаясь гневом. А вот это уже серьезно. Это она не своими словами говорит ведь! Молли, значит. Селина... Ну и все остальные? А если болтают женщины, то и мужчины заговорят, на это много времени не надо. И что делать? Пороть дур? Выгнать из крепости особо языкастую? Только вот без Молли в хозяйстве никак не обойтись, на ней оно все и держится.

Эйнар бессильно врезал сжатым кулаком по кровати рядом с собой. Он-то думал, что самая серьезная опасность — злоязыкий морок! А тут без всякой магии скоро на стену полезешь! И какого йотуна он, дурень, отправил леди Ревенгар одну к этим трепливым мерзавкам! Не дай Пресветлый, они чего ляпнут — ему же потом стыда за своих людей не обернуться будет! Леди-то права, ему надо было поступить как... да как коменданту, представляющему своих людей новому офицеру! И неважно, что там у них за семейные дразги, чужие языки в такое мешаться не должны. Сегодня кухарки и поломойки не уважают его жену, а завтра — и самого Эйнара! Он тяжело поднялся, гадая, успеет ли исправить то, что сам же и устроил. И, уже выходя в коридор, понял, что не успел.

— Ваша милость! Ваша милость!

Молли мчалась к его комнатам так быстро, что цветастая юбка моталась вокруг ног, а деревянные подметки башмаков гулко вбивались в пол под немалым весом экономки.

— Ваша милость, — запыхавшись, проговорила она, останавливаясь перед Эйнаром и упирая руки в бока. — Это что же такое! Меня, честную женщину, в воровстве обвинять? Да я! Да я ночами не сплю! Думаю, как бы повкуснее да посытнее всех накормить! А меня... она... Какая-то...

Она все-таки осеклась. Застыла, глядя в лицо Эйнара, хлопая хитрыми круглыми глазками и явно жалея о том, что слетело с языка.

«Распустились! — холодно и очень зло подумал Эйнар. — Решили, что сойдет с рук вообще все, как сошло испорченное платье, будь оно неладно. Ну, сами виноваты».

— В чем тебя обвинили, Молли? — сказал он тихо и так четко, что кухарка, не сводя глаз с его лица, сглотнула и слегка попятилась. — И кто? А то я не расслышал.

— Так... леди же... — пискнула Молли.

— Моя супруга? — уточнил Эйнар так же тяжело и спокойно. — Ее светлость леди Ревенгар? Ну что ж, пойдем, разберемся.

* * *

Приходно-расходные книги — на диво интересное чтение. Конечно, для тех, кто в этом понимает. Ло терпеть не могла денежные дела, но поневоле в них разбиралась. Лет с двенадцати, когда погиб отец, а следом тихо угасла матушка, управление домом легло на Ло почти полностью, несмотря на обучение в Академии — отчеты управляющего исправно приносили туда, так что она до сих пор помнила, сколько стоит прочистка дымоходов и сколько фунтов говядины следует закупать в месяц. От этих обязанностей ее не освободила даже война, потому что в опустевшем особняке Ревенгаров остались Мелисса со слугами. А за управителем, даже самым честным и преданным, нужно приглядывать. Ему самому так спокойнее — нет лишних искушений.

Потом Мелли уехала покорять двор, и Ло велела закрыть особняк, оставив только пару сторожей, а слуг отослала в последнее сохранившееся поместье Ревенгаров — так на их содержание требовалось куда меньше средств. Экономить она умела на всем и знала, что ей придется делать это очень долго. Скорее всего, всю жизнь. И даже перестала злиться на это. А теперь вот получалось, что к одному требующему внимания хозяйству добавилось другое, с неминуемыми хлопотами. И неизвестно еще, помощью или обузой станет ей муж. Ло поставила бы на второе.

В кабинет, где хранились денежные книги крепости, ее, разумеется, никто не пустил. Ло с интересом оглядела соседнюю комнату, служившую складом всяких нужных мелочей от писчей бумаги до кожаных шнурков и ремней. На одной полке робко теснились книги. Подойдя к ним и проведя пальцами по серым от пыли корешкам, Ло поморщилась. Школярское «Жизнеописание славных королей и королей Дорвенанта», «Хроники Дорвенанта, Фраганы и сопредельных земель», «Устав солдатской службы», «Честных девиц и жен книга, составленная к удовольствию их и вразумлению», еще что-то по хозяйству. Внезапно — руководство для разведения породистых собак. А вот и три-четыре романа с приключениями, старые, читанные Ло еще в Академии. Тоска... Может, у лекаря что-нибудь найдется? Не то чтобы у нее предвиделось очень много свободного времени, но ведь грядет зима.

И все-таки сейчас она здесь не за книгами. Ло вздохнула, мрачно предчувствуя новый разговор с дражайшим супругом, и уже повернулась к двери, чтоб отправиться на его поиски, как та распахнулась — супруг пожаловал сам. С экономкой. Ага...

Несколькими мгновениями, оставшимися до возможного скандала, Ло распорядилась обдуманно и расчетливо — попросту села в единственное кресло возле небольшого и тоже отчаянно пыльного стола. Ох, пороть местную прислугу некому...

— Миледи, — не стал тянуть кота за хвост капитан, — могу я узнать, в чем вы обвиняете мою экономку?

— Можете, — вежливо сообщила Ло. — Пока что — ни в чем.

— А она говорит совсем иначе. Молли?

Ло поставила локти на стол, сплела пальцы и оперлась на них подбородком, выжидая.

Несчастливая и несправедливо обвиненная почтенная женщина выкатилась из-за плеча коменданта и принялась вздохом страдать, что ее, несчастную и несправедливо... ну и так далее... обвинили в воровстве! Она же... Ло с каменным выражением лица слушала это, почти наслаждаясь.

— Милорд, вы считаете меня дурой? — так же вежливо поинтересовалась она, когда экономка смолкла, торжествуя блестя маленькими круглыми глазками над толстыми щеками. В сочетании с длинным носом это делало Молли удивительно похожей на раздобревшую амбарную крысу, обнаглевшую от безнаказанности и считающую себя хозяйкой амбара, а то и всего поместья. — Как я могла обвинить эту... почтенную женщину в воровстве, всего лишь пройдясь по кухне? Кухня, кстати, содержится в отменном порядке, не могу не отдать должного. Я всего лишь попросила расходные книги — вам это кажется странным?

— Расходные книги крепости? — прищурившись, уточнил Рольфсон.

— Пресветлый меня сохрани, — хмыкнула Ло. — Ваши комендантские дела меня не касаются. Но вот наши, — она с ядовитой ласковостью выделила это слово, — семейные расходы — очень даже. Я так понимаю, ими тоже заведует эта... почтенная женщина?

Всего лишь крошечная пауза каждый раз — а какое действие! Молли уже покраснела, глядя на Ло с неприкрытой злостью; комендант же явно насторожился.

— Да, — бросил он. — И не думаю, что она ведет книги. Как-то обходились без этого.

— Верю, — бесстрастно согласилась Ло. — Дорогой супруг, позвольте узнать, сколько жалованья вы получаете?

Армейские расценки она знала, но Рольфсон еще и комендант крепости.

— Сорок флоринов.

Ничего необычного или оскорбительного в вопросе Ло комендант не увидел, и то хорошо.

— Сорок флоринов... — повторила она. — Тогда почему, позвольте узнать, ваша дочь с момента моего прибытия в крепость еще ни разу не сменила платье? Чулки, кстати, тоже, если не ошибаюсь. У нее вообще есть одежда на смену?

— Есть, конечно! — возмущенно взвизгнула Молли. — Вы что думаете, мы у бедной сиротки вореем? Есть у нее платья, и юбки есть. Только у девочки это платье — память о матушке, храни ее Претемная Госпожа в своих садах! Потому его Тильда и не снимает...

И она победно посмотрела на Ло.

— И сколько платьев у леди Тильды? — так же ровно спросила Ло.

Комендант, хвала тому же Пресветлому, молчал. Это было лучшее, что он сейчас мог сделать, и, возможно, сам Рольфсон это понял.

— А мне откуда знать? — так же вызывающе фыркнула Молли. — У Селины спросить надо, она вещами его милости заведует.

— Его светлости, — скучающим тоном поправила Ло. — Со вчерашнего дня к милорду и леди Тильде положено обращаться «ваша светлость», как и ко мне. Запомните и передайте остальным, будьте любезны.

И добавила, расчетливо пользуясь паузой, пока Молли хлопала глазами:

— Тогда я хотела бы видеть Селину. Надеюсь, она сможет дать мне полный отчет в гардеробе, а также постельном и столовом белье. Или бельем заведуете вы? Селина хорошо шьет?

— Никто не жалуется, — буркнула экономка и не удержалась: — Вот его светлость одет в ее работу... Оно, конечно, таких рубашек у нас в крепости не сошьют, как на миледи давеча была...

— А вот это плохо, — ласково сказала Ло, краем глаза отмечая, как закаменело лицо

Рольфсона. — Если Селина не может шить тонкое белье, мне придется поискать еще швею.

Моя семья должна одеваться сообразно своему достоинству. Кстати, вас я попрошу составить перечень столовых приборов и прочего имущества. Мне нужно знать, что следует заказать до наступления зимы, чтобы успели привезти. Значит, книги расходов в хозяйстве моего мужа пока не ведутся?

— Мы здесь люди честные! — выдохнула Молли. — Безо всяких записей не вореем! И за капитаном, и за доченькой его смотрели, как за родными, всеми богами клянусь. А коли господину коменданту моя служба теперь не угодна, ему меня и увольнять!

Глянув на капитана, она присела в реверансе, выпрямилась и вызывающе посмотрела на Ло.

— Достаточно, — уронил Рольфсон, и Ло напряглась, холодно подумав, что, если сейчас коменданту хватит дури встать на сторону экономки, не миновать настоящей войны. — Молли, как видишь, никто тебя ни в чем не обвиняет. Книги расходов у нас и в самом деле только для крепостных дел, миледи. Если вам угодно завести ее для семьи — ваше право. Молли, возьми Селину, пересчитайте и запишите все, что желает ее светлость. Грамоте ты обучена, а не справишься — попроси Тибальда.

— Да как же это... ваша милость... я же...

— А еще, — мерно продолжил капитан, — вели остальным придержать языки и сама этому поучись. Особенно при моей дочери. Услышу, что кто-то поминает ее светлость без должного почтения, — выпорю. А я услышу, ты знаешь. И вообще нечего Тильде на кухне делать. Стряпать она там не учится, зато всякой дряни нахваталась.

Экономка молча хватала воздух ртом, багровея все сильнее. Ло тоже молчала, умиляясь на картину, однако прекрасно понимая, что эту битву не она выиграла, а проиграли болтливые бабы, успевшие достать капитана до печенок — чего одно поминание рубашки стоило. А уж до конца сражения и вовсе далеко...

— Все ясно? Тогда свободна.

Дождавшись, пока экономка выскочит за дверь, капитан так же хмуро глянул на Ло и поинтересовался:

— Довольны?

— Вполне, — безмятежно отозвалась она, чуть откидываясь на спинку стула. — Что, уже болтают?

Капитан досадливо дернул уголком рта и, кажется, собрался выйти.

— Останьтесь, — негромко сказала Ло. — Нам действительно нужно поговорить. Не об этих глупостях, конечно. Прислуге рот не заткнуть; достаточно, если она будет болтать подальше от нас. Меня интересует другое. Скажите, капитан, вы действительно думаете, что его величество вас так уж роскошно наградил?

— Не понимаю вас, миледи, — буркнул капитан, но уходить передумал, пройдя вперед и бесцеремонно присев на подоконник — тоже пыльный, конечно!

— Даже не удивлена, — съязвила Ло. — Вы ведь пока думали только о достоинствах этого брака, верно? Титул, положение... Кстати, а зачем они вам? Неужели хотите делать карьеру при дворе?

— А что, не похоже? — невозмутимо встретил ее взгляд капитан.

— Нисколько, — честно ответила Ло.

— У меня дочь, — после недолгого молчания так же тяжело уронил Рольфсон. — И я хочу для нее лучшей жизни. Самой лучшей. И потому ваши намеки... Говорили бы вы без них, попросту.

— Извольте, — согласилась Ло, вытягивая ноги и морщась от боли в спине. — У его величества очень странное представление о наградах. Он женил вас на одной из самых знатных дворянок Дорвенанта. Вы, конечно, вряд ли интересовались историей Ревенгаров? А придется. Мой род входит в Три Дюжины, старое дворянство, стоявшее у истоков королевства. На девицах из Трех Дюжин не зазорно жениться даже принцам крови, в былые времена они этим еще как занимались, между прочим. Случалось и наоборот. Один из Ревенгаров двести лет назад повел к алтарю принцессу. Но это в прошлом, а сейчас наш род разорен. Как его нынешний глава вы должны знать, чем придется управлять хотя бы в ближайшие три года.

Она с удовлетворением отметила, как и без того внимательный взгляд Рольфсона стал особенно острым, и неторопливо продолжила:

— От всего состояния у нас осталось поместье в окрестностях Веллердольва, но дохода от него едва хватает на содержание самого поместья да особняка в столице. А если вы собираетесь выдавать дочь замуж в Дорвенне, то без капитального ремонта дома не обойтись. Сама свадьба тоже обойдется в круглую сумму, даже если жених не потребует богатого приданого. Но вы ведь понимаете, что и выбирать в таком случае вашей дочери будет трудновато?

— Понимаю.

Голосом капитана можно было гвозди забивать.

— Кроме этого, — бесстрастно продолжала Ло, — вам как главе рода сначала придется выдать замуж мою младшую сестру. Мелиссе семнадцать, она фрейлина королевы, и ей, в отличие от меня, фамильной красоты Ревенгаров досталось полной чашей. При удаче и хорошем расчете она может сделать отличную партию даже без приданого, с одной только внешностью и родовитостью, но этим следует заниматься. И не через три года, когда мы сможем развестись, а как можно скорее.

— Понимаю. Что еще?

— Вы помните сумму моего приданого? — мягко спросила Ло, сплетая пальцы на коленях и чувствуя себя рыбаком, вываживающим редкую и очень недоверчивую рыбку.

— Пятьсот флоринов деньгами. И имущества на столько же, если не больше. Мне казалось, оно достаточно велико...

— Для провинции — да. Но не для жизни в столице. И еще смотря на что тратить. Если только на две свадьбы, то хватит. Но тогда род Ревенгаров обнищает окончательно, а вы теперь, капитан, его часть. Даже после нашего развода вы все равно останетесь Ревенгаром. И в любом случае вы захотите, чтобы дочери и будущим внукам не пришлось стыдиться вашей бедности.

— Заботитесь о моей семье? — сдержанно усмехнулся капитан.

— О своей, — отрезала Ло. — Во-первых, я забочусь о сестре, разумеется. Есть еще пара кузенов, но они мужчины, пусть сами добиваются успеха. Во-вторых, леди Тильде — двенадцать, на нее уже сейчас в обществе будут смотреть как на возможную невесту. И что увидят — это совсем другой разговор... Капитан, жизнь в столице — это огромные расходы. А

то, что прилично для лейб-дворянина без состояния, Ревенгару непозволительно. Если девица на выданье не меняет платье при каждом выходе ко двору, знатым стервятникам плевать на заслуги ее отца. Мелиссу пока одевает королева, да хранят боги ее величество, а я прятала пустой кошелек под формой армейского мага. У вашей дочери нет ни одной из этих возможностей, зато в избытке дурных манер и непокорного нрава, а их одним гербом не прикроешь, даже таким древним, как наш.

— Оставьте мою дочь в покое, — мрачно предложил Рольфсон. — И скажите прямо, чего вы хотите?

— Знаете, капитан, — сказала Ло так устало, будто над солдатским лагерем защитный полог растянула. — У моего отца был прекрасный жизненный принцип. «Лорды не торгуются», — говорил он, позволяя себе любые прихоти. Я только и слышала в детстве, что аристократам неприлично беспокоиться о деньгах. Думаю, он унаследовал этот девиз от своего отца, который продал фамильные драгоценности, чтобы осыпать золотом первую танцовщицу королевского балета и подковать серебром любимого скакуна. Эти подковы, кстати, тоже пришлось продать уже при моем отце, его сыне. А потом отец погиб, до последнего веря, что все это — временные трудности, какие бывают даже у самых родовитых семей. Матушка его не пережила, и мы с Мелиссой остались в огромном особняке, на котором лет сто не чинилась крыша, зато в сад покупались фраганские розы и валирийские лилии. Не торгуясь, разумеется. Так что чего я хочу? Достойной жизни, капитан. Для вашей дочери и моей сестры для начала. И потому я буду вести проклятые расходные книги, учитывая каждый флорин из вашего жалованья и моей пенсии. Да что там флорин — каждый барг муки, масла и соли, каждую сорочку и пару чулок. Леди не торгуются, когда могут себе это позволить... И приданое это, будь моя воля, я бы не оставила лежать мертвым грузом в ожидании свадебных расходов, а поставила бы в поместье Ревенгаров сыродельню взамен развалившейся. Купила бы породистых овец — там замечательно водились тонкорунные овцы, как говорят старики. Подновила мельницу, велела засеять каждый клочок пахотной земли и заложить новые сады. Да, деньги ушли бы почти все, а Мелиссе пришлось бы подождать с замужеством. Но через пять-шесть лет каждый флорин принес бы вдвое, а то и втрое прибыли. Подумайте об этом, капитан.

— Я подумаю, — согласился Рольфсон, вставая с подоконника. — Обязательно подумаю, миледи.

Не прощаясь, он вышел, а Ло, наклонившись, уткнулась лбом в ладони и стиснула зубы, переживая ноющую боль в спине. Там, под лопаткой, будто проснулась и мерзко ныла уже зажившая рана. Пять-шесть лет... Стоит ли загадывать на такой срок, даже если Рольфсон согласится распорядиться подарком короля по мыслям Лавинии? Что ему до разорившихся Ревенгаров? И уж точно капитану не следует знать, что за спиной у Ло темная тень смертельной угрозы. Черные розы были предупреждением, которым она пренебрегла; какого хода следует ждать теперь? Здесь, в мирной крепости, где самая большая угроза — соль в шамьете да сплетни кухарок? И все-таки, ожидая смерти, следует жить. Цепляться за каждый подаренный судьбой день, строя будущее сестры, раз уж своего не предвидится. Леди не торгуются? Да что вы понимаете в истинных леди!

Глава 11

ЧТО ПОМНЯТ ДЕРЕВЬЯ И КАМНИ

Лестеру хватило одного взгляда на заявившегося к нему Эйнара. Отставив в сторону ступку, в которой растирал какое-то вонючее зелье, лекарь прошел к буфету, достал бутылку и стаканы. В один налил карвейна — ровно треть. Поставил на стол, накидал на тарелку сыра с мясом. Эйнар честно напомнил себе, что до вечера еще далеко, а он на службе. И что бутылка не лошадь, от беды на ней не ускачешь. И вообще...

Потом сел к столу и глотнул обжигающий карвейн, как воду. Ровно один глоток. Зажевал холодным мясом, глотнул снова. И еще раз. После третьего глотка прислушался к себе — внутри будто слабела натянутая до звона тетива.

Лестер невозмутимо присел напротив и опять принялся вколачивать пестик в ступку. Эйнар положил на кусок сыра еще ломоть мяса, накрыл сыром сверху, отправил в рот. Прожевал,

наслаждаясь обманчивым теплом внутри. Устало подумал, что один-то раз можно, а вообще — пить с расстройства не дело. И спросил, поглаживая пальцами почти опустевший стакан: — Лестер, зачем магам перстень?

Целитель так же мерно стучал пестиком, не сбившись с ритма. И ответил спокойно, ничуть не удивляясь дурацкому вопросу, хотя всем известно, что по цвету кольца определяется гильдия мага:

— Если попросту, так затем же, зачем тебе — меч.

— А что, без него колдовать нельзя? Я-то могу и голыми руками драться, если надо. Или не мечом, а чем-то другим.

— Можно, — уронил Лестер, вглядываясь в ступку. — Еще как можно. Перстень — это просто инструмент. Ориентир для настройки. Ну и силу через него пропускать удобно. Сырая магия — она непослушная. А с перстнем колдовать и легче, и надежней. Вот мой, к примеру...

Он снял с пальца серебряное кольцо с крупным, но неярким зеленым камнем и двинул его по столу к Эйнару. Улыбнулся:

— Да ты погляди, не бойся. Ничего тебе не будет. Это ведь не меч, им даже не порежешься. Эйнар взял перстень в руки, присмотрелся. В глубине камня большая зеленая искра то притухала, то разгоралась сильнее.

— Светится, — настороженно сказал он.

— Пульсирует, — поправил его Лестер. — От слова «пульс», что по-ученому значит «сердцебиение». Камень отзывается сердцу мага. Если маг погибает, его камень... он как бы умирает. Гаснет навсегда, становится обычным кристаллом. Ну, про то, что у всех магических гильдий свой цвет, ты и без меня знаешь, верно? Лекари зеленый носят, некроманты — фиолетовый, разумники — белый...

— Боевые маги — красный, — продолжил Эйнар. — Знаю, да.

Лестер молча кивнул, старательно глядя внутрь ступки.

— А когда маг снимает перстень? И зачем?

— Даже не знаю, что сказать, — вздохнул старый лекарь. — Вообще-то никогда. Первый перстень мажонка получает, когда приходит в Академию. Медный, с дешевым камушком. Обычно в ученические перстеньки горный хрусталь вставляют или яшму. Цвет ведь на самом деле неважен, учиться можно на любом. Вот потом, когда маг заканчивает учебу, то ему вручают уже настоящий перстень — вроде как рыцаря мечом препоясывают. Кольца для выпускников делают маги-артефакторы, а камни для них сами студенты приносят — смотря что себе могут позволить. Мол, одно дело целителю зеленый кварц носить, а другое — изумруд. Хотя я тебе так скажу: никакой разницы. Просто изумруд богаче смотрится. И если с камнем сроднился, то он тебе как рука и глаз вместе взятые. Без него хуже, чем голым, себя чувствуешь. Даже если Академию не закончил, как я вот, перстень все равно завести приходится. Купить камень, отнести ювелиру-магу. Дорогое удовольствие, а что поделать — надо.

— Ага... Значит, чужой камень взять нельзя? Или купить, если свой потерял?

Эйнар старательно пытался представить, что перстень, который Лестер не снимал на его памяти никогда, просто инструмент. Или оружие. С оружием получалось понятнее — любой воин хотя бы с ножом точно не расстается.

— Купить — можно. Только не чужой, он уже на хозяина настроен, а чистый, нетронутый. Бывает, что камень погибает. Выгорает, если поток был слишком мощный, например. Или разбивается случайно. Тогда в старую оправу новый кристалл ставят.

Лестер взял протянутый Эйнаром перстень, ласково погладил его, как живое существо, и привычным движением надел на палец.

— Вот потерять как раз не получится, — спокойно продолжил он. — Для этого кольца и зачаровывают, чтоб не терялись, не ломались, не давались вору... Их, настоящие, из сплава серебра с золотом делают, как символ единства тела и духа. И печать орденскую ставят внутри, чтоб, значит, самозванцев не было. У меня такой нет — я-то задолго до выпуска ушел. Про печать Эйнар знал. У него самого комендантская печатка была зачарована так, чтобы в случае нужды проверить любой знак, хоть орденский, хоть королевский. Нужная вещь, когда читаешь подорожные или свои отчеты пишешь.

— А все-таки, Лестер, — упрямо вернулся он к тому, зачем пришел. — Когда маги снимают перстень? Ты же сам видел. Не мог не заметить...

— Ну да, — согласился лекарь, отставляя ступку. — Странно. А жена твоя что говорит? — Не спрашивал, — буркнул Эйнар. — Мне бы самому узнать да разобраться сначала. Лестер осуждающе покачал головой, беря второй стакан и разливая остаток карвейна из бутылки.

— Зря, — сказал он просто. — Может, дело совсем простое, а ты напридумываешь себе. Леди твоя — боевая магичка, у нее как раз камень мог и в бою повредиться, а точно такой не сразу найдешь, да и работа времени требует. Притом красные камни не редкость, но не будет же такая дама яшму носить? Ей, поди, рубин нужен... Вот и оставила она перстенок в столице ювелиру. Может ведь такое быть?

— Может, — согласился Эйнар и ухнул, как в реку с обрыва. — Лестер, что такое лишение кольца?

Стакан в руках старого целителя, уже поднесшего его ко рту, замер. Так и не выпив, Лестер медленно поставил посудину на стол, так что жидкость внутри маслянисто качнулась, облизнула прозрачные стенки и успокоилась. А в комнате к запаху трав и зелий добавился неуловимый кислый запах. То ли настоящий, то ли почудившийся Эйнару на несколько мгновений. Запах тревоги.

— Ты с чего такое взял? — негромко и враз помрачнев, спросил Лестер. — Быть не может...

— Вот ты мне скажи сначала, что это, — начал злиться Эйнар. — А может или нет — разберемся. Это ведь как лишение оружия получается? Позорное?

— Да, — тяжело уронил Лестер. — Именно так. Лишение... Из Ордена им изгоняют. Только это так провиниться надо...

— Как? Убить своего?

Лекарь махнул рукой.

— Да куда там! Если на дуэли или в бою — это и в вину не ставят. Если при самозащите — так тем более. Орден, видишь ли, семьей считается, не зря они друг друга братьями и сестрами зовут. А семейные дела иной раз и крови требуют. Ты вот часто слышал, чтоб один маг на другого в королевский суд подал? И не услышишь, поверь. Сами между собой разберутся и виноватого потом похоронят. Опять же — тихо, чинно, по-семейному. Если безвинному досталось — убийцу накажут. Но из Ордена не выгонят. Для орденского мага одна лишь вина есть непростительная.

— Ну? — нетерпеливо спросил Эйнар и услышал тихое, словно испуганное, слово, шелестящее змеиной чешуей в прохладе комнаты:

— Предательство... Бросить своего в беде, подставить под удар, самому ударить в спину, если в верности клялся. Маги никому не доверяют, кроме своих, потому и боятся предательства больше всего. Только за него Орден изгоняет, капитан. И это хуже смерти, потому что лишенному перстня больше нельзя его носить: ни орденский, ни собственный. И потому что любой маг имеет право убить изгнанного. Или не убить, а так, покуражиться. Искалечить, унижить прилюдно, чары наложить... А если его убьет не-маг, Орден не покарает убийцу. Изгнаннику запрещено помогать. Хоть деньгами, хоть услугами. Лечить вот можно, правда, мы ведь обет даем не отказывать в помощи никому, но... без магии. Обычными средствами. И хоть кажется, что такое куда мягче смертной казни, но на деле... изгнанники долго не живут, капитан. К ним обычно столько счетов у своих же накапливается! Но ты о таком даже не думай, слышишь? Лишение кольца — за что? Она же у тебя не простая магичка, а героиня! Про нее баллады уже складывают, Эйнар. Как женщина устояла там, где пали мужчины, и закончила войну. «Пусть воды Рудена текут вместо крови, пусть волны поют, где звенели мечи...» Не думай, капитан, слышишь? И ей не ляпни сдуру. На такое даже намекнуть — страшная обида!

— Понял я, понял, — хмуро отозвался Эйнар, чувствуя, что хмель, ударивший было в голову мягкой горячей волной, почти выветрился, оставив только гадкий привкус во рту. — Перстень, значит, в столице?

— Да вроде больше нигде ему быть. Послушай доброго совета, спроси ты ее саму. Недомолвки между мужем и женой хуже гадюки в постели. А вам теперь всю жизнь на двоих все делить. И честь, и славу, и мир в доме.

— Отчего же всю жизнь? — усмехнулся Эйнар. — Три года всего-то. А потом леди уедет обратно и забудет меня, как страшный сон. А уж я ее... Хотя нет, такое не забудешь. Ладно, старина, благодарю. И за рассказ, и за выпивку. Что, у тебя пока работы особой нет? Никто животом не мается, на зубы не жалуется?

— Да пока тихо, — вздохнул Лестер. — Девочка, что в лихорадке лежала, отошла, бегает уже. Чистый котенок, разве что не мурчит! Резвая такая, болтливая... А мальчишка молчит. Я уж с ним и так, и этак, все испробовал, что умею, — молчит. И ведь не ранен, так... поцарапался, пока сестру по лесу тащил. А душа у него спряталась, будто зверек в нору, глубоко внутрь ушла. Не помогу я ему, Эйнар. Его бы в столицу, к магам-разумникам. Только кто ж сироту повезет?

— Подумаем, — бросил Эйнар, поднимаясь. — Родных, похоже, все равно не найти, если сами не объявятся. Только там ни документов, ни писем не осталось. Можно по меткам на одежде попробовать имя узнать, да как эту одежду детям показывать? Она же в крови вся, рваная. Поздно мы до них добрались, тварей!

— Не о том думаешь, капитан. Добрались как смогли, вы же нарочно не медлили и бока на постелях не пролеживали. А подумай, сколько бы они еще народу извели, не останови ты их. Все ты верно сделал, Эйнар. По чести и по уму.

И, как обычно, Лестеру удалось найти те единственно верные слова, от которых злая тугая тетива внутри Эйнара еще больше ослабела, позволила вздохнуть, повести каменно напряженными плечами. Раньше она и не тянула так мучительно. Когда-то даже после самого тяжелого дня хватало улыбки Мари, тепла ее заботливых рук, простого присутствия рядом. Она сидела рядом с пальцами в руках или вязала что-то, и от размеренного мелькания спиц мир наполнялся уютом и правильностью бытия. Как говорят на Севере: «Женщина без мужчины — заброшенный родник, мужчина без женщины — дикий зверь». Вот таким загнанным волком Эйнар и чувствовал себя весь последний год. Он-то думал, со временем станет легче. Все, кто его утешал, обещали, что боль присмирет, утихнет, словно от зажившей раны. А она не стихала. Потому что была густо замешана с виной, и хлеб, испеченный из этой смеси временем и памятью, оказался невыносимо горек.

— Знаю, — криво усмехнулся Эйнар от самой двери. — Я все делаю верно. Только слишком поздно. Всегда.

Он вышел из лазарета и пошел по крепостному двору, залитому янтарно-розовыми лучами клонящегося к закату солнца. Даже серая кладка стен казалась в этом сиянии нарядной, будто румяная сладкая корка только вынутого из печи пирога. Мари еще и яйцом его смазывала поверху. Ох, да хватит же! Хватит...

Навстречу попала пара новобранцев, несущих на кухню воду. Кожаные ведра мерно покачивались в руках, парни пыхтели от натуги. Но, увидев капитана, ведра поставили и отдали честь, как положено, склонив голову и приложив ладонь к сердцу. Учатся. Эйнар махнул рукой в ответном салюте, кивнул, проводил их взглядом. Да, с заваленным колодцем надо что-то решать. А что тут решишь, если приглашенный маг заломил такую цену, что из содержания крепости никак не выкроить? Эйнар написал запрос, как положено, а толку? Что, воды совсем нет? Ах, в роднике у подножья горы имеется! Так чего же вы еще хотите, капитан? Или у вас солдаты безрукие-безногие? Пусть таскают, им полезно. Уроды чиновничьи, сами бы попробовали по этой тропе зимой воду поносить. Когда снега наметает выше головы так часто, что разгрести его не успеваешь. Или в дождь, когда мокрая глина под ногами пластом ползет...

Мысли никак не хотели сворачивать к только что услышанному, норовя зацепиться за знакомое, привычное. Вода вот, к примеру. Или еще дрова проверить надо — зиму в этом году старики обещают суровую. Или... Эйнар поморщился. Врал морок или не врал? Почему леди Ревенгар не носит перстень? Героиня баллад, чтоб их. Знал Эйнар, как врут те баллады. Об осаде Драконьего Зуба тоже сложил какой-то ублюдок, чтоб ему всю жизнь чирьями на языке маяться. По его песне вышло, что коменданта крепости жена собой прикрыла от верной смерти... Эйнар эту дрянь слышал в городском кабаке — в глазах потемнело. Менестреля у него не то чтобы отбили — Эйнар до него добраться не успел. Тот как увидел его лицо — шмыгнул под стол, а потом в окно выскочил. Жалко... И стыдно потом было до омерзения. Вранье, конечно, подлое вранье, и каждый в городке об этом знает, но...

Так почему магичка перстень не носит?

Спросить у нее самой — правильный совет. Мудрый. Но чуялось Эйнару, что после разговора по душам о рубашках леди его пошлет со всей учтивостью далеко и надолго. Искать ответы у йотунов под хвостом.

А морок наверняка врал. Или нет? Он ведь как раз говорил про предательство... Эйнар едва не взвыл от бессильной злости — его ли дело разбираться в магических склоках? Ему бы новую жизнь как-то наладить! Чтоб Тильда с мачехой не передрались, как две кошки в одном мешке. Чтоб крепостные бабы языки придержали и научились прислуживать леди, как ей угодно. Да чтоб зиму пережить без потерь, а по весне, если парнишка из обоза не заговорит, отправить его в столицу. Хоть бы и на капитанское жалованье! Не обеднеет Эйнар, милорд Ревенгар, йотуны его побери. Вот, кстати, не спросить ли об этом леди? Ей, конечно, до немного сироты дела нет, но куда его там на лечение можно пристроить, она знать должна. И, может, к этой весне память Эйнара все-таки притихнет, зарастет коркой шрамов. Как старый вяз, который затянул ожоги буграми новой коры и живет оставшейся половиной веток.

* * *

Разбор сундуков с приданным Ло отложила на потом. Только попросила у мэтра Тюбуи подробную опись, которую тот с готовностью предоставил. Он, кажется, вообще цеплялся за любую возможность побыть в крепости еще хоть один день. Ло даже задумалась, не связан ли интерес мэтра к Драконьему Зубу с ее столичным поклонником, приславшим черные розы, но все оказалось гораздо забавнее. Мэтр увлекался собиранием насекомых. Здесь, в горах, они уже почти попрятались на зиму, но особенно стойкие еще встречались. Упрямые, как местный комендант! Ло сама видела огромного черного черного жучару, влетевшего в окно спальни. Угрожающе треща крыльями, тот попытался проломить шкаф, упал на пол, взлетел и снова ринулся в бой с дубовой дверцей. Точно на коменданта похож, супруга драгоценного, толстолобого...

Жука, длиной в указательный палец и с роскошными усами, уцелевшими при таране шкафа, изловила Нэнси и преподнесла Тюбуи, пришедшему в неопишуемый восторг. После этого душа мэтра разорвалась надвое: одна половина добропорядочно стремилась к месту службы в столицу, вторая страдала по сокровищам Драконьего хребта. Летучим, ползучим, жужжащим и наверняка кусачим. У-ни-каль-ным! И так же наверняка здесь еще имеется немало экземпляров, неведомых ученым! Не хочет ли миледи поспособствовать торжеству науки, а заодно оказать огромную услугу лично мэтру? Он даже готов назвать в ее честь какую-нибудь... Нет, что вы! Зачем же сколопендру? Бабочку, конечно! Вот жук получит гордое прозвание «Тюбуи драконий». А для миледи, прекрасной и великодушной, только бабочка!

Ло благосклонно приняла попытку неумелой лести и пообещала мэтру ловить все, что не способно само поймать и съесть человека, а то от местных пауков можно этого ожидать, если жуки такие. И да, «Тюбуи драконий» звучит очень внушительно. Про себя же подумала, что лишний должник в столице ей пригодится, а за несколько монет солдаты наловят столько местных уникумов, что к Тюбуи их придется отправлять в ящике. На том и порешили. Успокоенный мэтр дал точнейшие инструкции, как следует ловить и морить летучие драгоценности, чтоб не повредить им крылышки, усики и жвала, а потом все-таки отбыл собираться в дорогу.

А Ло осталась изучать опись приданого, с каждой строчкой все сильнее приходя в недоумение. Оно, приданое, было гораздо внушительнее, чем предполагал комендант, оценивший его примерно в ту же сумму, которую получил деньгами. Да, пятьсот флоринов — куш немалый, больше комендантского жалованья за год. Но Рольфсон явно не разбирался в ценах на серебряную посуду и фраганские гобелены. Каковых, гобеленов то есть, обнаружилось аж восемьдесят луардов! Хватит на несколько залов... И столовый прибор на шесть дюжин персон. Пресветлый Воин, зачем ей в крепости такая роскошь? Солдат кормить на серебре тонкой чеканки? И занавеси — цветной арлезийский шелк. Не тускнеющий на солнце, не желтеющий от стирки, при правильном уходе почти вечный и не выходящий из моды никогда. Потому что тем, кто может себе позволить шелк из Арлезы, на моду плевать, это она старается им угодить. А еще тонкое полотняное белье и отрезы: шелковые, шерстяные, бархатные и батистовые. Серебряная и золотая канитель для отделки мебельных чехлов. Несколько разобранных витражей — Ло вспомнила изуродованные слепые окна в главном зале особняка Ревенгаров и даже зажмурилась от удовольствия. Не отдаст! Никому не отдаст ни витражи, ни занавеси, ни гобелены... Но позвольте! Это ведь, не считая витражей, приданое «нитки и ложки», как говорится в «Дорвенантской правде»! Все, что сделано на ткацком станке или может быть поставлено на стол, принадлежит жене! Даже после развода. И получается...

Ло растерянно смотрела на листы, исписанные убогим четким почерком писаря и скрепленные печатью. Королевской! То есть его величество, униживший ее и одной рукой

швырнувший пенсию в три десятка монет, другой рукой отсыпал опальной Лавинии Ревенгар приданого на... какое там пятьсот флоринов, с этим можно принцессу замуж выдать. Ну, положим, не дорвенантскую, но все-таки. Еще одна загадка. Ладно, хватит с нее на сегодня денежных забот.

Убрав перечень в шкатулку к брачному договору и еще кое-каким ценным мелочам, Ло вышла из спальни и спустилась вниз. Вечер был дивный. Теплый, словно и не поздней осенью, а где-то на исходе лета, ясный и золотистый. Золото заходящего солнца облило шпили башен и зубцы стен, решетки и провалы бойниц, арки и мощные контрфорсы. Ло залюбовалась строгой красотой взмывающей вверх крепости, каждым камнем утверждающей величие и силу Дорвенанта. Кто бы ни строил Драконий Зуб, он свое дело знал. Присев на парапет галереи второго этажа, она осмотрела сверху двор, ловя минуту затишья, как перед боем. Исчезнет ли у нее когда-нибудь эта привычка? Сейчас бы, кстати, шамьета... Офицерская роскошь на любом привале, а то и необходимость. Шамьет греет продрогших под дождем или снегом, восстанавливает силы голодным, навевает воспоминания о доме и мирной жизни упавшим духом...

Ло втянула носом знакомый запах и не сразу поняла, что он ей не чужд. Рядом стоял сержант, любимчик ее супруга. Тибальд... И нежил в широких ладонях исходящую душистым паром чашку... Ло невольно сглотнула слюну и снова посмотрела на двор, как кошка, старательно не замечающая оставленное без присмотра мясо.

— Не сочтите за дерзость, миледи? Я-то ваш шамьет пробовал, может, и вы моего отведаете? — послышалось сбоку.

Ло изумленно глянула на нахала, подняв бровь. Наглец-сержант ответил лукавым прищуром и улыбкой, перед которой наверняка не устояла бы ни одна местная девица, что двуногая, что хвостатая-усатая. Прямо котище в человеческом облике, да и только! И вот что с ним делать? Облить холодной вежливостью, положенной Ло по этикету с подчиненными супруга? Сержант ждал, откровенно ухмыляясь, а кружку держал так, словно отдавать не собирался. Хорошую такую кружку, на полбутылки. С толстыми стенками и веселеньким узорчиком из красно-синих цветов по коричневой глазури...

— А давайте, — невозмутимо согласилась Ло. — Не откажусь.

Брови сержанта Тибальда взлетели в непритворном удивлении, но кружку он тут же протянул, еще и поклонился галантно. Ну, для сержанта — галантно. Сдержав фыркание, Ло взяла тяжеленный сосуд, способный послужить решающим доводом в кабацкой драке, пригубила. Распробовала, покатав на языке, сладкую пряную жидкость и приникла к теплему краю кружки уже всерьез. А оторвавшись, все-таки фыркнула и облизала губы.

— Нравится, миледи? — с ухмылочкой спросил Мерри.

Ло отпила еще, заглянула в кружку, где плескалась уже половина от налитого. С сожалением протянула шамьет сержанту.

— Нравится, — сказала от души. — Хорошо сварен. Пейте, Тибальд, вы раньше меня встали и позже ляжете. И спасибо вам.

— Эм... — все-таки запнулся Тибальд, глядя на нее с непонятным выражением, в котором смешались осторожное нахальство и почти детский восторг. — На здоровье, миледи. Чем еще могу служить?

— А, пожалуй, можете, — задумчиво сказала Ло, опираясь рукой на парапет и глядя во двор. Вечер после порции шамьета, потому что в кружке сержанта Мерри таковых было не меньше двух, стал окончательно прекрасным. Уютным таким, спокойным... «Как могилка на старом кладбище», — говорил Маркус. И был прав, потому что, стоит расслабиться, — непременно случается какая-то дрянь, это Ло знала точно. И стены крепости Драконий Зуб только выглядят позолоченными, словно дорогая игрушка.

— Скажите, сержант, что случилось с этим деревом? — кивнула она в сторону растущего посреди двора вяза. — Чем ему так досталось?

— А это... хм... ну да...

Сержант, смешавшийся от невинного вопроса, являл собой зрелище столь же забавное, сколь и подозрительное. Ло терпеливо ждала, окончательно уверившись по вильнувшему взгляду Тибальда Мерри, что наугад попала в интересную цель.

— Ваша светлость, — осторожно поинтересовался, наконец, сержант. — А вы, случаем, капитана не просили этот вяз спилить?

— Пока нет, — спокойно ответила Ло, подчеркнув многозначительное «пока». — А что?

— Не просите, — душевно посоветовал сержант, опираясь на парапет в излишне вольной позе. — Тут такое дело... Вы про осаду-то слышали? Когда капитан Дракони́й Зуб у людоедов отбил? Правда, он тогда лейтенантом был еще...

— Слышала, — уронила Ло. — Тибальд, как они вообще эту крепость взять надеялись? Это же не просто фронтирное укрепление, здесь можно год отбиваться, если припасов хватит. Или не хватало?

— Да хватило бы. И припасов, и воды. Год не год, а до подмоги мы бы продержались.

Сержант заговорил без прежней нагловатой ленцы, всерьез.

— Прежний капитан, у которого мы с Эйнарсом под началом ходили, был дурак не дурак, но и умным не назовешь. Про урту-томгар мы заранее знали, да не думали, что они сюда повернут. Что им наша крепость? Только зубы обломать. А рядом целый город, хоть и маленький, зато и гарнизона в нем крупного нет. И что к нему, что к нам одна дорога ведет — ну вы ее видели. У нас тогда еще маг служил, из ваших. Боевой, значит. Умел не так чтоб очень много, но все-таки кое-что мог, особенно если ему подготовиться дать. Эйнар и предложил дорогу эту, единственную, рвануть. Людоеды не горцы, они бы долго в обход шли, а то и вовсе повернуть могли. Мы бы разом и город, и себя прикрыли. Капитан вроде согласился... А потом велел магу строить портал в столицу. Мол, женщин и детей отправить. У него семья была здесь, и у Эйнара, и прислуга опять же... Ну вот... С одной стороны, верно. С другой... не успевал тот маг. Он, видать, слабый совсем был. Чтоб разом и портал сделать, и обвал на дороге — не успел.

— Так... — сплела перед собой пальцы Ло. — И что оказалось в приоритете? Ну, что первым он сделал? — поправила она в ответ на непонимающий взгляд.

— Портал, — уронил сержант, отводя взгляд, словно она, Ло, тоже была виновна в дурости неизвестного мальчишки, носившего перстень того же цвета. — Капитан, который старый, пригрозил парню чем-то, улестил... И за два дня до нападения отправил все-таки семью подальше. А госпожа Мари, Эйнара жена, в крик. На сносях она была, и срок уже немалый. Мальчишку ждали... А порталы — они, говорят...

— Верно говорят, — уронила Ло. — Приводят к уродству плода. И на беременную действуют крайне неблагоприятно.

— Вот да... Отказалась она, значит. Ну и Тильду одну отправлять не стали. Эйнар места себе не находил, а тут еще дорогу мажонка рванул, да неудачно. Обвал слишком маленький вышел. Развилку на город надежно засыпало, потом долгонько они дорогу откапывали. А мы как на ладони оказались. Ну, не совсем как на ладони, стены-то никуда не делись, но вся волна урту-томгар мимо города к нам рванула. Опять же, хорошо. Мы хоть знаем, за что умирать соглашались, за жалованье да солдатскую честь, а в городе ж народу полно...

— Так... — прикрыв глаза, снова согласилась Ло. — Волна пошла сюда. Осадных орудий у них, конечно, не было...

— Не было, — кивнул Тибальд. — Зато были шаманы. Мы же не знали тогда, что они могут. А они... они просто были. На каких-то своих дудках. От этого воя у людей уши зудели так, что разодрать хотелось, а потом кровь носом и ушами шла. Сны снились такие, что мы несколько своих едва успели из петли вытащить. А кое-кого и не успели. Двое, помню, с ума сошли. Один себе вены перегрыз, а другой — товарищу горло. Капитан все-таки не совсем дурак был, понимал, чем дело пахнет. Удастся нам крепость отстоять или нет, а ему трибунал всерьез грозил. В общем, как раз он и вздернулся. И записку написал: желаю, мол, искупить позор... Ло скривила губы в гримасе. Искупить — самоубийством? Трус. Дурак, подлец и трус. Лучше бы пару кувшинов с барготовым зельем на пояс привязал да со стены на головы людоедам кинулся. Все какая-то польза была бы. А он просто сдох, бросив крепость и людей. Искупление? Двойное преступление, чтоб его все барготовы демоны калеными зубами на части рвали!

— Ясно, — бросила она. — Мой... супруг принял командование?

— Ага, принял. Выругался по-черному, снял у капитана печатку с пальца... Резать пришлось, тот уже закоченеть успел, да без печатки мы не могли к оружейным подвалам добраться, — и принял. Выгреб все барготово зелье, кувшинов сорок там было, велел тряпками стрелы обматывать да в него макать. Эту ж дрянь водой не потушить... Ну да кому я рассказываю. Спасло нас то, что Дракони́й Зуб к скале над самым обрывом прилепился. И подняться там

даже у горцев не вышло бы, не то что у степняков. У них один подход был, а на этой стене мы намертво встали — все же понимали, что так и так один конец. Еще и похуже, если у них в лапах. В общем, когда подмога подросла, нас тут осталось человек десять. Людоедов смели просто — огненным ветром каким-то... Кто в пропасть кинулся, кто так... на склоне. Оказывается, это только одно крыло у них было, вроде полка по-нашему, остальная орда стороной прошла, и их уже на равнине положили. А мы отбились... Мари Эйнар в подвале спрятал, там дудок не слышно было. Другие бабы, то есть женщины, на стенах дрались вместе с солдатами, а она уже с таким животом была, что куда ей драться — еле ходила. Вот ее с Тильдой Эйнар и прикрыл. Выпустил, когда все закончилось...

Сержант говорил все тише, и Ло будто воочию видела такой же тихий золотой вечер, пропитанный гарью и запахом паленого мяса. Боевые маги работают грязно, а уж с людоедами-варварами и вовсе никто не церемонился. Огненный ветер... Знала она его. И даже использовала несколько раз. Очень удобно атаку останавливать. Кошмары потом, правда... — Вот тогда он и вылез, — тяжело продолжил Тибальд. — Где только прятался? Он ведь, миледи, в крепость как-то пробрался, понимаете? Потому и в живых остался. Наверное, готовился изнутри что-то учинить. Мальчишка совсем. Шаманенок. У них у всех, у шаманов, косы такие длинные... с человеческими косточками вместо бусин. А этому лет двенадцать было на вид, но уже тоже с костями. Мелкий, тощий, грязью покрытый... Последний. Щерился, как крысеныш. Да сначала на Эйнара. Во-он там... У стены, где сейчас бочка стоит. А потом увидел Мари. Она как раз вышла вместе с Тильдой, возле вяза они стояли. И Эйнар... Я вам душой клянусь, леди, сам Пресветлый Воин не успел бы! И Эйнар не успел. Кинулся наперерез, только та огненная волна чуть раньше прошла. Вот на миг, но раньше. Мари только и успела, что Тильду отшвырнуть за вяз. Будто котенка за шкурку, и далеко так... А сама сухой соломинкой вспыхнула. На месте.

Сержант еще помолчал, подбирая слова, с трудом дающиеся даже такому балагуру и шутнику. Потом продолжил с пугающей обыденностью:

— Мальчишку, конечно, мы живым не взяли. Эйнар его просто забил. Да там пары ударов хватило, а капитан его голыми руками на куски чуть не порвал. Толку... Тильду вяз прикрыл, так его наполовину сожгло. Год стоял мертвым, а этой весной ожил, однако. Вы уж, миледи, не просите капитана его спилить. Не стоит...

Ло молча кивнула. Тибальд тихонько поднялся и ушел, унося сладкий запах шамьета и полынную горечь слов. Ло смотрела на двор. Бочка для воды, давно отмытые дождями камни, старый полумертвый вяз. И правда, магические повреждения, как она сразу подумала. Беременная женщина... Ах, вот почему отдельная спальня! Беременные спят беспокойно. Камни и дерево помнят, как эта женщина откинула подальше дочь, а сама, толстая, неуклюжая, не успела спрятаться. И вспыхнула — последняя жертва осады Драконьего Зуба. Так же, как племя урту-томгар горело в «огненном ветре» боевых дорвенантских магов. Тот мальчишка-шаманенок знал толк в мести, однако. Успел понять, кто здесь главный. И выбрал целью не его, а его беременную женщину. И правда, убить — это же сразу отмучается. Шаманенок убил капитана, оставив его живым. И камни крепости помнят, и вяз... И Эйнар Рольфсон, можно не сомневаться, помнит не хуже них, что обязан жизнью погибшей вместо него жене.

Глава 12 СЛИШКОМ МНОГО СИРОТОК

Мэтр Тюбуи уехал следующим утром, увозя письма Ло, экземпляр брачного контракта и несравненного Тюбуи драконьего, уложенного в коробочку из-под ароматных пастилок. Карета с королевским гербом скрылась за воротами крепости, и Ло окончательно поняла, что возврата к прошлому не будет. Академия Ордена, улицы Дорвенны, Маркус, Мелисса и немногие оставшиеся у Ло друзья... Все это осталось где-то далеко и вернется только через три года. Если она доживет.

Впрочем, хватит думать об этом. Разве на войне Претемная Госпожа не стояла у нее за плечом так же, как сейчас? А некоторые умудряются сломать шею на лестнице или захлебнуться в

ванне; так стоит ли бояться лестниц и ванн меньше, чем осколка, смиренно сидящего под сердцем?

Вздохнув, Ло отошла от окна и оглядела спальню, так любезно уступленную ей супругом в безраздельное пользование. Нэнси уже привела комнату в пристойный вид, здраво рассудив, что на ту, где будет жить его светлость, время и силы тратить не стоит — она ж не милорда горничная, а миледи. Вот для миледи стараться и будет, а его светлость пусть здешние наглые девки обихаживают. С определением девок Ло молча согласилась, отнеся в эту категорию далеко не только прислугу. И, пока Молли готовила опись имущества супруга, решила разобрать собственное.

Нет, приданое так и стояло пока в спальне по соседству, а вот укладку, собранную лично Маркусом, Ло велела перенести к себе. Нэнси, сунувшую было туда любопытный носик, отослала прочь, велев снять со стены злосчастное свадебное платье и убрать в освободившуюся коробку. Ничего, пусть помнется. Если долежит до возвращения в столицу, там его хороший артефактор и от чернил вычистит, и заломы разгладит. А потом... Если уж это платье так понравилось Мелиссе — пусть она в нем замуж и выходит. Может быть, хоть ей принесет счастье.

Присев на кровать, Ло принялась разбирать коробку с подарками Маркуса. Разумеется, никаких банальностей вроде украшений она не ждала, хотя жадностью Бастельеро сроду не страдал и в прошлом не раз пытался дарить Ло драгоценности. Причем, уважая ее чувства, — честно купленные, а не добытые иными, менее законопослушными способами, среди которых поиск кладов еще был самым приличным. Нет, никаких дорогих побрякушек... А вот шкатулка с зельями в глазах Ло стояла любого гарнитура! Все, как она и заказывала. Три флакона противоядий — на разную отраву. Снотворное — обычное, хоть и сильное, большая коробка — хватит не на один год. Противозачаточное — его величество может вносить любые пункты в брачный договор, но целитель в госпитале откровенно сказал, что, пока под ее сердцем дремлет осколок, роды равны смертному приговору. И нежно-сиреневые пилюльки, безобидно пахнущие земляникой. Ло поморщилась, разглядывая коробочку. Две дюжины. Два-три месяца спокойного сна. Только потом, если не делать перерывов, непереносимое привыкание, так что это на самый крайний случай. Как тогда, после первого в ее жизни «огненного ветра». Она, может быть, вообще ими никогда не воспользуется! Но пусть будут, так спокойнее.

В другой коробке нашлись обыкновенные сладости: любимые цукаты и пастила. Ло не удержалась — первым делом сунула в рот полупрозрачный кисло-сладкий ломтик. Точно такие продавались в кондитерской возле Академии, и Маркус, отправляясь в город гулять, всегда приносил их Ло. Пресветлый Воин, тогда самой большой неприятностью было попасться после незаконной отлучки за сладостями и вином!

Жуя пастилу, вкус которой несколько не изменился за эти годы, Ло разбирала свертки. К зельям, которые она просила, Маркус по собственному почину добавил отличную аптечку наподобие армейской: иглы, бинты и корпия, скальпель, набор лекарств. А вот следующий подарок заставил задуматься. Зачем ей зеркальце на длинной ручке? Ло повертела вещь в руках, попыталась ручку открутить. Точно, артефакт-отмычка! Что ж, учитывая, сколько в этой крепости замков, от которых у нее нет ключей, отмычка может и пригодиться.

В самом большом свертке оказался письменный прибор из темной бронзы, украшенный гербом Ревенгаров. И тоже с секретом. Половина листов для записи гораздо плотнее других. Ло даже дыхание затаила. Неужели Маркус подумал о том, о чем в суматохе сборов не вспомнила она?

И раздобыл истинную редкость. Такие листы маги-артефакторы изготавливают на заказ, каждый стоит немалых денег. А здесь их дюжина... Пожертвовать одним ради проверки?

Заодно и даст о себе знать — пока еще мэтр доберется до столицы.

Взяв один лист за уголок, Ло расстелила его на коленях и сухим пером без чернил с нажимом вывела: «У меня все хорошо. Ло». Темные буквы проступили незамедлительно... Все-таки она! Колдовская почта!

Сложив листок в подобие голубка, она подошла к окну, подняла вверх ладонь, дунула. Сорвавшись с ее ладони, бумажный голубок затрепетал крыльями, облетел вокруг Ло и взмыл в небо, стремительно удаляясь. Ло с завистью посмотрела ему вслед. Колдовской почте не страшны дождь, снег или ветер. Беззащитный бумажный голубок ускользнет от ястреба, не уснет ночью, не собьется с пути в бурю. И очень быстро окажется в единственном месте, которое знает, — у хозяина. Маркус дал ей средство известить его, если Ло попадет в беду. И

если магическую отмычку можно купить у любого нечистого на руку артефактора, а зелья Маркус варил сам, то колдовская почта гораздо дороже курьерской... С остальными листами Ло будет очень бережна!

Подумав, она спрятала магическую бумагу под обычную, оставив прибор на виду. А вот шкатулку с зельями и аптечку убрала в комод возле кровати. Ненадежное хранилище, но лучше, чем никакого.

Между тем время близилось к обеду. Любопытно, дражайший супруг так и будет отговариваться занятостью, чтобы не садиться с нею за один стол? Завтракал он с солдатами, когда Ло еще спала, но теперь-то? Не то чтобы она изнемогала от желания видеть Рольфсона, однако хоть говорить им иногда надо! И с Тильдой стоит встречаться почаще — может, девочка если не приручится, то хоть привыкнет немного...

— Миледи... — заглянула в дверь Нэнси. — Тут госпожа Молли пришла. С этой, как ее... записью...

— Описью? — уточнила Ло. — Пусть войдет.

Одернув платье, она села ровнее, приготовившись к очередному возмущению, но экономка была мрачно-покорна. Присела в неуклюжем реверансе и подала заляпанный жиром лист, исписанный коряво и наискосок. Ло взяла его не без содрогания и вчиталась.

«Пят прастыней палатняных новых... ищо три латаных, ищо адеяла шырстяных тожить три... чулок пар чытыри да ищо носкоф многа... платьеф пиришытых три, а нетронутых больше...»

— Благодарю, Молли, — сказала она, откладывая лист в сторону. — Уверена, вы все очень внимательно посчитали.

— Как есть все, вашсветлость, — буркнула экономка, разглядывая пол, дочиста отмытый Нэнси. — Еще какие указания будут?

— Обязательно. Я так понимаю, ключи от всего хозяйства у вас?

— У меня, сталбыть, — подтвердила Молли, глянув на связку разномастных ключей, висющую на поясе. — И еще у капитана. А что?

— Откройте подвал почище и посуше. Велите там прибрать, если нужно. И пусть пара солдат отнесет в него ящики из соседней комнаты. Хотя... там тяжелые есть, — вспомнила она про витражи и серебро, — пусть лучше четверо носят. И аккуратно, вещи хрупкие. Потом все проверите по бумагам — я вам их дам — и подвал закроете. А с завтрашнего дня будете проверять каждый день и впускать туда кота. В крепости ведь есть кот?

Ло улыбнулась насколько могла мило. Экономка, уже подозревая неладное, но еще не сообразив, по привычке воспротивилась:

— Это что, мне туда каждый день с котом бегать? Утром — туда, вечером — оттуда? Может, на караул еще его ставить, как часового?

— А это как вам будет угодно, — пожала плечами Ло. — Вы женщина порядочная, да и мой муж за вас ручается. Так что я вам полностью доверяю. Не хотите пускать кота — дело ваше. Там в ящиках только отрезков на несколько сотен флоринов. Бархат, шелк... Белье дорогое, покрывала, gobelены... Все посчитать, так не на одну тысячу будет. Если крысы погрызут, сами будете перед моим супругом отвечать.

— На... тысячу... флоринов...

— И не на одну, — с нежной безжалостностью уточнила Ло. — А еще серебро столовое... Фарфор...

— Так это что, — отмерла вдруг хватаящая воздух ртом Молли. — Если хоть одна ложечка пропадет... или крыса погрызет чего... Это мне отвечать?!

— А кому? — вскинула бровь Ло. — Мой муж говорит, что вы женщина опытная, хозяйственная, да я и сама вижу, что у вас все в порядке содержится. Доверять так доверять. Несколько мгновений Молли стояла, молча уставившись на нее. Ло буквально видела, какое кипение мыслей и чувств происходит в душе и разуме экономки. Видела — и наслаждалась. Отдать ключи новой хозяйке экономке не позволяло уязвленное самолюбие. Оставить себе не давал страх: за малейшую порчу или пропажу спросят ведь с нее. И во внезапную милость с доверием она не верила совершенно.

— Нет уж, — решила она, с бессильной яростной тоской глядя на Ло. — Как изволите, миледи, а я на себя такую беду не возьму. Подвал вычистить велю — блестеть будет. И норы все забьем, если отыщутся. А только ключ у себя не оставлю, всеми богами клянусь! Какая ложка пропадет, а мне за нее всю жизнь платить? Нет, вашсветлость, вы уж того... сами...

— Хорошо, — со вздохом согласилась Ло. — Но, может, хоть второй ключ возьмете? На всякий случай?

Она улыбнулась, глядя в глаза Молли, и экономка еще решительнее помотала головой в чепце. Решила, видимо, что так леди будет еще удобнее свалить на нее порчу и недостачу. Правильно вообще-то решила, если бы только у Ло было такое желание.

— Второй ключ его светлости отдайте, — сообщила она, расправляя и без того чистый и глаженный передник. — Ваше имущество, семейное! С котом вот только не знаю, как быть...

Кажется, Молли всерьез рассматривала необходимость отправлять кота на боевое дежурство — Ло едва удержалась от смешка. Мысль была неплохая, и стоило наказывать экономку, посылая ее в подвал с усатым часовым, но ведь кота жалко. Ни одна крыса к заклтым королевским артефакторам ящикам и близко не подойдет, а клеймо на светлых досках Ло отлично разглядела еще в столице. Только вряд ли кто-то в крепости его знает. И хорошо. От двуногих крыс там тоже кое-что предусмотрено, о чем им заранее знать не стоит. Так... на всякий случай.

— Ни к чему кота мучить, — улыбнулась она еще любезнее. — Если ключ будет только у меня, я что-нибудь придумаю от крыс. Терпеть их не могу.

— Кто ж любит... — настороженно отозвалась Молли. — Так я это... пойду? Подвал велю убрать.

— Идите, Молли, — согласилась Ло. — А ко мне пришлите Селину. Вчера вы, наверное, позабыли?

Пробормотав, что вот как есть позабыла, пусть миледи не гневается, а уж она сейчас все исполнит, экономка выскочила за дверь. Ло молча улыбнулась. Вот и не понадобилось забирать ключи со скандалом — сама отдаст, да еще поторопится. «Латанья простыни» и «пириштытые платья» пускай уж остаются в ведении госпожи Молли — Ло их решительно не жалко, но к остальному она экономку подпустит только под собственным присмотром.

* * *

Селина ей понравилась еще меньше, чем Молли. Странно, ведь должно бы случиться наоборот. Девушка Селина Фроше, личная горничная капитана и его дочери, отличалась приятной внешностью и хорошими манерами. Реверанс она сделала умело и очень почтительно, невинные светло-голубые глазки устремляла на ее светлость почти с обожанием и вообще всю жизнь мечтала, чтобы в крепости наконец появилась такая чудесная хозяйка. Да-да, миледи! И если от нее, Селины, что-то требуется, она всегда рада угодить!

— Скажите, Селина, почему для госпожи Тильды не шьются новые платья? — спросила Ло, разглядывая стройную фигурку в отлично подогнанном платьице и щегольском кружевном передничке. — Только старые перешиваются.

— А его светлость не против, — захлопала длинными ресницами Селина.

Несмотря на общую белокурость, ресницы у нее были темными, тщательно подкрашенными и завитыми. Голубые глаза из-под них смотрели томно и выразительно.

— От госпожи Мари немало нарядов осталось, а Тильда, бедная девочка, новое носить отказывается. Только матушкины платья хочет. Вот мы и перешиваем их понемногу... Она ведь ростом уже почти сравнялась с матушкой покойной, только тоненькая. Так ушить-то всегда можно.

А еще в той кондитерской рядом с Академией были марципановые фигурки: лошадки, кавалеры, дамы... Вот такую сладкую куклу-дамочку напоминала Селина. И ведь работы у горничной всегда много, порой грязной, но девушка Фроше выглядит так, словно ничего тяжелее иголки и крючка для кружев никогда в руках не держала. В нежных ручках, беленьких, с ноготками полированными... На синем сукне юбки, которую девушка придерживает, скромно потупившись, ноготки прямо сияют. А Нэнси вчера отмывала пол капитанской спальни со скребком, не жалея щелока, а потом воска. Конечно, если не открывать шторы, то пол не выглядел грязным. Да и капитан явно встает затемно, а в спальню возвращается, чтобы рухнуть и уснуть. Так что уборкой девушка Фроше себя не сильно утруждала. И шитьем на капитанскую дочку тоже. Интересно, а стирает капитану кто? В отличие от дочери, он рубашки меняет постоянно, да и прочие вещи в порядке, без пятен. Ну так в крепости еще две прачки есть, кстати...

— Пожалуй... — задумчиво согласилась Ло. — С его светлостью и госпожой Тильдой я об этом поговорю. Ей пора иметь собственные платья. Вы умеете шить новое, Селина? Хотя бы по образцу моих.

— Как угодно вашей светлости.

Селина снова сделала реверанс.

— Тогда через пару дней начнем. А пока, милочка, приведите в порядок спальню, в которой будет ночевать милорд. Верно, ту самую, по соседству. И не так, как вы убирали эту. Окна и зеркало отмыть водой с уксусом. Стены вычистить хлебным мякишем. Мебель отполировать воском. Полы — тоже, только отскоблите их сначала. Белье прокипятить с щелоком, потом выполоскать и накрахмалить. С комнатой леди Тильды — то же самое. Два дня вам как раз хватит. Я ясно выражаюсь?

— Ми-миледи! Но я одна! А работы...

— Так не запускали бы комнаты до этого, — резонно сообщила Ло. — Тогда и работы меньше было бы. Воду вам будут носить солдаты, со стиркой тоже кто-нибудь может помочь. Главное, не бойтесь испачкать руки, вы горничная, а не леди, вам простительны мозоли. За дверь она не выскакивала, как Молли. Снова сделала реверанс, грациозно присев и расправив юбку. И встала с той же непроницаемой кукольной мордашкой, только в глазах на одно мгновение мелькнула совсем не кукольная злость. А когда вышла, прикрыв дверь осторожно, бережно, Ло посмотрела на собственные руки. Три года...

Алхимические зелья отлично выводят кровь, жир и грязь, но стирать все равно приходится самой. Разве что воду можно согреть магией, если на это остались силы. А если сил хватит или на стирку, или на полог над лагерем, то ставится полог, а постирать можно и в холодной воде. И даже без алхимии, когда она заканчивается. И котелок отскоблить песком из ручья. Поводья... Сначала, жалея руки, она ездила на лошади только в перчатках, но потеряла их, когда сдергивала, выплетая вязь боевого аркана. И вторые... Третьи лопнули прямо на ней: Молот Пресветлого удался отлично. А мозоли... Ну что мозоли. Она боевой маг прежде всего. И когда руки грубеют, поводья их уже не натирают. И нож, которым свежуешь очередного зайца, тоже. И... много чего еще.

Судя по рукам, Селина Фроше гораздо больше достойна звания леди. Зависть? К горничной? Бред какой... Просто все должны знать свое место. И если Молли еще можно спустить какой-то грешок за начищенные до блеска котлы и восхитительную готовку, то горничная Рольфсонов поблажек точно не заслуживает. А нелюбовь наглой девицы Ло как-нибудь переживет.

* * *

Капитан к обеду не явился. Пожав плечами, Ло велела накрывать стол на втором этаже и передать госпоже Тильде, мэтру Вайсу и сержанту Мерри, что будет рада их видеть. Мэтр на приглашение откликнулся с радостью, а сержант исчез вместе с капитаном. Возможно даже, что не беспричинно — в крепости наблюдалось явное оживление.

— Что происходит, мэтр? — поинтересовалась Ло, на правах хозяйки подкладывая целителю тушеную баранину.

Тильда, разумеется, тоже не пришла. Это раздражало, но глухо, больше по необходимости как-то отзываться на неприязненное и оскорбительное поведение падчерицы. Что ж, пусть. Нельзя за пару дней добиться многого. Тем более от бедной сиротки, которой наверняка окружающие доброхоты внушили, что она достойна жалости и постоянного прощения.

— Ничего особенного, очередной обоз. Крупный... Скоро перевал закроется первым снегом, вот купцы и торопятся. Недели две обозы чуть не каждый день идти будут. У нас сейчас вроде как сбор урожая у крестьян, — пошутил Лестер, поглаживая короткую белую бородку. — Горячая пора.

— Понимаю, — кивнула Ло. — Скажите, мэтр... Мне рассказали историю осады Драконьего Зуба. Очень печально... А что случилось с тем боевым магом? Он погиб при осаде?

— Да получается, что так, — слегка неуверенно ответил целитель, поливая баранину мятным соусом.

— То есть как — получается? — удивилась Ло. — Вы точно не знаете?

— Так ведь у нас при осаде двое человек пропало без вести. Солдат один и вот как раз маг. Тел так и не нашли.

— Странно...

Ло нахмурилась, разрезая кусочек сочного мяса.

— Еще бы не странно, — согласился Лестер. — По правде сказать, насчет солдата этого у меня есть сильные подозрения, что сбежал, подлец. Понимаете, миледи, мы-то защищали западную сторону крепости, откуда племя пришло. Дорога, сами видите, проходит через Драконий Зуб

насквозь... За спиной у нас скала, впереди — пропасть... А восточная сторона, куда дорога идет через нас, в Невию, чистой была. Мы же не просто свои шкуры отстаивали, мы еще путь в долину берегли. А сбежать можно было. Если постараться.

— А мага вы, значит, в побеге не подозреваете? — прищурилась Ло. — Из-за контракта? Клятвы на крови?

— Конечно, — просто ответил старый целитель. — Я вот не слышал, чтобы клятву на крови да имени обошел кто-то. А в армии мы ею все повязаны.

— Все... — эхом согласилась Ло. — Значит, он исчез? Странно... Кстати, как его звали? Если два года назад он только выпустился, значит, был на пару-тройку курсов меня младше. Я должна была его знать.

— Артуром. Артур Бейлас. Славный такой паренек. Тихий, застенчивый...

— Артур застенчивый? — искренне удивилась Ло. — Никогда бы не подумала. Людей, конечно, меняет служба, но в Академии Артур был редким шалопаем. Конечно, я его помню. Рыжий, долговязый, конопатый такой?

— Верно, миледи. Рыжий, как солнышко. Но тихий он был, уж вы мне поверьте. Может, вы его и знали иным, а только беда меняет людей хуже любой службы. Бедный парнишка...

— А... что с ним случилось? — осторожно спросила Ло, запивая мясо черничным морсом — похоже, черника была здесь королевой осеннего стола и подавалась во всех видах.

— Родителей потерял, — вздохнул мэтр. — Вот в последний год перед выпуском как раз. От горячки заразной оба сгорели. Артур говорил, что потому и на службу завербовался. Ну и то сказать, что еще боевому магу делать-то? Можно, конечно, и кроме армии устроиться, но, когда сердце горит... Ведь у него, кроме родителей, и не было никого — ни братьев, ни сестер. Ло уронила вилку. Такого конфуза с ней не случалось уже лет двадцать, с самого детства. Воспротивившись попытке мэтра наклониться за прибором, она сама нырнула под стол, подняла злополучную вилку и вылезла, вертя ее в пальцах.

— А... нет-нет, — рассеянно сказала она целителю. — Не беспокойтесь, я уже наелась. Хотя пирожки... м-м-м, пирожки буду, пожалуй. С черникой? Я даже не сомневалась. Так, говорите, Артур Бейлас потерял родителей, а больше у него никого не было? Какая жалость.

— И не говорите. Нам даже вещи его некуда послать оказалось. Да там и вещей-то тех... Несколько книжек.

— Книги, говорите? — задумчиво сказала Ло. — Мэтр, я бы с удовольствием взглянула на книги своего коллеги. Если это можно устроить, разумеется. Он ведь был боевым магом. Возможно, что-то профессиональное...

— Конечно-конечно, — заулыбался Лестер. — Ему они уж точно больше не нужны. Прими его душу, Претемная Госпожа.

— Пусть примет... — снова эхом согласилась Ло.

Вилку ей больше ронять не хотелось, да и не было нужды — с лицом она уже справилась. Артур Бейлас... О, она его отлично помнила. И пусть даже старый мэтр Вайс был прав, что беда меняет людей, — с этим Ло могла бы согласиться. Допустим, смерть родителей повинна, что Артур, который армию звал не иначе, чем каторгой, вдруг решил забиться в пограничный гарнизон. Бывает...

Но вот как быть с тем, что у Артура имелось два брата? Такие же здоровенные наглые рыжие шалопаи, только без магического дара. Они были постарше и охотно навещали братца в Академии, ухитряясь притаскивать кучу запретного, от игральных карт с похабными картинками до курительной дурманки. И даже за Ло как-то принялись ухлестывать вдвоем и по обыкновению нахально, но она тогда была под опекой не только Маркуса, но и Гилберта. Пока Маркус воспитывал Артура, Ги наваял близнецам, а потом утянул в город пить мировую, и при следующей встрече рыжие вели себя куртуазнейше. В общем, Артур своих братьев любил, гордился ими и отказываться не стал бы никогда. Так что возникает очень нехороший вопрос: что за безродный тихий скромник появился в крепости с лицом и документами Артура Бейласа? А потом так же тихо исчез во время штурма?

Запив последний пирожок, Ло решительно поднялась. Загадки, везде сплошные проклятые загадки... Мало ей собственных неприятностей, так еще какой-то исчезнувший мажонк! Может, это был действительно Артур? Про его родителей она ничего не знала, а с братьями парень мог поспорить. Да так, что и знать их не захотел. В юности всегда кажется, что ты

прав, а любая обида вырастает так, что заслоняет солнце. Поссорился с родными, назло им и себе уехал в захолустный гарнизон. А ты выдумываешь всякие глупости, Ло Ревенгар! Лестер вел ее по крепости, стараясь развлечь беседой. Сам он служил здесь двадцать лет — дольше всех остальных. Ло хмыкнула, сопоставив кое-что. А ведь если Молли помнит жену капитана Рольфсона, значит, она была здесь при осаде?

— Так и есть, — подтвердил Лестер. — Молли да вольфгардки наши. Им, бедным, деваться некуда было. Мы ведь уже с Вольфгардом воевали в то время, девиц оттуда где угодно неласково встретили бы. И дознаваться не стали, кто они такие да как в Дорвенанте оказались. Вот они и сидели в крепости, как мышки, мы-то к ним привыкли уже... И порталом уходить отказались. А на стенах бились как мужчины. Хоть и непотребные девки, да северянки же — оружие смалу держать умеют.

— А Молли?

— И Молли тоже. Меч она в руки не брала, конечно, зато перевязки мне делать помогала, еду на стену таскала... Это Селина с Катишей уже потом приехали, не так давно...

— Лес-с-стел! Ле-е-е-естел!

Из-за поворота выкатилось что-то приземистое, яркое, растрепанное — и врезалось в целителя.

— Ле-е-е-стел! Ой...

— Или, милая, — мягко попытался отцепить неизвестное чудо целитель, но чудо лет трех-четырёх держало его крепко, другой ручонкой прижимая к себе здорового серого кота. Кот свисал с ее руки, покоровившись судьбе, и только подергивал хвостом, тоже серым, но толстым и в черную полоску, как у дикого лесного сородича.

— Тебя зовут Или?

Ло присела на корточки, и девчонка немедленно попыталась спрятаться от нее в складках длинной шерстяной туники целителя.

— Мы ее так зовем, — извиняющимся тоном сказал Лестер, глядя растрепанную светлую головку. — Она сама себя называет Илинка. Странное имя...

— Лестел, а я Мяуса нашла, — похвасталась девочка, выглядывая и любопытными голубыми глазенками присматриваясь к Ло. — Он плятался, а я все лавно нашла!

— Бедолага Мяус! — улыбнулся Лестер. — Илинка, милая, беги к Молли, она тебе пирожок даст.

— Пиложок! Илинка хочет пиложок! И Мяус хочет...

Кот, томно поведя вокруг наглыми зелеными очами, безмолвно согласился, что пирожок хочет. И вообще, пирожок — единственное, что может примирить его с кошмарным существованием в лапах маленького чудовища. За пирожок он, так и быть, еще потерпит. И даже согласен, чтоб его отнесли на кухню.

— Бедное дитя.

Лестер проводил ее грустным взглядом.

— Что, тоже сирота? — хмуро поинтересовалась Ло.

— Вам уже рассказали? Да, она и брат. Была у нас тут шайка — обозы грабили. А людей убивали. Вот и их родителей...

Ло слушала незамысловатую, но от этого не менее жуткую историю Илинки и ее «блатика» всю дорогу до маленькой каморки, где лежали книги Артура Бейласа — настоящего или поддельного. Пяток томов, которые Лестер любезно согласился отнести в ее комнату. Нет-нет, ему совершенно не трудно. И вообще приятно помочь очаровательной леди!

Леди улыбалась, вдруг почувствовав себя именно такой под лукавым добрым взглядом старого целителя. И хорошего настроения хватило ровно до собственной спальни.

— Хм... — сказал Лестер, сгружая книги на ее туалетный столик. — Как странно... Но это точно не Мяус — паршивец воровлив, но чистоплотен, поверьте моей рекомендации.

— Нэнси? Нэнси!

Ло прошла вперед и остановилась. Подняла руки к щекам, задыхаясь от смущения и, разумеется, от вони.

— Нэнси, какого Баргота?

— Не знаю, миледи, — всхлинула девчонка, выскальзывая из-за ее спины с тазиком и тряпкой. — Меня в комнате не было. Селина сказала, ей надо ваши платья посмотреть. Ну, чтоб за образец их взять... А я вернулась — и вот! Как их... Теперь только выкинуть, да?

— Но... как это? — поразился Лестер, недоуменно разглядывая сапоги Ло, густо измазанные кошачьим дерьмом.

— Да вот так, мэтр, — сквозь зубы проговорила Ло, изнемогая от глупой бессильной ярости. — Они, наверное, погулять сходили. Сами. Нэнси! Прекрати реветь! Просто помой их. И тряпку потом выкинь.

— Запах останется, миледи... — робко возразила горничная.

— Нэнси, это армейские сапоги боевого мага! Обработанные магией, чтоб топтаться по раскаленным камням, по кипящей грязи, по трупному яду, по кислоте — да хоть по барготову дерьму, не то что по кошачьему! Просто вымой их — и ни следа не останется. Внутри же чистые?

— Да-а-а...

— Простите, миледи, — вздохнул что-то сообразивший Лестер. — Мне очень жаль, что в нашей крепости...

«Слишком много сироток! — злобно подумала Ло, не высказавшись, конечно, вслух. — И кто-то еще скажет мне, что это не детская месть? Проказы дурной, распушенной, эгоистичной девчонки! Ничего не имею против тех, кто потерял родителей, — ради Пресветлого, я сама лишилась обоих в ее возрасте. Но прикрываться своим несчастьем — отвратительно!»

Глава 13 СЛЕДЫ НА ВОДЕ

«Терпение и трудолюбие суть первейшие добродетели мага, из которых вырастают остальные достоинства, словно колос из зерна, — размеренно звучал в аудитории скрипучий голос мэтра Бальтазара. — Записали? Теперь напишите это двадцать раз лучшим своим почерком. Кто сказал „тоска мертвецкая“?! Хотя можно не спрашивать. Лавиния Ревенгар, вам — написать пятьдесят раз. Чтобы лучше осознали смысл данного высказывания!»

«Терпение и трудолюбие, — повторила про себя Ло. — Да, мэтр, я запомнила. Особенно про терпение... Спокойно, Ло, это всего лишь девчонка. Ты же не унизишься до истерик или жалоб? Это глупо и нерационально... А я не хочу быть рациональной, Баргот развалил эту крепость с ее комендантом вместе!»

Запустив пальцы в волосы, она потеряла виски и в который раз оглядела спальню, как недавно пойманный зверь — клетку. Маленькая дрянь! И ведь улучила же момент, когда Нэнси ушла с Селиной в соседнюю спальню, где до сих пор лежали платья Ло. Вот, кстати, надо первым делом их забрать сюда, а капитану отдать его вещи. И повесить замок на дверь! Так, будем логичны... Может быть, это все-таки не милое дитя? Селина вне подозрений, она в это время перебирала наряды вместе с Нэнси, да и невозможно представить, чтобы девица Фроше пачкала в кошачьем дерьме свои холеные пальчики. Даже через тряпку... Молли в таком заподозрить тоже трудно. Правда, остальную прислугу Ло еще не видела.

Да и не в том дело! Как поставить неизвестную дрянь на место — вот что важно. Если бы только она не лишилась магии! Ло с горькой тоской посмотрела на свежeweымытый пол, который Нэнси заново отдраила с песком, а потом сполоснула водой с ароматическим уксусом. Взять след — это же так просто! Легкий, почти невесомый аркан, проявляющий связи между предметом и тем, кто держал его в руках... Ло пошевелила пальцами, нарисовала в воздухе руну, вторую... На миг показалось, что энергия, пронизывающая ткань бытия, откликнулась. Она затаила дыхание... Пустота. Полная пустота, будто пытаешься ухватить нить, а пальцы ловят воздух. Ло закусила губу от мучительного бессилия, к которому оказалось невозможно привыкнуть.

Что ж, ведь как-то живут слепые и безрукие? Хватит себя жалеть.

Снова повторив чуть не плачущей Нэнси, что не сердится, Ло не кривила душой. Нельзя в самом деле требовать от горничной, чтобы та безотлучно сторожила вещи. Так что для начала — замок. Таковой вскоре нашелся, а к нему прилагалась пара ключей, которые Ло поделила с Нэнси. Грубая железка, явно снятая с какого-то подвала или кладовой, на двери смотрелась уродливо, но на это Ло было глубоко плевать. Она отправила Нэнси переносить платья, а сама принялась за изучение книг то ли покойного, то ли сбежавшего Артура Бейласа. И что бы ему

не найтись после боя в виде порядочного мертвеца? Ло уже привычно пожалела, что рядом нет Маркуса. Подозрительные трупы как раз по его части. У Бастельеро неупокоенный дух Бейласа, если тот действительно погиб, живо отыскался бы и признался во всем, что успел натворить при жизни. Например, объяснил бы, почему у него такие странные книги?

Ло сосредоточенно погрызла кончик пера, прихваченного из письменного прибора. Пять книг — наследство Бейласа — лежали перед ней на столе, явно намекая на что-то. Понять бы только на что. Ну не могло быть у закончившего полный курс боевого мага такого школярского набора учебников! «Элементарная теория тактики» — это же третий год учебы! Там рассматриваются самые основы... «Полное и ясное руководство плетения красных арканов» — тоже для начинающих. Ло открыла книгу и полистала. Остановилась на исчерканной странице, вгляделась. Поля были густо исписаны расчетами, повторяющими примеры из книги с другими исходными данными. Словно... кто-то тренировался! Но Бейлас давным-давно сдал все это на экзаменах, да и учился, несмотря на шалости, хорошо, а неизвестный, исписавший учебник, порой делал явные ошибки. Вот этот аркан, осуществи его маг подобным образом, должен был дать такую отдачу!

Листая учебники, Ло хмурилась и все сильнее грызла несчастное перо. Расчеты, решения задач, самостоятельные выведения известных любому выпускнику формул... Похоже было, что по учебникам занимался талантливый старательный самоучка! Несомненно, отлично знающий общую теорию магии, но полный невежда в боевых чарах. О, а вот это еще интереснее. На широких полях «Практической рунологии военного дела» лже-Бейлас, в чем Ло уже была уверена, тренировался расписываться. Инициалы А и Б были выведены сначала неуверенно, скорее всего по образцу, но постепенно становились все четче и изящнее. Ну же... Неужели ты удержишься и ни разу не собьешься на привычные буквы?!

Ло перебрала всю «Рунологию» по листочку — и была вознаграждена. На одной странице рядом со старательным «АБ» красовалась зачеркнутая, но вполне различимая двойная буква С! Имя и фамилия, наверняка! Ло вглядывалась в инициалы неизвестного с тем же азартом, с которым плела первый в своей жизни аркан высшего порядка. След... Слабый, случайный, но безусловный след! Кто же ты такой, СС?

Она добросовестно перебрала всех послушников красного факультета, которых помнила. Но никто с такими инициалами не учился в Академии одновременно с ней. Хотя что это она? Сама же решила, что лже-Артур — самоучка. Значит, он маг, но другого цвета. Зачем прикинулся Бейласом? Как вообще смог подменить его? Ло изнывала, чувствуя не просто загадку, но опасную и важную тайну. Может быть, появление и исчезновение лже-Бейласа как-то связано с самой Ло? Ведь почему-то ее враг не хотел, чтобы она ехала в Драконий Зуб. Тайна, настоящая тайна совсем рядом, а Ло вынуждена думать о всякой ерунде, вроде ревнивой падчерицы и разболтавшейся прислуги!

Она провозилась с книгами лже-Бейласа до вечера, но никаких подсказок, кроме случайной росписи, не нашла. Зато твердо уверилась, что мнимый Артур закончил Академию по другому курсу или хотя бы дошел до последних лет обучения. Он легко выполнял сложные расчеты, основанные на знании общих дисциплин вроде рунологии, владел теорией стихий, основами алхимии и артефакторики. Путался же только в специфических вопросах, требующих практических наработок. Ну всякий же боевик знает, что вот эту константу надо смещать на порядок, тогда площадь поражения при том же расходе энергии гораздо шире. Всякий, кто это сам пробовал, — вот в чем дело. Теоретически такое никак не рассчитать.

А еще получалось, что сил у лже-Бейласа и в самом деле было немного. Там, где в уравнениях требовалась переменная, обозначающая расход энергии самого мага, значения были минимальными. Не боевик, точно нет. При таком крошечном резерве он ушел бы курса со второго, ну с третьего. Мог бы стать хорошим охранником, например, или помощником артефактора — те охотно берут в подручные боевиков, умеющих ставить щиты и плавить все, что плавится. А он поехал в дальний гарнизон.

На самом деле никто ведь не знал заранее о приходе урту-томгар, а так место здесь тихое, парень вполне мог служить годами. Отточил бы мастерство... Умеючи можно и с маленьким резервом делать множество полезных вещей, так что ему просто не повезло. Но кто же ты, Артур Бейлас, чьи руки помнят двойную букву С, а не собственные инициалы?

Так больше ни до чего и не додумавшись, Ло велела Нэнси разузнать насчет ванны. Сколько можно обходиться тазами и неглубокой деревянной лоханью, раздобытой Нэнси и

поставленной в пустой комнате неподалеку? Как на постоялом дворе, Баргот его посети! А ведь жила здесь как-то семья прежнего коменданта, который наверняка был дворянином, пусть из захудалых. Не в лохани же они мылись?

— Ни в коем разе, миледи, — подтвердила Нэнси, расплетая ей волосы, а потом печально добавила: — Только купальня закрыта сейчас. Вода, говорят, ушла.

— Куда ушла? — мрачно спросила Ло, предчувствуя, что проклятая лохань станет ее верной и ненавистой спутницей на долгие годы.

— А кто ж его знает, — пожала плечами горничная. — Вот колодец во дворе видели? Он ведь сухой. А раньше, говорят, ключ там был такой сильный, что на всю крепость воды вдоволь было. И на кухню, и на прачечную, и на купальни. Солдатам — и тем хватало на мытье! А теперь из-под самой горы носить приходится. Да вы не волнуйтесь, миледи, сейчас я парней кликну, живенько несколько ведер притащат.

— Несколько ведер... — еще мрачнее повторила Ло.

Призрак ванны с душистым маслом печально растаял, сменившись почему-то невозмутимой физиономией его величества. В воображении Ло король смотрел на нее с ехидцей — у него во дворце сложностей с принятием ванны не было. Мысленно Ло совершила оскорбление достоинства его величества действием, показав его образу неприличный жест, и видение обиженно исчезло.

— Лохань так лохань, — сказала она вслух. — Но с водой разберемся.

А ночью ей снова приснился кошмар.

Она стояла посреди верхней комнаты в башне Руденхольмского Гвоздя. Смотрела на пустую комнату и умирала от липкого тягучего страха, потому что не могла ни крикнуть, ни пошевелиться, а сзади кто-то был. Откуда-то Ло точно знала, что это враг. Он стоял и ничего не делал, просто ждал, а за мутными стеклами окон бурлила вода, поднимаясь все выше. Темно-серая, грязная от донного ила спущенного озера... Ло было холодно даже смотреть на нее, а еще предстояло как-то выбираться вверх. Конечно же вплавь, она же не сможет открыть портал. Магия исчезла... выгорела...

Задышавшись, она поняла, что последние слова кто-то произнес, и попыталась обернуться.

— Тш-ш-ш-ш... — прошелестел бестелесный голос за ее спиной. — Тихо, Лавиния. Не трепыхайся. Ты ведь мертва, а покойники должны лежать смирно. В земле или под водой — это кому как повезет.

— Я... жива... — выдавила она чудовищным усилием.

— Нет, — ласково сказал человек за спиной удивительно знакомым голосом, который Ло никак не могла вспомнить. — Это тебе только кажется. Краткий миг перед небытием. На самом деле кинжал достал до сердца. Тебе кажется, что ты ходишь, дышишь, чувствуешь, а на самом деле ничего этого нет. Есть только серая холодная вода, в которой ты осталась. И ты лежишь там, в ледяных объятиях Руденхольма, видя сон про короля, свадьбу и глупого упрямого капитана. Сладкий сон для Ло Ревенгар, последней из барготовой дюжины магов...

Она будто увидела себя со стороны — распухший безобразный труп, вокруг головы которого колышется серебряный ореол остатков волос, чудом не унесенных течением. Увидела — и закричала. Но звуков не было, только шум воды, а тот, сзади, шагнул еще ближе, Ло почувствовала укол под лопатку — и проснулась.

Ловя воздух ртом, она очнулась, не понимая, где находится, и едва удерживаясь от крика. Не сознательно, просто дыхания не хватало. Голос, боль... И мелькнувшие перед глазами разноцветные звезды, когда серость кошмара сменилась на тьму пробуждения.

— А ведь я... тебя... знаю... — прошептала она, чтобы убедиться в способности говорить. — Знаю... Вот почему ты подошел со спины. Я бы... даже в посмертии... выдала тебя. Маркус...

Она закашлялась, отдышалась и уже спокойнее продолжила про себя: «Маркус добрался бы до моего духа. Ты ударил Арканом Медеоса, чтобы не подходить близко, чтобы мы не успели тебя увидеть. И решил, что убил всех троих. А я очнулась, да? Какая неудача. Упрямая мерзавка Ло Ревенгар не сгорела дотла и попыталась добраться до ключа. Тебе пришлось добивать меня кинжалом. В спину. Значит, я тебя знаю... Но кто же использовал ключ? У меня не было магии... Только убийца за спиной. Пресветлый, помоги вспомнить!»

Обливаясь потом под легким одеялом, она сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Но перед глазами все так же мелькали проклятые звезды.

«Ведь не ты пустил воду! — в отчаянии подумала Ло. — Ты пришел, чтобы нам помешать. Вольфгардец? Нет... Я никого не знала из Вольфгарда. Значит, ты дорвенантец. Предатель, решивший сдать Руденхольм северянам. Прямой путь к столице в разгар войны. Кто будет беречь еще три жизни при таких ставках? Дорвенантец. Маг. С кинжалом, которым пользуются для ритуалов некроманты. Думай, Ло, думай... Чей же это был голос? И почему он потом не добил тебя в госпитале, ведь ты же могла вспомнить!»

Сердце стучало неровно, гулко, но Ло отмахнулась от подступающего страха. Потом. Если бы осколок сдвинулся, она бы уже умерла, правда?

«Или маленькая колкая дрянь ждет, пока ты встанешь, чтобы сместиться...» — мелькнула подленькая мысль.

Не вставая, она закрыла глаза и представила себе светящуюся точку — как при создании аркана. Это убийца... Вторая точка рядом — она, Лавиния Ревенгар. Третья... Неизвестный лже-Бейлас. Кто-то упорно отговаривал Ло ехать, словно боялся, что она здесь наткнется на кончик ниточки, который можно потянуть. Встанет на след... Но связан ли руденхольмский убийца с лже-Бейласом? Пока неизвестно. А еще... Случайно ли король отправил ее замуж именно сюда?! Четвертая точка присоединилась к треугольнику, превращая его в квадрат. Ло измученно вздохнула. Она могла бы сплести дюжину разных заклятий, всего лишь представляя эти точки перед собой, но связать их осмысленными подозрениями не получалось. М-м-мать барготову через тридцать три ее внука! Она боевик, а не разумник! Ее учили жечь, взрывать, раскалывать! Но не распутывать тонкую паутинку, такую скользкую и неуловимую, словно она сплетена из водяных струек. На воде, как известно, следы не остаются!

Пытаясь успокоиться, она встала, подошла к окну. В него, к счастью, было видно небо, кусок башни и крыша крепости. Никакой воды. Врешь, мерзкая дрянь, я жива. И этот рассвет, розовеющий над серой башенкой, — настоящий. И голос внизу, во дворе, тоже!

— Равнение напра-во! Стой, раз-два! С правой ноги — марш! С правой! Сто-ять!

Голос на мгновение смолк, потом продолжил так же ровно:

— Сено-солому вспомнили? Где сено? Хар-ра-шо! На месте — марш! Сено-солома, сено-солома, сено-солома! На сено — пово-рот! Еще раз! На сено — пово-рот! На сено — пово-рот! На сено — пово-рот! Направо — пово-рот! Сено — справа! Пово-рот!

Ло, которой был виден почти весь двор, заинтересованно наклонилась. Ну да, вон в углу, в тени от стены... Шестеро в рубашках и штанах усердно вколачивают сапоги в брусчатку. Седьмой — перед строем. Знакомый, как и голос, разворот плеч. И рост... Только один на правом фланге почти вровень с капитаном, остальные чуть ли не на голову ниже.

— На месте — марш! — продолжал четко порывивать комендант. — Раз-два! Напра-во! С правой ноги — марш! Раз-два, раз-два, раз-два...

Шестерка слаженно рванула по двору, а Ло усмехнулась. Совсем, значит, зелень. Деревенские. В армии таким поначалу на ноги по клочку сена и соломы привязывают. Это право и лево деревенский парняга не различит, они ему без надобности, а вот в сене и соломе даже спросонья не ошибется. Комендант неглуп и терпелив. Другой бы хлыстом вколачивал солдатскую науку — видела Ло и таких офицеров, а этому не лень встать с рассветом, чтобы погонять сельских бычков.

Показалось, что Рольфсон повернулся в ее сторону, словно почувствовал взгляд. Ло немного отступила, прячась за занавеску. Не стоит показывать интереса, еще не так поймет. А внизу продолжалась строевая дрессировка, как насмешливо звал подготовку Маркус. И Ло смотрела, как к этим шестерым присоединяется еще полторы дюжины, как Тибальд и здоровенный тип, выше не только коменданта, но и Маркуса, пожалуй, разбивают солдат на пары... Как снова и снова в воздухе мелькают деревянные дубинки, заменяющие на первых порах мечи... Это правильно, кстати, а то бы во дворе такой лязг стоял! Дерево тоже стучит друг о друга с треском, но с железом не сравнить. Да и выдавать новобранцам боевое оружие для тренировок ни один вменяемый командир не будет. Пары недотеп каждый раз недосчитается.

А дубинки сделаны на совесть. Изнутри, похоже, залиты свинцом по весу — иначе парни махали бы ими порезвее. И получается совсем неплохо, а там, где не получается, оказываются либо Тибальд, либо сам Рольфсон. Комендант мог бы свалить обучение на сержантов, но ему, кажется, самому нравится.

Ло невольно загляделась на скупые точные движения Рольфсона, показывающего очередной прием. Ни одного лишнего движения, работают только предплечья, а дубинка порхает в

воздухе, словно ничего и не весит. Непонятно даже, отчего у остальных рубахи к телу липнут. Рубашка капитана была сухой. Но при этом облегла его плечи и спину весьма... выразительно. Странно было смотреть на взрослого сильного мужчину, занимающегося явно любимым делом, и понимать, что это ее муж. Никогда, пытаясь представить будущего супруга, Ло в самом смелом полете воображения не додумалась бы до такого. Он мог быть магом. Некромантом, как Маркус, целителем или артефактором — неважно. Им все равно нашлось бы, о чем поговорить. Он мог быть профаном в магии, но офицером королевской армии, как ее отец, и Ло уважала бы его службу. Но в любом случае он был бы аристократом по рождению и череде предков. Достойным, гордым сыном древнего рода. И он понимал бы Ло без слов там, где этому северному полуварвару приходится объяснять очевидные вещи. А потом убеждаться, что ему на них плевать. Комендант Рольфсон хорош на своем месте, но это место не рядом с Ло! Она тихонько отошла от окна со странным чувством сожаления. Что ж, наверное, и комендант хотел бы другую жену, если вообще собирался жениться заново. Они как замок и ключ, не подходящие друг к другу, потому лучше бы разойтись, пока что-то не сломалось непоправимо. И неважно, что на капитана приятно посмотреть тайком из-за занавески — для семейной жизни этого мало. А для счастья лично ей, Лавинии Ревенгар, хорошая купальня гораздо нужнее, чем широкие плечи мужа. Образ его величества снова всплыл в памяти.

— Но не такой ценой, — фыркнула Ло. — И раз уж я все равно проснулась...

* * *

— Вы же сказали, что не будете... заниматься делами крепости, — в последний миг заменил Эйнар невежливое «лезть» на другое словечко, поучтивее.

— А я и не собираюсь, — не менее любезно сообщила его почтенная супруга, которую йотуны сегодня растолкали еще до завтрака. — Но вот то, что в упомянутой крепости нельзя принять ванну, касается меня напрямую. И не надо говорить про лохань, мне уже хочется надеть ее кому-нибудь на голову и постучать сверху молотом.

— Отличная мысль, — беспомощно огрызнулся Эйнар. — Могу даже подсказать кому. Одному из ваших, который сказал, что колодец невозможно восстановить.

Он прошел от стола к полкам по комнате, которая вдруг показалась маленькой и неухоженной, хотя Селина убирала ее дважды в неделю — в присутствии самого Эйнара, разумеется. И пыль вытирала, и полы мыла, а вот ведь... Рядом с носком замшевой туфельки, нетерпеливо постукивающей по полу, ясно видится грязное пятно, которого раньше то ли не было, то ли Эйнар его не замечал.

— К вашим услугам, — сказал он хмуро, шлепая на стол свернутый и перевязанный шнурком лист пергамента. — Заключение мага, которому корона оплатила изыскания. За работу платить уже не пришлось — маг отказался.

Леди взяла пергамент деловито, но с достоинством, только в глазах мелькнули хищные радостные огоньки. Уходить из рабочей комнаты Эйнара она, похоже, не собиралась, потому что прошла к единственному креслу, сиротливо стоящему в углу, села в него и поискала взглядом что-то на полу. Не нашла и, вздохнув, просто вытянула ноги, скрестив их в лодыжках, судя по очертаниям платья.

Эйнар торопливо отвел взгляд. На эти длинные, безупречно стройные ноги, обтянутые тонкой замшей штанов, он уже насмотрелся. «Как и весь гарнизон, — пришлось напомнить себе. — С чувством стыда у леди хуже, чем у Дагни с Торунн — те носят юбки, а если задирают их за звонкую монету, то втихомолку и в укромных уголках». За такое сравнение Эйнару самому стало стыдно, но тут припомнилась рубашка. И откровенные намеки, что ему еще постараться надо, чтоб заслужить место в ряду... Быть вежливым совершенно расхотелось, но леди читала пергамент внимательно, словно забыв об Эйнаре. Шурилась слегка, потом подняла тонкими пальчиками печать, привешенную к шнурку, вгляделась.

— А почему вызвали артефактора? — спросила она наконец с искренним недоумением. — С водой должен бы работать стихийник.

— Мне-то откуда знать? Кого из столицы прислали...

— Из столицы, — задумчиво повторила леди и почесала нос. — Забавно... Он вам на словах объяснил, в чем загвоздка?

— Сказал только, что плита сместилась и перекрыла выход воде. Мол, вода никуда не делась, просто промыла себе другой путь. Лет через сто ниже по склону озеро образуется.

— Смотрите, какой умница! — отчего-то очень зло восхитилась леди. — Все рассчитал! И про озеро, и про сдвиг... А знаете, я, кажется, понимаю, почему приехал артефактор. Вам случайно неизвестно, кто этот колодец изначально ставил? Все-таки настолько удачно вывести воду в горах — это редкое умение.

Эйнар пожал плечами.

— Могу узнать, — сказал он все еще настороженно. — В архиве крепости наверняка имя есть. — Не надо в архиве, — рассеянно откликнулась леди, снова утыкаясь в пергамент. — Колодец же не намертво закрыт? С внутренней стороны, на люард от верха, должна быть табличка с именем, если работал маг. Пошлите кого-нибудь глянуть. И дайте мне карандаш, будьте любезны. Ар-р-ртефактор-р-р, демон его посети!

Эйнар молча подал ей требуемое и вышел в коридор — кликнуть кого-нибудь. Желательно грамотного.

— Ну вот, — усмехнулась леди некоторое время спустя, когда посланный вернулся. — Я так и знала. Водой в крепости занимался сам Валериан Кастельмаро. Глава гильдии стихийников лет сто тому назад. Изумительного дарования был маг. А заключение подписано Эдгаром Кастельмаро — то-то мне имя знакомым показалось.

— Родственник? — задал Эйнар дурацкий вопрос, раз уж родовое имя одно — однако поди разбери, как у магов это устроено.

— Разумеется, — отложив пергамент, леди повела плечами — словно хотела потянуться, но передумала. — Правнук-артефактор, который наверняка пользовался архивом прадеда. Очень уж изначальная схема хороша! Явно не сам чертил, криворучка, скопировал. Я не знаю, какой он артефактор, но с водой и землей не слишком хорош, судя по расчетам.

— Хуже вас? — не удержался Эйнар и заработал ледяной взгляд.

— Боевики, чтоб вы знали, капитан, со стихиями работают очень часто. Правда, обычно с ветром и огнем... Но считать нас учат всё. Пустить воду в другое русло, устроить обвал или поднять шторм на море — это можно устроить по-разному. Так что в этом... — она постучала кончиком карандаша по пергаменту, — я разбираюсь. Только вот...

Леди помрачнела, и Эйнар придержал готовое слететь с языка, что, раз так, в крепость ее сам Пресветлый прислал — колодец починить хотя бы.

— Нужен стихийник, — помолчав, нехотя выдавила она. — Или другой боевик. Артефактора звать бесполезно. Они все жадные, как драконы, а силенок маловато для такого дела.

Карандаш выстукивал что-то в маршевом ритме, и Эйнар с удивлением опознал знакомое «В долгий поход...».

— Это, — хлопнула она по пергаменту, — я возьму с собой. Посмотрю на досуге еще раз, просчитаю все. Плита, конечно, сдвинулась, но старый Кастельмаро свое дело знал. Если правильно выставить вектор удара... Впрочем, вряд ли вам это интересно, капитан.

— Вы думаете, что сможете вернуть воду в крепость? — недоверчиво уточнил Эйнар.

— Я — нет, — скривила губы леди. — Но найду того, кто сможет. Не бесплатно, разумеется, но куда дешевле, чем взял этот... правнучек. В крайнем случае попрошу прислать кого-то из мажат на практику. Им полезно будет.

Она стремительно и легко встала, в упор глянув на Эйнара светлыми глазищами, переменчивыми, как лед на скалах. Только что были холодно-серыми, и вдруг сверкнуло голубизной. Впрочем, это от платья отблеск, наверное. Сегодня супруга была в синем с белой отделкой. Наверное, из-за того же платья ее кожа казалась такой бледной...

— Не окажете ли вы мне честь позавтракать вместе, капитан? — вкрадчиво спросила леди, не сводя с него взгляда охотящейся горной кошки. — Я хотела бы побольше узнать о крепости и городе. Полагаю, именно туда мне придется ездить за покупками в ближайшие три года?

Эйнар обреченно кивнул.

А когда леди покинула кабинет, почти бесшумно, только платье слегка шелестело, подумал, что все-таки первый взгляд оказался самым верным. Такая если во что-то вцепилась — из когтей не выпустит. Но если сейчас ее настойчивость обратилась всего лишь на колодец и купальни, то и пусть. По купальням Эйнар сам тосковал, да и жить со своей водой было бы легче и спокойней. Но почему леди нужен другой маг, чтобы достать воду? Если она сама может сделать все нужные расчеты. У нее нет перстня... Дело в этом? Эйнар чувствовал себя псом, запутавшимся в запахах, — какой выведет на верный след? Но упрямо продолжал мучиться непривычными вопросами. Морок не будет ждать до бесконечности, вскоре он явится снова, чтобы лить яд

подозрений и лжи, словно Эйнар ему — крепостной колодец. Это следов на воде не остается, а отравить ее можно запросто.

Глава 14 ВЕТЕР ИЗ ПРОШЛОГО

Она стояла на холме и ловила ветер. Чуткий нос подрагивал, рыжая шерсть блестела среди травы, высушенной солнцем почти добела. Лиса чуяла в горячем сухом воздухе беду, но не могла понять, откуда та идет.

Ло опустила подзорную трубу, борясь с желанием крикнуть или свистнуть. Хоть как-нибудь спугнуть зверя. Холм, на котором стояла лиса, был ниже и дальше к восходу, его целиком покрывали белые ломкие колосья, шелестящие на ветру. Если крикнуть — куда побежит лиса? Наверное, от крика. По склону холма, потом по ложбине...

Ло закусила губу, понимая свою беспомощность. Это всего лишь зверь, из-за него не отложишь атаку... Глупо жалеть лису, если готовишься убивать людей. Но когда рыжая, приняв наконец, решение скакнула вбок и помчалась в закатную сторону, Ло вздохнула с облегчением.

— Тебе не обязательно делать это сейчас, — негромко сказал подошедший со спины Марвин Кольер, ее наставник. — Будут еще бои.

— Я присягала Дорвенанту, — отозвалась Ло. — Или вы считаете, что я не справлюсь?

— Справишься. Это меня и пугает, — непонятно ответил Марвин и взял у нее трубу.

Ло размяла пальцы и снова посмотрела на восход. По серебристой траве шла рябь, словно по воде. Сюда, в их сторону. Ветер дул ровный и устойчивый, не собирающийся меняться.

Вольфгардские заклинатели, привычные наполнять ветром паруса, и на суше работали отменно.

— Сейчас начнется, — так же негромко и спокойно уронил Марвин, не отрываясь от наблюдения. — Ты готова?

Ло молча кивнула. Пальцы уже пощипывало от растущего напряжения, сила собиралась на их кончиках, просилась в полет... Сейчас... Сейчас там, на другом конце ложбины, уже побежали огненные змейки, готовясь вырасти и разинуть ало-золотую пасть, пожирая траву и низенькие корявые кусты. Ветер, усмиренный вольфгардскими ведьмаками-погодниками, не переменится. И огненный вал покатится сюда, к позициям третьего рейтарского полка, прижатого к холмам, наполовину окруженного северянами. Истошно заржут перепуганные кони, попытаюсь сорваться с привязей, волна смертельного жара накроет все... А следом по выгоревшей земле пойдет авангард северян, прорубая рейтаров, как боевой топор — щепку. Так было задумано. И так было бы, но сегодня вольфгардцев ждал сюрприз. Двое боевых магов, только вчера переброшенных порталом. Всего-то двое.

— Следи за ветром, — напомнил Марвин и исчез.

Ло задрала голову и принюхалась. Дым. Он выдаст происходящее раньше огня. Лиса знала толк в неприятностях. Ло облизнула губы, сама став лисой: осторожным зверем, сплошным носом и ушами. Глаза могут обмануть, однако чутье скажет правду. Она ждала. Когда ветер усилился.

Когда с востока повеяло гарью. Когда клубы дыма стали приближаться пугающе быстро, застилая небо и вынуждая рейтаров сниматься с позиций...

— Мэтр-лейтенант Ревенгар, извольте доложить обстановку!

Вестовой полковника влетел на холм, осадив коня, и Ло поморщилась.

— Все идет по плану, — бросила она, не оборачиваясь.

И продолжила ждать. Ветер стал тугим, упругим и опасно горячим. Он нес смерть и уже не скрывал этого. Если у лисы была хоть капля чутья, она давно убралась подальше. Ло убраться не могла, поэтому ждала, молча, терпеливо, копя силу в готовом сорваться с пальцев аркане. Где-то за спиной заголосили сигнальные рожки.

— Мэтр-лейтенант Ревенгар, полковник приказывает приступить!

— Рано.

— Вы слышали приказ?!

— Не мешайте... — прошипела Ло, обернувшись, и вестовой осадил лошадь так, что она попятилась. — Я сказала — рано! Прочь отсюда!

Кажется, вестовой еще что-то кричал, но ветер, которым стала Ло, его не слышал. Ветер гнал пламя. Еще ближе. И еще...

«Я справлюсь, — бесстрастно подумала Ло. — Все просто. Поймать ветер, напоить его огнем. И развернуть...»

Она подняла руки, с удовлетворением отметив, что пальцы совсем не дрожат. Зачем Марвин предлагал ей сегодня остаться в стороне? Это же так легко. Аркан отработан безупречно. А ветер сам подсказал ей, когда накинуть узду...

Медленно и плавно выдохнув, Ло отпустила огонь. И одновременно тронула скрытые нити, пронизывающие мир. Заметавшись, как испуганный зверь, ветер рассыпался на сотни круговых вихрей, поднял языки пламени, крутя их в воздухе. И рванул обратно. По ложбине покатилась огненная стена встречного пала, надежно ограждая позиции рейтаров. Живой огонь на этом бы и погас, но магический струился по выжженной земле, не уменьшаясь, а, напротив, делаясь сильнее. Не зря Ло с Марвином полночи определяли направление силовых линий...

За спиной Ло снова резко протрубил рожок. Отбой тревоги. А вот впереди было тихо. Ну же... До северян четыреста пятьдесят люардов по прямой. Она не могла ошибиться в расчетах. И поняла, что не ошиблась, когда тот же ветер, только верховой, принес обратно запах паленого. Вкусный запах жареного мяса. Несколько мгновений Ло дышала им, потом скривилась, осознавая. Да, все в соответствии с расчетами. От «огненного ветра» не убежать, он летит быстрее любого скакуна, а вольфгардцы были пешими. И все правильно...

Ей только не следовало ехать туда самой. Потом в штабе ее поздравлял полковник, забыв недавнее непослушание мэтр-лейтенанта Ревенгар. Да и непослушания ведь не было — небольшая задержка, прекрасно оправдавшая себя полным успехом. И Марвин, испытующе глянув, обронил про хорошее чутье. А она, дождавшись конца совещания, вышла и отвязала от коновязи первую попавшуюся оседланную лошадь. Ей нужно было увидеть самой... Что ж, она увидела. Эскорт из двух рядовых и сержанта вежливо молчал, когда ее мучительно выворачивало наизнанку, и остатки завтрака летели на выжженную дотла землю, покрытую пеплом и головешками, среди которых виднелись пряжки амуниции и оружие. Ло не знала, что сторовшие до такого состояния тела ничем не отличаются от кривых обугленных поленьев... Она вскинулась на кровати, прижимая к груди одеяло. У стены, на постели, устроенной из длинного широкого сундука, заворочалась Нэнси, но сразу притихла. Ло вдохнула, облизала губы, удивляясь, что не чувствует вкуса гари. Он ведь только что пропитывал все вокруг!

«Тише, — подумала она, стискивая мягкую ткань и с трудом проталкивая в горло прохладный чистый воздух спальни. — Это лишь сон. В прошлый раз — вода, теперь вот огонь... Просто сон. Игры разума, растревоженного рассказом сержанта Мерри. Ну, давай, ложись снова...»

В неплотно прикрытое окно тянуло ночной свежестью, и Ло жадно дышала ей. Уснуть... А вдруг сон вернет ее туда, в черную долину между опаленными холмами? За три года она не раз пускала «огненный ветер», но в дурных снах к ней возвращался только тот, самый первый. Будто клеймо, выжженное на душе, изредка вспыхивало болью.

Ло заставила себя опуститься на постель, но сон не шел. Она уставилась в потолок, бездумно следя за бледным пятном у окна — туда падали лучи еще круглящейся, но уже стареющей луны. Долина Разенбож... И третий рейтарский, куда ее перевели после полутора месяцев довоенной службы на подхвате у опытного Марвина Кольера. До этого она всегда была в тени мэтра, под его негласным присмотром и управлением. А теперь осталась одна — единственным боевым магом полка. Боевиков не хватало, они нужны были в других местах, и полковник, помрачневший, узнав, что ему достался едва оперившийся птенец, да еще и девица, угрюмо смирился. Марвин уехал на закате, а Ло осталась.

И тем же вечером впервые в жизни напилась. Безобразно, отвратительно, непристойно. Рейтары не праздновали, потому что это была не их победа, но разведка подтвердила, что ложбина чиста, и для солдат было сделано послабление: костры и двойная порция вина. Ло выпила свой паек полностью, а потом у офицерского костра кто-то достал карвейн...

Когда из темноты появился Маркус, Ло подумала, что уже спит. Откуда бы на позициях взялся некроманту, оставшемуся в столице? Но он тоже был в лейтенантском мундире и представился господам офицерам по всей форме. А потом сел рядом с Ло.

— Здравствуй, Подснежник.

— Оставьте, мэтр-лейтенант, — ухмыльнулся кто-то из темноты. — У нашей магички сегодня первый бой. Поджарила северных волков до углей. Имеет право надратся, хоть и леди.

— И надраться, и еще кое-что, — хохотнул другой. — После первого раза парня я бы к обозным девкам отправил. А тут незадача... Хотя ей бы не повредило, я вам скажу.

— Извольте предложить свои услуги, сударь? — с опасной мягкостью поинтересовался Маркус.

Ло было слишком плохо. Разговор доходил до нее, как сквозь толстое меховое одеяло, и она даже не могла встать, чтобы уйти в палатку. Пить было глупо. Противно и глупо. Потому что теперь она даже не могла послать к Барготу наглого ублюдка, сегодня утром успевшего облизать ее глазами, когда Ло умывалась, сняв куртку мундира и оставшись в одной рубашке и штанах.

— Почему бы и нет? — с ленцой проговорил ублюдок. — Конечно, дама может выбрать... Наверное, он считал себя неотразимым. А Ло — дура. Надо было оставаться трезвой и подпалить ему распушенный фазаний хвост.

— Маркус, — прошептала она, зная, что будет услышана даже в громком гомоне. — Я хочу в палатку. Ты здесь надолго?

— Как и ты, — спокойно сказал некромант. — До конца этой заварушки.

Обняв Ло, он подхватил ее на руки, и Ло почувствовала себя в полной безопасности. От Бастельеро пахло розмарином и полынью — знакомый аромат его алхимических эссенций. Кто-то залихватски присвистнул, кто-то отпустил шуточку, но Маркус, обернувшись в ту сторону, равнодушно, без малейшей злости и потому очень убедительно сообщил:

— Прокляну.

И смешки стихли. А ей даже не было стыдно, потому что слишком плохо. И потом, это же Маркус!

Но вместо палатки он отнес ее в кусты и заставил прочистить желудок. Напоил чем-то кислым из собственной фляги, вытер платком лицо. Постоял на страже, пока Ло сходила еще дальше в кусты — идти к полковому сортиру у нее не было сил. И, наконец, отвел в палатку, где она села на лежанку и расплакалась, ненавидя себя и весь мир. Маркус сидел рядом, обнимал ее за плечи и гладил по волосам, пока Ло захлебывалась в рыданиях, пытаясь рассказать ему. Черные головешки вместо тел, опаленное оружие и доспехи. Человеческая плоть, превратившаяся в угли, так что тел не осталось... Эта чернота стояла у нее перед глазами, а волосы и одежду пропитал навязчивый дурманный запах жареного мяса. Она умрет от голода, но больше в рот его не возьмет! И как теперь жить...

— Как и раньше, Подснежник, — сказал Маркус. — Только пообещай мне одну вещь.

— Что? Не... убивать?

Она и в самом деле готова была обещать это, хотя не представляла, как сможет выполнить клятву, будучи боевым магом, давшим присягу.

— Не мешать крепкую выпивку со слабой, — вздохнул Маркус. — Ну и закусывать, разумеется. А сейчас поспи. Я клянусь тебе, Ло, они уже ушли в Претемные Сады. Ни одной неуспокоенной души не витает в этой клятой ложбине. Зато остались живы другие, те, что с твоей стороны. Спи спокойно, Подснежник.

Ло закрыла глаза, и забвение пришло, незаслуженно милосердное и почти полное. А утром оказалось, что его светлость Бастельеро поступил на военную службу, причем добился распределения в тот же полк, что и Ло. Ему охотно пошли навстречу, потому что некромант и боевой маг — на редкость удачная связка, а Избранный Смерти может позволить себе ставить любые условия. И когда Маркус после разговора с Ло перенес вещи к ней в палатку, никто особо не удивился. На Ло все равно продолжали смотреть, но эти взгляды, якобы жаркие, а по ее мнению — сальные, уже не пугали.

Главное, никто больше не смотрел на нее как на соблазнительную редкую добычу.

Удивительно, но мужчины, которые никак не понимали, что Ло не хочет их внимания, отлично поняли, что она принадлежит другому. Ее отказы считались капризами и набиванием себе цены, однако когда они с Маркусом стали жить вместе, это приняли как должное. Оставить свободную женщину в покое — невозможно. Отбивать женщину у собрата-офицера — неприлично. Ло это злило, но она смирилась, потому что знала: иначе ей придется постоянно доказывать свое нежелание стать чьей-то любовной победой.

А через год-полтора окончательно изменилась и она сама. Научилась пить крепкий карвейн одним глотком, с рейтарской лихостью выливая его в рот. Стала одеваться как удобно, наплевав, кто и каким взглядом провожает ее штаны и высокие сапоги. Отрезала волосы и

спокойно посылала к барготовой матери любого, кто мешал мэтр-лейтенанту Ревенгар выполнять ее службу. И когда в полк приходило пополнение — офицерские вакансии на передовых позициях появлялись часто, — уже старожилы советовали новичкам не распускать язык и не тянуть руки к бешеной магичке, которая ко всему спит с труполобом — подобралась же парочка. Ло только мрачно усмехалась, слыша это за спиной. Магов-боевиков в армии по традиции прозвали палачами, как труполобами — некромантов, но палач-женщина... Палачка? Палачиха? Она так и осталась без прозвища, только Маркус продолжал именовать ее Подснежничком, не смущаясь переменами в Ло...

...Рыжая лиса чутко повела ухом, глянула в сторону надвигающейся стены огня и прынула с холма. «Почему так близко? — беспомощно удивилась Ло. — Я должна была перехватить огонь раньше!» Пальцы сложились в привычный аркан, но магия молчала. Ничто не шевельнулось внутри, не потекло, как всегда, живым сладким золотом по жилам. Близко! Совсем близко! Огонь гудел, и перед ним, летящим по долине, дрожало зыбкое марево раскаленного воздуха. Ло попробовала снова. И еще раз! Руки дрожали, она понимала, что не успевает. Несколько мгновений — и огненная волна поглотит ее. А потом покатится дальше, к лагерю. Марвин не успеет — он ведь надеется на нее, магессу Ревенгар. Да и здесь ли он? А в лагере люди: рейтары, обозники, маркитантки... В лагере Маркус!

В горячем исступлении она пробовала все, что умела и могла, но время, до этого летевшее, остановилось, замерло каплей тягучей смолы, и Ло могла только с жуткой безнадежностью смотреть, как вспыхивает трава у подножья холма, как пламя взлетает к ней, охватывая сразу... Она видела, как меняет цвет, а потом осыпается пеплом ее форма, обугливаются сапоги, ореолом вспыхивают длинные волосы, на миг разлетаясь на смертельном ветру. Глотая жар, охвативший ее, Ло беспомощно оборачивалась к лагерю, но злой огненный ветер подхватил ее и понес, будто клочок пепла над костром...

Стон! Громкий стон... ее собственный! Ло стиснула зубы, зажала себе рот рукой. Выгнулась на постели, сбрасывая одеяло. Бешено колотилось сердце, неровно, с перерывами. Проклятье... Снова сон? Ведь знала же, что нельзя засыпать!

«А ты собираешься не спать вовсе? — поинтересовалась ее разумная хладнокровная часть. — Не сможешь». «Не смогу, — безнадежно согласилась Ло. — Пресветлый Воин, только не опять! Не надо этих снов, возвращающихся из ночи в ночь. Прошу тебя...»

Она спустила ноги с кровати, покосившись на безмятежно посапывающую Нэнси, пошатываясь, добралась до комода. Потянула на себя ящик и бездумно уставилась на шкатулку с зельями. Деревянная коробочка так и манила себя открыть... Все еще дрожащими от страха пальцами Ло откинула крышку — и земляничный запах овеял ее, такой сладкий, нежный, уютный...

— Нет, — прошептала она, вглядываясь в коробочку с ужасом и отвращением, словно та была полна ядовитых пауков. — Я не буду. Только не снова.

«Одну-то можно, — робко постучалась в сознание мысль. — Всего одну. А там, глядишь, кошмары и пройдут. Ты не сможешь так жить, Лавиния Ревенгар. Будешь просыпаться каждую ночь, изнемогая от смертельной жути? Здесь Маркус не станет сидеть у твоей постели, чтобы ты спокойно уснула...»

— Нет, — с тоскливым упрямством сказала она и закрыла коробочку.

Торопливо убрала шкатулку опять в комод, пока земляничный запах, обещающий покой, не лишил ее воли, и снова прошептала:

— Я справлюсь сама. Без этой дряни, будь она проклята. Я ее... вообще... выброшу, вот!

Она огляделась по сторонам, но в маленьком очаге в углу дрова уже прогорели, там пиллюли увидит горничная. И на улицу не выкинуть. И... вдруг без них все-таки будет никак?

Глубоко вздохнув, Ло подошла к окну и оперлась о подоконник, дрожа всем телом. Она даже не знала, чего испугалась больше: мерзкого кошмара или лекарства, которое сама просила у Маркуса. Лучше бы некромант ей отказал! Но он доверяет Ло, знает, что она не сорвется в сладкую дурманную бездну. И она оправдает его доверие, выдержит искусе!

На дворе под окном что-то мелькало в прихотливом свете луны, то прячущейся в тучи, то кокетливо выглядывающей из них. Ло пригляделась — больше для того, чтобы отвлечься. И со смутным удивлением узнала знакомую фигуру.

— И вам не спится, дражайший супруг? — сказала она тихо, почти беззвучно.

Капитану не спалось. Или его тоже мучили кошмары? Что ж, Рольфсон явно справлялся с ними по-своему. Полуголый, в одних штанах и сапогах, капитан дрался с тенью. Дрался всерьез: в правой руке у него с пугающей скоростью мелькал боевой топор, левая держала маленький круглый щит.

Ло затаила дыхание. К ней навстречу не долетало ни звука, и безмолвный танец был страшен, но красив. Удар, отступление, удар, щит, снова удар... Капитан выкладывался в полную силу, иступленно, будто сражался в смертельном бою. Какие демоны жрали его душу этой ночью?

Почему-то у Ло никак не получалось отвести взгляд. Внизу живота вдруг потянуло томным приятным напряжением, а во рту пересохло. И сердце снова застучало глухо, торопливо...

«Глупости какие, — со смутным удивлением подумала она. — Это я от страха никак отойти не могу. Кошмары, луна... И чего ему не спится-то? Вот чем мы, оказывается, похожи...»

На миг прервавшись, капитан крутнулся и глянул в окно, словно почувствовав взгляд. Ло замерла, полускрытая занавеской, зная, что малейшее движение сразу выдаст ее силуэт. В сумерках или темноте можно стоять у всех на виду и остаться незамеченной, сливаясь с деревом или стеной, но только пока не шевелишься.

«Отвернись, — беспомощно подумала она. — Никого здесь нет, слышишь? Уж точно здесь нет меня, одетой в одну рубашку дурищи с распущенными волосами, которой вдруг пришла прихоть разглядывать такого же полуголого мужчину. Да плевать, что он мой муж! Я все равно его терпеть не могу! А из-за того, что муж, тем более!»

Словно услышав, капитан отвернулся, но продолжать бой-танец не стал. Опустив оружие и щит на камни, подошел к бочке, зачерпнул стоявшим рядом ведром воды и вылил на себя. Ло содрогнулась. На улице и так не лето, а на разогретое тело ледяная вода — жуть! Но капитану и этого было мало. Стоя в темной луже, он умылся прямо из бочки, щедро плеская водой в лицо и на голые плечи, потянулся всем телом, подняв руки вверх... Ло невольно облизала губы.

Она никогда не считала себя ценительницей мужской красоты, есть достоинства куда более важные, но нельзя было не признать: Эйнар Рольфсон вполне мог послужить моделью для скульптора, задумавшего ваять героя древности. Округлые широкие плечи, мощная спина, мускулистые пропорциональные ноги... От него веяло силой даже сейчас, когда Рольфсон явно пребывал в смятении — спокойные люди не выскакивают из постели ночью, чтобы загонять себя до изнеможения. И не обливаются холодной водой, словно что-то жжет их изнутри.

«К Барготу! — подумала она, поспешно отходя от окна и снова забираясь в приятно теплую постель. — Посмотрим, как у этого ночного героя хватит смелости снова со мной позавтракать. Вчера за столом и пяти слов не вымолвил, а котлету резал ножом так, что чуть тарелку насквозь не пропилил. А ведь котлета была нежнейшая! И насчет приданого мы не договорили, а дело к зиме...»

Она покрутилась, заворачиваясь в одеяло, и незаметно уснула, чувствуя почему-то странное тепло и спокойствие...

— Миледи, миледи!

Нэнси беспощадно теребила одеяло, выполняя приказ Ло разбудить ее к завтраку во что бы то ни стало.

— Что, уже?

— Ага, — радостно закивала горничная. — Извольте вставать, миледи. А я вам платье вот приготовила и воду теплую.

— Ненавижу, — с отвращением проговорила Ло, вылезая из постели, такой уютной и мягкой. — Вот клялась же себе, что кончится война, уйду в отставку и раньше обеда вставать вообще не буду!

— Так вас никто и не неволит, — резонно указала слишком бойкая на язык Нэнси, принимая у нее ночную рубашку. — Супруга за обедом повидать можно, он сейчас из крепости никуда не отлучается.

— Можно, — вздохнула Ло, обмываясь над тазом. — Только не получается угадать, когда он изволит обедать. Обозы эти...

— И еще один с рассветом пришел, — поддакнула Нэнси, накидывая на нее большое полотенце. — Торопились, всю ночь ехали. А сразу после них офицер прискакал, да не от нас, а с той стороны.

— Офицер? — насторожилась Ло. — Дорвенантец? Или из Невии?

— Про то не знаю, миледи, а только форма у него наша, красная. На плечах золото, шляпа тоже золотом расшитая и с перьями, а поперек груди — лента белая! Сама видела, врать не стану.
— Белая лента... — медленно проговорила Ло. — Курьер, значит. Но почему с той стороны? Нет, платье подай серое. Сегодня что-то прохладно.

— Как изволите, — уныло отозвалась Нэнси, бросая неприязненный взгляд на нелюбимое ею платье. — А может, синее?

— Серое, — твердо сказала Ло.

Она, конечно, не собиралась глупо и пошло льстить себе, предположив, что ночные тренировки капитана — в ее честь, но... в сером, делающем ее старше и еще более блеклой, как-то спокойнее.

И к завтраку она успела. Капитан, против ожидания, прятаться и отказываться не стал. Вид он имел откровенно усталый, и причиной этого оказалась не только бессонная ночь.

— Пошлина, — кратко откликнулся он на вежливый вопрос Ло и положил себе сразу горку оладий, щедро полив их жидким медом. — Чтоб ее...

Осекая, проглотив явно прочувствованное пожелание, мрачно передернул плечами.

— А что в ней такого сложного? — продолжила Ло проявлять хорошие супружеские манеры, в которые, по мнению преподавателя этикета, непременно входит неназойливый интерес к делам мужа.

— Подсчеты, — нехотя отозвался капитан. — Они везут невийскую шерсть, а она облагается тремя разными налогами. На место стрижки, на породу овец и общая пограничная пошлина. Триста клятых мешков. Общая пошлина — два флорина за полсотни. Сто мешков тонкорунной по кроне за десяток, сорок — варханской кучерявой — по две кроны. И сто шестьдесят бизанской белой — по полторы кроны десяток...

— Шестнадцать флоринов и две кроны? — слегка рассеянно уточнила Ло. — И за место стрижки сколько там причитается?

Рольфсон воззрился на нее с изумлением, словно впервые увидел, а потом неверяще спросил:

— Это вы сейчас посчитали, пока я говорил? В уме, без бумаги?

— Ну, как видите, — скупно улыбнулась Ло. — Меня учили быстро считать. И более сложные вещи. Так что там с остальным?

— Остальное у меня не сходится с описью, — еще сильнее помрачнел капитан. — Я рассчитал одну цену, а у них по бумагам — другая. Может...

Ло с сочувствием, но и с некоторым злорадством наблюдала, как капитан выдавливая, стараясь быть таким же вежливым, как и она недавно:

— Может, вы смогли бы после завтрака глянуть эти йотуновы бумаги?

— К вашим услугам, милорд, — улыбнулась она, накалывая на вилку кусочек политого медом пышного оладушка.

— Благодарю, — кивнул Рольфсон, но лицом не посветлел. — И еще кое-что. Утром приехал курьер...

— Я слышала.

Ло прожевала сладкое творожное тесто, удивляясь, с чего это ее решили посвятить в явно служебные дела.

— Он привез письмо. Мне. То есть коменданту Драконьего Зуба, но при этом и мне лично.

Рольфсон терзал злосчастную оладью так, что Ло мучительно захотелось отнять у него нож.

Или хотя бы дать в левую руку еще и вилку. Нож пусть уж остается этот. Он, конечно, больше подходит для разделывания кабанов, зато капитан управляется с ним как с невесомым перышком. А там, не исключено, и к нормальному столовому ножу приспособится.

— Дорогой супруг, — терпеливо сказала Ло. — Я не разумник, читать мысли не умею. И если вы мне не скажете, о чем письмо, я так и останусь в неведении. Хотя, признаться, уже сгораю от любопытства.

— Вольфгардское посольство едет через нашу заставу, — тяжело уронил Рольфсон и поднял на Ло взгляд, хмурый, как грозовое небо.

— Вольфгардцы?! Но почему через Невию?

Ло в изумлении вспомнила карту. Да, из Вольфгарда вполне можно добраться через Невию, но неудобно же! Изрядный крюк!

— Станный выбор пути, — сказала она наконец осторожно. — И что требуется от вас как от коменданта?

— Ничего особенного, — так же мрачно отозвался ее супруг. — Встретить на перевале, проводить до крепости, предоставить отдых людям и лошадям. На пару дней, не больше. Потом дать проводника вниз. Тут, конечно, сложно заблудиться, на единственной-то дороге, но гостеприимство требует.

— Вполне разумные пожелания.

Ло облизала сладкие после меда губы. Ей отчаянно захотелось воды. Не черничного морса, поданного к оладьям, а обычной пресной воды, холодной и чистой. Смыть вкус пепла, неизвестно откуда возникший во рту.

— Это ведь еще не все? — сказала она, прямо встречая взгляд Рольфсона. — Дело во мне?

— Я думал, что вам, может, стоит побыть эти два-три дня в городе, — буркнул капитан, отводя взгляд. — На всякий случай...

— Ну уж нет, — сдерживая вспыхнувшую злость, сообщила Ло. — Я от господ северян три года не бегала, а сейчас начинать поздновато. Не беспокойтесь, ссору я затевать не собираюсь. Полагаю, и они от таковой удержатся — посольство все-таки.

Про себя она подумала, что резон в предложении супруга, как ни странно, есть. Мир слишком важен для Дорвенанта, чтобы разрушить его глупой случайностью. А в посольстве явно не один человек, и нравы у всех разные. И вообще, им, может, как раз и нужна ссора — кто знает эти международные интриги? А она, бывший боевой маг, на счету которого столько вольфгардских жизней, очень удобная мишень для провокации.

— Нет, — помолчав, нехотя сказала она вслух. — Возможно, вы и правы, но нет. Я могу отговориться нездоровьем и постараться не встречаться с ними. Но бежать в город... Нет.

— Боюсь, выбор нам никто давать и не собирается.

Капитан окончательно размазал тесто по тарелке и снова посмотрел на Ло пугающе тяжелым взглядом.

— Вы знаете Ингольва Рагнарсона? Ярла Хёгни?

— Герцога Рагнарсона? — растерянно уточнила Ло, привычно переведя титул северянина на дорвенантский манер. — Слышала... Он, кажется, один из членов Высокого Совета.

— Нет, — покачал головой капитан, на глазах мрачней еще сильнее. — Его самого знаете? Лично?

— Разумеется нет, — пожала плечами Ло. — Вряд ли мы встречались в бою, он для этого слишком важная персона.

— Ну, а он вас откуда-то знает, — сообщил Рольфсон, вытирая нож салфеткой. — Или не знает, но очень хочет познакомиться. Настолько, что все йотуново посольство делает петлю по Невии, лишь бы проехать через Драконий Зуб. А меня в письме попросили обязательно дать вам встретиться. Что скажете, миледи?

— Я... — она чуть не закашлялась, но перевела дух и продолжила: — Никогда в жизни не встречала Ингольва Рагнарсона. И понятия не имею, что ему может от меня понадобиться. После заключения мира вольфгардцы за смерти на войне не мстят. А других причин для нашей встречи нет.

Рольфсон поднялся и кивнул. Убрал нож в ножны и пошел к выходу из комнаты, где им теперь накрывали стол. Глядя в широкую спину, обтянутую светлой шерстяной рубахой, Ло вспомнила сегодняшний сон. «Ветер из прошлого, — подумала она. — Кажется, он все-таки решил меня догнать. Ну что ж, посмотрим, что принесет. С магией или без нее, я не собираюсь бежать от встречи».

Глава 15 СЛОВА И СТРЕЛЫ

— Доброго дня, ваша светлость! — обрадовался сержант Мерри, стоило ей появиться на нижнем дворе возле возов. — Никак, заглянули посмотреть, что нам в перевалочный мешок кинули?

— Хорошая мысль, сержант, — в тон ему отозвалась Ло, приподнимая подол платья, чтобы переступить дождевую канавку. — Непременно загляну. А где мой супруг?

— А во-о-он он! — указал сержант в хвост вереницы груженных телег. — С обозным старшиной ругается. Позвольте проводить?

Ло милостиво позволила. По дороге сержант успел рассказать ей историю про горянку и трех солдат — смешную и самую малость неприличную, — сообщить, что на обед сегодня будет сырный суп с тимьяном, и поинтересоваться, не даст ли миледи своей горничной свободных полчаса, чтобы посмотреть закат в его, сержанта, обществе.

— Тибальд! — насмешливо возмутилась Ло.

— Я с самыми добродетельными намерениями! — прижал сержант руку к сердцу, глядя искренне и пылко, как кот на канарейку. — Ах, какие здесь закаты, миледи! Лучше — только восходы. Ну и, ясное дело, то, что между ними бывает. Но об этом я молчу!

— И молчите дальше, — посоветовала ему Ло. — Нэнси — порядочная девушка, учтите. И если кто-то из ваших балбесов лапы распустил...

Выслушав вполне серьезные заверения, что никто, ни за что и никогда, она дошла до конца последнего воза и сразу попала в яростную стычку. На каменном лице капитана, когда он увидел помощь, даже появилось нечто, подозрительно похожее на радость. Ну, облегчение уж точно.

— Доброго дня, почтенный, — мило улыбнулась Ло и требовательно протянула руку. — Что там у вас не сходится с бумагами?

Обозный старшина, толстый и бородатый неwieц лет пятидесяти, сдержанно поклонился, возрился на Ло с любопытством, но бумаги отдал. Целых четыре мятых и засаленных листа с подробной описью каждого воза, печатями прежних досмотровых застав и расчетами пошлины. Капитан так же молча подал ей свой лист. Ло с удовлетворением увидела, что ее первоначальные расчеты совершенно верны. А вот дальше...

— У вас разница в один флорин и семь крон с четвертью, так? — уточнила она через несколько минут, поднимая глаза от бумаг. — Вы оба правы, потому что считаете разным способом. Вы, старшина, начисляете определенную пошлину на каждый мешок по отдельности, а капитан Рольфсон добавляет за место стрижки три процента на общую сумму. Вот вам и разница.

— Так никогда процентами не считали! — возмутился старшина, поглаживая окладистую бороду. — Двадцать лет шерсть вожу, всегда досмотровые по мешкам платил! Если тремя процентами, этак же оно больше получается!

— А весной новый приказ пришел, — упрямо возразил капитан, явно воспрянув духом. — О порядке пересчета. Благодарю, миледи.

Он коротко поклонился в ее сторону, и Ло изобразила подобие реверанса, невинно улыбнувшись купцу. Тот бросил на нее хмурый взгляд и полез в кошель.

Маленькая победа на удивление подняла настроение. «Что ж, — подумала Ло, уходя, — видимо, из этого и будет теперь состоять моя жизнь. Мелкие радости, мелкие огорчения... Счета и хозяйство».

Она прошла длинным пологим двором наверх, снова выйдя к колодцу и главному входу в крепость. Сюда падала тень башни, и двор казался бы мрачным, если б не опаленный вяз. С его живой стороны сорвался яркий, словно расписной листок и упал перед Ло. Наклонившись, она подняла его, отметив, что площадку с утра уже чисто вымели — больше листьев во дворе не было. Поднялась в свою комнату, крутя листочек в руках. Вроде бы и ни к чему, а выкинуть жалко...

Так что же нужно ярлу? Супругу Ло не соврала ни словом: она в самом деле только слышала о Рагнарсоне. Клан Хёгни — один из старейших и крупнейших в Вольфгарде. Белый дракон на синем поле, кажется... Или виверна? Ло села на кровать и зажмурилась, вспоминая. Огромный геральдический альбом с гербами и штандартами разных стран был одной из немногих дорогих книг, оставшихся у них в библиотеке, хотя ценность представлял немалую. Но какое же воспитание дворянина или дворянки без умения распознать чужие герб и цвета?

Какое-какое... А вот выйдет в высший свет Дорвенны леди Тильда и... Ло тоскливо вздохнула. Не дракон и не виверна. Линорм, вот. Отец про него рассказывал. Северный геральдический зверь, подобный дракону, но не во всем. Крыльев нет, лапы и хвост иные... Имеется всего два герба с ним — у кланов Хёгни и Рёнки. Ну и чем это сейчас поможет Ло?

«Да хотя бы тем, — рассудила она здраво, — что можно использовать сине-белые цвета для украшения зала в честь знатного гостя. И самой по случайности не напаялить в первый вечер синее или белое платье — это неучтивость к собственному супругу. А жаль, синее мне идет».

Она снова вздохнула. Встречать все равно придется в фамильном красном, но ее платье — наименьшая из сложностей. Нужно пристойно одеть капитана и Тильду. Вычистить и подготовить комнаты для гостей. Еда, вино, сладости. Пресветлый Воин, пожалуй, стоит кое-что простить его величеству за то, что в крепости теперь есть хорошая посуда и белье. Ло сторела бы от стыда, если б пришлось уложить вольфгардца на то, что предложили ей самой в день приезда.

«А раньше ты их иначе укладывала, навсегда, — съязвила она самой себе. — Сколько северян не вернулось домой из-за тебя? Память у них длинная, и далеко не все счета гасятся подписью на договоре о перемирии. Но это что же получается? Вольфгардец узнал, что я выхожу замуж, когда я была еще в столице?»

Ло вспомнила черные розы — и снова мороз пробежал по спине в тепло натопленной комнате. Нет, не может быть. Совсем это не по-северному. Но сроки совпадали. Пока ей собирали приданое и шили платья, пока она ехала в Драконий Зуб... Вряд ли ярлу из Высокого Совета докладывают о замужестве каждой дорвенантской дворянки, пусть даже из Трех Дюжин. Конечно, он интересовался именно ею, Лавинией Ревенгар. И узнал все, что нужно.

Вскочив, Ло нервно зашагала по комнате от стены к стене, так и держа в пальцах сухой листик. Не следует ли предупредить Маркуса? Или послать письмо сразу королю? Но если курьер привез просьбу о встрече, значит, его величеству и так все известно. Барготов мерзавец! Играет с ней в какие-то свои игры, передвигая, как фигурку по доске, подставляя под удар или разменивая!

Ло кинула листик на комод. Встретиться с вольфгардцем? Прекрасно! Почему бы и нет? Ей нечего стыдиться или скрывать. Она честно воевала под знаменами своей страны. И плевать, что об этом думают северяне. Они тоже не особо стеснялись, всю используя и ведьмаков, и барготов огонь!

Сломанные ребра заныли, напоминая, что волноваться ей вредно. И бояться. И радоваться — от радости осколок тоже может сдвинуться. И вообще жить следует осторожно и тихо, словно она уже в гробу!

Пытаясь успокоиться, Ло достала из комода коробочку со сладостями, кинула в рот пастилку. И, посмотрев на оставшиеся, вдруг устыдилась. Конфет и пастилы было немного, однако... От мысли угостить Тильду Ло отказалась сразу. Не из жадности, разумеется. Ло готова была поделиться с девчонкой и дорогими тканями, и любыми женскими мелочами, но пастила — это воспоминания о детстве. Представить противно, что мелкая паршивка скривится презрительно, а то и выкинет ее. Угощать супруга без его дочери тоже невозможно. И тут Ло осенило!

Она глянула на красивую деревянную коробочку, расписанную цветами и бабочками, на россыпь сладостей в ней — и решительно вышла из комнаты. В крепости точно был кое-кто, на кого стоило потратить лакомство!

Илинка нашлась возле кухни. Сидя на скамейке, девчушка сосредоточенно перебирала сушеную чернику, отбрасывая гнилые ягоды и мусор. От усердия она даже высунула кончик темного язычка — явно некоторые ягоды миновали корзинку, отправившись сразу в рот. Рядом колот щепу для растопки худенький чернявый мальчик лет девяти-десяти. Несмотря на возраст, с топором он управлялся ловко, и гора щепок быстро росла.

— Илинка, — негромко позвала Ло, подходя ближе.

Мальчишка глянул исподлобья, но работать не перестал, зато девочка сорвалась с места, кинулась и прижалась к Ло, вцепившись в ее юбку грязными ручонками.

— Здравствуй, милая, — мягко сказала Ло, глядя ее по голове.

— Здастуй, — просияла Илинка, поднимая к ней чумазую мордочку, и вежливо поправилась:

— Здастуй-те!

— Познакомишь меня с братом?

Ло подошла к пареньку вместе с Илинкой, доверчиво вцепившейся ей в руку. Мальчишка с явной неохотой положил топор и поклонился. Во взгляде темно-карих глаз не было страха, только настороженность.

— Это Валь! — гордо сказала Илинка, показывая на брата фиолетовым пальцем. — Он уже большой. Ему топол дали. А я челнику пелебилаю, вот! Молли сказала, мы будем зимой пилоги печь. С медом!

— Здравствуй, Валь, — слегка улыбнулась Ло. — Я знаю, ты не можешь говорить. Надеюсь, это скоро пройдет. Меня зовут леди Лавиния, я жена капитана.

— Леди доблая, — убежденно сказала Илинка, снова прижимаясь щекой к ее подолу.

Руки так и тянулись погладить ее светлые волосы, заплетенные в две кривоватые косички, торчащие в разные стороны. Ло присела на высокий чурбак, тоже служивший колодой для рубки, но не по росту мальчику, потянула к себе Илинку.

— Это ты заплетаешь ей косы? — спросила тем же ровным мягким голосом, будто успокаивая пугливого зверька.

Валь кивнул.

— Очень красиво, — похвалила Ло. — Не совсем ровно, но я думаю, ты научишься. Вас не обижают в крепости, Валь?

Мальчишка помотал головой. На сестру, счастливо замершую в руках Ло, он смотрел с чуть заметным недовольством, но терпел, явно понимая, что той хорошо. Под мягкими прикосновениями Ло девочка млела, как котенок на солнце. До чего же ласковая светлая малышка! У Ло горло перехватило от бессильной жалости и обиды.

— Я принесла вам подарок, — сказала она, доставая сладости из поясной сумочки и вкладывая в ладонки Илинки. — Съешьте вместе. И коробочку можете оставить себе. Думаю, у Илинки найдется, что в нее положить.

— Это нам? — ахнула Илинка, изворачиваясь, чтобы заглянуть в глаза Ло и уточнить: — Насовсем?

— Насовсем, милая, — улыбнулась Ло, обнимая ее и мягко отстраняя. — Будь хорошей девочкой и слушайся брата. До свидания, Валь, я рада нашему знакомству.

Мальчик подался вперед и зашевелил губами, с которых вместо слов сорвалось лишь слабое шипение. Помрачнев, он снова поклонился Ло и протянул руки к Илинке, тут же кинувшейся к брату.

— Это обязательно пройдет, — уверенно сказала Ло, глядя прямо в глаза мальчишки. — Я поговорю с целителем и капитаном, как тебе можно помочь. Потерпи, хорошо?

Обратно она шла торопливо, едва не срываясь на бег. Слезы подступали к горлу, душили, заставляя запрокидывать голову. Пресветлый Воин, пусть она пострадала в бою, но за что это детям? Будь прокляты все, кто живут чужой смертью и болью. Разбойники или короли, делящие земли, — какая разница? Мысль была почти кощунственной и явно недостойной дорвенантской леди и орденового мага, но Ло слишком хорошо помнила три года бесплодной бессмысленной бойни за жирный кусок на карте. Жители той земли вообще не хотели принадлежать ни красно-золотому гербу, ни черно-серо-голубому, да кто их спрашивал?

— Миледи?

Капитан имел вид усталый, но почти довольный.

— Благодарю еще раз за помощь, — сказал он, подойдя ближе.

Но только Ло собралась сообщить, что ей нисколько не трудно, как сверху, с лестницы, раздался звонкий голос:

— Папа, скажи им, чтобы не трогали мою комнату!

— Тильда, ты уже здоровалась с леди? — поинтересовался капитан, поворачиваясь к дочери. — Тебя не было на завтраке.

— Я на кухне поела, — сообщила девчонка, старательно не глядя в сторону Ло. — Папа, скажи им! Селина копается в моих вещах и говорит, что ей приказала она!

— Тильда, — в голосе капитана прорезалось недовольство, — ты ведешь себя невежливо. Не «она», а леди Лавиния.

— Которая, между прочим, тоже стоит здесь, — не удержалась Ло и пояснила капитану: — Да, я велела Селине хорошенько убрать ваши спальни. Сменить белье, постирать занавеси, вымыть все.

— Я... видел, — медленно признал капитан. — Она и правда прибиралась у меня вчера. Слышишь, Тиль? Пусть и у тебя уберет, что в этом такого?

— Она в мои вещи лезет! — взвизгнула девчонка, с возмущением глядя на отца.

— В чистые? — вкрадчиво уточнила Ло.

— У меня все чистое! Папа, скажи ей!

— Тиль, — решительно сказал капитан. — Селина на то и горничная, чтобы убирать и мыть. Если не хочешь, чтоб она лезла в твои вещи, сама отдавай ей то, что надо постирать. Я вот думаю, что чистое она не тронет — зачем ей лишняя работа? И вообще леди права: смени платье. Его давно следует постирать.

Девчонка залилась краской. Рыжие вспыхивают легко, и на молочно-белой коже Тильды румянец вспыхнул заревом, а веснушки еще сильнее потемнели.

— У меня в багаже есть несколько очень красивых отрезов, — осторожно сказала Ло. —

Тильда, почему бы не сшить вам пару платьев просто на смену? Никто не отнимает у вас ни это платье, ни остальные. Можете и дальше их носить...

«Все равно скоро расползутся от ветхости», — подумала она.

— Ну, вот видишь? — все еще надеялся на лучший исход разговора капитан. — Поблагодари миледи и пойди, займись делом...

— Не нужны мне платья! — четко и звонко огрызнулась Тильда, вцепившись в перила так, что пальцы побелели. — Ничего мне от нее нужно! Ни платочка, слышишь? Сама пусть платье постирает! Грязнее моего!

— Это черника, — ослепительно улыбнулась Ло, расправляя испачканный подол и проваливаясь в бездну холодной злости. — Меня испачкала Илинка, маленькая сирота. Она так старается перебрать ягоды, что вымазалась вся... А вы не подскажите, дорогая, каковы ваши обычные занятия? Хоть как леди, хоть как офицерской дочери?

— Тильда, хватит.

Голос капитана был еще холоднее. Слова упали так, что после них стало тихо, и было только слышно, как шуршит еще один лист вяза, падая на камни. Помолчав, Рольфсон заговорил снова:

— Мне стыдно за тебя, дочь. Миледи, я прошу прощения.

— Папа...

— Помолчи, я сказал. Немедленно иди и переоденься. Во что угодно. Иначе я сожгу это платье, хоть оно и принадлежало твоей матери. Ей было бы стыдно, что дочь ходит замарашкой. Не позорь ее, Тильда.

— Папа!

Сорвавшись на крик, Тильда закрыла лицо руками и помчалась вверх по лестнице. Ло посмотрела вслед худенькой фигурке в красно-коричневом и тяжело вздохнула. Эта победа, в отличие от прошлой, имела мерзкий вкус. До чего надо было довести Рольфсона, чтоб он воспользовался оружием, которое бьет в обе стороны? У него даже губы белые...

— Извините и вы меня, — сказала она тихо. — Мне жаль вашу дочь, поверьте.

Капитан коротко кивнул и ушел вслед за Тильдой наверх. Ло еще немного постояла внизу, потом подняла одинокий лист, такой же красивый, как и прежний. Впору высушить и поставить в комнате букет. Правда, черешки слишком короткие. Да и не стоят они долго. А вот Мелисса умеет сушить цветы без магии так, что они сохраняют яркость и форму. Потом собирает чудесные букеты из веточек, цветов и колосьев. «Истинная леди наполняет мир вокруг себя красотой и достоинством... А не скандалами», — снова вздохнула Ло.

И все-таки листик было жаль. Почему в лесу, где этих листьев было бесчисленное количество, она не замечала их красоты ни весной, ни осенью? Там думалось о другом. В зимнем лесу далеко видно сквозь голые ветки, а коварный снег долго выдает следы. Зато осенью спрятаться легко, но шуршание под ногами может стоить жизни. Боевых магов часто берут в разведку — им нужно замерять силовые линии местности и рассчитывать атаку. Листья могли быть предателем или союзником, но не красотой... Ло расправила загнутые края, твердо пообещав себе, что научится — и соберет хоть один зимний букет. Леди она или не леди?

Чтобы не таскать листок в руках, она опустила его в поясную сумочку, в плоский кармашек, где хранился только ключ от комнаты. И замерла. Ключа не было.

Плохо... Нэнси с утра стирает белье, комната пуста. Ничего особого на виду там нет, но получить очередную порцию кошачьего дерьма илидохлую ворону в постель как-то не хочется. Уже торопливо поднимаясь, она подумала, что не сможет попасть в запертую комнату, но это как раз не страшно. А вот где выпал ключ, которым Ло пользовалась пару раз? Сегодня комнату закрывала Нэнси... Надо бы послать за ней!

Она подошла к двери, со стыдом думая, как глупо будет выглядеть, прося сделать новый ключ. Да и вообще, запирается в собственном доме — а крепость теперь ее дом — позорно... Дверь была приоткрыта. Еле заметная щель, но ее не оставалось, когда замок запирали. Конечно, это Нэнси. Ло вдохнула и выдохнула, велев себе успокоиться, — не хватало для большего позора напугать горничную. Подойдя, она открыла дверь... Замерла на миг, растерянно глядя на пол, перевела взгляд дальше...

Посреди разлетевшихся листов бумаги, рассыпанных флакончиков и баночек, разбросанных платков и белья, спиной к ней стояла Тильда, самозабвенно пиная постель Ло. Обернувшись, девочка ойкнула и застыла, прижав руку ко рту. Руку с...

Ло прыгнула, путаясь в проклятой юбке. Чудом не свалившись, ударила Тильду ладонью по руке и лицу одновременно, выбивая из пальцев горошину.

— Дура! — закричала на перепуганную девочку. — Сколько ты съела?

Тильда замотала головой, глядя испуганно распахнутыми глазами. Ло выхватила у нее коробочку, другой рукой схватила паршивку за плечо, поворачивая к свету из окна, чтоб увидеть зрачки. Боги благие!

— Сколько ты съела? — повторила она хриплым, срывающимся от ужаса голосом. — Да говори же!

— Папа! — заорала вместо этого Тильда, и Ло стиснула зубы, ненавидя себя, мелкую тупицу и весь подлый мир в придачу.

— Тиль? Миледи?!

Капитан вырос на пороге, как Пресветлый Воин перед Барготом — разъяренный и страшный. Было от чего. Он ведь увидел любимую доченьку в руках явно обезумевшей мачехи. Вдобавок на светлой коже Тильды расплывался красный след от удара — выбивая горошину проклятой дрянью, Ло с перепугу врезала изо всех сил.

— Какого йотуна, леди?!

— Да помолчите вы! — отчаянно крикнула в ответ Ло. — То есть нет, не молчите! Спросите, сколько она съела горошин. Быстрее!

Никогда она так не боялась. Ни на своей первой магической дуэли, ни стоя перед лавой конной атаки, ни... Не было у нее такого ужаса, как сейчас, за дурного, противного, чужого ребенка!

— Тиль... — севшим голосом сказал капитан, то ли умудрившись разглядеть на полу горошину хелайзиля, то ли учуяв запах. — Тиль, дочка, скажи мне...

— Папа... — клятая девочка с неожиданной силой вывернулась из рук Ло и кинулась к отцу, причитая: — Папа, прости! Я ни одной конфетки не съела! А она... Она... Жалко ей, да?

Боясь поверить, Ло бессильно опустилась на постель, глядя на них. Пресветлый Воин, пусть это будет правда! С остальным я справлюсь. Что угодно, только не ребенок, наевшийся хелайзиля.

Капитан встряхнул Тильду, отрывая от себя, заглянул ей в лицо и, еле-еле сдерживаясь, произнес дрожащим голосом:

— Тиль, милая... Послушай... Клянусь, я не буду ругаться. Только скажи правду: ты их ела? Девчонка помотала головой.

— Тиль, это не конфеты, — так же отчаянно сказал Рольфсон. — Это очень опасное зелье. Милая, если ты съела хоть одну, тебе надо к лекарю. Правду, Тиль. Пожалуйста, скажи правду, детка.

— Не-е-е-ет... — прошептала Тильда, как-то вдруг обмякая в его руках. — Я... Папа, я не ела их. Не ела! Только хотела... Я одну штучку взяла, а она... меня ударила... И...

Капитан заглянул Тильде в лицо, повернув его к свету. Девчонка всхлипнула. Но Ло и сама слышала, что голосок ее был чистым и ясным, без особой хрипловатой тягучести, которую хелайзиль дает почти мгновенно.

— Иди к себе, — пугающе ровно сказал капитан и оттолкнул Тильду.

Та молча кинулась из комнаты — только подошвы застучали. А Ло подняла голову, встретив глазами совершенно бешеный, почти безумный взгляд Рольфсона. Ударь он ее сейчас — она бы поняла и простила. Но капитан пнул скамейку — и та улетела в стену. Врезалась, отскочила и снова грохнулась от очередного пинка. Следующим со стола полетел письменный прибор — просто от взмаха руки. Больше ничего не подвернулось, и Рольфсон прорывал, разделяя слова, будто каждое рубил топором:

— Какого! Йотуна! Вы! Творите!

— Я? — едва разжав зубы, переспросила Ло.

Да, она виновата. Очень. Но, проклятье, это не она влезла в чужие вещи, сначала разгромив комнату.

— А кто? — рявкнул капитан. — Это же хелайзиль, йотуны вас дерят! Моя дочь едва не наелась хелайзиля!

— Мне жаль! — огрызнулась Ло. — Я его не давала. Она сама влезла в комнату и забралась в мои вещи!

— Да мне плевать! Этой дряни не должно там было быть! Не должно, ясно вам, леди?

— Ах, вам плевать?

Та же злость, что волной накрыла ее внизу, вернулась с новой силой, затмив и ярость, и страх.

— Вам плевать?! — повысила голос Ло, отвечая Рольфсону взглядом не менее злым. — Это заметно! Какого Баргота ваша дочь полезла в мои вещи? Вы комнату видите? Это не я, между прочим, это ваше милое дитя здесь учинило! Мне и это проглотить? Может, мне еще дожидаться, пока она мне пощечины отвешивать начнет?

— Зато вы ее ударили!

— Я пилюлю у нее выбила, болван! — рывкнула Ло. — И у меня, между прочим, другие лекарства есть! Обычные лекарства, которые тоже нельзя лопать, как конфеты! Сами своей дикарке объясните это как-нибудь! А заодно — что нельзя воровать! И знаете что, вы сами виноваты!

— Я? — изумился капитан, и Ло тут же воспользовалась этим мигом.

— Да, вы! Потому что приучили ее ко вседозволенности! Ах, бедное дитя... Несчастливая деточка... А деточка от безделья творит пакости и считает, что ей все сойдет с рук, потому что она сиротка! У вас в крепости еще двое сирот! Я их сегодня видела! Они работают, хотя малышке лет в три раза меньше, чем вашей паршивке! Из которой вы растите наглое, ленивое, самовлюбленное чудовище! Думаете, этого хотела ее мать?!

Страшная, какая-то безнадежная тишина окутала комнату. Ло сидела, потратив последние силы, тихо ненавидя уже неизвестно кого. Она ждала чего угодно: ответного крика, удара... Но Рольфсон молчал. Потом, когда беззвучная дуэль их взглядов стала уже невыносимой, с пугающим спокойствием спросил:

— Давно вы пьете хелайзиль?

Оправдываться и объяснять у Ло не было ни сил, ни желания. Она с трудом разжала губы и с отвращением выдавила:

— Вы болван.

Коробочка жгла пальцы. Несколько месяцев без боли и кошмаров. Или несколько недель смертельно подлого счастья. Или... Ло разжала пальцы, коробочка выскользнула на пол.

Рольфсон поднял ее, заглянул с омерзением. С таким же омерзением глянул на Ло и сообщил:

— В моей крепости этой дряни не будет. Если надо — пойдите к Лестеру, он что-нибудь найдет от изломной болезни.

— Вы болван... — безнадежно повторила Ло, глядя, как содержимое коробочки летит в тлеющие угли очага и вспыхивает ярким свежим пламенем.

Хорошо, что хелайзиль в огне просто горит, безвредно и быстро. Впрочем, капитан наверняка это знал. Отшвырнув коробочку в сторону, он посмотрел на Ло, потом наконец окинул взглядом комнату и так же бесстрастно сказал:

— Я пришлю горничную. И накажу Тильду. Вот за это все — прошу прощения. Но если в моей крепости появится дурман — вы, миледи, пожалеете.

— Я вас ненавижу, — равнодушно сообщила Ло. — Вы тупой, ничего не видящий дальше носа осел.

Больше всего ей сейчас хотелось согнуться, подтянуть колени и обхватить их руками, уткнувшись лицом, но валун у речки Нидль, на котором Ло сломала ребра и ушибла спину, навсегда отнял у нее такую радость. Молча она смотрела, как уходит Рольфсон. «Слова — как стрелы, — вспомнила она пословицу. — Слетели — не поймаешь». И убивают они так же... Ло было смертельно обидно. Она боролась с хелайзилем изо всех сил. Ночью, после лютого страха кошмара, не поддавшись искушению, хотя всего одна пилюля на несколько дней спасла бы от дурных снов и боли. Проклятый Рольфсон перечеркнул это одним взмахом руки, украв у Ло победу над слабостью и искушением.

— Ненавижу... — прошептала она в закрытую дверь. — Тупое животное. Да плевать мне, кем ты меня считаешь. Слова лишнего с тобой не скажу. О боги, а ведь еще вольфгардец явится...

* * *

И снова все повторялось. Опять Эйнар уходил в бессильной ненависти, не зная, что делать, что сказать, как жить дальше. Внутри болело и жгло: он чувствовал, что был прав и неправ одновременно. Стыд за Тильду мешался с диким страхом за нее же, но Эйнар понимал, что вылитые на него словесные помои заслужил. До единого слова! И все-таки это было одно, а вот хелайзиль... Морок в этом был прав! Прав, проклятая тварь, кем бы он ни был. Полная коробка

чистого хелайзиля, безумно дорогого и смертельно опасного. Быстрая смерть или медленная, смотря с какой скоростью к ней идти, но всегда — смерть. И эту смерть в его дом принесла женщина, которую Эйнар назвал женой! Тильда едва не погибла! Если бы... Если бы с ней случилось такое! Он даже не представлял, что бы тогда сделал. Дочь стала его смыслом жизни, и он же, получается, едва не погубил ее. Но... Если бы не было хелайзиля — все было бы иначе. Тильду можно уговорить, наказать, вернуть к себе самой, потерявшей за эти два года, а вот жену-дурманолобку — нет!

— И что делать, когда начнется дурманный излом? — невольно спросил он вслух.

— Спросить у меня, капитан, — послышался насмешливый тихий голос.

Эйнар остановился, приходя в себя. Он стоял возле лестницы на первом этаже. В окна и полуоткрытую дверь снаружи светило солнце. И морока здесь быть не могло, но он был. Завис у стены серой тенью, безликий и колышущийся...

— Опять ты, тварь, — бессильно выдохнул Эйнар.

— А ведь я был прав, капитан... — прошелестел морок. — Насчет хелайзиля. И много насчет чего...

— Она не лишена перстня, — тихо прорычал Эйнар, боясь, что кто-нибудь войдет. — Ты врал! Она сказала, что может послать в Орден за помощью с водой.

— Но еще не послала, — усмехнулся, судя по голосу, морок. — И сама почему-то вернуть воду не спешит. А ведь умения хватает, да и силы должны быть. Полно, капитан, я не буду вас убеждать. Я пришел предложить сделку. Вы сами сказали, что ненавидите жену...

— Не твоё дело! Сгинь, исчезни!

Эйнар потянулся за ножом. Ах, если бы схлестнуться с живым врагом! Ярость требовала выхода. Драки, безумства!

— Три года будете так терпеть? — насмехался морок. — А ведь я могу вам помочь. Вы ее ненавидите, ваша дочь — тоже. Без нее будет только лучше. Вы помиритесь с Тильдой...

— Я. Сказал. Исчезни!

Тяжелый нож глухо стукнул о деревянную панель стены. Морок, сквозь которого прошло пол-локтя стали и роговой рукояти, только поколебался и издевательски заметил:

— Капитан, я же вам не нечисть. Ну хорошо, допустим, избавляться от новой жены вы не хотите. Дело ваше. Некоторые любят помучиться. Но, может, вы желаете вернуть прежнюю? Несколько мгновений Эйнар пытался осознать сказанное. Даже головой потряс. Потом хрипло спросил:

— Ты что несешь? Какую... прежнюю?

— Ту самую, капитан Рольфсон, — вкрадчиво прошелестела тварь, ее шепот лез в уши мерзкой, но сладкой отравой. — Вашу Мари. Роскошная сделка, мой капитан, за такую многие Душу продали бы.

— Ты... не можешь... — выдавил Эйнар, с иступленной ненавистью глядя на морок, так и замерший у стены между дверью и окном.

— Могу, — просто сказал тот, и Эйнар поверил, просто понял вдруг, что это правда. — Но не тело, конечно. Увы, тело... Ну, сами знаете. Но душу — верну. Именно ее, а не потустороннюю тварь. Выведу из Претемных Садов Госпожи Смерти и верну обратно. И она проживет с вами долгую счастливую жизнь, считая эти два года сном.

— Говори... — вымолвил Эйнар, с отчаянием понимая, что заглотил крючок всем нутром. — Цена... Какова цена?

— Ох, да ничего особенного, — махнул рукой морок. — Поверьте, вам вполне по карману. О цене договоримся. Но есть одна сложность. Я ведь говорю о душе, капитан. А душе нужно тело. И не любое, далеко не любое... Впрочем, вам ведь самому так будет гораздо удобнее.

Подумаешь, светлые волосы вместо рыжих да имя другое... Привыкнете, капитан. Зато титул, приданое и королевская милость останутся ваши.

Эйнар замотал головой, стоило с невероятным трудом осознать, о чем говорит морок.

— Да, капитан, — возразил тот. — И никак иначе. Душа Мари — тело Лавинии. И, поверьте, это никакое не преступление с вашей стороны. Во-первых, ей вы клялись в верности раньше. И сами знаете, чем обязаны. Во-вторых, Лавинию я все равно убью, согласитесь вы или нет. Так уж получилось, что мне нужны две вещи: ее смерть и кое-что еще, что будет вашей частью сделки. Но если согласитесь, тело можете забирать для Мари. И, в-третьих, если решите взбрыкнуть и все рассказать кому-то... Да хоть той же Лавинии или королевским

дознавателям... Дети — очень уязвимые для внушения существа. Ваша милая непослушная дочь выйдет ночью прогуляться на балкон и решит полетать. Или поскользнется на лестнице. Или захочет поиграть с горной гадюкой. Это будет, причем неизбежно. Вы ведь сами сегодня убедились, как легко толкнуть ее на маленькую смертельную глупость.

— Заткнись... — прохрипел Рольфсон.

— Я вернусь-с-с-сь, капитан, — прошелестел морок. — Вернусь-с-с-сь и спрошу о решении. Не ош-ш-шибитес-с-с-сь...

Он исчез, попросту растаяв в воздухе. На улице слышались голоса и обычный дневной шум. Эйнар на подкашивающихся ногах прошел к стене, с трудом выдернул нож и бросил в ножны. А потом вцепился зубами в запястье левой руки, чтоб не заорать от тоскливого ужаса и отчаяния.

Глава 16 СОБИРАЯ ОСКОЛКИ

Пока перепуганная Нэнси молча поднимала вещи, Ло лежала, бессмысленно глядя в потолок. Все тот же самый, с уже знакомыми трещинами. Лежала и вспоминала, как лет в пять разбила любимую матушкину вазу, расписанную цветами и птицами. Просто захотела увидеть ее поближе, а тяжелый скользкий фарфор вывернулся из рук, будто живой. Ваза разлетелась на сотни осколков. Ло, рыдая, собирала их и пыталась сложить воедино, но у нее, конечно, ничего не получилось. Ее даже не наказали тогда, потому что в доме Ревенгаров не было принято наказывать за нечаянные оплошности, да и трогать вазу ей не запрещали — это просто в голову никому не пришло. Как ни странно, дома Ло была совсем не шаловливым ребенком.

А вазу потом восстановил маг-артефактор. Даже следов не осталось, и все равно Ло, видя ее, каждый раз вздрагивала от внутренней вины — в памяти остался ослепительный цветной взрыв и летящие в разные стороны осколки.

Вот так же разлетелась ее жизнь. Но когда именно? В Руденхольме, когда Ло потеряла магию и оказалась заложницей стальной смерти под собственным сердцем? Или в столице, когда выбрала из двух зол меньшее, как ей казалось? Или вот здесь только что? Хрупкое согласие с мужем рассыпалось даже не осколками — жалающими лезвиями. Как после такого жить рядом? Разговаривать, обдумывать будущее, искать общую выгоду в нежеланном браке?

Ло вздохнула. Она не знала. Можно склеить вазу, но как починить сломанную душу? Дело ведь даже не в коменданте! Он, конечно, осел, но виноват далеко не во всем, что с ней творится. Она же... просто не знает, как жить дальше. Смириться с утратой магии, ведь живут как-то калеки? Постараться помириться с мужем, ведь не так уж он плох? Терпеть... Но где та граница между терпением и потерей гордости, за которую нельзя переходить, чтобы не потерять уважение к самой себе? Как просто было жить раньше!

Она села на кровати, морщась от неприятного ощущения внизу живота. Нэнси уже собрала белье и сложила его на кресло, подняла письменный прибор и баночки с притираниями...

— Бумагу бери самые краешки, — велела Ло, спохватившись, что магически обработанные листья следует трогать как можно меньше. — И давай сюда.

Она осторожно приняла листочки, морщась от нарастающей боли. Отложила обычные, а магические перебрала, с каждым испорченным все сильнее мечтая выпороть маленькую дрянь, доставшуюся ей в падчерицы. Уцелело меньше половины листов, остальные были безнадежно затоптаны, так что использовать их уже не выйдет.

— Белье перестирывать придется, — сокрушенно вздохнула Нэнси.

— Белье... — повторила Ло, прикладывая ладонь к животу. — Нэнси, найди мне чистую ветошь! Проклятье...

Она наконец поняла, почему так тянет поясницу! Как всегда, не вовремя. Впрочем, бывают ли вообще лунные дни вовремя?

— А... ой, сейчас, миледи! — сообразив, заторопилась девчонка. — Вам бы лечь, может? А я горяченького попить принесу! Или к лекарю сбежать?

— Успокойся, — раздраженно одернула ее Ло. — Ничего страшного, обычное же дело.

— Так это у нас, деревенских, обычное, — рассудительно сообщила Нэнси, — а у благородных все по-другому устроено. Вы же леди! Вам себя беречь следует!

Ло только скривилась в ответ на столь умилительную наивность. Ну да, беречь. Целители рекомендуют проводить эти дни в покое, следя, чтобы еда была легкой и питательной, постель — теплой, а настроение — безмятежным. Советуют удерживаться от длительных прогулок, совершенно исключив конные, и отказаться от супружеских отношений. А также от любых утомительных занятий, включая визиты, чтение и музыкальные упражнения. Вот вышивать можно, даже рекомендуется, поскольку способствует успокоению. Ну и, конечно, строго запрещено пользоваться чарами!

Она представила, как отказалась бы от рейда, сославшись на женское недомогание и необходимость немедленно повышивать — ради безмятежности, и скривилась еще сильнее. Нэнси, приняв это за гримасу боли, засуетилась. И тут в дверь постучали.

— Гони всех, — мрачно велела Ло, растирая ладонью поясницу. — Его светлость — особенно! И плевать на учтивость. Пусть думает, что ему угодно!

Но за дверью оказался не капитан, умертвие ему под одеяло. Из-за юбки Нэнси выглянула круглая улыбающаяся мордашка, и к Ло потянулась чумакая ручка, сжатая в кулачок.

— Илинка, ты что здесь делаешь? А ну-ка, брысь на кухню! — возмутилась горничная, но Ло ее остановила:

— Пусть войдет. Что ты хотела, милая?

— Я вам ключик плинесла! — гордо заявила Илинка, проскакивая мимо Нэнси. — Вот!

Из кулачка у нее в самом деле торчал ключ.

— Благодарю, милая, — растерянно сказала Ло. — Где ты его нашла?

— У длов! — гордо ответила девчушка. — Когда Валь длова колол, а вы сладкое плинесли.

— Вот, значит, когда я его выронила? — вздохнула Ло. — Ну что ж, спасибо. Как же все-таки вас с братом зовут? Валь, Илинка... Никогда не слышала таких имен.

Она попробовала изменить их, ведь девочка явно картавит, но «Варь» и «Иринка» были ничуть не более знакомыми. Что ж, остается подождать, пока парнишка заговорит. Но если ключ выпал возле кухни, то как в комнату попала Тильда?

— Нэнси, сними барготов замок! — велела она, притягивая к себе девочку. — И скажи на кухне, что миледи очень зла! Я хотела по-хорошему, но если еще кто-то сунет сюда нос без моего ведома, то прищемит его проклятием!

— Миледи! — ахнула Нэнси, аж подскакивая.

— Да, — мстительно сообщила Ло, рассчитывая, что слухи разлетятся мгновенно, а простонародье суеверно. — Магесса я или нет? Барготом клянусь! Любому, кто переступит порог без позволения, семь лет ни в чем удачи не будет! Конечно, моего супруга и тебя это не касается.

Она погладила девочку по голове, удовлетворенно наблюдая загоревшиеся глаза Нэнси, которой не терпелось поделиться новостями с прислугой. Усадила Илинку на постель, и та сразу нашла себе занятие, завороченно перебирая флакончики духов. Чумакая, вся в черничных пятнах, малышка не вызывала у Ло ни малейшей брезгливости. Возможно, потому что волосы у Илинки пахли простым мылом, зато были чистые. И вообще девочка выглядела опрятной, несмотря на застиранное, потертое и местами зашитое платье. Конечно, в чернике она измазалась от души, но шейка и уши чистые, ногти аккуратно пострижены... Интересно, это местные женщины так за ней следят?

— Илинка, а где вы жили раньше? — осторожно спросила Ло, не надеясь на ответ и опасаясь бередить память девочки, но та охотно отозвалась:

— Далеко! Далеко-пледалеко! В большой-плебольшой крепости!

— Крепости? Как эта?

— Ага, — согласилась Илинка. — Только здесь капитан главный, а там был папа. Его все слушались и маму тоже.

Любопытно... Ло снова пожалела, что мальчика не расспросить. Хотя... вдруг он умеет писать? Это уже само по себе о многом сказалось бы. Крестьяне и ремесленники в большинстве своем неграмотны, а вот парнишка из купеческой семьи в таком возрасте уже наверняка владеет пером. Не говоря уж о дворянине. Ведь кто иной может быть главным в крепости или замке?

Она хотела спросить еще, но Илинка насупилась, на глазах ее показались слезы, и Ло поспешно прекратила расспросы. Нэнси, стараясь отвлечь девочку, свернула два платка в подобие

младенца, и Илинка с восторгом приняла игрушку. Пока она шепотом баюкала куклу, Ло позаботилась о собственной чистоте. Что ж, вот и настало время оправдаться перед дражайшим супругом в отсутствии беременности? Да ни за что! Если так этого боится, пусть сам позорится, копаясь в белье или расспрашивая прислугу! «Ни одного лишнего слова, — напомнила себе Ло. — Никаких перемирий, чтоб им провалиться, и никаких договоренностей!»

— Вы только посмотрите, миледи, — всплеснула Нэнси руками, улыбаясь. — Где сморило бедняжку, там и спит.

Илинка, крепко прижав куклу, уснула на постели. Башмачки девочки стояли возле кровати, и Ло снова отметила, что шерстяные чулочки на ней чистые и достаточно дорогие.

— Пусть спит, — сказала она, невольно потянувшись снова погладить малышку, но побоявшись разбудить. — И вот что, позови-ка Селину. А это, — кивнула она на груды белья, — перестирай заново.

Нэнси, не обрадованная поручением, все-таки послушно побежала его исполнять, а Ло подошла к окну и глубоко вдохнула осенний холод. Посмотрела на небо, клонящееся к закату, на ветви вяза, с которого стремительно облетали всё новые и новые листья.

«Осколки? — с тяжелым холодным упорством подумала она. — Пусть осколки. Клянусь, я буду снова и снова собирать из них свою жизнь. Хоть тысячу раз, если понадобится! Нет магии? Научусь жить без нее. У меня остались память и честь. У меня есть сестра и друзья... Люди, о которых я могу позаботиться. Враги. Вполне достаточно, чтобы жить ради этого».

Во двор Эйнар вышел, словно пьяный, на подгибающихся ногах, изо всех сил стараясь не споткнуться. Оглядел пустую площадку, окруженную стенами, помотал головой. И свернул в проход на задний дворик, прячась от чужих глаз, будто раненый зверь в нору. Обогнул конюшню и сеник, прошел за оружейный склад... Задвижка легко поддалась, звякнув, Эйнар шагнул в вольер и закрыл за собой дверь. Опустился на корточки, привалившись спиной к стене, закрыл глаза. И растворился в чистой любви, щедро излившейся на него мокрыми носами и языками, тяжелыми лапами, мохнатыми мордами, скулением и повизгиванием. Дождавшись, когда его вволю обнюхали и облизали, Эйнар, не открывая глаз, обхватил руками ближайший ворох меха, счастливо замерший в его объятиях, ткнулся лицом в густую шерсть. Пес положил голову ему на плечо, шумно засопел, потом лизнул в щеку. Сбоку ревниво притерся другой...

Постепенно его отпустило. Невидимые когти, впившиеся в нутро, не совсем разжались, но позволили свободно дышать. Все еще хотелось ломать и крушить, а лучше — убить кого-нибудь, но теперь хватало разума понять, что надо не «кого-нибудь», а именно одного человека. Мага, тварь поганую... Потрепав огромного кобеля по холке, Эйнар ласково оттолкнул лобастую голову, поднялся на ноги. Немедленно вокруг него снова закрутились четыре мощных мохнатых тела, отталкивая друг друга, ластясь, виляя хвостами... Пятая собака, недавно оценившаяся сука, из будки высунула только морду, умильную и словно извиняющуюся, — из-под брюха слышалось требовательное попискивание.

Подойдя, Эйнар снова присел и без опаски погладил волкодавину. Почесал горло, заглянул в уши, проверяя их чистоту. Сказал тихо:

— Ну что, красавица? Ух, какие медвежата у тебя...

Щенки, хорошо видные в широкий лаз будки, и вправду похожие на медвежат мохнатостью и толщиной, отталкивали друг друга лапами, чмокали, висая на сосках, и виляли крошечными хвостиками. Сука глядела благосклонно, и Эйнар погладил серые спинки с темными полосами вдоль хребта.

Сев рядом с будкой на выступ стены, он запустил пальцы в шерсть немедленно притершегося к коленям кобеля-вожака.

Вот теперь можно было подумать. И нужно, пока не натворил чего-нибудь непоправимого. Врал ли проклятый морок? Наверняка! Но вот в чем? Снова и снова Эйнар перебирал оба разговора по словечку. Хелайзиль. Магический перстень. Прошлого его жены. Какое-то предательство. Зачем мороку чернить леди Ревенгар? Это как раз легко понять: чтобы северный дурень не сомневался, что делает благое дело, предавая собственную жену. Будто предать плохого человека — меньшее предательство...

Да, все верно. Сначала морок попытался его убедить, что Лавиния Ревенгар недостойна жизни. Эйнар досадливо дернул уголком рта, вспомнив о хелайзиле. Слова о дурмане оказались

правдой. Ну и что? Может, это не вина ее, а беда. Не место женщине на войне, каким бы даром ни наградили ее боги. Там у мужчин-то разум отшибает от крови. А боевой маг... Эйнар до сих пор содрогался, вспоминая огненную бурю, обрушившуюся на урту-томгар. Нет, дикарей он не жалел! Но кто мог бы остаться в полностью здоровом рассудке, устроив такое? И если его жена три года убивала больше, чем самый свирепый берсерк, то что странного, если она начала топить память об этом в хелайзиле?

Но об этом Эйнар подумает потом. И обязательно посоветуется с Лестером, может, старый целитель поможет? Хотя бы нужные слова найдет? А пока ясно одно: леди ему в борьбе с мороком не поможет. Да и нельзя ей рассказывать.

Глядя и перебирая мягкую длинную шерсть волкодава, Эйнар думал, думал, думал... По всему выходило, что морок знает о его делах слишком уж много. Как иначе он бы оказывался рядом именно в такое время? Ладно однажды. Но второй раз — это уже не совпадение. Проклятая тварь читает мысли? Тогда бороться с ним бесполезно! Да нет же, не может этого быть. Просто не может...

Эйнар по пальцам мог бы пересчитать, когда просил о чем-то Пресветлого, да и то воинский бог чаще всего был глух к его мольбам. Но сейчас он снова взмолился без слов, исступленно надеясь, что его противник не всеведущ и не всемогущ. Ведь зачем-то ему понадобился обычный капитан!

Пресветлый молчал. И это само по себе было ответом, как привык считать Эйнар. Если тебе нужно что-то от бога, бери и делай это сам. А бог, если сочтет нужным, присоединится.

— Он не может вернуть Мари, — глухо проговорил Эйнар, и волкодав заглянул ему в лицо, чутко тревожась от голоса. — Не может. А если даже...

Если может, что это будет за жизнь? Запертая в чужом теле, ничего не понимающая, не сойдет ли Мари с ума? Как объяснить ей, что случилось? Как убедить всю жизнь врать?! Как Тильду сначала уверить, что это вернулась ее мать, а потом заставить называть чужим именем?!

И сама леди... Ладно, пусть у Эйнара нет ни чести, ни совести, что он вообще может думать о таком, но если представить, что все удалось и Мари вернулась, как выдать ее за леди Ревенгар? Магичку и дворянку! Она говорит иначе, ходит иначе, иначе смеется и смотрит. Она не знает семью и близких леди, вообще никого из ее прошлого. Да любой маг в несколько мгновений разоблачит обман! И снова увести Мари, спасая от беды, уже не выйдет. Дорвенантская леди — это не дочь мельника, ее будут искать. Король, семья, другие маги...

И морок всего этого не понимает?! Эйнар взлохматил волосы, растирая виски и затылок, тупо ноющие болью. Понимает, паскуда! И не может не учитывать, что, когда до них доберутся королевские дознаватели, Эйнар заговорит. У него и выбора-то не будет! Заговорит и выложит все, умоляя только, чтобы не трогали Мари... А что ждет ее, укравшую, пусть и не желая того, чужое тело, представить страшно.

Положим, до Рольфсонов неизвестному ублюдку-магу дела нет. Но свою-то задницу он прикрыть должен? Значит, все посулы и обещания лживы. Либо морок даже не собирается их выполнять, когда Эйнар сделает для него какую-то грязную работу, либо потом он зачистит следы. А как это легче всего сделать? Да просто убить всех, кто о нем что-то знает.

Отказаться? Не поможет. Маг надежно держит его за горло, угрожая Тильде. Если ее сегодняшняя выходка — дело морока... Эйнара затошнило от страха и отвращения, стоило представить, что его дочь — послушная кукла сумасшедшего колдуна. А он точно безумен, если так играет чужими жизнями.

Играет... Эйнар вдруг почувствовал, что нащупал что-то важное, и лихорадочно ухватился за эту мысль. Почему морок с самого начала не пригрозил ему Тильдой? Да потому что ему нравится играть людьми! Он не просто заставляет делать то, что ему нужно, он подбирает ключи к разуму и душе, добиваясь полной власти. Сначала он обвинял магичку, чтобы Эйнар сам согласился от нее избавиться. Не вышло. Тогда предложил приманку. А когда дурной северный пес не проглотил ее сразу, показал палку! Проклятый высокомерный ублюдок...

Но... тогда он должен понимать, что, если Эйнар лишится Тильды, больше ему ничем не пригрозить. Тильда — последний козырь мага, он не убьет ее до самого конца, какую бы игру ни задумал. Ведь не убьет же?

С безнадежной ясностью Эйнар понимал, что все его рассуждения — как гнилой мост. Кажутся надежными, но... Что придет в голову безумцу или просто жестокому ублюдку, угадать невозможно. Боги, как же ему сейчас нужен совет! Нельзя... Маг безошибочно появляется

после ссор с леди, когда Эйнар не владеет собой и уязвим. Значит, у него есть какой-то способ узнать о происходящем. Значит, нужно снова и снова обдумать все на холодную голову и только тогда что-то делать. Любая ошибка погубит Тильду. А Мари...

Эйнар стиснул кулаки, и золкодав заскулил — ласковые пальцы хозяина вдруг сильно потянули его за шерсть. Мари... Думать об этом слишком больно. Не думать — невозможно. Сколько ни убеждай себя, что принять предложение проклятого мага — подлость и глупость, но слишком долго Эйнар молил о несбыточном, невозможном чуде. Слишком долго выворачивал душу наизнанку, мечтая хотя бы еще раз увидеть жену, попросить у нее прощения, сказать, что любит... Он с усилием заставил себя вспомнить о чем-нибудь другом. Например, о ярле, который тоже наверняка имеет ко всему этому касательство. И, мысленно застонав, обреченно поднялся на ноги.

* * *

— Миледи изволила звать меня?

Девица Фроше сделала реверанс. Ее чистое свежее личико было припудрено и казалось непроницаемым, как и положено вышколенной прислуге. Но пара мгновений перед реверансом, когда Ло поймала ее взгляд, всё испортили. Слишком много настороженной неприязни было в невинных голубых глазках.

— Изволила, — сухо подтвердила Ло и указала на кровать.

Взглянув туда, Селина сморщила носик и вопросительно посмотрела на Ло.

— Миледи?

— Этому ребенку следует сшить пару платьев и рубашек, ее брат тоже наверняка нуждается в приличной одежде. Я хочу, чтобы вы поехали в город и купили несколько люардов ткани.

Шерсть, плотное сукно и полотно для белья. Сколько чего нужно — рассчитайте сами.

Расцветки берите немаркие, но приятные для глаза. В крепости есть сапожник?

— Н-нет, миледи.

— Тогда снимите с детей мерки и закажите в городе обувь. Я слышала, что здесь суровые зимы, следует сделать это побыстрее.

— Но миледи! — под длинными подкрашенными ресницами в глазах-озерах плескалось искреннее возмущение. — Это же просто бродяжки! Капитан их приютил из милосердия!

— И что? — опасно мягко поинтересовалась Ло. — Полагаете, для его милосердия не

оскорбительно, что дети ходят в обносках? Или вас затруднит шитье на эту кроху?

— Я училась шить во Фрагане, в мастерской самой госпожи Люмье, модистки королевы! — задрала носик девица Фроше.

— Вы не госпожа Люмье, и я пока еще не видела ни одного платья вашей работы, — сообщила Ло. — Только рубашки его светлости, а их вы могли шить по чужим лекалам или снять мерки со старой. Прежде чем возьмете в руки дорогие ткани, вам придется доказать, что иглой вы владеете лучше, чем тряпкой и метелкой.

— Мое платье — мой работы, — процедила Селина, взглядом указывая на собственный отлично пошитый наряд.

— Оно говорит в вашу пользу, — безмятежно согласилась Ло. — Пожалуй, добавьте к покупкам еще пару отрезков и сшейте два таких для моей горничной. Фасон оставьте, он очень мил, только отделку пустите другую. Фамильные цвета Ревенгаров — красный и серебро, поэтому наши слуги носят серое с гербовой отделкой.

— Но я слишком занята! Миледи...

— Селина, милочка, — с ледяной ласковостью проговорила Ло, глядя в наглые глазищи фраганки. — Я совершенно не в настроении спорить с вами. Потрудитесь припомнить, что отныне здесь, как в любом приличном доме, женской прислугой заведует хозяйка дома, то есть я. И, если для вас так затруднительны мои поручения, вам ничто не мешает взять расчет. Как и мне — дать вам его. Знаете, я сомневаюсь, что вы такое уж незаменимое сокровище. Ни за что не поверю, что в городе не найдется пара одиноких женщин, желающих поступить на службу. Возможно, они не сошьют себе платья с фраганскими изысками, но натереть полы и обшить пару ребятишек для них труда не составит.

— Они... не сошьют их и вам, миледи.

— А вот это я постараюсь пережить, — улыбнулась Ло. — Мне и своих платьев пока довольно, а леди Тильда отказалась шить новые. Так что хорошенько подумайте, милочка, при каких условиях я буду все еще нуждаться в ваших услугах. Сомневаюсь, что вы легко найдете такое

же хорошее место с приличным жалованьем. Особенно если я не дам вам рекомендации. Его светлость, правда, может. Однако у молодой красивой девицы рекомендательное письмо от женатого мужчины, к которому не пожелала приложить руку его жена... Боюсь, оно расскажет нанимателям очень многое, но не в вашу пользу.

— Я... позвольте, я пойду поищу сержанта Мерри. Насчет поездки.

В глазах девицы Фроше бушевала такая злость, а голосок оставался столь почтителен, хоть и упрям, что Ло почти прониклась к ней уважением. И реверанс был почти безупречен. Разве что слишком быстр. О, Селина Фроше не сдалась — в этом Ло была уверена, — она всего лишь проиграла очередную стычку. Но и это было приятно. К тому же, это Селина думала, что битва закончена, а Ло только смяла вражеский авангард и начала разворачивать позиции.

— Идите. Впрочем... — Ло расчетливо окликнула горничную, когда та уже подошла к двери, и подождала, пока Селина обернется, снова сделав реверанс. — Вы хотели бы служить в столице?

— Простите, что, миледи?

— Селина, не прикидывайтесь дурочкой, терпеть этого не могу. У вас хорошие манеры и красивая внешность, притом вы фраганка, а в столице это модно. Заслужите мои рекомендации честно — и я вам их дам. С письмом от леди Ревенгар вы сможете прийти наниматься в любой особняк Дорвенны.

— Миледи...

— Один год, — ровно продолжила Ло. — Год безупречной службы, меньше просто не имеет смысла для тех же рекомендаций. Если через год вы пожелаете уйти, я вас отпущу. Вы действительно думаете, что мой супруг и его дочь сделают для вашего будущего столько же, сколько могу сделать я?

А вот это был очень хороший реверанс. Выразительный! Исполненный глубокого искреннего почтения.

— Чем я могу служить миледи? — нежно прозвенела Селина.

— Для начала — именно тем, что я говорила. Раз уж мой супруг взял этих детей под покровительство, оденьте их, как полагается воспитанникам в приличном доме. И мою горничную, разумеется. Для Нэнси можете просто раскроить, а сошьет она и сама.

— Миледи не возьмет меня личной горничной? — уточнил хрустальный колокольчик.

— Не вижу смысла. Раз уж вы ладите с его светлостью, пусть все так и остается, — усмехнулась Ло. — Но я повышу вам жалование на флорин в месяц, а вы займетесь обучением моей Нэнси. Прически, уход за одеждой, манеры...

— Два флорина, если миледи не против. Мне ведь придется учить ее в свободное время. И в городе для этого вы никого лучше не найдете, с вашего позволения. Даже у жены лорд-мэра прислуга не умеет делать такие прически и притирания для лица.

— Далеко пойдете, милочка, — снова усмехнулась Ло. — Хорошо, два. Но если я узнаю, что вы сплетничаете обо мне с прислугой или потакаете моей падчерице...

— Не извольте беспокоиться, миледи, — по губам фраганки скользнула легкая, но вполне уважительная улыбка. — Я понимаю, что она-то мне рекомендаций не даст. Я буду очень полезна вашей светлости. Разрешите идти?

Когда за Селиной закрылась дверь, Ло устало откинулась на спинку кресла. Селина, конечно, вряд ли удержится от болтовни, но она далеко не дура и сделает нужные выводы. Значит, у Ло будет одной полезной союзницей больше. Кусочек к кусочку, осколок к осколку...

Она задумчиво посмотрела на магическую бумагу. Не пора ли написать еще одно письмо?

Подмененный Бейлас, таинственно исчезнувший во время штурма, — это очень странно. Да, ей вряд ли поверит кто-то, кроме Маркуса, зато он точно не отмахнется, посчитав беспокойство Ло женскими капризами. И наверняка сможет помочь. Ло честно попыталась представить, сколько в Дорвенанте магов с двойной С в инициалах, и содрогнулась. Но ведь есть орденские списки... До чего же жаль, что она не может обратиться напрямую к магистру Саттерклифу! Мало того, что они расстались не лучшим образом, так еще руденхольмский убийца может оказаться кем-то из верхушки Ордена. Думать об этом было противно и жутко, но приходилось. Нет уж, сейчас она не может довериться никому, кроме Бастельеро.

Бумагу она все-таки убрала снова в комод. Неповрежденных листов, за которые можно было ручаться, осталось всего три. Письмо потерпит несколько дней, а за это время явится таинственный вольфгардец, которому что-то нужно от Ло, и это тоже может оказаться важным.

Ло представила, как интересуется у одного из высших вельмож Вольфгарда, не по его ли приказу ей отправили розы, и едва не рассмеялась. О да, отличная вышла бы шутка! Ярл из Высокого Совета, посылающий цветы дорвенантскому боевому магу! Хотя если на похороны... Она повертела в пальцах ненужный уже ключ и бросила его на стол. Оглянувшись на спящую Илинку, но девочка безмятежно посапывала, тиская куклу. Вот и еще одна загадка. Пусть маленькая, но, если удастся найти родных этих детей, они могут снова обрести дом. А если нет, придется...

Додумать она не успела. Послышался стук в дверь, и почти сразу та открылась.

— Могу я с вами поговорить? — мрачно и будто нехотя поинтересовался капитан, стоя на пороге.

— Разумеется, — уронила Ло, встречая его тяжелый взгляд в упор.

Глава 17

НА ТРОПИНКЕ УТРОМ РАНО...

Леди смотрела с такой холодной неприязнью, словно в случившемся и вправду был виноват только Эйнар! И всякое желание поговорить по душам под презрительным взглядом глаз цвета льда исчезло бесследно.

Наконец, отведя взгляд, она подошла к кровати и тронула за плечо спящую девочку, которую Эйнар поначалу не заметил.

— Илинка, милая, просыпайся. Твой брат тебя потеряет и будет беспокоиться.

С девчонкой она разговаривала совсем иначе, мягко, и платьице на ней поправила ласково, когда девочка, протирая глаза кулачками, соскользнула с постели, нащупав ногами башмачки. Эйнар проводил убежавшую малышку глазами, прошел в комнату, поискал, куда сесть, но кресло пришлось бы двигать от кровати и разворачивать, а ему хотелось побыстрее отделаться от разговора. Так что он просто встал у стены, где все еще валялась скамеечка — позорным напоминанием о его вспышке. Йотунова кровь и утбурдовы дети, да за эти несколько дней он выходил из себя чаще, чем за все десять лет жизни с Мари. Последние два года он и вовсе провел в тяжелом сонном забытье, где каждый день был похож на прошлый и ни один не радовал. Не радовал, но и не огорчал особо. Эйнар привык думать, что когда-нибудь все наладится, ведь любые раны заживают, если не умереть от них сразу. Болят на непогоду, тянут, сковывают тело, но рубцуются. А сейчас ему словно вскрыли нарыв — и боль плеснула разом, остро и резко.

Женщина, которая сейчас сидела напротив, приводила его то в бешенство, то в отчаяние, горячила кровь обидными словами и взглядами, давала надежду и тут же все портила. Она была воплощением всего, что ему не нравилось в женщинах: дерзости, злой насмешливости и полного нежелания подчиняться. Ладно бы мужу! Но ведь есть же какие-то традиции, на которых держится мир? А проклятая магичка живет так, словно бросает вызов и богам, и людям. Словно каждый миг ждет удара и готова его отразить, а потом ударить в ответ. Как она вообще согласилась выйти за него замуж? И зачем?

— Сегодня вечером я уезжаю, — тяжело сказал он, чувствуя, что любые слова будут лишними, кроме самых простых и необходимых. — Переночую на заставе, а утром поеду на перевал встречать посольство.

— Вам виднее, капитан, — последовал холодный ответ.

— Я мог бы уехать завтра, — сказал Эйнар то, что говорить, пожалуй, было не обязательно. — Но...

— Вам виднее.

И снова этот высокомерный голос, не ядовитый, но колкий, как крошево битого и замерзшего льда.

— Дайте договорить, — мрачно попросил Эйнар. — Я мог бы уехать завтра, но мне не нравится, что тогда мы с вольфгардцами поднимемся на перевал одновременно. Места там глухие, нехорошие...

— Бойтесь засады?

Леди прищурилась, и Эйнар заставил себя вспомнить, что она вообще-то тоже офицер. И дело не в том, что магичка, а в трех годах войны, на которой женщине не место, но если уж женщина там становится своей, то послушать ее стоит не меньше, чем мужчину. А то и больше в каких-то вещах. Очень уж иначе они смотрят на мир.

— Опасаюсь, — честно ответил он. — У них всего дюжина человек. Среди них, конечно, найдется ведьмак, но...

— На всякого ведьмака может найтись маг, — продолжила леди, и Эйнар кивнул.

— Мне будет спокойнее проехать там днем, а не к вечеру, — сказал он с той же тяжелой откровенностью. — Осмотреться, выставить дозор на скале. Может, я в барсучьей норе медведя вижу, но...

Он замолчал, не зная, что добавить и зачем вообще затеял этот разговор. Помощи от леди он, конечно, не ждал, хотя боевая магичка могла бы... Что? Поехать вместе с ним? Так она уже не служит в армии. Эйнар не может ни требовать от нее помощи, как от присягнувшего Дорвенанту мага, ни просить — как от своей жены. Да и не станет. Ему в отряде только собственной жены с изломной болезнью от хелайзиля не хватает. И об этом тоже следовало поговорить, но... Сплошные «но» лезут на язык и в мысли, нет бы что-то умное вместо них. Она смотрела на него молча, не помогая продолжить разговор, и Эйнар понимал, что он в этой комнате нежеланный гость. Надолго, а то и навсегда. Что ж, это вполне можно пережить, он все равно не собирался... Да ничего он не собирался делать! Ни супружеские права предъявлять, ни откровенности требовать. Но можно хотя бы смотреть на него как на равного, а не как на медведя дрессированного? Если не хуже.

— Мне понадобится ваша помощь, — сказал он все так же прямо. — Здесь, в крепости.

Леди подняла бровь. Одну. Изогнула ее, такой малостью ухитрившись выразить и удивление, и насмешку, и почти издевку. Тибальд тоже так умел, но у него получалось весело и не обидно, а за такое выражение, которое Эйнар сейчас видел в светлых глазах, он в юности кидался драться.

— Мои люди не знают, как принимать такого гостя...

Говорить было все труднее и неприятнее, но Эйнар терпел. Ему действительно нужна была помощь, пусть и приходилось просить ее, наступив на горло собственной гордости.

— Хотите, чтобы я изобразила радушную хозяйку?

— Можно без особого радушия, — буркнул Эйнар, медленно, но верно раскаляясь, как брусок железа в кузнечном горне. — Лишь бы как положено.

Добавлять, что леди как раз объявила себя хозяйкой, он не стал. Не дура, сама все понимает.

— А вы не боитесь, что, как только уедете, я кинусь в ближайший город пополнять запасы хелайзиля? — уточнила его жена голосом, в котором мед смешался с ядом в равных долях. — Порталом, чтобы быстрее...

— А вы собираетесь?

Теперь, когда он понимал, что его дразнят, сдержаться было легче. В поединке противника тоже пытаешься вывести из себя. Кто оскорбляет, кто насмехается, кто притворно высокомерен...

Эйнар подобным обычно брезговал, но хитрости эти знал и умел не думать о них в драке. От ядовитых плевков можно заслониться только спокойствием. И вообще, хватит с него на сегодня.

Леди фыркнула в точности, как та горная кошка, с которой он ее сравнивал. Будто и не всерьез, но предупреждающе.

— Вам виднее, — сообщила с той же издевкой, то ли дерзкой, то ли горькой, то ли все сразу. — Это же вы каждый день находите у меня все новые и новые грехи. Лучше бы за кое-кем другим так следили.

И это он тоже пропустил мимо ушей, хотя намек был более чем явен. Помолчал, собираясь с решимостью. И спросил, уже зная, что после следующего укола развернется и уйдет:

— Так вы поможете или нет?

— Сделать из вашей крепости место, достойное принять герцога? — так же ядовито уточнила леди. — За два дня? Боюсь, это под силу только Семерым Благим, да и то не каждому из них. Но я постараюсь, чтобы вольфгардца встретили здесь лучше, чем меня. Хм... даже не знаю, как можно было бы сделать это хуже...

— Леди...

— Что? Занимайтесь своим делом, капитан Рольфсон, а мне оставьте мое. В ваших просьбах я не нуждаюсь; достаточно, если скажете, сколько в посольстве человек и как долго они здесь пробудут.

— Двенадцать, — с трудом разомкнул губы Эйнар. — Сам ярл, пять человек ближней свиты и полдюжины охраны. На два дня. С послезавтрашнего вечера.

— Прекрасно, — снова фыркнула леди. — Оставьте прислуге распоряжение слушаться меня во всем и учтите: я отказываюсь иметь дело с вашей дочерью, даже если она решит нарядиться в половую тряпку. Мое дело — только сам прием.

— Благодарю, — кивнул Эйнар, изнывая одновременно от облегчения и желания все-таки сломать что-нибудь еще в этой комнате.

— Не за что, — презрительно бросила леди. — Просто я терпеть не могу Вольфгард. И не позволю северянам глумиться даже...

— Над таким ослом, как я? — не удержался Эйнар.

Теперь он знал, что такое убийственный взгляд. Несколько мгновений дражайшая супруга — дай боги королю всех благ за такую милость — испепеляла его именно таким взглядом. Потом обвела им комнату, как будто тоже в поисках, чего бы сломать или спалить. И снова посмотрела на Эйнара.

— Примерно так... капитан, — сказала она тихо-тихо. — А сейчас не могли бы вы меня оставить?

Поклонившись, точнее, изобразив поклон, он вышел. И не успел отойти от закрывшейся двери трех шагов, как в нее что-то грохнуло. Хорошо так грохнуло, от души. Эйнар замер, прислушиваясь.

— Мать барготову и тридцать три ее внука через гнилой мост к бездонному болоту! — раздалось за дверью. — И самого Баргота ночью под одеялом!

В дверь ударились что-то еще, помельче и полегче. Если в первый раз это явно была многострадальная скамеечка, то теперь... Шкатулка? Письменный прибор?

Эйнар постоял еще с минуту, потом ушел. Спустился вниз и велел Малкольму собирать отряд: всех ветеранов и из молодняка, кто потолковее. До заката еще была пара часов, а ему предстояло поговорить с Лестером и Тильдой. И ни один из этих разговоров не обещал быть приятным. Да что же за день такой, йотунами обгаженный! И когда гнусное невезение переломится к чему-нибудь хорошему?

Все встречные, от прислуги до солдат, шарахались от него, будто утбурда увидели. И можно было не сомневаться, что слухи о новой ссоре с леди уже разлетелись по гарнизону. Да и плевать! Сейчас у него были дела поважнее, чем следить, кто о чем шепчется за его спиной. Дуреха Тильда, дикая кошка вместо жены, проклятый морок и вольфгардский ярл на закуску! Впору самому сбежать хоть к родным йотунам, хоть к местному Барготу.

— Тебя что, лошадь укусила? — поинтересовался Тибо, попавшись ему навстречу. — И судя по всему, бешеная.

— Уйди, а? — рявкнул Эйнар. — Без тебя тошно. Пока не вернемся, ты за старшего.

— А за умного — вообще каждый день, — хмыкнул Тибо. — Так точно, мой капитан!

Он вытянулся и шутовски отдал честь, приложив к сердцу руку с кружкой шамьета. Эйнар, скривившись, прошел мимо, чувствуя себя правым, но почему-то все равно ослом.

* * *

— Тибальд?

Кого-кого, а сержанта Мерри Ло не ждала и невольно насторожилась. Что бы ни успел рассказать ему капитан, вряд ли его друг встанет на сторону Ло. Если, конечно, Рольфсон посчитал нужным что-то ему рассказывать.

— Доброго вечера, миледи, — невинным тоном проговорил Мерри и выставил перед собой двумя руками кружку, словно прикрываясь ею от Ло. — А я вам шамьета принес!

— Тибальд... — устало сказала Ло, глядя в честные-пречестные, все понимающие глаза сержанта. — Не хочу вас обидеть, но шли бы вы отсюда... с этой кружкой вместе. Не вводите меня в искушение запустить ею в стену.

— В стену не надо, — просительно вздохнул сержант, плавно, как большой кот, перемещаясь к столу и присаживаясь прямо на него. — Я эту кружечку двадцать лет с собой таскаю, еще из дома. Правда, если вам от этого полегчает, то давайте, что поделать. Посудина — она и есть посудина, это не сердце разбить.

— Да вы философ, Тибальд, — горько улыбнулась Ло, принимая протянутую кружку тоже двумя руками, чтобы в самом деле не уронить. — Благодарю...

Она пригубила сладкий шамьет, который толстые стенки сохранили горячим. Тибальд ответил улыбкой и пожатием плеч:

— Самую малость, миледи. Из университета меня, правда, выгнали задолго до окончания курса, но любому сержанту после дюжины лет службы можно выдавать мантию философа и кафедру. Он молча смотрел, как Ло пьет, и под этим снисходительным теплым взглядом ее настороженность таяла.

— Это мой муж вас прислал парламентом? — прямо спросила Ло, допив шамьет до горящего осадка на дне. — Неужели хочет вернуться с извинениями?

— Ни в коем случае, миледи, — ухмыльнулся Тибо. — Как можно? Эйнар-то? Он скорее собственной портупеей удавится, чем уступит, если правым себя чувствует. Знаете, когда боги раздавали смирение да покладистость, наш капитан в другой стороне нашел склад с упрямством и нагреб, сколько смог унести. Только вот сдается мне, миледи, что не в одиночку он тот склад потрошил.

— Правильно вам сдается, — кивнула Ло, возвращая остывшую тяжелую кружку. — А раз так, вы и сами все понимаете. Если капитану не нужен мир, то мне тем более. Лучше скажите, вы можете мне принять вольфгардцев?

— А они, значит, к вашей семейной войне касательства не имеют? — лукаво прищурился Тибальд.

— Вот именно, — мрачно, но твердо отозвалась Ло. — Что бы я ни думала о вашем приятеле и моем дражайшем супруге, он дорвенантский офицер, а это дорвенантская крепость. И я не позволю ни одному северному волчаре говорить, что мы плохо приняли послов. Но два дня на подготовку...

Она вздохнула, сплетая пальцы на колене, и взглянула на Тибо. Тот кивнул:

— Это вы правы, миледи. Времени маловато. А главное, у нас-то никто не знает, как таких высоких господ принимать положено. Это ж не ревизия из столицы, которую надо только напоить получше да Торунн с Дагни вовремя под бок сунуть. Ох, простите...

Виноватым он вовсе не выглядел, смутившись только ради приличия, и Ло усмехнулась.

— Думаю, этих тоже напоить не помешает, — ответила она с той же откровенностью. — Хотя вряд ли они себе позволят лишнее на чужой земле. И девок я им подкладывать точно не буду. Но без вас мне не обойтись. Крепость нужно вычистить, подготовить комнаты и купальню.

Нужны люди...

— Сделаем, миледи, — просто ответил сержант, поднимаясь. — Вы только скажите, что именно. Парни у меня, правду сказать, простоваты, зато послушные и работающие. Под вашим приглядом да с моим добрым крепким словом в придачу и за два дня управимся. Только нам бы еще Молли уговорить, чтоб не брыкалась. Велите ее сюда позвать?

— Сама схожу, — решительно поднялась Ло. — На кухне о кухонных делах говорить проще.

— Как изволите, миледи, — поклонился Тибальд с удивленно-веселой ухмылкой. — Тогда я вас хоть провожу. А если разрешите совет... — он дождался нетерпеливого кивка Ло и с заговорщицким видом произнес: — Я вперед пойду, а вы не торопитесь, прогуляйтесь помедленнее. Молли у нас дама строптивая, но я к ней ключик знаю. Не подумайте чего! Она ведь и правда Эйнара чтит и уважает. И если узнает, что надо ради его чести постараться, — наизнанку вывернется. Вот я с ней и потолкую чуток, пока вы до кухни дойдете.

— Благослови вас Пресветлый, Тибо, — улыбнулась Ло. — Идите.

Проводив сержанта взглядом, она подошла к окну, уже привычно выглянув из-за занавески. Во дворе смеркалось — с каждым днем близился Зимний Солнцеворот, и вечером солнце все раньше пряталось за вершушки гор. Еще пару месяцев светлое время будет сокращаться, а потом колесо мироустройства замрет самой темной ночью в году — и так же медленно покатится к лету, добавляя минуты и часы уже к дню. Странно и тоскливо думать, что Ло вполне может этого и не увидеть. Несправедливо...

Но разве знал хоть кто-то из ее погибших друзей, что не встретит следующего восхода?

Неизвестность собственной судьбы — великое благо. Только люди живут так, словно они вечны. Ссорятся, не думая, что помириться могут и не успеть. Теряют драгоценные минуты, не говорят самые важные слова... Ло вздохнула. Она не сержант с двенадцатью годами службы, но

иногда хватает нескольких минут, чтобы понять такие вещи. Обычно это страшные минуты. Или даже последние...

Отбросив тяжелые мысли, она вышла из комнаты, прошла слабо освещенным коридором и спустилась вниз, попутно намечая порядок работы на завтра. Драгоценный супруг, его светлость Кирпич, даже не подозревает, сколько всего нужно, чтоб его крепость превратилась в место, где не стыдно принять вольфгардского вельможу! Оба жилых этажа придется отмыть щелоком и натереть воском полы, перила и лестницу. Убрать спальни для гостей, вычистить в них камин и приготовить постели. Хватит ли одеял и подушек? Есть ли вообще кровати в должном количестве? Если нет, придется брать их из казармы. А свечи? А тазы для умывания и душистое мыло? Горячее вино с пряностями на ночь, салфетки для стола... И уборную привести в порядок! И в коридорах повесить лампы!

Ло мысленно застонала, преступно желая клятому вольфгардскому послу свалиться с лошади и свернуть шею. Хотя нет, тогда она не узнает, что ему было от нее нужно! Пусть сломает руку или ногу. Говорить ему это не помешает, а продвижение посольства замедлит. У нее будет время подготовиться...

До кухни она дошла в мрачайшем настроении, твердо зная, что, если экономка попытается взбрыкнуть, как говорит Тибо, Ло ее саму подаст вольфгардцам главным блюдом. Как печеного поросенка, с яблоком во рту! И пусть северяне только попробуют отказаться!

Между прочим, это у них лет двести назад во время очередной междоусобицы некоего побежденного ярла убили, изжарили целиком и подали на пиру его же соратникам, предложив выбирать: отведать мяса предводителя или лишиться головы. Историк утверждал, что из нескольких дюжин отказались всего шестеро, то ли побрезговав человечинной, то ли предпочтя сохранить верность вождю ценой жизни. Победитель велел казнить всех, кроме этих шестерых, заявив, что предатели и людоеды недостойны его милости. При всей неприязни к северянам Ло не могла не оценить подобный подход к вопросам чести. Хотя, возможно, ярл-победитель просто не решился оставлять в живых столько опозоренных врагов. Удача переменчива, можно ведь и самому оказаться следующим блюдом...

Но Молли, против ожиданий, брыкаться не собиралась. Раскрасневшаяся от печного жара, с руками, перемазанными в тесте, она воззрилась на Ло с ужасом, будто знала о ее злобных мыслях.

— Доброго вечера, — поздоровалась Ло, проходя к скамье у стены — кресел в кухне, разумеется, не было.

— Ох, да что же это делается, вашсветлость!

Вытерев руки чистым полотенцем, Молли бросила его на стол и тут же принялась нервно комкать передник.

— А что делается? — подняла одну бровь Ло, садясь и опираясь о стену ноющей спиной.

— Да как же нам этого герцога принимать?! Принес его Баргот на нашу голову! Он же, небось, на серебре да золоте привык есть. Да еще всякое-такое, что я и в глаза не видела, не то чтобы готовить. А ну как не угодим? Его величество, дай ему боги долгих лет, голову с нас снимет. За целого-то герцога, да еще и посла! Я-то пожила на свете...

— Успокойтесь, Молли, — мягко сказала Ло, стараясь не рассмеяться.

Тибо, что-то жуящий в углу, ухмыльнулся и подмигнул ей из-за спины кухарки. «Боги, благословите сержанта Мерри», — снова подумала Ло с искренней благодарностью.

— Успокойтесь, — повторила она, глядя на моргающую и в самом деле едва не плачущую женщину. — Голова останется при вас. Вы, Молли, забыли, кому служите?

— Так капитану же... — растерянно отозвалась женщина.

— Капитану Рольфсону, — согласилась Ло. — С недавнего времени его светлости лорду Ревенгару, между прочим. А Ревенгары имеют в гербе графскую корону. Так что ваш хозяин теперь стоит разве что на одну ступеньку пониже ярла Хёгни.

Молли заморгала еще чаще, приоткрыв рот от изумления. Похоже, раньше ей это в голову не приходило.

— Миледи дело говорит, — невозмутимо добавил из угла Тибо. — Эйнару теперь этого герцога принять — все равно что полковника проезжающего. Полковник, конечно, повыше капитана будет, но все одно — тоже офицер. В морду в случае чего не даст, вести себя будет прилично и по уставу. По этикету то есть.

— Тибальд прав, — уронила Ло, забавляясь таким сравнением дворянских рангов с армейскими. — К тому же северянин — гость, а хозяева здесь мы. Но вот как гостя его следует принять со всей учтивостью. Пусть не золото, но серебро для стола и у меня найдется. А вот что на него положить — это ваше дело, Молли.

— Так ведь я дворянских блюд готовить не умею, ваша светлость, — жалобно посмотрела на нее кухарка. — И за два дня не научусь.

— Вздор! — решительно сказала Ло. — Вы отлично готовите. Клянусь честью, вашу еду не стыдно поставить на любой стол, хоть бы и королевский. Таких творожных лепешек и перепелов я нигде не пробовала.

Молли покраснела еще сильнее и стыдливо потупила взор к искомканному фартуку.

— Скажете тоже... — тихо проговорила она. — Коли так, я сама в лепешку разобьюсь, только бы капитану нашему урона не было. Да разве одними перепелами такую ораву накормишь? Сколько они гостить-то будут?

— Два дня, — сообщила Ло, с удивлением глядя на кухарку, растаявшую от простенькой похвалы, словно масло на сковороде. — Дюжина человек, приедут послезавтра вечером. Капитан поехал их встречать. И просил, чтобы к его возвращению был готов достойный прием. — На ночь-то ехать удумал, — неодобрительно покачала головой Молли. — Успел бы и с утра до перевала добраться.

— Баран... — негромко заметил Тибо, прихватывая со стоящего рядом противня еще один творожник. — Барана купить надо, — поправился он невинно.

Ло едва не фыркнула, глянув на его лукавую физиономию, но Молли приняла мысль сержанта с воодушевлением.

— А ведь верно! Нам эти два дня не до готовки будет — сколько дел переделать придется! А барашка мы с утра забьем, разделаем, и парни его к ужину на углях пожарят. А уж соусов я разных наготовлю... Тибо, миленький, отправь кого-нибудь в деревню за бараном.

— За двумя, — поправила Ло.

— Да неужто дюжина человек целым бараном не наестся? — недоверчиво изумилась Молли. — Не волки ж они, в самом-то деле. Да и не одно мясо мы им подадим.

— Они-то наедятся, а наши? — возразила Ло. — Или наши солдаты будут этого барана разделывать, жарить, а потом, нанюхавшись, уйдут похлебку из солонины хлебать? Нет уж, я не буду кормить северян лучше, чем дорвенантцев. Купите двух баранов, Тибо, пусть у гарнизона тоже будет свежее мясо.

— Как прикажете, миледи, — расплылся в улыбке сержант. — Благослови вас Пресветлый за щедрость.

— А из потрохов я тогда суп на второй день сварю, — кивнула Молли, оставляя, наконец, передник в покое, из чего Ло сделала вывод, что кухарка начала успокаиваться. — Пирогов напеку, чтоб на два дня хватило. С черникой, с творогом и с печенкой. Кур пожарю... Вот еще кур купи, Тибо! Дюжину хотя бы, а лучше две! И сыру. Яиц... И меду хорошо бы да орехов... — Понял-понял, — усмехнулся сержант, вставая. — Устроить рейд и скупить все, что продадут. Будет сделано. Простите, я вас оставляю — надо Эйнара проводить. Миледи?

— Идите, Тибо, — кивнула Ло, делая вид, что не поняла намека. — Жду вас и мэтра Лестера к завтраку — обсудим, что нужно сделать.

— А вы что же, не пойдете мужа провожать, вашсветлость?

Кухарка, в отличие от Тибо, излишней деликатностью не страдала. Ло с трудом удержалась, чтобы не сообщить, как ей надоело чужое внимание к своим супружеским делам. И от кого! От прислуги и подчиненных мужа! Того и гляди, даже солдатские девки будут обсуждать ее семейную жизнь. Хотя почему «будут»? Наверняка обсуждают.

Чтобы не обидеть сержанта и не разрушить с таким трудом достигнутое перемирие с Молли, она не сказала всего, что хотелось. Уронила только сдержанно, глядя в кухонное окно на двор, где собирался отряд:

— Я с ним уже попрощалась. Не буду отвлекать от служебных дел.

— Бараны, — задумчиво произнес Тибо в дверях. — Два барана, значит. Молодых, рогатых... Верно, миледи?

— Тибо... — процедила Ло сквозь зубы, уже сердясь, и сержант приподнял брови в том же невинном удивлении: что, мол?

— Так ясное дело, помоложе, — подтвердила ничего не понимающая Молли. — Чтоб мясо сочнее было. Рога-то мне их не нужны.

— Рога никому не нужны, это точно...

— Тибо!

— Иду-иду, миледи, — заверил ее сержант и вышел, мерзавец, напевая: — На тропинке утром рано повстречались два барана...

Песенку эту Ло помнила с детства, только не знала, что на родине сержанта Мерри ее тоже поют. Впрочем, какая разница на каком языке мекали два упрямых барана, не разошедшихся на узкой тропинке и вместе, сцепившись рогами, полетевших в реку? Может, по-итлийски, может, по-дорвенантски, а может, и на невийском или вольфарделе.

— Молли, хорошее вино еще осталось? — спросила она, чтобы отвлечься от проклятой песенки. — На свадьбе, кажется, подавали очень неплохое.

За окном раздалось ржание. Ло невольно бросила туда взгляд. Ржал крупный соловый жеребец, а всадника она уже узнавала со спины. Упрямой каменной спины, прикрытой черной курткой из бычьей кожи со стальными накладками. Затылок у капитана тоже был упрямым и очень мрачным. Но он сам был виноват! Нельзя все время идти навстречу тому, кто этого ждет, оставаясь на месте. Ло заставила себя вслушаться в голос Молли, рассуждающей, какое вино подавать к баранине вечером, а какое — на следующий день. «Баран, — мстительно подумала она. — И осел. Вот вы кто, капитан Рольфсон...» Но песенка сержанта Мерри, чтоб ему икнулось, назойливо звучала в ушах, намекая, что, будь баран один, он бы прошел по тропинке спокойно.

Глава 18

ВОЛК С ЛИСЬИМ ХВОСТОМ

Вечером первого дня Ло добралась до постели далеко за полночь. Свалилась без сил под оханье Нэнси, кинувшейся растирать ей плечи, а потом ноги. Девчонка причитала, что нельзя леди так напрягаться, а Ло без сил смотрела в потолок, позволяя стянуть с себя чулки, и молча ненавидела своего неудачливого убийцу — разве раньше она бы устала так сильно от обычных домашних дел? Сейчас же тело болело, словно Ло опять швырнуло о валун отдачей. Разве что ребра остались целыми, но каждая мышца горела, а суставы выкручивало и ломило.

— Шамьету принеси, — велела она измученно. — Только проследи, чтоб не соленого. За соленный я сейчас убью.

Нэнси кинулась из комнаты, а Ло заставила себя добраться до коробочки с лекарствами и взяла пару пилюль снотворного. Не хелайзиль, конечно, но ей сегодня хватит. Она точно знала, что иначе не уснет.

Зато всего за один день верхний жилой этаж превратился во вполне приличное место. Боги, благословите сержанта Мерри, целителя Лестера Вайса и, так уж и быть, экономку Молли. А еще солдат гарнизона, кухонную девку Катишу и прачек-северянок, безропотно весь день мывших, отскребавших, натиравших воском, полировавших стекла и выбивавших пыль. Все северное крыло, где было шесть комнат, Ло решила отдать вольфгардцам. К счастью, там недавно поменяли рамы и прочистили дымоходы, по уверению Тибальда. Но комнаты стояли пустые, и пришлось вскрыть чердак с мебелью. В огромном помещении нашлись покрытые толстым мягким слоем пыли кровати, пара столов и стулья. А еще какие-то ящики, груда мешков с тряпьем, зеленые от времени канделябры...

Откуда все это взялось в крепости, Ло сейчас интересовало меньше всего. Чихая от пыли и подобрав подол, она прошла по чердаку и ткнула пальцем в то, что могло пригодиться, а дальше уж за дело взялись мужчины. Доброе крепкое слово сержанта имело поистине волшебное действие, потому что мебель быстренько спустили вниз, а ведра с горячей и холодной водой подняли наверх, и все это встретилось на втором этаже.

Пока кровати, отмытые и тоже навощенные, расставляли по чистым комнатам, наступило время обеда. Им Ло пренебрегла, съев на ходу холодного мяса и сыра. Спустившись в подвал, она яростно рыскала в ящиках, отбирая нужное, а те же безропотные солдаты таскали все наверх. Серебряный сервиз целиком не пригодится, но приборов двадцать на стол поставить нужно.

Дюжина гостей, капитан и сама Ло, Тибальд, Лестер... Позовет ли Рольфсон за стол свою дочь? Ло искренне надеялась, что нет, но поклялась себе, что вмешиваться не станет. В любом случае, двадцатый прибор пусть будет. Соусники, супницы, блюда и кувшины, солонки... Боги, благословите уж заодно и его величество за неожиданную щедрость!

Следом за посудой наверх отправились покрывала, постельное белье, скатерть и занавеси. Вспомнив обшарпанные стены зала, где придется кормить гостей, Ло поморщилась и тяжело вздохнула. Ладно, и gobелены! Вот эти, с пастухами и пастушками. И вон те, с кавалерами и дамами, гуляющими по дворцовому саду. Не вешать же на стену волчью охоту в зимнем лесу? Только не для этих гостей. Ло полюбовалась яркими красками: кровь на снегу, одежды охотников, оскаленные пасти огромных зверей — и отложила gobелен. Повесит в собственной спальне, когда гости уберутся!

К вечеру зал превратился в подобие приличной гостиной и столовой одновременно. Тибо прибил к стенам gobелены, закрывшие пятна и щели, повесил на окна шелковые занавеси. Пол не спас бы никакой воск, а ковров в приданом Ло не нашлось, но и этому бесценный сержант обещал помочь, отправив пару солдат в деревню за бараньими шкурами. В крепости, конечно, они были, но уже вытертые и засаленные, а горцы, по словам Тибо, как раз собирали осенью шкуры на продажу.

Ло было уже все равно. Она устала так, словно собственными руками принесла каждое ведро воды и вычистила каждую доску на полу или в стене. Конечно, ей самой ничего грязного и тяжелого делать не приходилось, но с вопросами бежали к ней, а работу надо было проверять и тут же отправлять людей на следующую. Нэнси скребла и мыла вместе со всеми, Селина же оказалась незаменима в драпировке занавесей, застилании постелей и вообще везде, где требовались хороший вкус и умение создать уют. Ее ловкие пальчики с полированными ноготками могли сложить салфетки в форме розы или тюльпана, уложить красивыми складками скатерть и сотворить из отрезков ткани накидки на кресла, прихватив их бантами из лент, так что к концу дня Ло готова была молиться за наглую, но такую полезную фраганку.

В общей суматохе по наведению порядка не участвовала только Молли, у которой было полно дел на кухне, и, разумеется, Тильда. Конечно, почти взрослая девица могла бы помочь, ведь даже Илинку с братом Ло весь день видела за работой, но пусть хоть под ногами не мешается... — Ваш шамьет, миледи!

Нэнси влетела в комнату, не утратив привычной резвости, чему Ло только мрачно позавидовала. В одной руке горничной исходила паром чашка, а в другой Нэнси держала вазочку с печеньем.

— Вот, госпожа Молли передала, — заулыбалась девчонка. — Говорит, ваша светлость даже не поужинали.

Ло хмыкнула. Неужели экономка решила окончательно признать новую хозяйку? Что ж, посмотрим... Взяв еще теплое печенье, она кивнула Нэнси на вазочку:

— И ты поешь. А потом позови ко мне Селину.

— Ой, спасибо, миледи!

Нэнси мгновенно уплела пару печенюшек и выскочила из комнаты, а Ло, пользуясь ее отсутствием, кинула в шамьет снотворное.

Могла бы и при горничной, но... не хотелось показывать слабость. Пилюли почти мгновенно растворились — все-таки у Маркуса явно талант к алхимии, хотя сам некромант утверждал, будто всего лишь старательно следует рецептам.

— Миледи?

Пришедшая вместе с Нэнси фраганка присела в реверансе.

— Селина, что делает леди Тильда? — спросила Ло, с усталым раздражением понимая, что собственное обещание капитану все-таки придется нарушить, а он ведь даже не оценит.

— Уже спит, миледи, — почтительно отозвалась девица Фроше. — Днем была в комнате, читала и играла с кошкой, рисовала в альбоме, потом вечером сходила на псарню. Оттуда ее отправил сержант Мерри — волкодавы беспокоятся. А перед сном поужинала и снова читала.

— Чудесно, — кивнула Ло, оставив при себе язвительное замечание, что для девочки, не желающей быть леди, Тильда предпочитает очень аристократический образ жизни. — Селина, я обещала супругу не вмешиваться в воспитание его дочери. Но все-таки хотелось бы знать: у нее есть хоть одно платье, в котором не стыдно показаться гостям?

— Одно, пожалуй, есть, миледи... — поразмыслив, неуверенно произнесла Селина. — Леди Тильда — высокая девочка, она уже доросла до свадебного платья своей матери. Только его в груди и талии придется сильно заузить. Но фасон такой, что это можно сделать незаметно. — Не подойдет, — поморщилась Ло. — Белое платье на этой... резвой девице... Оно за несколько минут испачкается. Притом видно же, что свадебное?

— Осмелюсь сказать, миледи, — возразила Селина, — платье самое обычное. Сшито по-невийски, с пышной укороченной юбкой, открытым лифом и объемным рукавом до локтя. Шелк плотный, правда, по нынешней погоде тонковат, но к нему есть очень милая накидка из плотного кружева. Вот она-то белая, а само платье зеленое.

— Зеленое? Свадебное? — изумилась Ло и осеклась.

Селина молча сделала реверанс, всем видом показывая, что ее это совершенно не касается.

— Что ж, — медленно сказала Ло. — Тогда завтра займитесь подгонкой. И постарайтесь засунуть... леди Тильду... в это платье. Я не буду сердиться, если у вас это не выйдет, но, если моя падчерица будет иметь пристойный вид хотя бы эти два дня, получите премию.

— Благодарю, миледи, — снова присела Селина в реверансе, блеснув глазами с многообещающим азартом. — Позвольте идти?

— Идите, милочка, идите.

Пока Нэнси расстилала постель и убирала пустую чашку, Ло обдумывала услышанное. Будущая жена капитана пошла к венцу в положении? Значит ли это... Да ничего это не значит, Рольфсон обожает Тильду со всей силой отцовской любви, а при его-то отношении к бастардам...

Подумаешь, согрешили до свадьбы. Бывает и в более благородных семействах. А может, в Невии принято выходить замуж в цветном? Но теперь хоть понятна странная дурость капитана в отношении белого платья — он и в самом деле не хотел обидеть ее предложением, помня о собственной первой свадьбе. Жаль, что тогда она этого не знала, а теперь уже неважно.

Нырнув под одеяло и укутавшись в его мягкую теплоту, Ло закрыла глаза и мгновенно провалилась в сон. Снилось ей тревожное и мутно-беспокойное, но, к счастью, не про войну, а всего лишь про нынешние дела. Всю ночь она упорно продолжала готовиться к визиту ярла Хёгни. Занавеси, повешенные в гостиной, слетали вниз, скатерть в последний момент уползала со стола, ложек не хватало, а северяне, выросшие вдруг на пороге, требовали охотничьих ножей, отказываясь есть вилками. Потом шкуры, постеленные на полу, ожили и ускакали, а сержант Тибо заявил, что они отправились искать ту самую тропинку и выяснять, кто упрямее. Ло изнемогала от бесплодной суеты, злилась на всех, а больше всего — на мужа, который во всем этом участия не принимал. Металась между спальнями, гостиной и кухней, где Молли рыдала, что баранов не привели, и теперь ей придется готовить и подавать лошадей, а то северяне уже намекают, что не прочь отведают человечины...

Бывали в ее жизни куда более страшные ночи, но такой глупой и утомительной Ло даже припомнить не могла. Так что утром она встала отдохнувшая телом, однако злая и с твердым намерением загонять весь гарнизон, но успеть до вечера с оставшимися делами.

И ей это почти удалось!

Второй день оказался еще труднее, потому что пролетел как-то очень быстро. Привезли живых баранов и шкуры, которые нужно было выбить, почистить и положить в гостиной и спальнях.

Шкуры, черные, серо-рыжие и белые, оказались роскошными, мягкими, в тугих пышных завитках. Ло сразу решила, что после отъезда северян велит сшить из них ковры. Себе в спальню — белый! С гобеленом о волчьей охоте выйдет изумительно!

Живые бараны отправились на кухню, как и заказанные Молли две дюжины кур. Туда же отнесли мешки с остальными припасами, и вскоре из кухни потянуло пряным, острым, сладким... Молли, багровая от жара и спешки, озаренная печным огнем, была страшна и величественна, как истинная баргогова мать, повелевающая мелкими демонами. Она потрошила, жарила, пекла, начиняла, толкла и размешивала. На сунувшуюся было к ней Ло экономка рыкнула, едва сдерживаясь, и Ло даже не обиделась: Молли напоминала ей саму себя во время колдовства, когда окружающие кажутся досадной помехой, если их вообще замечаешь.

Сравнение отозвалось уже привычной глухой тоской, которую Ло задавила, оставила все кухонные дела на Молли и вернувшуюся к ней Катишу, а сама взялась за первый этаж, двор и оставшиеся недоделки по второму этажу. Ей все время казалось, что она не успеет! Еще ведь нужно почистить медные канделябры! Поставить в них свечи и отнести в спальни. Повесить

лампы в коридоре, заправив маслом... Что, уже? И в конюшне все готово? Стойла для дюжины лошадей свободны, сено и овес разложены по яслям, а трое солдат знают, что именно они должны этих лошадей покормить и вычистить?! Боги, я знаю, что вы уже устали от моих просьб, но все-таки благословите сержанта Мерри!

— Купальня... — вспомнила она после позднего обеда, опять съеденного на ходу прямо во дворе. — Лестер, ее можно хоть как-то использовать?

— Конечно, миледи, — удивился целитель. — Затопим печь, нагреем воду в чанах.

— Так, что я еще забыла?

Она замерла на месте, мучительно перебирая в памяти еще не сделанные дела. Мимо попыталась прошмыгнуть Тильда, старательно делая вид, что не замечает ни мачеху, ни Лестера. Ло и не думала ее останавливать, ей самой было гораздо спокойнее не видеть противную девчонку, но тут от кухни донесся крик:

— Матильда! Матильда Рольфсон, а ну-ка иди сюда!

Тильда, впервые на памяти Ло названная полным именем, замерла, на ее подвижном личике отразилась целая гамма чувств от удивления до досады. Но Молли, появившейся на пороге, никакого дела до этого не было. Упираясь кулаками в бока, она раздраженно рявкнула:

— Ты помочь не хочешь, красавица моя?!

— Не хочу, — с вызовом буркнула девчонка и попробовала уйти, но не тут-то было.

— Ах, не хочешь?! Все, значит, с ног сбиваются, вся крепость второй день на ушах бегаешь, а ты у себя сидишь, задом к стулу приросла?! Быстро на кухню, паршивка! Я тебе не отец и не леди! Я тебе покажу, как мед солить! Думала, я не узнаю ничего?! Ты же, дрянь маленькая, меня чуть под розги с этим шамьетом не подвела! Если сейчас же не явишься кур щипать и орехи толочь, ты у меня в жизни ни одного пирожка не увидишь! Одной овсянкой да солониной кормить буду! И уши оборву, так и знай! И отец мне твой не указ, он тебя за такие проделки сам по голове не погладит! Быстро на кухню, я сказала!

Так вот по какому случаю ей прислали печенье... Молли узнала о соленом шамьете! Бросив злой взгляд на старательно сдерживающую смех Ло, Тильда уныло поплелась на кухню, и это, пожалуй, было лучшим моментом дня. А на саму Ло несколькими мгновениями позже налетел возмущенный светловолосый вихрь, затараторивший на два голоса:

— Миледи, как можно? Вы еще не одеты! А закат всего через два часа! Вам ванну принять надо! И притирание для лица сделать! И прическу! Мы уже платье подготовили! Миледи, скорее, не успеем же!

— Милочки, вы с ума сошли? — язвительно поинтересовалась Ло у внезапно спевшихся горничных. — Какое притирание? Для кого?! Для вольфгардца?!

— Вы меня простите, ваша светлость, — упрямо заявила Селина, пока Нэнси взирала на Ло умоляюще, — а только вы ведь первая дорвенантская леди, которую он увидит! И что подумает?

— Ну, хуже, чем раньше, когда я с ними воевала, ярл обо мне точно не подумает, — все еще ядовито буркнула Ло. — Но переодеться надо, конечно...

Она оглядела удобное и незаметно перешедшее в разряд любимых серое платье. Оно за два дня изрядно запылилось, а кое-где и вовсе появились пятна. Немудрено — столько всего в нем переделать!

— А притирания и прическа — это не обязательно.

— Миледи! — взвыл слаженный дуэт. — Как не обязательно?! Вы должны быть самой прекрасной! Чтобы... чтобы...

— В самом деле, ваша светлость, — поддержал нахалок сержант Тибо, как всегда неожиданно вынырнувший откуда-то. — Что мы, сами теперь не управимся? Идите, отдохните. Вам еще мужа да гостей встречать.

И Ло сдалась. Позволяя просиявшим девицам себя увести, она мрачно думала, что притирания и прическа хороши уже тем, что можно будет рухнуть в кресло, расслабить измученную спину и какое-то время ни о чем не думать. А девчонки пусть делают, что хотят. Испортить ее внешность еще больше у них все равно не получится.

* * *

Эйнар уезжал из дома с тяжелым сердцем. С Тильдой разговор не задался: дочь смотрела в пол, сопела и молчала. Иногда поднимала глаза, зеленые, как у Мари, но пасмурные, и снова утыкалась взглядом в пол. А он не понимал, что делать. Кричать? Наказывать? По себе знал:

только хуже будет. Характер Тильда унаследовала от него полной мерой, а сам Эйнар в ее возрасте после материнского выговора мог на несколько дней сбежать из дома в лес, дурак малолетний... У него и шалаш там был устроен для таких случаев, и снасти охотничьи да рыбацкие припасены. Сейчас бы он сына за такое выдрал, не жалея, но его-то драть было некому, а на Тильду рука не поднималась даже после сегодняшнего.

И еще грызла мысль, что, может, его дочь не настолько виновата? Нрав у Тиль дурной и упрямый, но ведь не зря морок сказал, что ее легко толкнуть на выходку? Об этом даже думать было страшно, однако приходилось. Если схватить змею, закрыв глаза, она никуда не денется. И ужалит так же смертоносно.

— Тиль, — сказал он, наконец, устало. — Богами клянусь, как же мне стыдно перед твоей матерью. При ней ты такой не была. А я, выходит, за два года воспитал воровку и лгунью.

— Я не крала! — вскинулась дочь возмущенно. — Подумаешь, конфеты!

— А что же ты сделала? Вошла в чужую комнату, залезла в чужие вещи... Тиль, а если бы леди так поступила с тобой? Если бы она копалась в твоих вещах, топтала их, рвала твои рисунки и кукол... Что тогда?

— Папа...

Глаза Тильды были устремлены в пол, но лицо побледнело так, что веснушки проступили темной россыпью.

— Мне стыдно за тебя, Тиль, — сказал Эйнар, действительно изнывая от тяжелого вязкого стыда, в котором тонул, не зная, как выбраться. — Ты приняла как врага женщину, которая не сделала тебе ничего плохого. Сколько еще мне придется просить у нее прощения? Платье — это тоже ты?

— Ну да, — огрызнулась Тильда беспомощно, — во всем теперь я виновата, так?!

— Что ж, если не ты...

Эйнар помолчал и продолжил, запретив себе жалость:

— Тогда я буду искать того, кто это сделал. Того, кто опозорил и меня, и тебя этим поступком.

Я бы, может, и подумал на саму леди, но она пошла к алтарю в белой рубашке, лишь бы не идти в цветном платье. А могла бы просто надеть свое белое. Как ты думаешь, Тиль, кого мне следует наказать? Может, Селину? Или горничную Нэнси? Кстати, ее-то ты за что ненавидишь? Добавила девчонке работы, да еще и наказать ее могут, что не уследила за комнатой. Это справедливо? Этому мы тебя учили?

Тильда снова опустила взгляд, руки ее беспокойно мяли платье, то самое, злосчастное.

— Мне стыдно, Тиль, — повторил Эйнар. — Я уезжаю на два дня, чтобы встретить гостей, и не знаю, что застану здесь. Почему я должен просить о помощи чужую женщину, а не тебя, свою дочь? Потому что ты выросла ленивой неряхой и неумехой? Ты говоришь о любви к матери, но разве хочешь быть на нее похожа? У Мари для всех находилось ласковое слово, ее руки не знали минуты безделья, она никогда не лгала... Как думаешь, она бы гордилась тобой?

Он встал и вышел, не зная, что еще сказать, и только надеясь, что этого достаточно. Все-таки если бы с ним в свое время хоть раз кто-то поговорил по душам и с умом, может, и не вырос бы из маленького норовистого дурачка такой же норовистый молодой дурень, ушедший в Волчью Сотню за славой и добычей? А теперь вот придется встретиться со своим прошлым лицом к лицу. Он спрашивал леди, знает ли она ярла Хёгни, умолчав, что сам не раз видел его, когда ярл был просто Ингольвом Рагнарсоном, молодым знатным воином, часто гостившим у тана Дольфира, его родича по матери. Рагнарсону, конечно, не по чину было замечать простолюдина, да еще полукровку. Но вдруг припомнит?

С этими мыслями Эйнар и ехал на встречу. Снова и снова он обдумывал все случившееся за последние дни. И, конечно, разговор с Лестером, вышедший вовсе быстрым и скомканным.

Лекарь обещал присмотреть за леди, но Эйнара за хелайзиль назвал ослом, который не смотрит, куда бьет копытом. Удивительно прямо, как они с леди сошлись насчет длины его ушей!

Мысли грызли его весь путь до заставы. Эйнар лег с ними спать и с ними же проснулся, как с ноющей раной. С ними уехал на перевал, где отвлекся, только занимаясь своим делом, как изволила выразиться леди. Проверил подходы, расставил посты на скалах и дождался северян. Сколько же Рагнарсону? Да лет на пять больше, пожалуй. Невелика разница. Но уже тогда у него была слава удачливого и умелого вождя, несмотря на молодость. Знатные предки, могущественные родичи, полные карманы золота, которым ярл щедро одарял своих людей. И, словно этого мало, — истинная волчья кровь, метка прародительницы. Эйнар даже не

завидовал, просто молча восхищался издали. А теперь вот будет принимать его как дорвенантский аристократ. Боги любят пошутить.

Ярл добрался до перевала ранним утром. Северяне в долгом пути обычно останавливались на короткие привалы по несколько часов, а потом продолжали путь, невзирая на время дня или ночи. К Эйнару и его людям первым подъехал ведьмак — обычный воин лет тридцати, только в плаще из волчьей шкуры мехом наружу и с темными, наполовину седыми волосами, заплетенными во множество длинных кос. Эйнар спокойно подождал, пока его оглядели, обнюхали и разве что на зуб не попробовали. Затем ведьмак объехал отряд, приглядываясь к каждому. И лишь когда он вернулся к своим, следующий всадник тронул коня, выбираясь вперед. Подъехал, кивнул Эйнару, улыбнулся. За столько лет он почти не изменился, разве что добавилось морщинок в углах глаз и рта да волосы стали еще длиннее. Знаменитые белые волосы Хёгни, гордость их женщин и мужчин... Небрежно отброшенные за спину, на серый, тоже волчий, разумеется, плащ, подбитый черным сукном.

— Капитан Рольфсон? То есть лорд Ревенгар?

Эйнар ждал вольфгардской речи, но ярл обратился на дорвенантском. И смотрел со спокойным интересом. Не узнал, значит. Мало ли в Вольфгарде Рольфсонов? Да каждый третий! А каждый четвертый — Эйнар.

— Приветствую, ярл, — тоже склонил голову Эйнар, все время стараясь помнить, что теперь он лорд, а не «эй, парень, вычисти коня». — Спокойна ли была ваша дорога?

— Так спокойна, что мы даже заскучали, — белозубо усмехнулся Рагнарсон. — Сколько до вашей крепости, капитан?

Назвав Эйнара лордом, он тут же вернулся к чину, но это, пожалуй, было и хорошо. В шкуре капитана Эйнар себя чувствовал куда уютнее, чем в золотых фазаньих перьях лорда. Шкуру-то он честно заслужил.

— К закату будем, если не пожелаете по дороге отдохнуть, — сказал он.

Ярл снова кивнул, поднял руку, не оглядываясь на своих воинов, и те подтянулись, выстраиваясь, чтобы ехать рядом с дорвенантцами. Десяток крепких вояк и парнишка лет восемнадцати-двадцати. Эйнар смотрел, и будто не пролетела над его головой дюжина лет — так все было знакомо и понятно.

Юноша-оруженосец — старший сын тана, его плащ заколот фибулой с родовым знаком, окруженным золотой каймой. Эти двое — побратимы, в правом ухе у каждого одинаковые серьги. У этого заплетена коса мстителя, ищущего встречи с кровником. А этот — берсерк, ожерелье из медвежьих клыков мрачно предупреждает, что с его хозяином стоит быть осторожнее... Северяне в ответ смотрели с вежливым любопытством, и под их взглядами Эйнар чувствовал себя почти голым: на нем не было ни родовых знаков, ни украшений, и даже волосы он давно стриг коротко, по-дорвенантски. Разве что два кольца — комендантская печатка и обручальный перстень с рубином — словно прикрывали его невидимым щитом, указывая, что он не безродный бродяга и законная добыча любого, кто сильнее, а имеет дом и вожда, которому присягнул на верность.

Ведмак и оруженосец пустили коней по бокам от ярлова жеребца. Значит, развлекать гостя в дороге беседой не придется. Эйнар был бы этому рад, если б не мучительное желание побыстрее узнать, что Рагнарсону нужно от его жены. «Лисий хвост, — вспомнилось вдруг. — Вот как Ингольва Рагнарсона звали его люди. Не слишком почетное прозвище для знатного северянина, ведущего род напрямую от Волчицы. Но посмеяться над ним может только дурак, не понимающий, как вдвойне опасен лисий хвост, если на другом конце зверя — волчьи зубы».

* * *

— Едут! Едут! — раздалось со двора.

— Наконец-то, — пробормотала Ло, вставая с кресла. — Хвала Пресветлому. Никогда не думала, что буду ждать вольфгардцев, как спасителей.

Солнце село полчасика назад, и все это время Селина и Нэнси хлопотали над ней, будто над королевской невестой. Ее умывали с душистым мылом, потом смазывали лицо шершавой кашицей и ею же оттирали кожу, будто скребком, потом заставили лечь и намазали чем-то жирным и скользким. Через несколько минут снова умыли, уже без мыла, а потом, промокнув чистой мягкой тканью, припудрили лицо с шеей и осторожно надели на Ло платье. Потом Нэнси сбегала на кухню за тазиком с горячей водой, и Селина, растворив в ней что-то вонючее, заставила Ло сунуть туда руки, а сама принялась колдовать над прической.

Ло едва не уснула, пока ловкие пальцы расчесывали и перебирали ее волосы. Потом Селина долго копалась в ее шкатулках, но, не найдя искомого, сбегала за своими припасами. И еще почти час что-то делала с ее головой, время от времени причитая, что будь у леди волосы подлиннее при такой густоте! Все-таки она заплела что-то вроде косы, но подозрительно тяжелой, по ощущениям Ло, а затем быстренько подрезала и отполировала ей ногти. Последним штрихом оказались серебряные серьги, капелька розовой краски на губы и темная щеточка, которой Селина бесцеремонно провела по ресницам и бровям не успевшей возмутиться Ло. От духов Ло, озверев, упрямо отказалась, и Селина, перенюхав все флакончики, неожиданно встала на ее сторону, заявив, что вместо таких неподходящих ароматов уж лучше пахнуть собой.

Выходя из комнаты, Ло вдруг поняла, что даже в зеркало на себя глянуть не успела, потому что большого в ее комнате не было, а маленькое после визита милой девочки куда-то подевалось. Но это уже было неважно. Ни собственного супруга, ни тем более ярла она очаровывать не собиралась. Позориться только.

Во дворе царила обычная суматоха встречи. Ржали кони, слышалась гортанная протяжная речь, и Ло, отлично знающая оба наречия вольфгарделя, замерла на лестнице, невольно прислушиваясь. Обычные благопожелания дому, какие-то шутки... Вот и Тибо что-то ввернул, ему ответили смехом. Ну просто добрые друзья приехали! Впрочем, из гарнизона с Вольфгардом никто не воевал, капитан и вовсе наполовину северянин, да и вольфгардских девиц местные вояки уже знают лучше собственных деревенских девчонок, так что с чего бы им плохо встречать северян?

Она почти спустилась до конца лестницы, осталась пара ступеней, когда дверь во двор распахнулась, и в холл сразу ввалилась толпа — так ей показалось. Ее муж, огромный сержант-дорвенантец, уехавший вместе с ним, и такой же огромный северянин, второй, третий... Ло замерла снова, уже совсем по-другому. У нее перехватило горло, а по спине побежали мурашки. Это были враги! Те самые, кого она жестоко и изощренно убивала, на кого охотилась, будто на настоящих волков, а они охотились на нее в ответ... И сейчас они были в ее доме, и тронуть их было нельзя, да и невозможно... Что она сделает, слабая женщина без капли магии? Ее единственная защита сейчас...

— Моя жена, леди Ревенгар, — негромко сказал капитан, отступая в сторону; это же сделали остальные, и Ло увидела, как по образовавшемуся проходу к ней идет легкой звериной походкой высокий мужчина едва ли старше ее мужа.

У него были снежно-белые волосы, даже белее и ярче, чем у нее самой. Гладкие и длинные, почти до пояса, серебряным потоком рассыпавшиеся по плечам и спине и разве что на висках заплетенные в две косички — то ли для удобства, то ли что-то означающие. На поясе — один нож, так что по северным обычаям ярл считался безоружным. На черно-сером плаще — фибула. Серебряная волчья голова, оскаленная, с золотыми клыками. Такой же серебряный наборный пояс и пряжки на высоких черных сапогах... Ничего цветного, будто боги, создавая этого мужчину, отбросили краски. Хотя нет...

Ярл подошел совсем близко, остановившись у подножья лестницы. Даже сейчас он был вровень с Ло, стоящей двумя ступеньками выше, и смотрел ей глаза в глаза. И оказался не только черно-бело-серым. Отзываясь золоту волчьих клыков на фибуле, весело и яростно глаза ярла сверкали густым янтарем. Хищным, нечеловеческим. Цвет, форма зрачка... Ло затаила дыхание, скованная ужасом и восторгом. Она об этом только читала, но наяву не видела никогда, ни у живых вольфгардцев, ни у мертвых. Истинная волчья кровь! Прямой потомок Волчицы, от которой ведут род знатнейшие вольфгардские кланы, отмеченный ее милостью. Волк в обличье человека и наоборот, если пожелает. А в зверином обличье ярл, значит, наделен человеческими глазами. Жаль, что она не узнает, какого цвета.

Северянин молчал, разглядывая ее не нагло, но с дерзким мужским интересом, и под этим взглядом Ло немедленно захотелось сменить облегающее бархатное платье на армейский мундир. И щитом прикрыться! Но вместо этого она еще сильнее выпрямилась, напряженная, как тетива, вскинула подбородок, отвечая таким же взглядом в упор.

— Я рад видеть вас, леди, — сказал ярл негромко, и каждое слово упало, как удар колокола, в наступившей вдруг тишине. — За себя и своих людей обещаю чтить дом, который дал мне приют, и вести себя, как должно гостю. Клянусь огнем родного очага, в моем сердце нет зла против вас.

Глава 19 БАРХАТ И СТАЛЬ

В детстве мать не баловала Эйнара сказками. Но однажды он провалился под речной лед и потом неделю лежал в жару. Вот тогда, чтобы удержать сына в постели, она все-таки припомнила несколько тягучих страшноватых историй о темных альвах, волках-оборотнях, ведьмах... В одной из сказок, явно рассказанных с намеком, непослушный мальчишка забрел в гости к альвам и повеселился с ними ночь, а когда утром вернулся домой, узнал, что прошло семь лет, родители его умерли от горя и дом развалился.

Сейчас Эйнар будто попал в такую сказку, но рассказанную добрым скальдом. В ней никто не умер, крепость же, оставленная на пару дней, преобразилась, будто по ней и вправду прогулялись альвы, но светлые. Двор, освещенный факелами, холл с фонарями, полы, окна... Все, на что падал взгляд, было отдраено, как амуниция у новобранца при строгом сержанте. И даже старое потемневшее дерево лестницы лоснилось, словно толстая кошка, перилами и ступенями. А на лестнице стояла она...

Эйнар замаялся на миг, не зная, что положено делать по этикету, йотуны его побери, а потому повел себя, как обычный неvieц, вернувшийся домой с гостем, — представил ему хозяйку дома. И, кажется, угадал. Ярл подошел к лестнице, говоря положенные слова...

Сам Эйнар его почти не слышал, потому что позорно и глупо таращился на собственную жену. Вот уж где альвы развлеклись на славу!

Она стояла на третьей ступеньке снизу, безотрывно глядя на Рагнарсона, и в первые несколько мгновений Эйнару показалось, что на голове леди — серебряная корона. Но это была всего лишь толстая коса, уложенная венцом. Бледное лицо словно светилось изнутри сквозь тонкую кожу, и огромные серо-голубые глаза, окаймленные темными ресницами, сверкали холодно и надменно, как оружейная сталь. Живыми и теплыми выглядели только губы, розовеющие без всякой краски. Темные альвы, за что-то невзлюбившие нынче Эйнара, превратили обычную женщину, светлую до блеклости, в Снежную Невесту — бесстрастную хозяйку снегов и выюги, одним поцелуем выжигающую мужское сердце, превращая его в ледяные осколки...

Но это касалось только лица. Невольно скользнув взглядом ниже, Эйнар сглотнул ком в горле.

И ему еще казалось, что леди выглядит непристойно в рубашке и штанах?!

О нет, ее платье было вызывающе приличным! Глухое, прикрывающее шею выше ключиц, а руки — до запястий, с мягкой широкой юбкой до пола, расшитое по лифу и манжетам серебром. И даже Эйнару было ясно, что бархат льнет к телу поневоле, такая уж это ткань. Но высокую крепкую грудь он обрисовывал еще коварнее, чем проклятая рубашка, потому что без единой складочки. И округлые плечи, по-женски узкие, но далеко не хрупкие — такие не страшно обнять покрепче. И немыслимо тонкую талию, которую Эйнар, наверное, мог бы обхватить ладонями почти всю. И стройные бедра, которые юбка больше предательски подчеркивала, чем скрывала, а какие ноги прячутся там, под мягкими складками цвета старого вина, он очень хорошо помнил...

Благопристойный вид, не поспоришь! Открыты только лицо и руки, да носочки серебряных туфель выглядывают из-под подола. А что ни один из мужчин, даже угрюмый Малкольм, не может глаз оторвать и пара северян рядом с Эйнаром задышали чаще, так это дело мужа — следить, чтобы жену лишним вниманием не оскорбили. Эйнар стиснул зубы, мрачно радуясь, что вольфгардцы добровольно признали себя гостями, а про леди можно много чего сказать, но вертихвосткой не назовешь. Хотя... для него она никогда так не наряжалась. И йотун побери, ярл и она, оба высокие, стройные, беловолосые и надменно красивые, рядом смотрятся то ли как брат и сестра, то ли как половинки единого целого. У Эйнара даже заныло что-то внутри от этой картины. Что-то дурацкое, глухое, недоброе...

— Мы с супругом рады принимать вас и ваших людей, ярл Хёгни, — едва разомкнув губы, сказала леди без малейшей улыбки, глядя на Рагнарсона спокойно и внимательно, будто поверх арбалетного прицела. — Войдите в наш дом и будьте в нем желанными гостями.

Рагнарсон учтиво поклонился. И леди кивнула в ответ — резким быстрым движением, будто отдавала честь врагу перед поединком.

А проклятый ярл улыбнулся, и Эйнар увидел, как на мгновение расширились его ноздри, втягивая воздух, а глаза блеснули золотом.

— Господа гости, — очень вовремя провозгласил Тибо, появляясь в дверях. — Купальня ждет! Не изволите ли освежиться перед ужином?

В купальню? Ага. Неплохо бы притопить там кое-кого... излишне нюхливого. Эйнар мрачно кивнул и, посмотрев последний раз на жену, ответившую ему насмешливым взглядом, повел «желанных гостей» мыться.

В купальне, полной горячего душистого пара от кипяченных в воде веток можжевельника, стало уже неважно, кто ярл, кто лорд, а кто простой воин. Впрочем, простых Рагнарсон с собой не брал, волки были на подбор матереые. Разве что оруженосец вряд ли чем отличился, но какие его годы?

Эйнар мылся вместе со всеми, подливая горячую и холодную воду в бадьи, слушал соленые шутки про дорвенантских девиц и по привычке ждал неприятностей, но его всего разок хлопнул по плечу один из двух побратимов, заявив, что при такой жене и он бы остепенился. Второй хохотнул, что за такой побегать надо, а она не всякому себя догнать позволит; у тебя же, братец Сигурд, ноги коротки и хвост тяжелый. Ничего обидного в этой болтовне не было, и Эйнар успокоился, только все равно пару раз поймал на себе внимательные, будто оценивающие взгляды ярла.

А потом ему принесли чистую одежду, и Эйнар, извинившись, первым вышел из купальни, пользуясь законным правом и долгом хозяина присмотреть за подготовкой к угощению. Поднялся на второй этаж, прошел коридором, тоже изменившимся, как по волшебству. Заправленные маслом лампы на блестящих, без следа копоти крюках, вымытые и натертые чем-то полы... Крепость сияла, чистая и даже будто потеплевшая. Он вспомнил запах жареного мяса во дворе, новые полотенца в купальне... И это всё за два дня?

— Еще ведь гостей разместить надо где-то, — сказал он вслух сам себе.

— Без тебя догадались, — фыркнул Тибо. — Вон, шесть комнат готовы.

Эйнар иногда всерьез подозревал, что в родстве у итлийца затесался кто-то из Малого народца. Ну не может обычный человек появляться из ниоткуда.

— В северном крыле? — повернулся он к сержанту. — Да там хуже, чем в собачьей будке!

— А ты посмотри, — ухмыльнулся Тибо. — И не забудь жене поклониться... милорд.

Не обращая внимания на ехидство, Эйнар заглянул в ближайшую комнату. Окинул взглядом все внутри, помолчал, спросил тихо:

— И что, везде так? Белье, кровати, канделябры... Очаги топятся...

— И канделябры тоже, мать их барготову! — с чувством отозвался Тибо. — Начищенные и со свечами, сожри их Баргот вконец. И шкуры на полу, ага. И мясо свежее для гостей и гарнизона, и стол уже ломится от всего, и это ты еще обеденный зал не видел, небось. Не видел же?

— Не видел, — сознался Эйнар. — А что там?

— Не скажу. Но если б не леди твоя, Баргота лысого мы бы столько сделали. Ладно, пойду я тоже переоденусь в чистое да гостей из купальни заберу, а то как бы они там хвосты не отрастили. Зачем нам в купальне такая толпа мужиков-русалок? Были бы еще девицы...

— Хавманы, — мрачно сказал Эйнар ему вслед. — Морские люди зовутся хавманы и хавфруа. Хотя какая разница?

Он уже повернулся, чтобы уйти, и замер. Впервые в жизни в глазах потемнело не от удара по голове, а само по себе. И горло перехватило так, что не вдохнуть. Мелькнула глупая, беспомощная и подленькая мысль, что это ему в наказание. Засмотрелся на другую женщину — и вот. Но эту глупость Эйнар тут же отбросил. Разве она может быть наказанием? Да будь это последним, что он увидит в жизни, — и то бы не отказался!

— Мари... — прошептал он, глядя на призрак.

Точно такая, как при жизни! Правда, двенадцать лет назад... Рыжие косы, круглое веснушчатое лицо, стройная фигурка. И платье. Боги! Зеленое платье, в котором Мари стояла у алтаря! Даже белое кружево накинуто сверху, не столько для тепла, сколько для красоты. Как же так... За что? Зачем?! Неужели вернулась?! Сама?

— Папа? — сказал призрак неуверенно, и Эйнар прозрел.

У него будто выдернули из сердца иглу, даже дышать легче стало. Не Мари... И сразу же за болью пришло сожаление — горькое, тоскливое, холодное. Не она.

— Папа, — отчаянно повторила дочь, и Эйнар наклонился, раскрыл объятия.

Что бы она ни натворила, как бы ни провинилась, это все равно его девочка. Сорвавшись с места, Тильда подбежала к нему, прижалась, обняла. Теплая, пахнущая медом и печеным...

— Тиль, ради Пресветлого, — пробормотал Эйнар. — Какая же ты у меня большая.

Сейчас он не мог понять, как ошибся. Да, ростом Тиль уже сравнялась с матерью, но фигурка еще детская. И как только платье подогнало? Дочь сопела ему в ухо совсем как раньше, когда крохой забиралась на колени и могла просидеть вечер, если не стонишь. А теперь... Теперь она доросла до свадебного платья своей матери.

— Ты ко мне потом придешь? — спросила Тильда. — Селина говорит, что мне на ужин нельзя. Там вольфгардцы... А я посмотреть хотела!

— Селина верно говорит, — отозвался Эйнар с мгновенной благодарностью к горничной. — На ужин тебе нельзя. Там будут очень взрослые разговоры. Вольфгардцев завтра увидишь.

Про себя он подумал, что лучше бы из окна. Конечно, никто из северян не обидит ребенка, тем более дочь хозяина, но Тильда и вправду выросла дикаркой. Она не знает вольфгардских обычаев и не сможет ответить на безобидное заигрывание. Того и гляди, кто-нибудь в шутку ленту попросит, а потом посмеется с приятелями над глупышкой.

— Хорошо, — вздохнув, с удивительной покладистостью ответила Тильда.

Высвободившись, она ушла к себе, непривычно серьезная, красивая и чуточку важничающая.

Его почти взрослая и такая юная дочь. Благие боги, страшно как!

Переведя дух, Эйнар еще раз окинул взглядом северное крыло, пока еще пустое, но ждущее гостей. Только перед балконом пара комнат осталась свободной, двери в них поскрипывали от ветра, значит, окна внутри ничем не завешены. Надо сказать, чтоб их наглухо заперли, как и балкон, — теплее будет. А мороку, утбурд его возьми, все равно, куда являться. Он и в комнату к Эйнару наведаться не постесняется. Кстати, вот и еще загадка: как проклятая тварь узнает, что рядом никого нет?

Обещав себе подумать об этом позже, Эйнар встретил идущих из купальни вольфгардцев в сопровождении Тибо и слегка удивился — их стало вполтину меньше.

— Зачем воинам разговоры ярлов? — пожал плечами Рагнарсон, с великодушной вежливостью причислив к таковым и Эйнара, хотя по-вольфгардски титул лорда равнялся танскому. — Я отправил охрану во двор. Ваш сержант сказал, что их накормят.

Сержант? Тибо или Малкольм? Скорее, Тибо, но он будет здесь... А, ладно, не съест его гарнизон полдюжины северян, да и они никого не покусает. Законы гостеприимства Вольфгард блюсти умеет, хоть и весьма своеобразно при случае. Например, попрощаться с хозяином и уехать, перестав быть гостем, а потом вернуться с другой стороны и напасть на усадьбу — это вероломством не считается. Но сейчас-то ссора никому не нужна?

Кивнув, Эйнар провел гостей в зал. И порадовался, что шел первым, — иначе даже оруженосец ярла по его обалделому лицу понял бы, что лорд и капитан видит собственный зал впервые. То есть впервые — таким!

* * *

Как и положено хозяйке дома, Ло встречала гостей у стола. И взгляд драгоценного супруга, когда он увидел результат ее трудов, почти вознаградил за два безумных дня. Окончательной наградой была бы благодарность словами, но не при гостях, конечно. Хорошо, она подождет. И пусть только попробует не признать ее заслуг!

А пока она смотрела, как входят северяне. Всего шестеро почему-то. Такие разные и вместе с тем такие похожие. Ярл с оруженосцем, молодой, но уже наполовину седой ведьмак, пожилой белобородый воин, похожий на дубовый кряж... Что-то в нем настораживало... Ах, вот в чем дело! Забавно...

Ярл, с невозмутимой вежливостью окинув взглядом зал, прошел и сел, как и положено знатнейшему из гостей, по левую руку от Ло, за длинной стороной стола. Рядом с ним на этой же стороне сели ведьмак и оруженосец. Двое побратимов и старый воин сели напротив, по правую руку от Эйнара. Следом за вольфгардцами заняли места Тибо и Лестер — каждый на разную сторону, замыкая собрание.

— Кажется, я ошиблась с приборами? — невозмутимо уточнила Ло, указывая взглядом на оставшиеся лишними тарелки и кубки.

— Охрана ярла будет есть во дворе, — сказал Эйнар. — Ваша светлость, это мои люди. Мэтр Лестер Вайс, целитель. Сержант Тибальд Мерри, моя правая рука.

— Милорд, миледи, — ответил Рагнарсон все так же по-дорвенантски. — Вот мои люди. Дагмар Черный Снег и юный Кетиль, сын тана Кирана...

Он указал взглядом на ведьмака и оруженосца, те кивнули, и Ло склонила голову в ответ.

— Сигурд Хёгни, сын моей двоюродной сестры, и Рори Брендольвсон, его брат по оружию...

Склонили головы побратимы, удивительно похожие не лицом, но общей повадкой держаться. Ло кивнула и им.

— Моя правая рука — Ольвар Тинлейвсон.

Старик, пожалуй, стариком не был, Ло дала бы ему лет пятьдесят, а для вольфгардца, который не погиб в молодости, это не возраст. Значит, советник. И головы не склонил...

— Ольвар, — укоризненно сказал Ингольв Рагнарсон, на удивление весело блеснув глазами.

— Я помню, что мы гости, мой ярл, — густым низким голосом отозвался Тинлейвсон и в упор посмотрел на Ло. — Я чту этот дом и его хозяина. Но поклониться ей? Сам знаешь, этого не будет. Могу уйти, коли тебе угодно.

Так... Началось. Чуть сузив глаза, Ло ответила Тинлейвсону таким же прямым взглядом, который северянин выдержал с мрачным спокойствием. Рагнарсон молчал, чего-то выжидая, и Ло любезно поинтересовалась:

— Не любите магов, господин Тинлейвсон?

— На дух не переношу, — растянул губы в холодной недоброй улыбке северянин.

— Что ж, значит, у нас с вами есть кое-что общее, — так же любезно сообщила она. — Я вас, ведьмаков, тоже терпеть не могу.

А вы, господа волки, думали, что достаточно одеть ведьмака как воина, чтобы никто его не узнал? Можно перекрасить шкуру, но суть не поменяешь. Ло удовлетворенно улыбнулась, видя угрюмую растерянность на лице Тинлейвсона. Второй, который Дагмар, тоже удивился, но ярл и ухом не повел на такое разоблачение. Он, кажется, получал удовольствие от всего, что наблюдал.

— Так что, полагаю, мы в расчете, — с полным удовлетворением закончила Ло. — Можете не кланяться, господин Тинлейвсон, и есть спокойно: на этом столе нет ничего, сделанного моими руками.

— Не любите стоять у очага, леди? — в полной тишине невозмутимо поинтересовался ярл на такое неслыханное и откровенное нарушение традиций — хозяйка во всеуслышание призналась, что не стала готовить для гостей.

Из-за спины ярла тенью выскользнула Селина и начала разливать вино по кубкам.

— Я, ваша светлость, настолько хорошо это делаю, — улыбнулась Ло, — что, если накормлю вас своей стряпней, боюсь, вы решите, война еще не закончилась. Когда я спалила пятый котелок с кашей, вместо меня вызвался готовить наш отрядный некромант, и все вздохнули с облегчением — сами посудите, что варила до этого я.

Это, кстати, было истинной правдой. Не родись Маркус Избранником Смерти, стал бы алхимиком: котелки его слушались в любом виде, хоть с зельем, хоть с тушеным зайцем.

Первым, как ни удивительно, хохотнул ведьмак. Второй, который Черный Снег. Заулыбались братцы Сигурд и Рори, тихонько хихикнул танский сын. А ярл весело и совсем не обидно рассмеялся, и даже Рольфсона, сидевшего, как на еже, слегка отпустило — плечи капитана расслабились.

— Ну, коли так... — буркнул Тинлейвсон и решительно воткнул нож в кусок жареной курицы на общем блюде.

И все пошло легче. Принесли на больших блюдах дымящуюся баранину, на столе стало по-настоящему тесно, и пришлось сдвинуть тарелки с пирогами и жареной курятиной. А еще ведь были соусницы, наполненные сметаной, ореховым и черничным соусом, уксусом и горчицей. Свежий хлеб и творожные лепешки, сыр, маринованный лук. Вино в больших пыльных бутылках, то самое, со свадьбы, где только капитан раздобыл такой приличный сорт... Что ж, если все два дня удастся кормить гостей так же, ни у кого из них язык не повернется сказать, что в Драконьем Зубе их приняли плохо.

— У вас славный дом, капитан, — негромко сказал Рагнарсон, впервые за ужин обратившись к Рольфсону, и за столом стало тише.

— Благодарю, — коротко ответил тот.

— Вы ведь, кажется, недавно женаты? Леди оставила службу ради брака с вами?

— Нет, раньше.

— Ах, вот как, — перевел ярл пристальный взгляд потемневших желтых глаз на нее. — Простите мое любопытство, вы ушли, когда был подписан мир?

Положив себе сыра, Ло невозмутимо отложила нож.

— Когда он был подписан, я лежала в госпитале, — пояснила она с полным безразличием.

Интересно, зачем он спрашивает о том, что и так прекрасно знает? Уж если Рагнарсону донесли о ее замужестве, то и историю с Руденхольмом рассказали во всех подробностях.

— Не место женщинам на войне, — буркнул Тинлейвсон, смачно обгрызая баранье ребро крепкими белыми зубами на зависть любому настоящему волку.

И кто его, интересно, за язык тянул? Ло почувствовала, что терпение, которым она и так похвастаться не могла, на исходе.

— Я давала присягу своему королю, — холодно ответила она. — И сражалась, как любой солдат.

— Солдат? Ха! Ваша боевая магия — подлость и бесчестье! Много ли доблести в убийстве издалека?! Любой сопляк может пустить огонь и смотреть, как умирают смельчаки!

Тинлейвсон раздраженно бросил кость на стол. Рольфсон снова напрягся, но ярл, которому полагалось бы одернуть спутника, сидел спокойно, только переводя взгляд с ведьмака на Ло.

— А в жидком барготовом огне, конечно, доблести больше, — язвительно отозвалась Ло. — Может, вы мне расскажете, мэтр ведьмак, чем смерть от него отличается от смерти в «огненном ветре»? Или мне ваши катапульты во сне привиделись?

— Так а что нам было делать? — возмутился и изумился Тинлейв. — Ответить-то надо было чем-то! По мне, так йотун утбурда не лучше. Мир покатился в бездну, когда люди отложили честные луки и мечи.

— Мир покатился в бездну, когда одни люди взялись за них, чтобы ограбить соседа, а другие — чтобы отстоять свое, — отрезала Ло, чувствуя, как ее щеки запылали. — И одно я знаю точно. Я по-прежнему живу в свободном Дорвенанте, а не в провинции Вольфгарда, значит, оно того стоило.

Поднявшись, ведьмак грохнул кубком о стол, расплескивая вино, — на белой скатерти пятна растеклись, как кровь. До Тинлейвсона была пара шагов, и ей показалось, что капитан уже приготовился вскочить... но ярл остановил ведьмака одним молчаливым взглядом — и тот, передернув могучими плечами, скривился и вышел из зала.

— Прошу прощения, леди, — так же спокойно сказал Рагнарсон. — Мне жаль, что Ольвар был так неучтив. Будьте снисходительны к его горю: два его сына погибли на этой войне. Ольвару тяжело сознавать, что их смерть канула в пустоту.

— Я сожалею, — зло и без всякого сожаления отозвалась Ло. — Вряд ли это утешит мэтра ведьмака, но в одном только Руденхольме я потеряла двенадцать братьев и сестер. Мы не были родней по крови, только по Ордену, но вы-то знаете, что это родство не слабее.

Несколько мгновений безмолвия — и ярл кивнул. Вслед за ним кивнули побратимы, быстро глянув друг на друга, и склонили головы остальные. Вольфгардцам действительно не нужно было объяснять, что такое братство по оружию.

Ло поднесла кубок к губам — впервые за вечер, — отпила немного. Промокнула губы салфеткой. И подумала, что ярлу, конечно, виднее, кого брать в посольство, но в Дорвенанте старому ведьмаку лучше придержать язык. А то нарвется на кого-нибудь из не потерявших дар боевиков, вроде Стефана Бастельеро, бешеного кузена Маркуса, или задиру Дилана Мортэйна, и будет очень плохо. Для обоих. И уж точно — для недавно заключенного и еще такого непрочного мира.

— Кстати, о Руденхольме, — тем же подозрительно задумчивым голосом сказал Рагнарсон, и Ло словно кто-то в спину кольнул. — Еще раз простите, что напоминаю вам черные дни. Вы ведь знаете, что я просил вашего короля о встрече с вами?

— Знаю, — настороженно ответила она. — И, поверьте, в недоумении.

— Могу представить, — невозмутимо согласился ярл. — Но, может быть, вы помните, как незадолго до затопления Руденхольма спасли юношу, попавшего под жидкий огонь?

— Да, — уронила Ло.

— И помните, кем он был?

— Понятия не имею, — сообщила Ло, мечтая послать его светлость к барготовым демонам — пусть там у кого-нибудь кинжал в ране проворачивает. — Он так обгорел, что мундира не осталось. Но, судя по вашему вопросу, — все-таки вольфгардец?

— Именно, — так же мягко согласился Рагнарсон. — Совсем еще мальчишка, шестнадцати не исполнилось. Сбежал на войну, чтобы стать героем. С мальчишками это случается.

— Это со всеми случается, — снова отпила она вина, чтобы смочить пересохшее горло. — Но обычно быстро проходит, если успеваешь дожить до момента, когда поумнеешь. И что же? Вы его близко знаете?

— Знаю, — кивнул ярл. — И тоже, как вы выразились, в недоумении. Вы спасали почти покойника, даже не зная, друг он или враг?

— Я спасала умирающего мальчишку, — скривилась Ло, злясь на себя, на ярла, на дурацкий вечер, что начался так неплохо, но теперь потревоженная память снова возьмет свое кошмарами и дурным настроением. — Только не приписывайте мне особого благородства. В тот день, часом раньше, погиб мой ученик. Тоже попал под жидкий огонь. Этьену было шестнадцать, он сбежал с пятого курса Академии. Мажонк, который только и мог, что стоять на подхвате и тянуть сеть. Он сгорел заживо у меня на глазах, так что пусть никто не рассказывает мне, что алхимический огонь честнее магического — горят от них одинаково. Я спасла одного, потому что не успела спасти другого.

— Одного вместо другого... — повторил ярл. — Вот как, значит? Что ж, если вам интересно, отдавая долг памяти своему ученику, вы спасли одного из наследников Хёгни, сына моей старшей сестры.

— Ему повезло. В этом нет моей заслуги.

Да закончит он когда-нибудь? Получил своего родича живым — и пусть благодарит богов!

— Ну разумеется, — улыбнулся ярл. — Знаете, он рассказывал мне, как очнулся, умирая от боли. И как боль ушла, потому что Снежная Невеста держала его за руку и плакала.

— Бред умирающего, — фыркнула Ло, снова краснея. — С такими ожогами ему и Милосердная Сестра могла привидеться, а то и сразу Претемная Госпожа, к которой он чуть не отправился. Я плакала? Если и так, точно не по нему. Поверьте, мне было о ком плакать в тот день.

— Вам виднее, — согласился ярл все с той же задумчивой мягкостью. — Но если позволите... Он сунул руку за отворот черного бархатного камзола, в который переоделся после купальни, достал маленький сверток и пояснил:

— Узнав, что я еду в Дорвенант, Бран просил передать вам кое-что. Вы, конечно, не Снежная Невеста, и он об этом узнал, когда в госпитале целители назвали ему ваше имя. Он попал в плен, я его разыскал и обменял на наших пленных, а Бран сказал, что обязан жизнью дорвенантке Ревенгар по прозвищу Стальной Подснежник. Вернувшись, он засел в мастерской. Бран — талантливый мальчик, у него есть дар. Наверное, родился он у вас, стал бы артефактором, а так он просто мастер по драгоценностям. Как же... ювелир, да?

Развернув тонкую кожу, ярл сжал пальцы, встряхнул их, и под его рукой закачалась тонкая цепочка с кулоном. Пятилепестковый цветок странного цвета, вроде бы серебристого, но отливающего голубизной... Изящно вырезанный венчик, тонкий стебелек с парой листиков у основания. На цветке и одном из листиков мерцали две крупные прозрачные капли, граненые и напоенные светом, будто живая роса.

— Это фейел. Он растет высоко в горах и встречается очень редко. Цветет два раза в год: поздно осенью после первого снега и рано весной, вслед за последним. Говорят, что тот, кто найдет фейел и принесет его домой неувядшим, никогда не будет бояться холода. Не знаю, правда ли это, — улыбнулся ярл. — Мне случалось находить фейелы, но я и раньше не боялся замерзнуть. А Бран сделал для вас фейел, который не увянет никогда. Примете ли вы его?

— Я...

Опомнившись, Ло повернулась к Эйнару и спросила:

— Вы позволите, милорд супруг мой?

Чуть не забыла, что она теперь замужняя женщина, так что принимать подарки без разрешения мужа неприлично! Хотя вольфгардцев это явно удивило — у молодого ведьмака даже брови поднялись, но он учтиво промолчал. Сообразил, наверное, что здесь обычаи другие.

— Да, миледи, — отозвался подозрительно сдержанным тоном капитан.

Ярл с поклоном передал украшение, опустив его на ладонь Ло и на едва заметный миг задержав там пальцы. Но тут же убрал руку. Ло поднесла кулон ближе к глазам, спросила растерянно:

— Это ведь не серебро?

— Это сталь, моя госпожа, — снова улыбнулся ярл. — Лучшая оружейная сталь. А к этой вещи я прибавляю свое слово. И объявляю — пусть будут мне свидетелями ваш муж и эти люди, —

что на клане Хёгни долг крови перед леди Лавинией Ревенгар, магом и офицером Дорвенанта. Любая ваша просьба, если не послужит к умалению нашей чести, будет исполнена в его уплату. — Долг крови? — подняла Ло глаза, встретившись взглядом с ярлом. — Что ж, ваша светлость, я принимаю и его, и ваш подарок. Милорд супруг мой, будьте любезны помочь... Она протянула Рольфсону холодную, словно и не бывшую возле живого тела вещь. Пару мгновений капитан не мог понять, но, когда Ло склонила голову, накинул цепочку ей на шею и застегнул простой надежный замочек. Только теперь Ло разглядела, что искристая, будто покрытая инеем цепочка тоже стальная, но каждое звено украшено тонкой насечкой и крошечным бриллиантом, непонятно как вделанным в металл. Работа истинного мастера! Сталь и алмазы... Фейел, который никогда не увянет, потому что родился в пламени кузнечного горна, расцвел под ударами молота и закалился в ледяной воде. Красивый. Мертвый. Зато способный уцелеть там, где хрупкая красота живого цветка погибнет. Подарок точный, как удар ножа в сердце.

И теперь Ло знала, какой долг крови она спросит с ярла Ингольва Рагнарсона.

Глава 20 ИГРЫ СО СМЕРТЬЮ

Завтрак Ло позорно проспала и не испытала ни малейшего стыда. Выбирая между теплой мягкой постелью и необходимостью любезничать с врагами, кто же отдаст предпочтение второму? Ей и вчерашнего ужина хватило.

— Нэнси, — поинтересовалась она, нежась под одеялом, — а чем кормили гостей?

— Перепелками, миледи, — хихикнула горничная. — Молли сказала, что раз уж они для наших дворян хороши, то и для северян сгодятся. А еще блинчиками с творогом и черникой, ореховым пирогом и гренками с сыром. Не сомневайтесь, уплетали так, что за ушами трещало!

— Верю, — пробормотала Ло почти обиженно. — Осталось хоть что-нибудь? Я, между прочим, тоже гренки и ореховый пирог люблю.

— А как же, миледи! — всплеснула Нэнси руками. — Вас уже завтрак дожидается, Молли на кухне всего отложила, а то ведь мужчинам сколько ни дай — съедят! Велите сюда подать?

Ло задумалась. Если не выйдет из комнаты до обеда, не будет ли похоже, что она спряталась?

— Нет, я внизу позавтракаю, — сказала она, с неохотой выбираясь из-под одеяла и становясь босыми ногами на теплую шкуру возле кровати. — Приготовь синее платье.

Поплескавшись над лоханью, она растерлась полотенцем, надела свежее белье, чулки и платье. А вот с прической вышла заминка. Вчера Селина уложила ее волосы во что-то очень сложное, Ло сама такого никогда в жизни не плела, да и Нэнси вряд ли сможет.

— Она вам под косу жгут из конских волос подложила, — виновато подсказала девчонка. — А сверху вашими волосами заплела и все приколола. Красиво вышло! И незаметно совсем.

Позвать Селину?

— Долго слишком, — вздохнула Ло. — Хотя куда мне торопиться? А что сейчас гости делают?

— После завтрака крепость смотрели, — исправно доложила всезнающая Нэнси. — На стену ходили и на северную башню. Сержант Мерри им про осаду рассказывал. А потом я к вам ушла. Миледи, а они ведь совсем не страшные. У нас в деревне вольфгардцами детей пугают, я думала, они и вправду мохнатые да зубастые, только на двух ногах ходят. А эти люди как люди. Солдаты с нашими весь вечер во дворе мясо ели и эль пили, так и не отличишь, кто где. И знатные господа у них любезные. Я теперь по-ихнему знаю, как будет красивая девица — «лэгери тамин», вот.

— Ты с этими любезными поосторожнее, — посоветовала Ло, щурясь от удовольствия, пока Нэнси бережно расчесывала ей волосы. — В мирное время-то они хороши, а все-таки для северян все, кто не свой, те либо враг, либо добыча.

— Так-то оно так, — вздохнула Нэнси, — а разве у нас по-другому? Вот наш лорд хоть и дорвенантец, а уж такой, покарай его Всеблагая Мать... Я ему как-то раз на дороге за деревней попала, так бежала, ног не чуя, и хорошо, что в овраг успела скатиться, а он коня пожалел да сам не полез. Другие-то не все убегали. А он потом монетку кинет, как непотребной какой, и дальше поедет.

— Скотина, — буркнула Ло, стыдась, будто неизвестный аристократ из Предгорья имел к ней отношение. — Ты поэтому и на заработки уехала?

— Истинно так, миледи, — подтвердила Нэнси. — Все равно нашел бы. А мне очень уж не хотелось. Хоть он и господин наш, да вот противно. Родителей у нас нет, младших братиков тетка забрала, а я в прислуги пошла. Только и в трактире то же самое оказалось. Так я вам скажу, что вольфгардцы куда учтивее, чем тамошние постояльцы. Смотреть смотрят, один аж присвистнул мне вслед, а лапоть никто не тянется, за косы и юбку не хватает. Старик у них только суровый. Как зыркнет из-под бровей — ух! А молодые веселые. Ведьмак, и тот улыбается. А уж сам ярл...

Нэнси мечтательно вздохнула, и Ло едва не прыснула.

— Селину позови, — велела она. — Да по дороге на ведьмаков не заглядывайся, особенно на молодых и улыбчивых. Что там за шум?

Выглянув в окно, она обомлела. Посреди двора в кругу северян и дорвенантских солдат рубились двое!

— Ой! — ахнула рядом Нэнси. — Там же...

— Какого Баргота?! — взывала Ло.

Одним отточенным движением она скрутила узел, чтобы не выскочить простоволосой, вторым — заколола его. Натянула подвернувшиеся сапоги и выскочила из комнаты в одном платье, словно по тревоге. Слетела вниз по лестнице, выбежала во двор и... почувствовала себя полной дурой.

Слава Пресветлому, это был не поединок. Слишком много ухмылок на физиономиях стоящих вокруг солдат, слишком жадным и вместе с тем веселым азартом горят глаза. Еще немного, и ставки делать начнут. Если уже не начали. Просто мужчины изволят развлекаться. Разминаются после сытного завтрака и прогулки, Баргот их побери!

Ло уже хотела уйти, вспомнив, как выглядит, но ее заметили, посторонились и едва не вытолкнули в первый ряд. Рядом оказался Тибо, и Ло шепотом поинтересовалась:

— Они рехнулись? У них же оружие боевое.

— Ну да, — удивленно согласился сержант. — А вы думаете, такие большие мальчики тупые мечи взяли бы? Да вы не бойтесь, миледи. Тяжелым помашут — лучше пообедают. Не всерьез же. А вы что же, решили...

— Ничего я не решила, — рассерженно процедила Ло, и желая уйти, и не в силах оторваться. — Просто не люблю глупые игры со смертью.

Посмотреть было на что — у нее даже заныло что-то внутри от тревожной красоты происходящего. Ярл, связавший волосы в длинный хвост, дрался мечом, во второй руке у него был маленький круглый щит. Скользя вокруг противника, он нападал жестко, тут же отступая, чтобы через миг оказаться в другом месте. Капитан отбивался топором, то и дело подставляя щит, и рядом с почти танцующим легконогим вольфгардцем его движения казались некрасиво скупыми, но Ло знала цену подобной расчетливости. И ночью, в бою с тенью, видела Рольфсона совсем другим, не менее быстрым и резким. Сейчас же капитан явно берег силы, уходя от ударов, если мог.

— Не извольте беспокоиться, миледи, — тихонько подтвердил ее мысли Тибо. — Эйнар очень вязкий в драке, он любого замотает. А ярл из тех, кому быструю победу подавай. И непременно красивую. Грива у него хороша, спору нет, но копыта у нашего тяжелее будут.

— Тибо! — фыркнула Ло. — Повежливей!

— А что такого? — ухмыльнулся сержант. — Вы думаете, хоть один мужик обидится, если его с жеребцом сравнить? Не с мерином ведь. О, смотрите-ка!

Ярл, словно устав от упрямой неподатливости соперника, снова отступил. Гибкий и сильный, на первый взгляд несколько не уставший, он все-таки двигался чуть медленнее, как показалось Ло. На миг соперники замерли. И, как по команде, оба глянули в ее сторону. Северянин — с мгновенно появившейся на красиво очерченных губах улыбкой. Рольфсон — с явной досадой.

— Миледи, — слегка поклонился ярл и снова повернулся к сопернику, весело поинтересовавшись: — Продолжим?

— Как пожелаете, — хмуро отозвался капитан, и Ло с удовлетворением услышала, что голос у него спокойный и дыхание ровное.

— Пожалуй, в другой раз, — снова улыбнулся ярл. — У нас говорят, что драться с мужчиной, которому желает победы его женщина, значит испытывать удачу. А мне моя удача еще пригодится. Хороший бой, благодарю.

Он склонил голову, и капитан кивнул в ответ.

Теперь можно было и уйти. Но вокруг и позади все еще толпились люди, да и покидать гостей было бы слишком похоже на бегство, и Ло немного задержалась. Капитан на нее не смотрел, и это было даже обидно. Зато ярл не сводил глаз, отвернувшись, только когда один из его воинов протянул мокрое полотенце.

Нисколько не стесняясь присутствия женщин, Рагнарсон скинул рубашку, тут же подхваченную из его рук, обтерся полотенцем. А водичка-то ледяная, из бочки. Взявший его рубаху воин так и стоял рядом, готовый ее подать, но ярл не спешил, явно красуясь. В драке северянин казался выше, но стройнее Рольфсона, а так, без одежды, было хорошо видно, что плечи у него широкие, да и все тело свито из крепких тугих мышц, играющих под гладкой, как у женщины, холеной светлой кожей. В поясе при этом ярл был на диво тонок, а может, это просто казалось в сравнении с плечами. Ло отвела глаза, надеясь, что не покраснеет. Мужское тело ей видеть случалось, конечно, война не располагает к особой стеснительности, но там и смотришь на него иначе.

— А неплохо топором работаешь! — прогудел рядом знакомый низкий голос. — Вот что значит северная кровь.

Этому-то что здесь надо? Ло неприязненно покосилась на пожилого ведьмака, с удовлетворением взирающего на капитана. Одно хорошо — глупые мысли о плечах ярла как рукой сняло. И вообще, у ее мужа плечи все-таки шире! И из бочки, кстати, он обливается без всякого полотенца...

— Я неvieц по матери, — уточнил капитан тем же ровным, ничего не выражающим голосом.

— Да хоть кто. Отец твой уж точно был нашим. Женщина — земля, она принимает, что в нее посеяли. Добрая земля вырастит колос крепким, худая — тощим, но, если посеян ячмень, пшенички не жди, — ухмыльнулся ведьмак и повернулся к Ло, язвительно сообщив: — Верно сделали, моя госпожа, что вышли замуж за северянина. Дети будут крепкие и красивые. Это он сейчас намекнул, что Ло улучшила породу? Как сука овчарки, которую раз в несколько поколений вяжут с волком, чтобы добавить свежей дикой силы?

Разговоры вокруг смолкли почти испуганно. Ло краешком глаза увидела, как поморщился ярл — даже ему это показалось слишком — и как вздрогнул, будто от удара, капитан, глянув на нее мрачно, вызывающе. Молча ожидая, что она скажет, словно еще одного удара. У него-то лицо почему такое, будто хлыстом огрели, а руки связаны?!

Кровь бросилась в виски, а того, что просилось на язык, Ло сама испугалась. И потому, проглотив несказанное, отчеканила надменно:

— Я вышла за дорвенантского офицера, мэтр ведьмак. Присягнувшего моему королю, как и я. Награжденного дорвенантским дворянством за мужество и стойкость. Если мои дети унаследуют эти качества, мне плевать, какой они будут крови. Все равно они вырастут достойными людьми и дорвенантцами.

Круто развернувшись, она пошла к лестнице через торопливо расступающуюся толпу, печатая шаг и совсем забыв, что одета в платье, а не в мундир. Хорошо, что суконное, а не бархатное, так что в ногах не запуталось, и Ло взлетела по лестнице, про себя желая встречи с Барготом и ярлу, и его ведьмаку, и даже собственному мужу, хотя тот, если разобраться, был ни при чем. И вообще в словах ведьмака не было ничего обидного. Похвалил мужа, пожелал крепких детей жене. Так отчего же у нее такое чувство, что капитана намеренно и старательно выводят из себя, причем стараются сделать это на глазах самой Ло? Поединок этот, якобы шуточный и уж точно не ее мужем затеянный, слова ярла, а потом и Тинлейвсона. Ну и плевать! От задуманного она все равно не откажется!

* * *

— У вас очень хорошая жена, капитан, — безмятежно сказал, надевая рубаху, ярл, будто ничего особенного не случилось.

Может, и в самом деле не случилось, если он по-прежнему не помнит Эйнара. Но чем дальше, тем меньше в это верилось.

— Не жалуясь, — бросил Эйнар, изнывая от мучительного желания дать по морде старой сволочи-ведьмаку, вряд ли знающему, по какой вроде бы давно зажившей ране потоптался.

А вот и нет, не зажило, оказывается, только затянулось тонкой корочкой, в которую ткни — и взвоешь. И от этого было еще более стыдно. Он, мужчина, принял защиту женщины, сумевшей достойно ответить, когда сам Эйнар молчал. А что он мог сказать? Что его отец и вправду был северянином, только не Рольфом Эйнарсоном, а неизвестным ублюдком? Впрочем, нет, ублюдком получился сам Эйнар, у которого первые два месяца жизни даже имени-то не было, как позже рассказали добрые соседи. Они бы и про отца рассказали с превеликой радостью, да вот беда: его имени никто не знал.

Северянин, это точно. Молод, хорош собой, на породистом коне и одежда богатая. Приезжал вечером, уезжал утром, оставлял богатые подарки, которые всю семью вытащили из нужды, а потом, когда у юной Дирре Снольф начал расти живот, пропал. Дирре молчала о нем, как деревянная кукла, и к младенцу, родив, подходила только по настоянию матери, чтобы покормить. Соседи злорадно жалели, а когда выпытать, кто же обрюхатил и бросил «бедную девочку», не смогли, начали поливать грязью.

И как дальше сложилось бы — неизвестно, только через два месяца в деревне объявился Рольф Эйнарсон, немолодой уже воин из дружины того самого тана, к сыну которого через пятнадцать лет подастся его приемный сын. Соседям он быстро заткнул рты, взяв Дирре в жены без всякого приданого и заявив, что ее ребенок — его ребенок. Волки, мол, волчьей кровью чуют и мнения дворовых шавок не спрашивают.

И если б через десять лет он не погиб на охоте, в голодный год добывая матерого медведя, жизнь Эйнара, названного в честь деда, как и положено старшему сыну, пошла бы совсем иначе. Но уж как пошла... Приемного отца Эйнар всю жизнь в мыслях звал родным, мать тоже простил, но за спиной слышал дразнилки сверстников про блохастый хвост и подзаборного ублюдка. В Волчьей Сотне он долго боялся, что все выплывет и от звания ублюдка он не отмоется уже никогда. Потом понял, что здесь и вправду важнее кровь, так что в их глазах стыдиться ему следует скорее невийской своей половины, чем вольфгардской, какой бы она ни была. А в Дорвенанте о его происхождении вовсе никто не знал.

Но Эйнар на всю жизнь запомнил свой дикий страх, когда Мари мяла передник, признаваясь, что беременна. Страх, что ее не отдадут ему в жены и их ребенок хоть раз в жизни услышит, что он ублюдок, испортивший жизнь матери.

И на новую жену, если уж совсем откровенно, он сорвался, на мгновение увидев в ней свою мать, только не несчастную девочку с исковерканной судьбой, а расчетливую тварь, сознательно обманывающую его в том, что каждый мужчина должен решить для себя честно и по доброй воле. Видит Пресветлый, он не побоялся бы взять чужого ребенка, дав ему имя и всю любовь, которую задолжал своему отцу Рольфу. Но принять это решение он должен был сам! — А знаете, капитан, мы, пожалуй, уедем завтра, — сказал ярл, застегивая поданный ему плащ. — Кони отдохнули и перекованы, зачем тянуть? Ваше гостеприимство выше всех похвал, но я бы хотел как можно быстрее увидеть его величество Криспина.

— Как пожелаете, — кивнул Эйнар с огромным облегчением.

Остаток дня прошел спокойнее некуда. Так бывает перед бурей, но Эйнар, державшийся настороже, тихо молился Пресветлому, и, может, его молитвы были впервые услышаны. К обеду накрыли богатый стол, и гости хвалили кухарку, а ярл передал ей три золотые монеты, и еще по одной получили Нэнси и Селина, прислуживавшие за столом. Леди вышла к обеду снова тщательно причесанная, в том же синем с золотом платье и нарядных туфельках.

Но у Эйнара стояло перед глазами ее испуганное лицо и наспех собранные короткие волосы. А еще — каблуки армейских сапог, выглядывающие из-под подола. Неужели выскочила во двор, переживая за жизнь посла? А другой причины бояться у нее вроде и не было.

Вечер тоже прошел спокойно. Узнав, что гости завтра уезжают, Молли снова расстаралась. После обычных блюд на столе появились сладости и шамьет, которому, как чудотворному зелью, обрадовался Дагмар Черный Снег, да и остальные воздали должное. Леди к ужину не вышла, отговорившись легким нездоровьем, и Эйнар был откровенно рад, что у нее не будет еще одного случая сцепиться языками с Тинлейвсоном. Гости, посидев, разошлись по комнатам, и все было хорошо...

Пока Эйнар, поднявшись наверх, не увидел в конце коридора Нэнси, стучащую в дверь ярла. Отступив в тень, он дождался, пока Рагнарсон, отстранив выглянувшего первым оруженосца, выслушает тихо говорящую девочку и, кивнув, пойдет за ней на клятый северный балкон.

Осторожно выбирая доски, которые точно не скрипнут, Эйнар пошел следом. Когда светлое платье Нэнси и черный плащ ярла, мелькнув под последней лампой, скрылись во тьме балкона, он, поколебавшись, толкнул дверь той самой незакрытой комнаты и скользнул внутрь. Встал у окна, как раз оказавшегося рядом с балконом, открыл створку рамы до конца и ничуть не удивился, услышав:

— Благодарю, что пришли, ваша светлость.

Станным было только то, что его жена-дорвенантка говорила на старом вольфарделе, который и в Вольфгарде-то знали далеко не все. Эйнар когда-то выучил его из чистого упрямства, когда сотник сказал, что невийцу «ярлову речь» никогда не освоить.

— Разве может мужчина не прийти, когда зовет женщина? — улыбнулся, судя по голосу, ярл, и Эйнар вцепился в подоконник так, что пальцам стало больно.

Да нет же, бред какой... Но зачем?

— Перестаньте, прошу, — без всякой игривости отозвалась леди. — У меня к вам слишком серьезный разговор.

— Ах, вот как... А ваша служанка?

— Останется здесь. Вряд ли она знает старый вольфардель, а я, позвольте напомнить, замужня женщина.

— Я помню, — очень мягким и низким голосом отозвался Рагнарсон. — Так о чем же вы хотели поговорить?

— О долге, разумеется, — сказала леди. — И о том, что я попрошу в его уплату.

На балконе стало тихо. Эйнар тоже замер, молясь, чтобы ветер не переменился. Ну, или чтобы ярлу отбило волчий нюх женскими притираниями.

— И что же вы хотите, моя госпожа? — прозвучало наконец с неподдельным интересом.

— Имя. Всего лишь имя того мага, который должен был сдать вам Руденхольм.

Эйнар затаил дыхание, не зная, радоваться верности жены или ужасаться тому, что она вот-вот утонет в какой-то шпионской грязи, которая еще ни для кого и никогда ничем хорошим не закончилась.

— А вы уверены, что такой был? — после очередного молчания спросил ярл.

— Я же попросила: перестаньте, — с явной неприязнью сказала леди. — Не играйте со мной, ваша светлость. Я знаю, что он был. И уж один из трех главнокомандующих тоже должен это знать. В ночь, когда все было готово к пуску воды, в Руденхольм пришел ваш человек.

Дорвенантец. Маг. Мне плевать, почему он предал, но, если бы у него все получилось, вы бы прорвались в Руденхольм и дошли до Дорвенны. Мне нужно его имя. За остальное, что узнала, я и так отдала всё, что могла.

— Вот как... — тихо сказал ярл. — Но вы ведь понимаете, моя госпожа, что это не только моя тайна? И если станет известно, что я отдал ее вам...

— Понимаю.

Ветер стал сильнее. Эйнару стоило бы отодвинуться в комнату, но он боялся пропустить хоть одно слово, еле дыша.

— Хорошо, — просто сказал ярл. — Я расскажу вам все, что знаю, если и вы расскажете мне, что случилось в Руденхольме. История за историю, справедливо? Потому что я, думаю, рискую больше.

— Клянется? — уточнила леди, и Эйнар услышал в ее голосе едва сдерживаемое нетерпение. — Все, что знаете?

— Клянусь, — серьезно сказал Рагнарсон. — Предком-покровителем и милостью Волчицы. А вы? Силой, полагаю?

— Силой? Это будет... не совсем честно, — помолчав, ответила леди. — Клянусь своим домом и милостью богов к нему.

— Ах, вот как... — опять протянул ярл. — То-то Дагмар и Ольвар удивились, что... Да, я понял. Сочувствую.

— К Барготу ваше сочувствие, — прошипела леди. — Говорите!

— Это был весьма глупый план, — снова помолчав, неторопливо сказал Рагнарсон. — Глупый и подлый. Зато простой. И ничего другого у нас не осталось. Можете не верить, но я с самого начала был против войны с Дорвенантом. Нельзя воевать с соседями, с которыми гораздо выгоднее дружить. Но кое-кому очень хотелось добычи и славы. Утбурдово дерьмо...

Простите. Вы же знаете, что в мирное время у нас правит Совет Великих Матерей? Но был

поднят стяг Оскаленного Волка, и власть перешла к мужчинам. Трем ярлам, выбранным на совете кланов. Не знаю, чего в этом обычае больше, глупости или мудрости? Неважно. В конце концов все пошло испуганному медведю под хвост, когда один из троих был похищен. Да-да, вашими людьми. Вы не знали?

— Н-нет... — проговорила леди.

— Ну, одной смертельной тайной больше, одной меньше... Мы отбили тело Лейва, но ваши некроманты успели выпотрошить его разум. И счет пошел на дни. Мы увязли в Руденхольме, как муха в смоле, но и ваш Криспин не мог отвести войска. И тогда Сигурд предложил: пусть они уходят, а мы пойдем следом. Потому что у него, у Сигурда, есть ключ. Не к Руденхольму, к человеку, но так вышло, что и к Руденхольму тоже. Пару месяцев назад где-то под Турасом в плен к людям Сигурда попал молодой дорвенантец-маг. То ли боевик, то ли некромант... Целителей или стихийников мы обычно не трогаем, но этих-то — сами знаете. Когда парня начали резать на ремни, он заорал про выкуп. За него, мол, дадут очень много! Имени парня Сигурд не сказал, это ведь его добыча, его план — значит, и слава его. Тупая жадная скотина... Но клялся Волчицей, что за мальчишку нам отдадут Руденхольм.

Ярл снова помолчал, и Эйнару показалось, что в мире не осталось больше ни одного звука, кроме ветра. Когда Рагнарсон снова заговорил, его голос был так же ровен и ясен.

— С Лейвом я вполне мог бы договориться о мире, но кто же думал, что ваши люди так неудачно выберут, кого украсть и прирезать? Знал бы — сам бы им подсказал, клянусь. Сигурд мутил воду примерно месяц, а потом, перед самым прорывом, признался, что мальчишка покончил с собой. То ли узнал, какова цена его головы, то ли еще что-то... Клянусь, не знаю. Но Сигурда это не смутило. Он решил, что сможет обмануть мага, обещавшего проход. В ту ночь все было готово. Мы ждали сигнала. Сигурд и я... мы были там оба. Он, наверное, думал о славе, а я — о том, что, если что-то сорвется, нам на головы хлынет Руден. В передовой отряд отобрали только добровольцев. Притом не единственных сыновей в семье... Но сигнала все не было. Сигурд злился, я ждал. Наконец к нему прилетел голубь. Белый такой, бумажный. Мы спустились на половину склона. И тут прямо перед нами пошла вода. Руден просто упал сверху так, что всем стало ясно: окажись мы в ущелье...

Ярл замолчал, а потом сказал в тишине, наполненной только порывами ветра:

— Больше я ничего не знаю. Ваш черед.

— Боги... — с тоскливым отчаянием выдохнула леди. — Ни имени? Ни титула? Ничего?

— Как видите. Я мог бы вас обмануть, сказав еще меньше, но какой смысл?

— А... Сигурд? Это же Сигурд Лейдарсон? Ярл Долги?

— А Сигурда я, чуть рассвело, вызвал на поединок и прирезал во славу Волчицы, — с явным мрачным удовлетворением сообщил Рагнарсон. — И, видят боги, вряд ли хоть один человек о нем пожалел. Хотя, может, и не стоило. Надо было утопить его в Рудене, что плескался у наших ног. Глядишь, и доплыл бы до Дорвенны, куда он так рвался. Но теперь ваш черед, моя госпожа. Я с долгом расплатился честно.

— Я знаю еще меньше, — безжизненным, как пепел, голосом отозвалась леди. — Мы были втроем. Готовились пустить воду. Последний отряд ушел в портал. Хороший портал, стационарный, до самой столицы... Мы ждали, пока переход закончится, чтобы открыть свой в крепости, а этот захлопнуть — воде ведь все равно куда идти, в портал или в ущелье...

Она говорила с трудом, и Эйнару вдруг мучительно захотелось оказаться рядом. Он уже знал: прошлое не изменить. Двенадцать магов спят под водами Руденхольма, как поется в балладе, йотуны ее заберут. И, похоже, вся их боль досталась одной выжившей магичке.

— Он напал сзади, — сказала леди тем же голосом, смесью пепла и льда. — Убил Колина и Арчи, а меня не добил. Посчитал мертвой. Я очнулась и дотянулась до ключа к взрывателю. И Руден пошел в Руденхольм.

— Ключ был рабочим? — уточнил ярл с полнейшим спокойствием, за которое Эйнару захотелось его убить. — Его вообще можно было испортить?

Магичка молчала. Но, наверное, кивнула, потому что Рагнарсон задумчиво продолжил:

— Как забавно играют боги... Думаю, моя госпожа, Вольфгард вам должен гораздо больше, чем выплаченный сейчас долг, и уж точно не меньше Дорвенанта.

Эйнар еще только начал обдумывать то, что медленно прояснялось в мыслях, а леди с ужасом проговорила:

— Вы же не думаете, что...

— А зачем иначе ему было оставлять рабочий ключ? — удивился ярл. — Заложника он не получил, но дал сигнал. Значит, ждал нас. Сигурд заигрался, считая себя самым умным. Наверное, не смог скрыть смерть мальчишки. И тот маг решил проводить убитого по-королевски, дав ему в спутники целое вражеское войско.

— Боги... — проговорила леди так тихо, что Эйнар ее еле услышал. — Но... если бы ему удалось...

— Если бы ему удалось, — сказал ярл так же безмятежно, — война с Дорвенантом закончилась бы только после полного истребления кого-то из нас. Сигурд решил, его удача столь велика, что он играет с самой Волчицей, но она уступила место вашей Претемной Госпоже Смерти. А с ней игры всегда заканчиваются плохо.

— Танцы с волками тоже, — отозвалась леди. — Что ж, простите, мне надо идти.

— О, подождите, — быстро отозвался ярл. — Я все время забываю, что вы не наша женщина, привычная к холоду. Позвольте дать вам плащ?

— Я не замерзла, — настороженно отозвалась магичка, и Эйнар снова вскинулся, прислушиваясь.

Она что, стоит там без плаща? В одном платье на холодном ветру? Какого йотуна тогда этот полчий сын столько ждал со своим предложением? Забыл он! Эйнар закусил губу, прекрасно понимая, что вылезти сейчас будет глупостью и изрядным позором. Но, ради Пресветлого, лучше бы она ярла в комнате приняла, что ли! С той же Нэнси рядом, зато в тепле. Нет, побоялась досужих языков. Может, даже его самого...

— Тогда подарите мне еще немного времени. Вы ведь знаете, что завтра мы уедем? Не пришли вы за мной служанку, я бы сам попросил вас о разговоре, — сказал ярл снова изменившимся голосом, темным и мягким, как черный бархат его камзола.

— И о чем нам говорить? — с той же холодной осторожностью поинтересовалась леди.

— О танцах, — насмешливо и очень нежно сказал ярл. — О танцах с волками, как вы изволили выразиться. Один из них очень хотел бы узнать, не согласитесь ли вы изменить судьбу, раз до сих пор она была столь неласкова?

Глава 21

ТАНЦЫ С ВОЛКАМИ

— Я слушаю, ваша светлость, — сказала Ло, мгновенно пожалев не о том, что позвала ярла на свидание — этого-то было не избежать, — а о том, что решила устроить его в глухом темном месте.

Нэнси, конечно, защищает ее репутацию, но личной горничной могут и не поверить, решив, что она прикрывает шашни госпожи. Нет, пока разговор шел о деле, Ло не тревожилась, но очень уж сладким стал голос вольфгардца.

— Все-таки позвольте, — сказал ярл, и на ее плечи опустился мягкий тяжелый плащ, теплый от чужого тела. — Здесь холоднее, чем вам кажется.

Первым порывом было снять непрошеную вещь! Но ветер к ночи подул пронизывающий... Ло молча пожалела Нэнси, замершую в уголке балкона. С девчонкой плащом не поделишься, и послать ее взять что-то теплое тоже нельзя. Непременно Баргот принесет кого-нибудь. Тогда точно от сплетен не отмыться.

Кутаясь в плащ, она невольно вдохнула тонкий горький аромат можжевельника и едва заметный, но коварный запах мужского тела. От плаща пахло его хозяином, чистым сильным мужчиной. Дерзкий запах, уверенный. И пьянящий, как старое вино. Снять плащ захотелось еще сильнее. А потом — закутаться в него плотнее и дышать, дышать... Замерев, Ло молча ждала, стиснув пальцами толстую ткань, мгновенно оградившую от холода и ветра.

— Знаете, — негромко и словно задумчиво сказал Рагнарсон, — сейчас в Вольфгарде мне решительно нечего делать. Новая война в ближайшие несколько десятилетий не начнется, я первый приложу к этому все усилия. Правят снова женщины, и мне остались только малые походы на земли чужих кланов. А из подобного я давно вырос, как из детского доспеха.

— И зачем мне это знать? — хмуро поинтересовалась Ло, против воли наслаждаясь красивым низким голосом, которому очень шли гортанные перекаты «ярловой речи».

— Затем, что я, пожалуй, надолго останусь в Дорвенанте, — спокойно отозвался северянин. — Может быть, даже на всю жизнь. Мне нравится ваша страна... И, полагаю, ваш король будет рад. Заложник моего происхождения, оставшийся у вас по доброй воле, — это ли не лучшее подтверждение, что мы хотим мира? А вам, если примете мое предложение, не придется расставаться с родиной, которую вы так любите.

— Предложение? Какое?

— Брачное, разумеется, — усмехнулся ярл, подставляя лицо ветру с наслаждением, словно холодные удары, от которых ежилась Ло, его гладили.

Стоя у перил, он смотрел в ночное небо, но все равно Ло чувствовала внимание вольфгардца так, словно он не сводил с нее глаз.

— Вы с ума сошли? — невежливо от растерянности выпалила она. — Или не заметили, что я уже замужем?

— Если это единственное препятствие, беру его на себя, — весело сказал ярл. — Да, я знаю, что опоздал. Но не так уж и сильно. Не прошло и месяца со дня вашей свадьбы, верно? Притом, госпожа моя, будем откровенны, вы ведь выходили замуж не по великой любви, а по сговору. Достоин и правильно для знатной женщины. Но на месте вашего короля я бы подобрал вам супруга получше.

— Благодарю, меня и этот устраивает, — из чистого упрямства сообщила Ло, всерьез раздумывая, не пора ли вернуть плащ и убраться подальше от сумасшедшего северянина.

— Чем? — поинтересовался Рагнарсон вежливо, но с неподдельным любопытством. — Он вам не пара ни по крови, ни по нраву. Знаете, мы ведь когда-то встречались... Он вам не говорил? Ну, я так и думал. Это и встречей-то не назовешь. Просто ваш муж ходил в дружине тана из моих родичей. И был, уж поверьте, той еще дубиной. Крепкой, как все невийцы, мореного дерева. Сейчас, я слышал, его зовут Кирпичом? От дубины — изрядное продвижение по службе, что и говорить. В самый раз для бастарда, взятого в дружину из милости, в память о его приемном отце.

— Простите, ваша светлость, — сказала Ло, распахивая и раздраженно дергая плащ, так и норовящий задержаться у нее на плечах, — но удовольствие любоваться звездами в вашем обществе не стоит того, что мне приходится слышать о собственном муже...

— Нет, подождите! Подождите, — повторил ярл тише, и насмешливые нотки в его голосе сменились вкрадчиво-просительными. — Прошу прощения. Обидеть вас я точно не хотел. Что до Эйнара Рольфсона... Я ведь не говорю, что он плох. Если он остался таким же, каким был, то у вас в мужьях верный и честный человек. Храбрый. Стойкий. В этом я отдаю ему должное. Скажем так... — он немного помолчал, и Ло, снедаемая любопытством еще хоть что-то узнать о юности капитана, запахнула плащ обратно. — Будь у меня дочь, я доверил бы Эйнару охранять и жизнь ее, и честь. Такие, как он, умеют быть верными псами. Но в зятя бы я его не взял. Именно потому, что больше он не умеет ничего. А женщине нужен муж, а не просто пес у ног.

— И вы предлагаете вместо пса волка? — не удержалась от насмешки Ло.

— Именно, — безмятежно подтвердил Рагнарсон. — Если уж выбирать из двух северян, то того, кто вас действительно достоин. Потому что вы, моя госпожа, знатного рода, истинная золотая кровь, как у вас говорят. Такая же густая и горячая, как в моем роду. Что вам даст Рольфсон? Холодную крепость вместо дома? В горах, где и баран сойдет за учтивого соседа. Ах да, еще себя. Только, простите снова, я видел, как он с вами обходится. От ледяного тороса веет большим теплом, чем от этого новобрачного.

— Вот уж не ваше дело, — изнывая от стыда, бросила Ло, потому что клятый вольфгардец был прав настолько, что страшно признать.

— Ошибаетесь, мое. Потому что я зову вас не просто на ложе, а в жены. И дам все, что не может дать он. Знатный богатый дом, где вы будете полной хозяйкой, и вассалов, которые станут служить вам с радостью. Защиту. Почет. Уважение. Мои люди будут видеть в вас не бывшего врага, а героиню, прекратившую бесславную войну и спасшую множество жизней в Руденхольме. И дома никто вас тоже не осудит, потому что вы вернетесь в Дорвенну женой не бастарда-наемника, дослужившегося аж до капитана, а ярла, равного принцам крови. Знаете, не будь ваша принцесса Кристиана единственной наследницей трона, я мог бы посвататься к ней, скрепив мирный договор брачным. И даже думал об этом. Пока не увидел вас.

— И вам хватило одного взгляда, чтобы предпочесть принцессе — меня?

Происходящее все больше смахивало на бред. Ло заподозрила бы то ли глупую, то ли, напротив, очень умную и жестокую шутку, но ярл был пугающе серьезен. Да и не стал бы он шутить так с женщиной, связанной с ним долгом крови. Пусть и выплаченным, но сам же признал, что весь Вольфгард ей обязан. Этот долг не из тех, что можно требовать, но... — Мне хватило одного взгляда, чтобы увидеть женщину, которую я искал всю жизнь, — так же мягко и ровно ответил Рагнарсон. — Прекрасную, умную и сильную. А потом хватило одного вечера и одного дня, чтобы в этом убедиться. Я видел достаточно стекла и алмазов, чтобы научиться отличать одно от другого. Даже то, как вы все это время защищали мужа, — это свойство алмазного сердца, а не стеклянного. Но разве он был вам достойной оправой? Сколько ни бей железо молотом, в золото не перекуешь.

— Каким бы он ни был, он мой муж, — глухо сказала Ло.

Она прекрасно понимала, что должна просто уйти, в плаще или без него — неважно. Хотя, конечно, правильное — без. Но одно дело — отстраненное знание, а другое — мужчина, который воплощал все, чего она когда-то ждала от будущего мужа. Знатный, сильный, умный... Вольфгардец, да, враг! Но ведь бывший... И разве она не вышла замуж за Рольфсона, в котором волчьей крови наполовину, да и та не лучшего свойства, если его отец не признал сына?

А Ингольв Рагнарсон манил ее, как мотылька — тепло огня. Все, что он говорил, было правдой. Или очень уверенно казалось ею. Она видела жаркие взгляды ярла и не обманывалась в том, что желанна ему. Странно, конечно, но... он северянин. И, может быть, для вольфгардца ее светлая кожа и волосы красивы... Да какая разница! Он враг! А мало ли принцесс выходили за прежних врагов в ознаменование мирного договора? Ярл зовет ее в жены. Не в любовницы, как король. Вольфгардская герцогиня — это не капитанская жена. Такой брак поймет даже дорвенантское общество, наверняка шокированное ее мезальянсом с Рольфсоном. Еще и позавидуют многие. Разве что кто-то из тех, кто служил с ней, скривится... Но какое право они имеют судить ее, и без того отдавшую Дорвенанту все: здоровье, магию, саму жизнь?

Сможет ли ярл сделать ее счастливой? А почему нет? Он красив, любезен, от него веет мужской силой, яростной, горячей, готовой согреть ее сердце и тело. И не нужно будет считать флорины пенсии, чтобы выдать замуж Мелиссу — а это тоже важно, ведь у сестры вся жизнь впереди. Пресветлый, о чем она думает?! Как вообще смеет она, законная жена, принеся брачные обеты у алтаря, думать о подобном?

Ло почувствовала, что краснеет. Ярл терпеливо ждал, и нужно было отказаться со всей возможной учтивостью, чтобы высокий гость не почувствовал себя оскорбленным, мать его барготову, и не учинил скандала. И вообще ничего не учинил!

Но вокруг было так тихо, словно весь мир исчез, и в вышине остались парить только они с Рагнарсоном. Свободные от всего: прошлой вражды, предрассудков, страха...

— И как же вы собираетесь устроить это, ваша светлость? — услышала она собственный голос, холодный, как ветер, морозящий ей лицо. — Я замужем.

— А разве ваш брак действителен? — тихо и очень вкрадчиво уточнил Рагнарсон. — Мое чутье подсказывает мне иначе.

— Ярл!

Ло залилась краской. Этого еще не хватало! Он что, обнюхал ее, как собака?! То есть как волк! Да если б она знала — вылила б на себя все флаконы вперемешку, и пусть его нюхливая светлость задохнется от такого амбре!

— Простите, — со смешком отозвался Рагнарсон. — Но я все-таки зверь в той же мере, в какой человек, с этим ничего не поделаешь. И если бы вы знали, как божественно пахнете без всех этих зелий... чем грешат ваши женщины... Не буду вас смущать. Все очень просто, поверьте. Если вы только согласитесь — завтра же уедете со мной. Не знаю, как расторгается брак по вашим обычаям, но не вижу к этому никаких препятствий. Детей у вас нет. Приданое... Пусть с этим разбираются стряпчие — мне из него в любом случае гнутой ложки не нужно. Перед отъездом я при своих воинах поклянусь на мече, что считаю вас женой, и подтверждаю клятву в вашем храме. Здесь же есть храм? Ну вот.

— И вы уверены, что муж меня отпустит? — изумилась Ло, не зная даже, что сказать о подобной наглости.

— А почему нет?

Рагнарсон наконец оторвался от созерцания ночи и повернулся к ней. Его глаза в темноте отблескивали не светлым янтаре, а темным, почти красным. Это пугало, но и восхищало, как всякая красота, близкая смерти.

— Почему нет? — повторил он. — Капитан — разумный человек. Ему с самого начала нужны были не вы лично, а дворянство и деньги. Все это останется у него. Я же добавлю достойную виру за обиду, и уж кто-кто, а он поймет, что со мной ваша судьба изменится к лучшему.

— А если... не поймет?

Ло чувствовала себя как на канате над пропастью. Именно сейчас все можно было изменить — или оставить по-прежнему. Дух захватывает, будто летишь на качелях, не зная, выдержит ли веревка.

— И поднимет руку на посла? — блеснул зубами в улыбке ярл. — Не самый разумный поступок. Хотя прикрываться посольством не совсем правильно с моей стороны. Я бы предпочел решить дело честным поединком по нашим законам. Можно даже не до смерти, лишь бы нам с ним обоим сохранить лицо.

— Не вздумайте... — прошипела Ло, вдруг разом осознав, что все более чем серьезно. — Даже не думайте об этом! И, между прочим, я вышла замуж по королевскому сватовству. Так что расторгнуть брак может только король, а он...

— Не откажет человеку, от которого напрямую зависят условия мира, — с полной безмятежностью закончил Рагнарсон. — Даже если это наполовину волк. Вот уж в рассудительности его величества Криспина я уверен. И в его желании как можно сильнее упрочить этот мир тоже. Будь у него возможность выдать замуж на север пару дюжин дорвенанток, а взамен взять наших знатных девиц, он бы еще больше обрадовался.

Он замолчал, и Ло с нарастающим ужасом поняла, что ярл прав. Чтобы король поставил ее желание выше пользы при заключении мира? Да он сам ее свяжет, если понадобится, и вручит ярлу как подарок! Боги, что же делать? И как выбросить из головы глупую мысль, что даже сталь, оказывается, может таять. Или она, Ло, никакой не Стальной Подснежник, а обычная дурочка, потому что не может вот так сразу взять и отбросить единственную возможность сбежать от своей судьбы к какой-то другой, более счастливой, может быть.

— Как видите, никаких препятствий на самом деле нет, — пожал плечами Рагнарсон, взглядываясь в ее лицо. — Кроме вашего слова. Решайте, моя госпожа.

Ло помолчала. Ярл терпеливо ждал, а она позволила себе сладкую глупость хоть на несколько мгновений поверить в балладу о прекрасном принце, пусть и с волчьими глазами. Разве не для этого в балладах нужны отважные девы? Растопить ледяное сердце, превратить зверя в человека... Увы, это не баллада. И не рыцарский роман из тех, что любит Мелисса.

Она вдохнула напоследок можжевельново-терпкий запах от плаща, зная, что вряд ли почувствует его снова, но забыть не сможет. И сказала, заранее соглашаясь, что потом об этом пожалеет, но ведь если не знаешь, как поступить, то поступай по чести:

— Мне жаль, ваша светлость. Я могу гордиться вашим предложением, но оно ничего не меняет в выборе, который я уже сделала. Кем бы ни был мой муж, он достойный человек. Честный и верный, как вы сами сказали. Я бы лишилась всякого уважения к себе и стала недостойной вас, если бы предала брачную клятву, которую дала добровольно. Не знаю, надолго ли нас с ним связала судьба, но пока я его жена — я ею и останусь. Мне жаль.

Что-то рвалось внутри по-живому невозможностью и нежеланностью выбора. Да, она не хотела этого брака! Кляла Рольфсона и порой ненавидела за упрямство, подозрительность и дурость. Однако такого позора капитан не заслужил. И ножа в спину тоже. А ведь придется думать теперь еще и об этом, потому что ярл не похож на тех, кто легко отступает от желанной цели. Боги, как сложно-то! И почему вы дарите мечту именно тогда, когда она уже не нужна?! Ведь даже если Ло проживет три года до развода, разве станет ждать волчий ярл, оскорбленный отказом?

— Мне тоже жаль, — тихо сказал Ингольв Рагнарсон, подтверждая ее мысли. — Прощайте, моя госпожа. Точнее, до завтра. Надеюсь, вы хотя бы выйдете нас проводить? Не беспокойтесь, я не сделаю ничего против законов чести.

Ло молча кивнула. Пальцы, которыми она стиснула плащ, запахивая его на груди, никак не хотели разжиматься, словно это могло что-то изменить.

— Оставьте, прошу, — улыбнулся ярл. — Раз уж я не могу подарить вам настоящий фейел, чтоб вы никогда не замерзли, мне приятно знать, что хоть мой плащ вас греет. И если вдруг

передумаете... В наших балладах поется о женщинах, которые изменили судьбу, сбежав к выбранному мужчине в одной рубашке и с погоней за плечами. Помните, что у меня всегда хватит плащей, чтобы вас согреть, и клинков, чтобы защитить.

Легким шагом отступив от края балкона, он повернулся и, блеснув глазами, последний раз посмотрел на Ло, а потом исчез в полумраке коридора. И сразу ей стало холоднее, словно до этого ночная стужа боялась самого присутствия Ингольва.

— А мы теперь пойдем к себе, миледи? — жалобно сказала продрогшая Нэнси, и Ло уколола совесть.

— Идем, конечно, — сказала она и даже улыбнулась, а потом сняла плащ и накинула девчонке на плечи. — Быстро в комнату! Давай-давай, я тоже иду.

Нэнси, кивнув, метнулась в коридор, Ло услышала дробный стук ее башмачков на деревянной подошве. Отойдя от перил, она на ходу потерла озябшие руки и мрачно пообещала себе обзавестись плащом не хуже ярлова. Вряд ли будет вежливо оставить себе именно его. Хотя... «Если дожидаться, пока уедет сам ярл, его плащ будет отличным дополнением к Маркусовой рубашке в глазах мужа», — невесело улыбнулась она.

Двери комнат, отведенных северянам, то темнели в стене слепыми пятнами — за ними уже спали, — то светились щелями внизу. Ло вспомнила, что велела разнести гостям на ночь горячее вино со специями, но проверять еще и это... Да Баргот с ним! Она сделала все, что могла, а капитан пока только ходит вокруг, смотрит на это сделанное — и молчит! Ее собственная комната была совсем близко, а в коридоре потеплело от топящихся в комнатах очагов, и Ло мысленно была уже в постели, как тени у стены поколебались — и молодой ведьмак выскользнул из них, преградив ей путь.

Ло невольно вздрогнула. Больше от неожиданности, чем от страха, но Дагмар показал открытые ладони и поклонился.

— Прошу прощения, моя госпожа, — сказал он негромко. — Я не задержу вас надолго. Но раз уж сегодня вы заключили одну сделку и отказались от второй, не хотите ли третью?

— И какую же?

Нет, она не будет бояться. Просто хватит уже сюрпризов на сегодня, ради Пресветлого! Ло на миг посетила шальная мысль, что этот тоже будет предлагать руку и сердце, стало даже смешно. И увиделось вдруг, что черноглазый смуглый Дагмар ненамного старше нее и хорош собой. Разве что волосы седые наполовину, но у нее и у самой так же, просто на светлых незаметно. Боги, могла ли она представить, что будет думать о вольфгардах так же легко и спокойно, как о дорвенантских или фраганских дворянах?

— Разумеется, выгодную, — блеснул белозубой, как у всех северян, улыбкой ведьмак. — Как в сказке. Что-то очень нужное от меня и сущий пустяк от вас!

— В сказке такие сделки плохо заканчиваются, — мрачно отозвалась Ло. — Сначала скажите цену, мэтр. А я подумаю. И не надо про то, чего я дома не знаю, и прочие классические надувательства.

— Ну что вы, — рассмеялся он так же тихо, но очень искренне. — Я же все-таки не альв, это вы мне льстите. Правда пустяк. Скажите, как вы поняли, что Тинлейвсон — ведьмак? У вас амулет какой-то? Я ведь умру от любопытства!

Он явно знал, что Ло потеряла дар и не могла просто опознать Тинлейвсона по отблеску его личной силы. И смотрел без ненависти или презрения, а с веселым любопытством, которое было бы обидным, если бы Ло могла позволить себе такую роскошь, как обиды.

— Значит, что-то нужное? — уточнила она. — Надеюсь, я смогу решить, брать это или нет?

— Сказки вы знаете хорошо, — серьезно подтвердил Дагмар, и смешинки заплясали в его ярких черных глазах, поймавших луч настенной лампы. — Сможете. Я сегодня играю так честно, что сам себе удивляюсь.

— Я стояла у стола и видела, как вы входите, — устало сказала Ло, мечтая послать шутника к демонам, но вдруг и правда скажет что-то полезное. — Юный оруженосец первым делом посмотрел на стол — проголодался в дороге и не совладал с собой. Ваш ярл... посмотрел на меня.

Она промолчала, что ярл посмотрел на нее довольно выразительно, но, если Дагмар знает про сделку, значит, слышал их разговор своими ведьмацкими умениями. Видимо, охранял Рагнарсона.

— Сигурд и Рори — воины, — продолжила Ло. — Они обшарили взглядом стены в поисках оружия и потайных дверей, а потом окна: может ли из них прилететь стрела в спину? А куда посмотрели вы, когда вошли, мэтр?

— На стул, наверное, — удивленно отозвался Дагмар. — Себе и ярлу. Я всегда смотрю на стул, туда легче всего подложить закладку-порчу. И еще...

— В углы, — подхватила Ло. — У потолка и пола. Потому что там собирается свободная сила, которую можно зачерпнуть в случае чего. Но туда посмотрели не только вы.

— Ах, вот что... — восхищенно протянул Дагмар, мгновенно сообразив, и изящно поклонился. — Благодарю за урок, моя госпожа. Что ж, моя часть сделки еще проще. Я пришел сказать, что у вас красивые волосы.

— И все? — с каменным лицом поинтересовалась Ло, не зная, рассмеяться или послать ловеласа к его ярлу — обсудить любовные неудачи.

— Почти, — сказал Дагмар еле слышно, глядя на нее без всякой игривости, и чутье Ло взвыло, что никакими ухаживаниями здесь не пахнет. — Когда волосы такие красивые, к ним подойдет не всякая лента, но, если уж пришлось впору, стоит ее поберечь. Клянусь моей прародительницей-Лисой, я бы остался в стороне, но вам рассказали не всю легенду о фейсле. И будьте милосердны, госпожа, забудьте мою маленькую дерзость, иначе...

Он снова поклонился, и Ло кивнула, обещая. Кажется, сказанное Дагмаром могло сильно не понравиться его ярлу. Понять бы еще, что сказал ей ведьмак, снова растворившийся в тенях, будто его здесь и не было? Что — и зачем?

Ло закусила губу, постояла в коридоре еще чуть-чуть, а войдя в комнату, велела отогревшейся Нэнси растолкать и привести к ней прачек-северянок. Ей очень нужно кое-что узнать!

* * *

Эйнар вышел из комнаты, где подслушивал, словно после тяжелой драки. Когда непонятно, победил ты или проиграл, но боль в отбитых кулаках и измолоченном теле уже накатывает, стирая мысли. Он вовремя замер в темной части коридора, увидев, как леди разговаривает с ведьмаком, но их уже слышно не было. Ну и плевать. Ему без того есть о чем подумать. Впервые за несколько месяцев хотелось не просто напиться, а уйти в долгий запой. И пусть все катится йотунам в зад! Но пить по-черному он после смерти Мари уже пробовал и точно знал, что оно-то покатится, однако ненадолго. А потом вернется и хлестанет наотмашь. Так что пить он не будет. И даже к друзьям не пойдет, потому что ничьи советы сейчас не помогут. Есть вещи, которые мужчина должен решать сам, потому что отвечать потом только ему. Он дождался, пока ведьмак уйдет, а потом и леди скользнет к себе в комнату, и лишь тогда пошел дальше. Дошел до места, где она стояла, уронил ладонь на перила. Но они были холодны, как и положено мертвому дереву. Боги, как же глупо и стыдно. Как мерзко, когда тебя тыкают носом в лужу, словно нашкодившего щенка. И нечего ответить, потому что все правда. И оскорбиться нельзя.

Проклятый ярл словно вскрыл у него в душе нарыв, все это время болевший, а теперь хлынувший гноем с кровью. Действительно, разве может он, Эйнар, стать настоящим мужем женщине, в которой изначально видел лишь королевскую милость пополам с издевкой? Кто он такой? Бастард, взятый в Волчью Сотню из милости. Даже Мари за него отдали, потому что она была беременна и поклялась, что больше ни за кого не пойдет замуж. А потом им пришлось бежать прямо с собственной свадьбы, потому что тан, явившийся к своему дружиннику почетным гостем, вспомнил о праве первой ночи и получил от Эйнара по наглой пьяной морде. И все эти годы он иступленно старался дать Мари и Тильде все, что только мог! Не только из любви, но и помня, что увез жену из родного дома почти как в балладах, о которых вспомнил Рагнарсон, — в одном только платье и с погоней за спиной. Благослови боги брата Мари, «забывшего» под окном их спальни пару оседланных лошадей с горстью монет в седельной сумке...

И он ведь гордился, что за десять лет дослужился до помощника коменданта крепости. Что его жена и ребенок всегда в тепле, сыты и одеты, как положено семье порядочного человека. Что Мари может позволить себе и большое зеркало в комнату, и кружева на платье, и книги с яркими картинками для Тильды. Это было не меньше, чем она имела дома! И этого для их семьи было вполне достаточно.

Но каким жалким все это кажется по сравнению с тем, к чему привыкла его нынешняя жена.

Никогда Эйнар, хоть из шкуры вывернись, не сможет дать ей то, что легко и спокойно обещает

ярл Рагнарсон. Что он вообще может ей дать?! Все, чем она встречала гостей, чтобы защитить его, Эйнара, супружескую и офицерскую честь, принадлежит ей самой. Это ее приданое. И хочется набить ярлу красивую породистую рожу только за то, что он презрительно бросил слова о достойной вире за обиду. И о том, что Эйнару, мол, нужны были только деньги и титул. А ведь это правда, хоть и не вся. Замахиваться на титул лорда у него и в мыслях не было, но упрочить дворянство, сделав его наследным... Это ли не страшная своей недостижимостью мечта мальчишки-бастарда с дразнилками за спиной?

Но сейчас... Сейчас от сбывшейся и многократно превзойденной мечты горько и тяжело, словно он не взлетел вверх, а упал на самое дно. Опять к нищему беглецу без имени, невийской дубине, у которой всего имущества — крепкие кулаки и бешеное желание выбраться из нужды. Да только тогда у него было ради кого выбираться. А сейчас дубина стала кирпичом, но и тот лежит не на своем месте, так что все только морщатся, спотыкаясь о досадную помеху.

И если уж совсем честно — разве ярл не прав, что с ним леди будет лучше?

Эйнар вспомнил, как увидел их рядом впервые, и в сердце снова тоскливо и гадостно защемило. Они были похожи, как две стороны одного меча! Холодная светлая сталь. Золотая кровь... Волк и его волчица. И таким же ледяным ясным осознанием резало душу, что Рагнарсон сможет защитить леди от морока, который — теперь Эйнар знал точно — не остановится ни перед чем, лишь бы добраться до женщины, укравшей у него месть. Если он готов был утопить сотни северян, разве пощадит еще несколько человек? Что ему жизнь Тильды? Не говоря уж о самом Эйнаре. Отдать леди ярлу будет мудро. Он отведет беду от дочери, а уж Рагнарсон свою жену защитит куда лучше, чем пограничный капитан. У ярла — сотни верных мечей, у ярла — ведьмаки! Отдать леди ему — спасти ей жизнь, быть может!

Но почему же так паршиво-то? Он ведь не предаст жену, она может выбрать сама! Да, она отказалась, как и положено порядочной женщине... И это было еще одной увесистой пощечиной, если вспомнить кое-что из их первых разговоров. Но то сейчас, сгоряча. У нее вся ночь на раздумья. А Эйнару, если завтра она решит уехать с ярлом, всего-то и надо — отойти в сторону. Вспомнить свое место и не путаться под ногами у знати. Проклятье. Проклятье. Проклятье... Если бы он рисковал только своей жизнью и судьбой! Но в танцах с волками, как бы ты ни был хорош, — будешь сожраным.

Глава 22 ВОЛК И ПЕС

Ночь Эйнар провел без сна. Сначала честно пытался задремать, но прокрутился на холодной жесткой постели до полуночи и встал, уговаривая себя, что всего лишь проверит караулы. Просто ради спокойствия. Нет, он не думал, что Рагнарсон напрямую нарушит законы гостеприимства и попытается похитить леди ночью. Все-таки он связан и обещанием ей, и долгом посла, и собственной честью в глазах остальных северян. А честь ярла — честь всего клана. Однако караулы Эйнар на всякий случай проверил. В конце концов, может, он за этого самого посла беспокоится?

Караулы бдили, как им и положено, остальная крепость спала. Только однажды в темноте двора что-то коротко взвизгнуло, зашипело, и мимо Эйнара, мгновенно бросившего ладонь на рукоять ножа, гордо прошеествовал Мяус с огромной крысой в зубах. Крыса извивалась, пищала и лупила по камням толстым голым хвостом, пытаясь укусить кота, но тот лишь сильнее сжимал зубы да подозрительно косился на человека.

— Не отниму, не бойся, — сказал Эйнар, невольно усмехнувшись. — Хорошо службу несешь. Мяус уронил придавленную крысу возле колодца, сел рядом и посмотрел на нее с удовлетворением, будто соглашаясь: да, служит на совесть. Потом облизал лапу и принялся умываться. Сгорбившийся и остроухий, в лунном свете он был похож на крошечную горгулью, сложившую крылья за спиной, — точно такая, только серебряная, украшала приклад любимого арбалета Тибальда.

Миновав кота, Эйнар обошел двор, сходил на стену... Все было тихо. Вернувшись в комнату, он снова лег и провалялся еще пару-тройку часов, глядя то в потолок, то в окно, наискось перечеркнутое лунным светом. После уборки Селины комната стала чистой и почти уютной, но

Эйнару все время казалось, что он в чужом месте. А ведь это комната Мари... Неужели и правда он предаст память жены, если хоть задумается о браке с другой женщиной? Настоящем браке...

Время тянулось, как смола из трещины в коре, Эйнар почти чувствовал его медленную вязкость, в которой тонул, словно неудачливая мошка. Рассвет поздней осенью не торопится, а ярл вряд ли пустится в путь с первыми лучами солнца. Интересно, что он будет делать, если леди не придет провожать гостей? Проспит или... В то, что она передумает, разом хотелось и не хотелось верить. Если согласится... Да, позору Эйнар нахлебается, как утопленник — воды, зато потом будет жить спокойно. Морок от них с Тильдой отстанет, а позор забудется... наверное.

А вот если нет... Простыни вдруг показались колючими, но Эйнар заставил себя прикрыть глаза и лежать неподвижно. Поспать все-таки стоило, иначе завтра опять глаза будет щипать, словно в них песку насыпали. Вот так и понимаешь, что годы идут. Лет десять назад он не знал, что такое усталость после бессонной ночи... Так вот, если леди не согласится на предложение ярла, беды Эйнара могут закончиться очень быстро и просто — прилетевшей ниоткуда стрелой, обвалом в горах или смертельной хворью. Смотри что окажется легче устроить. Ведь ярл, покинув его дом и отъехав на девять полетов стрелы, перестанет быть гостем.

А еще стоило подумать, чего хотел от леди ведьмак. Вряд ли просто пожелать доброй ночи. Интересно, почему ярл волчьего клана держит при себе ведьмака родом из черных лис?

Родственники по хвостам, что ли?

Снова и снова Эйнар перебирал по слову все, сказанное на йотуновом балконе, благо на память никогда не жаловался. Почему маг, скрывавшийся под мороком, возненавидел леди, теперь было понятно. Но неужели король ничего не знает об этой истории? А если знает, то должен был держать магичку под надежной охраной. Если только...

Если только вокруг леди не идет тихая смертельная игра, Цель которой — найти предателя.

Тогда можно даже предположить, зачем ее прислали в крепость, прикрыв истинные намерения браком по королевскому сватовству, — да просто в Драконьем Зубе каждый человек на виду!

Подобраться к леди незамеченным у убийцы вряд ли выйдет. И портал в саму крепость не поставишь — для этого нужно получить разрешение коменданта, который должен своей печаткой отключить защитный артефакт. Потому-то и маг является мороком, что дотянуться собственными руками пока не может. Для этого, похоже, ему и нужен Эйнар. Зато морок способен вынюхивать и как-то влиять на разум, если правда то, что он говорил про Тильду.

Пресветлый Воин, как же паршиво распутывать дела магов, ни йотуна в них не смысла! Кстати, а почему леди не захотела поклясться ярлу своей силой? Неужели...

Да нет, силу она не утратила. Эйнар сам слышал, как горничная леди рассказывала о проклятии, которое магичка наложила на дверь комнаты после выхода Тильды. Послушать Нэнси, так из досок вылезали черные змеи с горящими глазами, валил красный дым и что-то жутко стонало, а потом все втянулось назад и успокоилось, но проклятие, мол, теперь так и ждет жертву. Дверь, мимо которой Эйнар проходил по десять раз на дню, выглядела совершенно обычной, но ведь его куртка, обработанная магом-артефактором, тоже ничем таким на вид не отличается, а грязь и острое железо ее не берут. Так что магии леди не лишилась, и причину ее отказа в клятве надо искать в чем-то другом, как и разгадку отсутствия перстня.

Но все это — снова и снова возвращался он к ясной жестокой мысли — не будет иметь значения, если леди уедет с Рагнарсоном, забрав и ненависть своего врага, и все тайны.

Под утро Эйнар все-таки уснул, провалившись в тяжелое тревожное забытие, но через час очнулся от шума во дворе. Вскочил, растерянно и зло ругнув себя, — настолько привык вставать раньше всех в крепости, что и помыслить не мог о возможности проспать. Быстро оделся, поплескав в лицо холодной водой над тазом, накинул куртку. Оружие, поколебавшись, брать не стал. Шум совершенно мирный, просто гости собираются в дорогу, и выйти к ним с топором или мечом было бы странно. Хуже того, оскорбительно. А ведь как чешутся руки...

Сбежав вниз, Эйнар торопливо окинул взглядом двор, ища среди высоких широкоплечих северян женскую фигурку. Но леди не было. Или она действительно проспала отъезд гостей, или ехать не собиралась. «Или ждет нужного момента, чтобы появиться», — кольнула недобрая мысль.

— Тибо, почему меня никто не разбудил? — хмуро спросил он сержанта, лениво попивающего шамьет на крыльце.

— Тебя? Да все думали, что ты уже проснулся, — удивленно глянул Тибо. — Всегда же вскакиваешь раньше петухов, будто они тебя в задницу клюют перед тем, как запеть. На-ка, глотни, а то вид такой, словно и не ложился.

Эйнар взял кружку, хлебнул горячего сладкого напитка, все равно отдающего скрытой горечью, которую из шамьета не убрать, сколько ни лей меда. В голове почти сразу перестало гудеть, в глазах тоже прояснилось. Хорошая штука, хоть и непонятная на вкус. Никогда Эйнар не любил это южное пойло, а придется, похоже, с ним подружиться, если и дальше со сном будет такое.

— А где ярл? — оглядел он двор еще раз, поняв, что его тревожит: белоснежной гривы Рагнарсона тоже не было видно.

— Да вон он, — кивнул Тибо, принимая назад кружку и смачно зевая. — С ведьмаком рядом стоит. С тем, что помоложе и посмазливее. Слушай, а правду говорят, что северяне в походе друг о друга греются? Да и в мирное время могут парня с девчонкой попутать?

— Иногда — правду, — буркнул Эйнар, досадливо вглядываясь в ярла, от которого как раз отошел прикрывавший его от взгляда здоровенный берсерк. — Но это... не так, в общем, как на юге. Потом расскажу, если хочешь.

Не то время сейчас было, чтоб объяснять древние обычаи Вольфгарда, по которым воин, не заслуживший славы и не скопивший лично добытого золота, не вправе сделать брачное предложение достойной деве или женщине. Можно, конечно, жениться на ком-то попроще или привезти в жены чужестранку, но это значит показать свою слабость, потому многие не женятся до тридцати, а то и до сорока лет. Когда мужчина дома, хватит и рабынь, чтобы согреть постель. А вот в походах...

Там сложился тайный дружинный уклад, по которому юнцу, еще не выпросившему ленты, не считается бесчестьем ночевать с кем-то из старших под одним плащом. Само собой, по согласию и в благодарность за воинскую науку. Потом, выйдя из возраста кипящей крови и приведя жену в собственный дом, воин и думать о таком забудет. Женатому — неприлично, его и так Волчица наградила благой долей. Взявшему ленту — тем более постыдно: как может стать хорошим мужем тот, кто не способен справиться с собой и подождать женского ответа? А молодому холостяку — можно, если совсем невтерпеж. Но только воину, а не земледельцу или ремесленнику.

Потому что в дружине мужскую дурь сдерживает ясное понимание: обидишь своего — останешься в драке с неприкрытой спиной, а то и нож в нее получишь. Ничего общего с развратным югом, где мальчиков продают на рынках наравне с девушками, не видя в этом мерзости. Но в Дорвенанте никому не объяснишь разницы. Если уж самого Эйнара, выросшего рядом с Вольфгардом, от подобных нравов с души воротило — все-таки не волк он, как ни крути.

— А к чему ты... — повернулся он к Тибо, но тот уже куда-то делся вместе с шамьетом. Эйнар вгляделся в ладную фигуру ведьмака, вспомнил его уверенные повадки и подумал, что вряд ли Дагмар из тех, кто ищет мужского покровительства. Но даже если так — не его, Эйнара, это дело, гораздо интереснее, о чем Черный Снег ночью говорил с леди. И куда сейчас оба северянина смотрят так внимательно.

Сообразив, куда именно уставился ярл, Эйнар прикусил губу. Ну точно, там всего-то три окна. И вряд ли Рагнарсон хочет увидеть в них Тильду или самого Эйнара. А вот ведьмак... Дагмар Черный Снег скользнул взглядом по всей стене, потом присмотрелся к крытой галерее второго этажа, задержавшись там, словно увидел что-то интересное, и наконец в упор поймал взгляд Эйнара. По узким четко очерченным губам скользнула насмешливая улыбка, ведьмак, не поворачиваясь, что-то негромко сказал ярлу, и на Эйнаре скрестились уже два взгляда.

Дальше делать вид, что он ничего не замечает, было глупо и позорно. Эйнар отпустил перила, которые, оказывается, стиснул рукой, и пошел к Рагнарсону через весь двор, не обращая внимания на суетящихся людей. Кому нужно, пусть сам убирается с дороги.

— Доброго утра, капитан. Пришли пожелать нам легкого пути?

Ярл улыбнулся ему с такой искренней приветливостью, что, не услышь Эйнар собственными ушами, как Рагнарсон соблазняет его жену, не поверил бы. Разве способен на недостойный поступок столь благородный и учтивый вельможа?

— Доброго утра, ваша светлость. Именно так.

Холодная злость, окатившая, как вода из полыньи, мгновенно остудила разум. Нельзя делать глупостей. Нельзя дать повода для поединка, ни малейшего! Потому что законы чести, на

которые Рагнарсон вчера ссылался, давая обещание леди, позволяют очень многое, если умеешь их правильно толковать. А самое глупое и обидное, если придется умереть напрасно.

— Что ж, если и дальше нас будут встречать с таким гостеприимством, дорога покажется слишком короткой, — продолжал улыбаться ярл.

Эйнара так и подмывало спросить, будет ли тогда его светлость увозить хозяйку из каждого дома на этой дороге, но он сдержался. Не хватало еще выдать, что слышал вчерашний разговор. Как ни крути, а чести оно ему не делает.

— Принимать достойных гостей — почет и радость, — бросил он и хотел уже поинтересоваться, не нужна ли помощь в сборах, как брови ведьмака, увидевшего что-то за его спиной, изумленно выгнулись.

Рагнарсон тоже посмотрел Эйнару за плечо. Улыбка его застыла, потом исчезла, в последний миг показавшись фальшивой. В желтых глазах волчьего ярла мелькнула растерянность, а потом они просияли яростным расплавленным золотом, словно солнце, показавшееся из-за восточной башни, именно сейчас заглянуло Рагнарсону в лицо. Эйнар шагнул в сторону и повернулся, обреченно принимая все, что увидит.

И все равно это было как оплеуха наотмашь. Словно он вернулся назад, в тот самый миг у алтаря, когда еще можно было все остановить.

Спустившаяся с лестницы во двор женщина смотрела спокойно и холодно, но Эйнар ради спасения собственной жизни не смог бы сказать, на кого из двоих, стоящих рядом, — на него или на ярла. Наверное, на обоих. Словно взвешивала их на непостижимых жестоких весах, прячущихся в каждом женском сердце. Определяла меру и ценность. Выбирала. Принимала решение.

И если было у них с Рагнарсоном хоть что-то общее, то именно сейчас, когда на краткий миг весы застыли в равновесии, а сделанный выбор прятался за ледяными глазами цвета стали.

— Доброго утра, моя госпожа, — склонил голову Рагнарсон, и Эйнар стиснул зубы, увидев, как ему вторят остальные северяне, приветствуя леди.

— Доброго утра, ваша светлость. Доброго утра, милорд супруг мой и все господа.

Она не улыбнулась. Стояла в дюжине шагов от них, настороженная, разве что воздух не нюхала, глядя почти враждебно. Совсем не такая, как вчера и при встрече гостей, — куда что подевалось? Ни нарядного платья, ни толстой витой косы вокруг высокого бледного лба.

Сегодня леди оделась почти как на свадьбу, в те же замшевые штаны и армейские сапоги, разве что поверх рубашки был надет черный камзол, в котором она приехала. Глухой и длинный, до середины бедер, только над воротником виднелась белая пена кружева, но не белее, чем лицо леди. Ах да, холодно же, какая рубашка? Сейчас и плащ не помешал бы.

Его жена, нежеланная, но принятая им по всем законам, божественным и человеческим, смотрела на Эйнара в тишине примолкшего двора, словно все почуяли недоброе, а Эйнар не мог отделаться от глупой мысли, молоточками бившейся в висках: почему она не надела плащ ярла? Такая мелочь уже ничего не решила бы, но... почему? Что ж, зато в штанах ехать верхом гораздо удобнее. А плащом у Рагнарсона хватит, это ярл правду сказал.

Он ответил ей таким же прямым взглядом, изо всех сил держа лицо каменным, хотя и это уже было неважно. А потом, вспомнив кое-что, пошел навстречу, торопясь, пока леди не отошла от перил, на которых она держала руку, в точности как он недавно, словно цепляясь за спасение. У него осталось всего несколько мгновений, но это следовало сделать сейчас, пока Рагнарсон еще был за спиной.

Поэтому Эйнар шел, впитывая взглядом то, что видит, словно наказывал себя за всю дурость, что случилась с его позволения или попустительства в эти дни. Тонкая длинная шея, утонувшая в проклятом кружеве чужой рубашки — ярлу еще предстоит ее увидеть, но какая разница?

Серебро волос, небрежно скелотых в пучок на затылке — наверное, плести красивую косу оказалось слишком долго? Плотные сжатые губы — вчера они были куда розовее, а сейчас будто вся кровь ушла. Глаза... Холодные и острые. Непроницаемые, как положено воину перед боем.

Леди, разве так смотрят на мужчину, которому согласны отдать руку и сердце?

Злая обида плавилась где-то внутри, заливая нутро кипятком, горяча кровь. Да, он и вправду Кирпич, бывшая невийская дубина, сторожевой пес. Но зачем вот так? Почему было не поговорить с ним честно и наедине?! Ведь, не услышь Эйнар разговор, сейчас бы не знал ровно ничего!

А потом вспоминалось все, что творилось в крепости: их ссоры, Тильда, морок... Что ж, капитан, значит, ты сам виноват. Не заслужил. И ты ведь сам себя уговорил, что с ярлом твоей жене будет безопаснее. Нет, не твоей жене! Просто леди. Боевой магичке. Аристократке. Живой легенде, чтоб ее... Главное — живой.

Эйнар прошел эту дюжину или чуть больше шагов, чувствуя на себе столько взглядов, что спина чесалась между лопатками. Но сам видел только один взгляд — светлый и холодный, как первый ломкий ледок на реке.

— Леди...

Он склонил голову и тут же выпрямился, ловя малейшее изменение на бледном лице магички.

— Капитан?

Их, конечно, слышали, хоть и не слишком хорошо, но Эйнару было плевать. Хотя бы часть долга он собирался отдать, пока еще мог.

— Благодарю, миледи, — сказал он негромко. — Вы были прекрасной хозяйкой все эти дни. Если бы не вы...

Удивление в ее глазах вспыхнуло всего на несколько мгновений, но и этого хватило, чтобы серо-голубой лед потеплел.

— Вам стоит благодарить своих людей, милорд, — сказала магичка мягким грудным голосом. — Селину, Молли, мэтра Вайса. И особенно сержанта Мерри. Их заслуга неоценима. Кроме того, не рано ли? Гости еще не уехали.

— Именно поэтому, — уронил Эйнар, отступая в сторону, чтобы дать ей путь.

Два шага вперед. Четыре. Пять...

Эйнар смотрел, как она проходит половину пути и останавливается, а Рагнарсон идет ей навстречу. Но когда между ними осталось совсем немного, ярл вдруг остановился и взглянул на Эйнара, позвав:

— Капитан?

Только сейчас Эйнар увидел, что в руках у Рагнарсона меч в ножнах. Роскошные ножны, отделанные бирюзой, позолоченная рукоять... Пожалуй, меч на поясе самого Рагнарсона выглядел куда проще.

— Капитан, — снова сказал волчий ярл, улыбнувшись, и Эйнар подошел, чувствуя, как по спине катится ледяной крошкой дурное предчувствие. — Ваше гостеприимство выше всех похвал. Прошу, примите на память.

Он склонил голову, протягивая меч на вытянутых руках, потом горделиво выпрямился, и Эйнар стиснул зубы, встретившись с насмешливым взглядом, полным превосходства.

— Простите, ваша светлость, — сказал он, изнывая от тяжелого стыда, — но я предпочитаю топор. Не дело, чтоб такое прекрасное оружие осталось без употребления.

Проклятье, глупее отговорки не придумаешь! Но ведь не скажешь прямо то, что понятно обоим без слов: отдариться за меч, на рукояти которого клеймо Арса Медвежьей Пасты, Эйнар не сможет ничем. Хоть все имущество продай, хватит разве что на ножны, которым по цене далеко до клинка. А взять, не отдарившись, вещь подобной цены — позор. Но и отказаться нельзя, Эйнар без того уже встал на самый край прямого оскорбления гостя. Вон как замерли вольфгардцы, ловя каждый звук и движение.

— Что ж, пригодится вашему сыну, — продолжал улыбаться ярл, держа увесистый красавец-клинок легко, словно пруттик. — Не обижайте меня отказом.

Тварь... Все он прекрасно понимал, все рассчитал безупречно. Наверняка клинок работы Арса взят из королевских даров, но разве теперь это имеет значение? Не принять подарок — прямой плевок в лицо. Тогда уж поединка не избежать, а главное, обычай будет целиком на стороне Рагнарсона. Как и законы чести, которым он обещал следовать.

Эйнар молча принял дар, тяжело оттянувший ладони. На мгновение меч, переходя из рук в руки, соединил их, и ярл торжествующе блеснул глазами. Все еще можно было поправить, найдись у Эйнара что-то, пусть не равноценное, но хотя бы достойное стать подарком. Но счет шел на удары сердца, а послать за ответным даром Эйнар не мог. Его топор? Даже не смешно.

— Боюсь, высокий ярл, — сказал он еще мрачнее, с трудом выталкивая слова из пересохшего горла, — за такое сокровище отдариться мне нечем. Разве что сами скажете, что вам приглянулось из того, чем я владею.

«Ну давай же! — глянул он в лицо ярлу. — Не зря ты все это затеял, так продолжай. Занес меч — опусти».

— Что ж, капитан, — продолжал улыбаться Рагнарсон. — Чтобы оружие принесло вам удачу, я и впрямь попрошу за него безделицу на память. Всего лишь ленту леди Ревенгар, на гладкую дорогу.

Слово было сказано — и упало в мертвой тишине. Эйнар видел краем глаза потрясенные лица Сигурда и Рори, невозмутимую физиономию Дагмара, мрачную — Тинлейвсона. Немногие дорвенантцы тоже притихли, чуя неладное. Леди, стоя как раз посередине между ним и Рагнарсоном, молча переводила взгляд с одного на другого, но по ее лицу Эйнар ничего не мог прочесть.

— Вот как, значит, — медленно сказал он, стискивая рукоять подаренного меча. — И вправду безделица.

Будь ты проклят, Лисий хвост с волчьими зубами! Получить от женщины ленту — заручиться обещанием, что именно тебя она ждет, желая, чтоб дорога оказалась гладкой, как эта лента. Замужняя, конечно, ленту второй раз подарить не может. Кроме одного-единственного случая — если хочет сменить мужа и уверена, что он проиграет в поединке. Потому что добром такое решить невозможно.

Молчал, улыбаясь, Рагнарсон, молчал его отряд. Малкольм, стоявший у вяза, передернул плечами, словно скидывая с них что-то, и Эйнар отстраненно подумал, что счет на людей, пожалуй, будет равный. Потому что у ярла, конечно, десяток человек и пара ведьмаков, но дорвенантцев больше. Еще и Тибо где-то... Но нельзя. Даже если придется сдохнуть под мечом Рагнарсона. Потому что ценой смерти ярла будет не просто голова Эйнара Рольфсона и его солдат, а сорванный мир с Вольфгардом. Они оба это понимали, и на миг Эйнару показалось, что в глазах ярла мелькнуло сочувствие. Но в следующий миг волк посмотрел на леди — и сочувствие исчезло, утонув в голодном золоте вожделения.

А леди молчала. И Эйнар вдруг понял, что она-то и в самом деле не видит в просьбе Рагнарсона ничего необычного. Считает, наверное, что у нее просят пустяк из вежливости. Вроде платочка или рукава на рыцарское копьё во время турнира. Так, на удачу... Она же дорвенантка! И стоило ему это понять, как внутри обожгло злым жаром. Да, он почти смирился с тем, что она уйдет. Заставил себя смириться. Но сама! Понимая, что делает. Законы чести?! Какие, к утбурдам, законы чести позволяют обмануть дорвенантку, зная не знающую, что такое подарить ленту?!

Он не успел понять, как сделал шаг. Просто вдруг оказался между ярлом и магичкой, и, будь Эйнар в самом деле псом, загривок бы у него сейчас вздыбился и клыки оскалились. А так он просто стоял, сжимая кулаки и ясно понимая, что при малейшем подозрении люди Рагнарсона имеют полное право его убить, спасая ярла. Да и свои, кстати, обязаны. Спасая посла.

— Что же вы, капитан, — тихо и почти нежно сказал Рагнарсон, выдерживая его взгляд, но перестав улыбаться. — Откажете леди в ее законном праве выбрать?

— Право? — выплонул Эйнар, сдерживая рвущийся из груди звериный рык. — Выбрать? Даже не зная, что она выбирает? Это ваша честь, яр-р-рл?

Вот теперь глаза Рагнарсона полыхнули по-настоящему. Эйнар почти увидел, как он делает шаг, выхватывая меч... Но вольфгардец сдержался. Только посмотрел на магичку и еще мягче спросил, ухитрившись в одно слово вложить столько тягучего обещания и нежности, что Эйнара передернуло:

— Миледи?

Миг... второй... третий... Малкольм уронил руку на меч. Ведьмак Тинлейвсон поднял руки перед собой. Четвертый... На галерее второго этажа мелькнул Тибо, опирающийся на перила в странной позе. Пятый... Рори и Сигурд с застывшими лицами сомкнули плечи за спиной у ярла... Эйнар отсчитывал мгновения, как приговоренный к казни. Глянуть в лицо своей жене он не мог, потому что боялся отвести взгляд от Рагнарсона. И ушам не поверил, когда услышал холодно-спокойный голос:

— Простите, ваша светлость, но я вам уже ответила. И все мои ленты — только для мужа. Раздайся с небес голос Пресветлого, Эйнар не поразился бы сильнее. И ответ своего изумления он увидел на лице ярла, дернувшегося, как от укола. Еще несколько мгновений ярл молчал, смотря на леди, потом перевел взгляд на Эйнара. И в ледяном золоте его разом успокоившегося взгляда Эйнар увидел свою смерть так ясно, словно она уже случилась.

— Но отпускать вас без подарка и вправду не делает нам чести, — прозвенело из-за плеча Эйнара то ли бьющимся стеклом, то ли столкнувшимися клинками.

Он уже слышал такой голос. И сейчас точно знал, что его жена не просто зла — она в ярости. Той самой ярости, которая не разбирает силы врагов и не видит препятствий. Похоже, леди все-таки знала, что у нее попросили. И — мгновенно осенило Эйнара — именно это склонило выбор в пользу пса, а не волка. Просто потому, что нрав леди не стерпел попытки увезти ее обманом. Ярл сделал ставку — и проиграл. Успел ли он сам это понять?

— Позвольте, милорд супруг мой.

Магичка шагнула, встав рядом с Эйнаром, так что он видел бьющуюся жилку на ее виске и заострившееся бледное лицо, только скулы и губы порозовели.

— Миледи? — настороженно уронил ярл — теперь его очередь была чуять неладное.

— Признавая долг, вы назвали меня не только леди.

Она улыбнулась, вскинув голову, такая же прямая и надменная, как Рагнарсон. Тонкая, беловолосая, но не блеклая, как казалось Эйнару раньше. Сталь не бывает блеклой. Она просто не удостаивает быть яркой, ее ценность — в другом.

— Я слушаю, — медленно кивнул Рагнарсон.

— Раз уж вы не получили ленту от леди Ревенгар, не возьмете ли это от Стального Подснежника?

Леди так же медленно, напоказ всему двору, подняла руку, и серебряная серьга, искрящаяся огоньками мелких бесцветных камней, покинула ее левое ухо. В правом же, поймав солнечный луч, блеснула еще острее, с вызовом. Леди протянула Руку точно так же, как недавно — ярл, предлагая Эйнару меч.

— Боги... — прошептал кто-то, и в полном беззвучии двора шепот услышали все.

— Вы...

Голос Рагнарсона осекся, и Эйнар его понимал. Потому что творилось неслыханное. Вместо ленты ярлу Хёгни, главе одного из самых могущественных кланов Вольфгарда, сумасшедшая дорвенантская магичка предложила воинское побратимство. И ведь имела право! Он сам назвал ее офицером!

— Вы понимаете, чт

о

отдаете? — справился ярл с собой, вглядываясь в лицо магички то ли с восторгом, то ли с ужасом.

— Понимаю, — бесстрастно отозвалась та. — Но иного не будет. Я свой выбор сделала, а ваш — за вами.

Едва дыша, Эйнар смотрел, как ярл осторожно, словно ядовитую тварь, берет серьгу с узкой женской ладони. Как быстро облизывает губы. Как вглядывается в лицо стоящей перед ним женщины, невольно подаваясь вперед в последней сумасшедшей надежде... И как невидимая струна, до предела натянувшись между ним и леди, лопается, заставляя Рагнарсона порывисто выдохнуть:

— Дагмар, иглу.

— Мой ярл...

В голосе ведьмака звучал испуг, Эйнар понимал и его тоже. На глазах у вольфгардского посольства и дорвенантского гарнизона творилась легенда, о которой сложат баллады и саги. А попасть в легенду и пережить ее сотворение удастся немногим.

— Иглу! — бросил Рагнарсон с тоскливой яростью, и Черный Снег, подойдя, молча подал вытасненную откуда-то костяную иглу.

Не отводя взгляда от магички, вольфгардец ткнул острием в мочку правого уха. Не поморщившись, на ощупь вдел серьгу, и струйка крови побежала, пятная серебро алым, капая на плечо и пачкая новый плащ. Леди протянула ладонь, и ярл положил в нее иглу. Все верно, под серьгу побратима плоть всегда прокалывается заново, чтобы смешать кровь. Резкий укол — и Эйнар сам с трудом выдохнул, глядя на исказившееся лицо магички. Закусив губу, она вдела серьгу, пачкая ее кровью точно так же, как ярл.

Вот и все. Рассудком Эйнар понимал, что леди выиграла у них обоих. Она не просто предотвратила поединок! Даже Лисий хвост Рагнарсон вряд ли посмеет навредить мужу своей названной сестры. Да и толку ему теперь убивать Эйнара?

— Гладкой дороги, Ингольв, — сказала магичка, с той же ледяной безмятежностью обращаясь к ярлу по имени, как и положено сестре.

— И тебе остаться с добром, Лавиния, — склонил голову Рагнарсон.

Сделав шаг назад, он так же надменно выпрямился, посмотрев на Эйнара, но теперь в золоте волчьих глаз плескалась боль.

— Видят боги, капитан, — сказал ярл хрипло, — впервые в жизни я смотрю на женщину, завидуя мужчине. Береги мою сестру, чтоб тебя...

Круто развернувшись, так что плащ плеснул складками, он взлетел в седло давно ждущего жеребца, и мир вокруг рассыпался звуками и движением. Вольфгардцы уезжали молча, но фыркали кони, звякала сбруя, цокали по камням двора копыта, пока отряд выезжал за ворота. До боли сжимая жесткие ножны ярлова подарка, Эйнар сглотнул ком в горле, чувствуя, как льется по спине холодный пот. Мимо только что в очередной раз прошла смерть. Он подумает об этом потом. И поблагодарит леди...

— Сержант! — повернувшись, окликнула магичка Тибо, стоящего на галерее. — Какого Баргота вы там делаете с арбалетом?!

— Вот не поверите, миледи, — невозмутимо отозвался Тибальд, вытирая рукавом лоб, хотя во дворе было совсем не жарко. — Пружина ослабела. Подтягиваю...

— Нашли место.

Она улыбнулась как-то беспомощно, зябко обняла руками плечи. И, прежде чем Эйнар снял куртку, ругнув себя за тупость, торопливо ушла наверх, в крепость. Остальные тоже мгновенно вспомнили о делах, и Эйнар остался стоять посреди двора один, дыша невозможно вкусным осенним холодом с жадностью приговоренного, получившего то ли помилование, то ли отсрочку. Потому что ярл уехал, а это значит, справляться с проклятым мороком придется самому Эйнару.

Глава 23 СНЫ И ПИСЬМА

По лестнице Ло взлетела, словно кто-то за ней гнался. Вбежала в комнату, бросила взгляд в окно, однако, чтобы увидеть там хоть что-то, кроме неба, следовало подойти к подоконнику, а она села на кровать и закрыла лицо ладонями. Нет, она не будет смотреть! Пусть даже точно знает, что краешек дороги, выходящей по склону за крепостной стеной, можно разглядеть. Ей некого провожать взглядом!

Зачем? Зачем и за что? Он обещал ничего не сделать против законов чести, но почему посчитал ее легкомысленной дурочкой? Почему решил, что можно взять с бою, раз не вышло по доброй воле? А если бы она не нашла выход?!

В глазах потемнело от запоздалого страха, стоило представить, что шутливый поединок, увиденный вчера, мог обернуться настоящим. И кому она тогда пожелала бы победы?! Разве могла бы она желать победы хоть одному из них?!

Страх, ледяной когтистой лапой сжавший внутренности, отступал медленно, словно нехотя. Ло убрала руки от лица и без всякого удивления увидела, что пальцы дрожат. К Барготу баллады, прикрывающие кровавую резню пышными оборотами, как мертвеца — шитым золотом саваном. Нет в убийстве ничего красивого и быть не может, уж она-то знает! А качнись зыбкое равновесие чуть сильнее — смертей было бы не избежать!

Ло зябко обхватила руками плечи, сидя спиной к окну. На дверь, впрочем, тоже не хотелось смотреть — она никого не ждала. Только сейчас заболело проколотое ухо, и Ло потрогала его пальцами, окрасив их кровью. Руку немедленно захотелось вытереть, словно это могло что-то изменить. Поздно! У нее появился брат... Нервное напряжение прорвалось сдавленным то ли смешком, то ли всхлипом. Она, боевой маг Дорвенанта, стала названной сестрой вольфгардского ярла. Судьба, в Руденхольме уберегшая их от встречи, поглумилась на славу! И ради чего это все?

«Ради чести, — твердо сказала себе Ло, стискивая плечи так, что пальцы свело болью. — Ради жизни дорвенантского гарнизона, не обязанного подставлять головы за чужую дурь. И даже ради капитана Рольфсона, который тот еще Кирпич, но...»

Она вздохнула, растерянно вспоминая, как Рольфсон встал между нею и ярлом. И эта его отчаянная и неуместная благодарность, торопливая, словно капитан боялся... не успеть?

— Пресветлый... — прошептала Ло, ошеломленно разжимая руки и растирая пальцами виски. — Он же все понял раньше... Или... нет... Он не мог знать!

Не мог, но знал раньше, чем она подошла к волчьему ярлу! И не помешал. Хотя нет, он заступил ей путь, когда... Да когда решил, что она не знает о ленте! Не понимает, что у нее просят!

Во дворе она сосредоточилась на Рагнарсоне, словно на противнике перед боем, а вот теперь вспомнился и зазвучал в ушах хриплый голос капитана. Ее муж знал! И возмутился, что ее увезут хитростью!

Ло снова вздохнула, ловя воздух ртом, будто его не хватало, пытаясь вдохнуть как можно больше. Плотный камзол вдруг сдавил грудь, и она содрала его, бросив на постель и оставшись в одной рубашке. Действительно ли капитан не пытался препятствовать ярлу? В какой момент он все понял? И почему? И что подумал?

В комнате было прохладно, однако щеки у нее запылали от стыда и злости. Перед кем, на кого — она и сама не понимала! Но теперь точно знала, что была права! Барготово дерьмо, ее пытались поделить, как военную добычу! Хотя нет, не так... Один пытался ее увезти, пользуясь мнимой неосведомленностью, второй...

— Боги, за что? — снова прошептала Ло, мечтая расплакаться, но слез не было.

Красивая сказка, в которую она на миг позволила себе поверить, рухнула. Ну почему у Ингольва Рагнарсона не хватило терпения просто уехать? Он мог бы добиться у короля развода, мог бы жениться на ней немного погодя... Почему он все испортил? Да потому что наплевал на ее решение! Потому что захотел взять ее немедленно! Силой, обманом — все равно! О чем он думал? Что она его простит? Что сдастся и полюбит, приняв оправданием страсть? Глупо...

Какая любовь может быть там, где нет уважения? И каким уважением она могла бы ответить на обман?

А капитан все знал. Теперь Ло поняла это ясно, хотя по-прежнему не могла сообразить откуда. Он поблагодарил ее, потому что простался... Решил, что она уезжает по доброй воле? Дурак! Да она ведь даже оделась по-мужски, чтобы Рагнарсон выбросил из головы глупости насчет Снежной Невесты! Чтобы увидел в ней не женщину, а бывшего врага, боевую магичку! Убрала волосы как можно проще, спряталась за глухим суконным камзолом, как за щитом... И серьга, которую она предложила ярлу, была последним рубежом обороны, самым отчаянным! Капитан — дурак... Но...

Ей снова не хватило воздуха, и Ло задышала быстрее и глубже. В памяти вспыхнуло, как капитан встал перед ней, заслоняя от Рагнарсона. Он готов был драться, когда понял, что она не договорилась с ярлом заранее. А ведь она едва устояла! Едва не позволила себе сдаться, обманувшись красивыми словами...

— Терпеть не могу баллады! — прошипела Ло и, снова уткнувшись лицом в ладони, расплакалась без слез, сотрясаясь в сухих злых рыданиях.

Скинув сапоги, она заползла дальше на кровать, скорчилась, прячась в подушки, и несколько минут тихо поскуливала, глуша всхлипы плотной мягкой тканью. За что с ней так? Почему?

Неужели, желая честности и уважения, она хотела слишком многого? Какой брак мог бы начаться с обмана и насилия, какая любовь?! И почему честности она дождалась не от воплощенной женской мечты в облике прекрасного ярла, а от... Кирпича?! От дубины невийской, как называл его Рагнарсон! От капитана, прикрывшего ее собой, стоило ему решить, что Ло обманута... Как же больно и обидно... Как стыдно, хоть она ни в чем не виновата!

Рыдания сотрясали тело все сильнее, но слезы так и не появились. Плакать с сухими глазами было даже мучительнее; она задышалась, стискивая пальцами подушку и боясь быть услышанной. Обида на судьбу мешалась с унижительным запоздалым страхом. А если бы у нее не было мужа-защитника? Услышал бы ярл ее твердое «нет»? Потому что побратимство — это красиво, а главное, оно позволило Рагнарсону не уронить честь в глазах своих людей, но в тот миг, когда чаши весов закачались между жизнью и смертью, на одну из них в придачу к

решению Ло легли топор капитана Рольфсона, солдатские мечи дорвенантцев и арбалет сержанта Мерри. А будь там только ее слово?!

— Ненавижу... — прошептала она, приподнявшись на локте и запуская пальцы в растрепанные волосы. — Ненавижу всех! И эту скотину вольфгардскую! И супруга дорогого! И ту тварь, которая... которая...

Слезы наконец хлынули, заливая лицо, и Ло даже не пыталась их стереть. Если бы она осталась магом, разве пришлось бы ей бояться за свою честь и полагаться на защиту мужа?! Разве посмел бы клятый волк не услышать ее отказ?! И разве пришлось бы Ло Ревенгар, гордости красной гильдии Ордена, прятаться за мужскую спину, как обычной женщине?!

Всхлипывая мгновенно заложенным носом, изнемогая от постыдной беспомощной жалости к себе, она пропустила момент, когда в дверь постучали. Стук продолжился...

Ло замерла, с ужасом осозная, как выглядит. Волосы рассыпались из пучка, лицо красное и распухшее, глаза слезятся, губы как олады. Ей никогда не шло плакать. Еще одно умение истинной леди, в котором боги ей отказали: после плача Ло выглядела не умильно, а противно. Нэнси зашла бы без стука... Стучаться к ней сейчас может лишь один человек! Последний, кого Ло хотела бы видеть, не считая Рагнарсона. Да чтоб им обоим Баргота повстречать!

— Миледи?

Не дождавшись ответа, капитан приоткрыл дверь, и Ло использовала последний миг, рывкнув:

— Оставьте меня в покое!

— Нам нужно поговорить...

Ло беспомощно огляделась. Скамейка, прошлый раз полетевшая в дверь, стояла у стены слишком далеко, да и не было сил ею швыряться. И вообще сил не было... Но разговаривать с мужем тем более было выше ее возможностей! А еще хуже — чтобы он увидел ее такой. Слабой, измученной, беспомощной...

— Не сейчас! — отозвалась она, прижимая к груди подушку, словно щит.

— Миледи, я...

— Да какого... — выдохнула Ло, тратя остаток сил. — Что, в крепости пожар? Наводнение? Проклятые волки, всех демонов им вдогонку, вернулись? Нет? Тогда какого Баргота нельзя подождать с разговором?! Я отсюда никуда не денусь, уж поверьте! Так оставьте меня в покое все, слышите?! Никого не хочу видеть! И даже если его величество лично явится, умертвие ему под одеяло, пусть идет к демонам! Да хоть сам Пресветлый, если у него не хватит ума подождать немного! К демонам, к Барготу, к вашим северным йотунам! Оставьте! Меня! В покое!

Наклонившись, она подхватила снятый недавно сапог и запустила им в дверь. Глухо стукнув каблуком о доску, сапог упал на пол. Ло швырнула второй, отчаянно жалея, что не может перекидать туда же весь королевский сервиз из клятого королевского приданого. Ах, как бы летело тяжелое чеканное серебро! Тарелки, кувшины, соусники... Раз уж нельзя зарядить Молотом Пресветлого, сбрасывая злость, страх и обиду разом! Боги, как живут эти самые обычные женщины без такого полезного умения?!

Она огляделась, ища взглядом еще что-нибудь метательное. Но за дверью было тихо, и Ло еще крепче притиснула к груди подушку обеими руками, уткнувшись в нее лицом. Выплеснувшись криком, ярость схлынула, ушла, как вода в песок, вместе с остатком сил. Медленно раскачиваясь, Ло сидела на постели, чувствуя себя чудовищно, безнадежно одинокой... Сейчас она бы отдала что угодно за возможность уткнуться лицом в чье-нибудь плечо. И чтобы ее погладили по голове... И сказали, что все будет хорошо. А она бы постаралась поверить. И, может, утешения обернулись бы правдой, ведь на самом деле все не так уж плохо, просто обидно и тоскливо...

Тихонько, не стучась, в дверь проскользнула Нэнси. Ахнула, подскочила и засуетилась над Ло, причитая почти так, как хотелось, но слишком жалостливо. Расчесала ей волосы, вытерла влажным платком лицо и руки. Осторожно промокнула сочащееся кровью ухо, что противно пачкало шею. Ло бессильно позволила раздеть себя и уложить в постель, покорно укрылась и выпила как по волшебству появившийся густой сладкий шамьет.

Только сейчас она поняла, что болезненно замерзла, причем не только снаружи. Ей казалось, что и в жилах у нее вместо крови течет студеная вода. Продолжая ласково уговаривать Ло, как больного капризного ребенка, Нэнси растерла ей руки и ступни, натянула на ноги теплые

шерстяные чулки. От шамьета хотелось пить и спать, Ло на минуточку прикрыла глаза, безразлично принимая странную слабость, так похожую на потерю сил после сложного колдовства. Но ведь она больше не маг...

Потом, кажется, пришел Лестер, она слышала его сквозь тяжелую вязкую дрему. Чувствовала горячие пальцы на запястье и лице: лекарь щупал ей щеки и лоб. После ее снова напоили шамьетом, но уже горчащим сквозь мед зелейными добавками, и наконец оставили в покое. Ло лежала, пытаясь согреться, на левом боку, потому что на правый было не повернуться из-за больного уха, и лениво думала о всяких глупостях. Например, как ей теперь носить серьги? Не то чтобы она их любила, но ведь придется подбирать что-то, подходящее к оставшейся ей серьге. И что скажет Маркус, когда узнает? И действительно ли капитан Рольфсон не любит меч, предпочитая топор?

«А с чего бы ему любить мечи? — рассудительно сказала она сама себе. — Это слишком дорогое оружие для рядового северного воина. Особенно хороший меч... Барготов ярл и здесь не упустил случая подчеркнуть, что ее муж не из знати и привык к чему попроще. Да и плевать. Новый лорд Ревенгар носит топор — смешно... Лучше смеяться, чем плакать, но ведь и в самом деле смешно. А сержант Мерри чинит арбалет на галерее. Обхохочешься, лишь бы не разрыдаться...»

Потом она все-таки задремала окончательно и проснулась уже после обеда. Капитан ее больше не беспокоил, хотя теперь Ло было почти стыдно за нелепую и грубую вспышку. Надо будет извиниться, что ли... И поблагодарить. Но если он снова начнет подозревать ее во всяком непотребстве...

Согревшись, Ло успокоилась, и снова злиться ей не хотелось. Нэнси, заглянувшая в комнату, радостно всплеснула руками и затараторила, что мэтр Лестер велел миледи лежать сегодня в постели. Сам мэтр занят, какому-то приезжему челюсть вправляет, а миледи может не беспокоиться, ей сейчас подадут горячего бульона с пирожками, и печенья, и шамьета...

Челюсть? Ой, там такое было, такое было... Этот проезжающий, — Нэнси округлила глаза, — искал кого-то, какую-то женщину молодую с ребенком, вроде она от мужа сбежала, страх какой и позор... А его светлость говорил, что никакой посторонней женщины в крепости нет и мимо она не проезжала, так этот тип ему не поверил. И шнырять все пытался, и даже деньги предлагал, если кто ему скажет про эту женщину. А потом про его светлость ляпнул, что безобразие, мол, грязный северянин в крепости делами заправляет и покрывает шлюху... Ой, простите, миледи, за нехорошее слово... Ну вот, его светлость его и того... По роже, значит... — Так ему и надо, чтоб язык не распускал, — буркнула Ло, трогая распухшее ухо и морщась. — Нэнси, принеси-ка и вправду поест. А если кто будет спрашивать, я никого не хочу видеть. Никого, понятно?

— Как не понять, миледи, — присела девчонка в реверансе, блеснув глазами. — Чуть-чуть обождать извольте!

Когда она выскочила за дверь, Ло вылезла из-под одеяла и нашла в комодке зеркальце на длинной ручке. Вгляделась в отражение. Хороша... Вот такой надо было вольфгардцу показаться! Губы до сих пор распухшие, глаза покраснели, ухо вздулось. Она уже и забыла, как долго у нее в детстве заживали проколы для серег. Она усмехнулась, уронив зеркало на одеяло. В душе поселилась странная холодная пустота, и теперь вспоминать о волчьих золотых глазах и мягком низком голосе было безопасно, словно Ло прикрылась этой пустотой, как панцирем. Ну, было — и прошло. Не ее это счастье, не ее судьба. Никакая страсть не стоит потери уважения к себе, а именно это было бы ценой сделанной подлости. И только ныло что-то, будто зажившая не до конца рана...

Выпив горячего бульона и съев пару пирожков, Ло отпустила девчонку и достала лист колдовской почты. Подумав, вывела сухим пером:

«Маркус, будь осторожен! Теперь я знаю, что это дорвенантец и маг. Возможно, он в столице, так что будь очень осмотрителен в словах и поступках, слышишь? Кажется, мы имеем дело с безумцем. Он потерял кого-то на войне и в Руденхольме собирался мстить, утопив северян в ущелье, — теперь ты можешь оценить его безрассудное отчаяние! А я сорвала его планы и имела наглость выжить благодаря тебе... Но ко мне здесь трудно подобраться — это несомненное достоинство моего нынешнего положения, — а ты на виду. Надеюсь, я смогу вспомнить хоть что-нибудь, способное навести на след. И еще мне

от тебя кое-что нужно! Прошу, доберись до орденских списков и составь перечень всех, чьи инициалы включают двойное „С“. Это очень важно! Еще необходимо, чтобы ты встретился с родственниками Артура Бейласа. Ты ведь помнишь это рыжее несчастье? Он погиб в крепости Драконий Зуб при весьма странных обстоятельствах, и мне нужно как можно больше узнать об этом. Драгоценный, было бы прекрасно, если бы ты смог добраться до него самого, но это как получится. Маркус, я отчаянно скучаю по тебе и Мелиссе. Впрочем, не вздумай приезжать, это все только усложнит. И не верь всему, что вскоре услышишь обо мне и ярле Хёгни. Все сложно, Маркус, но мне не в чем себя упрекнуть. Береги себя и верь, что твой Подснежник желает тебе удачи. Ло».

Сложив письмо, она подошла к окну и приоткрыла тяжелую раму, из-за которой в лицо мгновенно ударил тугой ледяной ветер. Белый бумажный голубок вспорхнул с ее ладони, и Ло отстраненно вспомнила рассказ ярла. Такое же колдовское создание прилетело к вольфгардскому военачальнику, заманивая в смертельную ловушку. Но для следа этого слишком мало — магической почтой пользуются все, кто может ее себе позволить. А вот не удастся ли Маркусу вызвать дух ярла Долги?

Ло зябко поморщилась — то ли от холода, то ли от темного предчувствия, вкрадчивым ознобом пробежавшем по телу. Слишком много смертей... И стоило бы похоронить эту историю, утопив ее в темных водах Рудена, однако пролитая кровь не растворится ни в одной реке мира. Арчи и Колин должны быть отомщены. Да и ей самой не жить спокойно, пока за спиной стоит тень убийцы.

Ло вздрогнула. Бумажный голубь уже взмыл наверх, она сама проводила его взглядом, но второй точно такой же пролетел мимо окна, тоже поднявшись в черное вечернее небо, затянутое тучами. Еще одно магическое послание? От кого? Может быть, комендант отправил донесение о случившемся утром своему начальству? Или просто сообщил, что ярл покинул крепость... Но магопочта слишком дорога для обычной служебной переписки... Ло вспомнила строки своего письма, что к ней трудно подобраться в крепости, и снова поехала от быстрого тоскливого страха, окатившего ее, словно очередной порыв ветра, только изнутри. Безопасность вдруг показалась не такой уж и безусловной.

* * *

Столичному хлыщу от Эйнара прилетело не то чтобы зря, но сильнее, чем следовало. Может, и вовсе не стоило работать кулаками там, где хватило бы слов... Но следы вольфгардцев еще не успели остыть, а леди в очередной раз прогнала Эйнара, как нашкодившего пса, — так он сначала подумал. Потом по лестнице слетела обеспокоенная Нэнси, и Эйнар напрягся, сообразив, что у леди не просто приступ дурного настроения, за которое, после такого веселенького утра, ее трудно осудить.

Если нужен целитель — дело уже дрянь. Эйнар поднялся вслед за Лестером, честно рассказав мэтру по дороге все, что случилось между ним и женой, — там и рассказывать-то нечего было. Ну, послали его к Барготу вместе с королем и самим Пресветлым... Ничего так компания, между прочим. Понятно, почему леди выпылила на него и на короля, выдавшего ее замуж, а вот чем ей сам Владыка Воинов не угодил?

В любом случае, если бы Эйнар знал дорогу к неблагоприятному богу, то, может, и сам бы с радостью туда пошел после сегодняшнего позора. Утбурдово дерьмо! Рагнарсон рассчитал безупречно все, кроме бешеного, совсем не женского норова леди. Наверное, самонадеянно решил, что только в Вольфгарде рождаются женщины, способные силой духа превзойти мужчину. Вот и вышло, что плюху по самолюбию они с ярлом получили на пару — и еще неизвестно, кому пришлось хуже. Стоя у перил верхней галереи и ожидая Лестера, Эйнар успел передумать о многом, и мысли эти как одна были мерзкими.

А потом вышел мэтр и успокоил, что с леди ничего страшного. Ей нужны тепло, горячий шамьет, немного снотворного... И никакого беспокойства!

На Эйнара он при этом смотрел так, что на душе стало еще тошнее. Мол, раз уж он не может жену порадовать, пусть держится подальше, чтоб хоть не расстраивать. Эйнар молча кивнул и ушел во двор, мрачно вспоминая, что с Мари было совсем иначе. Да, иной раз и она вспыхивала, как трут, могла накричать, а потом расплакаться, но он садился рядом, обнимал жену, прижимал к себе, глядя по рыжим кудрям, и слезы сменялись улыбкой, как весеннее ненастье — солнышком. Мари не умела злиться, она только обижалась, да и то недолго. А если

ей чего-то хотелось или, наоборот, не нравилось, она говорила прямо, смеясь, что мужчины — существа непонятливые, с ними надо как с детьми. Эйнар соглашался, признавая женскую мудрость, и вывернулся бы наизнанку, лишь бы выполнить любую просьбу.

Но как быть, если от тебя ничего не хотят? Ну, разве только, чтоб ты отправился к Барготу. До Баргота он не добрался, потому что подвернулся столичный хлыщ. Разряженный, словно праздничное дерево, дворянчик изрядно перемазался в осенней грязи, ночью подмерзающей, но днем летящей из-под конских копыт так, что капли до лица достают. А уж о сбруе и плаще говорить нечего. Эйнар сам предложил бы ему гостеприимство, однако столичный гость был криклив и требователен. С комендантом королевской крепости он вел себя как с хозяином постоянного двора, подозревая, что Эйнар то ли прячет какую-то женщину, то ли помогает ей скрыться.

Дворянчик, как выяснилось, был братом ее мужа, от которого несчастная убежала с годовалым ребенком в приступе безумия. И след, по которому любящий деверь примчался сюда аж из самой столицы, обрывался ровно на дороге, потому что из ближнего Донвена женщина выехала, а до Драконьего Зуба, получается, не добралась.

Все это паршиво пахло. Эйнар мог поверить во внезапное сумасшествие, однако если беглянка без помощи и защиты смогла преодолеть такой путь, ее рассудку многие могут позавидовать. А если женщина с ребенком в осеннюю непогоду кинулась из дома, словно спасаясь от пожара, надо еще поглядеть, каково ей там жилось... В любом случае, через Драконий Зуб леди Аманда Марли не проезжала ни с сыном, ни без него, о чем Эйнар честно сказал ее деверю. Тот не поверил. Сначала предлагал деньги, потом начал грозить. Потом... Эйнара очень давно не звали грязным северянином, он уже отвык. Здесь, на границе с Невией, по другую сторону которой начинался настоящий Север, это и обидным-то не было, разве что насчет грязи... И если б не сегодняшнее утро, йотуны его заберут, Эйнар бы сдержался. А так кулак сорвался сам по себе. Яростно стонущего и роняющего слюну хлыща увели к Лестеру, который выбитых челюстей на своем лекарском веку перевидал вдоволь и мигом определил, что перелома нет. Но Эйнар об этом узнал позже, когда Тибо позвал его на кухню обедать и будто между делом сообщил, что милорд Позолоченная Задница изволил отбыть. Куда? А демоны его знают. Вот как Лестер ему челюсть вправил, так почти сразу и изволил. Сначала, правда, грозился пожаловаться в столице на оскорбление, но случившийся там же Тибо, которому срочно понадобилась лошадиная мазь, поинтересовался, с каких это пор один дворянин жалуется на другого за мордобой? Вроде как среди светлейших господ такие вещи иначе решаются.

— А он что? — так же мрачно спросил Эйнар, запуская ложку в миску с горячей бобовой похлебкой.

— А он говорит, мол, не к чести ему драться на дуэли с вольфгардцем, пусть даже с лейб-дворянином. У него, мол, предки светлейшие в фамильном склепе перевернутся и с особняка крыша слетит. Как-то так...

— Всей дорвенантской армии с Вольфгардом драться не зазорно было? — тяжело усмехнулся Эйнар, вспомнив, что и правда представился Рольфсоном — просто по старой памяти. — Ну, тогда пусть жалуется.

— Да ты что! — возмутился Тибо, нарезаая козий сыр. — На войне тебе какой-нибудь Жером или Марко, вчера из деревни, ткнет корявой железкой в пузо — и никакого благородства. А это ж дуэль, понимать надо! Ну, я его успокоил, мол, урона ни его челюсти, ни его чести не будет. Потому как его светлость ждет, пока эту самую челюсть на место ставят, а уж потом светлейшие лорды могут и с честью разобраться. Мы тут хоть и хомяки пограничные, но этикет понимаем, не зря у нас комендантом лорд Ревенгар...

— Тибо!

— А что я-то? — изумился тот, подвигая сыр Эйнару. — Что я, соврал? И Лестер подтвердил: он самый, мол, и есть. Истинный лорд Ревенгар, ага. Так что все будет по закону. Оскорбленная сторона вызывает на дуэль, а вызванная выбирает оружие... А если у виконта с собой случайно нет вольфгардского топора, который наш лорд предпочитает, так мы ему из арсенала выдадим. Жалко нам, что ли? И тут у гостя, ты не поверишь, какие-то срочные дела вдруг появились. Он даже тебя дожидаться не стал, попросил нас с мэтром Лестером передать извинения. За это, как его, досадное недоразумение. Мне не трудно, я обещал передать. Видно же, что человек торопится.

— Тибо, йотуна тебе навстречу...

Злиться или смеяться, Эйнар не знал, но на сердце потеплело. Все-таки с друзьями ему повезло! — Отправь Малкольма с парой солдат, — сказал он, скрывая благодарное смущение. — Пусть проедут до города, поищут следы. И в Гарвию кого-нибудь пошли.

— Думаешь, с дороги сбилась? — как всегда с полуслова понял его Тибо. — И то верно, больше там развилок нет...

Допив шамьет, он ушел, а Эйнар осторожно покосился в сторону печи, где хлопотала Молли и — вот уж диво — Тильда. Дочь, будто почувствовав взгляд, обернулась, глянула мрачно, но тут же снова принялась месить тесто. Злосчастное платье она сменила на чистое, в красно-синюю клетку, и Эйнар прикусил язык, чтоб не ляпнуть что-нибудь еще и здесь. И вообще, ему караулы менять надо!

Потом он проверил арсенал, где пора было пропитывать ножны и чехлы для стрел маслом на зиму, погонял новобранцев, зашел к собакам... Все было в полном порядке. Только грызла тревога, заставляя то вздрагивать в пустых коридорах, то прислушиваться к каждому шороху. Отсутствие клятого морока изматывало неопределенностью хуже, чем настоящая опасность. Как же все-таки колдун ухитряется следить за тем, что происходит в крепости? Без ответа на этот главный вопрос руки у Эйнара пока были связаны. И помощи ни у кого не попросить — жизнью дочери он рисковать не может...

А потом бесконечный тяжелый день все-таки растаял за плечами, как и любой другой.

Поужинав и вымывшись, Эйнар ушел к себе, старательно держась подальше от соседней спальни. Свалился в привычно холодную постель, закрыл глаза. Так же привычно сон не шел, но потом все-таки смилостивился... И когда Эйнар проснулся от торопливого стука в дверь, первым побуждением было пришибить клятого дятла — кто бы это ни оказался!

— Милорд, милорд...

Голос казался знакомым, но кто в крепости мог именовать его милордом? Все-таки Эйнар сообразил, морщась от дурманной тяжести в голове, что зовет девчонка, горничная миледи. Вскочил, запахнув рубаху, в которой спал, поправил подштанники и открыл дверь.

— Милорд, прошу вас!

Закутавшись в шаль поверх длинной ночной рубашки, Нэнси смотрела умоляюще, и с Эйнара мгновенно слетел сон — будто холодной водой окатили.

— Что случилось? — резко спросил он.

— Ой, милорд, пожалуйста, посидите с ее светлостью, — зачатила девчонка. — Ей что-то дурное снится, а добудиться не могу. Так и мечется, бедняжка, а уж плачет как... Сделайте милость, приглядите, пока я за лекарством сбегаю!

Стоило Эйнару войти, девчонка шмыгнула к лестнице вниз. А он переступил порог, мрачно подумав, что вот проснется леди, увидит его в своей спальне полууголого — и крику будет на всю крепость...

В комнате было душно. Камин с вечера протопили на совесть, угли до сих пор краснели в золе, и из холодного коридора Эйнар будто в баню попал, только не влажную, а сухую, жаркую. Тонкий сладковатый запах женских притираний перебивался лекарственным духом, резким, неприятным. Эйнар поморщился: здесь и у здорового голова заболит... Проветрить? А можно ли?

Он пошел к постели, стараясь не топтать, но раздавшийся оттуда стон легко заглушил его шаги. Леди... его жене и в самом деле было плохо. Она металась по постели, то сжимая в руках край одеяла, то пытаясь отбросить его. Стонала. Плакала. Звала кого-то. И никак не могла проснуться.

Сев рядом, Эйнар осторожно тронул ее плечо, позвав:

— Миледи?

— Пять градусов ниже... Ниже, тебе говорят! Градиент... Градиент держи!

Леди дернула плечом, будто сбрасывая его руку, и продолжила, хрипло и отрывисто:

— Теперь семнадцать градусов. Считай по ветру, балбес! Недоучка барготов, откат учитывай! Семнадцать, восемнадцать, двадцать три... Ниже! Градиент сбрасывай! Сбрасывай, кому говорят!

Она застонала, мотая головой, глаза по-прежнему были закрыты, но с губ летели какие-то расчеты вперемешку с проклятиями и приказами. Эйнару стало страшно: вспомнился огненный ветер, снесший сотни урту-томгар, словно сухую солому. Могут ли маги колдовать во сне?

Он сжал пальцы немного сильнее, потряс женщину за плечо, но леди, не просыпаясь, лишь послала его грязным ругательством, закрученным с умением старого сержанта, — оказывается, наяву она до этого выражалась относительно пристойно. И снова продолжила невидимый бой. Похоже, война, с которой вернулась боевая магичка, отпустила только ее тело, оставив душу в заложниках. Да где же Нэнси?

— Этьен? Этьен, осторожно! Э-этье-е-ен...

Крик захлебнулся всхлипом.

Эйнар наконец вспомнил это имя. Молодой маг, сгоревший в Руденхольме... Бессильный чем-либо помочь, он погладил ее плечо, такое хрупкое под тонкой рубашкой, взял ладонь...

Пресветлый, ты, конечно, великий бог, но какого йотуна ты призываешь себе на службу женщин?! Разве их это дело — убивать и видеть чужую смерть? Разве можно им, приносящим жизнь, раз за разом умирать в бою, не телом, так душой?

Леди плакала. Горько, навзрыд, как обиженный ребенок. И сжимала его руку с совершенно не женской силой. Ее тонкие пальцы, такие изящные, почти светящиеся в полумраке спальни нежной белизной, на деле оказались крепкими, как у хорошего бойца. Лишь однажды в жизни Эйнар встречал такую силу в женской руке. Когда ждал повитуху, сам насмерть перепуганный, успокаивая Мари. Его хрупкая маленькая жена выгибалась, кусая губы и вцепившись ему в руку так, что казалось, пальцы сломает. Вот точно так же... Только одна выпускала в мир дитя, а вторая... вторая пыталась удержать смерть — и не могла.

— Маркус... — прошептала вдруг магичка, поворачиваясь набок лицом к Эйнару. — Наконец-то... Пожалуйста, Маркус... Мне так страшно... Побудь со мной...

Она звала другого, но Эйнару было плевать. Подчиняясь просьбе, он придвинулся ближе, просунул руку под почти невесомую светловолосую головку, пристроив ее на сгиб локтя так, чтобы не дернуть растрепанный мягкий шелк прядей. Маркус, значит? Что ж, капитан, ты сам сказал, что тебе нет дела до тех, кто был раньше. И уж точно у тебя язык не повернется осудить женщину за то, что в такой миг она зовет мужчину.

— Маркус... Капитан?

Магичка привстала на локте, отстранившись и глядя на него удивленно. В темноте, озаряемой единственной свечой у изголовья, она казалась незащищенной и почему-то совсем юной — какие там двадцать шесть лет?

— Прошу прощения, — выдавил Эйнар. — Вам снились дурные сны, миледи. Нэнси пошла за лекарством, а я...

Он чувствовал себя дураком. Хуже — бесполезным дураком... Но магичка, вместо того чтоб привычно фыркнуть и вызвериться, облизала губы и тем же беспомощным ломким голосом попросила:

— Откройте окно. Душно... И лазаретом пахнет. Ненавижу...

Вскочив, Эйнар торопливо распахнул скрипящую тяжелую раму. Смазать надо, кстати... В комнату хлынул ледяной — так показалось — воздух.

— Не замерзнете? — обернулся он к кровати.

Леди покачала головой, кутаясь в одеяло и жадно дыша. Она даже голову запрокинула и приоткрыла рот, как птенец, хватая ночной холод. Эйнар еще немного проветрил комнату, потом прикрыл раму и вернулся к постели, изнывая от непонятного стыда. Ну где же лекарство, йотуны его побери?

— Вам лучше? — спросил он, снова присаживаясь, но уже подальше. — Часто так?

— Не очень, — она старательно улыбнулась. — И... не надо снотворного. Еще хуже будет.

Когда от кошмара не можешь проснуться...

Эйнар сглотнул ставшую вдруг очень вязкой и горьковатой слюну. Что ж, даже дубина вроде него может сложить топор с топорием, как говорят в Невии. Лазарет, память о боли и дурные сны... И надо бы извиниться, но слова без дел ничего не стоят, а сделать он может только одно.

— Вам... действительно нужен хелайзиль? — выдавил он то, во что недавно сам бы ни за что не поверил. — Если да... Я достану.

Она смотрела недоверчиво, и Эйнару под этим изумленным взглядом стало совсем паршиво. Разумеется, он может. Он же все-таки комендант приграничной крепости, а уж какую только дрянь здесь не пытаются провезти. И если только намекнуть, что он примет благодарность от очередного купца... В комнате заметно похолодало, но Эйнара изнутри заливал жар стыда и отчаяния.

— Нет... — сказала она наконец очень тихо. — Нет, благодарю. И... если я когда-нибудь сдурю попрошу... Капитан, поклянитесь, что вы мне его не дадите.

— Клянусь, — выдохнул Эйнар с облегчением человека, которому отменили смертный приговор. — Я... давайте я все-таки за вашей горничной схожу. Где ее носит ночью — сам не пойму.

— Не надо, — снова бледно улыбнулась магичка, и Эйнар подумал, что теперь, сколько бы ни выпускала леди иголок, как бы ни дерзила, прикрываясь маской надменной аристократки, вряд ли он сможет забыть эту улыбку, полную терпеливо скрываемой боли и страха. — Идите к себе, капитан. У вас тоже день был тот еще. Нэнси придет и посидит со мной, пока не засну. Когда кто-то рядом, это помогает.

— Тогда спите, — сказал Эйнар, придвигаясь ровно настолько, чтоб взять ее руку. — Я уйду, когда она придет, обещаю.

Он думал, что леди начнет спорить, но она просто закрыла глаза, то ли доверчиво, то ли измученно. Эйнар сидел рядом, держа прохладную, постепенно теплеющую в его ладонях руку, и ждал. Когда дыхание магички стало совсем ровным, она заворочалась, ложась поудобнее, и забрала руку, решительно сунув ее под подушку, Эйнар встал и на цыпочках вышел, прикрыв дверь так бережно, что и сторожевая собака не проснулась бы.

Нэнси стояла в коридоре у перил. Куталась в шаль, слегка приплясывая от холода, но так, чтобы не застучать каблучками.

— Ну, и где лекарство? — с опасной мягкостью спросил Эйнар, подходя ближе.

— Так я это... — наивно вытаращилась девчонка. — Добудиться его милость Лестера не смогла.

— Ах, добудиться...

Врала! Никуда она не ходила. Врала нагло и бесстыже, Эйнар только никак не мог понять: зачем?

Это он и спросил, сделав еще один шаг и почти прижимая нахалку к перилам. Нэнси, видимо, все поняла по его лицу, потому что пискнула и попыталась прошмыгнуть мимо, но не успела.

— Так зачем? — тихо и очень зло повторил Эйнар, вглядываясь в бледное веснушчатое личико. — Ей же в самом деле плохо было.

— Ну, знаете, милорд... — вдруг прошипела девчонка в ответ так же нагло и, пожалуй, не менее зло. — Вот ведь правильно вашу светлость величают! Чтоб мужчина не понимал, как женщину ночью успокоить? Я здесь, как дура, стою, мерзну, жду... а вы... Да вам на вашей крепости жениться надо было — она тоже каменная! Пустите!

Отскочив от него, наглая паршивка фыркнула, совсем как леди, и, гордо задрав нос, прошла в спальню, а Эйнар остался в коридоре, пораженно глядя ей вслед и чувствуя себя самым невероятным болваном на тысячу люардов вокруг.

Глава 24

КЛЯТВЫ И ЛОВУШКИ

Следующим утром Эйнар снова едва не проспал. Петух, живущий при казарме как раз для этого, исправно проорал в положенное время, но Эйнару снилось что-то жаркое, мягкое, нежное... Сон был таким дивным, что просыпаться в холодную предзимнюю хмарь не хотелось просто до одури. Словно в детстве, когда до рассвета нужно было вылезать из нагретой за ночь постели, натягивать холодные вещи и идти заниматься хозяйством. Натаскать матери дров и воды, открыть овчарню и выгнать стадо на последнюю полузасохшую траву, почистить хлев, а заодно и уже подоенную корову обиходить, убрав навоз и закинув в ясли сена. Потом мать позовет завтракать, и можно будет передохнуть, к тому времени кровь разогреется от работы, холод отступит, да и одежда у него добрая, хотя руки-ноги уже торчат из рукавов и штанин — растет он так, словно ночью темные альвы с двух сторон тянут...

Эйнар открыл глаза, посмотрев в темный потолок, и вспомнил, что ему уже не десять. Что могила матери, до срока потерявшей и редкую красоту, и здоровье, осталась далеко в родной деревне, рядом с отцовской. И ухаживают за ней чужие люди, потому что родной сын не остался дома, как положено порядочному парню, чтобы взять жену, подновить родительский

домик, развести еще овец, а там и десяток телят прикупить... Жить как все, растить собственных детей, которым, может быть, простят четвертушку вольфгардской крови. А по положенным праздникам ходить на погост и стоять службы в храме, год за годом спокойно приближаясь к тому дню, когда рядом с отцовскими могилами появится еще одна — его или сначала жены, это уж как боги решат. А он — волчье отродье, репей под хвостом, дурной мальчишка — все-то глядел не в ту сторону, а потом и вовсе пустил судьбу под откос, связавшись с головорезами-северянами. Известное дело, отчим его виноват, задурил парнишке голову сказками...

Усмехнувшись, Эйнар откинул одеяло, позволяя холодному воздуху остывшей за ночь комнаты облить тело. Задурил, это точно. Рассказал о замках выше самого старого дуба, о городах, где на одной улице домов больше, чем у них во всей деревне, о магах и великих воинах, о странных тварях и древних развалинах, где спрятаны клады... Рольф умел рассказывать так, что сердце замирало, а потом весь день грызла тоска по неведомому, ночью оборачиваясь сладкими и страшными снами. И Эйнар точно знал: в деревне он, когда вырастет, не останется. Ведь рядом такой огромный мир!

Мать выговаривала, что нечего портить парня, лучше пусть учится тележные колеса делать или горшки лепить. Это дело нужное и верное, оно всегда прокормит. А если к охоте душа лежит, то тоже ничего, лишь бы крепко стоял на ногах и о глупостях не думал. Рольф только посмеивался в густые усы и продолжал натаскивать Эйнара, как щенка, обучая разбирать следы и ставить силки, выслеживать дичь и бросать нож, на лету сбивая хоть перепелку, хоть ястребка, вздумавшего поохотиться на цыплят.

А еще бывший воин заставлял приемыша каждый день мыться холодной водой и часто менять одежду, чтобы ни зверь, ни человек не чуял от него запаха дыма, хлева и рабочего пота. Разговаривал с ним на вольфарделе, да не попросту, двумя-тремя десятками ломаных слов, как умел объясниться с надменными соседями почти каждый неvieц, а сложно, по-настоящему, не ленись по многу раз повторять и добившись, что выговор у Эйнара стал чистым, а вольфгардские слова начали слетать с языка бойко, как родные. И даже грамоте научил, не пожалев отдать три связки отличных лисьих шкур за самую настоящую книгу с картинками и рассказами. Книга, конечно, была на дорвенантском, потому что невийских книг не бывает, и Эйнару пришлось учить еще и его, но после вольфарделя третий язык пошел легко, а грамота показалась настоящим волшебством, так что вольфгардские руны потом и вовсе запомнились сами собой.

Когда Эйнару исполнилось семь, Рольф выстругал ему меч по росту и каждый день гонял во дворе под недовольными взглядами матери, которой не нравились такие занятия, но ведь не запретишь мужу учить приемного сына, которого тот принял как своего. «А чему учить мальчика — это мужчине виднее», — усмехался Рольф. Мать постепенно смирилась и даже мечтала иногда, что знающий грамоту сын пойдет в приказчики к богатому купцу, а там и сам начнет возить шерсть через перевал.

Но через три года Рольфа привезли из леса на одних санях с медведем, которого он все-таки добыл. Хмурые соседи сгрузили мороженую тушу, не взяв за помощь ни куска мяса у осиротевшей семьи, и Эйнар, глотая слезы, рубил медвежатину на куски топором, который еще помнил тепло отцовских рук. А в доме надрывно, как волчица, скулила обессиленная от плача мать. Приходили соседки, помогая выдоить коров, сварить кашу на медвежьем жиру и высушить промокшую одежду Эйнара, на которого свалилось все немалое хозяйство: как раз начали ягниться овцы. Но у добрых женщин были свои семьи, а похороны давно прошли, и постепенно Дирре оставили одну, у нее ведь почти взрослый сын-помощник.

Он метался от двора к дому, стараясь успеть все, и не мог ни злиться, ни обижаться на мать. Она пыталась его любить, пока Рольф был жив, но Эйнар-то чувствовал, что это все ради мужа. Рядом с Рольфом ему и кусок послаще доставался, и ласка перепадала, словно Эйнар был настоящим сыном именно отчиму-северянину, а не собственной матери. Словно она видела в нем не своего ребенка, а вечное отражение того, кто ее бросил...

И все равно он, может, и не ушел бы из дома, не посватаясь к уже немолодой Дирре такой же в возрасте сосед, недавно похоронивший жену. Обычное дело: одному дому нужна хозяйка, другому — хозяин. У соседа были свои дети, и как-то вдруг оказалось, что мать прижилась в новом доме, а пятнадцатилетнему Эйнару там не слишком-то и рады. Он был чужим. И по имени, и по повадкам, и по крови, как раз начавшей кипеть и толкать на глупости за косой

взгляд и грязное слово. Наверное, когда он ушел, все вздохнули с облегчением — это оказалось лучшим, что он мог сделать для матери. Потом, уже взрослым, Эйнар ее понимал: трудно растить нежеланного ребенка, напоминание о позоре. Но все равно не мог простить одного-единственного — того, что в день смерти Рольфа мать его оттолкнула, не позволив даже обнять и разделить горе пополам. Он ведь любил и чтит отца не меньше!

Уходя, он поклялся сам себе, что у него в семье все будет по-другому. Даже думал, что получилось... Но боги любят поиздеваться над глупыми клятвами, так что жаловаться нечего: клятва исполнилась оба раза. Только вот тошно теперь от этого — хоть бросай все и езжай в Невию, каяться, что так и не успел навестить мать и поклониться ей с отцом могилам. Поздно — прошлое не возвращается.

Отогнав мрачные мысли, он оделся и вышел во двор. Узнал новости от вернувшихся из Гарвии солдат и понял, что забот изрядно добавилось. Глядя на утреннее построение, усмехнулся про себя: стоило бежать от четвероногих баранов, чтобы, забыв детские мечты повидать мир, остаток жизни гонять двуногих. Видно, богам и вправду виднее, кто для чего предназначен. Разбившись на пары, новобранцы старательно отрабатывали приемы с мечом, и Эйнар уже прикинул, что сегодня можно позвать Малкольма и размяться с ним хорошенько напоказ парням...

— Господин капитан, дозволейте обратиться.

Эйнар удивленно вскинул бровь, но Тибо был подчеркнуто серьезен. За его спиной маялся один из солдат и, неожиданно, найденыш Валь. Оба хмурые, только мальчишка еще и бледен как мертвый.

— Слушаю, — ответил он, махнув Малкольму, чтоб тот занялся новобранцами.

— Нехорошее дело, господин капитан, — ровно продолжил Тибо, отступив в сторону и кивая на своих спутников. — Солдат Джастин Ройс жалуется, что мальчишка украл у него нож. Товарищи Джастина подтвердили, что нож и в самом деле его. Лезвие приметное. А рукоять Валь другую приделал. Парнишка нож не прятал, носил открыто, но его ведь и не расспросишь толком. Головой только мотает, что не брал. Нож — вот он.

Он протянул самодельные кожаные ножны, и Эйнар достал из них небольшой нож. В самом деле приметный: на лезвии клеймо кузнеца в виде креста в круге. Железо дешевое, работа явно деревенская. Рукоять оплетена кожаной лентой, лезвие сильно сточилось посередине, однако кто-то старательно выправил его на точильном камне, а потом еще довел шлифовальной шкуркой. Но все равно возле черенка в металле заметная трещина.

Паршивенький нож, но ухоженный. А оплетка и вправду новая, кожа еще не залоснилась.

— Ты взял этот нож у Ройса? — спросил он мальчишку.

Валь отчаянно замотал головой.

— Врет он, господин капитан, — подал голос солдат, но сразу смолк под взглядом Эйнара и Тибо.

— Будешь говорить, когда тебя спросят, — уронил Эйнар и продолжил, мучительно пытаясь сообразить, как выяснить что-то у него. — Валь, где ты его взял? Показать можешь?

Мальчишка открыл рот, попытался сказать что-то, но бессильно опустил голову и махнул рукой куда-то к кухне.

— На кухне? — уточнил Эйнар. — Ты уверен?

Теплилась надежда, что растяпа-солдат сам забыл ножик где-нибудь, а парень просто подобрал и не знал, кому отдать. Иначе... Воровство — дело серьезное. Мальчишку, конечно, нельзя судить по взрослым законам, но, если подтвердится, розог ему не миновать. А главное, каково ему потом будет жить в крепости с клеймом вора?

Словно этого мало, откуда-то вывернулась его маленькая сестра и, всхлипывая, вцепилась в брата, обняв его руками за пояс.

Валь снова помотал головой, умоляюще посмотрел на Эйнара и опять уткнулся взглядом в брусчатку двора.

— Показать сможешь? — допытывался Эйнар. — Валь, я должен понять, что случилось, помоги мне. Где ты взял этот нож?

— Да в помойке он его взял! — раздался недовольный голос Тильды.

Она шла от кухни, вытирая руки передником, и Эйнар с удивлением понял, что дочь сегодня встала немногим позже него.

— Тиль? — переспросил он, чувствуя, что напал на нужный след. — Ты что-нибудь видела?

— Говорю же, в помойке мальчишка его откопал.

Она презрительно глянула на Валя, ответившего ей таким же высокомерным взглядом. И что не успели поделить?

— Только он без рукояти и ножен был, — так же холодно уточнила Тильда. — Просто лезвие со штырем, еще и сточенное до середины. А этот... обрадовался, будто сокровище нашел. Весь вечер его правил, мне вместо него пришлось растопку носить и дрова. А кожу ему Дагни дала, она себе перчатки недавно шила, вот и остались обрезки. Увидела, как он с огрызком рукояти мучается, и принесла.

Задрав нос и развернувшись, Тильда ушла в кухню, печатая шаг, как на параде. На мальчишку, которого только что вытащила из беды, она ни одного взгляда больше не потратила, а он посмотрел ей вслед растерянно и, как показалось Эйнару, благодарно.

— Значит, в помойке... — повторил Эйнар, в упор глядя на Ройса, заметно утратившего праведное негодование. — И как он там оказался?

— Да я... господин капитан... не помню я... Может, и сам выкинул... — солдату становилось все неудобнее. — Так ножик-то все равно мой! Чего он его взял? Может, я его поднять хотел, а его там нет уже!

— И не говори, парень, — поддакнул Тибо, и, будь Ройс поумнее, поддержка сержанта его бы не обрадовала. — Не успеешь что-то ненужное выкинуть, глядишь — уже кому-то пригодилось. Безобразие!

— Вот! — обрадовался дурак. — Верно господин сержант сказал!

Тибо даже глаза закатил от такой тупости, на его подвижном лице последовательно сменились отвращение, ужас и брезгливая жалость к недоумку.

Эйнар огляделся, снова махнул рукой, подзывая гарнизон. Подождал, пока тем, кто стоял дальше, разъяснили суть дела, и негромко заговорил в мгновенно наступившей тишине:

— Джастин Ройс, как все здесь слышали, обвинил Валя в воровстве ножа. Обвинение серьезное. Для первого раза и по малолетству обвиняемого подобный проступок наказывается розгами и порицанием.

Гарнизон молчал; мальчишка, стоя рядом с Тибо, побелел окончательно, сквозь загорелую кожу проступили веснушки, которых раньше не было видно. Джастин Ройс стоял победителем, гордо озираясь по сторонам.

— Но ложное обвинение, — беспощадно продолжил Эйнар, — карается не менее сурово. Нож, как выяснилось, был не украден, а выброшен самим Ройсом. Сержант Мерри, что положено за дурное обращение с оружием?

О том, что нож принадлежал самому Ройсу, а значит, солдат имел право делать с ним, что угодно, Эйнар промолчал. Лучше запомнят. А если найдется умник, то и Эйнар вспомнит пару-тройку параграфов устава, под которые можно подвести любое имущество солдата. Но он бы сейчас не советовал такому умнику отыскаться.

У. — Неделя карцера, — скучно ответил Тибо, — двадцать пять розог и дюжина нарядов вне очереди.

— Да я...

С Ройса на глазах слетело самодовольство. Пару мгновений он ловил воздух ртом, потом закричал:

— Да он же негодный был! Господин капитан, какое дурное обращение? Там лезвие треснуто и рукоять слетела!

Гарнизон начал переглядываться, послышались смешки. Малкольм, сорвавший сухую травинку, задумчиво похлопывал ею по сапогу: ему все было ясно, он просто ждал результата, поскольку заведовал в крепости наказаниями проштрафившихся. Тибо смиренно возвел глаза к небу, наверняка моля богов ниспослать немного разума в голову недоумка. На щеках Валя загорелись алые пятна, сообразительный мальчишка возрился на Эйнара с яростной надеждой. — То есть ты выкинул негодный нож, — подытожил Эйнар. — Тогда за порчу оружия отвечать не будешь. Но ты обвинил в краже того, кто его подобрал и привел в порядок.

Он снова повертел злосчастный нож в руках и поднял, показывая всем. Ровная аккуратная рукоять, выправленное и наточенное лезвие, старательно сшитые ножны... Только вот трещина нехороша. Да и железо поганое. Но понятное дело, сироте выбирать не из чего, а какой парнишка может обойтись без ножа? Хоть плохонького, но своего. Ройс — с-с-скотина...

Нашел над кем поглумиться!

— Нож принадлежит Вало, — закончил он бесстрастно и протянул мальчишке клинок, убранный в ножны. — Джастину Ройсу за ложное обвинение в воровстве — двадцать пять розог, а потом — дюжину нарядов на усмотрение сержанта Мерри.

— За что?! — заорал возмущенно Джастин, у которого даже сейчас не хватило ума промолчать. — Он же не солдат! Щенок приبلудный!

— Был бы солдатом, тебе бы за такое устроили темную твои же товарищи, — любезно пояснил Тибо. — А за всех, кто не подлежит уставу, в крепости отвечает комендант. Так что ты, сапог драный, не мальчишку обвинил, а его самого. Сержант Ирвинг, еще двадцать пять розог недоумку за пререкания с командиром. Господин капитан?

Эйнар кивнул. И добавил, не снижая голоса, чтобы слышали все — и задумались на будущее:

— Валь, пойдешь с сержантом Мерри в оружейную, он поможет тебе подобрать нож по руке. А этот, мой совет, верни хозяину и не жалея. Они друг другу подходят, оба... с трещиной. Несколько долгих мгновений мальчишка смотрел на него, недоверчиво расширив темно-карие, почти черные глаза. Потом просиял так, словно внутри зажегся огонь, осветив все еще бледное лицо. Повернулся к Ройсу и сунул несчастный нож ему в руки, а Эйнару поклонился с удивительным для такого возраста достоинством. Девчонка, не отлипающая от него, тоже присела в реверансе, улыбаясь во всю круглую мордашку.

— Валь говолит, — сказала она звонко, — что в долгу пелед милолдом, и клянется отслужить. Говорит? Немой? Мальчишка заметно смутился, дернул сестру за руку и повел к кухне. Вот и еще одна странность. А ведь парнишка далеко не прост. Эйнар вздохнул: мало ему загадок?

— Ну, и чего встали, мои brave господа? — поинтересовался Тибо, выразительно глядя на гарнизон. — Представление закончено, всем вернуться на прежнюю позицию. Ройс, березовую кашу примешь вместо ужина, на голодный желудок она полезнее. А сейчас — в строй, барготову мать тебе под одеяло!

Пока Тибо с Малкольмом разгоняли солдат по площадке, Эйнар, стоявший спиной к главной лестнице, передернул плечами, почувствовав чей-то взгляд. Овернулся — так и есть. Леди стояла на галерее, кутаясь в теплую шерстяную накидку поверх темно-синего платья. Ее непокрытые волосы, собранные в обычный пучок, блестели на солнце стальным отливом, и Эйнар невольно нахмурился: в такую погоду стоит одеваться потеплее. И вообще, не повредит ли ей то, о чем он собрался просить? До Гарвии путь неблизкий, а она еще вчера была нездорова, да и ночь провела нехорошую. Надо бы с Лестером посоветоваться... Йотуны задержали этих столичных аристократов, так не ко времени свалившихся на его крепость со своими неурядицами.

Поднявшись на галерею, он вдруг мгновенной вспышкой понял, что ему снилось! Мягкие светлые волосы на сгибе его руки, горячее дыхание и прохладная ладонь в его руках, сильная и нежная разом... Понял — и смутился, жар стыда прокатился вниз по телу, бросился в щеки. Но отступать было поздно и глупо, так что Эйнар просто вдохнул поглубже и сказал, глядя в серебристо-серые, привычно холодные и настороженные глаза:

— Доброе утро, миледи. Как ваше здоровье?

* * *

«У некоторых людей удивительная способность задевать больное место», — мрачно подумала Ло, но вслух сообщила:

— Прекрасно, милорд, благодарю.

Капитан не поверил. И это яснее всего доказывало, что вопрос был не из вежливости. Те, кто осведомляются о положении дел только ради этикета, не ждут в ответ правды. Но откровенничать Ло не собиралась. Утром она проснулась со слабостью во всем теле, как после долгой магической работы. Уже почти забытое ощущение, которому она бы несказанно обрадовалась, не будь оно подлой фальшивкой.

Сила не возвращалась. С тупым безнадежным упрямством Ло каждое утро и вечер проверяла себя, пытаясь растеплить хоть крошечную искру, но выжженные каналы были мертвы. Иногда, правда, ей казалось, что проявляется магический взгляд. Вот как сейчас почудилась крошечная искра, мелькнувшая между Валем и его сестренкой. Но это, конечно, лишь иллюзия...

А капитан ждал, всем упрямым кирпичным видом показывая, что в учтивое вранье не поверил ни на миг, и она сдалась, потому что еще помнила горячие руки, согревающие ее ладонь, и осторожно-тихий голос в полутьме спальни.

— Лучше, чем можно было ожидать, — буркнула она, отводя взгляд. — Ничего страшного, поверьте...

— Хорошо, — отозвался он тем же напряженным тоном. — По правде говоря, у меня к вам просьба, миледи. Но я буду рад и просто совету.

Просьба? Ло настолько удивилась, что снова невольно посмотрела мужу в глаза. В отличие от рук, глаза у капитана были привычно холодными, цвета северного моря в шторм. Точно как на картине с вольфгардским драккаром, что висела в библиотеке особняка Ревенгаров. Но серо-зеленая холодность больше не могла обмануть Ло — ведь морю не обязательно кипеть, чтобы стать опасным. Интересно, бывает ли оно ласковым?

— Слушаю вас, — отозвалась она с интересом.

Капитан еще немного помялся, подбирая слова, а потом начал рассказывать. Про вчерашнего гостя, уехавшего слишком рано, чтобы дожидаться вестей о своей невестке. И про странную леди, зачем-то сбежавшую из дома и пытавшуюся выбраться через границу в Невию, но свернувшую не туда. А вчера она решительно отказалась последовать за солдатами в крепость. Оно и понятно: одинокая женщина с ребенком попросту испугалась незнакомых мужчин. Для юной леди компания более чем неподходящая. Но и в Гарвии ей оставаться не следует, так что... Может быть... Тут капитан снова замялся, но все-таки выдал:

— Может, вы позволите вашей горничной поехать со мной в Гарвию? Она поговорит с леди...

— Капитан, — прищурилась Ло, сообразив причину застенчивости дражайшего супруга, которого вдруг поразила болезнь непредставимой ранее деликатности. — Вы ведь не Нэнси хотели с собой позвать? Она девочка славная, но всего лишь деревенская глупышка. Я бы на месте испуганной беглянки не придавала ее словам особого значения.

— Я хотел просить вас, — хмуро подтвердил Рольфсон. — Но если вы нездоровы...

— Ради Пресветлого! Не настолько же я плоха, чтобы не прокатиться верхом! Или туда нужно идти?

— Слава богам, нет, — в глазах капитана появилось такое облегчение, что Ло стало почти смешно. — Часа полтора на лошади. Летом даже быстрее, но сейчас грязь. Вы действительно сможете?

— Разумеется! — фыркнула Ло. — Только мне придется переодеться. Не ехать же в платье. Про дамское седло она благоразумно решила не упоминать: вдруг это изобретение Баргота найдется в крепости или среди ее приданого?

— Оденьтесь потеплее, в горах ветрено.

Ло уже хотела съязвить в спину уходящему капитану, что давно выросла и не нуждается в подобных заявлениях, но вдруг устыдилась. Вчера она ведь в самом деле свалилась в постель, словно изнеженная нервная девица. Понятно, почему супруг беспокоится о ее здоровье. А еще эти кошмары! Неужели — краска бросилась ей в щеки — она действительно назвала капитана Маркусом? Сквозь сон помнилось именно это, но почему Рольфсон ни слова не сказал? Может, не расслышал, не понял? Глупо на такое надеяться, но еще глупее объяснять, что это просто привычка. В объятиях Маркуса она спасалась от кошмарных снов и ледяного тоскливого одиночества, Маркус шептал ей утешения после тяжелых рейдов и потери друзей... Он как никто знал, чего боится Ло, и рядом с ним страхи отступали. А если капитан примет их отношения за обычную интрижку... Решил же он, что Ло пошла к алтарю в рубашке любовника!

И все-таки ночью ничего не сказал. Успокаивал, держал за руку... Потому она и решила, что рядом Бастельеро!

Поднявшись к себе и переодеваясь, Ло пребывала в полном, но радостном смятении.

Всезнающая Нэнси преданно заглядывала в глаза, помогая расшнуровать корсет и подавая теплые чулки. Привычные штаны, несчастная рубашка, сюртук... С плащом Ло заколебалась. Глянула в угол, где на вешалке из оленьего рога красовался подарок ярла — длинный, теплый, с капюшоном, — но покачала головой и велела достать накидку. Не стоит дразнить Рольфсона, да и себе напоминать не хочется.

Умница Нэнси встряхнула и расправила синюю накидку толстого шерстяного сукна, отделанную рысьим мехом, накинула ей на плечи. Мягкие широкие складки укрыли Ло почти до коленей. В седле вид будет вполне приличным. Прогулка! Ради Пресветлого, как же хорошо будет снова сесть в седло, подышать осенним холодком, запахами травы и мокрой земли... И плевать, что потом спина разболится! Впрочем... Ло сунула во внутренний карман коробочку с

обезболивающим — она не позволит клятому старому ушибу испортить такое удовольствие, как первая прогулка за Баргот знает сколько времени!

— Позвольте собрать вам корзинку в дорогу, миледи? — осведомилась Нэнси.

— Мы ненадолго, — махнула рукой Ло. — Хотя фляжку с шамьетом было бы неплохо.

Она провела рукой по приятно мягкому сукну. А все-таки большое зеркало завести стоит. Из комнаты покойной жены капитана она ничего, разумеется, брать не станет, но... Синее всегда ей шло, даже больше, чем фамильный красный Ревенгаров. А у этой накидки такой пушистый воротник, и по фигуре она приталена, плавно расширяясь к подолу...

— Миледи просто куколка, — восхищенно подтвердила Нэнси, подавая синюю же круглую шапочку, тоже отделанную мехом по околышку. — И сразу видно, что знатная дама. Уж вас-то эта бедняжка не испугается.

— Почему-то я совершенно ее не помню, — вздохнула Ло. — Марли... Марли... А ведь должна бы! Если ее муж живет в столице, я не могла ни разу не слышать о нем. Ладно, при встрече выясним!

Любимые сапоги, до блеска вычищенные и ладно севшие по ноге, окончательно завершили сборы, и вниз Ло почти сбежала, чувствуя себя легкой и счастливой, будто ее пригласили проехать не в глухую горскую деревню, а по главному столичному бульвару. Впрочем, что там интересного, на том бульваре? Завистливые и осуждающие взгляды, лицемерные улыбки, сплетни и пустая болтовня... А в северных горах она ни разу не была, здесь и небо какое-то иное, низкое, но бескрайнее, и серые пики скал то ли протыкают его, то ли поддерживают, не давая опуститься на верхушки гор. И дышится легче, а воздух пахнет совсем не так, как на равнине!

В седло немолодого и явно смиренного каурого жеребца она взлетела, едва коснувшись стремени носком сапога, — только накидка взметнулась синими парусами-крыльями. Кокетство, конечно, чистое кокетство! Подобрала поводья, погладила теплую конскую шею, откровенно красуясь выправкой. Отец, кавалерийский офицер, влюбленный в верховую езду, учил дочерей сидеть на лошади чуть ли не раньше, чем ходить, да и в Академии был чудесный манеж, где будущих боевиков гоняли на совесть. Пресветлый, как же хорошо снова оказаться верхом!

— Вы разбиваете сердца, миледи, — сообщил Тибо, подавая принесенную Нэнси флягу, и Ло счастливо улыбнулась в ответ.

Вздохнула полной грудью, чувствуя холодный ветер загоревшимися щеками, прицепила флягу к седлу и поймала взгляд капитана, которому как раз подвели коня. Удивленный, недоверчивый взгляд и, пожалуй, с оттенком восхищения. Боги, не думал же он, что боевой маг ездит только в карете! Ло снова торжествующе улыбнулась, борясь с детским желанием показать язык. Да что же это такое, ее словно игристым вином напоили!

— Вы точно не замерзнете?

Голос капитана был привычно бесстрастен, и это помогло остыть, собраться с мыслями. Ло покачала головой, уже спокойно отмечая мелочи. Толстую куртку-доспех на Рольфсоне и неизменный топор у седла. Двух солдат, седлающих лошадей. Безмятежного Тибо и второго сержанта, Малкольма с заслуженным прозвищем Верзила, остающихся в крепости. Обычная поездка, значит. Да и не повез бы ее капитан туда, где опасно, можно ручаться. Так отчего же лихую вдохновенную радость предвкушения вдруг разбила нотка тревоги? Тихонько царапнула по сердцу и затаилась, но не исчезла... Тронув коня вслед за капитаном, Ло отогнала глупые мысли. Она больше не маг, чутье не служит ей, как прежде. Горько, но надо к этому привыкать.

Дорога и в самом деле оказалась грязной. Накидку пришлось подобрать, чтоб не испачкать подол летящей из-под копыт грязью, но теперь серо-коричневые брызги оседали на сапогах и даже штанах. Капитан два раза спросил, не холодно ли, и один раз — не устала ли она. Каждый раз Ло вежливо отзывалась, что нет, удивляясь про себя: неужели он по-прежнему считает ее нежным цветочком? После всего, что узнал от тех же вольфгардцев?

Зато горы были дивно хороши. Деревья уже лишились листвы, трава пожухла, но это лишь подчеркнуло суровую красоту причудливо изрезанных морщинами скал, проступающих сквозь тонкий покров растений.

— Летом здесь красивее, — словно извиняясь, уронил капитан, и Ло поверила, представив те же горы, покрытые тугими зелеными облачками листвы.

— Они и сейчас прекрасны, — искренне сказала она и снова поймала удивленно-недоверчивый взгляд Рольфсона.

А вот деревня прекрасной или хоть сколько-нибудь приличной не выглядела. Очередной поворот извилистой, как ползущая змея, дороги открыл ее целиком: пара дюжин приземистых каменных домиков с земляными крышами, едва ли в два человеческих роста высотой рассыпались по небольшой площадке, с одной стороны окруженной скалами, с другой — длинным крутым склоном спускающейся в ущелье.

— Где она остановилась, у старосты? — спросил Рольфсон у немолодого солдата, всю дорогу ехавшего впереди.

— Никак нет, господин капитан. У вдовы какой-то, — отрапортовал тот. — Вон, крайний домик.

— У вдовы?

На лицо капитана набежала мрачная тень — Ло даже глянула вверх, не закрыли ли облака и без того скупое осеннее солнце. «И чем ему вдова не угодила? — удивилась она. — У одинокой женщины другой порядочной женщине остановиться приличнее, чем в доме, полном мужчин». Но если капитан и думал иначе, мыслями он делиться не стал, только тряхнул поводьями, понукая коня.

Вблизи указанная хижина выглядела еще печальнее. Труда на тесание камня здесь никто не тратил, складывая стены из обломков валунов, соединенных глиной с навозом. Небольшое окошко под самой крышей, затянутое овечьим пузырем, вряд ли давало много света, труба очага почти завалилась на крышу, из которой торчали ветки. Единственным, что хоть как-то радовало взор, было стадо жирных белых гусей, весело плескавшихся в озере, полном воды пополам с грязью неподалеку У хижины. Как ни странно, глянув на гусей, капитан помрачнел еще больше и негромко помянул йотунов.

— Сходи, постучи, — бросил он тому же солдату, спешиваясь.

Ло с недоумением наблюдала, как хлипкая деревянная Дверь сотрясается от стука, но изнутри никто не показывался. Потом женский голос, сбивчивый, словно задышающийся, что-то прокричал, но слышны были только просьбы уходить. И оборвался.

Она решительно прыгнула наземь, уже понимая, что происходит нехорошее. Силой там удерживают беглянку, что ли? И где вдова? И вообще, какого Баргота?

— Не хочет открывать старая ведьма, — вернувшись, доложил солдат. — Говорит, мало ли кто капитаном назовется. А леди кричит, чтоб уходили. И еще что-то непонятное, вроде как на фраганском.

«Фраганка? Как ее сюда занесло? — изумилась Ло, одергивая подол накидки и направляясь к хижине. — Понятно, почему бедняжка насмерть перепугана».

— Осторожнее, — догнал ее капитан. — Если это та вдова, про которую я думаю... Не стоит вам туда идти.

Из хижины надрывно заплакал ребенок. И снова послышался женский крик, прерываемый каким-то бормотаньем.

— Да что мне делает какая-то старуха? — изумилась Ло. — И не силой же нам эту несчастную выволакивать? Представляете, как ее перепугают ваши люди, если бедняжка безумна?

Подойдя, она еще раз постучала и крикнула на фраганском:

— Леди Марли! Отзовитесь, прошу вас! Мое имя Лавиния, леди Ревенгар, я жена коменданта крепости Драконий Зуб. Мы приехали, чтобы помочь вам!

Несколько мгновений внутри было тихо, потом послышалась какая-то возня, что-то упало, вновь заплакал ребенок.

— Снимите дверь с петель, — велел капитан. — Если что, потом назад поставим.

Ло закусил губу — к ней вдруг вернулась утренняя тревога, снова царапнув сердце злой кошкой. Снятая и отставленная в сторону дверь открыла темную внутренность хижины.

Постель у боковой стены, низкий стол с какой-то утварью, лежащая женщина, укрытая тряпьем. Повевало кислыми запахами неряшливого жилья, дымом от очага... И в этой берлоге прячется фраганская аристократка?!

Вторая женщина, стоящая у кровати, положила на нее ребенка, которого держала, и двинулась к выходу неуверенными мелкими шагами. Лежащая приподнялась, но снова в изнеможении упала на постель, закашлявшись. Старуха подошла, Ло посторонилась, выпустив ее, и та двинулась к

стоящему шагах в пяти-шести капитану, а Ло, нетерпеливо отмахнувшись от дернувшегoся остановить ее мужа, шагнула в хижину, успокаивающе проговорив:

— Не бойтесь, дорогая. Вам не стоит здесь оставаться, поедemте с нами. Обещаю, мы достойно позаботимся о вас и вашем...

— Уходите! — крикнула фраганка, в ужасе глядя на Ло с постели. — Немедленно! Ар-мелайзе! Ло потратила несколько драгоценных мгновений, чтобы расслышать и вспомнить последнее слово по-фрагански... А потом прыжком развернулась и прокричала:

— Осторожно! У нее серая гниль! Ради Пресветлого, капитан, осторожнее!

Проклятая старуха с неожиданной прытью кинулась к Рольфсону, пытаясь схватить его крючковатыми, как птичьи лапы, руками. А когда капитан уклонился, плюнула ему в лицо и снова попыталась дотянуться, хрипя и надсадно кашляя. В горле у нее клокотало и булькало так, что слышала даже в ужасе замершая на пороге Ло.

Глава 25 СЕРАЯ ГНИЛЬ

Время словно остановилось. Ло четко расслышала, как ударило ее сердце, замерло на томительный долгий миг, а потом понеслось вскачь вместе с оттаявшими мгновениями. Капитан неувовимо быстрым движением уклонился от плевка старухи, глянул в сторону Ло. И тут же, будто удостоверившись, что с ней все в порядке, снова шагнул в сторону, уворачиваясь от старой ведьмы.

— Ты... мальчиков... моих... — хрипела старуха, на каждом слове захлебываясь воздухом. Однако приблизиться к Рольфсону она больше не пыталась — в руках капитана недвусмысленно блеснул топор. И когда взять успел?! Но от еще одного смертельного плевка даже топор не спасет. Серая гниль плохо передается по воздуху, только это и мешало ей когда-то выкашивать целые города, как чуме или барготовой краснухе, но достаточно прикоснуться к зараженному или к тому, на что попала его слюна, кровь, любые выделения...

Капитан, похоже, это знал. И держался достаточно далеко, не подпуская обезумевшую вдову ближе нескольких шагов. Она же была не настолько безумна, чтобы кинуться в прямую атаку. Неизвестно, сколько бы длилось жуткое подобие танца, но старуха вспомнила, что у нее за спиной Ло.

Развернувшись, она кинулась к хижине. Один шаг, другой... Ло показалось, что она уже чувствует смрадное дыхание и вонь немытого тела. Оцепенев от ужаса, она даже не могла отступить назад, чтоб закрыть дверь. Ни спрятаться, ни убежать! Позади — пропитанное заразой темное логово с отчаянно кашляющей фраганкой, впереди — безумное лицо, тщедушное тело в грязных лохмотьях и скрюченные пальцы, несущие смерть. Не отрывая взгляда от вдовы, Ло едва заметила краем глаза, как капитан взмахнул рукой. Ярko блеснул солнечный зайчик, пойманный сталью. Старухе оставался шаг! Захрипев еще сильнее, она схватилась за грудь, покачнулась, вцепилась когтями-пальцами во что-то длинное, блестящее... Не в силах пошевелиться, Ло глядела, как старуха падает на колени, царапая лезвие, вышедшее из груди. А потом — на распластанное тело с топором между лопаток: брошенный Рольфсоном топор ушел в спину до обуха. От груди тряпок, из которых нелепо торчала седая голова и подергивающиеся голые ноги, стремительно расплывалась вишневая лужа. Ло никогда не боялась вида крови, но сейчас ей почему-то подурнело. Запах. Он пропитал все вокруг, и Ло подумала, что никогда не сможет отмыться от него. Так и будет всю жизнь вонять этой дрянью. Она едва не рассмеялась: боги, какие глупости! Какая жизнь...

— Она вас коснулась?

Капитан подошел, мрачно глянул на тело, потом на Ло. Наклонившись, рывком выдернул чавкнувший топор.

— Лезвие надо прокалить, — с трудом слыша себя, сказала Ло бесцветным голосом. —

Обязательно надо прокалить лезвие.

— Она вас коснулась? — терпеливо повторил Рольфсон, без видимых усилий удерживая тяжелый топор на вытянутой руке, пока темно-вишневые густые капли медленно падали с него на землю.

Ло помотала головой. В ушах у нее зашумело, мир вокруг из серого стал необыкновенно ярким и звучным, наполненным запахами, вкусами, холодком воздуха на коже. Знакомое ощущение, заставляющее кровь бежать быстрее, подстегивающее разум и чувства. Только внутри, где сейчас должен сиять магический огонь, по-прежнему зияла отвратительная пустота.

— А? Нет, — подняла она взгляд на мужа. — Нет, не коснулась. А вас? Не подходите!

Едва шевельнувшись, Рольфсон замер, как и она сама. Ло ничего не могла прочесть в его непроницаемых серо-зеленых глазах, но это было и не нужно. Им обоим все было понятно без слов. В зараженную хижину успела войти только она, а капитан пока чист. И если ни одна капля слюны не коснулась его кожи, у него очень хорошие шансы избежать смерти. У Ло — куда меньше. «Собственно, — подумала она с холодной отстраненностью, — шансов почти нет. Разве что маленькое персональное чудо, ведь один-двое из сотни пораженных серой гнилью все-таки выживают». Но чудеса, отмеренные на ее долю, уже наверняка закончились, сколько же можно...

— Я пошлю за Лестером, — сказал капитан, вглядываясь в ее лицо. — Он отличный целитель, миледи.

Голос у него не дрожал, но Ло обострившимся слухом различала там нотки, которых раньше не было. Страх? Неужели за нее?

— Пошлите, — согласилась она, обессиленно приваливаясь плечом к косяку. — И как можно быстрее. Фраганка еще жива. И ребенок, кажется, тоже. Если... Если они продержались два дня, значит, могут выкарабкаться. Целых два дня — это очень много при серой гнили. Рольфсон кивнул, по-прежнему смотря на Ло с тем же странным выражением лица, и она старательно улыбнулась.

— Мне нельзя возвращаться в крепость, — сказала она зачем-то, хотя это и так было понятно. — По крайней мере, пока не будет ясно...

Собственный голос показался жалким и беспомощным; Ло стиснула зубы, сглотнула вязкую горящую слюну и вдруг разозлилась. На себя, на серую гниль, внезапно объявившуюся так далеко на севере, на барготову ведьму! Пресветлый, ведь все было хорошо! Стоило ей позволить себе крошечную капельку счастья и мира в душе, как все снова рухнуло в Бездну! Будто в насмешку над ее простой утренней радостью!

— Вам нельзя оставаться здесь, — уронил капитан.

С отвращением глянув на топор, он воткнул его в землю, выпрямился и посмотрел на Ло.

— В крепости есть сторожка на отшибе, там можно устроить карантинный лазарет. И, ради Пресветлого, отойдите от этой клятой хижины, миледи.

— Вы не слышали, что я сказала? — звонко от злости поинтересовалась Ло. — Там женщина и ребенок! Они еще могут выжить!

— Там серая гниль, — отрубил Рольфсон. — И спасти, скорее всего, уже некого. А вы могли не заразиться. Миледи, если им можно помочь, Лестер это сделает. Просто уйдите оттуда. Все-таки это был страх. Он боялся за нее, хотя, умри Ло от серой гнили, капитан был бы свободен. И не мог этого не понимать!

— Сторожка слишком близко, — безнадежно сказала Ло. — Вы не можете так рисковать своими людьми. Я... вам очень благодарна, поверьте, но вы не должны. Если я все-таки заразилась, это будет ясно через несколько часов. Серая гниль проявляется быстро. Но откуда она могла здесь взяться? Неужели...

Не сговариваясь, они посмотрели в сторону ближайшего приземистого домика, над крышей которого вился дымок. Во дворе копошилась пара ребятишек, рядом паслась стайка кур. Домик казался благополучным настолько, насколько это было возможно в бедной горской деревне.

— Я бы знал, — уронил Рольфсон. — Здесь нет лекаря, они послали бы за Лестером.

— Это я... — послышался вдруг из-за спины Ло тихий голос фраганки. — Я... виновата. Я заразилась на постоялом дворе и привезла болезнь сюда. Но я клянусь... клянусь, что не знала. Я думала, у Тимми ветрянка. На постоялом дворе была бродяжка с больным ребенком, потом хозяин ее выгнал... Я хотела остаться там, пока Тимми не выздоровеет, но ему стало лучше, а меня искал деверь, и я... Благими богами клянусь, я не знала! Мне... сказали, что она знахарка, что может дать лекарство моему Тимми, чтобы он не кашлял... Мне и самой к этому времени стало плохо. Сначала эта ведьма испугалась. А потом обрадовалась... Сказала, что меня привел Баргот, которому она молилась. Я просила ее помочь, потом просила хотя бы отпустить нас. Но она кого-то ждала. Сумасшедшая ведьма! Все твердила, что он поплатится за ее мальчиков, что

будет умирать в муках. И что, если он не приедет, она сама отправится в крепость, лишь бы успеть его заразить... Боги, лучше бы я сюда не добралась! Лучше бы умерла на дороге! Но мой Тимми, за что ему это?

Такая мука звучала в ее голосе, такая безнадежность, что Ло содрогнулась. Фраганка тоже все понимала, она точно знала, что умирает. И ее ребенок тоже. И уже неважно было, как ее занесло в северные горы, почему она сбежала из дома и куда пыталась уехать. Ничто больше не имело значения, кроме серых пятен, которые Ло видела в учебнике на лекциях по общей медицине, обязательных для каждого мага. И еще сухого перечня признаков: болезнь проявляется через несколько часов после заражения жаром и высыпаниями на коже, а затем стремительно развивается, изнутри поражая тело влажным кашлем с огромным количеством мокроты, а снаружи — язвами темно-серого цвета. Что-то там еще было... Ах да! Критический период — трое суток. Если через трое суток больной все еще жив, вероятность самопроизвольного излечения равняется девяти процентам. Из-за этого серую гниль еще называли трехдневкой. — Все будет хорошо, — сказала она, полуобернувшись, но не смея взглянуть в лицо женщине, которой так бесстыдно врал. — Вы уже почти выздоровели, дорогая. Скоро здесь будет лекарь, он вам поможет.

Тихий беспомощный всхлип был ей ответом. Потом фраганка что-то зашептала, укачивая ребенка, а Ло снова посмотрела на мужа, не смея ни просить, ни требовать. Нельзя ведь, в самом деле, подвергать опасности всю крепость. И что вообще можно сделать?! Благие боги, она же ничего не понимает в целительстве, боевиков учили самым минимальным навыкам! Остановить кровь, очистить и перевязать рану, вовремя распознать заразу, чтобы известить начальство, — не более того! Остальным должны заниматься зеленые мастера! — Кэйси! — слегка повысил голос капитан, и один из солдат, которых до той поры было не видно не слышно, примчался на зов.

Ло взглянула на него совсем по-новому. Молоденький парнишка из новобранцев, веснушчатое круглое лицо, в светло-ореховых глазах застыл испуг, но солдат старательно его прятал, только иногда косился на Ло с таким ужасом, словно она уже скончалась и встала мертвцом. А капитан глянул на парня, потом на второго солдата, оставшегося у лошадей, потом почему-то на деревню. Только сейчас Ло увидела, что от ближайшего дома к ним торопливо направляется с полдюжины человек. У капитана, бросившего на них мрачный взгляд, снова стало точь-в-точь такое лицо, как ранее при виде гусей. Лицо человека, ожидающего неизменных неприятностей.

— Кэйси, — заговорил он опять, — бери моего солового на смену и галопом в крепость. Так, будто за тобой демоны гонятся. Расскажешь сержанту Мерри, что здесь было. Что делать в крепости, он знает. А сюда — мэтра Вайса, сержанта Малкольма и дюжину людей. Верхами! Ну, пошел!

— Не извольте беспокоиться, господин капитан! — бодро отпартовал парнишка, явно счастливый возможностью убраться подальше.

Ло его очень даже понимала. Мелькнула мысль, как же глупо и пошло все обернулось. И она еще считала себя невезучей из-за осколка под сердцем? Правду говорят, что нельзя гневить богов жалобами. Заживо гнить изнутри, захлебываясь кашлем, — куда хуже. Как же глупо... А капитан обернулся к ней и так же хмуро уточнил:

— Целитель будет часа через два, не раньше. Вам точно нужно там стоять?

— Какая теперь разница? — фальшиво, но очень старательно усмехнулась Ло. — Капитан, зачем вам дюжина человек?

Руки у нее замерзли, но перчатки остались в седельной сумке, и попросить их почему-то было неловко. Хотя можно ведь просто кинуть? Но это подождет.

— Это, — Рольфсон кивнул в сторону тела, — нужно сжечь. И хижину тоже, насколько получится. А если вдова брала воду из общего колодца...

— Тогда деревне конец, — отстраненно закончила Ло. — Капитан, за что она вас так ненавидела?

— Те ублюдки на перевале, что грабили проезжающих. Среди них были ее сыновья. Один погиб, второго я велел повесить.

Голос капитана был сух и спокоен. И на Ло он смотрел прямо и открыто, словно ожидал от нее... Чего? Неужели обвинений? Глупость какая... В чем? Она сама виновата: кинулась в хижину, хотя Рольфсон пытался ее остановить.

— Правильно сделали, — сказала Ло. — Ненавижу разбойников, мародеров и прочую шваль. И все-таки зачем вам целая дюжина?

— Для спокойствия, — так же ровно и тяжело уронил капитан. — Когда говоришь с местными, полезно иметь за спиной десяток солдат, а то и два. Нас здесь не любят. А когда узнают, что в хижине большая серая гниль...

И тут Ло окатило не просто страхом — ледяной волной нерассуждающего ужаса. Она как-то сразу сообразила, почему второй солдат, оставленный Рольфсоном, торопливо подтягивает шнуровку наплечников и грудных щитков. И почему сам капитан стоит рядом с топором, не вытаскивая его из земли, но это дело пары мгновений — она уже видела, как быстр Рольфсон, когда дело касается оружия. И почему Кэйси было велено скакать галопом, меняя лошадей. Все очень просто. Просто и страшно, как безнадежный прорыв в атаку, где точно знаешь, что выжить не получится, но есть приказ умереть с пользой.

— Они не могут, — прошептала она, в самом деле пытаясь не поверить. — Капитан, это же бред. Дурацкие поверья безмозглых простаков. Эпидемию так не остановить!

— Это горцы, миледи, — безрадостно отозвался Рольфсон, не сводя глаз с приближающихся людей, которых было уже довольно много. — Они верят, что женская кровь делает землю бесплодной, что луна сделана из сыра, который каждую ночь обгрызает небесная мышь, что мальчиков нельзя кормить перепелиными яйцами, а девочкам вредно смотреть в колодезь. Почему бы им не верить и в сожжение заразы? В этом хоть какой-то смысл есть.

— В чем?! В поверье, что если первого заболевшего сжечь живьем, то болезнь не пойдет дальше?

Захлебнувшись возмущением, Ло даже головой замотала, торопливо подбирая доводы. Ну да, с серой гнилью это может сработать, потому что она передается при контакте. Но зачем убивать и так обреченного, если достаточно его изолировать, а сжечь дом и все вещи?! Не может ведь такое случиться с ней? В просвещенные времена, в присутствии королевского офицера! За спиной громко заплакал ребенок. Плач перешел в надрывный мокрый кашель, и снова фраганка принялась укачивать его, что-то умоляюще шепча. Ло показалось, что вонь из хижины стала сильнее — видимо, малыш испачкался. Бред... Все это не с ней, оно просто не может происходить наяву.

— И потому вы отослали Кэйси? — безнадежно спросила она мужа.

— Три человека или два — особой разницы нет, — со спокойной откровенностью отозвался Рольфсон, поводя плечами, будто прокляпанная стальными накладками куртка стала ему вдруг тесна. И уточнил: — Если дойдет до оружия. Но я не думаю. Они знают, что я послал гонца в крепость, значит, скоро здесь будут солдаты. Убить нас тихо уже не выйдет.

А ведь он всерьез рассматривал такую возможность. И, может быть, надеялся, что Ло позволит ее увезти? Но как же Марли и ее ребенок? Да, они почти наверняка обречены, но шанс есть! Крошечный, почти невозможный, но два дня уже прошло. Неужели капитан готов был оставить их на страшную смерть? Да нет же, ведь не оставил!

Ло проглотила горький тяжелый комок, вставший поперек горла. Она точно знала, что сделал бы Маркус. Некроманты гораздо проще смотрят на смерть: он просто подарил бы несчастной фраганке сладкое гибельное забвение, а там пусть горские дикари делают с телом, что им угодно, — это всего лишь оболочка. Главное, чтобы не пострадали они с Ло. Маркус обнял бы ее за плечи и увел, утешая по дороге, что такова судьба и бедняжку следовало избавить от мучений. И в чем-то был бы даже прав! Смерть от серой гнили — долгая и мучительная.

А что сделал бы Ингольв Рагнарсон? Наверное, что-то похожее. Пожалуй, он бы просто не пустил Ло в хижину, ведь риск не для его женщины, да и зачем пачкаться? У герцога нашлись бы слуги и воины для любой грязной работы.

Невозможный капитан Рольфсон, Кирпич упрямый, просто принял как должное слова Ло, что фраганку следует спасать. Не забрал Ло принуждением, не велел ей уйти от хижины. Просто, мать его барготову, отправил в крепость гонца, оставшись вдвоем против толпы горцев! У которых наверняка в каждом доме хоть охотничий лук да найдется. Не говоря уж о пращах, кинжалах, а то и арбалетах.

— Успокойтесь, миледи.

Она бы возненавидела его, прозвучи в голосе Рольфсона покровительственные или жалостливые нотки, но северянин говорил с ней как с равной.

— Кэйси успеет, — добавил он. — А мы с Диком пока приглядим, чтоб какой-нибудь дурень и вправду не бросил факел в хижину. Хотя вы ведь умеете управляться с огнем? Несколько мгновений Ло не знала, рассмеяться ей или истерически разрыдаться. О да! Именно этого в творящемся безумии и не хватало! Ее муж думает, что у него под рукой боевой маг, способный остановить толпу если не чем-нибудь смертельным, то хотя бы внушительным фокусом. Боевой маг! Действительно, чему ему опасаться? И ведь она сама загнала их обоих в эту ловушку своими недомолвками и почти открытым враньем. Она позволила капитану верить, что сила ее не покинула, что только из вежливости она швыряется горшками, а не огненными шарами и Молотом Пресветлого. И значит...

— Капитан, вам лучше уехать, — сказала Ло с отчаянной торопливостью. — Уезжайте, слышите? Они нам ничего не сделают, просто не посмеют. Это была ложь, отчаянная ложь, опуститься до которой было полнейшей глупостью. Конечно, Рольфсон не поверил!

— Миледи?

Проклятье, вот как он умудряется таким вежливым словом чуть ли не выругаться?!

— Я не маг, — выдавила Ло, с трудом отводя взгляд от серо-зеленых глаз, требующих ответа. — Я потеряла силу в Руденхольме.

— Вы... не маг? — повторил Рольфсон, глядя на нее изумленно — даже у Кирпича, оказывается, в глазах может плескаться невиданное ранее удивление.

— Да! — простонала Ло. — Проклятье... Капитан, я... я ничем не смогу вам сейчас помочь. Ничем, слышите? И не хочу, чтобы вас здесь убили. Это... несправедливо. Уезжайте, слышите?!

— Слышу, — кивнул капитан. — Я вас понял. Успокойтесь, все обойдется.

Повернувшись к идущим, он встал спиной к Ло. Огромный и невозможно спокойный, как валун на морском берегу. Отвратительно спокойный и бесстрастный!

— Вы думаете, что сможете их остановить? — сказала Ло в эту каменную спину, такую широкую, что запросто прикрыла бы дверь в хижину, что капитан, собственно, и сделал. — Их там сотня, наверное. Рольфсон, не дурите...

Вместо ответа капитан только пожал плечами.

— Не извольте беспокоиться, миледи, — сказал второй солдат, подходя и становясь позади и немного сбоку от командира. — Мы с его светлостью никому вас в обиду не дадим. Плащик-то запахните, а то простынете.

Ло подавила истерический смешок и послушно запахла накидку. Действительно, пустяки какие! Двое против нескольких десятков. Которых она парой месяцев раньше раскидала бы арканами... Пресветлый, за что?! Но если уж ты отвернулся от своего мага, так помоги хотя бы этому отважному упрямому... Кирпичу!

* * *

Услышав, что несет эта женщина, в первый миг Эйнар просто онемел. И к лучшему, потому что успел придержать язык. А так хотелось выругаться! Да за кого она его принимает?! Уехать, оставив собственную жену серой гнили и милосердию горцев? Как ей вообще пришло в голову такое предложить? Хорошо же она о нем думает! Считает настолько слабым? Или просто трусом?

Но холодный кипяток гнева схлынул, как только Эйнар услышал в ее голосе страх. О, леди держалась все так же прямо, будто шпагу проглотила, а ее глаза сверкали злостью и возмущением, но голос... Она боялась. Самое глупое, что боялась она не за себя, а за него. За мужчину, воина! Эйнар обиделся бы смертельно, не перехвати ему горло тяжелая цепкая лапа памяти: такую же старательную, но фальшивую, как альвское золото, улыбку он видел на лице Мари, когда шел на стену осажденного Драконьего Зуба. Мари боялась за него, потому что любила. Но... Ведь сейчас дело не в этом?! Точно не в этом. Так почему надменная аристократка, от которой он слова доброго почти не слышал, думает о его спасении больше, чем о своем?!

Впрочем, сейчас на мысли о странностях леди не было времени. Все новые горцы подходили, будто по волшебству выныривая из-за хижин и крупных валунов, их лица были мрачны, кое у кого в руках словно невзначай виднелись тяжелые палки. А еще, что Эйнару совсем уж не понравилось, шагающий впереди толпы человек был ему незнаком. В Гарвии сменился староста. Вот любопытно — когда? И почему...

Он снова пожалел, что взял с собой только двоих солдат. Любая горская деревушка, куда только недавно пришла королевская власть, паршивое место; вот и в Гарвии ему всегда кланялись в лицо, но спина так и зудела от недобрых взглядов. Хорошо еще, что Дик из ветеранов, потому Эйнар и оставил рядом именно его. Нельзя дать толпе почувствовать страх. Она от этого звереет.

— Мое почтение, ваша милость, — громко сказал нынешний предводитель горцев, останавливаясь шагах в пяти.

— И вам доброго дня, — уронил Эйнар, пытаясь вспомнить, где уже слышал этот голос. Точно слышал. Но почему-то без лица.

Невысокий, но крепкий и жилистый горец лет сорока, одетый, как и все здесь, в крашеную шерсть и выделанную кожу, смотрел равнодушно, однако Эйнар чутьем понимал, что это лишь маска. Слишком острый холодный взгляд, будто поверх прицела... Ах, вот откуда вспоминается голос!

— День-то не слишком добрый, ваша милость...

— Это верно, — холодно подтвердил Эйнар. — Пока не слишком. В добрые дни меня обычно убить не пытаются.

Он указал кивком на тело вдовы, так и лежащее позади них с Диком. Новый староста прищурился, даже не пытаясь изобразить удивление, посмотрел на мертвую Вальдонию, потом — поверх плеча Эйнара — на хижину и снова на Эйнара.

— Что старуха совсем с ума сошла, мы и сами не знали, ваша милость, — сказал он вполне рассудительно. — Живет она на отшибе, а с головой у нее и прежде неладно было. Вот как сыновей лишилась, так и того... заговариваться стала. А если настолько рехнулась, что на вашу милость кинулась, так сама виновата. Не о ней речь.

И говорил он слишком чисто и правильно для горца, и держался без всякого страха, который нет-нет да проскальзывал в повадках прежнего старосты. Хотя бояться ему сейчас было чего. Нападение на королевского офицера приравнивается к бунту. Вальдония уж точно заслужила смертную казнь, но Эйнар имел право наказать и старосту, в деревне которого кто-то совершил такое преступление. Но этот мерзавец не боялся. Наверное, думал, что комендант крепости не узнает его по нескольким словам, прозвучавшим из темноты в ночь казни мародеров. Только вот Эйнар никогда не забывал угрозы.

— Не о ней, — коротко подтвердил Эйнар, соглашаясь, что мстить деревне за одну безумную старуху не будет. — Так ты, значит, новый староста? А что с прежним случилось?

— Приболел он, ваша милость, — усмехнулся горец без всякой угодливости. — А люди без старшего — овцы без вожака. Вот и выбрали меня в заступники, как у нас водится. Здесь народ смиренный, боязливый. Разбойников боимся, солдат — еще больше... А уж лютой хвори — сильнее всего.

Он глумился. Нагло и уверенно в собственной безнаказанности. Кулаки у Эйнара начали зудеть с первого слова, а сейчас пакостную усмешку так и хотелось вбить мерзавцу в зубы. Но Эйнар ждал, глядя в упор и помня, что за спиной у него хижина с беззащитными женщинами, а Кэйси еще только скачет к крепости.

— Нам бы, ваша милость, миром дело решить, — сказал наконец его собеседник, переждав пару минут тяжелой вязкой тишины. — Мы его величеству — верные подданные, но это дело не королевское. Наше это дело. Наша земля, наши люди. Умирать никому неохота, верно, ваша милость?

А ведь он появился в деревне недавно. Эйнар даже был уверен, что знает когда. Вернулся с войны вместе с друзьями, но оказался слишком умным или везучим, чтобы попасться в ущелье, а потом гарвийцы его не выдали, разумеется. Отсиделся и решил, что место старосты — неплохое начало новой жизни. А тут подвернулась возможность отомстить то ли за приятелей, то ли за родню. Бросить вызов самому капитану у него, пожалуй, кишка была тонка, но ведь ясно, что женщина в хижине Эйнару нужна, раз он за ней приехал. Да и вторая... Уж о его женитьбе в Гарвии известно.

Эйнар молчал. Только продолжал смотреть в упор: обычно это помогало, вот и мерзавец под его взглядом помрачнел, ухмылка исчезла с обветренного загорелого лица. Но все-таки продолжил:

— Так как же, ваша милость? Люди в своем праве. Заразу-то сжечь надобно.

— Жгите, — согласился Эйнар. — Вон она лежит. Руками не хватайте — возьмите крючья.

— Не ту заразу, ваша милость, — на удивление вкрадчиво сказал мерзавец. — Вальдония не первая заболела. Хворь ей постоялица привезла.

— Из города, — уронил Эйнар. — С постоялого двора. Значит, она не первая.

— Здесь — первая, — еще вкрадчивее возразил его собеседник. — Не по обычаю, ваша милость, судите.

— Верно. По закону. Королевскому.

Эйнар обвел взглядом угрюмо молчащую толпу. Гарвийцам не было никакого дела до неизвестной женщины. И Эйнару они мстить не хотели. Они всего лишь отчаянно хотели жить, боясь близкой смерти от серой гнили куда сильнее, чем далекого королевского гнева. И были твердо убеждены, что спасти их может только сожжение заразы, явившейся под личиной незнакомки. Человек сорок мужчин. И женщин столько же, а это горянки, которые будут рвать зубами и ногтями любого, в ком увидят угрозу своим семьям. Да, они с Диком успеют положить несколько человек. Да, потом гарнизон пройдет по деревне огнем и сталью. Но это будет потом. И можно ставить собственный топор против деревянного детского ножика, что этот, снова ухмыляющийся, под руку Эйнару не попадется, да и после вывернется. Он ведь точно знал и про запертую в хижине Вальдонии фраганку, и про болезнь. Успел собрать людей и появиться точно вовремя! Умный ублюдок, опасный.

— Король далеко, — спокойно подтвердил его мысли ублюдок. — И он тоже, небось, обычаи чтит, на то он и король милостью богов. Мы ж по-хорошему хотим... Свою женщину можете забрать, коли не боитесь. А этой все одно помирать. Так чего и ее мучить, и нас губить? Будьте великодушны, отойдите с дороги.

Он шагнул вперед, и толпа качнулась следом. Пахнуло плохо выделанной кожей, редко мытыми телами и страхом. Страхом, так легко перетекающим в ненависть.

— Стоять! — рыкнул Эйнар. — Напомнить, что будет с тем, кто напал на офицера короля?

— Серая гниль страшнее! — визгливо выкрикнула какая-то бабенка. — Уйдите, ваша милость! У нас дети! Не губите!

Эйнар глянул так и оставшемуся для него безмынным мерзавцу в глаза. Те блеснули весело, зло и капельку безумно. Мерзавец знал, что Эйнар не отступится. Он этого и хотел. И уже предвкушал, как руками толпы сомнет его, а потом растопчет, разорвет, раздавит. А если очень повезет, то капитан будет еще жив, когда его женщину — кто ее отпустит-то, живого свидетеля — либо загонят в хижину и подопрут дверь, прежде чем кидать в окно хворост и факелы, либо и вовсе придержат... на какое-то время. У него на глазах, чтоб еще помучился...

Он понимал это так явно, словно был магом, умеющим читать мысли, но на самом деле Эйнар просто повидал таких душевных уродов. Наслаждающихся чужой болью и смертью, смакующих ее, как лучшее лакомство. И как озарение вспыхнула еще одна мысль: ублюдок был слишком смел и непрост для обычного разбойника, чудом ускользнувшего от правосудия. А убийство коменданта крепости — отличное начало не только новой жизни, но и разбойничьей славы. Места здесь глухие, гарнизон окажется без головы, а гарвийцы будут насмерть повязаны участием в бунте и тройным убийством.

Толпа снова качнулась вперед...

— На всякого волка, значит, стрела найдется? — холодно уточнил-напомнил Эйнар.

Мерзавец успел все понять. И даже отшатнуться. Но он сам сократил расстояние на этот предпоследний шаг, а последний сделал Эйнар. И в этот раз смягчать удар не стал. Его кулак в перчатке толстой кожи с железными пластинами врезался в челюсть горца — там хрустнуло, глаза мерзавца закатились, но он не упал. Так и остался стоять, с удивлением глядя на рукоять тяжелого охотничьего ножа, торчащего у него из груди. Левой рукой Эйнар владел ничуть не хуже, чем правой.

Выдернув нож, Эйнар шагнул назад и, не удостоив медленно завалившееся ему под ноги тело даже взглядом, рявкнул глухо ахнувшей толпе:

— Стоять на месте! Бунтовать р-р-решили! Закон один для всех! И закон здесь — я! Солдаты уже едут из крепости. Увижу кого-то возле хижины — пеняйте на себя! Серая гниль, может, и помилует, а я — нет. Если в деревне есть больные, пусть новый староста придет, когда привезут целителя. А сейчас — р-р-разойтись по домам!

Миг, другой, третий толпа молчала, потом ее словно окутало облако шепота, всхлипнули женщины, какая-то заревела навзрыд. Но хребет бунта уже был сломлен смертью предводителя, и медленно, будто страшась повернуться к Эйнару спиной, люди начали расходиться. На него

смотрели с ненавистью и ужасом, он расслышал несколько проклятий, сказанных шепотом на местном говоре, но люди уходили. Эйнар смотрел им вслед, чувствуя, как разжимается стиснувшая внутренности когтистая лапа. Воздух вдруг стал упоительно свежим и вкусным, и Эйнар дышал им жадно, словно пил родниковую воду. Ругнулся Дик, звякнув чем-то, но сил посмотреть в его сторону не было. Вместо этого Эйнар глянул на тело у ног. Наклонился, тщательно вытер нож о шерстяную куртку убитого, прежде чем убрать в ножны. И немного отдышался, прежде чем повернуться к хижине, на пороге которой стояла его жена. Женщина, ради которой он сегодня убил двоих и вовсе не считал это дорогой ценой за ее жизнь и безопасность.

Глава 26 НА ПОРОГЕ

Благие боги, как же Ло было стыдно! Щеки пылали, будто она умылась ледяной водой, и даже уши, кажется, загорелись от смущения. Струсила, наговорила глупостей... А потом и вовсе отмолчалась за чужой спиной, потому что ровным счетом ничего не могла сделать. Магичка без магии, аристократка без свиты... Конечно, она и прежде видела крестьян! Но в родовом поместье Ревенгаров они были почтительны и услужливы, а во время войны — мрачны и покорны. И, уж конечно, трепетали перед магами. Никогда Ло в голову не приходило считать какую-то деревенщину опасной.

Беспомощность — вот что она испытывала сейчас, глядя на угрюмую человеческую массу, в которой даже отдельные лица с трудом различала, не считая их предводителя. Грязные, заросшие бородами и длинными волосами, испуганные и злые... Ло содрогнулась, представив, что смотрела бы им в лицо напрямую, а не из-за широкой спины капитана Рольфсона. Потому что сейчас она была беспомощной, но не беззащитной — огромная разница, оказывается! А потом горцы ушли, и капитан повернулся к ней. Все такой же бесстрастный и только слегка хмурый, будто и не сделал ничего особенного. Подумаешь, разогнал стаю озверелого шакаля! Волкодаву этим и гордиться как-то непристойно. Ло вспомнила утреннюю сцену с мальчишкой и солдатом, когда Рольфсон внешне так же легко управился с судом, терпеливо и спокойно разобравшись, кого наказать, а кого наградить. Теперь она лучше понимала основную черту характера капитана: он был начисто лишен позерства и самовлюбленности, даже когда вершил чужие судьбы. Редкое качество... Наверное, он и командование над крепостью принял так же — просто потому, что никого более подходящего рядом не было, а уклониться от ответственности Рольфсон не мог. Ло невольно восхитилась его самообладанием и принципами, которым могли бы позавидовать многие известные ей аристократы. — Прошу прощения, — буркнул капитан, покосившись на труп у своих ног. — Не следовало вам этого видеть.

Он что, думает, это первый убитый в ее жизни?! Но тут же Ло устыдилась, чувствуя себя не к месту капризной и раздражительной. Ведь Маркус точно так же оберегал ее от грязи войны, насколько мог. Мужчины всегда такие мужчины...

— Еще одни старые счеты? — уточнила она, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— Те же самые, — досадливо дернул Рольфсон уголком рта. — Перевальные. Странно все это... Вы не замерзли?

Ло покачала головой, хотя слегка озябла. Капитан коротко кивнул и отошел к лошадям, а оставшийся рядом с хижинкой солдат потер руки в толстых кожаных рукавицах и возмущенно сообщил:

— Во дела творятся, миледи! Совсем овцегоны обнаглели! Ничего-о-о, наш Кир... э-э... капитан им покажет!

— Не сомневаюсь, — согласилась Ло, в очередной раз устыдившись, что не помнит, как его зовут.

А ведь она в крепости не первый день и даже не неделю, как можно было не узнать по именам весь гарнизон? «Самовлюбленная высокомерная дура! — выругала себя Ло. — В полку ты себе такого не позволяла».

— Дик! — окликнул солдата Рольфсон, невольно придя Ло на помощь. — Ломай гусятник и разводи огонь.

Действительно, ни дров, ни даже хвороста возле хижины не было. Чем они здесь топят?

Она повторила вопрос вслух, и Рольфсон, подойдя от лошадей, пояснил:

— Обычно — соломой с сухим овечьим навозом. Дрова слишком тяжело добывать. Еще хворостом, но не все могут за ним ходить.

Он протянул ей перчатки и стальную флягу, добавив:

— Если хотите горячего — подождите немного, сейчас будет костер.

— Благодарю, — тихо отозвалась Ло, натягивая перчатки.

А как же фраганка? Ее, конечно, нельзя к общему костру, но бедняжка должна была смертельно замерзнуть в нетопленной и давно выставшей каменной хижине. Если здоровой и тепло одетой Ло веет стужей от каменных стен...

— Дик, принесите и сюда немного, — решительно велела она. — Попробую затопить очаг.

— Миледи...

— Капитан, я в перчатках. И буду очень осторожна. Но какой смысл спасать этих несчастных от сожжения и гнили, если мы уморим их холодом? Притом я уже была в хижине.

Взгляд Рольфсона утратил обычную непроницаемость. Капитану очень хотелось то ли выругаться, то ли утащить Ло прочь, может быть, даже на плече. Он даже напрягся, едва заметно подаваясь вперед, но потом безнадежно махнул рукой и только напомнил:

— Не снимайте перчаток. И осторожнее...

После того что он только что сделал, у Ло язык не повернулся съязвить, что ее неосторожность освободила бы дражайшего супруга от ненавистного брака, но не подумать об этом снова она тоже не могла. Рольфсон же вел себя как... настоящий муж? Ло растерялась от настолько простой и закономерной мысли, глядя в спину уходящему капитану, которому снова срочно понадобилось что-то возле привязанных лошадей. Наверное, боялся и вправду высказать ей все, что думает.

Дик тем временем весело ломал хлипкий гусятник, ловко орудуя небольшим топориком.

Очистив несколько жердей от глины, которая их скрепляла, он порубил деревяшки на куски и принес к хижине. Поколебался, опасливо глядя на дверь за спиной Ло...

— Дальше я сама, — торопливо сказала Ло. — Благодарю, Дик.

— Рад служить, миледи, — облегченно заулыбался солдат и вернулся к разрушению гусятника. Ло втащила деревяшки внутрь, свалила возле каменного очага в углу и серьезно задумалась.

Она, конечно, знала, как разжигают огонь обычные люди, но весьма... теоретически. Трут, огниво... Сама Ло попросту запускала крошечный огненный шарик, которого хватало на любые дрова, даже мокрые. Но и такой мелочи она лишена! Ладно... чем-то же старая ведьма разжигала очаг? В крайнем случае можно подождать, пока снаружи разгорится костер, и попросить головню.

— Ваш муж очень храбрый человек, леди Ревенгар...

Очнувшись фраганка смотрела на Ло лихорадочно блестящими в полумраке глазами. Ребенка она бережно прижимала к себе, кутая в тряпки, которых едва хватало укрыть малыша.

— О да, — улыбнулась Ло. — Храбрость несомненно числится среди его достоинств. Как вы себя чувствуете, леди Марли?

— Марли? Простите, мое имя Мэрли. Аманда Мэрли, в девичестве Форзон. Мой муж — Дилан Мэрли, вы, может быть, знаете его семью?

— Мэрли? О, это вы меня простите, — Ло шагнула от очага к столу. — Мой муж северянин, он, должно быть, плохо расслышал. Разумеется, я знаю Дилана. Его кузен Арчибальд женат на сводной сестре моей двоюродной тетки. О боги, высший свет так тесен...

Она болтала какую-то чушь, лишь бы не молчать, и удивлялась. Оказывается, можно лишиться магии и быть на краю гибели, но память все равно услужливо подсовывает, кто кому и кем приходится — знание, непременное для всякого дворянина.

— Удивительно тесен, — подхватила Аманда Мэрли. — Я слышала о вашем замужестве, миледи. Знаете, это было главной новостью сезона.

— Не сомневаюсь, — светски улыбнулась Ло, разглядывая фраганку.

Аманде было вряд ли больше двадцати-двадцати двух. Белокурая и голубоглазая, она должна была по праву считаться красоткой, но болезнь вытопила ее изнутри, и сейчас фраганка походила на изжелта-бледную восковую куклу. Прекрасные светлые волосы она убрала как

можно ту же, но даже так было видно, что они слиплись от пота, на коже лба блестели крошечные капельки испарины, а на скулах цвели ярко-розовые пятна жара. Но она держалась, пытаясь сохранить хорошие манеры — последний доспех порядочной женщины, такой хрупкий и необходимый, — и Ло отдавала должное ее мужеству. Тем более внушающему уважение, что эта милая девочка вышла за Дилана Мэрли, главу семьи, печально известной в Дорвенне своим родовым проклятием.

— Хотите попить? — предложила она, вспомнив, что оставила на пороге флягу. — У меня есть шамьет, но его стоило бы подогреть. Снаружи вот-вот разведут костер, и мы возьмем углей.

— Вы так добры... Но вам не следует здесь оставаться, миледи. Это очень опасно!

— Вздор, — решительно отозвалась Ло. — Сейчас приедет целитель. В любом случае, я уже здесь побывала, так что какой смысл убегать?

— Если вас не затруднит, я бы выпила воды...

Ло оглядела стол, нашла подходящую посудину и принялась к жидкости. Глиняный кувшин оказался наполовину полон, и она сполоснула самую чистую из трех стоявших на столе чашек, а потом наполнила ее водой. Подала фраганке, которая немедленно принялась поить жадно глотающего ребенка и лишь затем выпила остатки сама.

— Благодарю, миледи.

Фраганка смущенно улыбнулась.

— Вас искал деверь, — сказала Ло, принимая пустую чашку и ставя обратно на стол. — Он очень беспокоится, как и ваш муж, полагаю.

— Не говорите мне о муже!

Глаза Аманды вспыхнули яростью, словно внутри восковой куколки зажегся свет — гибельный для нее, но сделавший юную женщину удивительно красивой, несмотря на болезнь.

— Проклятый трус! Если бы не он... Если бы не вся их трусливая семья! О, миледи, простите... Но вы ведь знаете? Вы должны знать! Все знали, но никто мне не сказал! Никто! Если бы только он признался мне до свадьбы! Я любила его! Я бы все равно вышла за него, но он должен был мне сказать! Как он мог...

— Он вам... не сказал?! — поразилась Ло. — Аманда, дорогая, неужели вы... Ах да, вы же из Фраганы.

— Ни слова, — всхлипнула та. — Ни единого распроклятого словечка! Я ничего не знала! И все молчали, а я никак не могла понять, почему на меня так смотрят! Думала, это из-за мезальянса! Мой отец... он лейб-дворянин, понимаете? Мэр маленького городка в провинции Арлетт. Мы довольно богаты, но... я не могла даже надеяться на подобную партию дома. Мы встретились при дворе его величества Флоримона. И я... я была так счастлива! Дилан так красиво ухаживал за мной, клялся в любви... Боги, как я была глупа... Я подарила ему наследника и думала, что дочери он тоже обрадуется. А вместо этого он сказал, чтобы я не слишком к ней привязывалась, когда рожу. И все рассказал. Влюбленная дура!

— Успокойтесь, милая, — тихо сказала Ло, страстно желая, чтобы поганец Дилан Мэрли хоть ненадолго оказался здесь, в этой хижине, пропахшей овечьим навозом и болезнью. — Конечно, он должен был вам сказать. Вы поэтому уехали? Но почему не домой?

— Потому что я... О, миледи! Потому что я думала, что спасу ее! А вместо этого погубила...

Погубила мою девочку, даже не дав ей увидеть свет... И Тимми тоже. Боги, почему вы так... Фраганка мучительно закашлялась, поднеся руку ко рту, потом схватила край тряпки и прижала к лицу, а когда отняла, Ло увидела, что вся тряпка испачкана кроваво-зеленой слизью. Ей потребовалось все мужество, чтобы не выбежать из хижины, потому что это была смерть — верная и страшная, только прикоснись. О да, по негласной договоренности они с капитаном решили надеяться, что Лестер поможет, но здесь нужен орденский целитель, да и то никакой гарантии. А что может сделать гарнизонный лекарь, не закончивший даже половину курса?! Аманда продолжала кашлять, и Ло подошла к двери, чтобы не смущать ее и глотнуть свежего воздуха. В нескольких шагах от хижины уже пылал костер, и следовало попросить огня. А еще — подогреть шамьет, выпить его и насыпать в стальную флягу горячих углей для Аманды. И что-нибудь съесть было бы неплохо. Ло едва не рассмеялась: даже на пороге смерти хочется есть и согреться. А еще нестерпимо хочется посмотреть в глаза мерзавцу Дилану! Все дворянство Дорвенанта — родственники, так или иначе. Одни и те же приемы, одни и те же места для прогулок, семейные праздники... Она всегда сочувствовала Дилану, такому милому,

любезному красавчику Дилану! Такому несчастно-романтичному, стойко несущему бремя семейной беды...

— Что случилось, миледи?

При всем своем весе и в сапогах с железными набойками капитан даже по каменистой земле ходил тихо, как камышовый кот. А может, это Ло была слишком погружена в свою злость.

— Что, простите?

Она мазнула взглядом по паре уже ощипанных гусиных тушек у костра, тогда как Дик вдохновенно щипал третью, и повернулась к мужу.

— У вас такое лицо, словно вы хотите кого-то убить, — непривычно подробно объяснил капитан.

— Хочу, — мрачно подтвердила Ло. — Очень. Или хотя бы... Вы не тому дали по физиономии, капитан. То есть ему тоже следовало, но...

Она помолчала, собираясь с мыслями. Рольфсон терпеливо ждал, и он имел право знать, потому что рисковал жизнью за юную храбрую глупышку Аманду, поэтому Ло продолжила:

— Вы немного ошиблись в имени, поэтому я не поняла, о ком речь. Мэрли. Ее зовут Аманда Мэрли. Она замужем за старшим в семье Мэрли, за Диланом. Эта сволочь ее не предупредил! Он ее не предупредил о семейном проклятии, понимаете!

Только теперь Ло поняла, о чем говорила Аманда. И почему так беспокоился второй клятый мерзавец, ее деверь. О да, если все обстоятельства станут известны, репутация рода изрядно подпортится. Нет ничего необычного в семейном проклятии — многие старинные рода несут то или иное. Но Мэрли перешли грань чести, не предупредив невесту и ее семью.

— Понимаю, — уронил капитан. — Он поэтому женился на фраганке? Дома все знали?

— Отлично соображаете, — хмуро подтвердила Ло. — Мэрли из Трех Дюжин; разумеется, все, кому положено, знали. Наверное, он не нашел невесту в Дорвенанте. Зато во Фрагане ему встретила юная лейб-дворянка, красивая и состоятельная, понятия не имевшая... Барготов выродок! Мерзавец! И все остальные тоже!

Она врезала ладонью по косяку, но перчатка смягчила удар, и Ло только порывисто вздохнула.

— Пару сотен лет назад, — продолжила она уже спокойнее, — Мэрли чем-то насолили очень могущественной некромантке. И она прокляла их женщин. Всех, кто войдет в семью. С тех пор женщины старшей ветви Мэрли рожают только мальчиков, да и то не больше двух — чтобы род не пресекался, если старший сын погибнет. Эта злобная тварь никак не хотела, чтобы прямая ветвь закончилась, понимаете? А все девочки умирают во младенчестве, не доживая до года. И мальчики тоже, начиная с третьего. Снять проклятье невозможно. Я не знаю, на что эта бедняжка надеялась, но она... Капитан, она беременна. Девочкой. Целители определяют это месяца с третьего, и Аманда только тогда узнала о проклятии. Благие боги, за что... И почему она сбежала из дома именно сюда?

— Не сюда, — так же хмуро уронил капитан. — В Вольфгард. Изрядный крюк, но, если ее искали на другой дороге, это как раз умно.

— Зачем ей в Вольфгард? — поразила Ло.

Дик закончил щипать третьего гуся, порубил тушки на куски и, нанизав их на прутья, принялся пристраивать над углями.

— Там есть святилище, — тем же отстраненным голосом сообщил капитан. — Святилище Белой Волчицы. Она может снять любое проклятье. Но просить должна женщина. И Волчица особенно милостива к тем, кто носит ребенка во чреве или кормит его грудью. Их просьбы, говорят, всегда исполняются. А остальным — как уж повезет.

— Вольфгардское святилище? — растерянно повторила Ло, оглядываясь через плечо в хижину и невольно понижая голос. — Но откуда она узнала? И неужели бросилась туда одна? В положении и с ребенком на руках? Почему не сказала мужу?

— Не знаю, миледи, — пожал плечами капитан. — Простите, я вас оставляю. Должно быть, наши едут.

Теперь уже и Ло различала цокот копыт по подмороженной земле. Напряжение, державшее ее все это время, не отпустило совсем, но стало немного легче. Теперь она очень хорошо понимала капитана, предпочитающего разговаривать с местными, имея дюжину солдат за спиной.

Отличная позиция!

Отойдя от хижины на пару шагов, Рольфсон обернулся. Его лицо было совершенно серьезно, и только потому Ло не приняла его следующие слова за злую и глупую издевку. А еще потому, что капитан был совершенно не склонен к шуткам такого рода.

— Почему бы вам не помолиться Волчице, миледи? — сказал он с пугающей тяжестью. — Если эта женщина ехала к ней в надежде на милость и с полным доверием, Мать Волков может услышать просьбу.

— Молиться вольфгардской богине? — еще более растерянno возмутилась Ло. — Мне? Дорвенантке? Магичке? То есть... уже нет, но...

— Вы смешали кровь с ее прямым потомком, — невозмутимо напомнил Рольфсон. — Уж если она и может услышать кого-то на этой земле, то как раз вас.

Отвернувшись, он подошел к костру и поправил прут с мясом. Онемев от вспыхнувших в ней чувств, Ло молча поглядела в широкую спину этого невозможного человека. А на площадку перед хижинной въезжали первые всадники. Сержант Малкольм, сторожевой башней возвышающийся над рослым жеребцом, солдаты и наконец Лестер. Донельза озабоченный, даже мрачный, и это так не вязалось с обычно приветливым лекарем, что у Ло екнуло сердце притихшим было ужасом.

* * *

— В городе серая гниль, — начал Лестер с самого главного. — Гонец сказал, пока больных дюжина, но будут еще, конечно. На их счастье, к мэтру Вайленду как раз приехали двое адептов на практику, и сам мэтр еще крепок. Тибальд закрыл крепость и вывесил карантинный флаг. У нас пока все чисто. А здесь что?

— Здесь — вот, — кивнул Эйнар в сторону мертвой вдовы. — И в хижине женщина с ребенком. Те самые, что искали. И... Лестер, она туда вошла. Моя жена...

— Баргот побери, — высказался обычно сдержанный целитель. — А это что за красавчик? Ну-ка, ну-ка...

На взгляд Эйнара, с бывшим гарвийским старостой как раз все было ясно, но Лестер так не считал. Натянув пару перчаток из тонкой кожи, он растянул на покойнике куртку, задрал испачканную кровью рубаху и мрачно подтвердил:

— Гниль. Смотри, пятна.

Эйнар пригляделся. Серая сыпь на груди и животе выглядела безобидно, но лекарю виднее. Вот оно что. Если горец знал, что обречен, терять ему было нечего. Паршиво... И следовало осмотреть всю деревню, но куда больше Эйнар беспокоился за тех, кто в хижине. Больная и ее ребенок притихли, а леди возилась у очага, пытаясь развести огонь. Что там пытаться-то — сухие деревяшки должны были вспыхнуть как трут, но, видно, управляться с обычным огнем леди не умела. У Эйнара руки чесались помочь, но он сдержался.

Мельком глянув на вдову, Лестер вошел в хижину, а к Эйнару подошел Малкольм. Мимоходом покосился на трупы, но расспрашивать не стал: раз капитан кого-то убил, значит, так надо. Малкольм вообще не любил говорить, отчего многие считали Верзилу глуповатым. Но не те, кто знал его так же долго, как Эйнар.

— Возьмешь Дика, Мартина и Оуэна, пройдешь по деревне, — сказал Эйнар, не сводя глаз с хижины. — Найдите дом этого поганца, пусть Лестер посмотрит людей. А потом узнайте, кто таков и откуда. Сдается мне, это из тех перевальных молодчик. И велите местным притащить дров. Чем быстрее сожжем падаль, тем лучше.

Малкольм кивнул. Приказ он понял и подтверждать это считал излишним. Вот было бы что неясно, тогда бы спросил, а так зачем тратить слова? Гусятник уже почти разломали, сложив доски и ветки рядом с костром, но для двух трупов этого мало. Человеческая плоть горит неохотно, а боевого мага у Эйнара не было. Впрочем, даже будь леди на это способна, она была бы последней, кого Эйнар попросил бы. Он еще не забыл горячечный шепот в темноте. Ну, что там Лестер возится?

Лекарь вышел из хижины мрачный, как грозовая туча, когда Эйнар уже извелся от плохих предчувствий. Стянул перчатки и швырнул в костер, где те вспыхнули, противно завоняв.

— Плохо, — уронил он в ответ на немой вопрос Эйнара. — Жена твоя вроде здорова, но это так сразу не поймешь, надо подождать часа три-четыре. Ребенок и женщина... В крепость их везти нельзя — по дороге от тряски наверняка легочное кровотечение откроется. Разве что на носилках, но этак мы их до утра не дотащим.

— И что делать? — тихо спросил Эйнар.

— Ждать. Если к полуночи у леди Ревенгар не будет жара и пятен, значит, боги смиловались. А остальным я и помочь ничем не могу — сил не хватит. Разве что от мучений избавить... Он виновато опустил глаза, а у Эйнара перехватило дыхание, руки сами сжались в кулаки, и опомнился он, только почувствовав боль в пальцах. Нельзя же так! Неправильно это, подло! Не должно все закончиться настолько глупо и безнадежно — грязной горской хижинкой, смертельной хворью... Она не заслужила! Да, несчастная молоденькая леди и ее ребенок смерти не заслужили тоже, однако они уже обречены, а его, Эйнара, жена — пока еще нет. Но каждая минута, проведенная в проклятой хижине, может стать убийственной.

Лестер дернулся то ли остановить его, то ли что-то сказать, но Эйнар не слушал. Отмахнувшись от целителя, он рванул к хижине и встал на пороге, впервые так близко увидев темное нутро дома вдовы. Кровать с тяжело дышащей фраганкой, стол, очаг... Леди присела перед ним, не обращая внимания, что роскошная накидка метет грязный земляной пол, и упорно пыталась раздуть огонь в сложенных щепках. Щепки дымились, но загораться не желали.

Помянув демонов, его жена одним легким упругим движением встала и повернулась к нему, глянув хмуро и упрямо.

— Я никуда не уйду, — сообщила она холодно. — Мэтр Лестер был очень убедителен, не старайтесь его превзойти. Капитан, я могу хотя бы напоить их и подкинуть дров, если огонь, мать его барготову, когда-нибудь разгорится. Кстати, сделайте одолжение, велите подать сюда горящую головню. И неплохо бы послать за одеялами.

— Вы должны уйти, — сказал Эйнар безнадежно, понимая, что может, конечно, просто войти и вынести упрямыцу силой.

Может быть, он даже удержит ее, помешав вернуться в хижину. И лучше не думать, чего это будет стоить ему самому, но...

— Нет, капитан, — гораздо мягче сказала леди, глядя на него с пониманием. — Я вам благодарна, честное слово. Но если я заразилась, уже ничего нельзя сделать, разве что держаться подальше от вас и ваших людей. Лестер — опытный целитель, но он слишком слабый маг. Если силы закончатся, он окажется так же беззащитен, как обычный человек. Вы же не хотите его потерять?

— Вы думаете, я предпочту потерять вас? — не выдержал Эйнар.

— Не думаю, — вздохнула леди. — Я, конечно, могу подождать эти несколько часов снаружи. Подальше от людей... Но это уже и вправду не имеет ни малейшего смысла. Здесь хотя бы ветра нет. Так что пошлите в деревню за одеялами и будем ждать.

Мысль найти и осмотреть домочадцев убитого мерзавца Лестер всецело одобрил, добавил только, что осматривать надо всю деревню, дом за домом. Что ж, лекарю виднее. Хотя Эйнар не представлял, что делать, если заболевших окажется много. Вылечить их не получится, разве что согнать в один дом побольше и не выпускать, чтоб не заражали остальных. Боги миловали, до этого дня ему ни разу не приходилось сталкиваться с тем, что Лестер называл ученым словом «эпидемию», а все остальные — попросту моровым повітрян. Тибальда однажды занесло в город, где гуляла барготова краснуха, и веселый итлицец рассказывать о том приключении не любил, при одном упоминании мгновенно мрачнел.

Но людям свое паршивое настроение показывать было нельзя, они и так боялись. Поэтому, когда Малкольм с Лестером и парой солдат ушли в деревню, Эйнар начал с того, что нашел дело остальным. Четверо пошли в дозор, наблюдать за деревней и дорогой — хватит уже незваных гостей. Двоих он отрядил за водой, да не к деревенскому источнику, а к ручью, где вода менялась постоянно и вряд ли была заражена. Еще двое отправились искать подходящее дерево, чтобы вырезать длинные крючья — прикасаться к трупам не следовало даже в перчатках. Оставшимся выпало обустраивать временный лагерь: дорезать остальных гусей, раз уж придется здесь ночевать, наломать сухого вереска для подстилок и выкопать яму, куда отправится то, что останется от тел после костра.

К хижине подходить он не запрещал, но все и так старались держаться подальше. Люди, пережившие осаду урту-томгар — а ветеранов Малкольм взял с собой почти всех, — косились в сторону развалюхи с откровенной боязнью, несколько раз Эйнар видел, как солдаты делали знаки, отвращающие зло. Что ж, нельзя было упрекать их за страх, пока он не проявлялся чем-то большим.

Так что горячих углей в найденный возле гусятника горшок он насыпал сам. Прихватил вынутую из костра головню, отнес к хижине. Леди вышла сразу. Забрала угли, высыпала в очаг,

сунув туда же головешку. Только и ждавший такой подкормки огонь мигом загудел, а леди вернулась к порогу, отряхивая испачканные золой руки. Она, конечно, была в перчатках, но Эйнар помнил, что Лестер свои сжег, как только вышел из зараженного места, значит, не слишком надеялся на их защиту. Неужели она не боится?

Боится, понял он, поймав взгляд усталых светлых глаз. Но не позволяет себе сорваться, раз уж выбрала. Загоняет страх поглубже, прикрывая его обычными заботами, как сам Эйнар. Очаг вот разжечь, например... Дело пустяковое, но, похоже, для нее и вправду новое.

— Я велел принести одеял, — сказал он. — И козьего молока. А вы не хотите поесть? Сейчас гусятина дожарится.

— Хочу, — согласилась леди, так же старательно делая вид, что ничего особенного не происходит. — Пахнет весьма привлекательно! И насчет молока прекрасная мысль, капитан. Может, хотя бы малыш попьет.

С женщиной, значит, все совсем плохо. Эйнар несколько раз слышал ее мучительный кашель, долгий, хлюпающий. И больше всего боялся услышать его от той, что стояла по другую сторону порога, кутаясь в нарядную, но такую недостаточную для тепла и защиты накидку. Из-под синей шапочки, отороченной мехом, лицо леди казалось бледным до прозрачности. Светлая альва посреди грязного и опасного человеческого мира... Эйнара кольнуло дурное предчувствие, которое он торопливо постарался придушить, словно испугом мог навлечь большую, чем сейчас, беду.

— Вам еще что-нибудь нужно? — спросил он, чувствуя себя отвратительно беспомощным и неловким.

Леди не сводила с него глаз, вглядываясь удивленно, будто видела впервые.

— Какое-нибудь полено, — сказала она спокойно. — Не хочу сидеть внутри, там слишком грязно. Лучше здесь, у входа...

Эйнар поспешно кивнул. Поменьше быть в клятой хижине — это верно!

Вместо полена он притащил увесистый широкий чурбак, служивший колодой для рубки дров. Поставил у стены по ту сторону порога, чтоб была хоть какая-то защита от ветра, накрыл конской попоной почище и посуше. Леди, молча смотревшая, как он суетится, благодарно и слегка виновато улыбнулась.

— Благодарю, — сказала она просто и села, с явным удовольствием прислонившись спиной к стене.

Огонь в очаге пылал уже всерьез, и лицо леди, освещенное с обеих сторон пламенем, показалось вдруг Эйнару совсем юным. Чистая нежная кожа, голубые тени под глазами и у висков, осунувшиеся, но безупречные черты, словно высеченные резцом то ли из мрамора, то ли из кости. Почему она раньше казалась Эйнару высокомерной? Гордая, да, но ни капли надменности. Сейчас так уж точно...

Он стоял, не зная, что еще сказать и сделать, с глухим отчаянием понимая, что и сделать-то не может ничего. Легко было встать между нею и толпой горцев, прикрыв телом и оружием, как положено воину. Легко и правильно. А что сейчас? Невидимую смерть ни топором, ни кулаком не отразить. Он снова беспомощен! И не порог разделяет их, а невидимая черта обреченности, переступить которую он мог бы, но не станет, потому что каждому — своя ноша. Ему — беречь своих людей, разбираться с мертвыми и живыми горцами, добывать тепло и еду, ей — оказывать последнее милосердие только сегодня встреченной женщине. И вместе с ним, с любой стороны порога, ждать исхода страшной ночи.

— Пойду посмотрю, что там с гусем, — выдавил Эйнар и позорно сбежал к костру.

Глава 27 БЕЛАЯ ВОЛЧИЦА

Грубо тесанный камень, из которого был сложен дом вдовы, промерз так, что кое-где на стенах поблескивала изморозь. И даже очаг, в котором весело потрескивали обломки жердей, не мог наполнить низенькую комнату настоящим теплом. Так что Ло старалась держаться дальше от стен, пока ноющая спина еще позволяла. От стен, от кровати, от стола с грязной посудой... «Да

от всей этой барготовой хижины следовало держаться как можно дальше с самого начала», — с усталой злостью подумала она.

Однако страх, в первые минуты сковавший почти до оцепенения, отступил, спрятался куда-то на самое дно души. Трудно бояться невидимой опасности, и, если бы не надрывный кашель Аманды, Ло больше всего страдала бы от брезгливости. В хижине было не просто грязно! Жившая в ней старуха бесспорно была безумна, потому что взгляд Ло то и дело натькался на самые странные предметы: беспорядочно связанные пучки трав и корней, подвешенные над очагом крылья птиц и летучих мышей, деревяшки, расчерченные непривычного вида рунами, и даже несколько серых комков, в которых Ло с содроганием опознала то ли высушенных, то ли прокопченных жаб. Дикость какая!

Вряд ли вдова обладала истинной магической силой, но ведьмой воображала себя всерьез. А может, и был у нее слабенький дар, которого в свое время не хватило, чтобы пройти отбор в Академию. Ведь не всем, кого боги при рождении отметили, достается их истинная благосклонность; кое на кого падает лишь тень магической силы. Чуть лучше чутье, немного больше удачи... Не зря ведь старуха была местной лекашкой. И снова Ло запретила себе думать, что даже такого отблеска дара полностью лишена. Грустно и смешно: огонь пришлось разводить взятыми углями. Это ей, когда-то переливавшей из ладони в ладонь рожденное в них пламя! Нет, хватит...

Она пригляделась к рунам, вырезанным прямо на столешнице, пытаясь определить, кого из богов почитала вдова, и ничуть не удивилась, рассмотрев один и тот же повторяющийся мотив — круг, перечеркнутый косым крестом. Символ отрицания гармонии и порядка, знак Неблагого, Противника Семи и Врага мира. Проще говоря, старуха чтит Баргота. И даже не скрывалась, а ведь это святотатство, подлежащее суду Ордена и караемое смертью. Ло вздохнула. Ей представить было трудно, чтобы человек в своем уме обратился к божеству лжи, порока и насилия. Впрочем, здесь речь о здравом рассудке и не шла.

Кстати, а кого чтит ее собственный муж?! Ло впервые задумалась над этим, с удивлением поняв, что не все так просто. Она полагала, что покровитель капитана Рольфсона — Пресветлый Воин, как у любого солдата, но так ли это? Ругается ее супруг зловерными северными йотунами, поминания Баргота Ло от него ни разу не слышала... Обращался ли капитан при ней к имени Пресветлого, Ло тоже вспомнить не могла, но сегодня он совершенно серьезно советовал ей молиться Волчице. Значит ли это... Ло вздохнула, понимая, что легче и разумнее всего попросту спросить мужа, но до того ли сейчас? Что ж, если Рольфсон поклоняется Волчице, как всякий северянин и изрядная часть невийцев, это не преступление. Семеро на то и Благие, что не принуждают к вере в себя, требуя от иноверцев лишь разумного уважения. Притом брак Ло с капитаном был заключен в храме Семерых...

Она снова глянула на стол, брезгливо передернувшись. Разумеется, Баргот не может наделить своих почитателей магической силой. Незримое священное пламя, которое Благие вливают в душу и тело своих избранников при рождении, неподвластно отродью хаоса. И все рассказы о барготопоклонниках, получивших от него магию, — либо ложь, либо заблуждение несчастных. Случается, что дар дремлет в человеке долгие годы, проявляясь после тяжелой болезни, от сильного испуга или волнения. И если скрытый маг перед тем поминал Баргота, то вполне может решить, будто появлением силы обязан Неблагому. Чего еще ждать от невежественной знахарки, которая не смогла воспитать достойных сыновей, а потом едва не погубила собственную деревню?

На миг у Ло перехватило дыхание — она вспомнила рассказ ярла о маге, пытавшемся утопить северян в Руденхольме. Какое убийство непростительнее на весах богов? Тысячи врагов, пришедших на твою землю с мечом, или нескольких десятков односельчан, вся вина которых в том, что оказались беззащитны перед болезнью? И там, и там причина одна — месть. Выжигающая душу, заставляющая забыть о чести и милосердии.

«А если бы ты сама потеряла кого-то близкого? — честно спросила себя Ло. — Мелиссу, Маркуса, Ги? Разве ты не посчитала бы, что никакая цена не велика за их смерть? Разве не убивала ты все эти три года, не щадя ни себя, ни врагов? Плакала ночами, вскидывалась от кошмаров, но днем снова шла в бой... И разве не требуешь ты сейчас мести за всех, погибших в Руденхольме, разыскивая предателя?»

«Нет, — возразила она себе. — Я смогла бы остановиться вовремя! Справедливое возмездие — да, но не слепая месть. Серая гниль, вырвавшись на свободу, убила бы не только Рольфсона, но

и весь гарнизон, не пощадив ни прислугу, ни детей. А Руденхольм навсегда стал бы страшнейшим позором Дорвенанта и причиной куда более страшной войны. Многие тысячи смертей за одну-две — такую цену нельзя платить!»

Она посмотрела на кровать, где Аманда впала в полузабытье, прижимая к себе ребенка, натужно и сипло дышащего. Лестер, осматривая больных, наложил легкие чары, снимающие зуд в язвах, и это уже было немалым облегчением. Но с кровавой гнилью, пожирающей легкие изнутри, он ничего не мог сделать, положившись на крошечную возможность чуда. Однако чудеса, кроме веры, требуют еще и немалых сил, это известно каждому магу. Маги к чудесам относятся практично и не имеют привычки себя обманывать.

Вздохнув, Ло попыталась сосредоточиться. Молиться Бедой Волчице? Мысль, почти непристойная для орденской магессы и дорвенантской дворянки. Нет, Семеро не разгневаются, они чужды человеческого тщеславия и обидчивости, но ведь Ло даже не знает, как это делать! Ни ритуальных формул, ни правил обращения, ни символов... Как вообще можно молиться зверю?!

Она вспомнила серебряную фибулу на плаще ярла, оскаленные золотые клыки и хищный янтарь глаз. И вот это просить о милосердии?! Да и услышит ли ее чужая богиня, подданных которой Ло истребила больше, чем настоящий волк — зайцев?

Ло стояла посреди хижины, беспомощная и готовая расплакаться от бессилия, такого же безнадежного, как тогда, рядом с умирающим Этьеном. Да, ей и раньше случалось терять соратников, и Ло, конечно, знала, что Претемная Госпожа милостива: очистив и излечив душу в своих садах, она вернет ее обратно на землю в новом теле... Проклятье! Это все равно неправильно!

Она прикусила губу изнутри, и быстрая резкая боль привычно помогла прийти в себя.

Молиться? Хорошо, она просто попробует. Нет бесчестия в том, чтобы просить милосердия даже у врага, если просишь не для себя. И к Барготу неуверенность и страх!

...То ли через полчаса, то ли еще позже Ло очнулась посреди хижины, чувствуя себя обессиленной, как после полного слива ресурса. Ее знобило, руки дрожали, а ноги налились свинцом. Перед глазами летали белые мошки, и в первый миг Ло подумала, что пошел снег, но ошиблась. Просто потеря силы... Нет, и даже не силы, она ведь больше не маг. Обычных человеческих сил, уходящих от голода, усталости и напряжения. Все впустую.

Фраганка, на которую со стыдом покосилась Ло, дремала, сипло и тяжело дыша, малыш, осунувшийся и с мокрыми волосенками, приник к ней, глядя на Ло удивительно осмысленно.

Так, словно понимал, что происходит... А она ничего не могла сделать!

Впервые в жизни Ло пожалела, что родилась боевым магом. Ну почему ей не достался дар целителя?! Она бы сейчас отдала все, вывернувшись наизнанку, лишь бы помочь!

Не в силах больше смотреть в тоскливые, голубые, словно у молочного котенка, глаза, Ло сбегала к порогу хижины. Опустилась на принесенный капитаном пень, привалилась к стене, наплевав на холод, обняла себя руками за плечи и подняла голову, только когда рядом вырос знакомый силуэт, от которого повеяло неприлично вкусным запахом жареного мяса.

— Благодарю, капитан, — старательно улыбнулась Ло. — Я что-то не голодна.

Про себя же подумала, что вот сейчас бы с наслаждением хлебнула горячего шамьета. А еще лучше — карвейна! Крепкого, чтоб дух вышибало! И плевать, что леди не пьют подобное, — какая из нее леди? Еще хуже, чем магичка.

* * *

— Поешьте хоть немного, — упрямо сказал Эйнар. — Иначе свалитесь.

К его удивлению, леди послушно взяла прут с мясом и пару лепешек, уложенных на оказавшуюся у запасливого Лестера тарелку. Наверное, сил упираться и спорить у магички просто не осталось. «Бывшей магички, — напомнил себе Эйнар. — Хотя какая сейчас разница? Не сказать ведь даже, что она водила тебя за нос, — ты сам ни разу не задал ей прямого вопроса. Про перстень вот спросил, так леди сказала правду, что оставила его в столице. Теперь понятно почему. Легко ли человеку, лишившемуся рук, смотреть на меч, с которым не расставался всю жизнь?»

А Нэнси, значит, соврала, паршивка, насчет заколдованной двери... И опять же — какая разница? Если леди завтра уедет в крепость живая и здоровая... Эйнар едва не поклялся, что все между ними будет иначе, но поспешно себя оборвал: боги слишком любят шутить с

человеческими клятвами. У него ведь там еще морок притаился, будто гадюка в постели. Но это все потом, пусть только сейчас обойдется!

— А что в деревне? — поинтересовалась его жена, постепенно входя во вкус и принимаясь за второй кусок мяса.

— Чисто, — отозвался Эйнар.

— Хорошая новость.

Она задумчиво посмотрела на очередной кусок, истекающий золотистым жирком, и Эйнар поспешно сказал:

— Я вам сейчас горячего принесу попить.

Сходил к костру, нацедил из котелка отвара журавлинки. Здесь, в Дорвенанте, ее мало знают, а вот в Невии пьют каждый день, считая первым средством от любого нездоровья. Знакомый серо-зеленый кустик Эйнар заметил, когда проверял караул на дороге, на обратном пути сорвал и, растерев жесткую траву между ладонями, чтобы быстрее пустила сок, велел заварить. На кружку, исходящую душистым паром, леди глянула с удивлением, но отпила и даже прищурилась по-кошачьи от удовольствия.

— Хорошо-то как... — выдохнула и сделала еще пару глотков. — А молоко?

— Сейчас будет, — кивнул Эйнар.

Она пила журавлинку, прислонившись спиной к дверному косяку, а Эйнар с угрюмой злостью думал, что во всем случившемся изрядно виноват сам. Конечно, казнить Вальдонию следом за ее сыновьями-разбойниками было несправедливо, но уж перетряхнуть деревню и найти случайно уцелевших «перевальных братьев» он мог. И, как знать, не поддерживай эти двое друг в друге взаимный пожар ненависти, может, вдова и не решилась бы на такое страшное дело? Убитого Эйнаром мерзавца звали Хассеном. Он пришел вместе с остальными дезертирами и быстро стал правой рукой главаря.

В деревне Хассен нашел себе молодую вдову с парой ребятишек, для которой новый муж стал подарком богов. Так и жил, деля время между новой семьей и разбоями. Женщина ничего плохого в промысле богоданного мужа не видела, ведь к ее детям и к ней самой он был ласков и щедр, а что грабил и убивал чужаков — так на то они и чужие, законная добыча, почти дичь. В деревне Хассен и ночевал в тот день, когда погибла банда. Местные его не выдали — для них выбор между «своим» разбойником и «чужим» капитаном был прост и понятен: если Хассена повесят, кто будет кормить его семью?

Как рассказала Лестеру рыдающая дважды вдова, к Вальдони Хассен заглядывал часто: помогал ей по хозяйству, а она варила ему дурманную травяную жвачку. Но вчера вернулся сам не свой. Швырял вещи, разогнал кинувшихся к нему детей. А жене велел собирать самое необходимое и уходить, да не в ближний городок, а подальше, в сторону Дайхольма. Женщина, прожившая в Гарвии всю жизнь, перепугалась, но спорить с мужем не стала. Может, он жвачки своей перебрал, так проспитесь и отойдет. Но Хассен впервые не лег с ней и вообще пальцем больше не коснулся, а утром...

Что было утром, Эйнар и сам знал. И теперь понимал, с чего мерзавец так осмелел: терять ему было нечего, а тут такой случай и отомстить, и погулять напоследок. Что ж, этот счет закрыт, и благодарение богам, что зараза не успела перейти ни на кого в деревне.

Леди допила журавлинку и снова откинулась на стену, не жалея нарядной накидки. Йотуны с ней, с накидкой, но спину не застудила бы.

— Знаете, — сказала она, держа опустевшую кружку, словно грея об нее пальцы, — у меня ничего не вышло. Я пыталась, честное слово, но... Волчица не слышит меня.

Она вздохнула и прикрыла глаза, а Эйнару в сердце будто вошел терновый шип: показалось, что и без того всегда бледная кожа магички по-особенному светла — мертвенной призрачной белизной. Глупости, конечно, просто свет так упал, но... Он с беспомощной злостью снова подумал о богах, которым дела нету до человеческих бед.

— Расскажите что-нибудь, капитан, — попросила вдруг леди. — Что-нибудь хорошее. Ведь случалось у вас в жизни что-то забавное?

Забавное? Почти все смешное и хорошее в жизни Эйнара было связано с Мари, но даже у него хватило ума сообразить, что не дело сейчас рассказывать измученной женщине про другую, пусть и не соперницу. Да и про Волчью Сотню особо язык не распустишь — это не для женских ушей. Однако отказать в просьбе нельзя. Эйнар сейчас руку бы дал себе сломать, лишь бы хоть как-то отвлечь жену и дотянуть до полуночи.

— Я не слишком хороший рассказчик, — предупредил он, вспомнив наконец подходящую историю.

Леди решительно кивнула, открыв глаза, и Эйнар обреченно вздохнул, привалившись к дверному косяку плечом.

...Рота, в которую он завербовался, едва попав в Дорвенант, стояла в деревне вроде Гарвии, но на равнине. Мари с маленькой Тильдой осталась в ближайшем городе, а Эйнар тогда ничего не понимал в дорвенантской армии, иначе выбрал бы другое место службы. Нет, рота была неплоха, но полк собирались расформировывать... В общем, и солдаты, и офицеры пребывали в унынии и безделье.

Эйнара, несмотря на возраст, принятого сержантом, определили на постой к тихой одинокой старушке. Бездетная вдова держала коз, вязала пуховые шали и немного приторговывала травками...

— Что-то мне это напоминает, — пробормотала леди, кинув взгляд внутрь хижины.

— Она была очень порядочная женщина, — возразил Эйнар.

...Козьим молоком и сыром господина сержанта она угощала от души, и Эйнар, соскучившийся по домашней еде, блаженствовал. Его не смущало даже, что соседи на старушку косились с откровенной неприязнью, частенько поминая ей вслед барготово семя. Старушка только улыбалась виновато и трепала по холке вечно бегущую за ней пеструю рогатую козу. Так прошла пара недель, Эйнар на мече поклялся бы, что его хозяйка — смиреннейшая и богобоязненная женщина. И, когда однажды в деревянные ставни чистого ухоженного домика полетели камни, выскочил на крыльцо в одном исподнем, собравшись поймать сорванцов и надрать уши.

Выскочил — и опешил.

— Барготово отродье! — орала крепкая тетка, предводительствующая толпой человек в двадцать. — Нечисть проклятая! А ну иди сюда, дрянь такая, я тебе ноги повыдергиваю и шею узлом сверну.

На Эйнара тетка поглядывала мрачно, но без испуга, видно, считая себя в своем праве.

— Да что ж такое, житья нет никому! — визгливо поддержали ее из толпы. — Опять из-за этой погани у моей Милавы молоко пропало! Все вымя в синяках!

— А белье! Кто белье прямо с веревки ворует, а? У-у-у-у, паскуда мерзкая!

— Ведьма, как есть ведьма! По крышам ночами скачет — они аж трещат! Как-то выглянула: луна полная — и эта гадина прямо по коньку бежит!

Старушка, отважно вышедшая вслед за Эйнаром на крыльцо, пыталась что-то пролепетать, но ей и слова не давали сказать.

— А у моей невестки ребенок рябой родился! Это она сглазила, тварь! Встретила на дороге за три дня до родов и ка-а-ак зыркнет! А глаз дурной, желтый да косит! У ребенка пятно на темечке и глаза косые! От нее все, проклятой, от нее, мерзавки!

— Собаку цепную извела, пес из будки выйти боится!

— Родник копытами истыкала да испоганила, вода дерьмом воняет!

— А ночами-то! А ночами! Вы посмотрите в ее глаза бесстыжие! Она ж ночами мужиков на улице ловит да непотребное творит! Ка-а-ак догонит! Ка-а-ак даст! Мой-то из трактира замучился уж огородами ходить! Как с ней встретится, так бежать, а она следом, дрянь такая! На последнем обвинении Эйнар не выдержал. Представить старушку ловащей по ночам мужиков у него не получалось, будь она хоть сто раз ведьмой. Впрочем, как и скачущей по крышам.

— Да что вы говорите, люди! — попытался он образумить толпу. — Ну какая она вам ведьма? Тихая, смиренная...

— Тихая?! Смиренная?! Молчи уж, солдат! Ума у тебя нет, что говоришь такое!

— Прибить заразу! Зарезать и шкуру снять! Отдавай ее нам, житья нету ни взрослым, ни детям, слышишь?

— Белье мое, белье! Две простыни, что свекровь на свадьбу подарила!

— Колодец испоганила!

— Крыши потоптала!

— Простыни! И одеяло шерстяное, новое!

— Муж мой! Муж с синяками ходит! Прямо на этом самом месте, что не сесть!

— И вымя у Милавы попортила! А огород потравила? Ни былинки ведь не осталось! Капуста моя...

— Молчать! — заорал Эйнар, чувствуя, что еще вот-вот — толпа качнется, а он даже без оружия, — и случится страшное. — Молчать, говорю, сто йотунов вам навстречу и мать их следом!

Он обернулся на старуху. Сердце сжалось от жалости: по ее морщинистым щекам текли слезы. Нет, что-то здесь было не так! За все время Эйнар от нее слова худого ни о ком не слышал. Да и ночью она никуда не шастала — он бы заметил. Бред какой-то!

— Простите, люди! — взмолилась старуха, кланяясь в пояс. — Не со зла ведь! Молоденькая она, резвая! А простыни я верну. И вымя Милаве полечу. Запирать ночами буду накрепко, не выйдет больше. Старая я, куда мне углядеть...

Молоденькая? Резвая? Так речь не о старухе, не с нее собирались содрать шкуру?

Испоганенный колодец, украденные простыни, вымя, огороды и испорченный цепной пес...

Эйнар ничего не понимал!

— Вот она, тварь! — истошно заорала тетка, вытянув руку куда-то к сараю, из которого утром пастушок, как обычно, забрал коз на выпас. — Вот! Вернулась потихоньку — и опять!

— Полотенце! — взвыла молодая деваха. — Мое полотенце! Только сушить повесила!

На крыше козлятника, добротной, в полтора человеческих роста от земли, гордо стояла пестрая бабкина коза, дожевывая белое вышитое полотенце. Местная ведьма и, несомненно, то еще барготово семя...

Леди смеялась взахлеб. Негромко, искренне, аж всхлипывая, и Эйнар от всей души пожалел, что не умеет балагурить, как Тибо, плести словесные кружева, спутывая ими страх и отчаянье, словно сетью. Вот сейчас бы пригодилось...

— Ох, благодарю, — сказала она, наконец, просмеявшись. — Прелесть какая! И что же, пестрой ведьме так все и сошло?

— Не знаю, — пожал плечами Эйнар. — В тот раз — да, а через три дня нас сняли с постоя и отправили в Дайхольм. Там я и завербовался в гарнизон. Тибальд подсказал, мы с ним как раз познакомились.

— Хотела бы я встречаться только с такими ведьмами, — вздохнула леди, поднимаясь. — Еще раз благодарю, капитан. Надеюсь, вы мне потом расскажете еще что-нибудь?

Эйнар молча кивнул, проглотив обещание. Пусть только вернется в крепость — он непременно расскажет, даже если придется просить истории у Тибо. У нее красивый смех, оказывается. Чистый и звонкий. А еще, смеясь, она словно светится изнутри. Не надменная Снежная Дева, даже не высокомерная леди-магичка, а просто юная женщина. Боги, ей же в самом деле на десять лет меньше, чем Эйнару! Двадцать шесть, из которых три с лишним года украла война. Синяя накидка в свете очага казалась почти черной, но Эйнар помнил, что леди к лицу этот цвет под дневным солнцем. И на лошади она сидит как влитая, глянуть приятно. Даже не просто приятно, йотуны бы побрали два года воздержания... Но разве об этом сейчас следует думать? Слишком дорого им может обойтись этот миг неожиданной близости, слишком страшные тени стоят за спиной в темноте.

* * *

Чего-чего, а такого Ло не ожидала. У капитана, оказывается, есть чувство смешного! Он, правда, рассказывал серьезно, но ирония все равно сквозила в каждом слове, будто нынешний Эйнар слегка и беззлобно подтрунивал над тем, молодым. Умение посмеяться над собой — редчайшее качество и оттого особенно драгоценное! Оно безумно нравилось ей в Маркусе и Гилберте, но Рольфсон... Вот почему он раньше не был с ней таким? Заботливым, спокойным, слегка насмешливым... Почему нужно было оказаться на краю смерти, чтобы из оболочки Кирпича проглянул интересный мужчина? Обидно как...

С другой стороны, а много ли можно насчитать дней, когда они с мужем не цапались, будто кошка с собакой? Если бы капитан попытался тогда проявить заботу, можно не сомневаться, Ло первая бы оцетинилась иголками.

Она подкинула в огонь последние обломки жердей и вспомнила, что надо забрать молоко. Правда, Аманда с ребенком спят, вряд ли стоит их будить. Ло подошла, пригляделась, стараясь не коснуться края постели. Сон был больше похож на лихорадочное забытье, иногда малыш покашливал с бульканьем и хрипами. Третий день. Неужели можно это пережить?!

Лестер думает, что нет. Ло знала почти непроницаемый, но все равно отдающий сочувствием взгляд профессиональных целителей. Насмотрелась и во время войны, и потом в лазарете. Да, леди, мы сделаем все, что возможно. Конечно, чудеса бывают. О, несомненно, надежда есть! А потом — клятое заражение крови, или пробитая артерия, или маленькая острая дрянь под сердцем... и у Ордена еще на несколько магов меньше. Они до последнего говорили Тимоти Дорсу, что надежда есть! Еще чуть-чуть, и ведьмачье проклятье удастся снять! Тимми умер, считая, что непременно выздоровеет. С Ло у них так не получилось, она выжала правду. И сбежала, прекрасно понимая, что помочь ей не смогут, а стать еще одним экспонатом, к которому водят адептов зеленого факультета, — да идите вы к Барготу!

«А ведь быть целителем гораздо страшнее, чем боевым магом, — подумалось ей. — В бою самое ужасное — подвести своих. Ну и еще в плен попадать не стоит. Но там об этом не думаешь. А целитель должен смотреть в глаза обреченных и лгать, что все хорошо.

Убедительно лгать! Бр-р-р-р...»

Ей трезво подумалось, что она ведь и сама может вскоре оказаться на месте Аманды. И тогда... Нет, Ло не боялась смерти, она слишком насмотрелась на работу Маркуса и точно знала, что душа просто уходит за грань, продолжая путь. Но оставить Мелиссу, не выполнить долг перед убитыми братьями и сестрами по Ордену? Вот чего она истово не хотела, зная, что будет сопротивляться до последнего.

И, как назло, тут же захотелось кашлянуть. Поднеся руку ко рту, Ло спрятала предательский звук, испугавшись: неужели начинается? Но ведь жара нет... Да просто здесь холодно и воняет! Не только закашляешься, можно и в обморок упасть!

Мгновенный страх смыло волной злости. Она смотрела на умирающую фраганку, на ребенка у ее груди и мягкий холмик пониже талии, только-только обрисовывающий женское чрево... И яростно ненавидела нелепую судьбу, которая свела храбрую девочку со смертью так рано. Да, люди каждый день умирают до срока! Тонут, ломают шеи, болеют или падают от ножа в темном переулке... И каждый раз это нелепо, неправильно, несправедливо! Но Ло привыкла видеть смерть на войне, когда она скалится железом, огнем и ведьмачьими чарами, а вот так, в постели, безнадежно и беспощадно...

«Помоги ей! — закричала она где-то глубоко внутри, с болью и кровью выдирая каждое слово, как вырезают стрелу из раны. — Помоги, слышишь?! Если ты в самом деле богиня, если ты существуешь и не глуха, не смей оставаться в стороне! Она верила тебе, она к тебе шла, она надеялась, что ты спасешь ее детей! Не смей молчать, Волчица!»

Слезы катились по щекам, дыхание перехватило, и наяву Ло не могла бы продавить через сухое горло ни звука, на плечи ее легла невидимая чудовищная тяжесть, от которой подгибались ноги и темнело в глазах, но она продолжала кричать, а когда кончились слова, истово и беззвучно завывала всей своей сутью, выкрикивая злое, бешеное, не мольбу, а приказ, продираясь через время, пространство и еще что-то, недоступное человеческому сознанию.

И в какой-то момент мир сдвинулся. Ло вдруг поняла, что стоит не посреди грязной темной хижины, а в зимнем лесу, сияющем пышными сугробами и наледью на низко свисающих ветках. В черном ночном небе куском хрусталя висела идеально круглая луна, окруженная кровавым ореолом, и темные деревья сверкали в ее свете россыпью алмазно острых разноцветных бликов. Тишина, тьма, холод... А потом тени шевельнулись, укладываясь к огромным мягким лапам, и перед Ло встала белоснежная волчица выше любого человека, так что Ло снизу, задрав голову, взглянула в человеческие глаза на звериной морде. Почти человеческие: ярко-синие, источающие ровный призрачный свет, но с волчьим узким зрачком. Злость вытеснила страх, не позволяя бояться, но все-таки Ло замерла, в восторженном то ли ужасе, то ли вдохновении глядя на сияющего божественного зверя.

— Что ж, дитя, ты звала — и зов твой услышан. Говори же...

Пасть Волчицы не шевелилась, слова сами собой рождались внутри Ло, отдаваясь дрожью во всем теле. И тяжесть, сдавившая ее грудь, никуда не делась, но, когда Ло открыла рот, пытаясь заговорить, ее голос прозвучал в ледяной тишине волшебного леса будто сам по себе.

— Помоги им... Я прошу прощения за дерзость, Госпожа, — спохватилась Ло, краешком затуманенного сознания понимая, что могла разгневать божество непочтительностью. — Я не знала, как призвать тебя почтительно и правильно...

— Меня зовут сердцем, — беззвучно вымолвила Волчица. — И, если ты услышана, все было верно. Так ты просишь за эту женщину и ее детей? Кто она тебе? Родная кровь? Между вами давняя дружба или долг?

— Ничего такого, — честно сказала Ло. — Я увидела ее сегодня впервые. Но она ехала к тебе, она надеялась на твою милость! Ты же видишь, ее ребенок проклят, и второй, в утробе, тоже. А теперь они все умирают...

— Я не помогаю слабым, дитя, — прервала ее Волчица. — Участь слабых — смерть, чтобы могли выжить сильные. Заяц — пища для волка, но и волк может стать пищей. Она слаба, значит, она умрет.

— Нет! — возразила Ло. — Она храбрая и сильная! Но человек не может бороться с этой болезнью! Серая гниль убивает даже самых сильных! Она не знает справедливости и уважения к силе.

— Справедливости нет, — ясно и ровно вымолвила Волчица, и каждое ее слово падало на плечи Ло, сильнее пригибая к земле страшной тяжестью. — Нет справедливости, кроме смерти, что приходит за всеми. Болезнь так же справедлива, как холод, голод или зубы хищника. Она убивает тех, кому суждено умереть. Оставь эту женщину ее судьбе. Разве тебе не следует просить за себя, дитя? Разве нет у тебя своих нужд?

— Помоги ей, — упрямо повторила Ло.

— Она не из моего народа, — последовал терпеливо безразличный ответ. — И хватит о ней.

— Не хватит! Я породнилась с твоим народом, и я прошу о ней! Твой народ в долгу передо мной! — выпалила Ло, в отчаянии вспомнив слова ярла. — Да, я убила многих из них! Но спасла — больше! Разве вода Руденхольма была справедлива? В ней не выжил бы никто: ни слабый, ни сильный! Я спасла их, а ведь мы тогда были врагами!

— Что ж, это верно, — помолчав, признала Волчица, и Ло показалось, что на звериной морде мелькнула чисто человеческая задумчивость. — Я признаю этот долг, дитя. Ты имеешь право просить, но проси мудро, потому что я исполню лишь одно желание. Одно желание за твою жизнь, которой ты рисковала.

— Желание? Одно?

Ло облизнула губы, пересохшие, словно вокруг был не зимний лес, а полдень где-нибудь в Итлии.

— Одно, — подтвердила Волчица. — Хочешь, я заберу злое железо из-под сердца? Хочешь, заново пушу огонь силы по выжженному руслу твоего тела? Выбирай, дитя. Ради твоей стойкости в ту ночь и ради крови моего потомка в твоих жилах...

Тяжелая тугая тишина опустилась на лес, ни одна ветка не шевелилась в нем, ни птица, ни зверь не нарушали случайным движением страшное безмолвие. Волчица молчала, и Ло поняла, что все слова сказаны. Чудо, о котором она безнадежно молила Семеро Благих, оказалось совсем рядом, только руку протяни. Вот оно, в звериных зрачках синих волчьих глаз, нечеловечески мудром и жестоком взгляде богини более древней, чем весь людской род. И можно выбрать, и станет по ее, Ло, слову и желанию... Магия! Или жизнь? Невозможный выбор для любого обычного человека, но не для нее, не мыслящей себе жизни без пламени силы внутри! Что жизнь без магии?! Сколько бы ни было ее отпущено, вся она — сухой пепел, горечью тающий на губах.

Ло глубоко вдохнула, отбрасывая колебания. Отказаться от магии — предать себя. А жизнь... С ней, словно на войне, как повезет! Она уже открыла рот, чтобы сказать, с пьянящей радостью предвкушая знакомое ощущение течения силы... И осеклась. Здесь, в дивном лесу, не было никого, кроме Волчицы и Ло, поэтому мысль об оставшейся где-то далеко фраганке показалась нелепой и странной. Она же все равно обречена! Волчица права: выживают сильные. Ло хотела ее спасти, но не получилось. Нельзя же, в самом деле, отказаться от единственной мечты и смысла жизни ради чужой девчонки...

Она едва не застонала от пронзительной обиды и злости, сбрасывая наваждение. Волчица терпеливо ждала, не шевелясь, как огромная мраморная статуя, и даже подобие ветерка не колыхало мягкую длинную шерсть.

— Нет... — прошептала Ло, ненавидя и себя, и Аманду. — Нет, помоги им. Спаси их, вот мое желание...

Хотелось плакать, но глаза были сухи: зимняя стынь мира Волчицы выжгла самую возможность слез. И Ло только моргала, упорно пытаясь сквозь радужную пелену разглядеть взгляд вольфгардской богини.

— Зачем тебе это? — мягко и почти сочувственно спросила Волчица. — Твое сердце молит о другом. Что тебе до них?

— Я не могу... — прошептала Ло. — Как я буду жить, зная, что могла их спасти — и не спасла? Да, мое сердце просит иного. Но кроме сердца у меня есть разум. И честь. Я давала клятву...

— Ты больше не воин, — так же нежно напомнила Волчица. — Ты даже не маг, дитя, все клятвы разорваны и сожжены вместе с твоей силой. Подумай о себе. Жизнь прекрасна. Возьми мой дар, и сможешь радоваться ей еще долго.

— Нет, — с трудом выдохнула Ло, изнемогая от ледяной тоски. — Я выбрала. Ты права, и я, может, еще пожалею... Наверняка пожалею. Но магом и воином человека делает не сила. Я клялась Ордену, своему богу и себе. Пусть Орден и Пресветлый забыли, но я помню. Я училась прилежно, я жила честно. И я все еще способна и вправе умереть доблестно. Спаси их, Госпожа. Я не хочу жить, зная, что ценой за это стала их смерть.

Тишина длилась, кажется, целую вечность. Ло тонула в синем, как самое ясное летнее небо, сиянии, вдруг показавшемся теплым и уютным. Внутри было пусто, надежда ушла, но взамен пришел холодный покой правильности происходящего.

— Воистину, мой волчонок верно выбрал сестру, — ясно прозвучал голос Волчицы, заполняя собой весь мир. — Я буду поглядывать на тебя. Кто знает, чем еще ты меня удивишь? Но выбор сделан, цена велика и уплачена сполна. Ты останешься с тем же, с чем пришла ко мне, не больше и не меньше. Женщина и все ее дети будут жить. Свободные от любого бремени, будь то болезнь или проклятье... Прощай, дерзкое дитя. И помни: справедливости нет. Есть только сила, что на время отодвигает смерть, и выбор, который каждый делает сам.

— Благодарю, Госпожа, — прошептала Ло, чувствуя, как мир кружится беспросветно густой метелью. — Но справедливость — это и есть выбор... Ее нет, но мы выбираем ее и создаем сами. И она есть, пока у нас хватает на это сил...

Слова улетали и терялись в снежной круговерти, но Ло знала, что Волчица слышит ее. Древняя, жестокая и мудрая, но вечно юная, как сама жизнь...

А потом мир ударил последним тугим порывом ледяного ветра, Ло едва удержалась на ногах, покачнувшись... Вокруг оказалась та же хижина, только озаренная холодным бело-синим светом. Ло видела, как в потоках этого света мерцает изумленное лицо фраганки, как беззвучно открывает ротик ее сын, с мордашки которого исчезают, будто смытые, корочки струпьев и язвы, как Аманда дышит полной грудью, широко распахнув глаза и ловя ртом упоительную морозную свежесть... И как медленно, будто во сне, влетает в хижину Эйнар Рольфсон с неизменным топором наизготовку. Она успела улыбнуться ему, пытаясь сказать, что все хорошо и теперь таким и останется, но язык не слушался, ноги окончательно предали, и Ло свалилась на руки подхватившему ее капитану.

Глава 28 СЛОМАННЫЕ КРЫЛЬЯ

Обратный путь Ло почти не запомнила. Она вообще мало что понимала, когда капитан вынес ее из хижины: перед глазами стояло белое зарево, льющее неизвестно откуда. В нем было не жарко и не холодно, а морозно и свежо, как бывает после снегопада. Руки и ноги Ло налились приятной теплой тяжестью, и она шага бы сама не сделала, так что требовать от капитана, чтобы тот ее отпустил, не стала. Оказывается, слабость очень способствует благоразумию. Вокруг суетились люди Рольфсона, выполняя его приказы, щедро одобренные поминанием йотунов, утбурдов и прочей северной нечисти. Аманду и ребенка осмотрел Лестер, и Ло слышала изумленную радость в голосе старого целителя, когда он докладывал, что гниль исчезла бесследно. А белое пламя все плясало внутри хижины. Потом, излившись наружу, оно прокатилось по поляне перед домом вдовы и на несколько мгновений взметнулось вокруг каждого человека. Облизало топор и перчатки Рольфсона, накидку и сапоги Ло, копыта лошадей... И белыми змейками уплыло в ночь, постепенно рассеиваясь.

— Огонь уничтожает заразу, — восхищенно сказал Лестер, первым сообразивший, что это значит, и добавил что-то мудреное и целительское о дезинфекции. — Капитан, я уверен, что опасность миновала! Сами посмотрите...

— Слава Пресветлому, — буркнул Рольфсон, держа Ло так, словно она весила не больше кошки, и тут же поправился: — То есть слава Госпоже Волчице... Возвращаемся! Уставшая настолько, что язык не ворочался, Ло безучастно глядела, как жеребца капитана расседлали и покрыли сложенным плащом, обвязав его ремнями.

— Поедете со мной, миледи, — сообщил Рольфсон, передавая ее Малкольму, и с высокого камня вскочил на коня, а затем принял Ло из рук великана-сержанта, посадив ее перед собой. — Дик, возьми леди Мэрли к себе. Лестер, что с ребенком?

— Спит как сурок, — отозвался целитель. — И бедная девочка тоже. Капитан, может, подождет утра? Дорога заледенела...

— Ничего, лошади хорошо кованы, — сказал Рольфсон, которого Ло слышала будто сквозь сон. — А к утру пойдет снег. Женщинам нужно в тепло. Миледи? Миледи, как вы себя чувствуете?

— За-а-амечательно, — зевнула Ло и окончательно погрузилась в дремоту, бессовестно наплевав на все и откинувшись Рольфсону на грудь.

Сквозь сон она чувствовала, как поверх накидки ее кутают в пару принесенных из деревни одеял — вот они и пригодились. Толстая шерстяная ткань пахла кислой овчиной и дымом, но Ло и так пропиталась вонью хижины, а в одеялах ей сразу стало тепло.

Потом она слышала стук копыт по подмороженной дороге, жеребец капитана шел ровно и мягко, так что Ло укачало, будто ребенка в колыбели. Вокруг была темнота, только впереди ночной мрак слегка рассеивало пламя факела, который держал кто-то из солдат, освещая путь. Рольфсон сидел в седле неподвижный, как скала, широкий и твердый, его рука обнимала Ло, а плечо оказалось как раз в нужном месте, чтобы положить на него голову... «Должна же быть хоть какая-то польза от широких плеч мужа? — рассудила Ло в краткий миг пробуждения. — Коня, правда, жаль: нелегко ему с таким грузом...»

Потом она все-таки уснула. И проснулась, словно от толчка, когда конь остановился, фыркнув. — Все хорошо, миледи, — негромко успокоил ее Рольфсон, почувствовав, как Ло шевельнулась. — У Дика конь засбоил, сейчас пересядет на свежего, и поедем дальше. Вы не замерзли?

— Нет, — сказала чистую правду Ло. — И даже выпалась, кажется. Эйнар... капитан, — поправилась она, — вы ее видели? Видели Волчицу?

— Я видел свет, — помолчав, ответил Рольфсон. — Белый холодный свет, как днем в сильную метель. И тень в нем... Мне показалось, что этот свет вас обожжет — такой он был яркий. А тень — огромная. И когда она уходила, меня будто мехом по лицу мазнуло. Знаете, как собака, играя, вильнула хвостом. Если бывают собаки ростом выше лошади.

— Да, она такая, — расслабленно согласилась Ло. — Страшная и красивая... Жаль, что вы ее не видели. Она забрала меня в свой лес, представляете? Лес, которого нет в нашем мире. Такой же красивый и страшный, как она.

— Чем вы заплатили ей за помощь, миледи? — спросил капитан. — Боги ничего не делают просто так.

Копыта снова мерно цокали по камням и промерзшей грязи, а руки, обнимавшие Ло, были такими твердыми и надежными, что она почувствовала себя совсем маленькой и беспомощной. Странное ощущение, но Ло не назвала бы его неприятным, потому что никакой опасности не чувствовала. И врать капитану она не собиралась, просто не знала, как сказать о сделанном выборе. Начни объяснять — и придется говорить не только об утраченной магии, но и об осколке, а Ло меньше всего хотела чужой бесполезной жалости.

— Тем, чего у меня и так не было, — сказала она наконец, не солгав, но и не выдав всю правду. — Надеждой, что все станет по-прежнему.

— Надеждой... — повторил Рольфсон, а потом, подумав, тихо спросил, безошибочно попав в едва затянувшуюся душевную рану Ло: — Она могла вернуть вам магию?

— Могла, — тускло согласилась Ло, радуясь, что капитан знает только об этом. — Однако позволила попросить только что-то одно. Я выбрала жизнь для Аманды и детей. Но, боюсь, я слишком себялюбива, чтобы радоваться собственному выбору.

— Да уж, себялюбивы...

Капитан замолчал, поправив одеяло на Ло, и она почувствовала, что все-таки замерзла. Не сильно, но неприятно. Щеки и нос щиплет холодный воздух, и ноги в сапогах застыли. — Может, ваша сила когда-нибудь вернется? — спросил Рольфсон, и Ло закусила губу, чтоб не ответить грубостью.

Он не понимает, просто не понимает, как больно делает глупыми вопросами и еще более глупым сочувствием, которым так полон его голос. Никто из профанов не может понять, каково лишиться магии.

— Это сломанные крылья могут зажить, а отрубленные не вырастают, — сказала она все-таки слишком резко и с невольно прорвавшейся в слова горечью. — И давайте не будем больше об этом.

— Хорошо, — был спокойный тяжелый ответ. — Простите. Но главное, что вы все-таки живы. К счастью, он все-таки замолчал, и Ло, тоже молча, признала, что Рольфсон по-своему прав. Да, можно жить и без крыльев. Или без рук, без ног, слепым и глухим... Именно так вольфгардцы поступали с взятыми в плен некромантами. Боевиков северяне казнили мучительно, но сразу, однако убить некроманта означает заполучить в преследователи злобный и очень сильный призрак, одержимый жаждой мести. Этого, правда, можно избежать, если темный мастер будет умирать медленно, исчерпав все силы. Или быстро, но истратив остаток магии на легкую смерть. Поэтому некромантам, имевшим несчастье достаться врагам живыми, отрубали конечности, останавливая кровь, выкалывали глаза и отрезали язык, а потом оставляли умирать. Разумеется, ведьмаков, попади они в плен живьем, тоже не ждало ничего хорошего. Ло посчастливилось: она никогда не видела таких трупов ни с одной, ни с другой стороны, но слухи о них ходили, и Маркусу как-то пришлось ее успокаивать, что он, Избранный Смерти, уж точно может уйти к своей госпоже, когда пожелает.

«Да, твоя участь еще не из худших, — напомнила себе Ло. — Ты жива и можешь прожить достаточно долго, если повезет. Ты не осталась калекой, потеряв руку или ногу, не изуродована, как Стефан Бастельеро, один из кузенов Маркуса, служивший боевым магом в егерском полку. Ты лишилась магии, но большинство людей и так живет без нее. Глупо и постыдно жалеть о том, что выбрала сама».

— Уже видны крепостные огни, — тихо сказал Рольфсон, снова поправляя норовящее сползти одеяло. — Мне жаль, что моя просьба обернулась для вас такими неприятностями...

— А мне — нет, — упрямо отозвалась Ло, снова зевнув. — Мы спасли Аманду, капитан. И ее детей. Волчица сказала, что избавит их от проклятья. Понимаете, что это значит? Проклятье Мэрли прервется, и дети больше не будут умирать. Разве это не стоило риска?

— Вам виднее, миледи, — согласился Рольфсон, и Ло показалось, что его голос потеплел. Она повернула голову, вглядываясь в ночь, и действительно различила огни на сторожевой башне. Драконий Зуб был совсем близко, и на миг Ло охватило чувство, что вот сейчас все станет хорошо, опасность кончится, а вместе с ней исчезнет и странная близость, связавшая их с Рольфсоном. Не зря же она случайно назвала его по имени? Но больше не будет необходимости искать у него защиты и принимать заботу, и обещанные рассказы, если даже капитан вспомнит о них, будут звучать в надежной теплой крепости совсем не так, как на пороге хижины, в нескольких шагах от смерти. Стоит ли жалеть об этом? Нет, Ло не обезумела, она не хочет снова попасть в подобную переделку, но как же будет жаль, если капитан снова замкнется, став Кирпичом, тяжелым, мрачным и отвратительно... прямоугольным!

И тут она вспомнила кое-что, забывшееся в круговерти тревог и событий. Вряд ли важное, но засевшее в памяти, словно заноза. То, что отозвалось тревожным уколом именно сейчас, в ночь оживших сказок, уводящих в снежный лес другого мира, к волчьему вою и синему сиянию глаз. Вспомнила и спросила, пока стены Драконьего Зуба медленно вырастали над головой:

— Скажите, капитан, а вы знаете легенду о фейеле?

Рольфсон ответил не быстро, но все-таки отозвался, разом вернувшись к обычной хмурой настороженности:

— Знаю, миледи. А что?

— Всю целиком? — настаивала Ло. — Вы же слышали, что ярл Рагнарсон рассказал на обеде. Он о чем-то умолчал?

— Да вроде нет, — слегка удивленно сказал капитан. — Ярл рассказал правду. Говорят, что если принести фейел домой живым, то никогда не замерзнешь. Или не замерзнет тот, кому его подаришь.

— И все? — допытывалась Ло, чутьем определив явную неполноту, как пробел в описании заклęcia. — А что будет, если его потерять? Или он завянет, замерзнет? Об этом легенда что-то говорит?

— Ну да, — согласился Рольфсон. — Фейел дается в руки не всякому, иначе полно было бы дураков, не боящихся холода. Его можно сорвать один раз в жизни, для себя или для другого — все равно. И не силой, а с поклоном и уважением, как знахарки травы собирают. А потом нести, грея в дороге собственным теплом. И если не донесешь — непременно замерзнешь сам, не в этот раз, так потом когда-нибудь. Фейел — цветок гордый, обиды не простит. Если зря его погубишь, он погубит тебя в ответ.

— Вот как, значит... — тихо сказала Ло. — Благодарю, капитан. Красивая легенда. И очень справедливая. Хотела бы я когда-нибудь увидеть живой фейел.

«Я бы остался в стороне, — звучал у нее в ушах мягкий вкрадчивый голос Дагмара Черного Лиса. — Но вам рассказали не всю легенду о фейеле...» Вот что имел в виду ведьмак! Не Ло он спасал, а собственного ярла, решившего увезти ее обманом, сорвать Стальной Подснежник — а там будь что будет. Но фейел не прощает обиды. Если бы Ло уехала с Рагнарсоном не по своей воле — смогла бы она его простить? Забыть предательство, полюбить красавца-ярла с его медовыми речами и горячей мужской силой? Нет! Все равно бы возненавидела, ни за что не поверив в любовь, которая начинается с обмана. И вывернулась бы наизнанку, не вырвалась на свободу и отомстила. Это Рагнарсон был настолько уверен в себе, что пренебрег ее отказом, а умница-ведьмак сразу все понял. И предал, получается, ярла, на самом деле уберегая его от беды.

— Справедливая, да, — согласился Рольфсон, и копыта его коня застучали иначе по каменной кладке крепостного двора. — Боги ничего не дают просто так, только по самой высокой цене. Хорошо, что сегодня все обошлось.

Он крепче ее прижал, а потом, как показалось Ло, с явной неохотой отпустил, снова передав в руки подошедшего Малкольма. Спрыгнул с коня и опять подхватил на руки.

— Я могу идти сама, — слабо запротестовала Ло, сообразив, что капитан собирается нести ее наверх на глазах у всего гарнизона.

— Зачем? — искренне удивился Рольфсон. — Вам нужно поскорее лечь, а так будет быстрее. Малкольм, неси миледи Мэрли в ту комнату, где жил Рагнарсон. Молли, возьми ребенка...

Ло прикрыла глаза, сдаваясь. Пусть делают с ней что хотят! Несут, укладывают... Хорошо бы вымыться, но сил на это и вправду нет. И подниматься по лестнице — тоже, в этом капитан до отвращения прав. Краткая вспышка бодрости прошла, оставив чудовищную усталость, разлившуюся по телу вязким свинцовым расплавом. Она смутно ощущала, как ее вносят в спальню и кладут на кровать под аханье Нэнси... Потом она позволила себя раздеть, обернуть горячими мокрыми полотенцами, укрыть и напоить шамьетом. И наконец уснула, провалившись в белую пустоту, полную теплого мягкого снега.

Ей снилась синева — то ли в небе, то ли в чьих-то глазах. Потом глаза стали желтыми, и Ло запротестовала, что ей не нравится, успокоившись, только когда синева полиняла в серо-зеленый, цвета штормового моря. Вот это было правильно, и во сне Ло бежала к этому морю, но почему-то на четырех лапах и махая хвостом. Хвост был пушистый, чем Ло очень гордилась. Она так и заявила магистру Саттерклифу, что теперь будет носить хвост вместо перстня, и нечего так кривиться! А потом у нее выросли крылья, и Ло взлетела над белоснежным лесом, усыпанным алмазной крошкой, но по-прежнему упрямо пыталась долететь до моря, а кто-то рассудительный шептал ей на ухо, что стальные фейелы лучше — они не вянут. «Они неживые, — возражала Ло. — Я хочу живой фейел, настоящий!»

Она спустилась вниз, но не в зиму, а в лето, жаркое и томное. Сложила крылья, удивляясь, как это легко, и помчалась по солнечному лесу наперегонки с пестрой козой, наслаждаясь мощью и ловкостью нового тела, быстротой лап и чуткостью носа. Коза то отставала, то выбегала вперед, мелькая куцым рыжим хвостиком, и Ло бежала, догоняя ее и точно зная, что на самом деле это не коза, а что-то очень нужное и важное. И догнала все-таки, поймала, уцепив зубами наглый хвост, но коза издевательски взмекнула и рассыпалась в воздухе, сказав голосом Нэнси:

— Ох, миледи, да что же такое, спите уж спокойно, какие вам козы в спальне?

И Ло, вздохнув, согласилась, что козам в спальне действительно не место, повернулась набок и окончательно уснула до утра.

* * *

— Неладное у нас что-то творится, — с порога заявил Тибо, и Эйнар мысленно застонал. Он только что вымылся и сменил белье, перехватил пару лепешек с кружкой молока и уже размечтался, что все утбурдово дерьмо, уготованное на сегодня, закончилось и можно лечь спать... Так нет же! Еще что-то свалилось на голову, и, судя по хмурому Тибо, опять дрянь. — Рассказывай, — безнадежно велел Эйнар, садясь на кровать и всерьез задумываясь, не достать ли початую бутылку карвейна.

Остановило, что до рассвета осталось часа четыре, не больше, да и встречать неприятности лучше на трезвую голову.

— Да вот знаешь, и рассказывать почти нечего... — как-то странно замялся Тибо, потом вздохнул, сел на стул и глянул на Эйнара в упор, спросив: — Ты в последнее время странного не замечал?

— Нет, — нагло соврал Эйнар, с трудом не отведя взгляд.

Лгать старому верному другу было до отвращения стыдно. Эйнар не раздумывая доверил бы Тибо собственную жизнь, но клятый морок угрожал Тильде. И непонятно как, но знал обо всем, что происходит с Эйнаром. Так что ни посоветоваться, ни попросить о помощи.

— А мне вот будто в спину кто-то смотрит, — признался Тибо. — Причем в пустых, мать их барготову, коридорах. Не так чтобы часто, но бывает. Ладно, это, может, и ерунда... Вчера, как вы уехали, сначала все тихо было. Потом прискакал парнишка из городской стражи, рассказал про гниль. Тут и наш подоспел... Я Малкольма с Лестером отправил, карантинный флаг вывесил, как положено, Семи помолился — а больше и делать-то нечего. Ну, на Молли еще цыкнул, чтоб заранее не рыдала, а то сам понимаешь, она как узнала, куда вы вляпались, так взвыла, будто на похоронах. Тильду перепугала... Нэнси ее каплями какими-то отпаивать пришлось. Ну да ладно... Часа через два, как Малкольм уехал, уже совсем к вечеру, лошади забеспокоились. Я как раз у конюшни был, слышу: ржут и копытами по денникам лупят. Ну когда это было, чтоб наши старички гарцевали? А тут и собаки взвыли. Молли снова в плач: покойников, мол, чуют! Хорошо, что недолго все было и кончилось разом. Про покойников — это глупости, конечно, а я вот струхнул другого. Помню, еще мальчишкой был, так у нас на побережье вулкан проснулся. Вот перед этим за пару дней тоже собаки выли и крысы из домов бежали.

Он помолчал, скривился, будто хлебнул кислого, и продолжил:

— Но здесь-то никаких вулканов нету, о них и не слышали никогда. Местные рассказывают, что иногда землю потряхивает, но слабенько совсем, да и редко, раз лет в тридцать-сорок. А последний раз пятнадцать лет назад трясло, так что не время еще. В общем, вряд ли в этом дело. И знаешь, как-то паскудно мне на душе... Хотя что говори, а не бесится зверье без причины.

— Это да, — подтвердил Эйнар, не зная, что еще сказать.

Вот ведь... Чутье у Тибо всегда было отменное, и Эйнар, пожалуй, знал, чьи взгляды сержант ловит спиной в пустых коридорах. Морока, чьи же еще. Но собаки и лошади при чем? Или... йотунов маг перешел от слов к делу, учинив какую-то пакость? Вот дерьмо, как же нужен совет! Да хоть бы просто поделиться бедой! Нельзя, надо молчать...

— Хорошо хоть у вас обошлось, — невесело улыбнулся Тибо, потирая виски, словно от головной боли. — Правда, что ли, сама Волчица явилась?

— Я не видел, — признался Эйнар. — Но леди говорит, что да.

— Ле-е-еди, — передразнил его Тибо, возводя глаза к потолку и разом сбрасывая серьезность. — Ох, и дурня ты, капитан, валяешь! Что, так и будешь три года с ней в разных спальнях ночевать?

— Сам разберусь, — огрызнулся Эйнар.

Вздохнув и поглядев на него с жалостью, Тибо встал.

— Спать пойду, — заявил он, глянув в окно. — И тебе советую. А к лошадям и собачкам все-таки приглядишься. И в башне восточной я караул поставил, а то два дурня из молодых клянутся, что привидение в ней видели.

— Неудивительно, — бросил Эйнар. — Там столько народу полегло... Но некроманты вроде чистили. Ладно, поглядим.

Неужели морок видит кто-то еще? Эйнар нутром чувствовал, что это важно! Вряд ли маг показался новобранцам по своей воле; скорее, это вышло случайно. Но что ему нужно в восточной башне? После осады она была совсем заброшена, Эйнар сам бы туда по доброй воле

не пошел, хоть и не боялся мертвецов. Но если камни помнят, то в восточной башне им должны сниться дурные сны.

Тибо ушел, а Эйнар все-таки достал бутылку и пару раз глотнул, чтобы хоть немного расслабиться. Карвейн привычно обжигал, но теплее и спокойнее от него не стало. Простыни казались колючими, постель — холодной; все как всегда. Он лежал, глядя в темноту, и вспоминал сегодняшний день минута за минутой. Благие Семеро и Волчица, слава вам, что все действительно обошлось! Надолго ли? И что теперь делать, если руки помнят тяжесть женского тела, такого на удивление мягкого, и не скажешь, что на вид леди вся состоит из углов и встопорщенных иголок. А еще — запах. Теплый чистый запах, едва заметный, но кровь от него грелась лучше, чем от карвейна. Этот запах пробивался сквозь продымленные деревенские одеяла, как породистый скакун легко обходит крестьянских лошадок!

Эйнар заворочался, пытаясь лечь удобнее. Везти магичку, невольно прижимая ее к себе, оказалось тем еще испытанием. Он два года не обнимал женщину! А она еще и голову ему на плечо положила... Понятно, что во сне, но ему-то было не легче!

Эйнар ругнулся, понимая, что уснуть вряд ли получится. Нет, он, конечно, знал верное средство успокоиться, как любой мужчина, но вот именно так успокаиваться почему-то не хотелось. Будто он мог испачкать леди, думая о ней, а не думать не получалось. Она спасла фраганку, ее ребенка и другого, еще не рожденного. Выбрала их жизнь вместо магии, которая — видно же — была ей дороже всего. И еще говорила, что себялюбива! Причем не хвасталась, это тоже было видно. Говорила, что думала, и как же паршиво было понимать, что он ничем не может помочь. Да он даже от морока ее защитить не способен, потому что не знает как. Только и остается надеяться на случай.

А еще она спрашивала о фейеле. И понятно почему. Волчица напомнила ей Рагнарсона, и от этого на душе тоже было паршиво. Жалеет ли его жена, что не уехала с ярлом? Может, и да, не спросишь ведь. А если и узнаешь — какая разница?

Несмотря на усталость, сон так и не шел. Эйнар снова и снова перебирал каждое сказанное сегодня слово, каждый взгляд, случайное прикосновение. Легко Тибо звать его дураком! И насколько же было проще, когда леди вызывала только неприязнь. Три года рядом... Знать, что по закону имеешь полное право обходиться с нею как с женой, делить постель... Да что же такое, ведь не юнец уже! Это все проклятые два года, когда он заставил себя не думать о потребностях тела. Нет у его тела потребностей, которые голова не может запретить! И хватит, пора спать.

Утром Эйнар встал, словно всю ночь на нем утбурды катались. Тело ломило, затылок и виски налились свинцом, а в глаза будто песку насыпали. Тибо, явившись к завтраку, только головой покачал и велел Молли сварить шамьета в два раза больше. Эйнар не отказался. Он бы сейчас и из лужи воды зачерпнул, лишь бы отпустило. И ведь не пил вчера почти, а паршиво, как с жестокого перепоя.

— Ну? — спросил он мрачно, принимая кружку от сердобольно вздыхающей Молли и косясь на отвратительно довольного сержанта. — Призрак не показывался?

— Неа, — ухмыльнулся Тибо. — Тихо все. Гости спят, Лестер с утра уже у них был, говорит, здоровехоньки, только устали очень. Что делать-то будем? Их ведь домой отправлять надо.

— Вот проснутся, и спрошу, — так же мрачно сказал Эйнар. — Верхом она точно не поедет, да и в повозке зимой не покатаешься. Разве что в город отвезти, там портал поставить можно.

Только пусть сначала с гнилью разберутся.

— Тоже верно, — согласился Тибо. — Жаль, отсюда портал не сделать. Я бы в столицу за выпивкой прыгал да к девочкам.

Немудреная шутка Эйнара не развеселила, но от души слегка отлегло, да и в голове после шамьета прояснилось. Ну да, в крепость портал поставить нельзя. Еще не хватало, чтобы сюда скакали все, кому не лень. А из крепости как раз можно, если отключить артефакт, лежащий в запертом железном ящике у Эйнара в комендантской комнате. Но для этого нужно быть магом и иметь разрешение коменданта. В общем, случайную гостью и вправду легче отправить домой из города. Но это точно подождет, пусть отлежится, сколько нужно. Без нее забот хватает.

— О, а вот и ранняя пташка! — жизнерадостно сказал Тибо, вставая и отвешивая поклон. — Миледи, вы прекрасны, как рассвет, который я проспал! Клянусь, если бы мне пришлось его увидеть, пожертвовав сном, он бы и вполтину не был так прекрасен.

— Вот это, я понимаю, комплимент, — фыркнула магичка, подходя к ним и приветливо кивая Молли. — Предлагаю самую выгодную сделку в вашей жизни, сержант. Мне дадут чашку шамьета, а я никого не убью. Доброе утро, милорд супруг.

Она глянула на Эйнара прищуренными светлыми глазами из-под припухших век, и опять он почувствовал, как сердце застучало, будто у мальчишки, подглядывающего за женщинами на реке. А ведь что такого в простом взгляде? И красавицей она сегодня не выглядит... Но почему-то это уже совершенно не важно.

— Роскошное предложение, миледи, — снова шутовски поклонился Тибо. — Молли, прелесть моя...

— Как вы себя чувствуете? — спросил Эйнар. — Может быть, не стоило вставать сегодня? Магичка досадливо дернула уголок рта, словно ждала от него совсем не этого. На ней, как и вчера, было не платье, а штаны и камзол, волосы собраны в мягкий пучок. Эйнар поймал себя на том, что вспоминает толстую косу, заплетенную леди ради встречи с Рагнарсоном. Вот откуда она взяла столько волос и куда потом их снова надевала? Женские штучки — они и без магии такие...

— В могиле належусь, — сообщила она раздраженно, потом вздохнула и попросила: — Не обращайтесь внимания, что-то у меня с утра шуточки дурные.

Сев на свободный стул, она обняла себя руками за плечи, нахолодившись, как птица, и хмуро поглядывая на стол с немудреным завтраком. А Эйнар вспомнил, что последние дни его жена завтракала в одиночку. Понятно, что он вставал раньше, но все-таки нехорошо...

— Папа!

От вбежавшей Тильды в кухне сразу стало тесно. Ревниво глянув на леди, но, к счастью, промолчав, дочь кинулась Эйнару на шею, сев на колено и уткнувшись носом в плечо.

— Ну что ты... — проговорил он неловко. — Тиль, все хорошо.

— А я пирог печь научилась, — всхлинула она. — Только он вчера сгорел. Я еще сегодня испеку, ладно?

Эйнар молча прижал дочь и поймал поверх ее головы тоскливый взгляд леди. Магичка сразу отвела глаза, старательно рассматривая шамьет, поданный Молли, но Эйнару стало не по себе, словно он в чем-то был виноват. Ну да, они с Тильдой до сих пор не ладят, но вряд ли дело в этом — здесь что-то другое. Тильда, напоследок стиснув его и отпустив, оглянулась на леди настороженно, но так же молча отошла к Молли. Семейное утро, йотуны его дери.

— Вашсветлость!

Винсент, появившийся на пороге кухни, отдал честь и выпалил, торопливо путая положенные по уставу слова:

— Вашсветлость, господин капитан, обратиться разрешите! Там собаки взбесились. Извольте глянуть!

— Собаки?

Эйнар вскочил, вспомнив вчерашний разговор.

— Так точно! Мы их погулять вывели, ну как обычно! Всегда ж днем выводим, как велено. А они... это... вы гляньте!

— Тильда, миледи, побудьте здесь, — велел Эйнар, выходя из кухни следом за Винсом. — Если собаки взбесились...

— Все разом? — усомнилась магичка, останавливаясь на пороге. — Да и не похожи они на бешеных. На обычных бешеных, я имею в виду.

Она была права — Эйнар и сам это видел, — но с собаками все равно творилось неладное. Именно как вчера сказал Тибо. Три кобеля и сука молча прыгали вокруг пары псарей, пытаясь сорваться с поводков. Собак выгуливали каждый день, и обычно они себя так не вели. Невийские волкодавы — порода спокойная и серьезная... Сейчас же в них как нечисть вселилась.

— А пены нету, — подметил вышедший Тибо. — И глаза ясные. Это не бешенство. Но все равно дело дрянь.

Мотая лобастыми головами, псы то пытались вырвать поводки, натягивая их, то прижимались к земле, припадая на лапы. Эйнар шагнул к собакам, окликая, и псы услышали. Остановились, завилияли виновато хвостами — сами, мол, не знаем, что на нас нашло. Сука сунула морду под его ладонь.

— Уводите их, — сказал Эйнар солдатам. — Сегодня пусть в вольере посидят, я позже подойду.

— Так точно, — с облегчением отозвался старший из псарей. — Разрешите сказать, господин капитан, не бешенство это. Воду они с утра пили, сам видел.

Псы стояли спокойно, ослабив поводки, повиливая хвостами. И, когда разом рванули с места, оскалив пасти и мгновенно превратившись в четырех чудовищ, державшие их солдаты просто не успели... Один, намотавший поводки на руки, упал животом на камни, сбитый с ног рывком двух собак, каждая весом с него самого. Псы протащили его несколько шагов, но подскочил Винс, вцепился в ремни... У второго парня поводки из рук вылетели.

Эйнар развернулся, понимая, что не успеет их поймать, но помня, что Тильда и леди в безопасности — только шаг назад сделать и закрыть дверь. Услышал крик дочери. И едва успел заметить пестрый комок меха, мечущийся под лапами двух огромных кобелей. Старая кошка чудом избежала оскаленных пастей, но бежать ей было некуда, псы загнали ее рядом с кухней между двумя каменными контрфорсами стены, и кошка, попытавшись вскарабкаться по камням, упала с них вниз.

Тильда кинулась от безопасной кухни молча и отчаянно, прямо в круговерть мощных тел, толстых лап и щелкающих — зубов. В тот же миг с крыши кухни на спину собакам свалилось что-то серое, пронзительно и утробно воющее. А следом за Тильдой с кухонного порога метнулась леди.

Все это Эйнар видел на бегу, но ему нужно было пересечь большую часть двора, а на дороге бестолково катались двое парней, пытаясь удержать суку с кобелем. И Эйнар потерял дорогое, как жизнь, мгновение, едва не споткнувшись о них. Тильда скользнула между собаками, мелькнуло полосатое платье, псы столкнулись, мешая друг другу, у ее ног, стиснув телами. Мгновение растянулось, совсем как тогда...

Леди была на дюжину шагов ближе и успела первой. Длинным прыжком оказалась рядом с Тильдой и выхватила ее из-под носа у собак, оттолкнув назад и закрывая собой. Пнула одного из псов сапогом в морду — тот жалобно взвизгнул. Второй кинулся наутек сам, пытаясь скинуть Мяуса: кот истошно орал и рвал когтями кобелю морду и уши.

Миг кончился, и Эйнар оказался рядом. Схватил норовящего прыгнуть на женщину пса за ошейник и отшвырнул, не чувствуя тяжести. Оглушенного ударом о камни кобеля перехватил подбежавший Тибо. А Эйнар рывком обернулся. Белая, как молоко, Тильда выглядывала у магички из-за спины, прижимая к груди кошку. Живая и невредимая! На леди тоже не было крови, как он успел заметить с невыразимым облегчением. Шагнул вперед, даже не пытаясь сдерживать истовую, рвущуюся наружу бесконечную благодарность... Леди через плечо глянула на Тильду, вздохнула, поднеся узкую бледную ладонь к груди напротив сердца... И медленно осела Эйнару на руки. Глядя ему в глаза, улыбнулась уголками губ и прошептала:

— Глупо...

— Лестер! — закричал Эйнар.

Как?! На ней же ни царапины! Почему?!

Заколка слетела с волос, и короткие серебряные пряди рассыпались по плечам магички и рукам Эйнара. Безжизненно запрокинутая голова, мгновенно заострившееся лицо, прозрачно-восковая бледность. Эйнар видел такое десятки раз и знал... но сейчас отказывался верить этому знанию. Она не могла, не Должна была! Но она умирала в его руках, заслонив собой его дочь.

Глава 29

ОТМЫЧКА ДЛЯ ОШЕЙНИКА

— Уйди, капитан, — холодным чужим голосом сказал Лестер.

По лбу целителя катились крупные капли пота, а пальцы, кончиками касающиеся груди магички, мелко дрожали. Запрокинув голову, леди лежала на деревянной койке, покрытой одеялом, и Эйнар, сколько ни присматривался, не мог уловить ни малейшего шевеления белой шелковой рубашки. Ни единого вдоха...

— Правда, капитан, шел бы ты, — мягко сказал Тибо. — Сам ведь знаешь, не надо под руку лезть. Пойдем, снаружи подождем.

Эйнар сделал шаг назад, умом понимая, что они правы, но тут же остановился. Словно, если он уйдет, немедленно случится непоправимое, чему даже в мыслях страшно дать название. Словно оборвется невидимая тонкая нить, что только и держит его жену по эту сторону жизни.

— Да что же это за дрянь такая... — сквозь зубы проговорил Лестер, шевеля пальцами, словно пытаюсь что-то нащупать. — Никак понять не могу. Не должно такого фона быть, не в живом же теле...

Белый шелк едва заметно натянулся — и Эйнар сам вспомнил, как дышать.

— Да уйдите вы оба! — рявкнул Лестер, не оборачиваясь. — Мешаете!

И только тогда Эйнар позволил Тибо вывести себя, взяв за плечо.

— Раньше времени Претемную не зови, — посоветовал сержант, когда они вышли из лазарета и Эйнар привалился к деревянному столбику, держащему крышу над крыльцом. — Ну обморок, так и немудрено — сколько на нее свалилось за эти дни, на жену твою. Одна ваша поездка в Гарвию чего стоит. А она ведь ранена была не так давно, помнишь? Капитан? Эй, Эйнар!

— Помолчи, Тибо, — тихо попросил Эйнар, пытаюсь собраться с мыслями. — Это не рана.

Лестер сразу понял бы. Что он, ран не видел? Не в этом дело...

Взбесившиеся собаки, морок, Волчица и смертельно глубокий обморок... Все это были звенья одной цепи, уходящей куда-то в прошлое леди. Эйнар чувствовал это, как в последний миг чувствуют в темноте лезвие, что вот-вот войдет в сердце. Но точно так же ничего не мог сделать!

Резкая боль заставила с недоумением глянуть на руку. Он и не заметил, что ободрал пальцы до крови. Наверное, об ошейник, когда откидывал волкодава. Теперь кровь пачкала руку и уже залила обручальный перстень с рубином. Мгновение Эйнар колебался, потом стянул кольцо, бережно вытер чистой рукой и сунул в карман куртки. Смывает кровь — и надо будет снова надеть.

— Пойду к Тильде схожу, — бросил он и пошел через бесконечно длинный двор, с усилием заставляя себя сделать каждый шаг.

Он не целитель и даже не маг, способный поделиться с Лестером силой, от него там никакого толку... Боги, почему вы так несправедливы?! Почему даете свою милость так скупой, лицемерно и ненадолго? Только вчера его леди избежала смерти от серой гнили — и для чего?! Он сжимал кулаки, яростно желая стукнуть хоть что-то, дать вырваться кипящей злости, круто замешанной со страхом и отчаянием. Кто-то из солдат, сунувшийся было к нему, разом убрался с дороги...

Взбежав по лестнице, Эйнар велел себе остановиться. Хватит, и так рявкнул на Тильду, что она убежала в слезах. Девочка, конечно, сделала глупость, но она не могла знать, чем все обернется. Пеструю кошку, доживающую недолгий кошачий век, завела Мари, когда они только приехали в крепость. У нее, жены тогда еще сержанта, взятой с условием помогать на кухне и стирать офицерское белье, было слишком много забот, чтобы неотрывно сидеть с ребенком. Тильда боялась спать одна, и котенок стал спасением. Быстро выросшая кошка ложилась в колыбель, Тильда обнимала ее и крепко засыпала, тиская мягкую теплую мурлыку.

Когда Мари погибла, Тильда несколько дней не выходила из комнаты и молчала, обнимая кошку, которую так любила ее мать. Отказывалась от еды, и ночью, заходя к ней, Эйнар видел, что дочь лежит в постели, глядя в потолок широко раскрытыми глазами. А потом она однажды вышла и ломким тихим голосом сказала, что Нисси проголодалась. За это Эйнар навсегда простил пестрой все прыжки на стол и попытки устроить отхожее место под кроватью...

Тильда, конечно, кинулась спасать кошку, ни о чем не думая. Но что случилось с собаками?

Ошалевших и виноватых, их легко загнали в вольер, и дело точно было не в бешенстве.

Призрак, виденный в восточной башне? Какое ему дело до псов и лошадей?

— Ваша светлость, что там?

То ли бесстрашная, то ли глупенькая Нэнси кинулась из спальни миледи ему наперерез.

— Ничего! — зло бросил Эйнар, изнывая от беспомощности.

Дернул плечом, и девчонка потупилась, повернулась и пошла снова в спальню.

А Тильды на месте не оказалось. Эйнар оглядел пустую комнату, помянул йотунов. Сердце драли когтями такие коты — куда там даже Мяусу... Он спустился вниз, оглядел двор, зашел в кухню, где пришлось отмахнуться еще и от заплаканной Молли, снова вышел во двор — Тильды не было нигде. Ноги сами несли Эйнара к лазарету, но туда было нельзя, так что он

только постоял у крыльца, уговаривая себя, что отсутствие Лестера — добрый знак. Ведь случись что — уже было бы известно, а так целитель работает...

И, конечно, мест в крепости, куда могла забиться перепуганная виноватая девчонка, знающая здесь каждый уголок, было не счесть, но у Эйнара словно холодок по спине пробежал, стоило подумать о самом нехорошем. Он под страхом виселицы не смог бы объяснить, почему так решил, просто все сошлось воедино. И, последний раз оглянувшись на маленькое подслеповатое оконце лазарета, за которым горела лампа, Эйнар поспешил туда, куда тянуло чутье.

В восточной башне было тихо и сумрачно, как всегда. Ее замкнули с того самого дня, как закончившие работу некроманты объявили, что неупокоенных душ и восставших умертвий в крепости можно не бояться, но лично они советуют обходить это место стороной. Вон, есть еще две отличные башни, для служебных дел их больше чем достаточно. А здесь, внутри и снаружи, случилось слишком много смертей, и ткань бытия еще долго будет колебаться, так что ну его к Барготу.

Эйнару в то время было не до башни, да и с чего бы он не поверил двум немолодым и явно бывалым темным мастерам? На дверь башни повесили замок, только вот кладка примыкающей к зданию крепости стены местами обрушилась, и, если знать, как и откуда лезть, добраться внутрь было несложно. Влезли же сюда непутевые новобранцы — наверняка с бутылкой пива, а то и травяной жвачкой для веселых снов наяву. И так перепугались, что предпочли отхватить от Тибо взыскание, но доложили о призраке.

Он открыл замок ключом из комендантской связки, всегда висящей на поясе, и шагнул внутрь, в пыльную гулкую пустоту, полную холода, льющегося из высоких окошек пополам с тусклым светом. Полы в башне были каменные, так что под ногами не скрипело, лишь кое-где валялись обломки досок, какие-то веревки и тряпки. Вот здесь во время осады был деревянный скат с набитыми ступеньками, по которому наверх, к окнам, таскали кувшины с барготовым огнем... А вон там, в углу, лежали раненые...

Эйнар невольно поежился. Прошлое не ушло, как ему положено, оно притаилось в щелях и укромных темных уголках, ожидая, словно паук — муху. Если это после работы некромантов так, то что было бы без них?

«Призраки дохлых шаманов, — ответил он сам себе. — И тех сотен заживо сгоревших, которых ты еще долго видел во сне, пытаясь убивать раньше, чем они ворвутся в крепость живыми факелами».

— Не меня ли вы ищете?

Чужие слова — знакомым, родным голосом!

Эйнар резко обернулся, бросив руку на рукоять ножа. Не могла это быть его дочь! Но это была она. Выйдя из-за обломков стропил, рухнувших при штурме, Тильда улыбнулась ему чужой мерзкой улыбкой, превратившей милое личико в маску потусторонней твари.

— Ты... — выдохнул Эйнар, стискивая нож так, что пальцы закаменели.

— Спокойнее, капитан, — глумливо усмехнулся тот, что к сидел внутри его дочери. — Вы ведь не хотите повредить своей девочке?

Остановившись в трех шагах от бессильно замершего Эй-нара, Тильда склонила голову набок, рассматривая его совершенно чужим взглядом и скрестив руки на груди.

— Отпусти ее, — глухо попросил Эйнар. — Зачем? Ты ведь можешь и так...

— Могу, — кивнул морок головой Тильды. — Но не вам ставить мне условия, а как раз наоборот. Считайте, что сами меня вынудили. Я отпущу это милое дитя, которому весьма бесполезно мое присутствие, как только вы наденете кольцо.

— Кольцо? — тупо переспросил Эйнар, уже успевший забыть...

Тильда скривилась от его глупости, снова очень взросло и брезгливо.

— Обручальный перстень, — сказала она презрительно. — Наденьте его и не вздумайте снова снять. Если, конечно, ваша дочь все еще нужна вам живой и невредимой.

Под этим ледяным высокомерным взглядом, в котором не было ровно ничего от Тиль, Эйнар поспешно сунул руку в карман. Вытащил тяжелое золотое кольцо, мрачно блеснувшее кровавым рубином, посмотрел на него. Болван. Все это время разгадка плавала на поверхности, как наживка у неумелого рыбака. С какой новой вещью он не расставался ни днем ни ночью с того момента, как надел ее перед алтарем? И ведь сам спрашивал Лестера о магических

перстнях, но ума не хватило сообразить, что если можно зачаровать кольцо мага, то почему нельзя — другое?

— Вижу, вы поняли, — сказал морок, насмешливо кривя губы Тильды. — Да, это ваш ошейник. И поводок, за который я в любой момент могу дернуть, скомандовав «взять» или «к ноге». Так вы учите своих собачек? Бедным псынам сегодня досталось ни за что.

Эйнар сунул палец в неприятно холодное кольцо, прямо по содранной коже — плевать, заживет.

— Отпусти Тильду, — попросил он, показав руку. — Прошу...

— Еще пару минут, — кивнул призрак. — И ваша дочь вернется к вам в здравом рассудке. Я честно выполняю обещанное, капитан, если меня не обманывают. Как здоровье вашей жены?

— Ты... Что с ней?! Ты же знаешь?

Эйнар держал себя, как держал бы разъяренного пса, — изо всех сил. Как же ему хотелось добраться до горла твари, спрятавшейся в его дочери! Нельзя... Не сейчас... Но если боги имеют хоть какое-то понятие о справедливости...

— То, что при ее несдержанности было лишь вопросом времени, — снова раздраженно скривился призрак. — Но случилось удивительно некстати, потому что у меня совершенно другие планы на жизнь леди Ревенгар. И особенно на ее смерть. К делу, капитан. Пока вы изволили спасти попавшую в беду прекрасную даму, я слегка ознакомился с вашей крепостью. Во плоти, так сказать. Очень удачно вышло, вы как раз увезли единственного мага, способного меня почуять, хоть и недоучку.

— Лошади, — мрачно сказал Эйнар, не спрашивая, а утверждая. — И собаки.

— Именно, — кивнул маг. — Несмышленные, но чуткие твари беспокойно реагируют на грубый пробой мировой материи, а мне, увы, пришлось ставить портал, взламывая вашу дурацкую систему защиты. Видите, как я беспокоюсь о вас, капитан? Ни одна проверка не заподозрит предательства, потому что артефакт, запрещающий установку порталов, мирно лежит на своем месте. А собачки... повоюют и успокоятся.

«Зачем он мне все это рассказывает? — билось у Эйнара в мыслях. — Мог бы просто приказать, не тратя слов. То ли наслаждается собственным могуществом и изобретательностью, то ли просто привык иметь дело с теми, кто способен только выполнять приказы, да и то нужно все объяснить».

— Я сделаю, что скажете, — повторил он, надеясь, что враг видит только то, что должен — озлобленного, но покорного болвана, охваченного страхом за дочь. — Отпустите Тильду!

— Два дня, капитан, — сказал морок, больше не играя в дружелюбие. — Не больше. Сегодня-завтра у вас будет гость. Ведите себя хорошо, не вздумайте его обидеть. И уж тем более не вздумайте сболтнуть лишнего. Я слежу за каждым вашим словом и движением, не разочаруйте меня какой-нибудь якобы хитрой уловкой. Она вам слишком дорого обойдется — понимаете, о чем я?

— Да... — так же глухо и смиренно подтвердил Эйнар, следя за тоненькой голубой жилкой, бьющейся на шее Тильды. — Я понимаю. А что за гость? Вы?

— Не будьте таким глупцом!

В голоске Тильды слышалось презрение, и только. А ведь Эйнар отлично понимал, что гость не окажется мороком, раз маг предупреждает при нем не болтать. Понимал и нарочно разыгрывал дурака. Значит, проклятая тварь не читает мысли!

Он изо всех сил попытался скрыть облегчение, и морок продолжил:

— Все, что вам нужно знать, вы знаете. Не снимайте кольцо, закройте башню снова и прикажите своим людям держаться от нее подальше. Сами придумайте как, чтобы они не полезли сюда любопытствовать. А гостя, когда явится, примите и не беспокойтесь: долго его визит не продлится. А потом вы будете свободны. И если все сделаете правильно, ваша дочь не пострадает.

Самому Эйнару маг безопасности не обещал, и это, как ни странно, было даже хорошо. Давало хоть какую-то надежду, что не врет насчет Тильды, раз даже не пытается скрыть, что для Эйнара все закончится скверно.

— Я все понял, — ответил Эйнар, облизнув пересохшие губы. — А как же леди? Она... что с ней?

— Прямо сейчас она еще жива, об остальном понятия не имею, — усмехнулся морок. — Вы мои глаза и уши здесь, капитан. Но если вздумаете пренебрегать этой почетной обязанностью, я

найду другого проводника. Не способного сопротивляться, зато юркого и умеющего добраться куда угодно. Правда, в отсутствие соединяющего нас артефакта прямой контакт рано или поздно убьет рассудок вашей дочери, но мы ведь не будем доводить до этого? До встречи, капитан.

Он снова улыбнулся, а потом лицо Тильды словно потекло, чужое выражение на нем стерлось, растаяло, взгляд стал пугающе бессмысленным...

— Тиль! — рванулся Эйнар к дочери.

— Папа?

Тильда смотрела на него испуганно и недоверчиво, потом огляделась вокруг широко распахнутыми глазами, подняла руку к губам...

— Тиль, все хорошо, — поспешно сказал Эйнар, истово желая проклятому магу вечно мучиться в самой глубине Темного Мира или куда там должна упасть после смерти душа такого отродья. — Ты задремала здесь, и тебе приснился нехороший сон. Не стоит ходить в эту башню, милая.

— Я не помню, как пришла, — жалобно сказала Тильда, обнимая себя руками за плечи и дрожа всем телом. — Я была у себя в комнате, а потом...

— Это бывает, милая. Пойдем в тепло.

Эйнар снял куртку и накинул ее дочери на плечи. Кольцо на пальце сверкнуло пойманным лучиком света. Ошейник с поводком. Что ж, любой ошейник можно снять или порвать. Внутри Эйнара ледяным ведьминским зельем кипела ярость, и теперь он знал, что рано или поздно даст ей выход. Высокомерный маг сказал достаточно, чтобы пес, даже в строгом ошейнике, извернулся и вцепился, но не в якобы усмирившую его руку, а сразу в горло. Тем и хороши волкодавы, что разжимают челюсти не раньше, чем их враг будет мертв.

— Папа... Что с леди? Она... сильно заболела? Я так виновата! Я не хотела...

Тильда всхлипнула, прижимаясь к Эйнару и пряча лицо У него на груди.

— Все будет хорошо, Тиль, — пообещал он, молясь, чтобы это оказалось правдой. — Все будет хорошо...

* * *

Ло выплывала из беспамятства, качаясь в ласковых теплых объятиях сна. Ей было удивительно хорошо, только хотелось пить да голова была тяжелой. Но если не шевелиться, то ничего страшного. Зато в теле наблюдалась необыкновенная легкость, которая очень нравилась Ло ровно до того момента, как она вспомнила это состояние. Обезболивающее заклятие Роканвена — любимый прием военных целителей. Быстро и легко накладывается, пресекает болевой шок, не мешает диагностике... Она что, опять в госпитале?!

Память возвращалась вспышками. Дорога в крепость — это было вчера. Ло лежала с закрытыми объятиями и едва не хихикала, вспоминая объятия капитана, по ощущениям очень похожие, оказывается, на чары мэтра Роканвена. Хотя эта смешливость — тоже их действие. Побочное. А сегодня утром она пила шамьет. Точно пила или успела только взять чашку? Солдат, сказавший, что собаки взбесились... Она не полезла бы к волкодавам просто так, но...

Девчонка! Тильда кинулась к собакам. Зачем? Кто ж ее, дуру, знает? Ло побежала следом, подумать она просто не успела. Зато успела выдернуть паршивку почти из пастей. А потом... Было больно. Жарко и больно в груди. И все...

Она попыталась пошевелить рукой, но, конечно, не смогла — обезболили ее с запасом, заодно прихватив двигательные функции. Ло порадовалась, что помнит такие сложные длинные слова, и, в подтверждение, что очнулась окончательно, даже сложила в уме затейливую структуру из трех антагонистичных по сути арканов. Первый должен был служить маскировкой, на втором этапе схлопываясь сам в себя и вливая энергию во второй, а третий завершал и прикрывал конструкцию, используя отдачу от второго в качестве дополнительного щита. Это было безумно красиво и весьма удачно выстроено — Ло давно не крутила такие изысканные арканы. Записать, что ли? Но зачем? Боевик-теоретик — какая насмешка!

Но если она так хорошо соображает, почему ее держат под Роканвеном? Именно это Ло и спросила, как только рядом мелькнул Лестер, почему-то бледный аж до серости и с темными мешками под глазами.

— Лежите спокойно, миледи, — раздраженно отозвался лекарь. — И благодарите богов, что у меня нет сил вас выпороть. Вот не постеснялся бы! Вы хоть понимаете, что едва не случилось?

— Что? — непослушными губами с трудом выговорила Ло.

— Едва не отправились к Претемнейшей, вот что! — рывкнул мэтр. — Почему вы мне ничего не сказали про эту дрянь возле сердца? Вы что, не знали о необходимости беречься? Вам жить надоело?!

Он еще что-то выговаривал, наливая из мензурки прозрачную остро пахнущую жидкость и разводя ее какими-то алыми каплями, а потом выпил получившуюся микстуру одним глотком. Ло смотрела на изможденное, разом постаревшее лицо лекаря, и ей было стыдно настолько, насколько человек может вообще что-то чувствовать в дурмане Роканвена. Сколько же лет жизни стоило Лестеру удержать ее на краю? Как он вообще смог это сделать? Целитель-недоучка, гарнизонный лекарь, мастер вскрывать чирьи и вправлять выбитые челюсти...

— Простите, — прошептала она покаянно. — Лестер, простите меня, ради Благих. Я не хотела... Ну зачем вы так напрягались? Обошлось бы. А если нет, я сама виновата. Простите...

— Да что вы, миледи, — махнул рукой лекарь, присаживаясь рядом и вздыхая. — Ну-ну, полно... Я же не о том. Как вы нас напугали... Зачем вы молчали, глупая вы девочка? А если бы я не успел сообразить, что дает такой фон? Как вы вообще эту дрянь заполучили?

— Сама не знаю, мэтр, — с трудом улыбнулась Ло. — Точнее, не помню. Знаю, что это был кинжал. Ритуальный... Он сломался в ране, такое невезение. Неужели вы его...

— Вытащить? О нет... — вздохнул Лестер. — Не по моим силам. Я его только чуть-чуть сдвинул, чтобы обезопасить проходящий рядом сосуд, а убрать... Боюсь, это вообще мало кто сможет. Разве что найти избранного Милосердной Сестры?

— Он тоже... не смог, — прошептала Ло. — Меня показывали мэтру Эверарду Эглери, магистру зеленой гильдии. Безнадежно. Никто не смог сделать больше вас, Лестер. Как вы-то умудрились? С вашим...

Она осеклась, но Лестер понимающе улыбнулся:

— С моим крошечным резервом и пятью курсами Академии вместо двенадцати? Знаете, миледи, когда-то я считал это своей главной бедой. А потом слегка поумнел и понял, что сила решает не все. Она балует, приучает полагаться только на нее. Не нужно быть умелым мастером, чтобы залить рану чистой энергией, наложить готовую исцеляющую матрицу и пойти пить карвейн, пока пациент выздоравливает сам. А вот попробуй обойтись крошечным резервом — тут-то и научишься работать тонкими касаниями. Мягонько, аккуратно, все равно что замок деликатно вскрыть отмычкой там, где орденский целитель возьмет таран и снесет болезнь к барготовой матери. Чтобы вам, боевику, понятнее было.

— Я больше не боевик, вы же... знаете...

На глаза Ло навернулись слезы, но она даже рукой не могла пошевелить, чтобы их смахнуть.

— Я не маг, — упрямо повторила она, отводя взгляд от лица лекаря и пытаясь сглотнуть вставший в горле комок.

— Вы маг без силы, — мягко возразил Лестер. — Это совсем другое. Вы ведь не разучились колдовать, как человек со сломанной ногой не разучился бегать. Вы знаете, как работает магия, она все еще в вас, просто не слушается.

— Не слушается? Лестер, у меня каналы выжжены! Искра потухла! Я мертва, понимаете? Вы... что вы можете знать об этом? У вас маленький резерв, но он есть! А я... Я даже силовые линии не вижу... И не могу... Ничего не могу...

Она все-таки расплакалась, и наведенное спокойствие Роканвена пошло к Барготу. Слезы катились сами собой, зато лживое парализующее умиротворение прошло, и Ло всхлипывала, повернувшись набок и уткнувшись в подушку носом. Да, она дура! Вместо того чтобы радоваться, оставшись в живых только чудом и подвигом — иначе не скажешь — Лестера, она снова жалеет себя. И ей стыдно! И не надо ее утешать, все равно это только слова. Сила ушла, и ее больше никогда-никогда не будет! Никаких тонких касаний, никакого, даже самого крошечного, резерва! Что толку, что она может придумать великолепный аркан, если не способна его сотворить? Это как глухому писать музыку, которую он не может услышать! Последнюю фразу она невольно произнесла вслух.

— Но великий Блаварини был глухим, — мягко напомнил Лестер. — После болезни он слышал музыку только в своей голове. И не просто стал одним из величайших композиторов мира — он воспитал самого Легостана. Думаете, ему нужны были уши, чтобы услышать сочинения своего гениального ученика? Таким, как он, достаточно разума и сердца.

— Я не Блаварини, — снова всхлинула Ло. — Лестер, меня не допустили к преподаванию в Академии. Просто выкинули как... неполноценную. Сказали, что я не смогу...

— Так же, как я не смог освоить программу шестого курса? — уточнил Лестер, насмешливо вскинув бровь. — Что ж, они были правы, мне и сейчас нечего на нем делать — там нужен совсем другой резерв. Но сумеет ли адепт шестого, седьмого и даже десятого курса сделать то, что сегодня сделал я? Вы не можете преподавать, потому что не способны показать материал на практике? А что, теорию уже отменили? Рисуйте схемы, придумывайте структуры, стройте модели, пишите учебники, Баргот их побери! Зачем вам Академия прямо сейчас? Вам двадцать шесть, миледи, а не семьдесят, да и в семьдесят у толкового мага разум в самом расцвете. Рано или поздно Академия сама придет к вам, не преподаватели, так студенты Магия не в ушах и не в глазах, миледи, не в каналах и даже не в искре, она в голове и сердце.

— Вы... Лестер, вы... настоящий целитель, — дрожащим голосом сказала Ло. — Вы даже не знаете, что мне сказали... и что сделали. Это больше, чем вытащить осколок, понимаете? Если его достать, я все равно не смогу колдовать... Но я смогу придумывать и записывать! Почему никто не сказал мне этого раньше? Благослови вас Семеро!

— Вам нужно поспать, миледи.

Лестер погладил ее по голове, как ребенка, и добавил:

— Я скажу Эйнару, что вы пришли в себя, но к вам его пока не пущу. Он совсем извелся за эти несколько часов, аж с лица спал. Весь гарнизон переживает, ваша горничная мне порог истоптала, не ушла, пока я не поклялся, что обошлось. И Тильда... Вы уж ее простите. Она упрямая девочка, но добрая. Кинулась спасать кошку, о себе даже не подумала.

— Кошку? — сонно переспросила Ло, подкладывая ладонь под щеку и думая, что поспать — и вправду отличная мысль. — Так она за кошкой?

— Ну да. Нисси — кошка Мари, Тильда в ней и раньше души не чаяла, а уж когда матери не стало... И спит, и ест с ней. Кошка совсем старая, полуслепая, во двор сама не выходит, так Тильда ее выносит погулять. Не уследила, видно... Странно, что псы кинулись, они спокойные, кошек не обижают.

— Да не съем я вашу Тильду, — обиженно заявила Ло, сладко зевая. — Ни Тильду, ни кошку ее... Тоже мне, нашли злую мачеху. Лестер, только молчите капитану про осколок, а? Он ведь обязательно решит...

Что решит Кирпич Рольфсон, Ло не успела ни додумать, ни тем более договорить. Снова провалилась в сладкое забытие, в котором пестрая кошка оборачивалась козой — вот далась же ей эта коза! А впрочем, кошки и козы — одна подлая шкодливая порода, Ло всегда предпочитала собак и лошадей. И надо бы зайти к волкодавам, когда они присмирели, подружиться с ними. Она, правда, теперь приходится какой-то очень дальней родней волкам... К веренице кошек и коз, плавающих вокруг, добавились белые волки, подозрительно похожие на ярла Рагнарсона ухмылками и довольными наглыми мордами. Это доказывало, что волки тоже бывают подло-шкодливыми. А вот капитан Рольфсон — вылитый волкодав. Серый, хмурый... Погладить... И обязательно снять ошейник, который капитану-волкодаву совсем не идет. Ло даже пальцами пошевелила, примеряясь к хитроумной застежке, но та выскользнула, ошейник расстегнулся сам, а пальцы зарылись в теплую мягкую шерсть, и Ло стало удивительно спокойно.

Глава 30

УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВЫХ

Второй раз она проснулась поздно вечером. В жарко натопленном лазарете было душно и темно, только у окна теплилась небольшая масляная лампа, и тени от нее метались по стенам, то играя в сказочных чудовищ, то рисуя дворцы и храмы. Ло скинула одеяло, обнаружив, что одета только в сорочку и чулки, но даже этого хватило, чтобы разомлеть и захотеть пить. Где-то рядом наверняка должен обнаружиться кувшин с водой, да и в уборную ее вряд ли выпустят после операции... Лестер, наверное, ушел к себе, а может, вышел ненадолго? Скорее второе, иначе с ней оставили бы кого-нибудь.

Она приподнялась на постели, поморщившись от несильной боли в груди — заклятие уже закончилось, а на новое у целителя наверняка не хватило сил. И замерла, поняв, что в комнате кто-то есть. Нет, тени в углу выглядели всё так же безобидно, однако Ло чувствовала чье-то

присутствие столь явно, что мгновенная мысль окатила восторженным холодком: она чуяла! Неужели магия... Нет, конечно. Тени шевельнулись, и Ло поняла, что до этого просто уловила их движение краешком глаза. Осторожность и привычка к вниманию — да, магия — нет. — Ну и что вам нужно, юная леди? — спросила она хмуро, разглядев, кто сидит в углу тихо, словно в засаде.

На языке так и вертелась ядовитая шутка, что не все начатое следует заканчивать, и, если милое дитя решило окончательно избавиться от мачехи... Ло вздохнула: девчонка слишком юна и уж точно не привыкла к вольной манере общения, шутку она не оценит.

— Я... Я так... зашла... — всхлипнула, судя по звуку Тильда.

Вот это уже было что-то новое. Ло еще выше приподнялась на подушке, вглядываясь в сжежившуюся фигурку, растерявшую всю прежнюю дерзость.

— Вижу, что зашли, — сообщила она. — Зачем?

— Прощения попросить, — шмыгая носом, отозвалась девчонка. — Пожа-а-алуйста, ми-ми-миледи...

Говорить дальше ей помешал плач. Изумленная Ло слушала сдавленные рыдания с минуту, не меньше, потом рявкнула, как смогла:

— А ну хватит!

И тут же зашипела от кольнувшей между ребрами боли.

— Простите, — всхлипнула Тильда уже членораздельно. — Я не хотела, правда... Я за Нисси... за маминую кошкой... Мама ее любила, а Нисси старая совсем. Я испугалась...

— Что вы спасали кошку, мне уже объяснили, — сказала, осторожно вдохнув и выдохнув, Ло. — Я не сержусь. Это все?

Тильда помотала головой. Она сидела на низкой скамеечке, обняв обтянутые платьем колени и уткнувшись в них подбородком. Худенькая, растрепанная, откровенно жалкая.

— Я думала, вы злая! — выпалила она, подняв к Ло круглое и заметно веснушчатое даже в полумраке личико. — А вы... Вы меня спасли! И Нисси!

— Особенно, конечно, я переживала за Нисси, — не удержалась Ло. — Хватит, Матильда, не ревите. Все обошлось, хвала Благим и мэтру Лестеру.

— Он сказал, вы чуть не у-у-умерли, — снова заплакала девчонка. — Из-за меня-я-я... Потому что вам беспокоиться нельзя было, у вас осколок внутри, а я... я...

— Это он вам такое сказал? — нехорошо удивилась Ло, гадая, не помутилось ли у мудрого Лестера в голове, что он стал откровенничать с девчонкой.

— Нет, папе. А я... подслушала, — призналась Тильда, снова всхлипнув, так что у Ло появилось желание дать ей платок и заставить высморкаться. — Я не знала, правда! Я ду-у-умала...

— Тильда, не ревите! — грозно напомнила Ло. — Значит, Лестер все рассказал вашему отцу?

Тоже не слишком хорошо. Понятно, целитель не имеет права скрывать от мужа правду о здоровье жены, но думать о капитане, который узнал про нее такое, Ло не хотелось до ужаса. Хватит того, что она промолчала о потерянной магии. Возможность в любое время умереть — это еще серьезнее. Это вообще-то основание для расторжения брака! Не такое некрасивое, как у бедняжки Аманды, но если вскроется, что Ло не может иметь детей, тоже весьма веское. И неважно, что они с Рольфсоном все равно не собирались их заводить! Капитан явно не из тех, кто прощает обман.

Тильда опять кивнула.

— Я правда думала, что вы злая, — сказала она чуть спокойнее. — Женщины на кухне говорили, что теперь у папы другие дети будут, а я вам не нужна. И ему не нужна буду! Они потом перестали, — добавила она поспешно. — Не сердитесь! Они про вас не знали ничего... И я не знала. Я вас ненавидела! Это я... платье... испортила!

— Я догадалась, — вздохнула Ло, глядя на маленькую дурочку.

Благие Семеро, ей же всего двенадцать. Да, противная, начальная, дерзкая и упрямая... А ты сама-то какая была в ее возрасте, да и потом, откровенно говоря? Лет до пятнадцати недели не проходило без взыскания, да и потом ты просто научилась лучше прятать следы и не попадаться.

— И сапоги...

Начав каяться, Тильда на полпути не останавливалась, как во всем, что делала.

— Это я их измазала. Нисси всегда в одно место ходит, ей там песок меняю, чтобы не воняло... Вот и набрала-а-а-а... соль в мед я положила! Только я не хотела, чтобы Молли наказали, Молли добрая... И я больше не буду, честно!

— Тильда, а как ты в комнату вошла? — вспомнив про замок, поинтересовалась Ло. — В тот день, когда зелья чуть не наелась.

— Ну... — девчонка замялась, но, видно, решила, что терять ей уже нечего. — У меня ключ есть волшебный, — призналась она. — Его господин комендант потерял, который раньше был. Я его нашла, хотела отдать, но забыла... А потом... — она снова всхлипнула, но справилась с собой и продолжила: — Потом я его папе отдать хотела, но попробовала, а он... он любую дверь открывает. И я не отдала... У папы все равно ключи от всех дверей есть, а у меня...

— А у тебя, — окончательно плюнув на этикет и перейдя на ты, закончила Ло, — появилась волшебная отмычка. Ну понятно, здесь такое творилось — не только ключ потерять можно было.

Как просто, оказывается. У прежнего коменданта имелся служебный ключ-артефакт, открывающий все замки, такая же удобная вещичка, как та, что Маркус подарил самой Ло. В неразберихе осады комендант ключ потерял, потом он покончил с собой, а Рольфсону досталась связка обычных ключей. Девчонка же не справилась с искушением оставить волшебную вещь себе. В ее возрасте чувствовать себя хозяйкой всех дверей в крепости — у-у-ух!

Тильда тихонько всхлипывала, вывалив все разом и даже не прося о снисхождении, что Ло особенно оценила. Ох, дурочка... Мелкая несчастная глупышка, перепуганная болтливими кухарками, Баргот им языки завяжи. Еще недавно Ло злилась на нее всерьез, слишком далеко девчонка зашла в пакостных проделках, но стоит лишь подумать... Она могла съесть хелайзиль, ее могли порвать собаки, в крепость могла прийти серая гниль... Вот это все — действительно страшно, а испорченное платье пережить можно.

— Ключ верни отцу, — строго велела Ло. — Ему он нужнее.

Дождалась, пока Тильда кивнет, и, смягчившись, пообещала:

— Я тебе другой такой же подарю. Только с условием: в мою комнату, кабинет отца и всякие опасные места не лезть. Учись думать, что делаешь, и отвечать за поступки.

Расчески-отмычки было не жалко. Ло и так может потребовать доступа всюду, куда ей понадобится, а Тильда два года пользовалась артефактом достаточно осмотрительно, если ни разу не попала. И весь гарнизон наперебой твердит, что девчонка неплоха... Вздорная и ленивая, но это еще можно поправить. Зато она вступилась за Валя. Пирог печь научилась опять же...

Ло опять вздохнула, понимая, что напрасно себя уговаривает. Она простила Тильду уже в тот момент, когда девчонка искренне призналась и попросила прощения. Ну что поделать, не убивать же. И выпороть рука не поднимется. Не потому, что Рольфсон снова наверняка заступится за дочь, просто Ло слишком хорошо помнила, как несколько месяцев ненавидела весь мир, потому что отец с матерью умерли, оставив их с Мелиссой... Это было подло и несправедливо, а главное, безнадежно. Она и с Маркусом отчасти сдружилась, потому что страстно хотела узнать: правда ли мертвецы не могут вернуться? Кому знать такие вещи, как не некроманту? Потом с потерей удалось не то чтобы смириться, но научиться жить, и все-таки Ло ясно помнила ту тоскливую безнадежность.

— Вы не злитесь? — робко и с изрядной долей удивления спросила Тильда, всматриваясь в лицо Ло.

— Злюсь, — честно ответила она. — Тогда злилась очень сильно, сейчас — меньше, но все-таки... Ты сделала много нехорошего, Тильда, и слава Благим, что никто не пострадал.

Надеюсь, это будет тебе полезным уроком. Никогда не суди людей только с чужих слов, мало ли кто какую гадость скажет. Но ты не сделала ничего такого, чего нельзя простить, и честно призналась, так что я постараюсь не злиться. Иди сюда.

Встав, девчонка подошла и остановилась у кровати, настороженно глядя на Ло. Две тугие косички с выбившимися прядками, заплаканное лицо и прихваченное все тем же кожаным пояском полосатое платье, из которого Тильда стремительно вырастала...

Дверь за ее спиной бесшумно открылась, в комнату заглянул Лестер и замер на пороге. Ло взяла Тильду за руку и мягко потянула, вынуждая сесть на кровать, а потом поверх ее головы сделала страшные глаза целителю. Тот просиял и исчез, а Ло провела рукой по рыжим волосам девчонки, чувствуя, как горько-сладкое чувство заползает в сердце. Тильда снова всхлипнула,

доверчиво прильнув к поднятым коленям Ло, уткнувшись в них носом. Сейчас она казалась еще меньше, чем в углу, неловкая, сжавшаяся в комочек, как озябшая птица...

— Все будет хорошо, — негромко сказала Ло. — Я знаю: когда кто-то очень дорогой уходит навсегда, тебе кажется, что хорошо уже не будет. Что всегда будет только больно, страшно и одиноко. Когда мой отец погиб, мне было столько же, сколько тебе сейчас. А потом умерла мама. Мы остались вдвоем, я и моя маленькая сестра. Помню, она все время плакала, а я даже плакать не могла...

Тильда затихла, едва дыша, и Ло продолжила гладить ее по голове, успокаивая негромким голосом и прикосновениями, как испуганного грозой щенка.

— Но ты не одна, — сказала она мягко. — У тебя есть отец, которому тоже нелегко. Есть люди, которые о тебе заботятся. Есть я. Никто не заменит тебе маму, но этого и не нужно. Ты Просто продолжаешь терпеть боль и жить, а потом вдруг понимаешь, что боль прошла. И можно дышать, смеяться, даже плакать, если хочется. Жизнь идет дальше, и когда-нибудь твои близкие потеряют тебя, но ты ведь не хотела бы, чтобы им было так же больно? Вот и твоя мама не хотела бы этого.

Боги, благословите Маркуса, когда-то нашедшего для Ло слова, которые она сейчас воскрешала в памяти. Некроманты знают толк в утешениях, как целители — в обезболивающем. Тильда дышала все ровнее, только еще всхлипывала и сопела, и Ло поклялась себе, что ее вторым подарком глупой девчонке станет дюжина носовых платков — штука прозаическая, но куда более полезная, чем магическая отмычка. Благие Боги, ведь им же теперь никуда не деться друг от друга, три года так уж точно. И придется приручать эту... козу горную. «Но ты же хотела преподавать? — напомнила себе Ло. — И была уверена, что справишься с адептами Академии — тем еще стадом юного буйного шкодливого зверья. Значит, попробуй управиться с одной-единственной девчонкой, иначе ломаная крона тебе цена как учителю, Ло Ревенгар».

* * *

Навещать леди до утра Эйнару строго-настрого запретил Лестер. И хорошо сделал, потому что после того, что целитель рассказал об осколке под сердцем, Эйнару смертельно хотелось ругаться самыми черными словами и кого-нибудь убить. Даже ясно кого. Тварь проклятую, чтоб ему сдохнуть в муках и стать утбурдом, а потом развеяться по всем семи ветрам, памяти о себе не оставив! Чтоб ему...

— Понял я, понял, — процедил он лекарю. — Только утром. Не ругать. Не... Лестер, какого йотуна она не сказала?!

— Вот у нее завтра и спросишь, — невозмутимо сообщил тот. — Но без крика и ругани. Если по твоей милости эта пакость опять с места сдвинется, я вас обоих приблю. Все, пошел я спать. Выглядел он и правда плохо: посеревший, осунувшийся. Но при этом довольный и будто просветлевший изнутри, как человек, сотворивший трудное, но радостное дело. Эйнар проводил его взглядом и снова зло подумал, что все маги — сумасшедшие! И она тоже. Сколько раз за эти недели она могла умереть?! Да вспомнить только их первую брачную ночь! А потом — ссору из-за хелайзиля, северных гостей, Гарвию... Дура! Высокомерная самоуверенная дура, решившая, что может справиться с чем угодно! А может, ей просто жизнь без этой ее магии не нужна?!

К утру он успокоился ровно настолько, чтобы напомнить себе: ругаться с леди нельзя. Как бы ни хотелось. Несколько часов сна освежили и тело, и мысли, так что Эйнар смог честно признать: молчание об осколке — рыба из того же ручья, что и молчание об утерянной магии. Просто леди ему не доверяет И даже не знает, насколько она права. Сейчас нужно быть особенно осторожным, будто идешь по гнилому мосту, способному в любой миг провалиться под ногами. Еще и гость обещанный...

К лазарету он пришел после завтрака и даже ближе к обеду. Глубоко вдохнув, как перед прыжком в воду, шагнул через порог в жаркую — аж воздух дрожал — комнату, окинул ее взглядом. Все совсем не так, как вчера! Стол с лекарскими коробками и посудой сдвинут к окну, а на его месте красуется другой, маленький и круглый, уставленный чашками и тарелками. В очаге — начищенный медный котелок с водой, а на полу рядом — коробка с порошком для шамьета. Сам Лестер хлопотал над столом, а леди сидела, опираясь на высокие подушки, и встретила Эйнара настороженно-виноватым взглядом.

— О, капитан, ты вовремя! — не оборачиваясь, радостно сообщил целитель. — Как раз перекусишь с нами. У нас с твоей женой любопытный разговор!

— Это не разговор, а растирание воды в ступке, — фыркнула леди. — Мэтр, я понимаю, что вы были очарованы моим почтенным дедушкой, но какая, к Барготу, двойная звезда? Это лженаучная ересь!

— Вот как? Уже ересь? В мое время это было вполне еще гипотезой, — возразил Лестер, а Эйнар вмиг почувствовал себя дикарем и неучем.

Впрочем, его участие в разговоре этим двоим не требовалось, так что он прошел к очагу, пошевелил угли, и через несколько минут вода в котелке пошла пузырьками. Леди и целитель все это время спорили с таким жаром, что Эйнару стало не по себе, но ведь Лестер знает, что делает?

— Двойной звезды не существует! — доказывала магичка. — Да, можно изучить магию другой гильдии, но только на уровне, доступном любому профану! Если я возьмусь за лекарское ремесло, я могу выучить лекарства и болезни, но исцелять-то не выйдет! Даже будь у меня сила...

— А вы пробовали? — азартно парировал Лестер. — Уверяю вас, мэтр Седрик Ревенгар, храни Претемная его душу, владел двумя видами магии. Да, он считался целителем и носил зеленый камень. Но его умения в магии разума выходили далеко за границы того, что возможно освоить профану! Как вы это объясните?

Мудреным словечком «профаны», как понял Эйнар, именовались у магов те, кто магией не владеет. Он старательно занимался котелком, в то же время превратившись в слух: вдруг попадется что-то полезное? Спрашивать напрямую нельзя — клятый маг услышит через перстень-ошейник, — но ведь никто не запрещал Эйнару просто выпить шамьета с собственной женой?

— Не знаю, — буркнула леди. — Допустим, вы не ошибаетесь. Допустим даже, аномалия двойной звезды существует — хотя я не представляю, как это возможно! — и что с того? У меня выжжены каналы и потухла искра, магия для меня невозможна в принципе. Хоть двойной звезды, хоть тройной, простите меня Благие.

— Но ведь магия разума каналы практически не использует, — возразил Лестер, нарезая хлеб и копченое мясо с сыром. — Эйнар, что там с водой?

На людях лекарь всегда именовал его капитаном, но сейчас то ли увлекся, то ли окончательно признал леди входящей в их маленькую компанию.

— Закипает, — отозвался Эйнар.

— Магия разума? — так же насмешливо фыркнула леди. — Ну, мэтр, вы мне еще способности к оперному пению припишете! Какой из меня разумник? Магистр Саттерклиф умер бы от смеха, узнай он вашу идею. И в любом случае проблему с искрой это не решает.

Эйнар наконец сообразил, о чем речь. Лестер доказывал, что можно вернуть леди не ее утраченную магию, а какую-то другую. Лавиния сопротивлялась, то ли не веря ему, то ли не позволяя себе надежду.

— Что такое двойная звезда? — не выдержал он, решив, что некоторое любопытство вполне позволительно, и оборачиваясь от очага.

Оба мага воззрились на него, словно заговорил котелок с водой, потом Лестер улыбнулся:

— Ага, вот и не замутненный догматами ум! Не хмурься, Эйнар, это я в самом лучшем смысле. Двойная звезда, дорогой мой капитан, это прелюбопытнейшая гипотеза — я сказал, гипотеза, миледи, а не ересь! — которая утверждает, что один маг может владеть двумя видами магии. Одним как основным, а вторым — вроде как отблеском. С ней рождаются не все одаренные божественные силой дети, а только часть их. Ну вот как у обычных людей может быть много таланта к ремеслу, а у кого-то еще вдобавок к пению или фехтованию...

— Я понял, — прервал его Эйнар. — И что? Можно ее как-то определить, эту звезду?

— Увидеть, как волшебного зверя Перлюрена, — съязвила леди. — После пятой бутылки. Чтоб вы знали, капитан, способности к магии легко определяются у ребенка лет десяти-двенадцати. Иногда они запаздывают, проявившись позже. Иногда они слишком слабы, чтобы нуждаться в развитии. Но почему тогда никто из проверяющих не видел этот второй отблеск за основным цветом силы?

— Не знали, куда смотреть? — серьезно предположил Лестер. — А еще вернее, что основной цвет затмевает дополнительный, как Солнце — Луну, не позволяя увидеть ее днем. Но Луна все-таки иногда видна и на дневном небосводе.

— Чтобы проверить эту... теорию, — с горечью сказала леди, — нужно много потерявших силу магов. Тех, у кого этот якобы отблеск перестал скрываться за основной магией.

— Именно! — воскликнул Лестер, поднимая бутылку с настойкой жестом победителя. — Маги теряют силу слишком редко и обычно вместе с жизнью. Если процент двойной звезды среди одаренных и так невелик, то среди утеревших силу — еще меньше. Чтобы все условия сошлись, нужно очень редкое стечение обстоятельств! Одаренный, родившийся двойной звездой и утративший первый вид магии!

Он поставил бутылку на стол и подошел к очагу. Эйнар уступил ему место над котелком, а сам подошел к столу. Есть ему не хотелось, но вот выпить горячего было бы кстати. И обязательно дослушать разговор. Как бы отделаться от клятого перстня хоть ненадолго?! Его легко снять, но морок не шутил, угрожая Тильде. Если она забыла все происходящее, то и в самом деле может лишиться рассудка — магу незачем ее жалеть. Думай, капитан, думай...

— Может, Лестер прав? — сказал он магичке, закутанной в одеяло, из-под которого торчали только голова, руки и воротник сорочки. — Если маги с этой двойной звездой существуют, вдруг вам повезет?

— Вы не понимаете, капитан, — вздохнула леди. — Это не гипотеза, а именно ересь, признанная таковой советом магистров лет двадцать тому назад. Магическим даром человека наделяют Благие Семеро, каждый — своим. И нельзя получить два дара, потому что нельзя быть избранным двух богов. Что получится, если Милосердная Сестра велит своему адепту спасти жизнь больного, а Претемная Госпожа — избавить его от мучений?

— Адепту придется думать и решать самому, — ехидно отозвался Лестер от очага. — Конечно, свалить это на богов куда проще. И подумайте вот еще о чем... Представь, капитан, что у твоей дочери — сильный дар боевого мага или некроманта. И слабый — целительницы, скажем. Но развить слабый можно, хоть это и пойдет в ущерб основному. На какой факультет ты ее отдашь, если позволят выбрать?

— Целительский, конечно! — сказал Эйнар не раздумывая и, лишь увидев, как потемнели глаза леди, сообразил, что ляпнул не то.

— То-то и оно, — вздохнул Лестер, поднимаясь и держа котелок, источающий густой запах шамьета. — Мало кто захочет, чтобы его ребенок рисковал жизнью или вызывал у людей страх. Но ведь найдутся и такие отцы, которые запретят мальчику выбрать путь целителя, заставив его стать боевым магом. Куда более мужское дело, верно? А дворянину не совсем прилично возиться с инструментами и колбами, как обычному ремесленнику, пусть он и родился алхимиком или артефактором. И если сейчас у одаренного нет выбора, то двойной звезде очень легко искалечить судьбу, заставив выбрать неправильно. Потом-то переучиваться куда сложнее! Время уходит, тело и разум формируются под силу... Не нужно так смотреть, леди, Эйнар не хотел вас обидеть.

— Я не обиделась, — сообщила леди уже знакомым звенящим голосом. — Но было очень любопытно услышать, что стать боевым магом для женщины мой муж считает... недостойным. — Не совсем так, миледи, — тяжело уронил Эйнар. — Даром вас наделил Пресветлый, и ему плевать, что я об этом думаю. Хотя, если бы меня спросили, я бы сказал, что война — не женское дело. Не потому, что женщины недостойны, а потому что их дело — дарить жизнь, а не отнимать.

— Увы, для первого я непригодна, — сообщила леди тем же звонким, но неуловимо ломким голосом. — Детей у меня не будет. Не должно быть из-за клятого осколка, — исправилась она, глядя на Эйнара в упор. — Так что как именно я потрачу собственную жизнь — никого не касается.

— Капитан... — предостерегающе окликнул его Лестер, и Эйнар кивнул.

— Я помню, — сказал он. — Лестер, оставь нас, прошу.

— Ох... — покачал головой целитель, ставя котелок на пол у очага и выходя из лазарета.

Магичка молчала, глядя как загнанная в угол рысь — только что шерсть не вздыбила. Глаза у нее так и были темнее обычного, а может, это казалось из-за отблесков очага.

— Как вы потратите свою жизнь, миледи, — сказал он, когда дверь за лекарем закрылась, — касается меня. Потому что я ваш муж, нравится вам это или нет. Я еще могу понять насчет магии, которую вы потеряли... Но о том, что вы так серьезно ранены, я должен был узнать раньше. До того, как случилась... почти случилась беда.

— Согласна, — бросила магичка то ли вызывающе, то ли презрительно. — Можете обижаться на его величество, что подсунил вам порченный товар. Одно утешение: детей мы с вами все равно заводите не собирались.

— Да разве я об этом?! — рывкнул Эйнар, не выдержав. — Вы умереть могли! Вы...

И осекся, испугавшись, — так она побледнела, больше не выглядя ни злой, ни обиженной, только бесконечно уставшей.

— Что — я? Продолжайте, капитан. Впрочем, вы же боитесь, да? Боитесь повысить на меня голос, боитесь расстроить, боитесь сделать что-то не так — вдруг я от этого умру? Так, да? Она смотрела на него, отвешивая слова, как хлесткие удары, и они сыпались с побелевших губ горько и безжалостно.

— Хотите знать, почему я молчала? Вот поэтому. Отвратительно, когда на тебя смотрят как на неполноценную, потому что ты утратила магию. Но когда в тебе видят беспомощную калеку на краю смерти — это еще хуже. Мне нельзя беспокоиться, так вам сказал мэтр? О да! Мне нельзя радоваться, мне нельзя бояться, мне нельзя ненавидеть, плакать, любить, рожать детей... Чтобы я не умерла, мне нельзя жить, капитан! И знаете что, да идет оно все к Барготу! Зачем мне такая жизнь? Зачем?!

Он сам не понял, как шагнул к ней. Сел рядом, обнял поверх одеяла, не думая ни о чем, кроме тоски в ее глазах и голосе. Острой и стылой, как осколки льда, режущей душу на куски...

— Лавиния...

Собственный голос показался чужим.

— Я просто должен был знать это, — сказал он, ненавидя себя за то, что ничего не может сделать. — Не для того, чтобы упрекнуть, а чтобы помочь, если нужно.

Хватит уже, помог. Упрекал неизвестно в чем, устроил развеселую жизнь, позволял, чтобы ее обидели... И не вернуться назад, не исправить ничего! Да плевать, пусть она относится к нему так, как он заслужил, но ведь он и теперь не может ее защитить! Даже предупредить, что рядом страшный враг, — и того не может! И еще смеет упрекать ее в молчании? Но ведь и она молчит о войне, которую ведет против предателя, не зная, что Эйнар — ее союзник. Боги, как все сложно и мерзко.

— Простите, — вздохнула она, показавшись в его объятиях совсем тонкой и хрупкой, несмотря на толстое одеяло. — Мне действительно стыдно. Перед вами и перед Лестером... Но я...

Больше всего я ненавижу, когда меня жалеют, понимаете? Можете злиться, кричать — это все я переживу. Но жалость...

— Я не буду вас жалеть, — сказал Эйнар, вдыхая теплый дурманный запах ее волос. — Леди... Лавиния... — ее имя на языке было свежим и нежным, как глоток родниковой воды после долгого пути. — Не лгите мне больше, прошу. Я ваш муж, и, если вам нужна помощь, это мое дело, йотуны вас...

Тихий смехок снова заставил его замолчать. Эйнар почувствовал, что краснеет — чего с ним полжизни не было! Только бы она сейчас не подняла лицо — увидит же.

— Не надо... йотунов, — даваясь смехом, попросила леди. — Это ведь вроде наших демонов, да? Но звучит очень уж неприлично! Вы должны мне о них потом расска-а-зать!

Она не выдержала и рассмеялась; у Эйнара отлегло от сердца. Смех ведь не может повредить, правда? Пусть смеется, пусть даже кричит, лишь бы с ней все было хорошо. А потом, может, найдется средство ей помочь — должно быть!

Сигнальный колокол с башни ударил один раз, привлекая внимание, а потом еще раз — как и следует, если к крепости подъезжает одинокий всадник.

— Кто-то приехал, — пояснил он леди, поспешно отрываясь от нее и вскакивая. — Я пойду... посмотрю... Вы же понимаете!

— Понимаю, — почему-то снова погрузнев, согласилась она. — А потом возвращайтесь пить шамьет. Я как раз оденусь, уже сил нет валяться в постели.

Одеться — это правильно. Может, тогда она перестанет быть такой невозможно, невыносимо близкой, мягкой, беззащитной...

Эйнар вылетел из лазарета, словно там вдруг разбилось осиное гнездо. Пожалел, что бочка с водой далеко — умыться не помешало бы. Ничего, воздух такой, что охладит и без воды.

Ворота нижнего двора раскрылись, впуская одинокого всадника, как и сообщил колокол.

Припозднился кто-то в дороге, перевал вот-вот завалит снегом. Хороший конь... Рослый

черный жеребец чистых фраганских кровей, просто загляденье. И всадник — щеголь. Длинный

темный плащ, не по погоде легкий, широкополая шляпа с пышными белыми перьями, блеснувший на боку эфес. Дворянин. Не королевский курьер, да и не военный, кажется, — мундира из-под плаща не видно... Но повод коня бросил подбежавшему солдату, не сомневаясь, что имеет на это право.

Неизвестный шел через двор, беспечно оглядываясь на ходу, а у Эйнара сердце пропустило удар, потом зачастило, качая кровь, как перед дракой. Размяк, обнимая леди, забыл... дубина невийская! Кто же это — враг? Возможный союзник? Другой игрок в смертельной игре, затеянной мороком?!

Гость шел, сняв шляпу и держа ее в руке, высокий, стройный, с легкой походкой, выдающей то ли умелого танцора, то ли неплохого бойца. Черные кудри рассыпались по плечам, блестя на скупом зимнем солнышке; начищенные сапоги звонко цокали по камням двора подковками. И оглядывался он не просто так, как вдруг понял Эйнар, — искал кого-то взглядом.

— Маркус! — раздался на весь крепостной двор звонкий крик. — Маркус, чтоб тебя!

Щеголь развернулся на голос одним быстрым плавным движением — Эйнар оценил. Пожалуй, все-таки боец. Он закусил губу изнутри, впитывая каждую черточку яркой, словно нарисованной картины. Его леди... его жена! Она стояла на пороге лазарета, еще не одевшись, но закутавшись в одеяло, укрывающее ее с ног до шеи, и на лице было написано такое ясное, отчаянное, искреннее счастье!

«Маркус, значит, — повторил про себя Эйнар. — Вот и встретились».

Щеголь, будто услышав его мысли, бросил в сторону Эйнара холодный цепкий взгляд, заколебался на короткий миг, а потом свернул в сторону лазарета.

— Ло!

Не дойдя до порога каких-то пары шагов, он рассмеялся, разведя руки в стороны, как для объятий, и покачал головой:

— Нет-нет, драгоценная! Я смертельно рад тебя видеть, но что скажет твой муж? В этом одеяле ты слишком прекрасна; пожалей окружающих и смени его на что-нибудь менее... интригующее.

— Маркус, ты мерзавец!

Щеки леди вспыхнули, она посмотрела на Эйнара, так и стоящего в десятке шагов от них, поспешно отступила и захлопнула дверь. Очень вовремя, а то во дворе уже стали появляться зрители.

Сунув шляпу под мышку, гость посмотрел на лазарет и наконец отошел от него, направившись к Эйнару. «Что там говорил морок? Долго визит не продлится? Как бы еще не пришибить этого разряженного хлыща», — подумал Эйнар.

«Или не дать ему пришибить меня, — хмуро поправился он, разглядев на руке гостя, придерживающего ножны с длинной тяжелой шпагой, яркую фиолетовую звезду перстня. — Некромант...»

Глава 31 ГОСТЬ ИЗ СТОЛИЦЫ

Какую она сотворила глупость, Ло поняла, торопливо одеваясь и благодаря богов, что платья у нее удобные, можно натянуть и без горничной. Не ждать же Нэнси или Селину! Неизвестно, что в это время устроят Маркус и ее муж. Чулки, мягкий домашний корсет...

Какая же она дура! Выскочила в одеяле, как неизвестно кто! Еще и окликнула Бастельеро на весь крепостной двор по имени, словно родственника или... Вот именно «или» капитан, можно ручаться, и подумает! Нижняя юбка... Платье... Да что ж ты путаешься, дрянь барготова! Лучше бы ей принесли утром любимые штаны с рубашкой... Ой, нет, не лучше!

Ло едва не застонала, поспешно расправляя юбку и заново скручивая растрепавшиеся волосы в привычный узел. Может, хоть с рубашкой обойдется? Маркус — модник, неужели он второй месяц носит рубашки одного и того же фасона? Хотя кого Ло обманывает: у капитана есть глаза, да и умом он не обижен, когда дает себе труд его применить. И вряд ли Рольфсон забыл имя, которым Ло назвала его ночью. Но ведь он не дурак, он не станет... Не станет же?

Накинув плащ Лестера, она выскочила из лазарета, щурясь от показавшегося ярким солнца, оглядела двор. Рольфсон и Бастельеро не успели уйти в крепость, они так и стояли у входа в главное здание под галереей, вроде бы мирно разговаривая. Слава Благим... Ло сбавила шаг и подплыла к мужчинам, светски улыбаясь. Капитан ответил взглядом хмурым, как дождливое небо здесь, в горах; синие глаза Маркуса весело блеснули, когда некромант ей поклонился. «Какой же он все-таки красивый», — с привычной нежностью отметила Ло, а вслух спросила слегка растерянно:

— Полагаю, вы уже познакомились? Милорд супруг, позвольте представить вам моего доброго друга лорда Бастельеро. Мы вместе учились в Академии Ордена, а потом служили в одном полку. Мэтр Бастельеро — орденский маг-некромант...

— Мэтр-лейтенант, — уточнил Маркус, изящно кивнув — теперь Рольфсону. — Я вернулся на службу.

— На службу? Зачем? — поразилась Ло. — Ты же никогда не собирался...

— О, это долгая история, — махнул Маркус рукой, затянутой в кавалерийскую перчатку, и Ло спохватилась.

— Идемте наверх! Я велю подавать обед в зале, если не возражаете. Думаю, леди Мэрли тоже к нам присоединится.

Как вовремя Лестер успел ей рассказать, что фраганка уже встает с постели! Два гостя за столом, один из которых женщина в тягости, — это почти наверняка не позволит... Ничего не позволит, в общем.

— Разумеется, миледи, — сухо ответил капитан, снова смотря на Бастельеро, который беззаботно улыбался, излучая благовоспитанность и обаяние, как оживший учебник по этикету. Благие Семеро, как же Ло рада была его видеть! И как же он был некстати...

— Селина, — с облегчением окликнула Ло горничную, как раз спустившуюся с галереи. — Покажи милорду комнату, любую из свободных. Пусть в ней затопят, принесут туда багаж его светлости и подадут горячей воды.

— Да, миледи, — сделала фраганка реверанс, ухитрившись кокетливо крутнуть юбкой, и Маркус, заверив, что горячая вода — именно то, о чем он мечтал последние несколько часов, ушел наверх.

— Мэтр Бастельеро, значит? — спокойно повторил капитан, провожая его взглядом, подозрительно напоминающим арбалетный прицел, и Ло мысленно застонала. — Вы, кажется, очень дружны.

Способен ли Кирпич на намеки? Или это Ло видит бешеного волка в каждой тени? Она вздохнула и с таким же старательным спокойствием отозвалась, прекрасно помня все — рубашку, подозрения, ночной разговор:

— Да, капитан, причем с детства. Мы учились вместе и были очень близки, а потом встретились в третьем рейтарском. Когда меня ударили кинжалом, это Маркус меня спас и вытащил в безопасное место. Я должна ему свою жизнь, причем не один раз. И очень вас прошу...

Она запнулась, не зная, как объяснить беспомощную просьбу не ревновать, лишая ее самого близкого человека, и капитан кивнул.

— Я понял, миледи, — бросил он, пропуская ее в дверь. — Не выходите наружу без теплого плаща, ветер в горах злой.

И вот как с ним разговаривать? Ясно ведь, что поступит по-своему! Стиснув зубы, чтобы не сказать ничего лишнего. Ло поднялась к себе и отправила Нэнси спросить, сможет ли ее светлость Мэрли принять леди Ревенгар.

Ее светлость не просто могла, а от души обрадовалась встрече. Несколько минут Ло выслушивала горячие излияния благодарности и чувствовала, как на сердце теплеет. Хотя что-то она сделала не напрасно. Маленький Тимми спал в наскоро сооруженной из ящика колыбели, его щеки розовели здоровым румянцем, да и Аманда выглядела гораздо лучше. Мерзавец Дилан не прогадал с женой, только вряд ли достойно оценил свое счастье.

— Я приглашаю вас спуститься к обеду, дорогая, — вставила Ло в поток щебетанья фраганки. — Мой муж будет рад, притом у нас сегодня гость из столицы. Лорд Бастельеро. Вы, может быть, знакомы?

— Грегор? — слегка испуганно вскинулась фраганка. — Он бывал у нас дома, у него с мужем какие-то дела.

— Нет-нет, Маркус Бастельеро, — успокоила ее Ло. — Кузен Грегора и глава рода. Мой давний знакомый. Уверена, если вы попросите его пока не говорить мужу о вашем пребывании здесь, Маркус отнесется к просьбе с пониманием. Но с другой стороны...

— Я обязательно вернусь в Дорвенну, — кивнула Аманда, вставая из кресла и подходя к колыбели. — Мой сын — наследник Мэрли, я подумать не могу, чтобы лишить его причитающегося по рождению. Но с дражайшим супругом разговор будет иной. Она усмехнулась холодно и очень взросло, мгновенно превратившись из нежного цветочка в нечто куда более опасное, и Ло одобрительно кивнула.

— Я пришлю горничную помочь с платьем и прической, — сказала она, тоже поднимаясь. — Очень рада, что вы выздоровели. Не беспокойтесь, в этом доме вы желанная гостья и можете здесь оставаться сколько угодно.

— Почтенный мэтр Вайс рассказал, чем я обязана вам, миледи, — негромко сказала Аманда, глядя Ло прямо в глаза. — Вы спасли жизнь и мне, и Тимми, и малышке, которую я ношу. Он сказал, что вы не только отогнали серую гниль, но и сняли проклятье. Ах, миледи, я клянусь, у вас никогда не будет более благодарной должницы. И если я чем-нибудь смогу отплатить... Она протянула руки, застенчиво улыбаясь, и Ло осторожно обняла хрупкую маленькую женщину, преподавшую ей такой урок мужества.

— Все будет хорошо, дорогая, — сказала она, желая этого всем сердцем. — Я рада, что нашла такую чудесную подругу.

Собираясь на обед, Ло с удивлением думала, что слова о дружбе, сказанные ею Аманде, впервые в жизни были не просто вежливостью. Ей никогда не везло иметь подруг. До поступления в Академию она была слишком юна и почти не выезжала в свет. А в Академии в первый же год подружилась с Маркусом.

Бастельеро по праву считался самым блестящим юношей нескольких курсов. Знатный, состоятельный, отчаянно красивый и неотразимо милый, он разбивал девичьи сердца еще легче, чем кидал темные заклятия. Девушек не отпугивала даже мрачная слава Избранника Смерти, личного рыцаря Претемной Госпожи и прямого выразителя ее воли. Напротив, это придавало Маркусу еще больше очарования в их глазах. И этот восхитительный объект воздыханий ускользнул от всех, отдав предпочтение несносной страшилке Ревенгар! Бледной как моль, мальчишкоподобной заучке! Боевичке! Фи-и-и-и...

Адепки со всех факультетов искренне возненавидели Ло, что поначалу немало ее развлекало. Возможно, ее бы простили в конце концов, потому что Маркус ухитрился быть галантным со многими девушками, однако на шестом году их учебы в Академии появился Ги, уже взрослый и овеванный потрясающим ореолом происхождения... Появился и, оглядевшись, примкнул третьим к веселой компании Маркуса и Ло, объявив себя еще одним ее рыцарем. Теперь Ло возненавидели смертельно, в прямом смысле. Особенно когда поняли, что войти в этот триумвират не получается больше ни у кого. Ги с удовольствием оказывал девушкам мимолетные знаки внимания, даже осчастливил кого-то из старшекурсниц ночными визитами, но потом неизменно ускользал, отправляясь проводить время в компании друзей.

Когда Маркус снял с ее вещей очередное заклятие с воздействием, уже далеко не относящимся к детским шалостям, Ло поняла, что в покое ее не оставят. «Оставят», — ослепительно улыбнулся Бастельеро и пообещал Академии, что отныне вся дрянь, насланная на боевичку Ревенгар, вернется прямиком к пославшему ее. Он лично этим займется. Еще две непонятливые девушки оказались в лазарете, но остальные поняли всё верно, и до конца учебы Ло была избавлена от прелестей женской так называемой дружбы.

Ги уехал домой за три года до выпуска Ло и Маркуса. И остался для нее еще одним близким человеком, не настолько, как Бастельеро, но кем-то вроде искренне любимого дальнего родственника. Наверное, только в юности так быстро, тесно и горячо сходишься с людьми... Однако присутствие Маркуса и Ги в ее жизни обернулось для Ло тем, что подруг у нее так и не появилось. Тогда она не жалела об этом. Но если у них с Амандой получится подружиться...

— А еще Молли велела передать, чтобы миледи не беспокоилась, — трещала Нэнси, подавая ей другое платье взамен измятого торопливым одеванием в лазарете. — Стол накроют как положено, Селина умеет. И еды сержант Мерри в городе на прошлой неделе заказал хорошей. Вот, теперь миледи — красавица! А для бедненькой фраганской леди Селина вчера одно из ваших платьев подогнала, как знала, что вы распорядитесь! То, что темно-голубое с опушкой. В

груди-то расставить пришлось, да и в талии... Ну так понятно! Мужчины зерно сеют, а женщины потом как на опаре пухнут, — хихикнула болтливая девчонка, и Ло улыбнулась. Отослав Нэнси помочь Аманде, она спустилась вниз и проверила накрытый стол. Два прибора для хозяев, два — гостям, еще два — Тибо и Лестеру. Последний — для Тильды? Что ж, нельзя вечно держать падчерицу вдали от общества, пусть она и не умеет себя в этом обществе вести. — Как там гость? — спросила она Селину, раскладывающую салфетки.

Салфетки, Благие Семеро! И в вазе посреди стола — несколько веточек с яркими листьями, собранных в изящный букет! А зал аккуратно убран, нигде нет пыли, и стекла начисто вымыты. Ло напонила себе, что бесценной фраганской девице следует выплатить премию, а заодно узнать о нуждах остальной прислуги, как положено хорошей хозяйке дома.

— Всем доволен, миледи, — сделала реверанс Селина. — Его светлости подали горячую воду и таз для умывания, а рубашку, которую он сменил, я после обеда постираю. Чистый шелк и лансийское кружево... — протянула она то ли с женским восхищением, то ли с профессиональным. — И как пошита! То есть вы-то знаете... Простите, миледи, я имела в виду, что у вас один портной!

О да, еще бы умелая швея не поняла, что рубашка Маркуса и та, что носит Ло, сшиты не просто одним портным, но и для одного человека. Ло мрачно покосилась на прикусившую бойкий язычок фраганку. Та усердно наводила на столе последний лоск, поправляя ленточки, украшающие букет. Нахалка! Но остальные будут думать то же самое, и хорошо если про себя. Разве что Аманда не поймет, в чем дело... Что ж, пережила ведь Ло обеда с ярлом Рагнарсоном? Лишь бы Маркус не вздумал что-нибудь устроить! Кажется, это будет очень длинный обед! А ведь она еще не успела и несколькими словами обменяться с другом, чтобы узнать, надолго ли он приехал. И, главное, для чего? Должно было случиться что-то из ряда вон выходящее, чтобы Маркус примчался из столицы, рискуя так открыто скомпрометировать Ло. Неужели узнал что-то о предателе?!

* * *

Предупреждение морока пришлось очень кстати, но даже с ним Эйнару хватило обменяться с гостем парой слов, чтобы от души пожелать ему убраться куда подальше. Про себя, само собой. Хотя йотунов некромант глядел так остро и насмешливо, будто видел его мысли насквозь. И при этом был учтив настолько, что это выглядело почти издевкой. Ни тени высокомерия, ни одного надменного словечка... А Эйнар все равно чувствовал себя так, словно это ему, а не первому попавшемуся солдату лорд Бастельеро, мэтр-лейтенант и орденский маг, швырнул повод коня, не удостоив даже приказом почистить и поставить в конюшню — и так ведь понятно, что нужно сделать.

Учились вместе, значит? По всему тогда выходило, что некромант — ровесник леди, но если Лавиния иногда выглядела гораздо старше своих двадцати шести, то Бастельеро Эйнар был столько не дал. Черные кудри без единого седого волоска, ярко-синие глаза, светлая кожа, даже не обветренная... Мальчишка, да и только. И руки холеные, как у знатной женщины, словно лорд в жизни не держал ничего тяжелее ножа и ложки. Или своих некромантских штучек. Некромантов, кстати, Эйнар за свою жизнь видел всего несколько раз, и все они были мужчинами в приличных летах, солидными и даже мрачными. Оно и понятно — служители Смерти! Бастельеро не походил на них ничем.

«Он и на солдата не слишком смахивает, — мрачно напомнил себе Эйнар. — Но за спиной у этого щеголя три года войны, причем не в штабе. Кстати, получается, что баллады врут? В Руденхольмском ущелье было не двенадцать магов, раз еще кто-то, кроме леди, уцелел?» Об этом он и спросил лорда, стоило тому, освежившись после дороги, пройти в зал, где Нэнси с Селиной уже накрыли стол.

— Баллады! — презрительно фыркнул Бастельеро, вставая у окна и с интересом глядя в него на крепостную стену. — Разве можно им верить? Нет, не врут, просто в Руденхольме было двенадцать боевых магов, а еще целители, двое стихийников и даже артефактор. Кому-то же нужно было чинить наше снаряжение, лечить раненых и убирать гроззовые облака, которые так лихо слали ведьмаки. Но все они были в лагере далеко от горлышка ущелья, так что почти никто не погиб.

— А некроманты? — поинтересовался Эйнар, гадая, что интересного можно разглядеть на пустой стене, слева упирающейся в восточную башню, тоже пустую и неприглядную.

— Только я, — спокойно отозвался лорд, поворачиваясь к нему. — Если вам скажут, что война — подходящее место для некроманта, не верьте. Мы как раз очень не любим насильственные смерти. Слишком хорошо их чувствуем. Так что служить в армии могут позволить себе или самые опытные, или самые сильные, способные закрыть разум от всего, что происходит рядом. Спрашивать, к сильным или опытным причисляет себя гость, Эйнар не стал, потому что в зал вошли его жена и фраганка, сегодня впервые вставшая с постели. Юная леди Мэрли была из тех женщин, которых материнство красит, потому что она несла довольно полное тело с мягким величием, глядя на мир светло-голубыми глазами, полными теплого сияния. Рядом с ней магичка, такая же светловолосая и светлоглазая, выглядела тонкой как тростинка. И, хвала всем богам, была в платье.

— Аманда, дорогая, — обратилась его жена к леди Мэрли, — позволь представить тебе моего мужа. Вы уже встречались, но тогда обстоятельства не слишком благоприятствовали знакомству. А это лорд Маркус Бастельеро, наш гость из столицы. Милорды — леди Аманда Мэрли.

Фраганка, улыбаясь, присела в реверансе. Некромант приложил руку к груди и отвесил поклон, а выпрямившись, промурлыкал что-то о несравненной красоте фраганских женщин. Эйнар тоже поклонился, стараясь, чтоб это не выглядело слишком неуклюже. Утбурды побрали бы все эти церемонии! Кажется, даже с ярлом за столом было проще.

Насколько он был прав, Эйнар понял, как только все заняли свои места. Последней за Лестером и Тибо в зал проскользнула Тильда, на удивление снова нарядная, в том же зеленом платье, уже слишком прохладном даже под накидкой. И что ей вздумалось так разодеться?

Пока горничные разливали суп из потрошков, фраганка щебетала как птичка, расспрашивая леди о жизни в крепости. Магичка отвечала, тоже улыбаясь, но иногда косилась в сторону гостя, а потом на Эйнара, и улыбка ее становилась все бледнее.

— Надеюсь, у меня тоже будет возможность насладиться здешними видами, — безмятежно сообщил некромант, разрезая узким и тупым, на взгляд Эйнара, серебряным ножом кусок жареной ягнятины.

Ножи эти лежали у каждой тарелки, а вилок оказалось целых три. Зачем — непонятно...

— О, так вы приехали надолго? — восхитилась фраганка, и Эйнар наострил уши.

— Боюсь, что нет, — ответил некромант ясной улыбкой. — Я в небольшом отпуске и привез леди Ревенгар письма от ее сестры и наших общих друзей. Кстати, с вашей прекрасной родины, миледи.

— Вы были во Фрагане? — округлила Аманда глаза. — Давно? Ах, как я скучаю по ней...

— Фрагана? — удивленно подняла брови магичка. — Каким ветром?

— Почти случайным, — рассмеялся Бастельеро, с лица которого Эйнару все сильнее хотелось стереть развязную улыбку. — Меня позвали в гости ради небольшой консультации фраганскому лейб-некроманту. Магические дела, слишком скучные для ваших прелестных ушек, дорогие дамы. Ах, Фрагана великолепна!

Магичка на «дорогих дам» фыркнула — совсем как Бастельеро незадолго до этого, — и Эйнар подумал, что у них это выходит одинаково, как у давних друзей или...

Да, обманывать себя глупо. Такие должны нравиться женщинам — вот и Аманда Мэрли порозовела щечками, слушая, как лорд воспекает фраганские красоты... Но неужели Стальной Подснежник клонула на смазливую мордашку и сладкие речи?

«Они служили вместе, — зло напомнил себе Эйнар. — Когда утром не знаешь, будешь ли вечером жив, хочется поймать любой кусочек счастья, отпущенный судьбой. И она звала его в кошмарах... Значит, он был рядом во время ее слабости и страха. Ты сам сказал, что не будешь ревновать к тем, кто был раньше».

Но голос разума помогал так себе. И напоминание о приказе морока тоже. Эйнар окинул взглядом сидящих за столом. Тибо безмятежно уплетал ягнятину и поданные к ней тушеные овощи, Лестер от него не отставал. Тильда... Его дочь смотрела на лорда как на живое воплощение всех Семи Благих — горя глазами, раскрыв рот и не замечая, что соус капает с вилки на скатерть рядом с тарелкой. Эйнара неприятно кольнуло паршивым предчувствием. Этого только не хватало! Тиль, конечно, еще слишком молода, но придумать себе девичью глупую мечту может. Леди Мэрли цвела как ландыш, вспоминая с лордом каких-то фраганцев, а магичка... Жена Эйнара смотрела на Бастельеро, не пряча взгляд, полный мягкой нежности.

Что-то в этом было неправильное, неестественное... Зачем он вообще приехал — вот о чем следует думать! Любовник, навещающий бывшую возлюбленную в новом доме, — это слишком даже для дворян! Или не слишком? Но даже если у них там в столице такие нравы, то к чему предупреждение морока? Может, клятый маг просто хочет, чтобы Бастельеро благополучно убрался назад, так и не поняв, что в крепости происходит неладное? Орденский маг в полной силе может стать бесценным союзником... Эйнар наступил бы на горло собственной гордости, чтоб избавиться от морока, но как попросить о помощи? И не сделает ли он только хуже?

В висках уже стучало от напряжения, он совсем расхотел есть, хотя еда была хороша, а от сидящей рядом магички, казалось, веяло теплом — так она смотрела на гостя. Какого утбурда он явился?! Письма привез?! Для этого существует почта, никому в голову не придет отправляться в такой путь самому. Или он привез что-то еще? Разом вспомнился проклятый хелайзиль...

— Кстати, наконец-то я раздобыл лошадь, не боящуюся порталов, — небрежно сообщил некромант, меняя вилку на другую ради поданных на отдельном блюде ломтиков сыра. — Этот городок Донвен — жуткая дыра, зато в него можно поставить портал, а там уж до вашей крепости рукой подать. Еще бы местные так меня не пугались...

— В Донвене нет некромантов, — пояснил Тибо. — Вы им в новинку, милорд. Ну, как бродячий цирк, только страшнее.

Лорд поперхнулся глотком вина, прокашлялся и с восторгом глянул на Тибо, пробормотав что-то про дивное сравнение.

— Так ты порталом? — радостно спросила леди.

Бастельеро улыбнулся, кивнув, а у Эйнара на сердце снова тревожно заскребли горные кошки. Действительно, что это он? Зачем магу тратить время на долгую дорогу, если можно налегке прыгнуть в городок поблизости, а потом проехать сюда на лошади, своей или наемной. Хоть каждую неделю навещай прежнюю любовь, если уверен, что растяпа-муж вам не помешает. И это не чужой Лавинии вольфгардский ярл, перед которым она устояла, храня супружескую верность. Видно же, как она глядит на Бастельеро, как улыбается его шуткам и слушает жадно, будто он рассказывает невесте что важное, а не похождения какого-то Ги. Ну и имечко... Будто ему волки хвост отгрызли.

— И вот представьте, — ухитрился Бастельеро говорить и есть одновременно, — Ги заключил пари с итлийским послом, что ночью за три часа раздобудет ящик карвейна, не потратив ни монетки, не взяв в долг и не использовав свое имя. Итлиеца, конечно, подозревал подвох, но не такой! Ги велел самому юному из своих приятелей гвардейцев надеть женское платье и отправил его отвлекать конюха, а сам в это время свел из конюшни королевского жеребца. Белого иноходца с темной звездочкой во лбу, известного всей столице! Остатками карвейна они развели сапожную ваксу, чтоб не так воняла и была пожиже, а потом быстренько выкрасили жеребца в прекрасный черный цвет. И Ги лично доехал на нем до ближайшего к дворцу трактира, где хозяин, не узнав его, сменил красавца коня на — ящик карвейна!

— Негодя-яй... — восхищенно протянула леди. — Нисколько не изменился! А что же король? Эйнару тоже было интересно, что велел сделать король Фраганы с паршивцем, так посмеявшимся над его честью и безопасностью дворца.

— Король, когда утром узнал, смеялся больше всех. Жеребца, конечно, пришлось вернуть, его даже отмыли... Но его величество снова изволил интересоваться, не желает ли Ги вместо очередных проказ подумать о делах семейных.

— Так он до сих пор не женился? — разнеженно, словно нализовавшаяся сметаны кошка, поинтересовалась леди.

— Пока нет. Утверждает, что еще не встретил женщину, способную затмить тебя в его воспоминаниях, — усмехнулся некромант, — а без этого женитьба не имеет особого смысла. Впрочем, его нынешняя фаворитка — невозможная прелесть. Девушка-бретер, вообрази себе! Но с тобой, конечно, ее не сравнить, драгоценная.

— Ох, так вы с ним знакомы, миледи? — в голосе Аманды слышалось благоговение. — Сир Гилберт — самый блестящий кавалер Фраганы...

Она еще что-то лепетала, а Эйнар едва сдерживал душенный гнев, давящий изнутри. Проклятье, он молчал весь клятый обед, утбурды его сожри. Ни словом, ни взглядом не оскорбил гостя!

Вытерпел и йотуново одеяло, и то, как светлые глаза магички блестят, будто лед на солнце, а

губы тянутся в улыбке, которой он за столько дней ни разу не видел... Но можно хотя бы не обсуждать при нем их прошлое?! Какого-то общего приятеля, того еще развратника, судя по всему, каких-то девок... Не разговаривать с его женой, словно она даже не свободная женщина, а собственность наглого щеголя, считающего, что магический дар позволяет ему все!

Предупреждения морока? Плевать... Если гость забыл честь и стыд, хозяину дозволено указать ему на дверь. Вежливо, йотуны его дер!

— Милорд, если вам не нравится эта вилка, просто возьмите другую, — негромко попросила леди, повернувшись к нему, и Эйнар понял, что серебряная штучка с тремя зубцами только что согнулась в его пальцах.

— Прошу прощения, — процедил он, бросив несчастную безделушку на скатерть. — Сам не заметил...

Как в тумане мелькнуло сочувственное лицо Тибо и непроницаемо-настороженное — Лестера. Тильда все так же влюбленно смотрела в рот некроманту, почти забывая есть... Леди отвела взгляд от Эйнара, но и на гостя не посмотрела, уставившись в тарелку, и за столом на несколько мгновений повисла предгрозовая тишина, тяжелая и вязкая, как смола.

— Ваша кухарка превыше всяких похвал, милорд, — тягучим созревшим медом разлился по залу ненавистный уже Эйнару голос. — Боюсь, я так старательно отдал должное ее искусству, что перед шамьетом хотелось бы прогуляться. Не соблаговолите ли показать мне какой-нибудь из прекрасных видов вашей крепости?

Смысл насмешливо закрученных слов дошел до разума Эйнара не сразу. А потом он увидел, как тревожно расширяются глаза Лестера, и почти почувствовал, как каменеют плечи застывшей изваянием магички. Холодный спокойный взгляд синих глаз над любезно улыбающимися губами столичного гостя окончательно все расставил по местам.

— Виды? — тяжело уточнил Эйнар, поднимаясь. — С удовольствием... милорд. Конечно, покажу.

— Маркус... — процедила леди, и если чего-то Эйнару не хватало, чтобы окончательно взбеситься, то именно этого.

Пытаясь прекратить ссору, она окликнула не мужа, а любовника!

— Мы скоро вернемся, — пообещал клятый некромант, по-прежнему улыбаясь. — Вы даже не успеете соскучиться!

И первым вышел, легко подставляя спину, обтянутую бархатным камзолом такого густого фиолетового цвета, что он казался почти черным. Что ж, в спину Эйнар бить точно не собирался. Но стереть насмешливую бесстыжую ухмылку...

— Вот здесь, кажется, вид просто восхитительный, — сообщил некромант, останавливаясь между парой окон, где можно было разглядеть разве что щелястый деревянный пол и уже закоптившийся после приезда ярла держатель для факела на стене напротив. — Капитан, прежде чем вы попытаетесь набить мне физиономию, а я вас остановлю безопасным, но неприятным для вашей гордости способом, может быть, поговорим?

— Уверены? — угрюмо спросил Эйнар, немного приходя в себя. — Что остановите?

— К сожалению, да, — серьезно сказал Бастельеро, мгновенно стирая с лица улыбку. — Бить себя я позволяю только заслуженно, а перед вами ни в чем не виноват. Полагаю, вы считаете иначе?

— Какого йотуна! — рвано выдохнул Эйнар. — Скажете, между вами ничего не было?!

— Того, о чем вы думаете, точно нет, — с каким-то застывшим лицом ответил Бастельеро, приваливаясь спиной к стене.

— И поэтому она шепчет ночами ваше имя?

— Если она шепчет мое имя, значит, ее мучают дурные сны, и надо вызвать целителя, — напряженно, но все так же спокойно сообщил Бастельеро. — Я три года был ее главным лекарством от них. Не сходите с ума, капитан. Она ни в чем перед вами не виновата.

— Я этого и не говорил, — ответил Эйнар, с трудом сдерживая кипящую внутри лаву. — Но какого утбурда вы явились к чужой жене, милорд? Если она вам дорога, так женились бы на ней сами! Вам-то что мешало?

«И в какую игру вы здесь все играете, проклятые богами маги? — хотелось добавить ему. — Почему просто не можете оставить ее в покое? Раненую, измученную, стоящую на грани между жизнью и смертью. Что вам еще от нее нужно, йотуна вам в глотку и утбурда в задницу?!»

— Мне? — поразился Бастельеро. — Так она... Барготово дерьмо, узнаю свою Ло. Она вам ничего не сказала? Ну разумеется...

— Не сказала чего?

Некромант еще сильнее прижался плечами к стене, запрокинув голову, а потом с горькой обреченностью рассмеялся, заставив Эйнара онеметь от изумления.

— Благие боги, — сказал он негромко, — я-то думаю, что вы кипите, как котел алхимика, при одном взгляде на меня? А вы... Капитан, я не ее любовник. И никогда им не был. Да, я веду себя с ней вольно, как и она со мной. Может быть, излишне вольно. И рассказать вам могут про нас что угодно, однако... Мы никогда не были любовниками.

— И я должен поверить? — с удивляющей его самой спокойной насмешкой уточнил Эйнар. — Не тому, что вижу собственными глазами, а вашим словам? Рубашку вы ей, полагаю, подарили на память о нежной дружбе?

— Вы болван, Рольфсон! — выдохнул Бастельеро, словно поменявшись с ним рвущейся наружу яростью. — Что вы видите собственными глазами? Я не был любовником Ло Ревенгар, потому что вообще никогда не был любовником ни одной женщины. Не был и не буду! Благие боги, вы же вроде вольфгардец, о них такое рассказывают... И я должен вам объяснять подобные вещи?! — Я неvieц! — рявкнул Эйнар, а потом понял, что услышал, и, не веря ушам, проговорил: — Так вы...

— Да! — бросил некромант, отводя взгляд куда-то на стену. — Я предпочитаю мужчин. Довольны? И не вздумайте даже предположить, что это уловка! По-вашему, я бы стал так позориться перед человеком, которого вижу впервые в жизни? Я от вас тоже не в восторге, знаете ли. Но изображаю учтивость ради Ло. Претемной клянусь, я женился бы на ней, будь весь мир против! Да что бы могло мне помешать? Мне, лорду Бастельеро, Избраннику Претемной Госпожи! По-вашему, я отдал ее неизвестно кому просто так?! Я делал ей предложение! Она могла стать моей женой, избежать брака с вами, а потом я дал бы ей развод по первой просьбе. Она отказалась...

— Так... — помолчав, сказал Эйнар, приходя в себя. — Но зачем? Какого йотуна вам от нее нужно? Все эти годы... В Академии, в армии...

— Вы все-таки болван, — с тоскливым отчаянием сообщил некромант. — В вашу голову вообще помещается мысль, что можно не хотеть женщину, но любить ее? Как друга, как сестру... Мы дружим с двенадцати лет, капитан. Я был уверен, что, повзрослев, мы поженимся, но потом понял про себя... Ло — единственная, кто знала обо мне всё и не оттолкнула. Все эти годы в Академии, понимаете? Она знала и ни разу не посмеялась, не обидела и не осудила. Когда я сходил с ума, выворачиваясь наизнанку от любви к якобы лучшему другу, только она спасла меня. Она самый чистый и честный человек, которого я знаю. А что касается армии... Как, интересно, я мог оставить ее там одну? Вы что, не представляете себе, что такое рейтарский полк? Ну понятно, силой ее бы никто не взял, разве что какой самоубийца, но на нее же смотрели как на добычу все, от последнего прыщавого лейтенантика до полковника. Они уже ставки делали, кто успеет первым!

— И вы пошли в армию, чтобы защитить леди? — с мрачным недоверием спросил Эйнар, чувствуя себя и вправду болваном.

— Я пошел в армию, чтобы служить своему королю и стране, — огрызнулся некромант. — Но ради Ло я устроился именно в ее полк. Притом... вы представляете, что было бы, узнай кто-то... о моих вкусах? Это Дорвенант, капитан, здесь одного подозрения в подобном достаточно для дуэли насмерть. А мне вдобавок так повезло с внешностью. Конечно, мало кто станет задирать некроманта, но достаточно грязного слуха или глупой шутки... Не убивать же какого-нибудь идиота за случайно угаданную правду? Пусть лучше думают, что Бастельеро не шляется по борделям с остальными офицерами, потому что у него ревнивая подруга-магичка.

Он перевел дыхание и продолжил, торопливо и отчаянно, словно даже рад был выговориться: — Я подписал контракт и попал в третий рейтарский в день ее первого боя. Она спустила на отряд вольфгардцев «огненный ветер», а потом в лагере напилась, как только может напиться перепуганная девчонка. Эти сволочи уже почти начали ее делить! Знаете, чего мне стоило не глянуть ни на кого из них, как я умею? Мои проклятия даже доказать невозможно. Но я просто забрал ее в палатку, и каждый человек в этом барготовом полку поверил, что мы любовники. И уж тем более они поверили, что я прокляну любого, кто посягнет на мою женщину. Три года, капитан! Никто не прикрывает боевиков лучше, чем некроманты, мы идеальны в защите, как

они — в нападении, и у Ло была лучшая защита в армии Дорвенанта, потому что лучше меня нет. Я оставил ее на три дня по прямому приказу полковника! На несчастные три дня и под защитой двух опытных боевых магов. Но этого хватило, чтобы она едва не погибла... Так что к Барготу вашу ревность. Она три года засыпала у меня на плече, чтобы не проснуться от кошмаров. Я покупал ей женские штучки и сладости, я знаю, какое белье ей нужно и в какие дни месяца ей хочется убивать и плакать, если понимаете... И если бы я мог быть мужчиной хотя бы с одной-единственной женщиной за всю мою жизнь, я бы не пожелал никого, кроме нее.

Некромант замолчал, вжавшись спиной в стену, бледный до синевы, только губы и глаза на белом лице — яркие. Несколько ударов сердца Эйнар молчал, потом с мрачной неловкостью выдал:

— Я понял. Простите.

— Ничего, — вымученно усмехнулся Бастельеро, ничем не напоминая беззаботного улыбчивого щеголя, недавно вышедшего из-за стола. — Я даже не буду просить вас молчать, потому что, если кому-нибудь расскажете... Мои проклятия неснимаемы и недоказуемы, просто запомните это. И вот что, капитан... Вам придется смириться с тем, что у Ло есть я. Считайте меня ее братом, которому очень дорога его единственная сестра. Вы кажетесь неплохим человеком, и Ло вам улыбается, но мне тоже есть о чем вас спросить. Например, какого Баргота на ней недавние следы от кучи медицинских заклятий? Есть и другие вопросы, но этот первый в очереди.

— Узнайте у нее сами, — сказал Эйнар, оглянувшись на дверь зала. — Все равно будете говорить наедине. И больше никогда не смейте мне угрожать, милорд. Будь вы избранником хоть всех богов разом. О таких вещах я молчу не из страха. Это не мое дело, кто с кем делит постель, пока никто лишний не лезет в мою.

— Может, мы и поладим, — хмыкнул Бастельеро, а потом слегка поклонился Эйнару как равному. — Пора возвращаться в зал, капитан, не будем заставлять Ло волноваться.

Глава 32

ПОДАРКИ И ПОТЕРИ

Наверное, все Семеро Благих оторвались от дел, услышав молчаливую молитву Ло, потому что капитан и Маркус вернулись в зал так, словно ничего не произошло. Разве что некромант был бледнее обычного, но, возможно, Ло это показалось. Умница Аманда, сообразившая, что происходит что-то странное, заговорила о новой моде на мужские жилеты из узорчатого атласа, Маркус поддержал со знанием дела, потом подали шамьет, и обед наконец благополучно закончился.

— Я привез, что ты просила, драгоценная, — небрежно сообщил Маркус, когда из зала вышли все, кроме Ло и капитана. — Но сначала — письма и подарки.

И, повернувшись к Рольфсону, предложил:

— Может быть, поднимемся наверх? Я ценю ваше позволение поговорить с Ло наедине и тем более не хотел бы им злоупотреблять.

Капитан кивнул. С момента возвращения в зал он почти не разговаривал, отделяясь краткими ответами, если к нему обращались напрямую, и Ло это очень не нравилось. Казалось, что сдержанное напряжение висело между ее мужем и почти братом прямо в воздухе, как темное облако. И рассеять его Ло не могла, даже не представляла как.

В комнате, которую ему отвели, Бастельеро расстегнул дорожную сумку, небрежно брошенную на кровать, и подал Ло нежно-розовый конверт, от которого поплыл запах цветов, пояснив:

— От леди Мелиссы.

Ло торопливо надорвала тонкий край, стараясь не задеть листок внутри. Достала его и жадно вчиталась в легкие, словно летящие строки, написанные изящным почерком со множеством завитушек. Пожелания здоровья и семейного благополучия, сдержанный рассказ, как благоволил к Мелиссе ее величество... Ло сама не знала, чего ждала, но тем более сильным было разочарование. Такое письмо могла бы написать любая из ее светских знакомых.

Безупречно изысканное, словно списанное из руководства по этикету, и столь же совершенно

безликое, чужое... Нет же, девочка, должно быть, просто пишет, как ее учили! Мелисса всегда была старательной ученицей и безупречно воспитанной леди, а должность фрейлины наверняка отточила в ней понятие об этикете до совершенства. Вот здесь, когда она говорит об ухаживающем за ней графе Дортмундере, в холоде интонаций прорезается живое чувство. Граф прислал ей новый сборник стихов со своими комментариями, он так тонко чувствует поэзию! И на балу по случаю Зимнего Солнцестояния Мелисса обещала ему целых три танца, что этикет позволяет незамужней девушке отдать чужому мужчине...

— Кажется, Мелли счастлива, — сказала Ло, только сейчас поняв, какая страшная пропасть разделила ее с самым близким человеком.

Благие боги, ведь они оказались на самом деле чужими друг другу. Конечно, Ло писала сестре, когда выдавалась свободная минута, и получала ответные письма, дорогие самим своим существованием весточки из дома... Но за эти три года сестра выросла, стремительно и безнадежно превратившись в благовоспитанную и совершенно чужую Ло девуцу. А когда теперь выдастся случай познакомиться с ней заново? Вспомнить их былую близость, разговоры, нежность... Еще через три года?

— Это от Братца Ги, — подал ей Маркус второй конверт, пахнувший не духами, а — самую малость — карвейном.

Перед тем как его распечатать, Ло глянула на Рольфсона. Капитан стоял у стены, скрестив руки на груди, и лицо его было непроницаемо, полностью оправдывая прозвище. Надорвав конверт, Ло вытащила письмо, мельком глянула, что оно написано по-дорвенантски, и решительно протянула Рольфсону, пояснив:

— Прочтите первым. Ги не мог написать ничего такого, чего я должна была бы стыдиться. Что-то дрогнуло в серо-зеленой глубине бесстрастного взгляда, капитан покачал головой:

— Я не читаю чужих писем, миледи. И полагаюсь на вашу честность. Вы уверены, что я нужен вам здесь?

— Я уверен, — сообщил Бастельеро. — Потому что Братец Ги прислал свадебные подарки вам обоим. Вы же не заставите меня гоняться за вами по всей крепости, чтобы их вручить? Кстати, здесь водятся странные звери; один, смахивающий на кота, но раза в три крупнее, уже обшипел меня в коридоре. Это что, карликовая рысь?

— Это Мяус, — рассеянно сказала Ло, читая письмо и невольно улыбаясь: из строк этого письма, как живой, говорил ее старый друг. — Если у местных котов есть свой сержант, то именно он. Маркус, так ты действительно ездил во Фрагану по делу? Ги пишет, что ты ему очень помог...

— Меньше, чем хотелось бы, — вздохнул Бастельеро, додавая из сумки большую плоскую коробку, обтянутую бархатом. — А вот и подарок, драгоценная.

Отложив письмо с поздравлениями, Ло потянулась за коробкой, откинула крышку и ахнула. Темно-красное сияние, густое, как старое вино, ударило в глаза, наполнившись светом от очага и лампы и умножив его многократно. Начищенная золотая оправа окаймляла то, что на первый взгляд показалось каплями крови, но не обычной, а полной внутреннего огня.

— Боги... — прошептала Ло непослушными губами, не в силах оторвать взгляд от содержимого коробки. — Что это...

В гнездах из черного бархата золотыми змеями нежились ожерелье и диадема с огромными рубинами старинной огранки, под ними сверкали роскошные серьги, а по бокам играли пойманными лучиками света парные браслеты с теми же великолепными, тщательно подобранными по размеру и цвету камнями.

— Это же...

Ло, тысячу раз видевшая эти украшения на семейных портретах, первый раз смотрела на них вживую, и на глаза ее сами собой наворачивались слезы. Конечно, только от слепящего блеска камней!

— Рубины Ревенгаров, — спокойно, даже обыденно подтвердил Бастельеро. — Если не ошибаюсь, знаменитый гарнитур из приданого принцессы Береники. Видите ли, капитан, пару сотен лет назад принцесса Дорвенанта вышла замуж за тогдашнего лорда Ревенгара — очень романтическая история, поверьте. Некоторое время назад гарнитур был утрачен.

— Утрачен? — горько усмехнулась Ло. — Говори уж прямо, Маркус. Мой отец, упокой его Претемная, проиграл рубины в карты еще до моего рождения. Точнее, не именно их, но такую сумму, расплатиться за которую смог лишь последней фамильной ценностью. В семье остались

только два обручальных перстня, сделанных в пару. Те, которыми венчали моих отца и мать, а потом нас с капитаном...

Рольфсон шагнул ближе, глянул в коробку, и Ло услышала прорезавшееся в его голосе изумление:

— Ваш отец... лишил вас такой вещи? Просто... проиграл?!

Ло молча кивнула. А потом добавила, краснея за то, в чем не была виновата, но ведь поступки отцов — пятно на чести детей:

— Я не думала, что увижу его снова. Гарнитур был продан по частям, я никогда не смогла бы его выкупить... даже найти! Маркус, Братец Ги сошел с ума! Где он его взял?!

— Полагаю, как раз нашел и выкупил, — пожал плечами Бастельеро. — Не сразу, конечно, а за несколько лет. Когда я приехал, не хватало только серег. Точнее, ювелир Ги отыскиал оправу, но камни были утрачены, и Ги велел вставить другие. Так что в серьгах камни новые, но это совсем не заметно.

— Я не могу его принять! — решительно сказала Ло, закрывая коробку — и в комнате словно разом стало темнее. — Это невозможно. Ги должен понять, подарок такой ценности... Немыслимо!

— То есть я должен сказать Братцу Ги, что он зря столько лет мечтал тебя порадовать? — поднял бровь некромант. — Ло, не глупи, ты прекрасно знаешь, что уж он может себе это позволить. Ги счастлив, что ты вышла замуж, он только сожалеет, что не мог приехать на свадьбу, но приглашает вас с мужем в гости. Да ты сама всё читала! И хочешь так его обидеть? Капитан, ради Благих, скажите хоть вы ей! Это подарок от всего сердца, Ги просто вернул в семью то, что ей принадлежало и было утеряно одним не в меру азартным болваном! Прости, Ло.

— Я так и не понял, чей он брат, этот Ги? — хмуро признался капитан. — Ваш, миледи, или лорда Бастельеро?

Ло прижала ладони к горячим щекам и нервно рассмеялась, а потом выдавила:

— Простите. Кажется, мы невольно ввели вас в заблуждение... Братец — это прозвище, под которым Ги известен во всей Фрагане, да и в других странах. Но вы могли его не знать, конечно. Гилберт, которого мы зовем Ги, — брат не мне и не Маркусу. Он старший брат его высочества Флорентина, наследного принца Фраганы. Незаконнорожденный старший сын короля Флоримона.

— И вы так близко знакомы? — в голосе Рольфсона слышалось недоверчивое удивление.

Ло кивнула, снова откидывая крышку — рубины вспыхнули радостно, словно обрадовавшись ей.

— Гилберт три года учился в Академии, — пояснил Маркус. — У него очень поздно прорезался дар стихийника, почти к восемнадцати годам. И довольно слабый, но все-таки нуждающийся в развитии. Его величество Флоримон попросил Орден, чтобы сына научили пользоваться даром, и Ги занимался с личными преподавателями, а свободное время проводил с остальными адептами. Все, конечно, знали, кто он такой, но в Академии сословные различия стираются. Мы сдружились, хотя он на три года старше меня и на четыре — Ло. С ним было весело, мы помогали ему с учебой, а он... думаю, он видел в нас кого-то вроде младших кузенов, которым с удовольствием покровительствовал. Если бы не война, мы бы встретились с ним гораздо раньше.

— Я оставлю гарнитур, потому что не могу обидеть Ги, — вздохнула Ло. — К тому же Мелисса сможет носить рубины, когда...

— Когда ты будешь давать их ей, — подсказал Бастельеро. — Ло, не глупи и не вздумай подарить гарнитур сестре. Ты старшая в роду, если вдруг забыла, это будущая собственность твоих детей. И вернули ее именно тебе. Подумай о себе, а не только о Мелиссе. Ну вот, капитан, а это — ваше!

Вторую коробку он протянул Рольфсону, взявшему ее не без опаски, и пояснил:

— Ги просил передать, что ничего не знает о ваших вкусах, но есть безошибочный подарок для любого мужчины, тем более офицера. В Дорвенанте вы таких не купите, это работа личной механической мастерской королевской семьи Фраганы. И знак особого расположения.

Капитан открыл коробку и некоторое время смотрел в нее. Недоверие и опаска на его лице медленно сменились сдержанным восхищением, и Ло вытянула шею, изнемогая от любопытства.

— Да что там у вас? — не выдержала она.

Рольфсон достал из коробки самый красивый пистолет, который ей приходилось видеть. Длинное двоянное дуло, украшенное тонкой гравировкой по металлу, изогнутые двойные курки, массивная казенная часть и рукоять с накладными щечками красного дерева, тоже с резьбой и инкрустацией...

— Четыре заряда, — прокомментировал Бастельеро. — Можно стрелять по одному, можно сразу парой, а потом механизм подает еще две пули. Два пистолета — восемь выстрелов без перезарядки. Бьет на сорок люардов, кучность — залюбуешься.

Положив коробку на кровать, Рольфсон достал из нее близнец первого пистолета и прикинул в руке, замороженно любуясь.

— Я не думаю, что имею право... — проговорил он медленно, отводя наконец взгляд от оружия, которое держал, и поднимая его на Ло.

— А вы и не думайте, — улыбнулась она. — Берите не сомневаясь. Гилберт — это не наш гость с лисьим хвостом, за его подарки можно не отдариваться. Как жаль, что он принц не по рождению, а только по сердцу.

Бастельеро фыркнул и невинно заверил в ответ на вопросительный взгляд капитана:

— Нет-нет, что вы, я никоим образом не пытаюсь намекнуть, насколько вы сейчас похожи с моей дорогой Ло в скромности, но...

— Маркус! — Ло поняла, что все-таки покраснела. — Прекрати! Капитан, не обращайтесь внимания, к шуткам лорда Бастельеро просто нужно привыкнуть.

Ах, если бы она все-таки знала, что случилось между ними в ту четверть часа, на которую они вышли вместе? И ведь не признаются, причем оба! Мужчины...

— Если позволите, я вас оставлю, — сказал Рольфсон, едва заметно смягчившись лицом, словно какая-то мысль перестала грызть его изнутри. — Вам есть о чем поговорить. Миледи, позаботьтесь, чтобы наш гость чувствовал себя как дома.

Он снова посмотрел на пистолеты и бережно положил их в коробку, пояснив:

— Заберу потом.

А потом вышел, провожаемый очень пристальным и задумчивым взглядом Маркуса.

— У тебя презабавный муж, драгоценная, — сообщил некромант, когда дверь за капитаном плотно закрылась. — Как вы уживаетесь?

— С трудом, — хмуро сообщила Ло. — Кстати, не хочешь сказать, о чем вы говорили?

— О сущих пустяках, — беззаботно отозвался Бастельеро, снимая камзол, потому что в комнате становилось откровенно жарко. — Но, кажется, договорились, что для вашей семейной жизни я опасен не больше, чем какой-нибудь надоедливый братец, любящий совать длинный нос в дела сестры. А теперь, драгоценная, скажи, какого Баргота с тобой случилось? Ты сама на себя не похожа, похудела и побледнела сильнее, чем после госпиталя, и мужа зовешь по чину, а не по имени.

— Долго рассказывать, — вздохнула Ло, но под взглядом Маркуса сдалась.

Следующие полчаса она честно и подробно рассказывала о дурных снах, странном исчезновении Артура Бейласа и не менее странных следах, оставленных им, о визите вольфгардского ярла и метке Волчицы, которая помогла спастись от серой гнили, а на закуску — о недавнем случае с волкодавами. Говорить о вражде с Тильдой Ло, разумеется, не стала: не хватало еще жаловаться на девчонку, которая к тому же попросила прощения. Маркус слушал внимательно, как из знакомых Ло умел только он, словно в мире не было ничего более важного, чем собеседник. И она без тени сомнения знала, что теперь все будет хорошо. Он здесь, он примчался, почувствовав, что с ней творится неладное. И как прекрасно, что ей не нужно выбирать между ним и мужем, потому что...

Потому что она не хочет выбирать, поняла Ло. Если раньше ей было плевать, что подумает, скажет или сделает капитан Рольфсон, то с недавних пор она приняла необходимость учитывать его мнение. Более того, оно стало ей важно. Если бы еще капитан открывался ей не только в минуты опасности!

— Я чувствую, что между Артуром и предателем существует связь, но доказать и даже объяснить не могу, — закончила Ло. — Я даже не уверена, что лже-Артур — это СС, но и других объяснений у меня нет. Маркус, я в полной растерянности. Пожалуйста, скажи, что тебе удалось что-то узнать!

— Я привез список, драгоценная, — сказал некромант, доставая лист плотной бумаги из внутреннего кармана камзола. — Как ни странно, он довольно короток. Всего двенадцать имен, а если нам нужны только те, кто надолго покидал Дорвенну, еще меньше. Например, Сигрэйн Сэвендиш — почтенный стихийник девяноста лет от роду, живущий в столице в окружении внуков и правнуков. Явно не наш лже-Артур. Сайрус Сомерсет — молод, но недавно женился и тоже все время на виду.

— Ты прав, — вздохнула Ло, — я об этом просто не подумала. Есть перо?

Взяв поданное некромантом зачарованное бесчернильное перо, она вычеркнула оба имени. Потом, по подсказкам Бастельеро, еще три, обладатели которых были вне подозрений...

— А Саттерклифа ты зачем написал? — удивилась она, наткнувшись на хорошо знакомую фамилию. — Ах, Саймон... Но тем более! Он же погиб!

— А ты не говорила, что тебе нужны только живые, — резонно отметил некромант, полностью подтверждая мнение, что маги фиолетовой гильдии не видят особой разницы между разными состояниями человеческой души. — Я внес в список всех магов с нужными инициалами за последние сто лет. Кстати, нам повезло: архивариус Ордена сказал, что одно время давать ребенку имя на ту же букву, что и фамилия, считалось плохой приметой, так что на это решались очень немногие родители...

— Вообще-то Саймон Саттерклиф вполне подошел бы по возрасту, — вздохнула Ло. — И погиб как раз в это время... Да простит меня магистр Антуан за подобную глупую подозрительность. Но он ведь был не боевик. Разумник, кажется... Что-то у него было со здоровьем, он учился дома, верно? Я его почти не знала: тихий скромный юноша, даже странно, как он оказался поблизости от военных действий. Так, а вот Сэлли Сворн — это кто?

— Девушка из зеленых, в столице не живет, — сообщил Маркус. — Про мужчин и женщин ты тоже ничего не говорила, драгоценная. Хм... я не думаю, что целительница могла достоверно изображать мужчину-боевика, — вычеркивай, пожалуй. Сколько осталось?

— Шесть, — задумчиво посчитала Ло, все время возвращаясь взглядом к одной и той же строчке. — Маркус, у меня странное чувство... Хорошо, пусть мне будет стыдно, но если только предположить, что... Да нет, глупость. Разумник не мог пользоваться боевой магией. Даже слабенькой — просто не мог. Но у СС был такой маленький резерв — поневоле задумаешься о всяких глупостях вроде двойной звезды. Или обмена телами... Но зачем Артуру это было нужно? И куда он отправился вместо крепости?

— Видимо, туда, где ждали его компаньона по этой интриге? — предположил Маркус. — Я искал его братьев, но они год назад уехали в Итлию, оказывается. Не повезло... Но знаешь, я бы скорее поставил на покойника, чем на кого-то из тех, кто живет в окружении хорошо знающих его людей. А умер примерно в этот период только один человек. Тот самый, у отца которого как раз была возможность добраться до ключа к Руденхольму.

Ло снова глянула на третью строчку в списке, облизнула вдруг пересохшие губы и прошептала:

— Маркус, ради Благих, ты понимаешь, о чем говоришь? Чтобы Глава Ордена... Он не мог! Баргот побери, Саттерклиф — воплощение честности, его репутация вне подозрений, как и положено великому магистру. Ты с ума сошел! — сорвалась она на вскрик.

Бастельеро молча пожал плечами, и это нежелание настоять на своем говорило больше, чем любые попытки доказать правоту.

— Хорошо, допустим... Только допустим, что это был Саймон...

Ло сплела пальцы, глядя на предательский листок, так мирно лежащий у нее на коленях.

— Допустим, они с Артуром зачем-то поменялись... Молодой Саттерклиф приехал в крепость. Бред, зачем разумнику выдавать себя за боевика? Он не сможет этого делать!

— Ну так Артур вроде и не блистал на этом поприще? — уточнил Бастельеро. — Судя по тому, что ты говоришь, магом он был слабеньким, а у Бейласа резерва хватало.

— Хорошо, допустим, — угрюмо согласилась Ло. — Бейлас заменил его. Где и зачем — вот вопрос!

В мысли ей упрямо лез мягкий вкрадчивый голос с гортанным вольфгардским выговором. «То ли боевик, то ли некромант... Когда парня начали резать на ремни, он заорал про выкуп. За него, мол, дадут очень много».

— Маркус, если даже так, великий магистр ничего не знал, — упрямо сказала она. — Зачем бы он стал выкупать такой страшной ценой не своего сына, а Артура? И зачем потом бы мстил за его смерть? Лже-Артур исчез из крепости два года назад! Хочешь сказать, все это время Антуан

Саттерклиф принимал настоящего Артура за своего сына? Он же разумник! Его не обманешь сменой внешности!

— В этой мозаике определенно не хватает нескольких кусочков, — согласился Маркус. — И тебе нужно быть очень осторожной. Ло, а твой муж знает?

Она покачала головой, протягивая Маркусу листок с именами обратно.

— Нет. Он честный человек, надежный, но... Я не хочу впутывать его во все это. Такие тайны могут стоить жизни, а у него дочь.

— Если предатель доберется до тебя в крепости, капитан и так провалится в это все по уши, — заметил Маркус. — И лучше бы ему знать, с какой стороны может прийти гроза.

— Нет, — с удивляющим ее саму упрямством повторила Ло. — Я не должна его впутывать. Да и что я могу ему рассказать? Смутные подозрения, никаких доказательств, магические тайны... Это дело Ордена, Маркус. Наше дело, хоть я больше и не маг. И, кстати, драгоценный... У меня к тебе очень важная просьба! Тебя ведь не затруднит сделать для меня кое-что крайне нужное? Бастельеро изогнул бровь, показывая заинтересованность, и Ло предвкушающе ему улыбнулась...

* * *

На второй этаж Эйнар вернулся примерно через час. День близился к закату, пора было подумать об ужине, и, хотя он не сомневался, что Молли и без указаний миледи не оставит никого голодным, на сердце драли всё те же кошки. Он ждал морока, даже нарочно несколько раз оказывался в местах, где им никто не мог бы помешать, но проклятый маг будто под землю провалился. То ли у него сейчас были другие дела, то ли, что вернее, он притаился невидимкой за плечом Эйнара, смотря и слушая через перстень. От этого было особенно мерзко вспоминать признание некроманта, которое Эйнару пришлось выслушать. Получалось, что он невольно позволил мороку узнать чужую тайну, постыдную и опасную. Еще одна причина уничтожить тварь, если бы даже не было других.

И так же нестерпимо неприятно было понимать, что морок видит через него леди Лавинию. Слушает ее разговоры с Эйнаром и Бастельеро, строит какие-то планы... Все равно что чужого человека в супружескую постель самому уложить. Или даже не человека, а тварь вроде утбурда, разумную, но бездушную.

Время выбора приближалось, а Эйнар еще ничего не успел придумать. Все упиралось в несколько минут свободы, необходимой, чтобы попросить помощи. Но у кого? Бастельеро искренне любит его жену, если пошел ради нее на такое унижение, рассказав незнакомцу свою тайну. Он маг в полной силе, да еще и некромант. Но именно такое счастливое стечение обстоятельств не давало Эйнару поверить, что все так просто. Слишком уж кстати! Что, если все, рассказанное некромантом, ложь? Или он тоже связан, как Эйнар, заклятием? И вообще, не стоит забывать, что леди ударили не просто ножом, а кинжалом некроманта! Кто там был единственным некромантом в Руденхольме?

В общем, Маркуса Бастельеро Эйнар оставил на последний, самый безнадежный миг, если будет совсем нечего терять. Или если он убедится, что некромант с ним совершенно честен. А пока нужно изображать перед мороком все того же Кирпича, хоть и нехотя, но покорного его воле. Что взять с невийской дубины? То-то и оно.

Так что наверх он поднялся, чтобы продолжить играть в радушного хозяина, который понял, что ревновать к гостю незачем, а значит, надо принять названного брата жены как подобает.

Хотя бы выпить предложить, раз девицы его не интересуют. Обе горничные, между прочим, на красавчика-лорда заглядываются... Но это полбеды; куда больше беспокоила Эйнара Тильда. Вот не вовремя его дочь вспомнила, что она расцветающая девочка... Одно хорошо: скоро все решится, так или иначе, гость уберется в столицу, и Тильда его больше никогда не увидит. Или хотя бы очень долго. Лишь бы все обошлось!

Подойдя к двери, он учтиво постучал, почти не прислушиваясь к спорящим о чем-то голосам. Выглядеть ревнивым болваном больше не хотелось даже в собственных глазах, так что Эйнар запретил себе думать о фраганском принце-бастарде, который дарит его жене такое...

Невообразимое, одним словом. Если даже... Хватит рвать себе душу, капитан. Фраганец далеко, с ним леди точно больше не увидится, а отобрать у нее прошлое ты все равно не сможешь. Она, кстати, о твоей жене слова худого не сказала, разве что в первую ссору, да и то мишенью был ты, а не память Мари. Так что хватит... Сам знаешь, что подарить ты ей сможешь не рубины, а разве что золотое колечко или цепочку — как раз на капитанское жалованье,

исправно копящееся в королевском банке. У нее пряжки на туфельках, наверное, больше стоят...

За дверью все так же спорили, словно не слыша стука, потом, вместо разрешения войти, дверь попросту распахнулась сама по себе. Магия... Эйнар, невольно нахмурясь, переступил порог. — Ло, ради Баргота! Ну как я это сделаю? Драгоценная, ты же знаешь, для тебя — что угодно, но как? Что я, Чумным Взором туда посмотрю? Или прокляну твой колодец? Сомневаюсь, что ты именно этого хочешь! — возмущался некромант, расхаживая по комнате.

Эйнара он поприветствовал кивком, а потом щелкнул пальцами — и дверь за капитаном так же сама собой закрылась.

— Вот! — торжествующе сообщила леди, покрасневшись щеками и блестя глазами. — Вот сейчас ты ведь смог! Без всяких проклятий!

— Ло... — закатил глаза Бастельеро, одергивая кружевные манжеты на — Эйнар стиснул зубы, чтобы не сказать чего лишнего, — знакомой до последнего шва рубашке.

Приметной такой, с жестким пышным кружевом на манжетах, шелково блестящей...

— Ло... — повторил некромант терпеливо. — Ну хочешь, я тебе этого Кастельмаро за шиворот приволоку? Он у меня до самого донышка выложится, но работу сделает. Посмеялись же боги над их семьей, отдав дар не умнице Рэйвену, а самому бестолковому из братьев!

— Да я ему полковой сортир поставить не доверю, — фыркнула леди. — Маркус, что ты упираешься? Я все рассчитала до последней завитушки! От тебя просто нужен удар силой.

Чистой силой, понимаешь! Долбанешь по клятой каменюке под нужным углом — и вода вернется! Я здесь озверю без купальни не то что за три года, а через три недели! Капитан... Она повернулась к Эйнару, слегка смутившись. Порозовевшая, словно ожившая, изумительно красивая. И только что невольно напомнившая случайно сорвавшимися с языка словами, что просто ждет окончания трех лет...

— Я хочу, чтобы Маркус помог починить колодец, — объяснила она, к счастью, не оправдываясь, и Эйнар смог сделать вид, что ничего не заметил или не понял. — Все расчеты готовы, там только нужно ударить по вектору. И ты это можешь! — снова повернулась она к стоящему у окна Бастельеро. — Помнишь, как ты раздолбал оранжерею? Мы еще тогда свалили на Мортэйна, и все поверили, потому что у меня в тот день резерва не было. Интересно, кстати, где он сейчас? Остался в армии?

— Ло... — что-то в лице некроманта неуловимо поменялось, и Эйнар насторожился. — Я думал, ты знаешь. Мортэйн погиб.

— Что?

Светлые глаза распахнулись, на миг став немыслимо огромными, и сразу же леди зажмурилась и потрясла головой, а потом снова открыла глаза, выдохнув:

— Нет... я не знала. Где, когда?

— Три месяца назад, на границе с Дильмахом. В разведке. Напоролась на отряд с ведьмаками. Мортэйн вытащил напарника-некроманта, совсем еще мальчишку, отправил порталом в безопасное место, а сам...

— Боги... — леди приложила ладони к щекам, тут же отняла их, улыбнулась так беспомощно и беззащитно, что Эйнара едва не качнуло к ней — так захотелось встать рядом, сказать что-то, исправить или хотя бы коснуться белокурых мягких волос... — Он же всегда терпеть не мог некромантов. Портит тебе жизнь столько лет в Академии, да и мне заодно. Бесчувственный наглый грубиян, сущее наказание для преподавателей — так о нем все думали... Ох, Дилан... Как жаль...

— Мне тоже, — вздохнул Бастельеро. — Я был уверен, что Мортэйн из тех, кого любит удача. Мы, конечно, не ладили, но чести в нем было куда больше, чем у многих дворян. Жаль... Не расстраивайся, драгоценная! Колодец так колодец, я сделаю все, что пожелаешь. Ло...

— Ничего, — вздохнула леди, улыбаясь все той же застывшей улыбкой. — Я понимаю, это война. О ком-то другом я просто еще не знаю, а сколько их никогда не вернется. Ничего... Капитан?

— Мне жаль, миледи, — сказал Эйнар. — Ваш... знакомый?

Он не назвал погибшего другом, помня, что только что услышал.

— Враг, — бледно улыбаясь, ответила магичка. — Из тех давних врагов, что становятся ближе иных друзей. Глупая детская вражда, которая могла бы стать взрослой дружбой, но не успела... Будь она проклята, эта война, и все, кто захочет развязать ее снова. Я так устала терять.

Глава 33 ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Посмотреть, как приезжий лорд-некромант будет чинить колодец, высыпал весь гарнизон, и Эйнар вспомнил ехидную шуточку Тибо, сравнившего Бастельеро с бродячим цирком. Верный помощник и друг, конечно, тоже был здесь, как и Малкольм. И Лестер, которому уступили место в первых рядах, и женщины... Гость всеобщим вниманием не смущался, он и леди негромко обсуждали что-то над самой откинутой крышкой колодца. Магичка держала лист бумаги и что-то втолковывала некроманту, а тот слушал, иногда переспрашивая. Эйнару рядом с ними делать было нечего, так что он встал у крыльца, время от времени оглядывая двор, а рядом пристроилась Тильда, только по приказу накинувшая теплый плащ — а то ведь так и собиралась бегать везде в летнем шелковом платье. На Бастельеро она смотрела, как несколькими годами раньше — на коробки с ярмарочными гостинцами: с восторгом и чуть ли не облизываясь.

— Эйнар, а ты уверен, что хуже не будет? — жизнерадостно спросил, подойдя, Тибо. — Может, конечно, его светлость колодец и починит, а вот что потом оттуда полезет? Хотя... вот завалит нас снегом по самую крышу, как в прошлом году, будем даже умертвию рады, если оно станет воду носить.

— Прикуси язык, — посоветовал Эйнар, не сводя глаз с леди, сегодня снова раскрасневшейся и очень довольной — возиться с волшебством, пусть и через кого-то, шло ей на пользу. — Разберутся как-нибудь, на то и маги. А если что-нибудь полезет... само виновато.

— Что, кулаки чешутся? — проницательно хмыкнул Тибо, как всегда угадав его настроение. — О, началось.

Магичка отступила на несколько шагов, отойдя под галерею, а гость принялся стягивать роскошный камзол, не вчерашний, а новый, такого же темного цвета, но с вишневым отливом и широким золотым шитьем по обшлагам, воротнику и отворотам. Камзол, подбежав, принял расторопный Винсент и умчался к товарищам, страшно гордый такой честью — Эйнар про себя усмехнулся. Будет потом вечерами рассказов, пока и вправду не договорятся, что из колодца лезли умертвил.

А Бастельеро тем временем остался на пронизывающем зимнем ветру в одной шелковой рубашке и замшевых штанах, заправленных в высокие сапоги, и Эйнар мог только держать лицо каменным, когда гарнизон разглядывал клятую рубаху, белоснежную, с накрахмаленными кружевными манжетами и воротником, знакомую всем до последнего стежка; только некроманту, в отличие от леди, она была точнехонько впору.

— Красавчик, — беспощадно ухмыльнулся Тибо. — Девочки утром чуть не передрались, кто его светлости воду для умывания понесет. Но камзол зря снял — еще продует. Ветра у нас злые, дураков любят...

Некромант, словно расслышав его шепот, оглянулся, сверкнув глазами, но тут же снова повернулся к колодцу. Эйнар вспомнил объяснения леди про плиту, перекрывающую доступ к воде. Насколько он понял, магичка упростила гостя просто двинуть по плите магической силой, вроде как пнуть ее в нужную сторону. Этого должно было хватить, как она уверяла.

Бастельеро встряхнул длинными холеными кистями рук, и гарнизон затаил дыхание. Даже Тибо притих, а у Эйнара холодок пробежал по спине. Видит ли морок, что происходит? Не зря он предупреждал, чтобы Эйнар не вздумал предупредить гостя, — значит, опасается некроманта! А тот плавно поднял вытянутые руки перед собой ладонями вниз, замер, словно изваяние, а потом резко опустил их — будто толкнул. Мгновение ничего не происходило, потом земля дрогнула, истошно заржали лошади в конюшне, а в вольере басовито залаяли волкодавы. Тибо восхищенно и очень заковыристо помянул барготову мать...

— Есть! — звонко и радостно воскликнула леди, просветлев лицом, а ведь до этого была напряженная, будто натянутая тетива. — Маркус, отходи!

Некромант, словно не расслышав, шагнул к колодцу, с любопытством глянул в него и тут же отшатнулся — из круглого каменного зева послышалось тяжелое урчание.

— Отходи! — снова крикнула леди с беспокойством в голосе, и тут уже Бастельеро послушался.

Он опоздал на несколько мгновений, не больше. Уже сделал шаг, по-прежнему с жадным любопытством глядя на колодец, потом второй... Урчание стало громче, послышался хлопок, будто выбило огромную пробку из бочки с брагой... Что-то черное взметнулось над колодцем — гарнизон разом ахнул! Заголосила Молли, кто-то ругнулся, а черное поднялось, расправило крылья... и обернулось фонтаном черной жидкой грязи, обрушившейся на колодец и не успевшего далеко отойти некроманта.

— Маркус... — простонала леди. — Балбес...

Грязь хлестала вверх потоком, в ней попадались мелкие камешки, градом посыпавшиеся на двор, и некромант отпрыгнул, а потом и вовсе отбежал, но поздно. Черная жижа залила его с ног до головы, стекая по щегольским кудрям, превратила белую рубашку в тряпку, пропитанную грязью, мгновенно обволокла и штаны, и сапоги. Лицо Бастельеро кое-как успел прикрыть руками, но, когда убрал их, оказалось, что и туда добралась щедрая грязевая оплеуха, так что перемазанный ею некромант спас разве что глаза.

— Мать барготову через тридцать три пня с колдобинами да пушечным шомполом... — ругался он, пытаясь стереть грязь с лица, но только сильнее размазывая ее. — И самого Баргота всеми его приспешниками по тринадцать раз... Ло, какого демона!

— Я же говорила тебе отойти! — крикнула леди, давась смехом. — Маркус, прости, но что же ты-ы-ы-ы...

Не выдержав, она расхохоталась. У стены, где стояли солдаты, послышались осторожные смешки, хихикнула какая-то девица... Прыснула стоящая рядом Тильда... Некромант огляделся по сторонам, и даже сквозь слой грязи было видно, что физиономия у него гордо-обиженная, как у взятого за шкуру Мяуса, — а потом махнул рукой и сам заржал, как жеребец, под нарастающий хохот гарнизона. Грязевой фонтан все выше бил в небо, стремительно светлея и превращаясь сначала в темно-серую, а потом просто в серую струю воды пополам с землей.

Уже весь двор был в потеках грязи, но солдаты счастливо орали, понимая, что этой зимой им не придется таскать воду из-под самого склона, да и вообще не придется больше. Визжали девицы, на которых летели брызги, а Бастельеро снова шагнул под самую струю, падающую уже прозрачным водяным облаком и, ловя воду ладонями, щедро плескал ее в лицо и на голову.

— Веселый парень, — не без уважения сказал Тибо. — Прямо жалко бить, если что вдруг.

— Да вроде и не надо, — буркнул Эйнар. — Мы поговорили.

— Ну если поговорили — тогда конечно... — протянул сержант. — А это еще что?

Чистая толстая струя, постепенно опадающая обратно в колодец, вдруг замутилась, плюнула снова темным, грязная вода окатила снова ругнувшегося в барготову мать некроманта, словно его можно было испачкать сильнее, и выбросила на двор что-то непонятное, круглое.

Бастельеро, увернувшийся от очередного плевка колодца, поднял эту штуку, покрутил в руках и длинно присвистнул, а потом, уже не обращая внимания, что при каждом шаге с него течет вода, подошел к леди.

Эйнар, чуя неладное, поспешил туда. Магичка, взяв находку, тоже повертела ее в руках, а потом язвительно сообщила:

— Действительно, и на что я рассчитывала, когда просила помочь некроманта? Маркус, ты можешь хоть когда-нибудь обойтись без покойников? Я понимаю, любишь ты свою работу, но надо же меру знать!

— Я-то при чем, Подснежник? — обиженно изумился некромант, выжимая из длинных волос воду пополам с грязью.

Текло с него так, что, на взгляд Эйнара, выжимать следовало всего некроманта. А ведь и правда, не простудился бы. Облиться родниковой водичкой на таком холоде и не продрогнуть — это надо быть северянином, а дорвенантцы и летом мерзнут, как известно.

— Еще скажи, что он сам тебя нашел, — фыркнула леди и повернулась к Эйнару. — Капитан, что у вас тут за трупы в колодце? Один так уж точно.

Эйнар забрал у нее человеческий череп, вычищенный водой добела, как видно было теперь, когда с него смылась грязь, присмотрелся. Крепкий еще, в руках не разваливается.

— Дайте, — бесцеремонно забрал у него находку некромант.

Держа череп в одной руке, он провел второй ладонью над его лбом, парой легких быстрых движений коснулся висков черепа, потом еще раз его лба и затылка. Прикрыл глаза и через несколько вдохов снова открыл их, сообщив:

— Мужчина немного старше двадцати лет. Убит примерно пару лет назад. То ли нож, то ли стрела... Что-то острое, в общем. И не похоронен, как должно, разумеется. Так что в твоих словах, что он сам меня нашел, не так уж много шуток, драгоценная. Мог и найти. Капитан, у вас призраки здесь не шалят?

— Шалят! — выкрикнул кто-то из солдат — некроманта, затаив дыхание, слушали все, постепенно подбিরаясь ближе.

— Меньше спать надо на карауле, — бросил в ту сторону Эйнар. — Тогда и призраков не увидите. Милорд, вы это всё по одному черепу поняли? А кто он такой, узнать можете?

— Теоретически могу... — протянул Бастельеро, продолжая вглядываться в череп. — Там вроде и другие кости выкинуло, велите их собрать. Потом беднягу в любом случае придется похоронить. А не кажется ли тебе, драгоценная, что это наш с тобой старый приятель Артур? С чего бы еще он пропал? А так все сходится и по времени, и по возрасту.

— Ты сможешь, Маркус? — с надеждой спросила леди, вглядываясь в череп с такой радостью, словно ей принесли в подарок невесту какую ценностью.

— Я? — поразился некромант. — Вызвать неупокоенный дух, которому всего-то пара лет, имея целый череп? Драгоценная, за что ты меня так оскорбляешь? Разумеется, могу! Да я бы и без черепа мог, между прочим, как и собирался. Капитан, вы позволите провести ритуал?

И снова по спине Эйнара просыпалось ледяное крошево предчувствия. Очень уж все гладко складывается, словно кто-то ведет их всех по заранее выверенной дороге от метки к метке. Ему даже понятно кто.

— А что вам нужно? — спросил он, невольно оглядывая двор — не мелькнет ли где-нибудь темная тень. — Жертва?

— Непременно! Возьму в жертву пару ведер теплой воды, стакан горячего вина и какой-нибудь пирожок, — весело сообщил Бастельеро. — Капитан, вы наслушались сказок о темных мастерах, приносящих в жертву девственниц и младенцев? Поверьте, в нашей работе хорошая кухарка гораздо полезнее девственницы. Нужно просторное безлюдное место и ваше разрешение, больше ничего. Но сначала мне надо переодеться! Дует у вас в горах, как у Баргота в... глотке, — покосился он на с восторгом внимающую Тильду и проглотил явно другое словечко.

— Хочешь, я тебе рубашку верну? И даже штаны одолжить могу...

Леди совсем по-девчоночьи хихикнула, а Эйнар окончательно успокоился насчет этих двоих — ну правда ведь, шуточки у них точно как у брата и сестры.

— Благодарю, обойдусь, — так же ехидно отозвался Бастельеро. — Рубашек у меня на смену еще дюжина, и штаны найдутся. Вот камзол было бы жаль. А где здесь можно помыться? Хорошо бы чем-нибудь теплым...

Он так страдальчески покосился на бьющую вверх и тут же опадающую в колодец воду, что даже у Тибо не хватило ехидства пошутить насчет мытья в ней.

— Ой, ваша светлость, позвольте, я вам помогу! — подскочила Нэнси, затараторив: — Идемте, здесь купальня рядом, а я вам водички горячей принесу и одежду чистую. Уж мы вам все так благодарны, так благодарны! Это ж какое счастье теперь с купальней будет! Катиша, что стоишь, беги ставь воду на плиту, а то одного котла не хватит! Идемте, милорд...

Победно поглядывая на остальных девиц, она увела некроманта, так и ушедшего вместе с черепом, а леди подошла к Эйнару, счастливо улыбаясь.

— Ну вот, — сказала она с торжеством. — Теперь солдатам не придется носить воду. Жаль, здесь нет бездаря Кастельмаро, но я попрошу Маркуса навестить его и ткнуть носом в мои расчеты, как щенка — в сделанную лужу.

— Благодарю, миледи, — сказал Эйнар, любясь ее преобразившимся счастливым лицом. — Это и вправду важно для крепости. Вы отличный маг.

— Нет, маг — это Маркус, — покачала она головой. — Или Лестер... А я... вроде прицела у арбалета. Не болт, не пружина... Но тоже полезная деталь, надеюсь. Кстати, вы собираетесь забирать свои пистолеты? Я бы хоть посмотрела их в пристрелке.

— Непременно, — пообещал Эйнар. — Можем испробовать вместе. Простите, я отойду ненадолго.

Его будто потянуло неприятное давящее чувство в пальце. Морок дернул за поводок. Эйнар едва удержался, чтоб не выругаться и ни лицом, ни взглядом не выдать ничего. Да что ему нужно, твари проклятой?! Люди кругом, не появится же он посреди двора? Может, и хочет именно этого — чтобы Эйнар ушел куда подальше?

Он угадал. Стоило свернуть в проход к конюшням, подальше от разгоряченных представлением зрителей, жжение в пальце ослабло. А ведь раньше этого не было. То ли связь становится сильнее со временем, то ли маг близко.

За спиной что-то шевельнулось. Эйнар рывком обернулся и с бессильной злостью увидел пустые глаза подходящей к нему Тильды.

— Ну вот, капитан, — сообщил маг, завладевший ее сознанием, — все идет прекрасно. Боги посылают попутный ветер только в поднятый парус, как говорят итлийцы. А у северян есть похожая поговорка?

— Есть, — мрачно сказал Эйнар. — Нет ветра — садись на весла. Что вам теперь нужно? Могли бы не трогать Тильду.

— Не мог бы, — отозвался морок и соизволил объяснить: — Слишком хорошее чутье здесь у некоторых... А в чужом теле меня гораздо труднее различить. Наша маленькая пьеса близится к концу, капитан. Сегодня ночью мы сыграем последний акт. Вы даже не представляете, какому великому делу призваны послужить.

Эйнар и вправду этого не представлял, но хорошо помнил, что говорил ему еще Рольф, рассказывая о деяниях ярлов и королей древности. Большие дела стоят большой крови.

— Что вам нужно? — устало повторил он. — Говорите и убирайтесь из разума моей дочери.

— Разрешите Бастельеро провести ритуал в восточной башне, — велел морок из Тильды. —

Это очень удачно, что он нашел череп, я на такое даже не рассчитывал. Еще одно подтверждение, что удача любит не смелых, а умных... Пусть готовит ритуал, но скажите, чтобы проводил его ночью. Меньше будет любопытных. Вряд ли он воспротивится, полночь — самое время для такого. А сами...

Морок говорил, давая четкие, продуманные приказы, и Эйнар с бессилием попавшего в капкан зверя понимал, что клятый маг предусмотрел действительно все. И даже отгрызть лапу и уйти не выйдет — его держит не собственная боль и кровь, а накрепко привязанная к поганому ублюдку Тильда. Но и сделать то, что от него требуют, невозможно. Эйнар мог бы сам шагнуть под нож, зная, что точно умрет. Но отдать этому бездушному утбурду леди... Его Лавинию!

— А некромант? — угрюмо спросил он. — Что с ним?

— Не ваша забота, капитан. Он вам не помешает.

Морок усмехнулся гаденькой ухмылкой, зеленые глаза Тильды блеснули вдруг красными огоньками в зрачках, как у зверя, а Эйнар напрягся. Не помешает — не сможет? Или не помешает, потому что все-таки с тварью заодно? Верить в это не хотелось до отвращения, Маркус Бастельеро Эйнару приглянулся. Не высокомерный, как другая знать, способный посмеяться над собой и знающий, когда следует наступить на свою гордость ради чужой, некромант вполне мог бы стать ему если не другом, то хотя бы хорошим гостем. И он был дорог леди. Неужели она не видела в Маркусе скрытой гнили?

— Вы слишком много думаете, капитан, — с отчетливой угрозой прозвучал голосок его дочери. — Ваше дело — выполнять приказы. Помните, еще немного — все кончится, и вы от меня освободитесь.

Эйнар вспомнил старую сказку, что рассказывал Рольф, объясняя, как важно правильно выбирать слова.

«Поймал как-то йотун путника, схватил за ногу и держит над пропастью. „Отпусти меня, — попросил путник, — меня дома ждут жена и дети. А я тебе отдам все, что имею. Прошу, отпусти!“ Подумал йотун — и отпустил. Да только путник, летя ко дну пропасти, этому не обрадовался».

— Точно освобожусь? — переспросил он, держа маску тупого служаки и холодно ненавидя тварь в облике своей дочери.

— Обещаю, — кивнула морок-Тильда. — Идите и делайте, что сказано.

Пройдя мимо дочери, Эйнар вышел во двор крепости. Вода в колодце уже успокоилась, над краем больше не поднимались брызги. Вот и хорошо, вымыло всю гниль... Двое солдат под присмотром Тибо собрали кости, выброшенные струей, и сложили их на кусок полотна. Правда,

что ли, Артур? Жаль мальчишку, если так. Тихий был, спокойный, какой-то вечно боязливый, совсем не похожий на боевого мага...

Эйнар прошел в крепость, поднялся на второй этаж и постучал в комнату гостя.

— Прощу! — откликнулся некромант.

Он как раз переодевался после купания, мокрые волосы блестели в свете зажженных к вечеру свечей, растрепавшись тонкими черными змейками, белый шелк очередной рубашки слегка мерцал. Бастельеро застегнул манжету, повернулся к очагу боком... Полено сыпануло искрами, в комнате на миг стало светлее, и Эйнар явственно разглядел на предплечье некроманта под белым, тонким и слегка влажным шелком, липнувшим к коже, широкую темную полосу. Поймав его взгляд, Бастельеро вздрогнул и немного развернулся, спрятав руку. Накинул камзол, весело рассказывая, что здесь, оказывается, неплохая купальня, он и не ожидал... Эйнар сделал вид, что ничего не заметил.

— Так вы разрешаете провести ритуал? — так же весело уточнил некромант. — Ло очень хочет узнать, что случилось с ее товарищем по факультету, да и мне любопытно.

— Мне тоже, — сказал Эйнар, не скрывая досаду. — Он служил со мной, и, если его убили и убийца избежал наказания, я хочу об этом знать. Вам подойдет восточная башня, милорд? Она пустует уже два года, как раз с осады. Правда, там работали темные мастера и велели без нужды не лезть.

— Отлично подойдет, — искренне обрадовался некромант, застегивая камзол. — Если там зачищали, это даже к лучшему, можно не бояться случайного прорыва. Сегодня вечером после ужина и начну.

— Хорошо, — кивнул Эйнар. — Только сам ритуал назначьте на время попозже. Иначе, запрещай не запрещай, весь гарнизон будет под окнами, и потом болтовни не оберешься. А так я велю загнать всех в казармы на ночь.

Это было легче, чем он думал, — врать со спокойным лицом, изнывая от стыда и страха. А если не выйдет? И что, если он все-таки ошибается, и Маркус Бастельеро может помочь? Но осколок некромантского кинжала под сердцем леди! И странное появление некроманта именно сейчас! И что там у него под рубашкой, подозрительно похожее на какой-то обруч... Уж не окольцован ли молодой некромант, как сам Эйнар — перстнем? И пусть он ведет свою игру, но точно ли это игра в пользу леди? На словах он ей предан, как брат, но мало ли на что может пойти маг, чтобы спасти собственную шкуру? Братья тоже бывают разные.

Эйнар не верил магам. И уж тем более он не собирался кому-то доверять жизнь Тильды, беречь которую у Бастельеро не было причин. Нет, это бой самого Эйнара. Полагаться можно только на себя. Ну, или на тех, кому действительно веришь. С кем ходил в драку, прикрывая друг другу спину, кого проверял долгими годами рядом, притираясь, как хороший сапог к ноге. С кем говорил зимними вечерами, по капле выпещивая собственную жизнь и слушая о чужой, заполняя несказанное чутьем и долгими раздумьями. Эйнар не верил магам, но были в крепости люди, которым он верил.

Он получил заверения Бастельеро, что полночь — отличное время для ритуала, и вышел.

Смертельно хотелось зайти в комнату леди. Сказать хоть что-то, предупредить, чтобы в самый паршивый момент она не испугалась, чтобы не стронулся снова клятый осколок в ее груди...

Он мог бы устроить так, чтобы ей передали, потому что уже знал, как выиграть нужное время. Но Эйнар помнил, что она сказала про парные перстни, оставшиеся в ее роду и надетые на нее и Эйнара сухопарым и чернявым стряпчим, похожим на аиста. Если его перстень с порчей, то почему бы мороку не наложить чары и на перстень леди? Он ведь точно знал, что она жива, когда Лестер колдовал над потерявшей сознание магичкой. Так и сказал об этом. Даже если морок не видит и не слышит через ее перстень, рисковать нельзя.

Во дворе уже смеркалось. Ветер стих, и на крепость опустилось странное безмолвие, не душное, как летом, но давящее — будто надвигалась гроза. Здесь, в горах, они случались и зимой, правда, редко. Эйнар чувствовал волны дрожи, пробегающей по телу, и уже не знал, то ли это колдовство морока, то ли собственное чутье, воющее о надвигающейся беде. Да какая разница? На Драконий Зуб шла гроза. Не настоящая, но еще более страшная. Безысходная. Двое солдат прошли, отдав честь, и Эйнар вспомнил, что еще нужно сменить караулы, как всегда на закате. И сделать приказанное мороком. И... Двор был почти пуст. Темный, накрытый, как одеялом, вечерним небом, в которое врезались башни Драконьего Зуба, блестя огоньками. Северная и Западная — жилые, там наверху стояли ночные посты. Восточная —

мертвая, глухо-темная, а с юга башни не было, там над Драконьим Зубом нависала скала. К вечеру, как и положено, ударил морозец, и воздух был прозрачно чист, а мокрый двор, щедро политый вернувшейся водой, схватился наледью.

— Надо бы велеть песком посыпать, — заметил Тибо, проходя мимо и едва не поскользнувшись, но удержавшись на ногах.

— Надо, — согласился Эйнар. — Вот завтра же с утра. А то и прямо сегодня после ужина. Слушай, Лестер просил зайти... Йотуны дер!

Поскользнувшись на обледеневшем камне, он неловко качнулся, потерял равновесие и позорно шлепнулся набок — прямо на руку с растопыренными в попытке удержаться за воздух пальцами. Зашипел от боли, ругнулся еще раз.

— Эйнар, ты как? — обеспокоенно подскочил Тибо. — Ох ты ж, барготова мать! Кажись, палец сломал. Да не дергайся ты!

— Не снимай! — возмутился Эйнар. — Это же обручальный... Да не сломал я ничего...

— Ты болван? — поразился Тибо, осторожно стягивая перстень с его пальца. — Палец сейчас распухнет, вон уже начал.

Эйнар перехватил его руку с перстнем и, сжав, заставил уронить, для верности поддев носком сапога. Жалобно звякнув, золотой кругляшок с рубином улетел по обледеневшим камням на несколько шагов.

— Тибо! — громко возмутился Эйнар. — Подними сейчас же!

И, не давая ошалевшему от удивления другу дернуться, торопливо зашептал ему на ухо, зная, что счет идет на удары сердца.

Сердце стукнуло раз двадцать, прежде чем Тибо, кивнув, кинулся за кольцом с прытью, которой мало кто посторонний мог ожидать в его плотном круглом теле. Поднял, бегом вернулся и сказал обиженно:

— Да вот оно, колечко твое. Ты смотри, какой примерный семьянин стал. Ну, если боишься, что леди обидится, так на другой палец надень. Не зверь же она, поймет. Вон, безымянный распух как. Пойдем-ка к Лестеру зайдём, а?

— Пойдем, — согласился Эйнар, морщась и торопливо натягивая кольцо на другой палец.

— Папа, ты ушибся?

Тильда подскочила, заглядывая в глаза с неподдельной тревогой.

— Ничего, Тиль, — улыбнулся Эйнар. — Пустяки. Осторожнее, не бегай, а то тоже упадешь.

Она внимательно посмотрела на его руку с опухшим пальцем, ойкнула... Подняла голову, и Эйнар поймал взгляд дочери. В глубине глаз Тильды тлели красные огоньки.

* * *

Весь день Ло не покидало странное и неприятное ощущение, что кто-то смотрит ей в спину. Это было не обычное магическое чутье, когда просто знаешь, что рядом другой человек, а что-то новое. Какое-то дикое, настороженное... звериное — нашла она нужное слово. И не без досады подумала, что Волчица прислала очередную весточку, да только непонятно, что с ней делать. Мысли возвращались к Вольфгарду, но лишь потому, что Ло отчаянно пыталась связать все в один узел: убитого или умершего в вольфгардском плену юношу — то ли Саймона Саттерклифа, то ли кого другого; убитого в Драконьем Зубе лже-Артура Бейласа; страшное подозрение в адрес магистра Антуана, который лично ее, конечно, обидел, но все равно оставался главой Ордена и человеком вне подозрений. А еще — найденный сегодня череп, рассказ ярла и непонятную странность в поведении Маркуса, который явно что-то скрывал! Слишком осторожные задумчивые взгляды, слишком сдержанные манеры, даже наедине, слишком явно скользящая иногда в интонациях Бастельеро то ли вина, то ли сожаление о чем-то. С Маркусом явно что-то происходило, Ло чувствовала в нем напряжение и фальшь, как музыкант — в знакомом до последней щербинки, но расстроенном инструменте. Если бы она не знала его столько лет, то могла бы усомниться, но они с Маркусом всегда читали друг друга, словно открытую книгу.

Ему не нравится Рольфсон? Нет, с капитаном Маркус держался сдержанно, но приветливо. В столице что-то происходит с Мелиссой? Он не стал бы скрывать это от Ло. Недавняя поездка к Ги обернулась чем-то нехорошим? Этим он тем более поделился бы, зная, что ей тоже дорог славный фраганский принц-бастард. И в чем, спрашивается, дело?

С такими мрачными мыслями после ужина Ло сходила вместе с Маркусом в восточную башню — премерзкое место, как оказалось. Некстати обострившимся чутьем она ощущала там

неестественный холод, пробирающий не просто до костей, а до глубин души. Упрямо отказалась от совета Маркуса уйти в тепло и раздраженно наблюдала, как некромант вычерчивает мелом красивую, даже щегольскую, под стать себе, восьмилучевую звезду. Как выписывает в ней и вокруг символы, соединяя их в сложную вязь, как устанавливает свечи, которые осталось только зажечь.

Если бы спросили Ло, она предложила бы провести ритуал сразу, но Маркус почему-то оставил его на ночь. Хорошо, ему виднее. А драгоценный супруг умудрился то ли сломать, то ли вывихнуть палец, упав во дворе, и теперь несколько солдат носились там с ведрами песка, потому что капитан вбил себе в голову, что Ло тоже непременно упадет!

И вообще, ей словно демоны в уши шептали, веля злиться на всякие пустяки. Накатывала то беспричинная ярость, то такая же беспричинная тоска. Ужин показался безвкусным, шутки Тибо — раздражающими, а нить размышлений то и дело ускользала. Так что пару часов до ритуала Ло отпросилась побыть одна, злясь сама на себя, что в кои-то веки приехал лучший друг, а она, мерзавка такая, даже не может побыть с ним! И что вообще происходит с ее нервами — непонятно!

До полуночи оставался примерно час. Гарнизон улегся спать, в окне мирно тлели привычные огоньки караульных ламп. Ло оделась в штаны и камзол, чтобы не пачкать платье в пыльной башне, отпустила Нэнси — та отпросилась к Селине поболтать о девичьем и сшить что-то... Время тянулось бесконечно, и тут в дверь постучали. Как-то... незнакомо.

— Да! — откликнулась Ло, мгновенно насторожившись.

Да что там — она вскинулась, как кошка, которой наступили на хвост!

— Миледи... — распахнув дверь, на пороге мялся огромный сержант Малкольм, которого Ло привыкла считать почти безмолвным. — Извольте глянуть, — прогудел он, глядя куда-то в стену за спиной Ло. — Там капитан и ваш гость в восточную башню пошли. — И добавил: — С мечами.

Сначала Ло не поняла, даже возмутилась: пошли без нее? Обещали ведь зайти! А потом внутри нее взвыла та самая горная кошка, вздыбившая шерсть в ужасе. С мечами! Ночью, вдвоем! В заброшенную башню! Она убьет их! Просто убьет сама, не дожидаясь, пока эти два идиота прирежут друг друга из-за насквозь глупой выдуманной причины! Жеребцы безмозглые! Из крепости она вылетела без плаща и даже без лампы. Едва не поскользнулась, но обледеневший двор все-таки успели присыпать песком, так что до башни с гостеприимно приоткрытой дверью Ло долетела, как на крыльях. Вломилась в нее, собирая в уме ругательство, чтобы с ходу обложить придурков, — и замерла. За спиной щелкнула дверь и — Ло как-то сразу поняла — замкнулась.

— Ну вот, все в сборе, — улыбнулся слегка колышущийся и полупрозрачный, но вполне узнаваемый фантом с лицом магистра Антуана Саттерклифа.

Фантом плавал над ритуальной звездой, в двух ее противоположных лучах стояли Эйнар Рольфсон и Тильда, а неподалеку от звезды, привалившись к каким-то обломкам досок, лежал бледный Маркус Бастельеро с закрытыми глазами.

Глава 34

ВРЕМЯ ПРИЗРАКОВ И ПРЕДАТЕЛЕЙ

«Ночь — время призраков и предателей», — крутилась у Ло в голове глупая фраза из приключенческого романа.

Глупая, потому что предательство от времени дня или ночи точно не зависит. Как, впрочем, и явление призраков, по утверждению знающего в них толк Маркуса. Да о чем она сейчас думает? «О Маркусе, — напомнила себе Ло. — А еще — о капитане и Тильде». Малкольм закрыл дверь снаружи, значит, все было рассчитано. Она, Ло Ревенгар, глупая курица, и помощь не придет. Но капитан... как же так?!

Она посмотрела на Рольфсона, и тот ответил ей прямым взглядом. А потом, не шевелясь, так же взглядом указал на Тильду. Девочка была бледна до полупрозрачности, на веснушчатом личике глаза казались огромными, а в каждом зрачке тлел алый огонек — признак одержимости, как считают профаны, и в чем-то они правы. Обычно это признак присутствия в сознании человека

чужой воли. У капитана — Ло глянула снова — глаза были чистыми, но какая разница? Его надежно держали дочерью.

— Какая же вы дрянь, магистр, — брезгливо сказала Ло. — Угрожать ребенку.

— А вы, Ревенгар, то ли удивительно лицемерны, то ли глупы, — спокойно парировал Саттерклиф. — Почему использовать ребенка, из которого еще неизвестно, вырастет ли что-то полезное, считается хуже, чем взрослого? Этьену Райгартену было всего на четыре года больше, но никто не отказал ему в праве героически погибнуть, хотя он стоил сотни таких, как эта девчонка. Дети ценны только в силу необходимости продолжения рода, они чистый потенциал, но заменяемы, как любой ресурс. Впрочем, я не вижу никакого смысла заниматься вашим запоздалым образованием.

— То есть вы меня убьете? — с удивляющим ее саму хладнокровием уточнила Ло. — Зачем?

— Ну, хоть не спросили за что, — одобрительно усмехнулся магистр. — Исключительно по необходимости, дорогая моя Лавиния. Поверьте, вы мне даже симпатичны. Примерно как хорошо выдрессированная овчарка, готовая пасти овец, грызть волков или защищать хозяина от других людей. Очень полезное и приятное существо.

— И поэтому вы ткнули меня кинжалом в Руденхольме, — подсказала Ло.

Маркус то ли спал, то ли был все-таки без сознания, его грудь вздымалась медленно, но ровно, а вот бледность некроманта Ло совсем не нравилась. Чем его опоили? Бастельеро отлично разбирался в зельях и большинство подобной дряни чувал на вкус и запах.

— Я был вами крайне недоволен, — признался реюший над звездой морок. — Не смотрите на своего друга, он не проснется, пока мне это не понадобится. Наш дорогой капитан за пару часов успел подтвердить, что дисциплина — отличная вещь. Артефактная отмычка, немного зелья из ваших собственных запасов, стакан горячего вина после купальни... Бастельеро, хоть никогда бы не признался, изрядно выложился на чистке колодца, это все-таки грубый выплеск силы. Так что сморило его разом. Остальное снотворное, раз уж его все равно было с запасом, пошло в вечерний травяной отвар гарнизону. Еще один исполнительный сержант — и вот, наша маленькая компания в сборе.

— Поздравляю, — фыркнула Ло. — А дальше что? Ну хоть расскажите, что вам от нас нужно, а то я голову сломала, пытаюсь понять, как вы потеряли в Руденхольме собственного сына, который и боевиком-то не был? Это ведь Саймон поменялся с Артуром?

— Хотите заговорить меня? — улыбнулся магистр. — Лавиния, злодеи изливают перед жертвами душу только в дурных романах. Да, вы почти всё угадали. Но зачем я буду перед вами отчитываться, если вскоре вас не станет? Попадете в Претемные Сады — там все и узнаете. Говорят, мертвые всеведущи.

— Врут, — убежденно сказала Ло. — А мне любопытно. С Бейласом все ясно. Он изображал разумника Саймона, но каким-то образом оказался в плену у вольфгардцев и проявил себя как боевик. Скорее даже наоборот! Попал в переделку и начал отбиваться привычными способами, но не смог. Так? А когда его начали пытать, решил использовать личину, которую носил, и признался, что он сын самого великого магистра. Обрадованный ярл понял, что вытащил козырную карту! Связался с вами, вы согласились на обмен: сына за Руденхольм. Но Артур понял, что нечаянно натворил, и покончил с собой...

Предатель и мерзавец, Саттерклиф все равно оставался разумником и преподавателем с десятилетиями практики. Оборвать отвечающего урок адепта он не мог, не должен был! И это было единственным шансом Ло. Любой ценой вовлечь в разговор, потянуть время... Вдруг чудеса все-таки случаются? А если нет, она сама их как-нибудь устроит!

— Вы узнали, что сын мертв, — продолжала она уверенно, подбирая мозаику кусочек за кусочком, — и решили похоронить вольфгардский авангард в Руденхольме. Пришли порталом, убили Колина и Арчи... Ключ имел три степени защиты, но у вас была кровь убитых, была сила, хоть и немного, и... — Ло осенило. — Чей-то слепок сознания, так? Вы знали их обоих давно, они вам верили, и вы могли сделать слепок, позволяющий прикинуться для ключа другим человеком.

— Верно, — кивнул морок. — Я читал основы магии разума для курса, на котором учился Арчибальд, и брал его в качестве примера, чтобы сделать слепок. Не имею привычки терять образцы, а этот вышел просто отличным.

— Меня вы не убили, потому что Медеос не нашел в моем теле достаточно резерва. Кстати, чтобы разумник создал такой мощный аркан... Готовый артефакт, заряженный на разовый выброс?

Саттерклиф снова кивнул.

— Я встала и добралась до ключа, — торопливо продолжила Ло. — Вы ждали, пока вольфгардцы войдут в ущелье, но я активировала ключ слишком рано, и они не успели погибнуть. Тогда вы ударили меня кинжалом. Чтобы остановить... Но почему некромантским, магистр? Почему не обычным ножом? Вы же разумник, откуда у вас вообще ритуальный нож? — У вас достаточно знаний, чтобы ответить на этот вопрос самой, Ревенгар, — отозвался магистр, и Ло вмиг почувствовала себя как на экзамене. — Впрочем, подскажу. Ответ лежит там же, где и объяснение, как вы активировали ключ с выжженными каналами.

Несколько мгновений Ло смотрела на него, забыв, где они и что здесь происходит, а потом выпалила почти с ужасом:

— Двойная звезда! Вы — двойная звезда, магистр! Разумник... и некромант? Но тогда получается, что я... Выжженные каналы... Быть не может!

— Боги любят пошутить, как говорится, — согласился Саттерклиф. — Аркан Медеоса выжжет ваши каналы, Ревенгар, и погасит алую искру. Но он же пробудил вторую, спящую очень глубоко. Действительно, зачем одной из лучших боевых магесс пытаться пробовать себя в качестве разумника? Это же полностью противоположные системы и применения силы, и мышления. Антагонистичные. Вы бы и не узнали о своей второй ипостаси, если бы не потеря первой.

— Я о ней и так не узнала, — огрызнулась Ло. — Но если подумать... Значит, я активировала ключ выплеском проснувшейся белой искры? И потратила ее! Потому и целители в госпитале ничего не обнаружили, а потом...

Странные состояния, как при потере резерва, проблески магического взгляда, удивляющие саму Ло ощущения... Она маг! Нет, не думать об этом пока! Все равно не поможет: новорожденная змейка не прокусит чешую старой матерой гадюки.

— Теперь понятно, — согласилась она. — Но что же настоящий Саймон? Как вы его упустили из виду? Он погиб два года назад, получается...

— А вот это уже точно не ваше дело, Ревенгар, — сожалеюще вздохнул магистр. — Вы меня приятно удивили, магесса, но у нас слишком мало времени на разговор. Ваше появление здесь — часть очень большой игры, так что давайте приступим.

— К чему? — напряженно поинтересовалась Ло. — Зачем вам я и Маркус?

— Вы как содержимое, то есть личность, ровным счетом ни к чему. Но как форма... Ваш академический приятель, дурной развратный мальчишка, при этом носитель уникальных способностей Избранного Смерти. К тому же он молод, знатен, состоятелен и красив — для успеха в обществе все это важные детали. Идеальный инструмент, шкатулка, в которую я просто вложу другую душу.

— Вы хотите призвать сына и заменить им Маркуса?!

— Саймоном? Разумеется, нет, — с явным сочувствием к ее глупости сказал Саттерклиф. — Саймон — прекрасный мальчик, умный, послушный... Но совершенно лишенный честолюбия. Все, чего он хотел от жизни, — это возможность возиться со своими исследованиями. Мне даже из Академии пришлось его забрать, потому что он слишком легко подпадал под дурное влияние. Сдружился с ничтожеством Бейласом, тупицей и разгильдяем из боевиков, начал проводить время со всяким отребьем...

«И ты забрал его домой, лишив друзей и свободы, — подумала Ло, слушая ясный, слегка брезгливый голос магистра. — Но с Бейласом Саймон дружбу не прекратил, похоже. И как только сумел — сбежал из дома, а всегда готовый на любую шалость Артур ему помог». Она поймала взгляд капитана. Эйнар молчал, но смотрел... одобрительно. Ах, если бы Ло и вправду была проявленным разумником с развитым даром! Уж настойчивую мысль, которую пытался передать ей Рольфсон, она бы уловила.

— Вы не общались с сыном два года? — закинула она новый вопрос, когда магистр примолк. Благие боги, какое счастье, что Саттерклиф любит поговорить. Маркус, очнись, Баргот тебя пни! Очнись и сделай хоть что-нибудь!

— Я позволил ему погулять на свободе, — спокойно отозвался магистр. — Решил, что нельзя лишать мальчика удовольствий юности. Он тратил деньги, которые я ему присылал, и был

несколько... неводержан, но грани не переходил. Юношеский протест против воли родителей — через это многие проходят. Саймон и так все детство и отрочество провел в лаборатории, он имел право отдохнуть.

— Только ваши деньги на самом деле тратил Артур Бейлас, — с наслаждением подсказала Ло. — И наверняка считал это очень выгодной сделкой. А Саймон сбежал в крепость, где два года отслужил боевым магом, пока не погиб во время осады. Вы не пытались до него дотянуться?

— Я дотянусь, как вы выражаетесь, Ревенгар, до него сейчас, — раздраженно сообщил магистр. Похоже, в первый раз у него что-то не вышло.

— А ведь Бастельеро мог бы вам помочь, — прикинулась дурочкой Ло. — Он бы достал Саймона из посмертия и заставил поговорить с вами.

Показалось, или Маркус задышал быстрее? «Все правильно», — говорили глаза капитана, но Тильда так и стояла фарфоровым истуканчиком, дорогой статуэткой из восточных стран.

— А еще он бы за пару мгновений наложил на меня столько дряни... — насмешливо подхватил магистр. — Впрочем, я его разбужу, конечно. Капитан, взгляните, как там ваш гость?

Рольфсон двинулся вперед, медленно и несколько неуклюже...

— Сотрете какой-нибудь знак — я сверну голову девчонке, — спокойно предупредил его Саттерклиф. — Только посмотреть.

— Спит, — отозвался капитан, очень осторожно наклоняясь над некромантом.

А выпрямляясь, беззвучно сказал одними губами, пользуясь тем, что стоял спиной и к магистру, и к Тильде: «Тяните время».

— Так для чего вам нужно тело Маркуса? — попыталась продолжить Ло, но магистр от нее отмахнулся, как от надоедливой собачонки.

Одно хорошо, в жертву он Бастельеро приносить не собирался — Маркус ему нужен живым.

Ло лихорадочно вспоминала все, что знала о фантомах. Уничтожить его довольно легко, достаточно прервать связь с источником или развеять, швырнув железом, солью, ягодами рябины... Да куча всего годится, давно известного в народных преданиях. А толку? Саттерклиф явно где-то поблизости, не будет ведь он проводить ритуал в виде фантома! Применение магической силы требует живой плоти, настоящего тела мага с его искрой, каналами или хотя бы той странной трудноуловимой эманацией, которой манипулируют разумники. Значит, рано или поздно магистр шагнет сюда во плоти! Не этого ли ждет капитан?

Ло уже достаточно знала Рольфсона, чтобы понимать: за один намек на угрозу Тильде капитан разорвет магистра на части, как только дотянется. А намеков этих было столько, что Рольфсон уже в молчаливом, но от этого не менее страшном бешенстве. Сдерживает его только явная одержимость Тильды магистром, но сможет ли Саттерклиф контролировать девочку в тот момент, когда начнет переход? Может быть, и сможет — на то он и величайший из разумников. Саттерклиф тем временем облетел звезду и подлетел к распростертому телу Бастельеро, возле головы которого мирно покоился на полу череп Саймона. Присмотрелся к вычерченным знакам, лицу посапывающего некроманта. Бастельеро повернулся набок и что-то пробормотал. «Ну же, — заклинала Ло. — Давай, приходи! Дверь закрыта, значит, ты поставишь портал. Хотя... разве сюда можно поставить портал? Неужели ты этого не учел? Или для этого тебе и нужен был Рольфсон? Капитан, ну почему вы никак не дали мне знать раньше? Хотя бы намеком!»

Сверху посыпалась какая-то труха, упало несколько щепок, а парой мгновений спустя с балок разрушенного перекрытия первого этажа спрыгнул Мясус с крысой в зубах. Приземлился почти рядом со звездой — и метнулся в темноту.

— Мерзкая тварь, — брезгливо процедил Саттерклиф. — Бастельеро, просыпайтесь, время принимать лекарство.

— Идите к Барготу, — простонал некромант, томно потянувшись. — Говорил мне дедушка Грегор, что нельзя мешать крепкое со слабым...

Дотянувшись до черепа, он подгрел его под себя, как подушку, и попытался снова уснуть.

Ло казалось, что все это происходит, будто в дурном сне. Она снова глянула на капитана, на Тильду... Девочка ответила ей злым крысиным взглядом ало светящихся глазок.

— Это было давно, очень-очень давно, — провозгласил вдруг Маркус по-прежнему с закрытыми глазами. — В королевстве у края земли... Эй, карвейна всем! И закусить чего-нибудь...

— Сколько вы ему дали, Рольфсон? — раздраженно поинтересовался магистр. — Совершенно нетипичная реакция.

— Две пилюли на стакан вина, как вы сказали, — отозвался капитан. — Вы же сами видели через перстень.

Саттерклиф что-то зло прошипел, а Ло, пораженная неприятной мыслью, попыталась стянуть обручальный перстень. Сволочь! Испоганить следящим заклятием фамильные кольца Ревенгаров! Это что получается, он видел и слышал все, что в эти дни происходило с Ло и Рольфсоном? Выкидыш Баргота!

— Не трогайте кольцо, Лавиния, — бросил фантом. — Идите и станьте в центр звезды. Только сначала заберите череп у своего дружка. Никому ничего нельзя поручить!

— А не пошли бы вы к Барготу в задницу? — учтиво поинтересовалась Ло. — Может, вы не того опоили? Интересно, как вы заставите меня стоять смирно?

— Попрошу капитана вас оглушить, — не менее любезно и очень зло отозвался Саттерклиф. — Пока на шейке его дочери мой поводок, ваш муж будет очень послушной собачкой.

— Я воскликнул: «Ворон вещей, птица ты иль дух зловещий...» — бормотал Бастельеро какую-то мрачную балладу.

Ло молча подошла к нему и забрала останки несчастного Саймона, с которыми некромант даже в таком непотребном состоянии расставаться не желал. Встала в центр звезды, поборов искушение стереть ногой какой-нибудь знак или часть линий.

— И как вы собираетесь проводить ритуал в таком виде? — бросила она наугад. — Не припомню, чтобы фантомы могли колдовать.

Саттерклиф усмехнулся. Повинуясь его жесту, Тильда отошла к стене, раскинула руки — и вокруг них заструилось зеленоватое сияние: магистр использовал девочку как маяк для наведения. Ло еще раз мысленно помянула Баргота — нарушать стабильность подобной связи было смертельно опасно, и с надеждой кинуться на магистра во время открытия портала и сбить ему выход следовало проститься.

Зеленая арка раскинулась в пространстве перед Тильдой, вышедший из нее человек первым делом сгреб девочку в охапку и поставил перед собой. Тильда не сопротивлялась, мотаясь в его руках, как кукла, а Ло проглотила такую ругань, за которую в Академии грозил день карцера — куда там безобидному поминанию барготовых причиндалов. Фантом, конечно, сразу же развеялся.

— Вот теперь мы в сборе окончательно, — подытожил магистр, подходя к границе звезды и ведя Тильду за руку. — Лавиния, вы ведь будете послушной?

Ло не ответила. Она даже не знала, как назвать то, что в ней сейчас кипело, потому что слово «ненависть» казалось слишком слабым.

— Вы хотите вернуть дух Саймона в меня? — поинтересовалась она наконец.

Саттерклиф кивнул.

— У вас неплохие задатки разумника, — сказал он, глядя на Ло с удовлетворением, как на удачный аркан или артефакт. — Саймону будет их вполне достаточно. Думаю, в боевого мага он уже наигрался.

— Но я женщина!

— И что? Ревенгар, не будьте ханжой. Лучше быть живой женщиной, чем бесплотным духом мужчины. В конце концов, если это станет такой проблемой, душу можно будет перенести еще раз. Даже нужно, пожалуй, учитывая ваши сложности со здоровьем.

— Магистр, вы удивительная, совершенно уникальная сволочь, — уронила Ло со злым изумленным восхищением. — Сложности со здоровьем вообще-то устроили мне вы. И все это только потому, что я не позволила утопить отряд вольфгардцев? А для кого вы предназначили тело Маркуса? Впрочем, нетрудно угадать! Самый лакомый кусочек — себе?

— Это наиболее целесообразно, — подтвердил Саттерклиф, доставая из ножен на поясе кинжал с длинным узким лезвием. — Поверьте, я принесу Дорвенанту гораздо больше пользы, чем этот мальчишка. Еще полсотни лет жизни — как раз то, чего мне не хватало для осуществления некоторых экспериментов. В конце концов, разве вы с Бастельеро не присягали служить Дорвенанту, не жалея жизни? Ваша жизнь принесет ему таким образом неоценимую пользу... Не переставая говорить, он продвигался вокруг звезды, иногда наклоняясь и подрисовывая или исправляя какой-нибудь знак. Работа Маркуса все-таки имела другое предназначение, не соответствующее целям магистра. Тильда следовала за ним, как привязанная, и Ло видела, с

какой ненавистью и отчаянием следил за ней взглядом Рольфсон. Бастельеро, еще глубже ушедший в наркотические грезы, откинулся на доски спиной и прикрыл глаза — с той стороны помощи ждать не приходилось, как с отчаянием поняла Ло.

— Ну вот, — кивнул сам себе магистр, обойдя звезду по периметру и снова остановившись напротив Ло и немного справа от капитана. — Прекрасно вышло. А с его талантом и моим разумом и трудолюбием... Удача улыбается умным, я ведь уже это говорил?

— Примерно раз триста за время моего обучения, — пробормотала Ло.

Как же ей хотелось грохнуть череп, который она держала, о каменный пол. Чтоб осколки разлетелись!

— И раз пятьсот — за время моего, — послышался чей-то голос.

Ло увидела расширившиеся глаза Саттерклифа, изумление на лице капитана, а потом обернулась, чувствуя, как по спине пробежал холодок. И нет, это был не страх, а самое настоящее, мать его барготову, явление материализации духа. Маркус, чтоб тебя, ты так нужен!

— Он очень любит говорить о торжестве разума, о целесообразности и высоких целях, — добавил полупрозрачный невысокий юноша в потрепанном мундире лейтенанта с красными орденскими нашивками. — Здравствуйте, леди Ревенгар. Мое почтение, капитан. Простите, вы теперь ваша светлость...

— Саймон? Саймон, мальчик мой...

Магистр пружинисто шагнул к звезде, остановившись у самой ее границы, и воззрился на сына со смесью торжества и изумления.

— Но как же... Я же пытался тебя позвать! В Руденхольме я искал тебя и в мире живых, и в посмертии! Если ты был так близко, почему...

— А тебе даже в голову не приходило, что я не хочу тебя видеть, отец? — сказал призрак Саймона Саттерклифа, и Ло посторонилась, чтобы они с отцом увидели друг друга лицом к лицу. — Ты всегда знал, что мне нужно, верно? Что мне читать, с кем дружить, как думать, что любить и чего бояться... Ты считал меня своим подобием... Нет, просто куклой на веревочках. Живым инструментом! Хотя ты всех считал инструментами. Леди Лавиния, — обернулся он к Ло. — Вы хотели узнать, почему вас ударили не обычным ножом, а ритуальным? Все просто. Пока вы горели от аркана Медеоса, отец устроил проверку господам из Вольфгарда. Он убил тех двух солдат на первом этаже и на выплеске силы от их смерти начал искать меня. Понял, что я давно мертв, и решил, что вольфгардцы его обманули. Снова поднялся наверх, чтобы использовать ключ в нужный момент, но до ключа уже дотянулись вы — и получили в спину тот же кинжал, только что использованный в ритуале. На Артура, принесенных в жертву солдат и вас всех ему было попросту плевать. Да и на меня тоже, если уж на то пошло.

— Саймон, нет... Мальчик мой...

— Твой? Да, пожалуй. Но я не хотел быть твоим, отец, как ты не понимаешь? Я хотел быть самим собой! Ты запер меня дома, а я хотел дружить с Артуром и его братьями, встречаться с девушками из их компании, ходить в трактиры и петь серенады под окнами красивых леди. Я хотел жить, отец, а не быть придатком к твоей лаборатории.

— Саймон, но я же отпустил тебя!

— О да, — горько усмехнулся призрак. — Отпустил, когда решил, что я не добился успеха. Что мои исследования зашли в тупик, а сам я — никчемный бездарь. Так ты мне сказал. Что я никому не буду нужен сам по себе, без твоего имени и денег. И ты прав. Я два года был тебе не нужен, а вспомнил ты обо мне, только когда понял, что я не только разумник, но и боевой маг. Живое доказательство своего открытия.

— Саймон, вы двойная звезда? — прошептала Ло, пытаясь понять.

— Нет, миледи, — покачал головой призрак. — В том-то и дело. Отец мечтал об этом, но у меня такая слабая искра, что за ней разглядеть отблеск другой магии было бы очень легко. Это у него за белым сиянием разума легко спрятался дар некроманта. Я не двойная звезда, я успешный эксперимент. Результат многолетних исследований магистра Саттерклифа, решившего, что двойную звезду можно пробудить в любом маге. А в профане — первую. Я заинтересовался этим еще в детстве, мне так хотелось быть настоящим магом! Исцелять людей или повелевать молниями... Ну хотя бы с собаками разговаривать! Но я мог только считать, находить взаимосвязи и видеть результаты сложных последовательностей. Зато очень хорошо. Я больше десяти лет просчитывал то, что давал мне отец, а потом построил собственную теорию. И добился успеха! Разжег в себе алую искру — сам, без всякой помощи. А потом

вызвал Артура и поменялся с ним внешностью, научив его, как сойти за меня. Он был в восторге. Ему всегда не хватало денег, а как раз их отец для меня не жалел. Сын магистра Саттерклифа может позволить себе все! Кроме свободы. Дальше вы знаете... Ах нет! Капитан, — повернулся он к Рольфсону. — Я не дезертировал! Мне очень жаль, что так вышло тогда с обвалом дороги, клянусь! Я оказался слабым боевиком, но мы с Артуром думали, что в крепости хватит и этого. Меня убили в ночь перед тем, как пришла подмога. Так обидно... Грэм решил дезертировать, а я заметил и попытался его удержать. Он меня убил, свалил тело в колодезь, а сам спустился на западную сторону и ушел в Невию. Я прошу правосудия! Ведь когда-нибудь вы сможете?

— Мы сможем, — уронил капитан, и это прозвучало клятвой. — Мне жаль, Артур... то есть Саймон. Вы были хорошим товарищем и славным лейтенантом.

— Напишите это на моей могиле, — усмехнулся юный Саттерклиф. — Это лучше, чем «бездарь и сын своего отца». Это я точно заслужил сам. Я, конечно, далеко не бездарь, но теперь это не доказать, все результаты исследований я уничтожил дочи́ста. И достать меня из Претемных Садов, чтобы их восстановить, ни у кого больше не выйдет.

— Саймон, мальчик мой, подожди, — мягко начал Саттерклиф-старший. — Ты меня тогда не понял. Да, я был раздражен и разочарован, но я люблю тебя. Посмотри, на что я ради тебя пошел. У тебя будет новая жизнь, сын! Если ты захочешь, потом мы подберем тебе новое тело. А я... я стану твоим другом, а не только отцом. Обещаю...

— Другом? Да ты мне даже умереть спокойно не дал! — закричал юноша, дрожа, как марево, над полом. — Я сбежал от тебя, отец! От твоей опеки, от твоего равнодушия, от бесчеловечности всего, что ты говорил и думал! Забился в самый глухой угол, какой нашел, жил спокойно... Может, через несколько лет попросил бы отставку и начал новые исследования. Что-нибудь действительно полезное, вроде корректировки порталов или трехмерного сворачивания рунескриптов. Но меня убили! И знаешь, даже этому я больше рад, чем жизни рядом с тобой. Я хочу покоя, отец! Уйти к Претемной, забыть все это, вернуться когда-нибудь в новом теле и с новой личностью, которую ты не измазал своими теориями о высшем праве мага. Оставь меня в покое! Просто! Оставь! Меня! В покое! Мэтр Бастельеро, ради Претемной, хватит прикидываться, я-то все вижу! Упокойте меня уже, прошу вас как брата по Ордену!

— И зачем было так орать, Саймон? — недовольно спросил Маркус совершенно нормальным голосом. — Шепнули бы потихоньку, я бы вас отправил. Жалко мне, что ли? Это мой долг вообще-то. Властью, мне данной, отпускаю вас, Саймон Саттерклиф, к той, что милосердна и справедлива. Пусть прах ваш покоится с миром, а душа освободится и познает предназначенное.

— Благодарю... — прошептал юный маг, радостно улыбнувшись и истаивая в воздухе.

— И это все? — потрясенно спросил капитан, явно представлявший некромантские ритуалы более пышными или мрачными.

— У меня — все, — огрызнулся Маркус, садясь удобнее. — Я вам не ярмарочный фигляр, который дохлую курицу час поднимает, пока публика кидает деньги. Когда я отсылаю душу, она уходит быстро и надежно.

— Нет! — закричал магистр, врываясь в звезду и едва не сбив Ло. — Саймон! Саймон, вернись! Он был бы жалок со своим безумным взглядом и скрюченными пальцами, которыми ловил воздух, не будь это так страшно. Бегая от луча к лучу, Саттерклиф выкрикивал что-то бессвязное, а Ло никак не могла отойти от изумления и негодования. Маркус притворялся! Но... это означало, что он все знал заранее?

— Верните его, Бастельеро!

Остановившись возле Ло, он схватил ее цепкими жесткими пальцами за руку и стиснул до боли.

— Остановите! Или, клянусь, я выжгу вашей подруге разум!

— Он в садах Претемной, — тихо и очень напряженно сказал Маркус, окончательно сбрасывая личину опьянения. — Смысл отпуская души именно в этом. Туда мне доступа нет.

— Нет, есть! Ты Избранный! Ты любимчик смерти, лживый щенок! — взорвался магистр, притягивая к себе Ло, а другой рукой хватая орденскую звезду, висющую на его груди. — Верни его, или я открою врата сам! И первой запихну в них эту сучку!

— С ума сошли? — беспомощно спросил Маркус, на глазах бледнея. — Магистр, вы же не профан! Вы сами некромант! Здесь за Гранью — тысячи душ, которых быстренько отправили

растворяться в небытие! И не приличных дорвенантцев, которых я мог бы сдержать и проводить, а диких урту-томгар! Они же вернутся! Голодными духами, мать барготову! Они все живое в окрестностях выжрут на неделю пути, пока из Ордена мастера придут! А с меня и вас живьем снимут шкуры и пустят на бубны для своих шаманов!

— Бастельеро, делайте, что сказано! — страшно улыбнулся магистр. — Я должен получить назад своего сына. Иначе... Крови в нашей милой Ло хватит, чтобы открыть врата.

— Миледи! — подал вдруг голос капитан, и Ло глянула туда. — Пестрая коза!

Коза? Какая коза, о чем он? А потом у Ло в сознании вспыхнуло! Пестрая коза, о которой рассказывал Рольфсон, скачет по крыше с полотенцем в зубах... По крыше! Глупая смешная надежда... Но ведь в башню ее позвал Малкольм, а не Тибо, которому капитан верил куда больше. Значит, Тибо занят?

Она упала на пол, выдернув руку из ладони магистра отчаянным движением. И тут же услышала над собой громкий лязг о металл и всхлип. Зажмурилась, как в детстве, когда сказка оказывалась особенно страшной, а потом упрямо открыла глаза. Поднялась на одно колено... Капитан одним прыжком добрался до Тильды, воющей и бьющейся в судорогах, схватив ее в охапку. Бастельеро с тем же бледным напряженным лицом протянул перед собой руки, словно пытаясь что-то сдержать. А у ног Ло корчился окровавленный магистр Саттерклиф, держа рукой арбалетный болт, саданувший магистра прямо в орденский знак на груди и скользящий наискосок по боку. Сержант Тибо, все это время «подтягивавший пружину» где-то наверху, на обломках полуразрушенных стропил, дождался своего мига. Вот только кровь здесь была совсем ни к чему. Там, где граница миров столь тонка, хватит малейшего прокола, крошечного ожога в ткани мироздания... Например, ритуальной звезды для вызова духов, политой чьей-то кровью.

— Уходите! — отчаянно закричал Маркус. — Капитан, берите их и уходите! Быстрее! Я недолго удержу врата один!

Проходя через звезду и следуя линиям разлившейся крови Саттерклифа, над полом ширилась черная трещина, окаймленная разноцветным свечением. Внутри нее кипело и бурлило что-то, полное оскаленных пастей и когтистых лап.

— Да уходите же! — снова закричал Маркус, почему-то хватаясь левой рукой за предплечье правой. — Помощь сейчас будет...

Капитан, закинув на плечо обмякшую Тильду, подскочил к Ло, пытаясь схватить за руку. Что-то крылатое, истощенно орущее и щелкающее зубами, вылетело из трещины и кинулось в их сторону. Не замедляясь, Рольфсон свободной рукой перехватил тварь на лету, мгновенно свернул шею и отбросил.

— Милости Претемной прошу... — зазвучал вдруг детский голос со странным выговором. — Я держу разрыв, мастер, закрывайте врата!

Выйдя из темного угла, где — Ло могла бы поклясться — никого не было, мальчишка Валь шел к ним, повелительно указывая на клубящуюся над полом тьму самым обычным армейским ножом, на лезвии которого горели алым светом руны. Лицо Бастельеро осветилось неподдельным счастьем, а руки замелькали так быстро, что Ло почти не видела движений.

— Госпожа моя Претемнейшая, милосердная и справедливая... — бубнил мальчишка, пока Маркус стягивал черную щель, как швея — прореху.

— Все! — выдохнул Бастельеро. — Успели! Капитан, кто там у вас еще в запасе? Ладно арбалетчик, но некроманта вы где взяли?!

Рольфсон не отвечал, перехватив дочь с плеча на руки и замерев изваянием. Перед ним в воздухе мерцала серебристая фигура, удивительно похожая на ушедшего Саймона, только женская. Погладив по голове Тильду, призрак наклонился к капитану, не сводящему с него отчаянных глаз, провел ладонью по его щеке, а потом поцеловал в губы.

Спустя миг женщина-призрак оказалась возле Ло, улыбнулась ей ласково, тоже погладила по щеке холодной невесомой ладонью. Ло, никогда не видевшая ее живой, мгновенно узнала длинные рыжие косы и круглое лицо, так похожее на лицо Тильды, только взрослое.

— Будьте счастливы, — шепнула Мари Рольфсон. — Береги Эйнара и мою дочь.

А потом неимоверно быстрым движением ударила Ло под грудь, покопалась внутри умелыми пальцами швеи и тут же вытащила их.

Задохнувшись от боли, Ло последний раз посмотрела в глаза Мари и успела увидеть ее удовлетворенную улыбку.

Потом она смутно помнила, как черно ругаются в два голоса Маркус и Рольфсон, как из открывшегося портала выскакивают люди, а когда над Ло склонился сам его величество, поняла окончательно, что бредит.

— Успокойтесь, милорды, — равнодушно сказал король. — Если бы призрак почтенной дамы хотел убить леди Ревенгар, он не стал бы вытаскивать из-под ее сердца осколок. Призраки обычно знают, что делают. Эй, там, лекаря сюда! И уберите кто-нибудь кота, я понимаю его чувства к маистру, но нам с Саттерклифом еще беседовать, а запах кошачьей мочи лично меня не вдохновляет. Бастельеро, как же я вами недоволен! И вами, капитан, тоже! А больше Ло не помнила ничего.

Глава 35 НЕДОВОЛЬСТВО ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

— Милорды и миледи, я крайне вами недоволен.

Его величество не повышал голоса, но даже тихие слова в сочетании с взглядом, которым он окинул присутствующих, у Эйнара прокатились морозом по спине. Леди, только сегодня утром вставшая с постели, — королевский лекарь утверждал, что рана от осколка исчезла бесследно, — еще сильнее выпрямилась в кресле; некромант, занявший другое кресло в углу, настороженным взглядом весьма напоминал нашкодившего Мяуса. Сам Эйнар, замерев у стены, поскольку кресел в комнате больше не было, даже представить не мог, чем кончится недовольство его величества, допуская что угодно, от ссылки до плахи, поэтому просто промолчал, готовясь к неизбежному.

— Лишь по счастливой случайности, которую еще предстоит исследовать, насколько она случайна, Дорвенант не получил прорыв из Темных Миров, — сообщил король, глядя почти с отвращением. — Да, вам удалось сорвать заговор, но каким образом? Милорд Ревенгар, что это за джунгарский ярмарочный балаган с арбалетами? А если бы ваш сержант не попал или попал не в того?

— Виноват, ваше величество, — отчеканил Эйнар, вытягиваясь и глядя куда угодно, лишь бы мимо болотного цвета глаз, совсем вроде бы не страшных, но...

— Не разыгрывайте тупого служаку, капитан! — рявкнул его величество. — Какого Баргота вы решили, что можете все сделать в одиночку? Принятие ответственности — это похвально, но вы хоть понимаете, сколько слабых мест было в вашей затее? Да она вся состояла из них, как рыбацкая сеть из дырок!

— А что он мог сделать, ваше величество? — холодным и очень злым тоном поинтересовалась леди. — С артефактом-шпионом на руке и под угрозой смерти дочери...

— Что-нибудь менее героическое и более умное, — не менее ядовито ответил король. — Например, раньше сломать палец и послать просьбу о помощи магической почтой. Для чего, хотелось бы мне знать, в каждой крепости имеется неприкосновенный запас в три листа? Писать на них ведомости выдачи портянок?

— Виноват, ваше величество, — угрюмо повторил Эйнар.

Он мог бы сказать, что три листа волшебной почты, о которых говорил король, были потрачены еще два года назад перед осадой, а новых так и не прислали, но что теперь оправдываться? Если бы сообразил, мог бы поехать в город и взять один у лорд-мэра.

— Впрочем, чего и ждать от вас, — все-таки с отвращением сказал король. — Если краса и гордость Ордена ведет себя, словно адепт-первогодок, первый раз в жизни хлебнувший карвейна. Бастельеро, будьте любезны просветить меня, за каким Барготом вы пили снотворное? Что, вид сделать не могли?

— Побоялся, что магистр полезет ко мне в сознание и поймет, что его надули, — виновато отозвался некромант. — Но я заранее принял антидот...

— От яда вроде черной невесты он бы вам тоже помог? Благодарите Претемную Госпожу, что нужны были хитрой сволочи Антуану живым! Для чего вы вообще отправлялись в крепость? Для чистки колодцев?! Прекрасное применение Избранному Смерти, который должен был наблюдать за происходящим, а не валяться в обнимку с черепом, гоня розовых мышей! И не говорите, что именно таков был план, — вы просто не рассчитали дозу антидота!

— Молчу, ваше величество, — покаянно сказал некромант, окончательно став похожим на кота, застигнутого над крынкой сметаны, и у Эйнара слегка отлегло от сердца: когда начальство так распекает, это лучше, чем холодный молчаливый гнев. После криков головы летят реже.

— А чем, позвольте узнать, вызвала ваше недовольство я, сир? — все так же холодно спросила магичка. — Уж не тем ли, что вовремя не поняла, какую важную роль исполняю в ваших далеко идущих планах? Из меня получилась недостаточно хорошая наживка? Ну, простите, я бы гораздо больше старалась, если бы знала, что от меня требуется.

Голос ее звенел едва сдерживаемой ледяной яростью, и Эйнар, стоявший позади, невольно шагнул вперед, положив ладони на спинку кресла, где сидела леди, и мучительно пытаясь придумать, как бы обратить неминуемый гнев короля на себя.

— Ло... — тихо сказал явно подумавший о том же некромант и добавил громче: — Ваше величество, могу я обратить ваше внимание...

— Маркус, помолчи! С тобой мы еще поговорим! Пока что я смиренно ожидаю ответа его величества!

Смирения в голосе леди было столько же, сколько в Мяусе — уважения к чужой собственности. Но король, к изумлению Эйнара, только хмыкнул недовольно, а потом, помолчав, ответил почти спокойно:

— С чего вы взяли, что я обязан давать вам отчет в своих действиях, миледи? Вы пока еще на службе, не говоря уж о том, что я ваш сюзерен.

— На службе?!

— Внимательнее читайте контракт, — злорадно сообщил король, откидываясь на спинку кресла. — Там написано, что отставка возможна при тяжелом ранении или ином повреждении, которое мешает вам выполнять обязанности офицера. Вы лишились всего лишь магии, леди Ревенгар, но большинство моих офицеров прекрасно обходятся без нее.

— Что? Но отставка... и пенсия...

Эйнар закусил губу изнутри, уговаривая себя молчать. Пока — молчать.

— Пенсия была вам назначена в признание заслуг, — усмехнулся король, — и отнимать ее никто не собирается. Но я имею полное право в любой момент призвать вас на службу, если сочту, что вы можете нести ее без использования магии. Данный случай был именно таким.

— Я прошу полной отставки, ваше величество! — взвилась леди, пытаясь вскочить из кресла, но тут же села обратно, тяжело дыша.

— Ло, ради Благих!

— Успокойтесь, миледи, — мягче сказал король, а Эйнар до боли сжал пальцы на деревянной спинке. — К вам у меня меньше всего претензий, поверьте. Вы отлично сыграли свою роль, но именно потому, что не знали о ней. Притворяться с достаточной убедительностью вы бы не смогли. А ставки были слишком высоки, чтобы я думал о чьих-то нежных чувствах.

— Только о чувствах? А если бы этот мерзавец убил девочку?!

— И лишился единственного рычага воздействия на капитана Рольфсона? Не думаю. И хватит обид. Позвольте повторить, если вы не поняли с первого раза: ставки были слишком высоки. Мне нужны были неоспоримые доказательства преступлений Саттерклифа, и вы трое их предоставили в полной мере.

— Ваше величество, вам не кажется, что они имеют право знать? — очень спокойно спросил некромант, разом сбрасывая маску беспечного юнца. — Особенно если вы желаете и дальше...

Он замялся, и король иронично продолжил:

— Цинично и подло использовать вашу названую сестру? Не стесняйтесь, Бастельеро, вы же именно так отозвались об этом, когда узнали? Благие боги, с кем мне приходится иметь дело?

Сплошь честные и благородные герои! Где бы раздобыть хоть дюжину трусливых умников?

Встав и жестом остановив едва не вскочившего следом Маркуса, он зашагал по комнате от стены к стене, заложив руки за спину и выглядя даже забавно: невысокий человек с залысинами и совершенно обыкновенным лицом, на котором сейчас явно читались усталость и раздражение.

— Извольте! Миледи, милорд, вы действительно желаете знать все обстоятельства?

Предупреждаю, это не добавит вам никаких привилегий, совсем напротив.

— Желаю, ваше величество, — тихо сказала магичка, склонив голову.

— Капитан? Вы как раз еще можете уйти, потому что измазались меньше всех. Но если влезете в это глубоко, обратного пути не будет, учтите. Мне проще будет вас убить, чем рискнуть случайной обмолвкой или намеренной болтовней.

— У меня нет привычки болтать, ваше величество, — сказал Эйнар в наступившей тишине. — Ни намеренно, ни случайно. И это мое дело тоже.

— Как хотите, — снова раздраженно фыркнул король.

Еще помолчал, меряя шагами небольшую комнату, а потом остановился у окна, повернувшись лицом к присутствующим.

— Вы знаете, чего нам стоила война с Вольфгардом? Я только и слышу обвинения в позорном мире и уступках. Господа дворяне изволят полагать, что мы должны были перейти в наступление и гнать вольфгардцев обратно, а потом драться на их территории.

— Они идиоты? — изумленно вырвалось у магички.

— Они безмозглые, спесивые и опасные идиоты! — рявкнул король. — Какая, к Барготу, война?! Дорвенант слишком мал, у нас нет обширных земель и технической мощи Фраганы, нет флота Итлии, нет ничего, кроме Ордена, милостью богов. Нам всем с детства твердят, что Орден — основа могущества Дорвенанта, защита и источник благосостояния. Так неужели настолько трудно понять, что Орден — это люди?! Люди, которым свойственно погибать! Вы знаете, сколько боевых магов уцелело из вашего выпуска, леди Ревенгар?

— Пятеро-шестеро? — тусклым голосом предположила магичка.

— Трое! Включая вас! Из дюжины! А каждый из них был ценностью куда большей, чем позолоченные крикуны, желающие добраться до Лебедино Города вольфгардцев! Алый факультет еще долго будет восстанавливать численность! Некроманты и целители — тоже! Вернулся хорошо если каждый третий... Алхимики и артефакторы все эти проклятые годы работали только на армию, срывая торговые договора и связи! Орден обезглавлен, а дорвенантское дворянство — мое дворянство! — потеряло большую часть молодого поколения! Вот она, истинная цена войны, а не дурацкий клочок земли, послуживший для нее предлогом! Каждый человек, которого мы лишились, нужен был стране и сам по себе, и как источник золотой крови — единственного по-настоящему бесценного ресурса. Благие боги, как мне объяснить жадной своре, сколько детей с даром теперь не родится у одаренных, сгинувших в мясорубке?

— Но, ваше величество, магия проявляется не только по наследству, — неуверенно попыталась возразить леди. — Даже простолюдин может быть одарен богами...

— И много простолудинов училось вместе с вами? — язвительно поинтересовался король. — Да, они есть. В лучшем случае один на ту же дюжину, остальные — дворяне. Потому что это дворяне веками смешивали кровь не только по знатности, но и по силе. Мерзавцы вроде Антуана твердят глупым юнцам, что магия зависит только от милости богов! Что любой одаренный на ступеньку выше профана, пусть даже дворянина или короля. Молчите, я знаю, что такие разговоры ведутся! Что избранники богов должны править, родились они под гербом или в стогу сена! Очень удобная мысль, если главный из божьих избранников — ты!

Он перевел дух, хмуро глянул на замерших молчаливых слушателей и снова продолжил:

— Знаете, как магистр Саттерклиф предложил решить проблему Вольфгарда? О, он воистину разумник, Баргот его побори! Антуан прекрасно понимает, что Дорвенант давно висит на волоске, зажатый между голодным матерьющим Вольфгардом и хитрой Фраганой. Если бы не благоразумие короля Флоримона, война случилась бы еще при моем отце! Флоримон улепил Вольфгард, женившись на их принцессе, теперь в наследнике Фраганы течет северная кровь, и Вольфгард терпеливо ждет, когда можно будет запустить во фраганский цветник следующую лапу. Союз Севера и Юга — дело только времени, и тогда нам не уцелеть. А магистр Саттерклиф — гений! Он тоже не хочет класть остатки Ордена под северные мечи. Зачем, если есть проклятия вроде того, которое Волчица сняла с бедняжки Мэрли? Но даже богиня не сможет спасти весь свой народ, если взяться за дело с умом. Травить воду и землю, проклинать еще не рожденных и хотя бы разочек глянуть на столицу Вольфгарда Чумным Взором.

— Но это... это же...

В голосе магички слышался такой страх, что Эйнару захотелось вытащить ее из кресла, укутать в плащ, забрать куда-нибудь подальше и заставить забыть все услышанное. Его и самого трясло мелкой мерзкой дрожью.

— Это — один-два Избранных Смерти, не больше, — тяжело уронил король, указав взглядом в угол, где сидел бледный Бастельеро. — Поверьте, миледи, ваш веселый и любезный друг детства, случись ему лишиться рассудка и использовать дар в полную силу, вполне способен устроить нечто подобное, так что его покладистый нрав — великое благо для окружающих. Не зря Претемная Госпожа придирчиво выбирает своих рыцарей. А магистр предложил мне использовать таланты Ордена гораздо шире и многостороннее, чем до этого, не ограничиваясь такими глупостями, как правила чести и милосердия.

— Он сошел с ума, — услышал Эйнар свой голос будто со стороны. — Вольфгард же ответит. — Именно, капитан! — согласился король. — Разумеется, ответит. В Руденхольмском ущелье северяне едва не прорвались, потому что один из высших ведьмаков добровольно лег на жертвенный камень, и потом еще неделю его подручные творили такое, что проделанную ими брешь пришлось затыкать целым егерским полком. Моим отборным полком, понимаете? А если бы в Руденхольме Саттерклиф утопил вольфгардский авангард, тысячу отборных воинов... После такого кровь на их алтари полилась бы рекой, лишь бы добраться до нас. — Он безумен, — подтвердила леди, сплетя бледные тонкие пальцы на коленях, обтянутых теплым синим платьем. — Он втравил бы Дорвенант в войну на истребление, магическую резню...

— И у нас не осталось бы другого выхода, как эту резню устроить, — мрачно подтвердил король, снова возвращаясь в кресло. — Видят Благие, я никогда не считал себя военным гением. И когда за глаза меня зовут Криспином Тихоходом, это вовсе не оскорбление, как полагают безрассудные гордецы. Совсем напротив... Поэтому, когда у меня в голове после встреч с магистром Саттерклифом, а потом и сами по себе стали появляться мысли, мне совсем не свойственные, я насторожился.

Он помолчал, а потом спросил, глянув почему-то на Эйнара:

— Капитан, вам известно, что означает звезда, которую ваш сержант столь кощунственно использовал вместо мишени?

— Он выполнял мой приказ, — поспешно отозвался Эйнар. — Мне и отвечать.

— Благие боги, я не собираюсь его наказывать, — усмехнулся король. — За что, за верное исполнение приказа? Но вопрос был не о нем, а о звезде.

— Символ Семи? — уточнил Эйнар. — Ваше величество, невийцы не дикари, мы тоже чтим Благих.

— Тогда скажите мне, — голос короля сочился скрытой издевкой, — если лучей — семь, в полном соответствии с числом Благих, что означает белая сердцевина?

— Белая? Но это... — Эйнар замолчал, сообразив, что действительно всегда принимал ее как само собой разумеющееся, видя в храмах. — Просто белое место, ваше величество. Место, где сходятся все цвета...

— Все цвета — вот именно. Восьмой цвет, всеобъемлющий, включающий в себя остальные. Кто был восьмым богом, капитан, самым могучим из Благих, пока не пал, обуянный гордыней?

— Ваше величество, это ересь! — возмущенно крикнула магичка. — Разумники не поклоняются Барготу!

— Капитан, главное, не вздумайте сказать это вслух когда-нибудь, — гораздо хладнокровнее и очень серьезно добавил некромант. — Это действительно ересь, подлежащая наказанию. Но что гораздо хуже — это оскорбление Ордена. Вас даже на дуэль вызывать не станут, просто убьют. Безнаказанно.

— Благодарю, милорд, — мрачно сказал Эйнар, оценив предупреждение. — Я запомню. Ваше величество, но если так, почему белый цвет в святой звезде не запрещен?

— А разве он исчезнет, если его запретить? — раздраженно ответил король вопросом. — Разве перестанут рождаться дети, наделенные даром разума? Добрые и умные дети, вовсе не жаждущие поклоняться Тьме и Хаосу. Или объявить их исчадиями Баргота просто по умолчанию? Нет, капитан, принято считать именно так, как вы и сказали: сердцевина Звезды Семи — это просто место, где сходятся лучи. А белый цвет, извольте знать, в Ордене символизирует чистоту разума и намерений, и никак иначе. Разумник способен стать даже великим магистром Ордена, если проявит достаточные способности и будет избран коллегией магистров, — как любой другой маг. Никакого отношения к Барготу! Это ересь, как справедливо сказала леди. Только почему-то никому из боевиков и некромантов, именуемых палачами и труполюбам, не пришел в голову гениальный план заразить кого-нибудь из

пленных вольфгардцев барготовой краснухой, а потом позволить ему сбежать. Странно, верно? И это лишь одна из драгоценных мыслей, родившихся в светлом, не замутненном корыстью и честолюбием разуме магистра Антуана.

— Безумец, — безнадежно прошептала леди. — Болезнь же не разбирает, кого поражать.

— Болезнь — нет, — согласился король, — а вот барготов огонь в руках тех, кто пойдет выжигать вольфгардские селения вместе с зараженными, живы они или нет, — вполне разборчив. Против своих не обернется, если не тратить бездумно силу боевых магов на «огненный ветер», а использовать ее только для контроля над алхимическим огнем. Ну разве не гениально?

— Вы должны были потребовать отставки магистра, — выпрямившись, безжизненно холодным голосом сказала магичка. — Он обезумел. Это признали бы целители, магистра отстранили бы от управления Орденом, и всего этого можно было бы избежать.

Бастельеро смотрел на леди с такой нежной жалостью, что Эйнара чуть снова не кольнула ревность.

— Обезумел? Почему? — с горькой ехидцей спросил король. — Потому что предлагает безупречно ясные и смертоносно эффективные планы, как разгромить врага? Антуан совершил единственную ошибку — не представил их вовремя на суд магистров. Сделай он это — и от управления государством, пожалуй, отстранили бы меня. Если не низложением короны, так ножом или ядом. Потому что Орден, скорее всего, поддержал бы Саттерклифа.

— Никогда! — взвилась леди, едва не вскочив. — Безумца и негодяя, лишенного чести? Призывающего к убийству не просто врага, а целой страны?

— Человека, который настолько дорожил жизнями Ордена, что придумал способ получить решительный перевес и сохранить эти жизни, — отрубил король. — Мы с ним сходились в целях, разнились только способы. Вы уверены, что магистры бы отказались? Сколько ваших друзей погибло, миледи? Молодых и старых, способных радоваться жизни, делать открытия, приносить пользу стране, просто желающих жить! Посмотрите на лорда Бастельеро: его кузен Стефан по-своему был не менее красив, пока ведмачье заклятие не растворило половину его лица, оставив молодого человека уродом. Но он хотя бы жив. А если бы вы вызволили своего друга Маркуса из плена лишенным конечностей, мужского органа, глаз и языка, но все еще живым, как это случилось с некромантом пятого рейтарского полка мэтром Дэнсоном? Вы и тогда проголосовали бы в Совете Ордена за милосердие?

— Достаточно... — прошептала изжелта-бледная магичка. — Я поняла...

— В лучшем случае мы получили бы раскол Ордена, — почти сочувственно сказал король. — В худшем — его полное согласие. И в любом случае — грядущую войну, страшнее которой история еще не знала и, дай Благие, не узнает. Видите ли, миледи, у чистого разума нет чести и милосердия, только целесообразность. Убить первым, чтобы выжить и получить превосходство, — вот истинное учение Баргота. В защиту магистра могу только сказать, что подобные идеи появились у него не так давно.

— После смерти Саймона, — бесцветно отозвалась Ло.

— После смерти сына, да. Который унес в могилу величайшую мечту магистра Антуана — возможность зажечь в профане магическую искру. То, что вознесло бы Саттерклифа на вершины немыслимой власти, а уж он бы нашел, как этой властью распорядиться. В комнате стало тихо. Молчали все: и король, и бледные, удивительно похожие сейчас выражением лица Маркус и Лавиния, и, конечно, Эйнар. Потом магичка не без усилия выдавила:

— Я прошу прощения, ваше величество. Если дела обстояли таким образом, вы были вправе использовать любые средства, чтобы предотвратить беду. И, разумеется, располагать мной как угодно.

— Польщен, что вы оценили, миледи, — уголками губ усмехнулся король. — В свою очередь я тоже прошу прощения, что использовал вас подобным образом. И, разумеется, за тот маленький гадкий спектакль, после которого вы ринулись в брак с первым встречным, лишь бы избежать моих домогательств.

— Что? — услышал Эйнар собственный голос.

— Миледи не сказала? — удивился король. — Я, извольте поверить, милорд, ее цинично и бесчестно домогался, принуждая стать моей фавориткой. Любовницей, если вам незнакомо это слово в силу похвального северного чистосердечия.

— Прекратите, ваше величество, — на щеках леди появился сердитый румянец.

— Нет-нет, капитан, не сверкайте глазами, я ее пальцем не тронул. Только предлагал. Но очень невежливо! Настолько, что она, как я уже говорил, предпочла сбежать в Драконию Зуб. Так что можете гордиться: ради вас леди отказала дорвенантекому королю, вольфгардскому ярлу и Избраннику Смерти. Гордиться можете, а вот хвалиться в обществе не советую: не знаю, как лорд Бастельеро, а мы с Рагнарсоном довольно обидчивы.

— Почему именно в Драконию Зуб? — мрачно спросил Эйнар, из насмешливой речи короля выудив единственно важное. — Это магистр подсказал?

— Вы уловили суть, — с удовольствием согласился король. — Чтобы выдать главу Дома из Трех Дюжин за обычного лейб-дворянина, да еще полукровку, нужно нечто большее, чем моя обида на женский отказ, знаете ли. Вашу кандидатуру предложил мэтр Тюбуи, которому, в свою очередь, ее ненавязчиво подсунул магистр Саттерклиф. Достойный мэтр не предатель, он просто неустойчив к ментальным воздействиям, вот и оказался слабым звеном в цепи моего окружения. Через него магистр был отлично осведомлен о некоторых тайнах королевства, а заодно получил доступ к венчальным кольцам, за которые отвечал мэтр. Вот с ними, признаться, я допустил промашку, которая едва не обошлась слишком дорого. Малышка Нэнси отчиталась, что магистр является в виде фантома, но мы не сообразили вовремя, что фантом привязан именно к кольцам. Они ведь защищены от внешних воздействий родовой магией Ревенгаров. Магистру, должно быть, стоило огромных усилий пробить ее.

— Нэнси... Благие боги, как же я не догадалась! Дура! Я, а не она... И ведь видела магического голубя! Но она выглядела такой... крестьяночкой! Так убедительно играла и врал! Тогда, на постоялом дворе...

— Если бы на постоялом дворе ничего не вышло, она прибилась бы к вам позже. И она действительно крестьянка и почти вам не врал. Сбежала в город от домогательств своего лорда, попала в нехорошую историю, оказалась на примете у моих людей, — скучающим тоном перечислил король. — Сущее сокровище, а не девочка: замечательно умеет скрывать ложь под правдой. Чистой правдой, которой поверил даже многоопытный Саттерклиф, следивший за вами через перстень. Разумеется, я не мог оставить вас без присмотра и охраны.

— А букет? Букет мне кто прислал?

— Я, — подал голос из кресла некромант. — Прислал букет и проследил, чтобы ты сделала нужные выводы. Если бы ты согласилась выйти за меня замуж, пришлось бы все переигрывать, но я был уверен... Ты никогда не умела принимать решения в свою пользу. Прости, Подснежник.

— Сволочь ты, Маркус, — четко уронила леди три слова, и Бастельеро с застывшим лицом кивнул, признавая ее правоту.

Больше всего Эйнару хотелось подойти и тряхнуть его за шиворот, прямо за щегольской бархат и золотое шитье. Столько боли слышалось в голосе магички, преданной лучшим другом, почти братом. Да, он хотел как лучше, но сейчас ей было слишком больно, чтобы это понимать! Неужели не мог хоть намекнуть?

— Неужели не мог хоть намекнуть? — эхом его мыслей повторила Ло.

Некромант покачал головой, со странной нежностью улыбаясь побелевшими губами.

— Не разыгрывайте хоть вы из себя романтического идиота, Бастельеро, — с усталой сварливостью отозвался король.

— Ваше величество!

— И не повышайте на меня голос, не доросли еще. Впрочем, я и вашему отцу этого не позволял. Да, я обещал, что не буду демонстрировать наш маленький секрет перед двором. Придворным это вредно знать, в конце концов. Но я не обещал, что позволю вам из глупой гордости поспорить с человеком, который вам так обязан.

— Ваше... величество... я прошу...

Леди, не понимая, переводила взгляд с короля на него и обратно.

— Покажите ей, — тяжело уронил король.

С тем же застывшим лицом Бастельеро высоко закатал широкий рукав камзола, приподнял рубашку. Его предплечье обвивала черная вязь причудливой плотной татуировки, которую Эйнар уже мельком заметил. Широкая лента странных символов, будто растущих на терновой ветви, закрученной вокруг руки тремя витками...

— Маркус!

— Прости, Подснежник, — улыбнулся одними губами некромант. — Я и правда не мог ничего сказать. Ни единого слова, кроме того, что мне позволили.

— Лорд Бастельеро с недавних пор — Рука Короля, — пояснил его величество. — Это был единственный способ обеспечить его согласие и участие. Так что он говорит чистую правду: все это время ваш друг находился под прямым приказом скрывать от вас то, что вам знать не полагалось.

— Вы... принудили... Маркуса... дать вам неснимаемую клятву послушания? — таким мягким голосом поинтересовалась леди, что Эйнару стало страшно.

Магом-боевиком она быть перестала, но сейчас светлые глаза кипели такой ледяной яростью, будто сама Мать Йотунов вылила в них свой котел смертельного зелья.

— Нет, миледи, фактически это вы его принудили, — так же устало огрызнулся король. — Вам не приходило в голову, что с кинжалом в сердце вообще-то не выживают? Помните детскую игру со следящей магией, которой вы развлекались в Академии? Одна беда: проклятья вашего друга, даже не имеющие целью повредить, действительно неснимаемы. Теперь он чувствует вашу жизнь и, соответственно, знает, когда вы на грани смерти. Кстати, именно поэтому он рванул в Драконий Зуб, когда вы едва не погибли из-за осколка. Бастельеро вытащил вас из Руденхольма мертвой, миледи. Дотащил до целителей, и, пока они пытались запустить ваше остановившееся сердце, ушел на Ту Сторону, вымолив у своей Госпожи вашу отлетевшую и уже проведенную в Претемные Сады душу. Любимчик, что и говорить. А потом вернул ее в тело, совершив преступление, караемое лишением перстня и двадцатью пятью годами каторги. Вы, миледи, единственное в своем роде абсолютно живое умертвие, созданное диким упрямством и верной любовью Избранного Смерти. Подозреваю, именно поэтому магистр не смог достучаться до вас через перстень, когда пытался получить контроль над вашим разумом через сны. А может, и просто из-за вашей собственной удивительной покладистости и мягкого нрава.

— Мне плевать, кто я, — тускло сказала леди, потирая виски пальцами. — Я подумаю об этом позже. Но вы не должны были... заставлять Маркуса. Если он совершил это ради меня — я и виновата.

— Подснежник, — мягко сказал некромант, и столько нежности было в его голосе. — Ну что ты несешь? Отвечает всегда маг, а не объект ритуала, ну ты-то знаешь. И, раз уж его величество не счел нужным скрывать, ты должна понимать: клятва меня не просто сковывает. Я не только в королевской воле, но и под ее защитой. И вне закона, так что никакая каторга и лишение перстня мне не грозят, что тоже неплохо.

— У вас еще будет время об этом поговорить.

Король опять встал, посмотрел в окно и повернулся к остальным.

— Милорд и миледи Ревенгар, ваш брак абсолютно законен, однако обстоятельства его заключения несколько сомнительны.

На следующих словах он сменил торжественный тон и заговорил голосом попроще — словно скинул пышную королевскую мантию, оставшись в обычной одежде.

— Вы должны понимать, капитан, что я не буду принуждать миледи к положенным трем годам брака, если она этого не захочет. Держать ее в северных горах — во-первых, плохая благодарность с моей стороны, а во-вторых, что важнее, сущее расточительство. К леди Ревенгар, как утверждают мои маги, никогда не вернется боевая магия — каналы выжжены необратимо. Но ее двойная звезда действительно существует, и второй искры хватит для развития магии разума, которой каналы не нужны. Меня, признаться, очень радует, что новая белая магесса будет обладать столь твердыми моральными устоями — для магов разума это редкость, прямо скажем. И, капитан, вы же понимаете, что магию нужно развивать? Сделать это возможно только в столице, поэтому в ближайшее время леди Ревенгар уедет в Дорвенну. Такова моя воля.

— Приятно слышать, что вы не забыли поинтересоваться моим мнением, ваше величество, — не удержалась леди.

— Не забыл, — резко сообщил король. — Вы сами несколько минут назад сказали, что в некоторых обстоятельствах я имею право вами располагать. Кстати, я и не сомневался в этом, вы все-таки моя подданная. Так вот, обстоятельства, миледи, ничуть не изменились и даже усложнились. Вам с капитаном и лорду Бастельеро предстоит выступить свидетелями на суде над магистром Саттерклифом. Тайном, разумеется. Даже я не могу выкрасть великого магистра

Ордена, не предоставив Ордену объяснений. Это займет несколько недель и неминуемо приведет к преобразованию в совете магистров гильдий. И я считаю, что Орден не может позволить себе потерять настолько талантливую магессу, понимающую, кроме прочего, свой долг перед страной. Капитан, — повернулся он к Эйнару, — я, конечно, не буду разводить вас насильно. Вам в любом случае останется приданое, полученное в браке, и дворянство. Полноценное старое дворянство Ревенгаров, пусть и как младшей ветви. Ваша дочь так же в любом случае будет принята при дворе, и я лично попрошу свою жену позаботиться о ее будущем. Ее величество очень благоволит юным добродетельным девицам из достойных семей. Но если леди пожелает получить свободу от брака, я удовлетворю ее прошение, и тогда вы сможете вернуться в Драконий Зуб к месту службы. Конечно, то же самое касается и вас. Если хотите развестись — это всё только упростит. Ответа прямо сейчас я не требую. У вас будет время подумать, а сейчас предлагаю отдохнуть. Мне нужно прийти в себя от всей этой... суматохи.

И он напоказ придвинул к себе какие-то бумаги, давая знать, что встреча окончена.

Глава 36 ВРЕМЯ ВЫБОРА

К узкой полоске каменистой земли между восточной башней и главной стеной Эйнар за эти два года приходил нечасто. Всех остальных погибших похоронили по-воински, на костре в честь Пресветлого, в ясном и чистом пламени, разожженном теми же боевыми магами, задержавшимися в крепости на несколько дней. Но сжигать тело Мари второй раз было бы кощунством. Да и не мог Эйнар представить, что она станет лишь одной из многих, чей пепел с крепостной стены Драконьего Зуба унесли равнодушные горные ветра. А к могиле после похорон не ходил, потому что для него Мари навсегда так и осталась у обожженного вяза, а сюда, в выдолбленную заступами яму, легло что-то другое, безмолвное и неподвижное. В этом чужом и странном предмете не было ни единой черточки его жены. Просто сверток белого полотна в наспех сколоченном деревянном ящике...

Тильда могилу тоже обходила стороной, и Эйнар это молчаливо поддерживал: пусть лучше помнит мать живой, еще успеет осознать потерю. Следующей весной после осады Молли посадила здесь какие-то цветы, но они не прижились: то ли земля еще помнила мертвящие шаманские чары, то ли просто место было сухое и бесплодное. Неживое.

Но сегодня все оказалось иначе. Вместо грызущей душу тоски, безнадежной и пропитанной виной, Эйнара вела пронзительно нежная печаль. Будто только сейчас Мари покинула его, ушла куда-то далеко, где будет счастлива. Пусть и не с ним, какая разница? Так оно вообще-то и было. Она обрела покой, теперь Эйнар знал это точно и тоже мог ее отпустить.

Он обогнул выступ стены, прошел несколько шагов до места, где проход расширялся, — и вздрогнул. На краю дорожки, выложенной плитняком, чтобы можно было подойти, не наступая на землю, стояла женщина в темном длинном плаще. Тонкая, высокая и со скорбно склоненной светловолосой головой. «Претемная...» — суеверным ужасом кольнуло сердце. «Леди Лавиния», — спустя мгновение со стыдом понял он.

— Я уже ухожу, — тихо сказала она, когда Эйнар подошел. — Не буду вам мешать.

— Вы не мешаете, — сказал он, и это была чистая правда.

На темной, словно выжженной земле лежали сухие стебли цветов — женщины крепости не забывали свою подругу. И один свежий букет: дрок с красно-желтыми листьями, неуместно нарядными, как разодетая щеголиха на похоронах, если бы не черные ленты, обвивающие крепкие ветви.

— Я не нашла ничего другого, — виновато сказала леди. — Цветов уже нет.

— Ничего. Она любила дрок, — помолчав, отозвался Эйнар. — Благодарю вас.

Он посмотрел на ветви, которые принес сам: грубо сломанные, почти облетевшие и без всяких лент. Положил их рядом с букетом леди, выпрямился.

— Мне жаль, — сказала магичка, которую он никак не мог себя заставить называть по имени, да и не стоило привыкать, пожалуй. — Она была очень храброй, капитан. И любила вас.

— Да, — уронил Эйнар.

Холодный ветер, задувавший сюда, становился все злее, и Эйнар, повернувшись, глянул на леди. То, что показалось ему плащом, было черной бархатной накидкой, слишком легкой для наступившей зимы. Ее синяя накидка была гораздо теплее, но яркого праздничного цвета, а магичка пришла к могиле, надев траур, и сейчас побледнела от холода.

Сняв куртку, Эйнар набросил ее на плечи леди и запахнул внахлест, благо ширина еще как позволяла.

— Капитан... Вы замерзнете!

— Я? — хмуро уточнил Эйнар. — Миледи, кто из нас северянин?

— Вы, — вздохнула магичка. — Благодарю.

Толстая дубленая кожа со стальными накладками на узких женских плечах выглядела странно, но леди это не портило. Напротив, тонкое бледное лицо казалось еще нежнее. Длинные светлые ресницы, узкие бледно-розовые губы, короткая, но толстая коса, пушистый кончик которой так и тянуло пропустить между пальцев. Эйнар скосил глаза вниз и подумал, что армейские сапоги — вещь надежная, однако все же стоит увести леди в тепло. Но как? Не подумает ли она, что ее гонят от могилы?

— Знаете, капитан, — сказала магичка, придерживая куртку рукой, — я думала, что три года брака и жизнь в крепости будут совсем иными. Пустыми, бессмысленными, одинокими... Да, у меня еще оставались мечь предателю, забота о сестре и немногие друзья, но я считала, что этого мало. Высокомерная дура...

— Не говорите так, — попросил Эйнар, борясь с желанием подхватить ее на руки, чтоб не стояла на промерзших камнях, источающих холод. — Вы делали, что могли.

— Я не видела вокруг себя настоящей жизни, — возразила она. — Это Драконий Зуб и его люди отогрели меня, научили заново ценить все, что у меня есть, принимать помощь и заботу, делиться тем, что я могу отдать в ответ. Тибо, Лестер, Молли и Селина, Илинка с Валем. Они все учили меня доброте и терпению, великодушию и честности. Даже ваша дочь преподнесла мне пару важных уроков. А ваша жена... Она не просто подарила мне жизнь — я теперь никогда не посмею пожаловаться на скуку, одиночество или слабость. Это будет оскорблением ее памяти.

— Вы бы ей понравились, — тихо сказал Эйнар. — Да так оно и случилось. Она... всегда и всем хотела счастья. И очень любила делать подарки.

Они стояли молча — говорить больше было не о чем. И Эйнар будто в первый раз смотрел на женщину, которую и королевская воля, и разрешение Мари быть счастливым предназначали ему, если только она сама была на это согласна. Смотрел и не мог задать один-единственный вопрос, от которого зависела вся его жизнь: согласна ли она стать его женой по-настоящему?

— Пусть Претемная примет ее в своих садах, — прошелестел мягкий голос леди, читающей краткую успокойную молитву. — Пусть очистит ее душу от земных скорбей, омоет в водах блаженства и дарует ей новую жизнь, вернув миру обновленной. Пусть память о ней будет светлой и достойной, а следующее воплощение — радостным. И да будет так...

Она склонила голову и приложила ладонь к груди, отдавая честь отточенным жестом офицера. И в этом простом движении не было ни тени лицемерия или желания покрасоваться — только уважение.

— Да будет так, — отозвался Эйнар. — Благодарю вас.

А потом они все-таки ушли, оставив одинокую, но не заброшенную могилу холодным горным ветрам. И Эйнар точно знал, что их молитва принята, потому что впервые за два с лишним года у него в сердце был мир.

У входа в крепость он все-таки набрался духу, но начинать такой разговор все-таки следовало не наспех, а обстоятельно, в теплой удобной комнате. Поэтому он молча дошел вслед за леди до дверей ее спальни и шагнул через порог, не отрывая взгляда от стройной фигурки, что даже в его толстой куртке выглядела — хоть сейчас во дворец.

«Во дворце ей и место, — напомнил он себе безжалостно. — Или в этой их Орденской Академии, которая, оказывается, тот еще гадюшник, если судить по главному змею. А ты ни там, ни там не будешь к месту».

В спальне леди легко скинула с плеч его куртку, оставшись в черном бархате, делающем ее выше и стройнее. Окликнула что-то шьющую в углу Нэнси, протянула тяжелую влажную куртку ей, кратко пояснив:

— Просуши на кухне.

— Слушаюсь, — присела девчонка и убежала, а леди повернулась к Эйнару.

— Вы хотели меня о чем-то спросить, капитан?

Больше отступать было некуда, и он кивнул:

— Да, миледи. Насчет столицы. Я так понимаю, вам там будет чем заняться?

— Я бы хотела побыть с сестрой, — сказала магичка, снимая накидку и вешая ее на спинку кресла. — Мы с Мелиссой виделись очень мало, я почти сразу уехала, а ей сейчас очень нужно мое присутствие. Вы же помните, о чем говорил Маркус?

Эйнар кивнул. Действительно, ей придется выдавать замуж сестру. Если не в самом скором времени, то уж присмотреться к женихам нужно заранее. Это он понимал.

— А потом? — продолжил он упрямо. — Вы ведь начнете заново учиться магии?

— Постараюсь, — бледно улыбнулась она. — Не знаю еще, как получится, но попробую непременно. В Академию я, конечно, не пойду, какой из меня адепт? Попробую брать частные уроки у кого-нибудь из мастеров. Так что вряд ли я вернусь в крепость в ближайшее время, капитан. Речь ведь об этом?

— Да, — уронил он. — Я понимаю.

Она села в кресло, расправив подол темно-красного платья, того самого, в котором встречала ярла. Сейчас оно смотрелось не так торжественно, но мягкие линии фигуры обрисовывало по-прежнему, и Эйнар даже губу изнутри прикусил, чтобы не плясать слишком нагло. Но совсем отвести взгляд было выше его сил. Проклятый бархат!

— Мне придется поехать с вами, — сказал он, когда молчание стало нестерпимым. — Быть свидетелем, как хочет король. Но потом...

Она молчала и ждала. Ждала, конечно, его слов, а Эйнар не мог их выдать, потому что все безнадежнее понимал, какая между ними пропасть. Между урожденной аристократкой древнего рода и бастардом-наемником, дорвенанткой и северянином, магичкой и обычным солдатом. Хуже того — между мужчиной, который влюбился глупо и отчаянно, и женщиной, для которой он всего лишь хлопотная обуза.

— Если вы захотите свободы... — сказал он, глядя в светлые ясные глаза леди. — То есть до истечения трех лет... Я соглашусь на все, что для этого нужно. Не хочу, чтобы вы жили со мной по принуждению. И ваше приданое... оно тоже должно вернуться к вам — так будет справедливо.

— Очень великодушно с вашей стороны, капитан, — ровным и спокойным до полной бесцветности голосом сказала леди. — Конечно, вы можете полностью на меня рассчитывать в устройстве судьбы Тильды. Всем, что я смогу для нее сделать. Но у нас ведь еще будет время об этом поговорить?

— Да, миледи, — сказал он тоже со спокойствием человека, только что выслушавшего давно ожидаемый смертный приговор. — Если позволите, я пойду займусь делами крепости. Если вам что-нибудь понадобится — пришлите за мной.

Вот и все. У нее будет целая жизнь, подаренная Мари, а у него... Какая теперь разница?

Вырастить и выдать замуж Тильду, честно нести службу, в крепости или еще где... Каждому свое. Только в сказках солдаты женятся на принцессах. И если уж нужно выбрать, он выберет счастье для нее. Счастье и свободу, которые она заслужила.

* * *

Второй раз Ло позвали к королю уже вечером. В дверь спальни деликатно постучали, а когда Ло открыла, на пороге оказался Маркус, передавший приглашение.

— Ему что, больше некого держать на посылках? — зло поинтересовалась Ло. — Использовать лорда из Трех Дюжин в качестве курьера несколько расточительно.

— Я сам вызвался сходить, — вздохнул Маркус. — Ло, ты до сих пор сердиться?

— Сержусь? С чего бы? Разве у меня есть на это причины? Да не стой ты за порогом, как нечисть! — рявкнула Ло. — Входи. Полагаю, его величество подождет пару минут, пока я поправлю чулки и припудрю нос. Леди я или не леди?

— А ты собираешься пудриться? — с непроницаемым лицом поинтересовался Маркус, входя.

— Нет, — буркнула Ло. — Но его это не касается. Маркус, как ты мог? Стать Рукой этого...

Это же на всю жизнь! Да лучше бы ты меня не вытаскивал! Раскрыли бы проклятый заговор без меня, зато ты остался бы свободен!

— Ло, тебя, кажется, не били по голове, — снова вздохнул некромант. — Тогда почему ты говоришь такие глупости? Скажи, драгоценная, а ты на моем месте как поступила бы?

— Это нечестный вопрос! — огрызнулась Ло, подходя к зеркалу и выдергивая шпильки из разлохматившегося пучка волос. — Боевые маги каторгой не рискуют.

— Еще как рискуют, если применяют магию не по назначению, — парировал Маркус. — И не уходи от ответа, ты прекрасно понимаешь, о чем я. По-твоему, я мог дать тебе умереть?

— Но не такой же ценой!

Ло яростно провела гребнем по спутавшимся волосам.

— Ты так об этом говоришь, словно я продался в рабство Барготу, — улыбнулся Маркус за ее спиной, глядя в глаза отражению Ло. — Драгоценная, он все-таки наш король. Которому ты тоже приносила присягу, кстати. Да, быть Рукой Короля — это далеко не то же самое, что обычным офицером, но я выбрал сам. И, поверь, не жалею.

Подойдя, он забрал у нее гребень и начал расчесывать предательски послушно лежащиеся под его руками пряди.

— Это нечестно, — повторила Ло, опуская взгляд. — Маркус, он не должен был тебя принуждать.

— Принудить стать Рукой невозможно, — спокойно отозвался некромант. — Если сопротивляться принятию связи, ритуал просто не сработает. Ло, я знаю, какого ты мнения о его величестве, но ты неправа. Поверь, он умный и справедливый человек, порядочный настолько, насколько любой король может себе позволить. Он правит, не боясь испачкаться, если это может спасти Дорвенант, — не самый легкий выбор, знаешь ли. И я считаю честью служить ему...

Его руки мягко и ласково перебирали волосы Ло, и она всхлипнула, чувствуя, как глаза наполняются слезами:

— Все равно, Маркус! Если бы не я... Прости, я злилась на обман, но ты не мог мне сказать, а сам рисковал...

— Ло, я мужчина, дворянин и офицер. Целых три причины для риска, и ни одна из них не относится к тебе. Успокойся, драгоценная. Ну вот, ты прекрасна. Неудивительно, что суровый капитан Рольфсон от тебя без ума.

Он отступил, гордо оглядывая простую косу, в которую заплел отросшие волосы Ло.

— Не издевайся, — мрачно сказала она. — Рольфсон сегодня сообщил, что никоим образом не претендует на мое расположение. И вообще готов вернуть мне свободу и приданое, а также надеется как можно скорее забыть о моем присутствии в его жизни.

— Ставлю свой перстень против гнилой косточки из старого склепа, что последнего капитан не говорил, — укоризненно и очень проницательно сказал Маркус. — Ты сама это додумала, верно? А что до первого и второго, это вполне ожидаемо от честного человека в его положении. И что ты решила?

— Я решила? — изумилась Ло, накидывая на плечи шерстяную шаль. — Маркус, я что, в постель должна к нему прыгнуть и потребовать исполнить супружеские обязанности? Этот... этот Кирпич даже не соизволил мне ничего предложить! Смотрит, как побитая собака, и страдает! Он сам уже решил за меня, что я ему откажу! А я... я...

— Понятно, — возвел глаза к потолку Маркус, открывая перед ней дверь. — Какие же вы оба изумительные упрямцы. Ло, дай ему несколько дней, хорошо? Капитан из тех людей, что решают медленно, потому что на всю жизнь. Он тебя любит, поверь. И именно поэтому боится обидеть. Я уверен, он сделает верный выбор. А сейчас давай все-таки не будем заставлять его величество ждать еще дольше. У него к нам весьма интересное дело.

Делом, ради которого король вызвал Ло и капитана Рольфсона, оказался Валь. Хмурый мальчик, приведенный егерем, стоял посреди комнаты, плотно сжав губы и вытянувшись в струнку, словно желая стать как можно выше. Ло прекрасно помнила, кем оказался этот ребенок, но опасаться некромантов, даже Избранных Смерти, ей мешала давняя дружба с Маркусом, а самого мальчика было откровенно жаль. Король, все так же расположившийся в кресле, смотрел на Валя со спокойным интересом.

— Вы понимаете по-дорвенантски, молодой человек? — негромко спросил он, четко выделяя каждое слово.

— Да, ваше величество.

Валь почтительно, но с достоинством поклонился.

— Значит, вы уже знаете, кто я, — удовлетворенно отметил Криспин. — Назовитесь.

— Владислав, князь Ставор, — отчеканил Валь, еще сильнее задрал острый детский подбородок и делая упор на второй слог в имени.

— Не княжич? — уточнил король. — Именно князь?

— То так, ваше величество, — с прорезавшимся акцентом подтвердил мальчик. — Мой отец и братья — у Госпожи, ныне я старший. То значит — я князь, последний из Ставоров.

— Ставор, — медленно повторил Криспин. — Вот как... Извольте познакомиться, милорды и миледи, наш юный гость — князь из Влахии, то ли пятый, то ли шестой в очереди на ее престол. Впрочем, Ставоры давно не рассматриваются как значимые претенденты, поскольку во Влахии крайне неодобрительно относятся к некромантии. Вплоть до публичных казней и безнаказанных убийств ее мастеров. А темное искусство у Ставоров в крови. Что ж, примите мои соболезнования, князь, в связи с кончиной отца и братьев. Жива ли ваша матушка?

— Нет, — с застывшим лицом ответил мальчик.

— Мои соболезнования, — подтвердил король немного мягче. — Как вы попали в Дорвенант, князь? И куда направлялись?

— Мы... бежали, — так же ровно и очень напряженно произнес Владислав, выдерживая взгляд короля. — Я, Иринка и двое слуг...

Так вот, значит, как зовут малышку? Она не выговаривает «р», поэтому Иринка превратилась в Илинку, поняла Ло. А имя брата стало Валь, потому что маленькой девочке трудно выговорить «Владислав». Ну, или она просто звала его ласково.

А Валь-Владислав рассказывал, пугающе просто говоря о вещах, которые заставили Ло содрогнуться. О замке, который взяли штурмом мятежные крестьяне по наущению старинных врагов рода Ставор — неких бояр Бар-те-нев-ских... Странная фамилия звучала еще непривычнее, чем имена детей, но ведь Влахия — это где-то далеко на Востоке, в едва-едва цивилизованных краях. Князья — лорды, а бояре? Ло путалась в незнакомых титулах, вдобавок Владислав говорил с акцентом, но общий смысл был понятен.

— Отец велел мне выжить, — мерно ронял слова юный князь. — Выжить, вернуться и отомстить. Чтобы никого из Бартеневских не осталось, ни единого с их порченной кровью...

Двух братьев Владислава, пойманных на охоте, убивали долго и мучительно, а потом привезли изуродованные тела к замку Ставоров и швырнули перед воротами. Третьего, наследника, показали живьем, предложив князю выкупить жизнь сына собственной...

— Драгомира держали двое, он стоять на сломанных ногах не мог. Когда отец глянул на него со стены, Драгомир рассмеялся и позвал Претемную. Он ушел сам и забрал всех, кто был рядом. Одного из Бартеневских и его слуг. Отец сказал: «Так умирают Ставоры», — и ушел в замок. А ночью они привели крестьян с факелами и сломали ворота.

Король слушал молча, откинувшись на спинку кресла, за которым встал Маркус. А Ло все сильнее познабливало и хотелось снова накинуть куртку капитана Рольфсона, словно это могло как-то помочь от ярко представленного ею ужаса. Сколько же пришлось пережить этому мальчику и его сестре?!

...Леди Ставор, названную мальчиком «княгиня», убила шальная стрела, когда враги ворвались внутрь стен. Тогда князь позвал кормилицу своих детей и ее мужа, велел им привести Марчо и Василинку, молочных брата и сестру юных Ставоров. Детей переодели, и князь-некромант обещал, что они умрут легко, превратившись в подобие Ирины и Владислава, чтобы последних в роду не искали. Слуги Ставоров считали смерть за княжескую семью честью. Оставив собственных детей, они вывели Владислава с Иринкой потайным ходом и, пока замок пылал в ночи огромным заревом, став могилой князя и многих его врагов, беглецы уже мчались к границе Влахии. Потом — в Карлонию, потом — через несколько крошечных стран, названия которых Ло мало что говорили, хотя географию она знала недурно. Наконец двое взрослых и дети, которых они выдавали за своих, пересекли Фрагану и почти весь Дорвенант, решив обосноваться в тихой Невии, последней чтущей Семь Благих стране перед Вольфгардом... Но на перевале им встретилась банда мародеров.

Владислав сглотнул — у него явно пересохло во рту. Но продолжил, с той же пугающей бесстрастностью рассказывая, что защитить обоз он не смог, потому что как раз накануне заболел и лежал в лихорадке. Слуги Ставоров погибли, а у него сил хватило только на то, чтобы утащить в лес сестру. Потом на них наткнулись солдаты, и мальчик прикинулся немым, чтобы не отвечать на вопросы, а Иринка лишнего рассказать не могла по малолетству... Свою

магическую силу он спрятал так глубоко, как мог, притушив искру и заставив себя стать почти обычным человеком. До тех пор, пока она не понадобилась.

— То и все, — закончил он, быстро облизнув губы.

Маркус молча взял со стола стакан, налил в него воды из кувшина и подал мальчику.

— Благодарю, — учтиво кивнул тот.

Дождавшись, пока юный князь напьется, король спросил:

— А почему вы вмешались в ритуал?

— То был мой долг, — невозмутимо ответил Владислав. — Господарь капитан приютил нас, его жена Ирину приветила, а сам он мне услугу... как это...

— Оказал, — невозмутимо подсказал король.

— То верно, — снова склонил голову мальчик. — Ставоры помнят и зло, и добро. От капитана мы только добро видели, а тот колдун творил непотребное. Я его заметил, когда он по замку мороком шастал, а потом и во плоти являться стал. Потому и нож готовил загодя. Нельзя врата во Тьму попусту открывать, их потом закрыть много крови станет.

— Какой практичный подход, — тихо отозвался на это Маркус. — Настоящий Ставор, надо же! В голосе некроманта звучал почти восторг.

— Что ж, — бесстрастно уронил король, — вы совершенно правы, князь. И я благодарю вас за вмешательство. Что вы теперь думаете делать? Следовать дальше в Невию вам одному с малолетней сестрой будет затруднительно.

— Ваше величество, он и сам еще ребенок! — не выдержала Ло. — Нам следует помочь бедным детям!

— Он Избранный Претемной Госпожи, — перевел на нее холодный немигающий взгляд король. — А учитывая репутацию их рода — поинтересуйтесь, кстати, у лорда Бастельеро, почему он в таком восхищении от знакомства, — на руках нашего юного гостя уже далеко не одна смерть. Некроманты взрослеют рано. Итак, князь?

— Если будет на то ваша воля, — церемонно ответил мальчик, — я был бы благодарен за совет. Верю, что невместное нашей чести вы не предложите.

— Ваш дар не следует оставлять без присмотра, — так же спокойно сообщил король. — Вам нужно учиться владеть им, как учился лорд Бастельеро, к примеру. У нас в стране темных мастеров не преследуют, если они не нарушают закон, притом вы дворянин старинного рода, имеющий право на гостеприимство и покровительство короны. Если вы согласны остаться в Дорвенанте, я назначу вам с сестрой опекунов из рода не менее знатного, чем ваш, достойных доверия и уважения. Закончив учебу, вы сможете покинуть их и распоряжаться собой и сестрой по собственному усмотрению. Принимаете ли вы это предложение, князь?

— То великая милость, ваше величество, — снова поклонился мальчик. — Принимаю вашу волю.

— Вот и прекрасно, — с удовлетворением сказал король. — Лорд и леди Ревенгар, прошу вас позаботиться о наших гостях. Через три года князя Владислава ждет Академия, а пока они с сестрой находятся на вашем попечении. В полном соответствии с вашим, миледи, желанием им помочь.

— Что? — вырвалось у Ло, осознавшей, что ее загнали в собственную ловушку. — Но...

Разумеется, ваше величество! — поспешно поправилась она, поймав недетски отчаянный взгляд Владислава. — Мы считаем это честью, не так ли, милорд супруг?

— Да, — коротко ответил капитан и добавил: — Наш дом — их дом.

А Ло поняла, что ничего иного она от Рольфсона просто не ожидала. Даже подумать не могла, что он откажется.

— Вот и отлично, — подытожил король. — Полагаю, как бы ни решились ваши семейные дела, юным Ставорам следует жить в столице, где лорд Бастельеро сможет быть наставником князя Владислава, а вы, миледи, позаботитесь о княжне Ирине. Я сегодня же отбываю в Дорвенну, а от вас жду решения касательно брака не позже, чем через неделю. Передайте его с лордом Бастельеро, который вернется порталом, после чего дождитесь нового коменданта и отправляйтесь в Дорвенну вместе с леди Мэрли и воспитанниками. Милорд Ревенгар, можете взять из крепости любое количество людей, какое посчитаете нужным для охраны, а лорд Бастельеро оплатит все расходы за счет короны. Милорды, миледи, я вас больше не задерживаю.

Капитан и Маркус поклонились, юный князь последовал их примеру, после чего все трое вышли.

— Благодарю за все, ваше величество! — с восхищенной яростью выдохнула Ло и с изумлением увидела, что король усмехнулся ей и склонил голову в ответ.

* * *

Три дня после отбытия его величества Эйнар провел как в тумане. Занимался делами крепости, потом съездил в город, где расплатился по мелким долгам и заказал для крепости всякой праздничной всячины к дню Зимнего Солнцестояния. Деньги отдал вперед, в кои-то веки не рассчитывая каждую крону: пусть люди вспомнят его добром, если что.

И, конечно, все три дня он опять думал. Сбежать от мыслей в повседневные заботы не получалось — сколько там тех забот в налаженной жизни, да и решать следовало в любом случае. Как всегда, самому. Тибо и Лестер глядели сочувственно, но с советами не лезли, зная, что Эйнару сначала нужно перемолоть все на жерновах головы и сердца, как говорят в Вольфгарде. А за разговором, если нужно будет, он сам придет. Леди тоже молчала. Встречаясь с ней за столом или в коридоре, Эйнар ловил спокойный испытующий взгляд, но не услышал ни одного вопроса и был за это благодарен.

Как ни странно, меньше всего хлопот доставлял некромант. Его светлость Бастельеро вел себя как отмененно учтивый гость, не требующий хозяйского внимания сверх необходимого. Съездил с Малкольмом на охоту, привезя дикую козу, перетискал и перегладил ошалевших от такого вольного обращения волкодавов, а потом и вовсе устроился в лазарете, часами играя с Тибо и Лестером в шахматы. Но Эйнар понимал, что Бастельеро тоже ждет, и срок, отпущенный им с леди для решения, недалог.

А он все никак не мог прыгнуть с обрыва. При мысли, что Лавиния уедет в столицу навсегда, к горлу подступала такая злая горькая тоска, что дыхание перехватывало. Но думать следовало не о том, чего хочется ему, а о том, что будет лучше для нее. В том, что она вернет себе магию, он не сомневался. С ее-то упорством и силой духа? Непременно вернет. И снова займет место, положенное ей по праву рождения и заслугам. А вот найдется ли рядом с ней место для Эйнара? Прав был проклятый ярл, тысячу раз прав, говоря, что капитан Рольфсон, дубина невийская, не годится в мужья аристократке, но что делать, если быть просто верным псом ему мало? Если в глазах темнеет от быстрого взгляда из-под светлых ресниц, от легких шагов и мимолетного отблеска мягких белых волос со стальным отливом седины. Если хочется обнять, прижимая крепко, но бережно, как пойманную птицу, чтобы не сломать крылья, но и не отпустить... А птица хочет воли, и зачем ей навязанные королем и случаем объятия?

К вечеру третьего дня Эйнара занесло к злосчастной восточной башне — зачем, он и сам не знал. Будто в Драконьем Зубе не было мест поуютнее, чтобы сесть с бутылкой вина и окончательно все обдумать. Однако ноги сами вышли к холодной сумрачной громаде, где после той клятой ночи и днем-то задерживаться не хотелось, а уж сейчас, когда тени ползли из каждого угла...

Толкнув скрипнувшую тяжелую дверь, он поначалу подумал, что это она отозвалась таким протяжным залившимся стоном. Потом — что или память играет злую шутку, или не все призраки, разгулявшиеся здесь на прошлой неделе, убрались обратно. Может, кто-то и ускользнул втихомолку, а теперь стонет, желая упокоения? Но все оказалось куда проще и забавнее. Его светлость, увлеченно терзающий старую лютню, при появлении Эйнара поднял голову и отложил инструмент.

— Только не говорите, что я паршиво играю, — хмуро предупредил он. — Сам знаю. Потому и забрался подальше.

— Не буду, — согласился Эйнар, почему-то раздосадованный, хотя никто не мешал ему развернуться и уйти куда-нибудь еще.

Вместо этого он прошел к окну, рядом с которым Бастельеро сидел на старом, грубо сколоченном столе, и выглянул наружу. Пасмурное зимнее небо, одинокий коршун, режущий крылом серую стынь, далеко внизу — склон... Ничего нового. Бутылка во внутреннем кармане просилась наружу, но пить именно с этим человеком... С другой стороны, после того дня они и нескольких слов наедине не сказали, а поговорить, может, и стоило. Так что Эйнар решительно вытащил бутылку, поставил на стол и только тогда сообразил, что пить собирался в одиночку, а потому не взял даже стакана.

Некромант глянул на пыльную бутылку темного стекла, перевел взгляд на Эйнара, изогнул бровь, а потом пошарил по карманам и достал несколько крупных веландских орехов, сообщив: — Маловато, конечно, для приличной закуски, но могу сходить на кухню за чем-нибудь еще. Ваша кухарка ко мне благоволит.

И это аристократ? Лорд из Трех дюжин, Избранный Смерти и Рука Короля?! Эйнар опешил, не зная, что сказать, а потом оказалось, что говорить пока ничего и не надо. Его светлость небрежно провел рукой над столом, отчего толстый слой пыли мгновенно куда-то делся, а потом раздавил пару орехов друг о друга прямо в ладонях, высыпав на столешницу треснувшую скорлупу вместе с содержимым. Снова указал взглядом на бутылку, и Эйнар, смирившись, отломал сургучную пробку, первым, как положено хозяину, пригубил густое, слегка терпкое вино прямо из горла и поставил бутылку. Кинул в рот маслянистый сладковатый орех, прожевал, пока его светлость, подхватив вино, делал щедрый долгий глоток.

А ведь пообедать сегодня так и не вышло... Старое крепкое вино скользнуло по горлу мягко, словно бархатом погладило, но в желудке разлилось жидким огнем не хуже карвейна тройной перегонки, что варит Лестер. Опынеть по-настоящему Эйнар не боялся — не с одной-то бутылки на двоих, — но скрутившийся глубоко внутри узел ослабил напряжение...

В полном молчании они выпили еще, зажевывая вино орехами. Кроме стола, в башне другой мебели не было, но Эйнар садиться на другой его край не стал, привалившись спиной к стене, словно нерадивый часовой. Бастельеро раздавил оставшиеся орехи, легко и смачно хрустя крепкой скорлупой, а потом, после третьего обмена бутылкой, в которой осталось около половины, все-таки спросил:

— Что вы надумали, капитан?

— А это точно ваше дело? — хмуро уточнил Эйнар.

— Ну, если уж именно мне потом утешать Ло, объясняя, почему ее бросил муж, полагаю, мое, — спокойно сказал некромант.

Прежде чем ответить, Эйнар стиснул зубы и напомнил себе, что его собеседник прав. И что он дорого заплатил за это право: долгой дружбой и собственной свободой, отданной королю в обмен на жизнь леди. Так что если кто и может потребовать от Эйнара ответа в намерениях относительно жены, то как раз его светлость Бастельеро.

— Не знаю, — сказал он, отводя взгляд и изнывая от стыда за позорную нерешительность. — Решать все равно ей.

— То есть вы совершенно ни при чем? — холодно осведомился некромант, поигрывая последним оставшимся орехом. — Ну-ну...

— Да перестаньте вы, — с мучительной досадой сказал Эйнар. — Что я могу ей дать? Она достойна самого лучшего, а кто я? Ни собственного титула, ни состояния, ни... Кем я уеду с ней? Навязанным мужем, которого она будет стыдиться?

— Иными словами, вы трусите, — беспощадно сказал Бастельеро.

— Идите к йотунам, — огрызнулся Эйнар. — Я не хочу испортить ей жизнь.

— Точно. Поэтому вы отправите ее туда одну — к злым языкам и завистливым взглядам. Едва-едва оттаявшую, только почувствовавшую себя желанной... Из лучших побуждений согласитесь расторгнуть брак, хотя общество в таких случаях всегда винит женщину — это ведь она не смогла удержать мужа. Очень великодушно, капитан. Конечно, она это переживет. Ло сильная, она снова с головой уйдет в учебу и заботу о семье. Просто окончательно убедится, что обычное женское счастье — это не для нее.

— Хватит, — тихо попросил Эйнар непослушными губами. — Прекратите, Бастельеро. Рядом со мной ей будет еще хуже. Я не смогу сделать ее счастливой.

— Если вы так решите — конечно не сможете. Послушайте, капитан, если бы я считал, что вы безнадежны, я бы не тратил слов. Но я знаю Ло гораздо дольше и лучше, чем вы. Она не из тех женщин, которые нравятся большинству мужчин, ее нужно разглядеть и суметь оценить. Зато она всегда искала в мужчинах не титул и деньги, а ум, честь и надежность. У вас, кажется, всего этого достаточно, кроме ума. Помолчите, я сказал, и послушайте. Вы делаете вид, что оставляете выбор за ней, но самом деле решаете сами, отказываясь от выбора. Или вы ждете, что она кинется вам на шею и попросит не бросать? Кровь барготова, капитан, она дворянка и порядочная женщина. Она ждет вашего предложения, а уж принимать его или нет — вот это и будет ее выбор. Имейте смелость не переваливать ответственность на нее, иначе я подумаю, что вы и вправду не заслуживаете стать мужем Ло.

— А, так вы, значит, думаете иначе? — горько усмехнулся Эйнар.

Орех, то ли брошенный, то ли уроненный некромантом, покатился по столу, и Эйнар накрыл его ладонью.

— Я думаю, — очень серьезно сказал Бастельеро, — что вы пару раз едва не умерли за нее. Так попробуйте ради нее жить. Да, будет нелегко. Двух таких упрямцев еще поискать... Но она знает, кто вы и чего стоите. Капитан, подснежникам не нужны клумбы перед королевским дворцом или золотые цветочные горшки, им достаточно чистой земли, воды и немного тепла. Хотите сделать Ло счастливой — рискните. А нет — так не прикрывайтесь ложью, что заботитесь о ее счастье. Лучше сразу разрубите по-живому, это будет честнее.

Он соскочил со стола и подхватил лютню. Сунул ее под мышку, склонил голову в безупречно изящном поклоне и вышел, легко открыв даже не подумавшую скрипнуть под его руками дверь. Эйнар мрачно посмотрел вслед, чувствуя себя так, словно получил то ли ведро ледяной воды на голову, то ли пару увесистых оплеух. Обидно, стыдно и противно от себя самого. Что он, в самом деле, растекся жидкой грязью... Прав Бастельеро, выпоровший его словами больнее, чем плетью, но честно и справедливо. Если Лавиния захочет с ним расстаться, она расстанется, но ждаль этого, не решаясь сделать шаг...

Что-то хрустнуло в руке. Эйнар удивленно глянул на пальцы — из них сыпалась скорлупа последнего ореха... Вот уж точно, сила уму дорогу перешла. А ты думай, капитан, думай... Хватит жалеть себя и глядеть на желанную женщину побитым и выгнанным из дома псом. Да, ты никогда не был хорош в любовных делах, ухаживая попросту и напрямую. Да тебе и ухаживать-то не пришлось особо. Так, привез несколько раз Мари подарки, позвал на танцы — и все у вас быстро сладилось. Но если сейчас ты не оторвешь задницу от теплого места и не придумаешь хоть что-то, способное порадовать твою жену, значит, и вправду ты ее не заслуживаешь.

Недопитая бутылка так и осталась на столе — пусть ее хоть призраки дохлебывают, хоть совы, облюбовавшие стропила под самой крышей. Эйнар ушел из восточной башни, твердо зная, что он дурак. Но у него еще была пара дней, щедро подаренных судьбой, и он собирался потратить их на что-то поумнее, чем плакаться на эту самую судьбу.

Глава 37 ЖИВОЙ ФЕЙЕЛ

Паршивка Нэнси, на которую злиться не стоило, но все равно хотелось, принесла утром шамьет, по-прежнему разыгрывая благовоспитанную горничную. Присела в реверансе, больше не изображая деревенскую неуклюжесть, глянула лукаво и просительно. Ло буркнула:

— Ладно уж прикидываться. Все равно ведь у меня не останешься?

— Не в моей воле, миледи, — совсем по-взрослому вздохнула девчонка. — Разве что вы его величество попросите — может, и отпустит. Он вам сейчас благоволит...

— Благоволит, как же, — фыркнула Ло. — Как поросенку перед праздником: чешет за ушком, а сам о пироге со свиной начинкой думает. Капитан еще не вернулся?

— Никак нет, миледи. Но сержант Мерри говорит, чтоб вы не изволили беспокоиться. Мол, у его светлости очень важное дело!

— Дело. Зимой. В горах, — хмуро уточнила Ло, пригубив сладкий густой шамьет, сваренный точно по ее вкусу. — Ну, если он в них умудрится пропасть...

Она осеклась, подумав, что стала суеверной, как деревенская знахарка. Боится сказать или сделать что-то неправильно, спугнуть осторожное недоверчивое ощущение счастья, только-только примеряющееся войти в ее жизнь, как пуганая бродячая кошка, которая присматривается к открытой двери. Там, за дверью, тепло и сытно, там ласковые надежные руки, но кошка слишком долго голодала и мерзла, она не может поверить, что дверь открыли именно ей.

— С чего бы ему пропасть, миледи? — удивилась Нэнси. — Всего-то второй день пошел. Вот если к вечеру не вернется, тогда уж... а все равно никто не знает, куда он поехал. Разве что его светлость Бастельеро попросит поколдовать?

— Нет уж! — решительно сказала Ло. — Дай благие боги, чтобы Маркусу никогда не пришлось искать моего мужа!

— И правда, дура я, миледи, — хихикнула Нэнси, наверняка нарочно сказавшая глупость, чтоб отвлечь Ло от тревоги. — С чего бы некроманту живого человека разыскивать? Да не думайте о плохом...

Не договорив, она встрепенулась, подскочила к окну и выглянула во двор, откуда послышалась какая-то суматоха. Обернулась и разулыбалась во все круглое, веснушчатое, несмотря на зиму, личико.

— А вы боялись, миледи! Вот и его светлость! Живой-здоровый... Ой, какое вам платье подать?! Может, все-таки бирюзовое? Оно хоть и шелковое, да тепло же в комнате. Дайте я вас причешу...

— Брысь! — сообщила Ло, плотнее закутываясь в одеяло. — Никакого платья не надо. Я еще сплю, вот!

Она напоказ легла, отвернувшись к стене, уткнувшись носом в подушку, и Нэнси, тяжело вздохнув, вышла из спальни.

Да, это было глупо и совершенно недостойно — так себя вести, но Ло вдруг захотелось расплакаться от обиды. Пусть они не настоящие муж и жена, но разве можно уехать Баргот знает куда, просто сказав, что так надо?! В клятые горы, зимой, в одиночку! Да она за эти два дня чего только не передумала! И никто, ни одна зараза не разделяет ее тревоги! Даже Маркус пожимает плечами и говорит, что все хорошо. Мужчине, мол, нужно иногда побыть в одиночестве, подумать... Неужели она из тех надоедливых жен, у которых муж не может найти себе места в целой крепости?!

От собственной глупости и несправедливости, которые Ло прекрасно понимала, но сделать с ними ничего не могла и не хотела, было особенно гадко. Да, она не имеет никакого права... Но ей не нужны права, она всего лишь беспокоилась! А вот теперь ни за что не покажет тревоги, пусть Кирпич не думает, что она из-за него...

Стук в дверь не стал неожиданностью, но Ло только крепче стиснула пальцами одеяло. Спит она! Спит, ясно? Не нужно было отсылать Нэнси, она бы сейчас вышла и сказала, что... Дверь открылась, из коридора повеяло холодом. Ах нет, это не из коридора, это от дражайшего супруга, чтоб его...

— Простите, миледи, — послышался знакомый голос, и Ло едва удержалась, чтоб не вскочить, не обернуться... — Нэнси сказала, что вы не спите. И что вы ждали...

— Кто-то очень много говорит, — буркнула Ло, поворачиваясь и садясь в постели, но не выпуская из рук одеяла.

Кругом одни предатели. Или совершенно бесчувственные личности.

Она искоса глянула на капитана, как всегда заполнившего почти всю спальню, словно стены сжались вокруг его мощной фигуры. И холодной... На плечах Рольфсона лежал снег, небрежно стряхнутый, но все равно видно, что толстая кожа куртки заиндевела, а стальные накладки блестят от наледи.

— И вовсе я не беспокоилась, — сказала она упрямо. — С чего?

— Хорошо, — с облегчением отозвался Рольфсон, проходя к самой постели. — Мне бы этого не хотелось.

Он поверил. Благие боги, он поверил, что она... Ло мысленно застонала. Действительно, а чего она ждала от человека, который до сих пор верит каждому ее слову, несмотря на то, что уже столько раз был обманут. И сейчас поверил... А она, дура, могла бы сообразить...

— Что это? — спросила она в недоумении, когда капитан вынул руку из-за ворота куртки и положил на кровать что-то бело-зеленое, мокрое и местами черное, остро и свежо пахнущее.

— Фейелы, — с изумительной краткостью пояснил Рольфсон и, подумав, все-таки добавил: — Вы же хотели их увидеть.

Ло замерла. У нее как-то разом перехватило дыхание, но не болезненно, а сладко и тягуче, даже в жар бросило, будто внутри разгорелось ласковое, не обжигающее пламя.

Они были похожи на тот стальной цветок, что привез ярл, но отличались, как всякий оригинал от пусть чудесной, но копии. Нежно белеющие венчики с зелеными головками на тонких стебельках, округлые широкие листья, плотные по сравнению с жемчужно прозрачными цветами... Настоящие, живые...

— Откуда? — прошептала она, не в силах оторвать взгляд от небольшого пучка, который был выдернут прямо с корнями, и черная влажная земля пачкала белую постель.

— Из гор, — удивился ее непонятливости Рольфсон. — Здесь, конечно, не Вольфгард, а южнее, но в горах все равно растут фейелы, только высоко. И мало, — добавил он, будто извиняясь.

— Благие боги, — так же тихо сказала Ло, с благоговением дотрагиваясь до хрупких цветов. — Вы ездили за фейелами? И привезли их живыми? Капитан... Эйнар!

У нее все-таки перехватило дыхание, мешая говорить дальше. Разумеется, ей дарили цветы! Еще в Академии... Да и потом господам офицерам иногда хотелось вспомнить мирные времена и поиграть в галантность, так что порой у палатки Ло оказывались трофеи из палисадников ближнего городка, куда делались вылазки за выпивкой и в бордели. Но такого... она не ожидала! Кирпич! Невозможный, невыносимый... Он вспомнил ее почти случайное желание и уехал в зимние горы за цветами. Один, ничего не сказав, без охраны и... Боги, это же сумасшествие...

У Ло горели щеки и губы, когда она подняла взгляд на терпеливо ожидающего капитана. А пальцы замерзли, но не от холодных цветов, которые она держала, боясь сломать тоненькие стебельки. Просто у нее всегда мерзли руки от волнения.

— Я подумал, что вам стоит их увидеть, — тем же извиняющимся и почти мрачным тоном сказал Рольфсон. — В столице вы их точно не найдете, то есть живых...

— Да, конечно, — прошептала Ло.

— Ну и... Простите, миледи, вы знаете, я плохо умею говорить...

Он смотрел на нее с тем же отчаянием, с каким она несколько мгновений назад — на злосчастные цветы. И Ло, поймав этот взгляд, старательно не отводила глаз, боясь разорвать тонкую нить, протянувшуюся между нею и капитаном.

— Я слушаю... — выдавила она, тоже вмиг растеряв все слова.

— Вы уедете в столицу, и король даст вам развод, если только пожелаете. И вы достойны самого лучшего мужа. Любого, кто вам придется по сердцу. Но...

Он заколебался. Ло затаила дыхание.

— Я люблю вас, миледи, — сказал наконец Рольфсон просто и мрачно, словно воин, сдающийся в плен. — Вы сами знаете, что я могу дать вам немного. Но все, что у меня есть, — ваше. Моя рука и моя жизнь. Я... не хотел на вас жениться. Но если бы сейчас я мог вернуться в тот день...

— Вы бы сделали мне предложение? — боясь поверить, тихо спросила Ло, когда молчание затянулось.

— Да, — выдохнул Рольфсон. — Даже зная, что вы откажете, — сделал бы. Можете считать, что делаю.

Ло смотрела на него, видя словно в первый раз. Нет, она и раньше знала, какой он, но не до конца понимала, что за мужчина достался ей в мужа. Верный, честный, сильный... это всё слова, они нужны, но за ними стоит то, что словами не выразить. Разве можно объяснить словами вот эти фейелы? Или то, что капитан Рольфсон готов верить каждому ее слову, даже лукавому и неосторожному? Ох, придется быть очень внимательной к тому, что она говорит.

— Вы... Капитан... Эйнар... — поправились наконец Ло, беспомощно глядя на ждущего ответа Рольфсона. — Со мной будет очень трудно... Я неправильная жена, я не смогу быть такой, как надо...

— Кому — надо? Мне вы нужны такая, какая есть.

— Уверены? — спросила Ло, боясь сорваться, словно шла по узкой тропке над пропастью. — Магичка без магии, леди без репутации, да и характер у меня не подарок...

— У меня тоже, — спокойно сказал капитан, делая к ней неумовимый шаг, будто скользя по полу. — И со мной тоже сложно. И вам еще скажут, что вы вышли за дикаря, северянина, бастарда. И я никогда не смогу дать вам то, что могут другие. Богатый дом, слуг, драгоценности...

— Вы думаете, мне это нужно? — голос Ло дрогнул.

— Если бы я так думал, я бы не просил вас... Не просил стать моей женой по-настоящему.

На каменном лице капитана живыми казались только глаза, в которых плескался яростный северный шторм. И Ло с отчаянием поняла, что должна решить. Да, теперь она может сделать куда более выгодную и приличную партию. Выйти за аристократа, как следует женщине ее рода и положения, как ей и мечталось когда-то. И жить спокойно, оставив капитана Рольфсона его внутренним йотунам, что сейчас рвут северянина на части. Забыть Драконий Зуб, холодные северные горы, опасность и смерть... Разве она не заслужила быть счастливой?

Но разве она может быть счастливой без него? Да, он всегда будет поступать по-своему. Решать, когда и с кем идти в бой, и срывать в горы за фейлами, думая, что достаточно попросить ее не беспокоиться. И ей придется научиться понимать его. И уступать в чем-то, помня, что он согласился бросить ради нее собственную жизнь. Но никогда она не почувствует себя преданной и обманутой, никогда не станет живым украшением мужа-хозяина, не лишится собственной воли и желаний. Если только... Если сейчас Эйнар выберет верно, а она сможет принять его выбор, каким бы он ни был.

— Вы хотите, чтобы после суда над магистром я осталась здесь, в крепости? — спросила она, еще не зная, что ответит, скажи он «да», но уже боясь этого.

— Что? Нет!

Он взглянул с искренним недоумением и пояснил:

— Вы ведь не сможете без магии. Я помню, как вы говорили о ней и о крыльях. Вам нужно снова учиться и вернуть себе то, что ваше по праву. Вам нужно в столицу, миледи. Ради вас и ради детей, им здесь тоже не место. И если пожелаете, я буду рад поехать с вами. Но если вы решите...

— Я уже решила, капитан, — перебила она его с тем же сладким, почти постыдным томлением, так и не проходящим от его взгляда, сдержанного, но жаркого, который ласкал ее лицо, открытые одеялом плечи и руки, как тепло очага.

Сказала и замерла, глядя на него в ответ, впервые постигая наслаждение женской власти, сравнимой с упоением магической силой. Так приятно было видеть надежду в его глазах, так хотелось продлить тонкий миг, словно балансирующий между счастьем и отчаянием, что Ло едва не увлеклась, но почти сразу устыдилась и, уронив цветы на одеяло, протянула Эйнару правую руку.

Он взял ее осторожно, а потом, спохватившись, отпустил, чтобы сдернуть холодную толстую перчатку, и снова поймал пальцы Ло в ладонь, слегка сжав их. Наклонился и поднес к губам, обжигая холодом и еще чем-то, мешающимся с обычными чувствами. Вдыхая запах мороза от куртки и волос Эйнара, Ло поняла, что у нее горят щеки и уши, а жар все течет ниже, в грудь и к низу живота, и даже дальше, до самых кончиков пальцев на ногах. «От холодных губ — такое тепло», — в смятении подумала она, уже подозревая, что обычные законы природы в этом случае работают как-то иначе.

— Это значит «да»? — подняв голову от ее руки, спросил Рольфсон.

И снова от его взгляда и прикосновения так и не отпустивших ее пальцев волна пробежала по телу.

— Да! — выдохнула она беспомощно, зная, что по ее лицу сейчас можно читать как по книге. — Капитан... Я... Благие боги, Эйнар!

— Да, миледи? — улыбнулся он краешками губ, но и эта улыбка, незнакомая в той же мере, в какой она оказалась восхитительно мягкой, заставила Ло дышать чаще.

— Я сказала «да» на предложение остаться вашей женой, — выпалила Ло смущенно и почти сердито. — Но на все остальное... вы можете дать мне еще один день? Я не могу, я не готова...

— Сколько угодно, миледи, — продолжал улыбаться он, одним легким движением снова оказываясь на ногах. — Я как-то и не рассчитывал подтверждать наш брак прямо сейчас.

Простите, мне нужно привести себя в порядок.

— Да, конечно, — растерянно и еще сильнее краснея, сказала она. — Вы же двое суток провели в этих барготовых горах! Ради Пресветлого Воина, Эйнар, вам немедленно нужно в горячую купальню, а потом переодеться и поесть!

— Что мне действительно нужно, — сказал он негромко уже от двери, — это чтобы вы чаще звали меня по имени. До встречи, миледи.

— А сам-то... — буркнула Ло, дождавшись, пока дверь плотно закроется, преграждая доступ холоду из коридора, и выбираясь из постели. — Дела в горах, значит? И Тибо с Лестером, и Маркус... Ну ладно же! Придется вам искупить вину делом, господа заговорщики и интриганы! О, какой сладкой может быть месть в некоторых случаях! Его светлость сожалеет, что не может жениться еще раз? У него будет возможность это доказать! Главное, чтобы никто раньше времени не выдал тайну, но чутье подсказывало Ло, что сегодня весь гарнизон с радостью сыграет на ее стороне.

Встав перед зеркалом в одной рубашке, упорно сползающей с плеч, она прижала ладони к пылающим щекам, но охладить их таким образом не получилось. В зеркале отражалась не Ло.

Куда-то подевалась блеклая и неуверенная в себе женщина, которой по-настоящему шел только армейский мундир. Нет, она не стала вмиг роковой красавицей, разбивающей мужские сердца. Из волос не исчезла седина, фигура не налилась томной пышностью, а губы не стали ярче. Но глаза сверкали, как льдинки в солнечный весенний день, и Ло чувствовала себя восхитительно живой. Как мало для этого нужно! И как это много — знать, что ты любима и желанна, что впереди будут трудности, даже беды, но не будет одиночества и равнодушия. Эйнар Рольфсон привез ей фейелы, сорванные высоко в стылых зимних горах, согревая их собственным теплом; неужели он позволит замерзнуть ее сердцу и телу?

Ло улыбнулась отражению, примеряя эту новую улыбку счастливой женщины, как лучшее украшение. А наряд, который подойдет к ней для первой брачной ночи, она и так знала. Прости, Мелисса, но придется тебе выходить замуж в собственном свадебном платье, на подарок короля у твоей сестры совершенно другие планы!

* * *

Тибо разбудил Эйнара, едва минула полночь. Растолкал без всякой жалости, а ведь знал, что день выдался не из легких. И, протягивая какой-то ворох, поинтересовался:

— У тебя совесть есть? Люди ждут, между прочим. И леди Лавиния мерзнет.

Про людей Эйнар еще пропустил мимо ушей, а вот на упоминании Лавинии вскинулся.

Мерзнет? Где? И вообще, что за утбурдова пляска опять творится в его крепости, где еще с вечера все было спокойно?!

— Нет, капитан, тебе все-таки не башню в герб надо, — вздохнул Тибо. — Вот как его величество снова увижу, храни его Благие, попрошу лично тебе туда геральдического зверя дорисовать. Барана позолоченного. Ты обещание вчера давал? Что жениться согласен? Выполнять думаешь?

— Так мы уже женаты, — растерянно сказал Эйнар, принимая сунутый ему ворох, оказавшийся одеждой.

Тибо только глаза возвел к потолку и уточнил:

— Она тебя в храме ждет. В платье, между прочим. Шелковом. И туфельках. По сегодняшней погоде — самое оно.

И вышел за дверь, скотина этакая!

Одевался Эйнар так торопливо, словно во дворе уже шел бой за крепость. И, будь у него время подумать, может, он и предпочел бы бой. Не потому, что собирался нарушить слово или жалел о нем. Просто как это — жениться во второй раз? Но думать было некогда. Он даже не сразу сообразил, что одежда, принесенная Тибо, сшита по размеру, но совсем новая. И что это не просто одежда, а новенький, с иголки, капитанский мундир, который он за два года своего капитанского чина так и не удосужился заказать. А зачем? И так все знают... Погодите-ка... мундир? Парадный? И леди в шелковом платье в промерзшем насквозь каменном храме?! Да вы чем все думали, утбурды вас дери!

По лестнице он слетел, едва обувшись и на ходу застегивая пуговицы клятого мундира. Тибо торопился сзади, но все равно отстал и догнал уже на пороге храма, где Эйнар застыл, глазам своим не веря, и опять ругнулся, к счастью, про себя. И с облегчением, потому что его в очередной раз надули: в храме было тепло. И горели свечи. Множество свечей, откуда только их взяли? Две широкие свечные полосы шли от входа к алтарю, образуя огненную дорожку. Как раз от Эйнара до стоящей там женщины.

Сначала он даже не понял, что видит. Мерцающее и переливчатое снежно-серебряное облако бросилось в глаза, затмевая все вокруг. Кажется, в храме еще были люди, кроме стоящих у алтаря. Точно были, Эйнар слышал у стен, оставшихся в темноте, шорохи и сопение. Но взгляда не мог оторвать от того, что впереди. Точнее, от той. От нее!

Его леди обернулась, глянула смущенно и будто настороженно — и Эйнар пошел через весь храм к этому взгляду, забыв обо всем. Две дюжины шагов показались невероятно длинными, почти бесконечными, потому что нужно было как можно быстрее оказаться рядом. Он и оказался. И увидел серебряное облако вблизи. То самое платье, каким-то чудом воскресшее, обливало тоненькую фигурку его жены до самых бедер, подчеркивая высокую грудь, узкую талию и гордые плечи. Ниже оно колыхалось пышным снежно-белым цветком, и у Эйнара дыхание перехватило от хрупкости и нежности увиденного чуда.

А леди — нет, Лавиния! — все еще улыбалась, не говоря ни слова, да и слова были лишними, потому что он пришел исполнить обещание. И плевать, что два раза на одной женщине не

женятся! Первый был неправильным! То ли торговый контракт, то ли военный договор, йотуны его дери, но точно не свадьба. Теперь все по-настоящему, Эйнар знал это точно. Она пришла сама — к нему. Невозможно прекрасная в своем долгожданном белом платье и наконец-то счастливая, как положено невесте.

Он шагнул, преодолевая последний шаг, и стоящий рядом с леди Бастельеро поклонился, тоже улыбнувшись. Вот как, значит? Темно-фиолетовый с серебром камзол поверх ослепительной рубашки, кружевные манжеты, сияние перстней, цепочек и еще каких-то побрякушек... И главное — место. Место рядом с невестой — самому близкому родственнику. Отцу, брату... Что ж, правильной свадьбе — правильные гости. Эйнар ответил на поклон, успев заметить, как одобрительно вспыхнули глаза некроманта, и снова глянул на невесту.

Где-то справа всхлипнули женщины... Он глянул туда: Молли обнимала за плечи нарядную Тильду с широко распахнутыми глазами на удивленно-сосредоточенном личике. Селина, Нэнси, Владислав и его сестра... Шагнув еще раз, Эйнар подошел к алтарю, Тибо, серьезный и тоже в парадном мундире, встал рядом, а леди сдернула длинную, до самого локтя, белоснежную перчатку и подала Эйнару руку. Он бережно сжал тонкие холодные пальцы и почувствовал ответное пожатие.

А потом Лестер говорил те же самые слова, уже дважды слышанные Эйнаром, но звучащие словно в первый раз. В последний — уж точно. Он знал, что никогда не сможет забыть Мари, но знал также, что происходящее сейчас — не предательство, а единственно возможные справедливость и счастье. И потому повторял слова клятвы, принимая их всем сердцем, всей сутью, и его леди тихо вторила ему с той же искренностью.

— Кто отдает эту женщину этому мужчине? — спросил Лестер.

— Я, Маркус Грегор Стефан Людвиг Аларик Бастельеро, — отозвался некромант. — Я по праву названного брата отдаю свою сестру этому мужчине. Пусть будет она ему достойной женой, а он ей — достойным мужем.

И это тоже было правильно, Эйнар знал теперь без всякого сомнения. Родственников по крови не выбирают; названное родство — другое дело. Его жена сделала такой выбор, значит, и Эйнару придется принять его. Притом из двоих побратимов леди Ревенгар рядом с ней он и сам предпочитал видеть этого.

— Эйнар Рольфсон, берешь ли ты... — торжественно звучал голос будто помолодевшего Лестера, истинного посредника между богами и людьми.

— Беру, — торопливо ляпнул Эйнар и понял, что не дослушал до конца.

— Не торопись, уже не убежит, — прошептал рядом Тибо, едва сдержав просочившийся все-таки смешок.

А Эйнар снова почувствовал пожатие согревшихся в его руке пальцев.

Теперь он изнывал от нетерпения, какой бы красивой и торжественной ни была церемония. Да, в храме тепло, и его жена заслужила эту свадьбу, но как сдержаться, если еще немного — и... «Немного» растянулось на полчаса, не меньше. Или на целую бесконечность. Именно столько прошло до момента, когда снова посерьезневший Тибо подал Лестеру коробочку с кольцами. Теми самыми, семейными, под сотнями свечей сверкнувшими кроваво-красными огнями. Эйнар невольно заколебался, хотя понимал, что кольца прошли полную проверку.

— Чистые, — шепотом сказал Бастельеро, с подозрительной чуткостью уловив его замешательство. — Мы с его величеством ручаемся.

Вот и попробуй усомниться.

Взяв кольцо, он надел его на палец леди и принял второе от нее. Вот и все. Словно и не было сомнений, недоверия, обид и злости. Золотой ободок обнял палец плотно, но не тесно, словно меч лег в сделанные под него ножны. Эйнар понятия не имел, какой будет вся его дальнейшая жизнь, но ему было достаточно, что она будет рядом с ней, его женой и его леди.

— Поцелуйте невесту, — сказал Лестер, закрывая книгу записей, в которой сегодня не добавилось строк, только сделанные в прошлый раз налились новым значением.

Эйнар повернулся к жене, поднял руки и с немыслимой осторожностью положил их на плечи, обтянутые искристым серебром. Лавиния глянула ему в лицо, немного откинув назад голову, сама потянувшись навстречу, и он привлек ее к себе, а потом коснулся губами теплых мягких губ, вдохнув нежный чистый запах ее волос и кожи. Руки так и тянулись обнять сильнее, провести пальцами по гибкой узкой спине... Эйнар сглотнул, с трудом отрываясь, и едва не застонал, увидев, как леди торопливо облизнула губы кончиком языка и потупилась с насмешливо

застенчивым выражением лица. Вот за что она с ним так, а?! Неужели не понимает? Или как раз понимает и...

От этой мысли стало совсем горячо, и, когда Тибо с той же ухмылкой поинтересовался:

— Дорогу к спальне показать? — Эйнар весело и совсем не зло огрызнулся:

— Сам найду.

Крепче сжал узкую ладошку, доверчиво лежащую в его руке, шагнул от алтаря...

Залихватский свист раздался совсем не оттуда, откуда можно было предположить! Ну, Тибо знал, Эйнар ему сам рассказывал... Кто-то еще из гарнизона бывал в Невии... Но свистел некромант. Громко, с пронзительными переливами, как мальчишка-простолодин. И так увлекся, что первая горсть серебряных монет, смешанных с зерном, полетела Эйнару и леди под ноги из рук Тибо. Спихнувшись, Бастельеро тоже швырнул свою долю — пригоршня золотых флоринов звонко раскатилась по каменному полу под нарастающий свист, подхваченный остальными.

Леди ахнула, рассмеялась, а Эйнар с горящими щеками повел ее по освещенной дорожке, на которую им под ноги кидали монеты и зерно. Серебро и медь летели вперемешку, пшеница, рожь и овес устилали камень так, что его уже не было видно, а шум все нарастал. Лязгали мечи о щиты, самозабвенно свистели бывшие деревенские парни, а ныне его, Эйнара, последние солдаты. И уже неважно было, кто им рассказал, как провожают из храма новобрачных в Невии. Главное, что никакая нечисть не перебежит дорогу молодоженам, испугавшись звона и свиста, а монеты и зерно — ну это же всякому понятно. К сытой жизни да плодородию...

Они уже прошли под скрещенными мечами, которые высоко подняли Малкольм и долговязый Винсент; каблучки леди топтали, как и положено, зерно, звонко цокая по подворачивающимся монетам, но у порога то ли что-то подвернулось под ногу, то ли каблук попал в трещину... Эйнар не позволил жене споткнуться, придержав локоть, а мигом спустя и вовсе решил, что она прошагала достаточно. Леди снова ахнула, когда он подхватил ее на руки, сзади и по бокам одобрительно заорали, и Эйнар переступил порог, успев услышать, как некромант громко интересуется:

— Так что вы там говорили, мэтр, о черничной наливке?

— Какая наливка, мой юный коллега! — отвечал Лестер. — По такому случаю — только чистейший карвейн тройной перегонки. Вот Тибальд подтвердит...

Что должен был подтвердить Тибо, Эйнар уже не слышал. В его руках лежала самая драгоценная ноша на свете. Теплая, шелестящая шелком, жарко дышащая в ухо и весьма увесистая. Не так чтоб не унести, но не дай боги споткнуться, а клятые камни так и норовили уползти из-под ног, как у пьяного, и по телу катился жар. Эйнар пронес замершую в его объятиях жену через двор, поднялся по лестнице сначала на первый этаж, потом на второй... Бережно перенес через порог спальни и только тогда осторожно поставил леди на ноги, снова заглянув ей в лицо.

Оно сияло, иначе не скажешь. Светилось изнутри так, что куда там и жемчугу с серебром на платье, и свечам, щедро расставленным в изголовье кровати... Убранной, кстати, цветными лентами, раз уж венков зимой не сплести. Сердце снова тронула щемящая смущенная благодарность к друзьям, которые все это устроили, да еще и втихомолку, пока он спал. Вот уж точно баран!

А его жена смотрела на него и улыбалась так, что Эйнару на миг стало страшно не оправдать, разочаровать... Он глянул на облако расшитого шелка, в котором даже застешки непонятно как искать, и содрогнулся. Красиво, спору нет! Но...

Леди еще раз одарила его лукавым взглядом и повернулась спиной, пояснив:

— Там где-то крючки. Но если не найдете, берите нож и распорите к Барготу, а то я уже дышать в корсете не могу.

И настолько в этих словах была она вся — милая, невозможно искренняя, настоящая, — что от сердца мгновенно отлегло. Эйнар уже спокойно пробежал пальцами по обтянутой шелком спине — именно так, как хотелось, — и крючки нашлись. Спрятанные в шелке и тугие, утбурд их сожри, но не туже, чем на его новом мундире. А платье, стоило растянуть верх, в последний раз прошелестело, падая к ногам сияющим жемчужно-серебряным сугробом. У Эйнара снова перехватило дыхание, когда Лавиния, светлая и изящная, как фейел, поднимающийся из снега, переступила через этот сугроб, шагнув к нему открыто и доверчиво.

Корсет, утягивающий и без того тонкую талию, он расстегивал торопливо — и был вознагражден еще одной улыбкой. А потом леди скинула туфельки, присела на кровать, и Эйнар, опустившись на одно колено, стянул с длинных стройных ног паутину белых же чулок, таких прозрачных, что удивительно, как они не расплзлись прямо под его пальцами. Что-то еще кружевное, шелковое... Благие боги, да зачем же ей столько этих тряпочек, — в глазах темнеет от каждой, хоть они и белые.

— Свечи... — ломким тихим голосом попросила его жена, и Эйнар торопливо задул почти все, оставив пару самых дальних, едва рассеивающих мрак.

Все равно ему не нужен был свет, чтобы видеть ее, — каждая линия лица и тела стояла перед глазами, будто прорисованная во тьме светлым отблеском.

Расстегивая мундир, он вдруг с ужасом подумал, что йотуновы два года воздержания могут сыграть злую шутку. И еще неизвестно, что леди знает о мужчинах и их потребностях. Это ведь не деревенская девица! Понятно, что на войне трудно остаться наивным целомудренным цветочком, но смогла же она отстоять свое право на белое платье, значит...

Думать дальше было слишком не по себе. Эйнар просто сел рядом, обняв ее за плечи, потянулся губами к виску, коснувшись теплой ароматной кожи, кончиками пальцев осторожно погладил щеку, услышав порывистый вздох. Шепнул, словно их кто-то мог услышать, давно рвущееся наружу, глупое и безотчетное:

— Моя светлая алья...

Вот так, да. Не смертоносная Снежная Невеста, выжигающая сердца поцелуем, а волшебная дева, случайно или попусшением богов доставшаяся в жены смертному. Хрупкое чудо, способное исчезнуть, если только счастливчик окажется груб или непочтителен... Но он ведь такой глупости не сделает?

Он гладил ее со всей возможной бережностью и нежностью, чутко вслушиваясь в дыхание, ловя каждый едва заметный отклик. И уже не думал о возможной неудаче, потому что опозориться по-настоящему мужчина в постели может только одним — отпустить свою женщину недовольной. Даже если женщина только сегодня станет ею.

Поэтому — не торопиться... Будет время и для страсти, но только если сейчас он выдержит, не набросится на нее, не оттолкнет грубостью и поспешностью, безразличием к ее страхам и стеснению. Вот так, моя хорошая, не страшно ведь?

«Не страшно», — подтверждали губы леди, отзываясь на его поцелуи. «Не страшно», — соглашались нежные руки, сначала застенчиво, потом все увереннее исследующие его тело. «Не страшно», — отзывалась она вся жаром кожи, быстрым дыханием и тихими, едва слышными всхлипами.

А боялся он зря. Все получилось. Немного быстро, но сейчас это было только к лучшему — в ее первую ночь не время проявлять чудеса мужской выносливости. Обнимая мягкое тело, расслабившееся в его объятиях, Эйнар изнемогал от нежности. И снова и снова целовал узкие горячие губы, прикрытые глаза, влажные от слез щеки, шепча какие-то ласковые глупости. Он и сам не знал, что все еще помнит их, что способен вот так раскрыться навстречу, не боясь быть смешным и доверчивым.

— Потом будет лучше, — пообещал он с виноватой благодарностью. — Это только первый раз так...

— Я знаю, — откликнулась его жена, укладываясь рядом удобнее. — Мне говорили...

Вздохнув, она положила голову ему на плечо, и Эйнар замер, боясь спугнуть, только рука так правильно оказалась на ее спине, что сама собой потянулась погладить, и снова по тихому удовлетворенному вздоху он понял, что все сделал как надо. А еще — что женщины в постели делятся не на аристократок и простолюдинок, а на довольных и недовольных; все остальные различия — к йотунам.

Лавиния вдруг насмешливо фыркнула, и он настороженно приподнял голову, заглядывая ей в лицо.

— Я подумала, — совершенно разнеженным голосом сказала она, — что у нас все неправильно! Знаете, милорд, меня всегда учили, что порядочная девушка знакомится с мужчиной, соглашается выйти за него, целуется, потом свадьба, а потом дети. Ну, иногда поцелуи только после свадьбы, если девушка воистину порядочная! А у нас что?

— И что же у нас? — поддержал неизвестную еще игру Эйнар.

Он лежал в полумраке и слушал ее дыхание, а в окно струился слабый белесый свет — там шел снег. Крупные хлопья пролетали мимо, плавно опускаясь на двор, и Эйнар, хоть не видел его, знал, что мягкая белая пелена укрывает Драконий Зуб, как огромное одеяло. Ложится на крыши, камень двора и ветки вяза. Но также он знал, что будет весна, и вяз зазеленеет вновь, пусть и одной половиной, упрямо утверждая торжество жизни. А в горах, стоит сойти снегу, расцветут фейелы, хрупкие, но стойкие, похожие на спящую рядом женщину. Его Подснежник, стальной, но с любящим живым сердцем, которому он больше никогда не позволит замерзнуть.

0 /j/4QAYRXhpZgAASUqkAAGAAAAAaAAAAAAAAAAAP/sABFEDWNreQABAAQAAABDAAD/4QMZaHR
0 cDovL2L25zLmFkb2JlLmNvbS94YXAvMS4wLW48P3hwYWNrZXQgYmVnaW40Iu+7vyIgaWQ9Ilcl
TTBNCnElaGlIenJlU3pOVGN6a2M5ZCI/PiA8eDp4bXBtZXRhIHhtbG5zOng9ImFkb2JlOm5z
Om1ldGEvLiB4OnhtcHRrPSJBZG9iZSBYTVAgQ29yZSA1LjMtYzAxMSA2Ni4xNDU2NjEsIDIw
MTIvMDIvMDYyMTQ6NTY6MjcgICAgICAgICAgICAgICAgICAgICAgICAgICAgICAgICAgICAgIC
L3d3dy53My5vcmevMTk5OS8wMi8yMi1yZGYtc3ludGF4LW5zLyI+IDxyZGY6RGVzY3JpcHRp
b24gcmlRmOmFib3V0PSliIHhtbG5zOnhtcE1NPSJodHRwOi8vb3NlYmUuY29tL3hhcC8x
LjAvbW0vLiB4bWxuczpzdFJlZj0iaHR0cDovL25zLmFkb2JlLmNvbS94YXAvMS4wLW48P3hwYWNrZXQgYmVnaW40Iu+7vyIgaWQ9IlclL1Jlc291cmNlUmVmlYIgeG1sbmM6eG1wPSJodHRwOi8vb3NlYmUuY29tL3hhcC8xLjAv
LiB4bXBNTTpEb2N1bWVudElEPSj4bXAuZGlkOjYzNzJFRtZTZENDFMDExRTIBMDNCRTQ4OEFC
MTM5NjQxLiB4bXBNTTpJbnN0YW5jZUIEPSj4bXAuZGlkOjYzNzJFRtZTZENDFMDExRTIBMDNC
RTQ4OEFCMTM5NjQxLiB4bXA6Q3JlYXRvclRvb2w9IkFkb2JlIFBob3Rvc2hvcCBDUzYgV2lu
ZG93cyI+IDx4bXBNTTpEZXJpdmVkrNjVbSBzdFJlZjppbnN0YW5jZUIEPSi4NzBCRjM3Mjk0
MjIxNEE2NzY3MDFGREFCNzFBQzg2NSIgc3RSZWY6ZG9jdW1lbnRJRd0iODcwQkYzNzI5NDIy
MTRBNjc2NzAxRkRBQjcxQUM4NjUiLz4gPC9yZGY6RGVzY3JpcHRpb24+IDwvcmlRmOmFib3V0PSliIHhtbG5zOnhtcE1NPSJodHRwOi8vb3NlYmUuY29tL3hhcC8xLjAvbW0vLiB4bWxuczpzdFJlZj0iaHR0cDovL25zLmFkb2JlLmNvbS94YXAvMS4wLW48P3hwYWNrZXQgYmVnaW40Iu+7vyIgaWQ9IlclL1Jlc291cmNlUmVmlYIgeG1sbmM6eG1wPSJodHRwOi8vb3NlYmUuY29tL3hhcC8xLjAvbW0vLiB4bXBNTTpEb2N1bWVudElEPSj4bXAuZGlkOjYzNzJFRtZTZENDFMDExRTIBMDNCRTQ4OEFCMTM5NjQxLiB4bXBNTTpJbnN0YW5jZUIEPSj4bXAuZGlkOjYzNzJFRtZTZENDFMDExRTIBMDNCRTQ4OEFCMTM5NjQxLiB4bXA6Q3JlYXRvclRvb2w9IkFkb2JlIFBob3Rvc2hvcCBDUzYgV2luZG93cyI+IDx4bXBNTTpEZXJpdmVkrNjVbSBzdFJlZjppbnN0YW5jZUIEPSi4NzBCRjM3Mjk0MjIxNEE2NzY3MDFGREFCNzFBQzg2NSIgc3RSZWY6ZG9jdW1lbnRJRd0iODcwQkYzNzI5NDIyMTRBNjc2NzAxRkRBQjcxQUM4NjUiLz4gPC9yZGY6RGVzY3JpcHRpb24+IDwvcmlRmOmFib3V0PSliIHhtbG5zOnhtcE1NPSJodHRwOi8vb3NlYmUuY29tL3hhcC8xLjAvbW0vLiB4bXBNTTpEb2N1bWVudElEPSj4bXAuZGlkOjYzNzJFRtZTZENDFMDExRTIBMDNCRTQ4OEFCMTM5NjQxLiB4bXBNTTpJbnN0YW5jZUIEPSj4bXAuZGlkOjYzNzJFRtZTZENDFMDExRTIBMDNCRTQ4OEFCMTM5NjQxLiB4bXA6Q3JlYXRvclRvb2w9IkFkb2JlIFBob3Rvc2hvcCBDUzYgV2luZG93cyI+IDx4bXBNTTpEZXJpdmVkrNjVbSBzdFJlZjppbnN0YW5jZUIEPSi4NzBCRjM3Mjk0MjIxNEE2NzY3MDFGREFCNzFBQzg2NSIgc3RSZWY6ZG9jdW1lbnRJRd0iODcwQkYzNzI5NDIyMTRBNjc2NzAxRkRBQjcxQUM4NjUiLz4gPC9yZGY6RGVzY3JpcHRpb24+IDwvcmlRmOmFib3V0PSliIHhtbG5zOnhtcE1NPSJodHRwOi8vb3NlYmUuY29tL3hhcC8xLjAvbW0vLiB4bXBNTTpEb2N1bWVudElEPSj4bXAuZGlkOjYzNzJFRtZTZENDFMDExRTIBMDNCRTQ4OEFCMTM5NjQxLiB4bXBNTTpJbnN0YW5jZUIEPSj4bXAuZGlkOjYzNzJFRtZTZENDFMDExRTIBMDNCRTQ4OEFCMTM5NjQxLiB4bXA6Q3JlYXRvclRvb2w9IkFkb2JlIFBob3Rvc2hvcCBDUzYgV2luZG93cyI+IDx4bXBNTTpEZXJpdmVkrNjVbSBzdFJlZjppbnN0YW5jZUIEPSi4NzBCRjM3Mjk0MjIxNEE2NzY3MDFGREFCNzFBQzg2NSIgc3RSZWY6ZG9jdW1lbnRJRd0iODcwQkYzNzI5NDIyMTRBNjc2NzAxRkRBQjcxQUM4NjUiLz4gPC9yZGY6RGVzY3JpcHRpb24+IDwvcmlRmOmFib3V0PSliIHhtbG5zOnhtcE1NPSJodHRwOi8vb3NlYmUuY29tL3hhcC8xLjAvbW0vLiB4bXBNTTpEb2N1bWVudElEPSj4bXAuZGlkOjYzNzJFRtZTZENDFMDExRTIBMDNCRTQ4OEFCMTM5NjQxLiB4bXBNTTpJbnN0YW5jZUIEPSj4bXAuZGlkOjYzNzJFRtZTZENDFMDExRTIBMDNCRTQ4OEFCMTM5NjQxLiB4bXA6Q3JlYXRvclRvb2w9IkFkb2JlIFBob3Rvc2hvcCBDUzYgV2luZG93cyI+IDx4bXBNTTpEZXJpdmVkrNjVbSBzdFJlZjppbnN0YW5jZUIEPSi4NzBCRjM3Mjk0MjIxNEE2NzY3MDFGREFCNzFBQzg2NSIgc3RSZWY6ZG9jdW1lbnRJRd0iODcwQkYzNzI5NDIyMTRBNjc2NzAxRkRBQjcxQUM4NjUiLz4gPC9yZGY6RGVzY3JpcHRpb24+IDwvcmlRmOmFib3V0PSliIHhtbG5zOnhtcE1NPSJodHRwOi8vb3NlYmUuY29tL3hhcC8xLjAvbW0vLiB4bXBNTTpEb2N1bWVudElEPSj4bXAuZGlkOjYzNzJFRtZTZENDFMDExRTIBMDNCRTQ4OEFCMTM5NjQxLiB4bXBNTTpJbnN0YW5jZUIEPSj4bXAuZGlkOjYzNzJFRtZTZENDFMDExRTIBMDNCRTQ4OEFCMTM5NjQxLiB4bXA6Q3JlYXRvclRvb2w9IkFkb2JlIFBob3Rvc2hvcCBDUzYgV2luZG93cyI+IDx4bXBNTTpEZXJpdmVkrNjVbSBzdFJlZjppbnN0YW5jZUIEPSi4NzBCRjM3Mjk0MjIxNEE2NzY3MDFGREFCNzFBQzg2NSIgc3RSZWY6ZG9jdW1lbnRJRd0iODcwQkYzNzI5NDIyMTRBNjc2NzAxRkRBQjcxQUM4NjUiLz4gPC9yZGY6RGVzY3JpcHRpb24+IDwvcmlRmOmFib3V0PSliIHhtbG5zOnhtcE1NPSJodHRwOi8vb3NlYmUuY29tL3hhcC8xLjAvbW0vLiB4bXBNTTpEb2N1bWVudElEPSj4bXAuZGlkOjYzNzJFRtZTZENDFMDExRTIBMDNCRTQ4OEFCMTM5NjQxLiB4bXBNTTpJbnN0YW5jZUIEPSj4bXAuZGlkOjYzNzJFRtZTZENDFMDExRTIBMDNCRTQ4OEFCMTM5NjQxLiB4bXA6Q3JlYXRvclRvb2w9IkFkb2JlIFBob3Rvc2hvcCBDUzYgV2luZG93cyI+IDx4bXBNTTpEZXJpdmVkrNjVbSBzdFJlZjppbnN0YW5jZUIEPSi4NzBCRjM3Mjk0MjIxNEE2NzY3MDFGREFCNzFBQzg2NSIgc3RSZWY6ZG9jdW1lbnRJRd0iODcwQkYzNzI5NDIyMTRBNjc2NzAxRkRBQjcxQUM4NjUiLz4gPC9yZGY6RGVzY3JpcHRpb24+IDwvcmlRmOmFib3V0PSliIHhtbG5zOnhtcE1NPSJodHRwOi8vb3NlYmUuY29tL3hhcC8xLjAvbW0vLiB4bXBNTTpEb2N1bWVudElEPSj4bXAuZGlkOjYzNzJFRtZTZENDFMDExRTIBMDNCRTQ4OEFCMTM5NjQxLiB4bXBNTTpJbnN0YW5jZUIEPSj4bXAuZGlkOjYzNzJFRtZTZENDFMDExRTIBMDNCRTQ4OEFCMTM5NjQxLiB4bXA6Q3JlYXRvclRvb2w9IkFkb2JlIFBob3Rvc2hvcCBDUzYgV2luZG93cyI+IDx4bXBNTTpEZXJpdmVkrNjVbSBzdFJlZjppbnN0YW5jZUIEPSi4NzBCRjM3Mjk0MjIxNEE2NzY3MDFGREFCNzFBQzg2NSIgc3RSZWY6ZG9jdW1lbnRJRd0iODcwQkYzNzI5NDIyMTRBNjc2NzAxRkRBQjcxQUM4NjUiLz4gPC9yZGY6RGVzY3JpcHRpb24+IDwvcmlRmOmFib3V0PSliIHhtbG5zOnhtcE1NPSJodHRwOi8vb3NlYmUuY29tL3hhcC8xLjAvbW0vLiB4bXBNTTpEb2N1bWVudElEPSj4bXAuZGlkOjYzNzJFRtZTZENDFMDExRTIBMDNCRTQ4OEFCMTM5NjQxLiB4bXBNTTpJbnN0YW5jZUIEPSj4bXAuZGlkOjYzNzJFRtZTZENDFMDExRTIBMDNCRTQ4OEFCMTM5NjQxLiB4bXA6Q3JlYXRvclRvb2w9IkFkb2JlIFBob3Rvc2hvcCBDUzYgV2luZG93cyI+IDx4bXBNTTpEZXJpdmVkrNjVbSBzdFJlZjppbnN0YW5jZUIEPSi4NzBCRjM3Mjk0MjIxNEE2NzY3MDFGREFCNzFBQzg2NSIgc3RSZWY6ZG9jdW1lbnRJRd0iODcwQkYzNzI5NDIyMTRBNjc2NzAxRkRBQjcxQUM4NjUiLz4gPC9yZGY6RGVzY3JpcHRpb24+IDwvcmlRmOmFib3V0PSliIHhtbG5zOnhtcE1NPSJodHRwOi8vb3NlYmUuY29tL3hhcC8xLjAvbW0vLiB4bXBNTTpEb2N1bWVudElEPSj4bXAuZGlkOjYzNzJFRtZTZENDFMDExRTIBMDNCRTQ4OEFCMTM5NjQxLiB4bXBNTTpJbnN0YW5jZUIEPSj4bXAuZGlkOjYzNzJFRtZTZENDFMDExRTIBMDNCRTQ4OEFCMTM5NjQxLiB4bXA6Q3JlYXRvclRvb2w9IkFkb2JlIFBob3Rvc2hvcCBDUzYgV2luZG

wtJzk6PD00SEJhhUZJSkNUVVNnYnNxEAAgIBAwIDBgUCBgMBAQEBAEAERAgMhMRJBFFhInGB
kTITBfChscHRQhTh8VJyIzNiggZDFaKy/9oADAMBAAIRAxEAPwDFvi+3iz91i7yQeqCWCARu
ahEPU/UmtNGoYOzgfPim+vrO7xmF9qFo472W9t7sRBbxZGgYFTKOsfB4Hao0a1Ka0lf6jr2
a07W7RzduTHf/aKWISiA+4gMgKqAtGqeg8dKuk6JEwbGXfEONssrmshJLlavci2tGnSFAh5Or
KAg9zbk/Lanlqp8i7ODSIbBIUB/5VUBTckvak/3auX4C+T8D0RON17TuE8yXta0/Zqa+Bcli
yEkksiv269usUESqvJLajnJGvJIX6esjbav3E5Mh967B9wdsTcmNQPetepH/AFemql+BHZkk
M18SVk7VIAG1RcWvX9mqbfgW56F7G2iXt57d7gHsofalb3zcWxBkjQukey7c2HGGuqTfgVrJX
jS7fj7/askVV35XlsAPp089Ru3+kpu0bE0QvYwTH2rUV9P8A6hbA08yCNX6vBEI+BaxMX32U
t7TMYRcbZEBJbsZCAiNAp4+lQT1pq031SLlzsVUucqV4v2zbqV2FcvDTY6mvgU2yQTZDiqnt
u0ap3P8AOI/9O++pL8CpsXMbb/dZC2t8r2/b2lINkIXV0mWjcxRMwDPQdeI3pqazqiTYhlgv
Y55Utu17adEkdY5BmYxzjRyEeh/xLQ6idv8ASXyZiJXrR8Ze0oVrWh/nUAG23+vVttbInKx1
ZxsbmGC87atre1eVBPP/ADqF2jiZgGYCu/EOvNRcvBFcrFm6sMesWZIXELDYd7ujx3LXT3N
rbhiCtVcq7pR2cbRdc70GqdoQ2tfEGpjbWDDWOSC3c1tfLxtTHb+7ctGKENOhAWNlJ9v0kh6
cxsdW7BcEyuYlX9QtMntSv8AwIP+fVckF9MK4DD2l4jXNz99bRRMESCa1SCW5YgsyxiQqqv
qeU1Cjz1fPqNCXJqPj23is3Yz5CSxtBi+UkEVq9qsjTmPH8YzyVkam69AD1poQlVDLefEvY
11VjiloW3PKDIEf7P9GoTigU3wh2R6glLsfhcHp+HHV8geCB1z8D9qSn0zXsTUpS0b0FfMoN
VyLeNmRh4JxSNS3y13FSOAAgJ9vruNXylWUkUvVOrqzfzyWu9CbVNhX6ONTkycERP8ArwUv3
BOWAAyH0jFT4mnLU5EdCSP4Dj2H87kNK0ItEH9z01OROBKvwFY0pc5i5kPmlvGu30qT/ANOo
rE+mXbf4H7XjIMlzfTE9aGNK7U8FNP8ARqci+CCExwt2Yie3NDeS71Ja5Kn/AOVUakl8EX7H
4h7HtxUY37gHr9zI8v8AfTQyXxRNmew8PaYiZMHYwVnL+sj7OGf3UUVMJEg/8TYVrtqmy4Rj
OQwuEzOikzmJns5Yw7SYy3jEwkeM/xUhVzyiljG/tVIYVKnw0fKCnQVVtrcMX+zyw6Dj9ml
D/8ALavkgfpl/EYuO+vY7SCG+gmlJ4/e24gt2ahIWSReRQNSnKmx1XJEdND3t/H211aZCewt
Jcg+LupLa5F1zhNxoIXMWj4Dkqouwg/VwHubmo1fJRJTTr0RJ/CfCwXsWGsf5vLclJLF8uFAs
zFzScMTQln21bnwFTaCsJXn6U7csDvTbNKQSB+Op6vAqbENzBkH9UXbliHYg1/nK/s6+WpL8
C6t9S/BFH/KDdNhLRMik8aJZ/wA1UqbcqxaTnUiqsAvH66jnwI5KM0l/UD+QWXPof/V08/od
XL8CpscSz5FuuBsVIGx/m6f5jqS10LmxMskjYy4d8ZYx5GJ4Ra2xygKSRuxEpLA7FBSg8dUp
8CLl1IFlyzxr9xh8eG3Df+q06fnqm7eBG7HH3GQibguGsN67rlAfHyJ1PV4F+os291I9hdm/
srKG6gVWsYRkapM5YBgzD9NFqR501JfgT1FM3uSLBBjbH6H+aA9fz1fq8Cny8DyW6yDwPBLi
rKRWqGQ5MUIOXFa6qbeBjTOWAeHLYdxdSxxWsPL2bZjOtygjYV+3uSCT7fgkh3X+46+f+YSR
V7hka79i/SMwPyaORJxxlj9qlUdhs4G3E+WrlD0Ci1YT3Nxaia1tpfbcf71leLKRWm23mOmhb
QUHFwXL/AHF1bToS6qf4YjXm1KA9Bvt0i2UP6d2EssKNv7d+n1NDGfPw0FNhFvmHn45lsmyO
LSWO4hzEd5MGIKGyktdbsY+A/WJFIPLwI8iNEQj/AKIfuOxe1I3FVWw90dP1Jb1/wA2kZNK
L3EwGL/HWMyORvJBaOsHGMNuT6gTQG1PUabjrLCY9xdr5IRR7xGA8KvWv7NP+mwUnBxLgcv
ErOtyknmOTim/Xf+3QOgUA50vk9LS1ArWjtR8joS4ZGLW9kkLCdlBH/xG8NVBOLZ+W0vVAZb
hIIJ2Dv4HULaJyuRaT3TckyOSWYu/wCo7knUK4nkr5B6I85KjoOT6kEdWz1TkFT/AMwaH/ab
pXpXVEjUhmT7l3q85BG7EM46eerguGc/bTcai4IJP6eT/wCnUgnE7S0uTxVboip8S5I2/HVE
4lxbK/CALeDjTzep8h11RaoSw4y9kpW+A8TXmaHz66gVcU9S4O1Ly5j4yZFd+h/iVAP56nJe
A5dr/wCQS7W7YscXIP8A1My5K6IrjoFf2kuZf/gxvleKTH93n16J6tUnP4/H8isuB0cvYf8A
/wB1uzY/j7P4S3x6F6MtkbCeynuH9mNLfkP8AcJHUII0bcg+pju9T0p6rQXVambdgXuZilpZ8
kxCyR299dyBpoYmlUhInUEsscnRiv6etdqatK78BxkxheOv4nsUkGctJFjt7BJfuWZqc7eQQ
8+NyjtVedRvKOaHqIW4c7cmxIhbC3GShnvOUwuQZf48pu5VelGp7ZYjg0a9KU+pkBKxs/b/P
EY2K3RfbCihRRQKPIH01JKbCMmfutUQ3Dkc+RVaM7EIKseKgmijdjSg8dVIHNKx7itoY42k
eqzCsRQGQvtyJVUDFhxFSR0G+rJzPVy1tMROhBSRQyMpBDAioInffEbjUJyZy+St1k9Q60oPM
6hfl5/n2NZjAPU7M8YPFuJeP9aK9ODMv7yg1GoycAZu3ef7SJWuJ13aKCN53A/2liDFf+1q
FcyzbZqzlZ4lBEkVPdjdGjkTluCyOFYA+Bpvcqic2WDmbYAALWvjTw1JL5kVz3FY2zD3QUUKW
NFZyFSnJiFB4otRVjsPPVrcnI8bMQyuycgXUAIQRUK36SQDWh8NRlqzOD3BGY2dRI0aEoZI4
ZZIuSn1L7ioVJHjvqFO5zHk48nFlItKsqkcaowYrU+NDsdUWrGVd1z4Ptu/uZ8rcw42eV1ku
I5G4LcdVWRQvqDNUqWHh10KGyZs8WGhhrbuKZjY2kTSYu6kdoYp7YGqRRshD3AMxMZZuJCC
u3Llpjb94OpS74OXssa1tiIaWUMT3WTjhoWt/cKgSTSkEzK78RAhPBadanVQWEvhb5N7X7P7
HzuD7gxdzlbJf3qXRlimjQp7cIVXDt6llVvUrruNEwFWXoVspjbHvhI57ewubTIXjF8aOUaX
E9uzU+7IRKJCg/fY0SVt0WtdNxY7XfFC8llVSz8PglxvVs4tRStfZKv6kfrroW7COpj/vJ
6Ev/ALHZIMpOeDHqKwyUr+HPQ/2b8Qv7vy/MkT4PyhpD/PU/UWJ9iTi+FefTRV7BvqA+9jof
m/p7upW5PngCP/kMnU/9vTF9sfj+Qt9/D2/M/L/T1chjTPb9APZkP976C3YNdQl33kcL8BTv
AOdYEbf7lj06f+JrJfFxNOPNyOh8G3B9I7gag84Wp/8AN6UNVmeL8FXQagzxAHh7LHcb/wCP
UgnMhm+BpZd5c6zCv/wW3/8AtmpBOZ0vwMf/AOttyX/5Caf/AETVqoPM9/8AYV0rTOsAf/kL
f/fPDVOpFFU9PwRd+2yLn+SEUIML8T/8vqcS+YM7y+L5+3ezsjlMhlf5h9jEos0jiMTK7yBR

zdxZApPFf7dS2xdXroKfaeSyeDsA2MAuC0ytJEymT0cBUhajxrXz0nLa2nEHI2lobT81QY+
27L7ebB8f5fcX0jxPH0cmOAtUnfZifSenTRLfUOjbpqMR/p0LfdIAdjI6/iYjqV2Be5oPxv
YtdXeDzyTQvBLdz2T2qyD7qJ4bdyGeL9QSSvoYeVDvonoieRB/UlILXsDs6VWqjWqJzUj1I8
XA7/AJ76TfWqJiehIvw3AIM1dJJSqxXqKHWjtyOGalPAvtmTdWBNR4ft1qaKQNmURrJKw/
QpYg+IARt89KYxIU3YOOBcimpO/SpqAPMaS5LqftwKr0Hh01RZKII4j26vWITtUnx28tVAUS
ePGVILbA7k/Xy31aBdShepbwp46okSfSSrGm3WnhqELiZOnXb+3RQU9CF3Yb16b0G/hqikd
pOdiagCm51cMhZt7hiK1oQdDASL1td8Tx2J2/bqmgkwtZzQ21j/PM3K9tiQ3tq6AGe5kH/g2
qH9T/wCN/wBKdWPgaGPI0T4VMj3dj7+W8uP5JjcrOY7a1toxcOsCU58ZJKsESggyjkTWINQU
8lrbssZWGHLNc4hbXrjKpAYEY91C9ol6gHEJds6gI/8A8G4b9XRt99UkCc2eRFnb22DwlxbQ
3r27JdRvi2kW7twQDJD7QLPFyHE+5uxHLx1bUIJwVI+54LR0uIcxi7aVGpHJHipVkrQ0ABCh
ga7f2apIt6Gj/H3xlm4O/wCxu+4RZtbWMIvq21g0UTsaKgWR14c1Y+tf1DrqmRjv8k9/3nYe
DgzkuKnzUcjrBxix3q4+CwupOTRwyxrG88nNF5LLy4N4U0FmlH49wm99JMa7h/qF7+ycsR7c
9jtGOKVJHONMr3MzwsHRZ7qdnkeMMATECqt+8Dqub6Cnkcal1bvPvfM474suPkLs0nFXeQhw
V5aSW+32ceQnlkvIox4RNc23Dj/gPHpqWcQ11f7SHymvLyF7C/OGdyWFuO5JOyZZsPZSGPI5
DDX9zDbQTPSQ/wAFImWIHly6cBXVWYJLVA8m1KQ19o/JnaHetpfSW17e4v8AIVncZLIWV4kb
XhsbOMvL9ncQ0jeQ7L/ERWAbkK01TyVhvwLx5VZwDPhPvzKfK1z3HhsnyjvLdrbLdvdvQ3At
LdbS1jltzXxyCykPuo08qjm1Wbr0JNtTuwwVtHoIF13t8qdx/JVj2DkMi2HRM3BjXwmGc2
mPIdbpUkUeyQ0wWh/iSOxbV4rNtCr2c8X+Rbz3zl392n313Dhe4Etu5Lexyt+kEGUVzNbx14
eiQXMTJMicQKISVHgBoKX0kZlu+bS8S5b/1AdzZu5scT2/2XbtZaeO0sGvLq/vreSeRgOKR
SFEcitTyY8RudMXkRWfghO4fmKJfkPG9n/E7yz2yZy1hyN+ZOSXcSXHttjrUD/8AAVZ35s9T
IafugVCt07JdP1ByZVvXxCLd/fINh8aZHAwt3bi4wN9c5uK4uLRVGRhS0yTQW11BMRWQpEOD
QvVHVabHU56x/wCKf5v4pjL3S+LKny0+fg7BXuXtbM3Njd9sNbXVvdYm6mtre8weYdggkqjC
qqcQk8t05Mh6au9nWH7v4/HgVZ+I/EUPj35u79e8WXu22vu6sJbU+7zFtal8YIesqXMMdJO
I9TRT8g48tUreIGO1vCRz+bOz8n3PHZ5jHSPJf4xltN9m2N5FcQ3SrJHNDGvq4uHVzVuIBp4
V0aUM2J6GV94ySdqdwY9rZHL2UBs0R4baXEmXjFcIH5AqOPrapPHRL1ahN9Cta9xGCK3mnb6
CbDXsy8ILfDmL7qZaqixvIPbDsqrtsN/LV8SitYwdjjGu8ncxpkffuTLbYyOBikD7JzvoY1
/hiNvSkI2lbfZdTWLDeljncXa32V7ez+Slymbj96f723SLncIPTHQxho2VNI4+kbDR1y2prV
wLtSt91IwfGfyhY92QQ4XKEWfcESBAjGkd3wWnKInpJt64zvXdajbXV7fvJ0v8f5/kwZ+1a1
r8B+EAHE0BofxP566PE57sWoYAnqYdfHTqUQu1iwY1j3UdRtpzUIUtwV4h/EbY8fHWwybHaH
LQEbUBY/3HWLNhkfjyQyoyBOQFWLV/HXMyY42OjjvKkjXYUNRX+/S2hqPy0oGlr1/HUgh+QU
bkASCPyGpBR7TmBUVJPXVkpW9JoK/XVMtAfvtvKd19rXWDxgjSa7aINJMxRFjR+TEKAmu2w
0FgqsZw6+DO68XjZcjd5SytLSzieeaU+63txRirGgSpoPLVNoJMXbO4zMMBw9xLLcWNVn93H
boC0ImYAh9/0clpXz1PaRAv+nVK3asRsb+Mej/60x1VXoD1NF+MLH7bubBZARmjTM0cwWnJ4
oXLAN/iQ0r5bV1bZILP9YIliVYnasrP7kk0atI5pyY8QxLcQB49dJtbYui0MZ+GmZctcv+om
Mbncjf8Az6fthZI1NZhQyqePiOn4a1KxOIN7IV7bH8YhvdNw5HwAHl/mdLyOA0hSljcUrtvuN
JbLSZ4q0Xc+kf5CmpJeiZBMkXqVQtTUA70P4nQthnDq0rVpU70/DrqSRo/JEFi4uBy8/rXVS
RVglj9qOfgAdZ601YUEM0MJULGK/spq5AsilNbA703Jp/o66tMXBH7EhUE9PPw1ckO0jZdjQ
UNCNU2SCxbXqWjpNNbpeqh3gmd443Y/pDMIG416gHfVE6FzE43P9/wCVmlvD7jY6LncSORDb
2lqpAEcW3txBiQsY2HIgsfHQlo0W4OMthDirNTFa20TI0c0j2cMBVaRRewhEjTczWaSRqbHi
KapstJbneZxsnduHvO27Ga4xfaxs21ljkWdZPvrq3V5Lqe5QjII3/jLGG5qg9IPTUkpfCJYS
Ekv5IZLiTE22LvpY2cBmjvFeT22VQ4BhUEsKGuw31JSZT2DnYPamO7t76jup7C3na0drqa5m
jhmlMasfbYyKlyWY03dC3mfHU5EjU3e5X7BOECGeeTnJDbVCqTGtWZ2YhIUU5yMQAP2aHcm
Q+bfjnV4919xL2jib5LjA4adRLeoQ0V5kXASe8JGzRRVMcAGyou36tIer/HxMeV/0oIfPuY7
Aue3u0+1/j/I2OSsO3vvII GP5sywukASW4Z0Ws0zrIzUrQ6LI9U/IvI/SknP7Dn2tBZ93/B
r42wmjYbPtW6trHHJH7tpeYy8kvbZpISeYV6ng4Wm/XVXbeNvyXxRKKax5Mzb4W7675wmS
uuyuw1s5J+91WwjGQqtFJxkpNToWCM44vUHbY7DQ0Tc1/1fhi8NnW0rdmq/Gfx1bfH1jLNh
Ls3uXv4jBd51oRwEFam3sYJlb+C7Ae7NKKyAUVQNGkq7Da0Vfb4ij8ldh9523eF18rfHU/2O
VgLZLJY2JxDd2kkUYE9xahyFubNwObAbpyKutNWlxlrB9PGfIt15Wn+r8bFwLnwJBeZbvnJ9
73LG4nwVldZKKbiG55W+JgtXCnavuzNJ/wBnVL0px+JF01tyP3zPkrtr5xHdWHKPkIY8V12
5qChvWtYnkDrShEpB5D/AGjq543tHjsXez0c6wjerruCXLW47mtDDfWs9qctH2yMIneyhydQ
3uRQFGjCCnuW7r5Cooa1JtLfX+GOVnuuph/fGex3Zv8AUgmYgtYbHF9t5DHIL00iEcSWsMEJ
f240AAIDMw8zpdKqt/KROT5k/YV/mYZPuK2xvfeEQsOz8gZsT2fZy1Nw9jyS13KCNjcsuz7
+o130NvTaerX5ILMtrL2fuP+ZbEWfwLKbE/+l/8AKFlbWjBkNe3mSQ3AJP7/AN0jkjwAFBpl
/10/8S59Om0AH+nnvMdj4t8xmO/Ye28Da3Ukk/awt1ury9ZVRmaNWUIPeoEDLvt4ddHV6S3o
THHibB2X3ZYd52a9zW0UtrFnka7+2mb3HgaKV7WSBZKDIGvBCigejlx1OiZoxWT1QlPfamN
vBZdzPZQXJtx9tK8sEU0gq1Y6NLWgr4cW1E4e46y0M2litrqCJLIvCvc427uo2kklePZSyc+

Leyq+mJIVVRVXwA0fh7QSTDYbuHGTZju3t3IF85mp/uTaxzPb2stpazK8kU0TR85Y44AObsv
BeVBVtUnH7ltTsWLuXCRZd7/AANsbGyu7iSzoYbiZb22SZRJwWV0MUqwy8l4svqQjx1a8JKf
iKpFPZ8iST91Ye2kks1ufluVgieOSO5iBaOZY1HOFJyC0Kn1bFqAEaLRCLttua58cQd+x4G
Md8vF90VBgip/wAYI23U3TD08yPLf/FvrvtW9axZ+7wOH3N6Wt6fj4javEqF6V22/YNb8d9
DFepIVooqeg38tummOwMHJh2KgeoeeshpQSepWkjRhXfatRrFlVqj6QzhraSRsX9NRX8zrK
8DZpWVlPvAysK/pFNvM6y2wQaK5pR+SFgoQ7LUSSN/roVjlhvJoeJE5f21rXr03p9dBesB1t
KL0ONkKqW5FgUSKf2aU7QGdnETPP7oAKjYA9fz1XluApHZqIyKUqN/qdA7FwDe/bNE+Pu4S
RsMdPX9g6aBsuu586dvplbPDx9wO6/aJcPj0IJ9KcTvhnHjFIDSNhup+mnzHvJAE/pwA9+Ou
xORTf/502pRtIHqaZ8bXl1b3eKwguJf5WLMW8htGNY4p5LZ1kddqjITffUvZw/YRQF/6yorS
T4/7VEBUpbg2oZTUOfTo5Efem5D765uDuV15VW+NpW+EjXtK2Z8+/DVGzEyN1aHIX6hgKa6W
GQKo2SwwKRhhStNx+FNajYdUQ9wYj72OK+jYngPbdOoWpryAHn46XdsbSoAfE2zOsBarAVHSI
adP82kuzHVxop3nblxB/FAPtkBED8NV9RIW7dooS2ki1Wmw3Nfx1fMW6EcCmojbceju9NVyZ
SRba2LID0psaHbU5MPHKOBSZSirADbz1OTK4MhljEYrTi6jYeei5NgWSRXKl6uR+H+kavkWNy
f24hEAahvHy6arkw+Oh3jsNeZWeKxslZLq6uJPaggiUvJi77BVA6nU5MFV6n0J2h8GYD477X
u8p317GQ7xyllOmPsGZDa4yGSMrJcTO/oX2wTzmb0r+IKtobtxCAM+H8quMCO2O0VITs25LR
GAZ0V/3VexirCPKc8ONt/wBfJ9jTk/guo7NorUkxWPubewu8jl+48tgu3MCY4LzJXUdtLG7s
AUt7MKS11K6n+Hw23HhqcwWRjDd4d24u7mzN7f2OP7bWXPW+Jt1h5422VKQy3crdL2dP0Rg1
pXoNU7NkFA7kWO+/wAtCbm07kv5I9suzBNZ81UDKxZRUjj+95at2aItTb/irti77ewCtkbq
4v72/YXEslyM8cXH+HEPb9FAN6r1rqO7Cqg33diLTM4u4x19Cby1vIZLS8tUYJJNaz8SwRm
2EkBkSkfLYstDsdBa0qHswL1IGM9u/AvbUb3sOdmOdczsPit5pLGOKzjUfxLpRG0qTvISns
9BxJqQRoal4r1avyMtMUeYcb4K+OxbM11jJ47YACWS2yFzJcRRkhTliNFxcxg8uLbEA6L0vT
VBOiW6PPjD4oj7MtcuLxBm73OQ3GMubyKSWC1ixkpKmO3mVeT3EwCtI6jhGBx3NdUtFFuq1
JWiW2pPh/ivsDtu6h7nx+AurzI4q7EmLt7TMiMGezcEtcvdmJY05CiqAzMN6U0dVEWqtSIRe
RWy+b+XpGc4Ls3FSQh2kSOXMjIyAOxbi1IngWgJ2AB1Hy8P3Cb8BG7qzH9QORsmA3Xbc2Ht
MghhuosXi3jeeFjVomnX3W9tqepVYV6GvTQWtZqGvyAi3RDH8J9g929tx5Ne4oUtYM7bCA9v
zqkk7MpJhurkoS1qsBYtGvISSNsAFqdRN1WpMeOBxzxvF2x3TnLjuDuDGJcZG+4maZMheQqx
RFjBVFQhBxUUUhbVt1bbhy9d/wDAZwnwD2L7YhxWJiwNuotrC0tPsLWJJZLh0hJkfk8swDO4
aUhdqAbajt4DK0SQvdxfeHandeZuM9ncYlzl4IbiaG/vIFd0RY+QjCnh6VGwJ1G6uXD1AeP
yRd7i7Bw/deKxGDzeNhfHdtQfaYqC3vbyH24SAPWQp5yen9e1fLUtxs5ac+0rj0ZGfjfBjs5
ewmsQ+AF6cmLR8heGlyU4V58K8N+XDpy31TdWo108/8AAvhpAJT4J7Ab/eYZKdBTJXvSvj6d
RcV4/H/AtYvIau2O1bXtO3gxGlfIYW8s8tysYuZ7uQPPGEdFMwUJG1FdhvVIB20XNRCGUxQG
s1aRzfFXFhOWjFwjKXQkMpI2YEdGGhdnA+EYDmMJIsJNLHf5/I26wSewXlurZAWC1Fap1I9V
PDRK7ZUQVMNhszeY+/8AkbAZ/J2rY2Q4Rs07QTWQieMMom4pX7KUKi0g2B3Oi5Ne8HR7k0Ft
lMfirm7hyWWt+4sDErdwduWzwiSNV63t7gP3FtIN/SaqdjtUDmten6EWuj/wAzztr+cdr5
A33bf3F3fZJmN1iMjOHhz0EYDz2/uARJb5G12aJf1jz6rq1dr2fn/uXsBvv+PgZxfiqfsfun
t+8jsr+aWXN37TWGRu1Aure8Maq2OvV2KTJxoqmiyL6o99taKdzkq5Tl/wD/AEv8PyEWwUuu
MQl+RYv8dksReGxyUPtTx+I3RIGwdT0K/wCR11MHeq+zOZm7Z032OmIYBqemmulybMOiKs4g
x8LXCSPJMo5CNPWxB8W5ECh+mvL/AHT/AOkw9lm+IFnkiX4ex/4HY7H7V7k7mvPRUO4MIZXFz
FauJLaeWiqsq8VziNivxUE6b2f8A9Z2mf5n9N+ZO4+w58etYuvIsXCe0GjG3gfodeitZxocd
b6lB7dVavj4g77089ZMIGaKXOrWzaccmHEDp9KeOsyTge76lrHYC4nvQwrw47n6DSbUbdWaa
5c43gAVJDLsT501ly1a2H4ssnBhSEELsRXf8dZ7No0LVkSQvz5A1pT8NB9Rhop/Iluq/HXcT
9f8A02ania0H56Xa72LqtT5/7MsZL749SCG3e7Vc7HLcQqOZMSuVclSegrvpuRv0+8q69Il/
00UN1HU7DJJt/wDOH0VdgeppHY11bomJtZ7Qx5W1e/mmySyErNbtZyNHGYjsrREbMD0231Lb
FPZkX9U+baT4b7DhDI6pFHMrrTIUxhSCRsdhpVtkisc8dzHfh1ojnbmSH0x+1xWo8S++n4EM
TNahI4Mo2pX8KjT4GphO3nX2SwL/SQFO/gRpbH1aFNojJOWO21T5V/6PrpDeg5KS5Ms9yioH
CqoFEp1I0sfDZTmgiiAMiVbfY1Fain9mqnUF0QIay4sCu6natPHropEOjLtpEyt7bLVTt59T
qmMonsW/ahiWhAod99z01UjYgo31oklZFpy4/n4eGmJmflVMpx2/BCz0Wp6U3OrkTxIp1HEP
T+GOo1Jl0aH8P/Jt2CzR2uHs3yNwSjZid3ecqx2jQN6IwPL949T4ajYtp9dib5J7qyl5f2b
93lb/se6l55Ge1aTleXVeUK5NR6wkVKfbxkIR6kqdtCmLtUH/wA7vJZZJ8zH7txLG8mQGOJp
NgQT7AxZSNkwjH/m4ouMx35HrqT+Px+pPYQ5fuDJT52AZyK0x4igT/kJtz2/aowALRq4H8eT
wmmFVaiuFFNXL95IGNPmG8x/x7muxLTBW2LllhmTKe/JM95JcyD+LPNI5rJKx3qdvAbU1T2g
uq8wL8AdpZHuFupMnITZ4rGuk86AOjXMhBEfDYApWv116fTRFJSfUi24hhFFAPkPDQDEur0F
loD0J/v1RUFNkVgC3hTY7+dNRgulEn5a7vXsjtmFOCCK8uIZbe0x9rchmgkvbhvcdpFVILCK
2Riu+zOD1GqTj9P5M+RwpLPZPf8Aj+9MOMih45rkq6W9xjwffvbO6kNI4GNB7sMpFILgOp+m
ShFTPMuOcuSvVo+d+We1Ye/rPtpra0y9ubtbXPZhQHiteR9v2rBhQtJAXDSXTV5MvFBw6OrK
UvHr+5V8qrV7x4z+aweDxN1dd1yQ21rjpPtMpeFEaQzqSDBapQmS6nVeSKtAitzcgU1Wi1a/

HgG9N+gtdvd04/Ndm/8AOEeM/19t9rl7ibE46d7VWkxHB41SWrBOcEq+5tRpEr0Y6Ot5ryc7
fvANGrdl/wABi7e7n7ezvbEOVw0n3WFuVuJpZoYxbzcbKBri4tbhEr7N1xQLUHi6Hkh8qtCT
tukm/h/juFj9Wwmdq/1F9lPj4XzUjdvX0oBu7NbKW4sEmOxe2eKQOkcmx9p19JrTY6uUwVll
DzgPkfrul/t8DkLPKzcS/29rI8d4EUvYi1uER3oNyIyxp4arj4ajFknRCh8vfMK9k20FpZW
q5PM5GD7q2s5maO1tbRyfZuLtEKySyZU5xQVVVSJPummh5R7Qb3SXMNNxb3t9jpJMFHaG9v7
WJsWtxD7lnHdvaRXYpEGAVLs84iV14niR46bd8W493u6e8tWmPZ+osfF/wA0W3e12MFcWRxO
ejRjDjlkee1vvbFXS1Mp92G5CgssRZkkoVFGpofZW2QOPJ0e5qFu8M8SXNu4lhmUPHIu4Knp
9dQ1V1O1DNJVh+mhGohkF6C291AT+9UdOmoWY/8A1GdjZG9xf/MeGLO+PUx3lqodjcQQQqK
tfUGofqNUnDIxK+KPl3K/H/aWXxJsbO4sry5rcxXqOTX2RG0LR1FQQKFSNMewKXWQRkMtkhP
bQ4+zfHd0+6LntWwsHc3mIhf1N70rkn2HXdLaT939RVNXqn+Pwymgvclr9zdXC3uOVHvJRD1
LTGLJFFf5pEBiXfXehvImIeW8TjEg29Qpql4L3EjXX3lbD5zuG47rgbt/7S97iihEfed+rM
MJdwJUBbvj6ZJo2pyuIqH3BSOu+iTWrfv4rwK47eJrOO7+7x7mhXt/H2lvmLSxIFxlr1ZEF
vtvRlbkSNhGpJc9Whx5a/WpSYvbb+WVmpGO1nqluE/VGojkYsQBvqcan8PDXRq7HI7ENZf9
wqKyllLLZCjgeB114r/AOn+13yZceTFSXaU/F26T7j0X2TvVRWre0JaryXUtW1nIzM8sqLE
NV9I5FFAHw9Pgdea+8/YsvY8Xb1Ut1XR9V5eR1+y+6Y+6TqvTZdPLxJ8nGqyBwwf3QHDAU2P
08Dr6V9q7ldx2ILpNK118tDyHe4XizWq43n4IF05ycPAmtf8qa13q2IrYNWVpREUKDy8Om+h
tXQivqG8ZCkdRlOG3GIPA+Osl0Nq517rZmjJ2XevXbz1kyNJD8allKWFpn5eHnn5LnSoolC
FmUlrKOR6Hw0lsOAD8mKU+N+5KbH+XSlaHxHHFvdQqvU+eOz+R7Fs45F5H/mGHY+fuNXTsm9
feBk+T4CH/ThJxytvCdhLkEIO/hGR06g/wBSNaJWJP28TnraaOO7gOQiaYfx4GtrSR4pXBH
Fkf+/Y9dVZwvcRvRi3/VTK83YfZqyEc3t43NFWNfVEWYqqhQKnyGl2eiLpsZj8LkHJ3K1HL2
g4H4PTWnBuX1NaZeZ5KfUeoG2tDQSZ1PdNZ2krgiqr6a+Z238dLtsPx21AaStTyrvUb76zWR
prYtR3IK+2wO/UDzH7dKaNFbI7leN4wsjcj4fT9uqgKUVOkKelp+GqKOVkjT1VptQ/Wm2rAd
iOW4p0HXyH56KAHcqy3dF2AJJqW+nkRuNFAi1tSNJII3IPTY7ee/7NXBSsfiUXanU9RqMuUd
RFaHQCqmtV69f8qaEOsIO4Lu18ZaXdhdxpf2tzbPF7U6mWOTxWKVf3kr0YbqfLrqrair08CC
O2t8NY2uWcXKdm3NyJhw5PkMPkK8SbV13cSN/DBHomBo1HXVr8fwJtRomuc1b5Nb3+aYa4yV
rlpUlvPuslC8xmVEDxjlxhm4D2/SKU2IOpp1B9hUu7oJCsWbw1ldQTe7B2+puA85xq7mG4u4
yEmWAbVbdenSmr/Ui0N67Kynavxr2tZL3JehZTxidraeV7mVWZQfbT9TFEACigptqnvASHq
Hu/D3LwwzSfbNchPYEo9sOZKcKcv8VdhqFyT3ADNVdw3U9NUSSNojx5UqW1TBs9D59/qfyKr
/IcXzNZ5b/KIB4x80soD+YhemlX3S8v1f8IyZnpHn+giWkHyJ8cYPH994WR7LF972FzYW97b
1fkju0M9s4/dnBXlGAb9V3B0bFf+1AVq6rkih3J2T3D2JkLft/Pw/YZGWyhuZbDd7dLkN7cc
ngJABVIHTppGVxKFZqcYk13+oS1xncHxpgO/3lu5p548Xb2SEJFYcru1ae8uFRPVJcSNCI5H
kO1ABXT8zXKV1/iR7adJ9hQxmasbf4MxuJ7dY5PuXNwZLD22Et1MlwvK5+6yN24H6UW2ijUc
vPQPXHHjv8dSsabC3P39LN4wuU4ruSdnws9tZY6+xqceExytz9ok7cugtwzGo3PLj00eOsp
pvfT/H9gMNUdb8BM7FzeI+LPIG5te7rJMhirGW9w+VtngS5DQBmi5CFtmZXRWAA0GG2inZoJr
hkaT0Q09ofFd5kO827+OJue1O1bW7OR7fwsz8MrdLA3uRRxg+qGHkv8AEnkoqqeK8joqKNWF
ai5SLv8AUS0cXyjlrsxGJrmG0u7tTI85aa5tknkKtJ6ulL8UX91QABoN7WXmLyX7h4tfk/u
34svO2Y/ILt2OTHZWilc42+xdw8M81nbRqImdeTRTNERL7iMqnpv005X9UNar/IZHGJ2Mo+O
relY/wAoYaK+DT2t7mIUdYpHt5OM9wArI6EPGylgy1TUEaDHukByi3vPsGzEjRzXsqoj3Vzc
TPHGKR03MoQAev6OTHxYk+OimTbRk0S1UsdyDsfppGyR5Hu3DYFktL2T/iXHP2EHKT2yf1k
f4T0GrkpWAF98mdl5W+m7buJ/trt29r2pw0JYyL0Vj4kHampEoKTA+47CXtrvG+wOKwbS5kS
Sy4e/Z3vIpJQgYSukrke4iUb+J0pU6urlEfsKcFZDBYTYWMGERpsnCiZq6nypluLucbyv7yhW
WKVjjeMfmSNtG4BUxqXbKXJd65aGwwTZWGTuYFs8rlsjcfcJZ2Bb20ispuRXhOAEXH+I5HDz
1cSDMI0btj4zyESz9pJbjEdu2dwsixcRVpb5Ag4ychSsh3rX0xD0qK7m615NNgWzKq03NJsM
XY4u0jxWLhW0s4VIWKPPv1JPUsfJudbu2xUxxzWr3fX4nMzXvf5mUclYmP+MvT/AC/tl1sW
SdDDDevUghBUEN0p+WtdZENklWUBI8vx6/jpHd9rj7jG8WRTWweHNBHZXq9UQzvsgryoKANr/
AJtK7HtF22CuFPkq9R3c9y82V5GobJcfEJGXbodh/kNa40M7tqFY19ujLsabU2ppRYYsjLLa
83Xqab7fSusGRJWg0Uco7lg4Rkyn1bU/0Cuub3DbNuBakcQjkJC0HX8fx1z3JvTJyP4Q2oF2
I+mqLFb5YVF+NO5fpjptvzWmq6our1PnDs+Xh2JaGlSe4YDTwPrb/RrRk3r7wcmtpgIH9PFT
loafu3sZ/aujoU9zZ/ja3urrH2d/7Lmyulv7eG7pVGmhtJBInIfvKp6f5q6G70I1oxS/qkqn
ZvZQfobWFST9YSNLtqkTH8pmnwtSLL3PKodY+BHkOetGEjNahmKy1NOJJ3/u1qTJJLrYz2c
v29PcC9OoNN6D66q60Cx5NRRU+6aP0leJ8Adt+m/92srNVbk0d4u5b1deJJ6VHX8vLQNDlc5+
93HmTv8AjXQOoX1GdK4aoFPw8OmQC5kjdxxsod6V1YDtBE8rbgBHzPn10SF8iCU8IJO1T01a
QtsrM7oGYGh618Px0QMnMU7FasT5ip2BOoRMmjmcdN1+vnqhlbFiC7eJ/fjgiupI6lYJyyws
wFAHKEEr0rv00LLdmlowDP3X3PHmbi+yFxl93cRfaXcSsIkezJH8CNVHCOOG/h8R6TuN99W
tjK5RqlvdXTfaXuGluUwd1aP/LUs/Zkg48Qq+5BVZoZYZF4OF5g7sOuqxjLTQYRMtbw5Xu7u
WC+kwFjHaXmPxdsBFItwxYSwyVJMTE/7ylQyKPw1I0lrAHOre5vOXGSvZBN923KCRTVDbSxKx

mM9OPGhFPrpacEdg13X8gXV72nHiu557e2uruWG2x94xe3QrEv6pGjqUowUe6BSp3+lr1Mk6
eRoPxF3vlsripMZ3S5OZsG4XfuSKzMvRGRF6JQbt4neu+rs+pStA8ZG+kSyn+yb+PwJiAoWD
U8K7Fv8ADXx0Da6guxj/AMn/ABNN8i9yyZqDPJjrGCKGzxtLjL6R4LO3XiiOQKGQks0hH7x
Oqrjizs7LX2ibKXLHXt7Hx4PtvCdtxtBkrTt21sY4zf27rA+Rs5pbkX0EDsHjklk9DN+sbM
KU0dra/AtelaCr8k/H9t8gXmNv7vOSY6/wAbZDH3clzZ3N8100MsjpP70JoaSCtdwdZ3i5W
5clsvihd6q0S4g5y/ZS5f4lx/wAY5TuVHfC5R7+vvUxd97YtJl5AYGQ+rkJZGZSNuO3XTHVR
VcloXWFXjqfvizsXt/42PcV7LmFyuWzmLkxWOu0xV0i2XvhvckkDnkwJ4Ckfq28tW0uLXJa+
0KllR+JV+Lvjex+OO4/5jddxrm8Ld27WeUxa4m9ie4gJV14OTRJl5Y0dGPSmiqqrVtf5aoCq
qgX3b8JQd291Zjude6EtXzd5c3ohbD3zNH77s6qSG6qCK08emhrVRHJBZONrNmsy5NriKeSS
R7qe4gtLa6uihgnuWgt4oLiVVkPJefFjEHPX8dXaydveHBmXyF8Kv8g965bu6XuRbeHKS1tr
RsRfVt7WNFhgiJDbllkUMRsTq+C11WpVkmcZz4Tznd2Qt8h3p3tcZVbaJLaL2sPch4beMDjD
bo7pDGPxpva6tqXMojsFax/p0kxmQTi4Tut4Xs51ns2mwt2ZFaJw8Rfg/HkCATTavTQ8fN
fmA8SZvFpefcyXM5RooppWkjR0MZ5SAPMQjVZUMxcxhvVxO+pZo0cwJ3h3lZdpYabJTSLGf9
EQJoXlcUSNB4s1NtBOSFqzZhXbveV7js7kDlJlbnufJ25ul7Qs7rE/L3IYn34K/AkiFN/wAK
6ZaugTko5afK93ZSbL5MI99dsglWBOC1QBBxQVQoQBT8dRNILICgar0ZXvDD3a9uzXMHc2EWx
sbu+Ey/ZzLyHusSTVPb/AN3NwBLft0a8fMit0K0Tl7jyOUhtrH+YwLwLjgkXvw2EEiontR+5
K7ySKjUaU+2hNKeNdTzC8jMu687/AdnNS47As82Pe5EkUFsHCXWRA9trqKIVYgQ/oHX979RO
rr5A2eh9MEOP+Rsf25GnyFcJcMo+2sybtuFPD7iUEgyU/dUVH7xrpiyJGW9Ux7gcM9W2qd
v9NOpmRnyYiHIW5vB7cRA3A26/jvrbgzeBkyUjcDobadnjsZBMYqrloPrV12IZNmWmt3ZfcM
PcL0W1616rygT3PaZML9S9PR9GRSt7cfIU9PUD+/amt1noZERODKy8d/w8NKeuwx6xZlno3
Q+Hh00bWgEhBJPdFG8eldJYUhWC8eGGOc7kdjv402rrnZ/TJqxOYK13cPK3uE9N/w1ybOTpU
UI6siUZpnoAx3r5nw0iigem2VMz3GLG7XHwTRLL0geLfm8jE04gVpseuuB9w7zNjtGNKNNf1
Op2vb0vWbAf5DvnvviPu09eIxOthMskTrsssTKGXelRUa6uDMsIK3XWDHlx8MnE+e+xbE5yH
YSG0ga4e3z8dxMkXHksYlbk1CVFFr01syLWvvE5H6fgZ7/TweOXhNaFr6IV+oWumVJ1Ni+JB
JfKLexWRxbSC5uHtw59oSPaTLz9voGI8aaG+xaFr+rUV7B7IkQ1BtoQKb9IfPx0HgDi+Uy34
gkd8vdTOeTFBU/g3+jTsbCNajo+/X/ONaUwXUtS3ICgKKFhQrTeg8Do2yJcTn7cQXCXA2E9d
/IjfwfJUFwXsinDEjoa6W0MqztWHLzFdh9NC0Fy0LVg0byfxW4qPHQtDMb8TvJvC4AVaMNHt
oRqki8tkygW4t1B8vHRIJOSVLCm7ft+6moU2QXMYABr1/Ch8/Px1aKKtCgBPWnjqAo9VmJHE
fq1C5Lka8EHGHpINVARFe2lvkYvbmFHQni/7ynxp9K+Ghgt6ov8AaeX7nwkbwdvY22Us5bj3
ljuWLJHyUI/LSkUIAWXzpTfV6PcS6tGoYvsnlx9pdwdyWKmzfBWELxPcF5pY4rlB6lkWZ3/
AlvqqErSlbt6zx1VtFJaWojYi4yEttFB2rfKZCDLcWzwMUWYjk0cKSVoTu3BP1fuimqtVaxJ
NZxXuTzEKX95b3OTyClkCXmMkkHtPUpxLElqmh8KbHx1I8C46F/tzLjD52LuC1uYbiTFkreW
9pj5LbnasfbasrEpw5dG6eOo9SopsdxnxGoqwoAdsajcV6jY/lrPzwZm4YNn7kAP6/z/AB1U
g8ipP3DxFA3Xp+3VSTkVGzs0rcBuDt9RQfTVNngtn5buef0rU1G1DWh1GDJ00NzF6pWEYJqTK
4QftY01RZ013bDYXtvVaV/4iM08v3ttekyIsW80spPsTxyk//DkR6/8AdOqQR+nu763ccgy+
JBrXp4ddErF8jpM/MtfKIDv9dWmFyLKdzqqhan9v+nVyXyJl7r47Db8f2V1TZORdg7qjZHYN
TaglOqbKdjM/knudsncrhpXNrbWrpPcytbG9WSYisMQjU7UryPjpmKvUfjWki1mLbnb2X3N3
bMcmqz2htcQDIWMntqC0TEpJzHHid66c5GweG97ls7X3c1lnhsJTJHKVgEVy0aehpFKn3OAP
p51oTtoYXgr16jd2N2dN3V8d5TOQA3ePw+QNuoSN43gtPaSQMURvca35byAHmh/ib+oaNuIB
alkOI7R+R+5pr3btbi0xWNtltmD3zu0UohuD+pWdyNNI49ImAYcTUEaq3mU7QE8T8D5Lsazg
yDMtznwA/vQH+Fbnp7cBoCWHi+30przv3nustbqu2N+HV+fs8Dp/bljan+ofOxe6s0crB2/3
NGzmdvbhnyUIWShK112YNSltq/tv3G17rHZzOz6+xlD72dVV3qojfwNFNuUjAK7Gv5jXoKs4
tkRNCLfk9afUn+zXQwKGYsjkTszg8BIMk2RCy2981A9zbSNEzBRTw2rpfC/YsOezyVs8eR9V
t8B3bfdcuFcGlangy1bmG2h+2keW9LD0SzkFhTzYb6Lsew73E/8AkzzXwiZ+OxXc912+T5cU
W8dv0PYIwvqJlIOy02pvU1r116KIYOPexMx4+pOpNQn/+nTXsLRYtLyNC0J9X+jSnRhSWhcM
QONSP8Hh/ZrHmroXo6E8jMGWo5KRSo6UOuNlpD0OritStGjSOlAeorrDaWaULXdfa9jfX0P
ccMEf3NgCZFPoDIRQISKUYa5X3DA+DtX3o6PZ9xD4PqDu8JnuPiHuss0jxfYzCASKlk3QNSn
6vxOp9pyXvhTtr6PYTvK1WXRdNT597RjRPj60DjkG7jiJBG20jflrs5FrX3mG/y/ARf6dwJ
MzboSKi+jl/Djo67FdTfPgsz3EyYyWO3YYX73JWt+FlvCz27VhYg8XjBAYAg0/PSM+Til8Bl
VMif/V5bS/8AJPZzyCnuxI9AoQE+0TUKtAnz4aFWTSZXFpamLfE8xjyE46VjJr4/q1ooUtzW
LC62A2qd/bTTqsjTCXuJIoIFD/fpwIM7jhSTGomxeNw6GnTffp4aDitEMoLChnake40loNIm
CMoAatR5+G+hCJrdeT0JrTwGw0LDrqW2KLDUr1FA30J1BklJ+LSUjFBtuf8AVqCmcvBJFIOQ
FfCn9+pJLV1PHhZ/CIK/5DUKSJjaOx9Ipt08emrTjwOYrRkcltWd46hXEnJEcdCvI+OqLiCN
JUrxoQdj9pqqStgzgO41w8kkU6+zFMCIsjBGHURSRv/AB1U/wC9oNuP6lG6b6gNpmdw9nvl
35FxPaV12Ze3NqMLc2Ei272VvELW4tG/8SJwKnd3J9Va8t9C9dAEAOx+1s1MFz+VhelqY54
cewEZu4CNykitVJkqGjBA867UNtwRKRpupMtk5DhTbSwW1xK3uZG7ii9sRTIC6zxKxJdGUOG

QqGkJbbQwi0fhdB4IrU4q+sYrFnFq8ZjkcLcEK4j5OOMaUqsT15IWQ70bUBk7xOaylrJL293
DOvwmthc0EcM1uP08TWvleTb+HhpOSvgZ8tHMHnNpbn2+TDY13JoPL8NJEOSncZrF2m93doa
HZLiJZG/BVr/AJtEqthVpZlC473kRjDgsY0s9CVmvCoiJ60CIxNabip+mjriGrD4sC57ubv6
OP3r55rCGdlSfIahHuHb26Rlmbbx0xY0H9OqIU7E/m2Ms8xbZ+PLPk6Q2LLO9+Zoa+7GsJ
5cmUjzp5aZxgDmvAaMV8G94WCrfgvZJbK5hVZI72eG0lAlI5kIORqKbftQyivrIHWvYka30m
KmabH3vumO2sblP4syBgCY2VgVYKQqQeRB6U1dddg+aLeZ7e+QOxrlbLG5CXIW0npV1kWVIHF
DJHKszU91OQHHi0P4aF0T3CXFnkPfGetGK5/FrMsh4x+yUhuKAbs1GMe/gBoXiKeJF2HunC3
3ALK1jIRVorrigr5B1JU6W8TQDxtF0XBkAa3dJUJO6Org/sJ0LQppkOT7mgwtry2urrpDaxs
pZnPQtuOKjxrTV1o24CpR2KFs+Qxi/dzWsuVzChi86vCkJa6Ti4hJkrH7Kn9VKu9OirrSqxo
bq6Hkb5LFL72Kx/vRX0UjG0R4omtp5B7DNO7PyncRgujAj1FtgDq4L6A7u3te77gtjd2ayW9
3YoIoFIMAe8IP7z/AMXhBboopHGN1+tSdRaEepS+OPkb5K7OtrntbteeS3u7u9rJaRxxSu1w
Iwn6iGFAB4GnjomD11NS+Nuyu4+4WizN9evFbQXJuGy1qqwq8pastti1UBRblh/GnI4M1REv
VtC7JA2tpBtX20NxEOcyB43G6sK/5HWe9FZRZShdbtOVOD/+T8a+Qt8rE7wy2kiyotQVND0N
d9Ymf2zFjyLJSU106Gp97kdHV6ph8+20YUjw2G22ujUYMB5x0SD219XI028ddDtb66mTLTwF
uPGTySEmq/X667qaRzXJOcPN6fdoo+nXQ3c6oicaH42bRyGMEsfCvU6fhzLZi8lOpC6lG4Oa
fFlhshdaZkTBwQVB8K+HhXQstlvWAlhLynf69Kax530H4/EJorSQq4NSNqU6a4XcX1g6mCraJ
FI4ChXcdNY2jVAOzSL3X8uZpXiSO7/iqv6ZFeN4SDxXxpq615UvRr5qtFp8Wn4MD9+2k2O+
Le6oLmcT+9ZzSK4UqFWqgLTFylzuw7R9vjVHblqas+dZbpbRofPna2/YFjzO7dxR8V8Orvtrq
X3r7zNf5PgJH9NyL/P4JH/SLyP69BoqlT6javh6/srZ7dA80OVuJb63uLQp/Aaya0dopFk/x
VB5KfoRpObGrJeQavDYM/rNyQn7E7H9zizQ2ltQgAVrEobYfQap0SagClnx1MG+OaW+Tuo4q
OvAlWB6jn0rp1NQkaLbTvHQbrUbkeOmshSF7O86A9QBU+Br/r0dSmTuYrqAxNt7m1PpSnXRNE
TQEnxF1j1keNDJGpQWaqyjp+NNLtwA6soSzK9GHjTS2MbP0Ev8SpBI8aeX+Q0JaLby8kIAqA
NvzNdUGyixKtTf8AH8tSQGSC45V9ws1BREJ35bU5V346plyzoOzCo8ehFKeeoWixbR8nAbq1
Rqg6otpaKRXX89SQ3UrX1pxjRuNeoPmNWhd66Aw255EdKbfWmiEwSRW5UHc0H576oKC7aXds
ljNhMvFJcYe5Jl4w0NxbXFKe/b8vTVukiH0t16jVQC6s9N/DcQQ2txiLcw2tUtOEs0MiRHfh
K8f++YHfm2+58NRopUZ+Fvjpf8A0mIHx/4y76fWmigp0ZluMxp2XFwgEiv/ABd4fHUdScGf
r3CwyWrG3xcTSLsirdXJNPGgf06t1KVWUVwWZk9Bxshj8FN1IR+wtoHVsrq1B2v3BGyrb9o
S5ESDkrxXEzAeZlJpP/PWH/+h28tO0Naa6Dn22RJONGW5e2u6up7CuQo8DNdD/6Yav8A/odu
v66/EH6N/Aq4Ttq+y2ftUxjYS6gMMM1vyeR4BcPQzsZCSvGMFIH4a10vW1eVXKM2VOrh7o0
OfuvGfFuJkuO2reC27oyExxmKu5l9+Cyt405vMFIPQoa/V2320vLdpSZbvQzTIjuTJyvmc/f
32YlnY/8cZ5pq+JYgcQg/wBkAax/3UuE48jP9dPTYMdv5vMXWTh7azZlvrfiZsTdTMRCiOI5
GL3D6yKepPEa14MqvWf6kOxXVkaL3HicnnMFe32btRdwZeGYSSlfb8xkay27OUoY5GhZ7dn
P6+K71Gm6R+f8mnGZbbYPuRkEg7GYmnKnu3NADvQfxNHA+S9H2L3vlriO2texGtzPslxLPPF
Eop+87ycQOo31HBOQRX4K+T2Ia27fhRfpfha/mH0NmpQ19if0z905c3U3dlrZ4NYQn2xlmm
ummZq8qCCQcQo8W09dDa6SJy8Bnb+ku1Za/fY/1dQIb3/wC/6H6i8C+Rwf6SrSP0/e4+m1aR
XtPP/wCP56jyeRfYlvt6YrfgXMXvDkLc3lhIKTra3E7R12Lok0xjZwP08wRXfU+p5E5nPY3w
E2N7jyEecgSHEiX+NPC//wDE4m9SxQAeq3tm/VcoTyZv4YPDV89Px+PYR3NnW3ijjWOKNY0j
VY4okUKilgoqqo2VQNgbpe4BGI+BIO4r0/HUSBPzswACUA8uv7NSCyjfxr2UD3NwSIYo2dvq
AP8APoMuSuOlrvaqKlIXZpLdiDFP3F3Dm7W5ubowxmT3pIY9o1gXcx0P6h0Ffz1wPtXeZu47
uW4US10S8Pb5nY7zBixYHpl2nrPiObCKBFeNQR0NeuvfY8ump5K+OWcLMtzOEINP3qDf8dN5
eArgRyWhR+VK70qPp0+mr56lRoD8lalZBIASKnpvt01vw5J0Yi9D9ZY2S6fkykjodDlzpqdM
chj+TcYBIGowloP9WuV3Hd6GzDhlhiwsYZAE4hNtxSnhjr3u25OISsKD8wkaAyRHqOg6E+e
q5BMUe8Lk4+8x+MgKi6lczgMaAJGCAaV8WP9+tnaVltvbYXbogJ8IZCO5+Me4XV+YNjIrcf8
Ydag/wB4+mhydvandQlMqmOpg/Z9reXvx/Z/y+CS8aDPRzSpEvIpEsrgvSvQVfVda194d9ai
F/TYwfOpD0b7uNgfL001dYgn9SNk+MbG6nTH55KSWDTX1osqsCRcQWUrFWX9S1U1TahodVfb
3Etsxb/q/IE/Y/ZFCG52luajp/uNK8C6Q0Y58ZR1u5G8DFS05t003HuWtzQzE9Khgem2mpI
LQmiuKsNwP7NRqCKAjaS8up25b/noqsmgXsSrpk57UP18NGnoWgDlu07+1kM8Se5buaqR4A7
6RasDUPBIahaI7U/CiRoAup2oLD0mv8Al+3VaFnhhRv1H8x+2uqLhEDoUrTp9NRgtHsPlkD4
j/p1IRaDFhCGK1pxrT66obQIrakUbYk7V8frqoG6HGbx7JDHKv6Kb08+tdVVIK6AKceodBx
otB02/y66NMzxBlawBm8f9OhbCqi+uOEHG1APDVSOWM7msHQqzAjbqR+eq5Eel7ijjoSSAN/
Hx/yOiTaTAtVIsWyRKVVViKsaKBuSfDppqaEWgtQm2VypJ3JrsT0/LV8kDoXIXtvbDGOUqRQejx
rTxI1OSLVkTQXl/FI0eF961upFKLO44gV6igNWPI9dYu57XHlXy1l9WvxqMpn49Wxo+4u6bG
zWzivGAjO9xL/Gm6ebbD9mudT7JgmbTb8kFfbbvQUsZIMra953d/d5GSR4bi0vp1YjjNBNI
sMzSEDoisv4DXZxUrWqrVQloc7NLcssfM1tku38178Q/hY65a4qtGpa3iqVem+ysvFj4aTei
tWDPequmvEARdwZFY5Lae4MeKy6lqNlrIJoV5ITGDvevpOua8NY03qc94l0WqC/wh2/e9598
JIIgcd2yj3ORvTUxLNIjJDDXxdiakeAFddLFj4VbZtrXiaL3H8hz4S4yfa2HIEcJSaG9cMG

id0jRRxXdTV34Et5HTK7GiqWjF/E5nuGyWNUuRdlq7JcDkRTwDCjddHWxphDXZ/Ik+OSBcnZ
SNHIN2t3DkAfvWoSPz1baYLqHsf8vYNZFL292ACSxMIPpHnRvDQtIHgw3bfnPYzLG5vZbat
apLbyqw/GgOlupOLD2L+Uux8khitMvAHVQ5WcmA0JoCPCgmvlquHgU9NwtF3TgZxSPIWsrv
+IUuIievQUbQ8CpRHJdx3MhEW5jIJpXfRcSnZEqs3Wm53+o1Whco/LO1eu43PnqiFd79UduX
QeGrSkjK02USIBiTt0JOiVSAnXLZewubFn9r7iMpVeor4in10vucH1MVq/6kMw5OF1bwZRx
FmtvJwuJEE3tDjGGBcRg05U/HYmlPz1z/sv223bO18kcrQtOiNP3Du65UIXZBmGMTDjI4CL4
+P8An16KrUHHtMluxhjWUt1qKD8D5ab9VRCFOoup7IJxbi2tljMkt5cJbAA8SAwZmk3G4QLu
NAu4SaXiEsMp+SL8OPhiUxmjMBUtTz0V+613Brh0OYkjjbgAOJBIP11mydwOphR1xHnUaz3y
SPrVIIWQX2Q4oCNiPLSW0NRYup4ooDJK3trGCze9AB1OipTk4QNrJIwnMZq57j7tm7ihH8GC
kUKLWnFTxBP5bnXYwpVWm34kW1pD3IfkEXMHYmde2AEc9i6zx/uleSkHbo8fh5jrQZbJUj4E
rRWtPUyLtNgewMeGNQO5IV8q/wASTbWC+9feNuvSif8ATft3NC3T/ioh/YdHXYp7o2H4IK2v
eNhLaemfllKWAqPZbSUhiDsdX4/noLvT3EYH/rAPLtsjpmoGmt42IVVjUFOjWiqAF3PQaU+n
sLq9DGPjJiJ50Pgg/GnMin7dOogkaMrKVHE/jt0H9mnIlgagnou229D49dCyIu2ZIOoOxI1F
YtVD9gWc7dQ1P8uuJTLVR0tbRLiyFvJSPG5O+5/GmhsOqZx3R2+bLNPHGQqSbjwr/ZpTctXU
r2eIlloi+onchRWmqCVC4/bbooYgqfrt/fqD4FsfCNSoNCB0pXbVFOhWhsAhLMwQLUktQA
VLGtNqatC2oGtL49zWG+In+Qsi0lgJ7q0hxNkAVlljY1uZq0KqafwU609Z8NU9GhFsnPbY
E4TuwXlkgsudXFzGB7r23BkYgdaMQVJ1Y6mfXReyXckV3Z/bx4m+RtqkiI7fQ8tDxG7msQ
kK7L3BKxrj3O+wO5A8BW08NFB1+rYv4R8nbX8f8ANcdlBjJxndf1xqduY3349SD4akJlRNdD
be4q0sZ3gkeoT9JQkAoRswPkRvoYQX1bvqeTS4aSwNyrD3IHEdxGP0+v9EgHQcqUP1/HUA52
6sq2mQwEU4trngsM/oLEU4N0V6/Qnf6asE4ky2Ms5mikCrLGSjDpQqd/y8RqSXB3PJYm2S8
QCvIxz+J5jdSf+uP7dSSoI8f3XayTfaMAkdz6EY9Fk/cJ8gT6TqyFC571+3nZJQUZaqR0Ksp
+u1dVJZFlu+WvIlshHsZiUuF6UmXatPASD1D611IKFi67oaHMR5XiswVWimjfdJIpAvdHHir
An+w+GrqBesmvW3dvYuV7QxuBzt21x9mfYtM9bwmVscjgM8N1yH8eNh05Dc+Oo66/jUzOrWx
d7U+EvhvPvPkp7mzy627t7cOPvJ7YyKn7z2y8inI+A21TbWsA8nt+wWvvnH4u7ItI+zuwbeN
cdAENbKJoreFmP8AHDE1aSbyfcA9SaaFVnctUtuzH/kzu3tu87+y172U5fCX0sNxDVDHwHtL
WLidxxkL18ySdWqxoaeeZziO8DJcBrmQrbRAvOw68F8AFnv0rq0hvsLR7+a7czOOLSH9IPpQ
dAo+ijbVlyFW7tjtbGOKQD35x7sq71WL/wANT9W/V+FNQh5Zdz2EvKa6p9vbqZJT1JA6AfV2
oBqolRydz4u4X+Oq8/1MCK/lv4DoNQUS7cZLA28cdnwRbggS3JAFVLbpHt0KrRm+p1GSSzYZ
ezEct1JcTJDblYKCZ15u2yJUN+839gOqZIRexHdeciQrY5i8hQuCEjmcjk1CQoJNPw1GDxXg
Q9x/JfyfhsP9v27kJrkWygXk1wUliMrblFVtv4fSvnXy1EkU6lGP8v8Azax5yzxgE/8AwYuh
8vHV6Ir6aD2G+be5Y8Wln3JiJchkeZud3bywxI6E+mqHoRotCvpMs3PzrPb27Tz9u3XBAQoa
4hVa08SKn+zV8qWd9FzowJ8QTD3/ACH815vNQ5AY/uCysBcYtWLGy4xyhftJkNSYHU0LDdW9
eqShNoN16M2nDZ6PMW07fbvjMjYSG2ymLn/39pcqPUjf4kbrHINmXcafiqmtDFmmrhjDhOBd
Xm5cjTbpt4fXTv7d7ma2YKTQLJewsV9KCSjHcgkAE/s1ly44yL2MZjvNX7i6BFx26DYE7+Gs
+V6mjFsUXQc69VrtoIkbsSBCzCg2Ndz0GpBJL8ISNOPQgeo+J0DWpciH8r9zm2tV7es5P+Iv
F5TFT+mEGm/lyP8AZrf22LQVZzyQn4+yNtjEiVw7NuxA4hiN6HW6z18gokg7/j9/wCM83LI
SBFZmQcfSDR0FD56X1Xpn2Ex7mOdrG8eY4puf8AmaGn4+5JrFfevvDt8oj/ANNyg9wITv8A
8VF18qHV1WhOps3xBdZAZ2mKd0ayx7X97b8ox78clzZSc1EooXVuINK9eml5bae5hRuxe/rC
aQdj9g3B6taQOKeftdRoF09hFqpMb7AuU+8uplI4B4+QTWDF2HXTqFodYbsKCjGn7dNRGTM
ylwAdqbeVNR11CONiZ6chWnXrsB47aWxtBtw9usQDuN2I2/tr4avkNVUMNnc03Jp/r8ttHMI1
QN7jxiX1wk3HzqeoH10qw+tEyXhMJb2oWbq5330DH0oky9krGK7h4ED00oT5DU8y71lCZ3be
2uCVrWxZbnJMpPtmttQqfF+nh0H7dUzFluqaJ6jn8XfGsFjg4/kf5dkS2wmOUXFtZ3A4m535
Ryzp1ZAf91FSshoSKU0z5faY3d2Wpn/zT8uX3yvkl8lnxnbFnKy42wiUPLLitAZWBIQvTqz
Gi/pXep0EpbXQuxinapmLTDXOc7dycdxZWwlaKSIXKvGQZI5FPIKyoRlPDXFWtNwRqSVXJK
bXQ4fL92Lj4slJfXr7ye6kHAe4Y2f20bpSj0Zh/srXVOygp5PTyJ8Tk8zcWMuazWaTD46OX7
eKRbZrqedV5skMScaqikF5GIUVA6nVOyA+syb/mjEhP4fc94xFdjiVHX/59q2RZmWYO68RL
a+zfZ66uoYxxAbGAMg6gBlnB4jwGrZPrusOPN9rRgyxZS7XkCP8AyBNVO5BBn3B0Mk+sVJM
r2fcE+7kbzfY8cfQdOIdcast5meyZPs9wglyt7Jw9Prx4J4joK/cVI21c6lfWfgewX/aQDTR5
O7VSOLf8ACaddwbimqnoR53MH5r3s6NT/wCoXjcv1UsBTf8A/GNROS13DOprns83Jiu8jfvK
DxYGxjZjTw5fcGv46puEW87RAv8AyQ4JW/vwWPHayICkeRBn8+mq5A/XPLi27DbreZEO2w/4
SML/AGTH+zVq2hazrqgQ13aYyVZ8Bd3DOKqeUfs0Ty2Y1BJ/SdErF/Uq9wzgfzkubtqHKx4e
RbSfN2v2FzOqhZlhZlaT2uKji0gHFm8vrq2k6wXpviEgnhlfeNJa24FCYkBNfCi1Gq5IjyV
XmX4k7CEPGW7yAem4S1j41/OUV1GyLN5E8dz2P7Bre5LhyBCCzh618f4+++qlkeZk4u+yo1UR
3mQjIBIAsYOX/wBH1UlfXOzle0CG9y9yRL7ljZQsa7edx9NE2X9Zkb5Ps/2wj3+SMaEHILKA
Cu9DQT6qQvrM7TIdnx8ZlvcgoPQiyygqD5/78jVctQfrvwPWYXZwHM3uSdvNrSInck7n39RWk
izliPP8AaMkfsNe5JISpVFs4AORFK/7/AK089C2yWzskt+4u3rVF+xyeStHJqJFsrZpPxBec

0l/DV8yfXZCO48Mho2bzSihpSzsyeM9ay711JJ9ZwQS5RMgrRdt53IyXSK0kdvfWkMQmCKXd
I3idwJAoLAMPVTz1Gwvqt6LcH4PL9wZeX2ly3smqBHK1U+4SFau1F5FQT/tfTRp6B0yCnBdx
o7nzdneNksouPhxzcbg3CMVT21LTmTiAQik8t2Yqo611SsmplReZnoe9rdwntvu02z/Zl7fW
+Xsm5wtdRRotwBUsnCNjQOP3HryG1QdMreAOflc+lsJ3FjPmvFR989lzRYX5CxFulbq219UF
zDQgQ3CdZLDjvE5HKJtulRqKaPIUK1FdQxF7G+V+6+xO5L3t/wCTDPNBjO33E0w/4m0nc8ia
Ls0R2IC7cd121pwdzGltUZc/Zq6mujRu0GVjuIbbKWKouLU0aKWNuSPFIKcgdp7nGvTZbFY
MTAbq9/4L63Essvt7jckDprnZcTk3Y8ignRKEcvSaVA611VaQR3kkadII/c4kV/Lfx1Pptk5
JFHJ56DH4+S/1YJFGD18T5D8dHXt/VqV9WVoY095c5rKTZa9bjLcyFqVLEINicjwoNtbaV4o
alGgWVomiVFrIqgcmrTjXpXeu/01TYaUA7vvIyw/HmetjFRftHWNjvQll/6OmhzP0fAqqhmT
9nWV1cfHVmbSGW4MXccUsghRpGWISOCxCIUUVFT01kvvX3hW+ViT/TQgOcQkVrexAH6+22rr
sWtzcflhytXlBYZo8yyXyzzVvRWS3azk+3KCoZXQkhvA/jpGdxWfaMopkWv62LCSw7S7Ds
nUp7FnEu++6Q71/PQUtKT8io4owj49KvcSA1qIlr5bux09OCUQ4khTU+B8ep0asE0WIZKv13
8adRomwEMWHuo4wValaVBHn030NkacB8Q1b3/EqoYEHf8v8Ao1SQwK2d40ihGp/Yd/Dx+mi2
LQbtDHIKykCQWLGnEAb1/LVXHYnDKHcPccuL7bue5MDZLkcZjY0uLuRxDDKXkEZjtz0r7
7so4r5nS+PVkyd5VOKaip3D8tWl9YJD2orx3k6/x3uEo1uenFQKh2rsCNRJi83dJr0jh8e/H
OC7Rxt/JnzHOkEFqRpb465BZ2lPqR7hD+tz/AOHB+b+QP5fac+eQF+Vu5e7vki4sL/uSKft/
tfKGQ9tWk3oSSZaBGvG24PMP0k9BSIBU6CGvb+PzCj4ATtb40t/kDHZLGQXX2XduGhY2GLmU
RR3AEhZ1BNCrLX2/oaE7HSr0e6+ArJi5vUXMQkWAx+Qsr7247ue4RJcfxyM0Ygr0cSxrTc
l+PHI06mmgpmrx1M+PKqyrB7QWLHEXZCRO6O6AIMEXeO0+4f2f5jfqNBIQ0Q/hxR0A1KgLEl
F6tXUd5/YlsnJS9EDe5IszNexY7OWkWKkxAcIsXFELeG3Sb+ISiwWNZa8mZmJbY6U8jQm9mt
LbgY4JxG0qilTUR0r6eoIP8AfovrxCewKz6h74z7IHefD9ngpaRWCiS8ytWzNGtvjrZDJcTF
wCRwX9O27EDWjG+UzshuNy4HjB9i/E3d/Z/efd+Dx+Wituy4FlthdXqE3Sg+2zBI/4f6eRX
c0+ur9PDkvEdj42mFoJvbvxD333hYLMmHi/dx7uYvv5pYbWzM6niyLJO6AtUfpg+hx0u1otB
VE2p6HJ+I+9v+cV+PrjGNbdyyL7kOPmkjQypQnlG5bg4IBIo3gdWuTbS6Futk4JcF8Qd55ru
rldmYuxS4zmHB+/sFuYAycSA1GLhW4EgPxJ49DquNmnHQp1s7R1JO2/irufu6G6ft6x+6t7G
Qw3d40sMFnDINuLzyuqCv7vnpNa5LOUtbDvdv2A/vD427k7Durex7nszYSXUf3FpIkcc0E0V
QOUUsTMjUJFaHR3dq6MO01Sb6g6OxEvuSIABAC0jUqaUqTQ/TsObUIRbJBrOb+E+2bT4mv8A
NWvvSd7duWeNv8/a++zRW9vkf4oKxECriEgla7GutuWqqm100ftNiouPnEiB2v8AFPdPeMGR
vO3beGa3w5V8g81zDamBGUKm4mZaJsFV00nGr2rK22FY5spRz3B8Y93doY+DNZqwpib5vbtC
jayxXlnI+/o963Z1D7GitSvhq8lbV0aJZNKehJm/i7untuwxOWzsVtb2PcZH8m+6hkSdGAb
nVWPGMBhV22FdR0snxe5GmlPQ9zfwx3v2/3DZ9p32PEvcOUT3LXF2s0VxM8Z5FW9DUaIVqci
K0Oii/KIDtyTS01LGX+CfkXt3CX/AHFf2Nu1jiVDZIwT7bXlXarXdp4YXZ0C/veWrsrJaluj
6Fbuj4x7k7Ts8PmM9BBDY9xLzxdxHcxzxzKFQl+UZPFKOvXz0NqWrbi9xcNVT6MMn+nP5Qmu
Z7aKwtBPbXEVINGchbLS7niEyQIWccpTGwfgu4B30apcNUstGB+6vh7vXse0ivO4rKJlRq7O
OjW1uIr1xeheXsOkDMYSEdFbc6Fqya03LdWtQpD/AE9/KETMj4uJr6OEXUMFS9tXyqxMBRzZ
iQyDP3ev01Vsd4mJKtSz8JK3a/xT3J3tj7647aghuFxi55D37iK1NuhR6pBMVovpbfoQdKx
1yWXJbTG4rGrWb8gf3P8Zdz9n420z+Zt4ld+7Ja5G0uYby1eWMEtH7kDMAwAPPpKdHkVlo+
odk4ndDJj6fvk3K+yRi7a0nvkEtpZ3V9aW95NFTkHjgaTmQR06ar6GRE+lbXQIZDDvDK9pL
byQ3FvK8U0LqVkr42KOhXwIYGo1lWRp6sVazo4ZUW0Ng63UTtBLbP7kcq1Uqy0II02uUv6mg
1Td15OS4tcebaCPvK7VppMNBCL/dsZE5AzgH2lmZavwFP4e5o1NM5udOm6/H5ml8pX+rchTI
W19i72zvZaFzA0SmRC7GRcNEPMn+8UcOHJ15AdSdS+arrpy/7mrTT0DmM+JcfguXm7/wC9
rqawnnMX/L+L9Ky3EqtyJkDHaNh+nxC+o+Gm1s3H40GYcTsptp4H7snBd32/dONbtCZrfvK4
rcRRrRIY7MJX3L3lsIS0oob92hPUaanBoaT9prd+/bHzzj58DnoB2r8m9vXmGa3lUhhx3Ip+
qa2b9QoeSdV+sJSVsVMODOO3u9+8/gzOydr93W7z4ViWmsq8wsUm33FpJsGU/sPjXOn4e4hc
XrVmXP231PUtLLQaD8e/OPd3e2eyVzgsRFNGcHBD/wCnSSBMncJLIy++sh/h+6Av+52B8DXV
/W8dhX9p56/kal273t2z3WjT4qctc2+1xYTKYby3fqVlhYcl/u0VcatqhF+VHFkcXMSceue7
Ekje/brD7df4UftFm5KvQFv3jrRWkUh9GDZzBmvfPdk980lnDIIrG0LcpAaDbavI7V8tXkif
aOwYmlqJA+SezcRHWS6e9uvBLVCy1J39Zoo/LSrZFJrVfEr/APvjbo7GwxLtAm4FwwVm332W
vjoea3L4MF9yfnGTzeDvsKcfb20WRX2JGrIXCMw9QJ2qKaqzTUEVI1KnZ7yj44xvB2jB7kiU
lSVLK0smxpSo21mv81feVdelid/TEhbKoyjcZCIV/GJ9XXYn9RtnwjLjBX2L7mgnilgSe+ia
EuDNG9naO9Zov1CN/wB0+ND00vKtEFW3GYAP9dOQTIY/sq9RQkV1BG4CCkY9yLcKPAAnQ3ol
aEROaowDsMPa3ksHDIIsY5D6B266uA6MdGq6UcVndyBq9hm51br57DY7/Xw0aaAdQhb3LxLy
Y1Ff7NWEnBeW/hoG4hX6n8jqOZDVIaaweSSYqrBfCgp4D/VtqmOo5L2Tx/dkk65DDR2uetba
jNh7iMr6ga8iqsBPTwVj+R1WxWTt7X2fuAHfnzH3V3D21ddsZG0srStCklvHamCeMxOCsar
X0iu1ANVuzK1Ggq9vdwZ/tXIRZrHrBa5CD1R+5ClxJHUAiUpJVVen6K7j6HfRbAxleyPyb3h
mstYdx9zTx9yfyti9vZ3cQNsGr+swKVvNB39WhUItoZM98z91d34J8Llkx2Us8qu1uLYbWv6

MDyrEyU/V4fhqoCkXIMxImyWPyFleNHd4BVb+bRGc4cLuqsTs/p9A59U/V4aicagtE3eXdWd
77uV7gyWMjEe6zZCYtmjI9rwlZCR6B6eWxprDiSduSX+Jzu4f1HyqtF1DOOzUd99rmsfCub
vLlobTGdvQJGYMPwqqXPFvR1q0XLY7tMTtolv7f/APP4/GpVX1Wv14fj/MWu7b/GCW3xtrej
uC9tC7XfcHKqztKaiGMdWjib996sTXjRKAtd+BeXaN/MDT3UV00ck5oyAghdiT1Bp01ST2E
1UGjfG/bvccvxB373HgsVe5C9yYx+BtpLaGR3e1kn928aJUFXWnFXK63Uo1iiPmf5G3BR8W/
LQY/i3tTvPEfCfymmVwV/Ztf2duLdJ7aWOWZolf3BHGVDNxVqniNU6tYmn4/wMw0aT06fsVL
D48lm+JO084cBe/J19nHuVweGSSaPCYIZJC7veC2ozyO1S7SOo2pUBdPdePFRoi9hVaehdR/
7xtryT+p/wCMJY7RZETEovvWitJa0iWf3DG4qOefPYk7CnnqR/yP2BXWtQd8V9xXeV+ce8cR
B2liscWwGZ+4vbGymjyBb3qIJZWdhynNCfSOR3Gho06WUR+5dG/qaib2R2OI98PS92XWIyP
fUUGUNpZdnWLyxwJfKiWpd3wtX7z04qoTwXy5EhdKNYazrMtL3iMVHxenXYKf1GWV7YfHPx3
b32OtcX9lbXdvc2uMBaytZ/4VbVX5SBWTiVoXJJB1XeJyi86fBe0R/iLtZ+9+/Mb25BbPPYx
Spf5ySNWbhZWxEkgYqDT3KCID94mg1n7bHN1d7V1/gzYcLvY1T4r+Y4/kH5Pyfb+d7dsye+4
ruxbIWMDQ3sdnGrmKK8ALLKscfp9xgrKdjtrViusidWo/HXzNlc05Go0AHxf233HZWHy52NL
ZS3eYscQLD7VUrNMVeYRIfoefuoea+fhoMWOMNI/5EwYfpu1UUu2MVkvj74J75fvyBsNyD0p
b2+BxN6PZuJ79D/v4rdvUgX0EsQP0V8K6t1aw8beOgGGjpV8vAlflebynaxl8Y2k/bWNy0t
zimiRcxjmunWUmIrFEOSFXdSGKdTp2S3/IlxnYtzWlQ93r2le93/ANUGLxdxd3Ha73Gaif7u
0/gTyRpFlk8F7igkYSMhZd0WvjQKr+pZraPiNsvVX2HPYnbV5ie0/kO3xPYIdk2t3h7q0xl
rcmafP5MwLlrzSGVY0iKGBARKcmoC2pZf8T06hY6tWjZai58K32B+Q/jGPtbuqVFX4ovou44
WkHJ5MTFzlnTWlBzBjNf9nyl1ai1Vd700/j8eQrApXFip8cdy57v35p7XyF1zu3l7hmzKwAl
Stub2QzTyEAH9Cqie43RVA6aRgva11OyTF1yWtfyDFv3Nadm/wBVeWn7npZY067ka4vkuEpG
kqK62l2eQ9IRpaiQdQetNNwX9XB9Zj2JL2auFsN8efldh/UtP3Rc2FxHaxZiXMTdxuOGOfFS
BnL/AHVfb4GEiP2+Vdum2l4K3rfXbWfx+ZMmOzySthg+OMla91Zj5j7g7XxA7iw+Thb7SyKS
exesferGOFCfe9TIVPI8h0rqY16LON7fEi1vZr/MBd82l3nPgmoPe+Itvj65wmWit+2cVDG1
jaXkd60cUjvZuzOPZDs3vMa7M3idHavPj/TaY9hOLdHy0G2x7EuO0/mLdXWvbn85itnr3M/
JHcUrzLLJJGEC2PrSCJyxWKNVDHegWgqTqv+R6a6+0N0hzp5sxL5bvLiw+T+5xeQvb3LZW6k
9qQFaLI5ZWHiVKmo12OuTkxzdmpusbeR+AsYnuV8fmbfJvHHcvZnnEkoUjk1RzXkCodD60Yg
0am2mYqcdfwvP3AUrx1Wo8RSY6XGz423yUn8jkjE2U70kNZzJJLy+yjH6yrSbe1Xk7/xNoxT
TOHTw6+P4/LqaYTrHTx6r8fnuL0V3l8vnT3V21hS9vZtyQsxi4gY26+qWdm4RSyGnOSIBXw0
HXlGgPG1rckpj8yTN969xd3ZK17l1y1wmSmxgVft3jUW0SKa844aUG9PcG/gem2t9WnqjpVur
1lFvtb5F7k7Lmuhg7uCH+dyNNcZK7gSW4mcCpSWVv08OtBt46uOgzTcF9yfJfdvemXs8xd3E
UN7iK/a5e2gS1uT9OaULRg7gNX9motNgXqC+40+u9+5ljtc/mZshFbsXgN4qSRpIwpsETkqv
0am30l agqD3svvPvLsG6vTjLj7KTIRxh/wCFHMkyKxK+31B3Ph+dNU3p5ESlmhYmb5F71zlp
lu6L5sSbIxulxbW0ceW9piCArKBRCB0eo+muRn+94cN1Hq81+Nwbq/bb5Ky4XhP40GL5c+Sc
r25Zw2vbCz30MiiObKTQeYqCrbA8jy+gOu3g+64u4Tric+3RnKt9vyYtcij2bGLy33cfcm
31xJcJvxDnigP0UekU+g0XNSbxLWN7ODorX0pWVgpWOOnKjfU1OrhJFpQed64JsNZWE1gGhE
k0kUzcq1ogZak/26qNS3sBrGD35ppZ5fcaOJiIy3l15AcjqNFrYeO1KD47xBH73c0e/4PJ56
C/zU95nyfK/cJ/8ATQSI0hI/XkY6EfSF66KuxX9RqfxR6MxA8UXETwXgaSlAxSylHXoSDSug
voi9wB/WXM0naXYJP6jYxH8/b8NC9/cWloY78emW4vJwzVdoEJZvMu3j+GokHUc5HWJQpFR0
G2x21YxOCKOZS/Tr4V1CKOpK1zsOPia/n10SKZY8snKiii1qN/7NFIJext/LEwH+EjfvTDK2
NW7MycE9mSSPeNKf5HSrHSwaou5rtPDZ6/tcnmLUS3duwKzoTHIwGxSQruykeZr9RqVYeXtk
4nU/d2fH+B7sx0cCxpjb+0T27K7gQBY1r/u3RaB4yfhUeWhemo/J29ctYahow3N4XLdpZZ8
dk4zBPGCWjrVJEOweJujKw6H8jq5lHEy4bUcMokSwF73FuEklUpMIP1Kacl/Om51Yv2F9v7
9MHBd2VRYTPJDkP/AJHdB+aLlf3ecdOHmAfrpWSvwZmzpv2BjtTNX2I7Yvcnc+8tnHdLPaok
z23uvHCyyCQX1oaoK0lr4HpoqJJA4FxTfQ5zl/DBbx944Cii9iaK/jAEMdza3JMMiSxxcRHK
rgxTiOisSki0qRoXVJ+T/H48yWoo5oAXNrHNZxZTBQSpZ8miuLbkj7ZwOSfxAoJjkXdWYbE
Fa6GyQninqitdTyxW6iIFZkGzAE9eh6eB8NLrSWLrRt6jRnvlbvXI47FYvG3d3g8Fg7SGyxu
NsJpoET20pJNi0fFnImcszFunQa007dtNBur08Cngvk/5G7dy0Gcxudyf31k6vGZri4niNDU
o8cjMrxv0ZSNxole28ySGc33dvcUlzkZcW99hcRmriW5mxVrPcR2tbhzI8fFCqsvInqvTroE
2lCbgiTbkHjuTuK3EUEF7f262ilIEjnuESKMgArGAw4KQBvVoNStreJXFn637j7njuZ7uC+v
4p7tV96dJ7hJZGTZGdwwZ+I2XkdtTk11ZHUmXcHc+PaaXG3l/ZG6/8AMyW01xCZyevue2y8
j5k76GzaUjvUp1fvPZMjlpS1seVwtkr8xas0og9ypIf2yeHOpJrSuk6tcZcAcHsVYsl7J5X
xk11Z+8F9xraaWEvxNRUxla0PQHppuOa9YDrRnNtk8vBcGS1eeGdgyvPE0scjct29SEMeXjU
7+OisjWWi3jcy0aT8X/JmL7R7V7vxfcKWdusz3faDHxX9kvuNbRxxuqSe5LIsjOHk6A7Abab
yTrEuZGY3x6SZpdXmXv5BLkPurm714GS496ZyBvRTLvqedNLhzq5AVGi1/Me6rnjHcTZC4EL
CWNpZLMQI67B15E8WA6Eb6l7veWTj5HV/lsy8kM0093LdWrVjeWWdpY2JqShdiyEnyI0FOUy
2/IqtGcXub7kmuDkHv757+RCi3rT3DTop3CiTmX4givGtNHWzmZZfB+A+5v5N7MHan5h/j7t

i/wua7isbLFdwX9xJ7sX2lkQ0q26RCpkupAGmkfc/jpmWHKrs9RnJxtrAg20+btboz20d1bO
QR7kCzxOVPUFkAND5aTVRsxX0/IjuZcxzcGW7hu7qUgRsZknlYqBQAs4JIHlqOs6stULH3vd
M9gMRNLkWXyHIsnN2bYDy9mvCn046J3cQ2yKkdDuxu+5YI/4Qv4I68gsIuYgzdOXGPiK7ddA
7OuibQP030RNLLmbmb7y8ivJ51BCvOk87BSNxWQnsfLS2m1q5B+m9tSC+uO55beOxmORktLc
qbe2kN08URG6siNVVI8CBt4aert6ttjK0ZWd8/fOZriG7upSAvuzJPK5p0BZWwOoPDFQXqm9S
OjLWDwF/iLoz5S3uLTD49DcZS/MTIsNvGORAAQBTJJaJGvUkjYjUVKqZLrjbCmGv7bvG4tcY
mNixWBx0pnXFiWVxPezDgj3U7Hm9EUmQillIzVpXR1pDnwGY8fJx0CiZ1u7LLKw41z74ha2s
mJKtNbgo/JIVpHCrhGWOKNRQbEs1dXZemUP5K9WkLWGa/myDiDIBZwAy5eUqRFFbxDcykjZm
J4qv6mY0AOgw1jfYy4a2mEUoPcvErcIorAEOsLHeqAgEk/vCutEG9k0Ub5F0sYInlaVwvtDG
CXC+QH4fs1FVtwty41NBm+HcpZdo2+dx3PKZRwTd2ECkpBAT6WiP/iOpHr/AB9OuN3Pexle
O3pqnHv8/I6WDt/SrrWQfhcZdfzSO8MYt7uBuXJx61c03Ct0fbc0rrldxnX03SW6/kbMeL1c
o1NQwVreCKG6yCksoKiYk+qMmtTTcmh1wczUwtjXe0BPMp29Firo9xvDFikXjcTzDjF7J2ow
8QSaeddM7V5PqVWP5ugq9q8Zt8vWTKGtMCLib+SNMcern2vfXi/tk+mhJr+3X0LtlmVV9WOX
kcHLwn0TATwmKikuY+ERrVWUVqXrUUFfEabdpSKg7+WsH7HbNjKFHfbsAKd25uh6n69NDiv
vBgTDOMbZNB5BniEbfbcQCKHaRKA08PT8P1FdRw7LtpZ/jvFCGOST2u5Y3l9pHLKp7sg5sE
BIUE0qdIv81H5sXkXpEr+mpv+NjQeGRRj/8AYW/0aZVaEfzI1X4duL5b21wDzu+MhXl3sFq9
CI5p7CVZWDEcvUB0rpWX5X7AqsAf1hpXtjsJD4Y+PzptEQKaF9PYRPQyP4ygEt5MtBRbaImv
jUtUatuBuNSaFLivctkV6EljUjdqf39dXlCau6xwiLBacjXYbDbpq0DJWQMr8HIoOh8NVoSr
LLcSgj21Ey2zyBWQkmn4n66NbFK0DT25k5bJkbkQRSpHj/n0NjTjyQarirtbu0jkNAGUfhXS
2jt47zUvQuzVqagbjb/p0XQqjhsG92drYrvHGNjskgSWEE2d2tPdglPip8VJ/Up6/jqQBnos
ihiBn/hh8Zg47/tqSS8y1mhN9C1B94takwr+4y9FXeo+urszn5Ozivp+ZfmIEN3dYNj3DiJX
hHEreQUBSWPl+iSN/SwDHow2Oon0Oa4kFZDunM5B+VzIWDUIXohAJIooAUAHpxFNFCkIFVsz
kEh9pZG9g7e3X0+ogn0/Ugfs1CtNiXG5/LYi+GSxsr2d4a1miZ1JFehpsRXwOq4oF0qws3yX
35M/J8vdMaEj1UPT6D66uPMix1PH+R++eNDlrncj98kf3eepv1J9OpG3yN30SQctdV+shp/d
q9upPpVJE+SO+F2GXugfE+4258NVHmX9Op7/AO4/fTNX+bXO3Sjt/dq/eU8dDz/3E77BI/m1
3sPGRgaHqpveR46nv/uL30lV/m10ANtpWpWv4+epC8SfSqFMP8gd6Z5I+2L2KHuCMFp7dbyN
ZZRIq1Prd1BoK8fLoNVxUBVSrsXvf7mcUXt/FkDckR2/Sv8A9f1Ng+Raxtzn4LIzrzH4nEW1
p/Hub94IZBAib8gkUrOzVoEUDdqDUlbdkvaTd/8Affcc02LydhkrvGwXtl7ywxSIJGDSEKXE
Zp7hA3psvQdNRaPcB1T3Gr+m23vu/e7sxZd05C7v4mxEyRO07e9bmSZAXgetUf8A2h+B21e9
WRVS0WxQ71wnyb8T96WkWXy17lcO8ry467klcw3kUSM5jkUniswAo6fmNtLVujepf0q9AJmc
h3Hf3P8APMfb43O2OWHvwZOaCCKeQnZo51lkTjNF+lgPx0UQEnoUlm7pjJJwuKFdz/DtKVO/
/wAbV6E5Et73f3r2jiXnisrbfJkuVvDLbQx8XcLViXjdhVENQD56jh6FtyhWi7673CgHMXpA
qN7iWpp5nl10eniI4V8DyTvjjvUkUy99tTpPL+z9WqheJf014HL97d7r/APze++gNxN0/7+pp
4l/TXgdDvrXjUzi9r4j7iX/AOr1fFeIPCvg/8APXe5l3y943l/xEvWn/X1f01G5HSvget3
z3ty4v177p4XE39nr1cLxIqrwOf+ee9YkWRMvfKTsKXE3/1eo48ScF4FXJ9y9x52NIMxfXWR
iRgyQzzSSiHH73FmpUeBpoeK8S+CjYppf5CH0RuyAeCkr0BA6HrQ00cJ9Q5gkt8pkoaGFijn
xUlSSDuD4GhGpxXiVyC/wDOMx3RFHa5W7ka1xzAvCW9LMA8WYUHHlod3qV8NU6pBK0mkfFH
xQnehTuTuqEr27D6LGw9UbXpWo5EijLCpO1N2P010uz7Dkud9jm979w4PhTf9P8AEYj2B272
BM2Pw3uXmRyUjM93ccWlrm/pt4uNKV/ebq2plwVw+mrl+JfbZ75nytsv4bjJ269yz2mGlk
b7DlxeGMIOStU8SRuKV2prmf2GG13Z1TdtzoLub1rCbUCJfYe+Xu6WB3a6ZJ3iNW5n21PpBY
mrbHxOvB9y1TIV/OtnqMduVVfxSNJlf2bCGIHioez1ACgDYknpxHXXIrXlaPEG/iZz8qZnF5
f469zFTpPbzZGKF2rvyhJ5KA9iAT9Nek+zdrfF3nG6hqjfxMHcZVbC42kXe0bIXBj6sWp7d
a8Sp60+oPideubacnLeqNAxOMjtJQ88sUN7KAeArx4E0pt/kdY8rl+MDEiR4MB8i4u4xkGQe
1OLuwklyqOsIuaMp9zbqxNXjyujVo0ZTqtULfd/x/iMdgMllyso97d21szRQxxxopX3EFGoW
NFJ6rp9u7bcON0AsUGLsOe8tvj/ABRtpZLf3+5Y45jC7Rloi8hKkqRVSQCV0V96a+Jmyv0i
J/TUhe/XwAv49/8A5y50Vdi38yNh+Dri2/mePSSx5ZizGQmlu3b3La6tjZyGKN4qVBSHukH1
KaHfS8zivYdN/eLX9ZRihwPYDiNLdfsoi0EVRHGOO6qGZmC77Voh3a9hI0Mn+MjHbkbwxye
9EIogCAdx6qUrqmh+BwaHBfKYmijon+2elT5ddVsO0ZBfY4JGsxPMNuD4f59XWwF6Qge+P8A
dJIHDvtgpFaa0kWQxFqdNx46KsAWJikdQAaU6jy/D9uiIWrWdomHM+PTy1Ak9RwwPdk1vAkE
j7JsPw0PHU3Ys7Wg3YrueKVjGGoxFaHz1INuPOHIJuYLVqGIG25r5ahoUkyzUTqVYb18v2ft
1GycTO/kP4xXuC8XIYD27ZsjMq5aBzwiZSQTCx8RT1oP1aBWh+Rg7ns+bmu/UP2PbvbGHs4
7WCzgkSIKrzTRJJI5puzFgevkNh00FrNmmmmCIVEHs8PbgYxNY2Z5VpSCLpX/AKUqlhcKLSE
TxYI8Vtsbas4lqPYir/8zqSU6V8EdrY4lwynHwIo/8AAjH7PT56uWHjxrwRY/k2HYf+Rtan
cfwI/P8A6uhtY1Uw18F8CU4fdIEQLC1r1qII+IP+r+el8oGfRq+i+BJb4LGglmsLUgnY+xFO
/wC7q/qaEr2a8F8Cvd4bFRkkWVsKGG/gx9f+7o65ZF5uzqlsiE4iwiPGextwpAI/gxnr/wBn
RrImtDNfs2nqj2PG4kuQLO2rUf8AgR9P+7q2yq4UnsKXy727cXPbvVle3YFiusHci9aO1iVZ

WiC8WZQigsU/Vx/HVUtrqJ73tnbH6VsK9z8R9xZOwk7gxM1hLJIPdtrKKMD7hGUPUMBwDNXZ
T4+WmO0OIodi7K2THzqwXjJsdf437W0tY8XlPbObG5EEGN78Xlkg5Bq+0ZI14eXMU0bWzWx
hpcwy7dWM/eGHt7XEe5D3L25bvbSYmWnK7tomMjNFXcXEdtXF4jddCWQ/GXfHcfamZlymCvH
sLoQNG7hRXgWAaNg4oRt0I2IOsCpajv3Z8rd9ZTtqWz7xvhkEyaCTG42SGJXUMCq3srKoaN
VqfZUUaQ/wCz1B67hLQRs7bLje3sV27kAoydkbq7e2f1GBbjZcCJ/BZCoJZP3RTI11c6lQE7
L4o7g7kww3ctsbPDxIjz2lpLEVM8caly1ekakD0luv4b6JppSXEmm/COYu+4OybCO+s4ocfj
1b2XkhThcXMIa8iqwNeKgKWH4DR8ZBTg0ePG4tztZ2zEmp/4eKp/+V1aUAuxz/JsZKrD7K2r
5+xFWv8A3dFKFuzKFxhMeWqbOBCKU/gR7/8AyumVshbktWuCsBGGNrbGu+8EXT/u66vb2TWq
OZmlPQl/lupPipW0tgB/8gi/+p101jrGxgtkfiSpjsZI29nbE1/8AgRdD/wBnU4V8AbXcblXI
Y/HwQyT29jJayyRg+3G0MSq7j9Kk8NqnbpqWqLWYRdLNUG2SRYvGyAH7K2D0BcCCIONNx+imx
8dF9OvgiPJbxO/5VjSKmztqfWCLf/wCV1f06+AHN+LOTh8Q4MT2NrIhFGVreEih6ihXUeOr3
SB52Wsszg/AGMk77fJBIXtaVVnmsQW9950JpbE//AA+XP8AVT0/XXMX2yv1ZfyeH46HS/8A
6dvpQvn8fLx9pqcgsL3yBHDboAsaDiqqooqKBsB4Aa6GTIqVbeyOfjq73VVuzPmlbIZOXJ
SGszuSabg0PpUf3a87ku7N2Z6jHRUqqoKYyUpIktArGRGJbY1HhqV0ZLkMlt2/je47NWq2Sy
t24FXHqmkqyqkZ8vE68n90+zYq4bZE3yr6n4PXY63b99kbSa02Ev5Q+R8bkI/wDlft2cy85p
xIJIXigSE0Cl/wC8HfqR5azfZPtLw2+rkWsele3r5MPuO65rjX3i0bXvaE9ujEGPLJMiNRR
7ZtiKxjw5MPXX6a7ixP+5V+n02v/APRmV/Q6+aCXZmTpb2ZAlaW4DxcIhy40kIPLyp9Nacl4
1QtamhdrX+MktFknN9kParJL9khRywhKmSRm/wAJ/errHfE9cjcVG1akY8HadtfxzCbFiKeV
Lr3sjNGS9byRVq0orxZytCadNtc+93Kspj9BySc+IM+SM9ibn4/zcNnHdMssLJFJ9sUiU805
CR6A708dF275ZKw+pWRNVcma9h1Px/iP/wDKYxXr+9JrsZPmp7bHLy/L8BL/AKY1VskFPU38
dP8A7BJ/bplNmW9z6B/puwNpf5a2yqzpKhW9gu7JK/cwIkJRwdT1WbkaFfHY6zdzMJLeyY/B
r+Qjfl+WMWpN7TxsApDb2/Glf7KjfQ424rO8FZEpcJhvxSR9zccjT+BCf8A5rpp6Lxvcd1m
SOqCgDHevn5DVWG1YfxMCTJxqJA42B8tZXdybqY06kd5intmLLRYWag3r10ayCnigFXVsrS+
kbjqNWsgu2EntlVYESCoI3BH+nVvIwfp6FO/jNqW41K1r9RXWjcTEH62u+DgdN6UH4eNNXGh
atqHrDISRtG6bNQLsev9+qNNLD125l+SuszUd+iHpUfT/ToWjodvmTeoZa6LE/SIAfL/AC20
tvQ2siuLrihavmdBItsEXE5Y8gTxqP7fPVoW2ViiSZiT/m31RUIvQRqBVP1NT/L/I6pj6Vl
lolARxqaj1E6B20NNcWuhbjDPSlfr+A89A7GmmLYuqgWM8geIFanWd3OhTto3JPvrdAeNQBO
H0/y31bTGt1VAq4d5X4n9JJ/t0yuhlyY+TLcZAhCsOVNqnf89A7D1h0PbS3tlGaOqkin4/9
OrvkfRiMfalq3KLtvaWomW4AK1rQU2pT6/TSnkdP7es7FW5xNhZrSxVIUdmZ40AVebGpIA8
zvrThu+vQ5vd4VT5dJm1+WezYEtm7ztFEGSSkN6nDnbXUDbf8Rx/R5e506VINdrXjKYWxwP
uHaPj9R/MKSO17c28sU322btfbNnc+6BJJw/TDLIKfY/wDwZ/Ho2nT+Px1ONHQMXXFzhbuCb
5BubAJnrSZcbf2LoEs7m/cc0up4tirIF/iwjZ2p+6Tqn5dQkc3Mtx21I2ZybG87tvSLitzRh
ZCQbTzgj9yR/uoukS0JFeI0LfQm5d+Me08f3XklJKZUSXttj3E0gdWaOa4Zq8ppTsaE14eP
VvrPqUpDs0uiLVW9jW3tkl5W9yokhlqHRgKNGb+kjpQ9Ka0pJgNha1skSNFBCoigligBVQdA
AKAADVQCFLWOGBTepoem/wCPhoLtolUi3FE7MEUUrUAm2U0kStijMBKaEf3DTqKDPe8lmL
F+wnJqMoH5/nrdXMkjFakle6thKxZV9IBr9P2a6vbZ5Wpz8+KCi9LZDIaulKsVpQfUkkDXFz
/wD13Z0s6xa0dUtG/L+TpYfsHcZKK3pU9HuBsjcZu7vLOK19mxiZ3kTnWVpAqbEqQAONar9d
edz/AP2ee8ulFWPp+H+R2sP/AM3gp89nbx6I5kHcEN3GkgAqV9y4EvCMH6IFrXx6643c/d+5
7qyeTjt7o84R0sHY4cFX9On+PILDsgYqJH35UBZdgSOv5nX037J3IM+BJZVmtTS1ojX2P9ep
4b7n29seWXT6atspk5jU8t+nWuuuc+CQCMKXNFG5YnZVA8anbpXVNgwKHdneWFNuwL2OysE
NF5t/FmYfBRVqeWuH3mf6k1rsvz/wADvdj2ix+q3zP8jPp/lvt3Fr7OKsbnIEk8ZaLBGKHx
5EmldY3EanTSY0uvmrKvGYrLE2sLOOUcs0jTIGBqDwAVSQd99Urkn4gvHwZfIyydyX940uS
vEKLdUoyRP6WWI/uchtt4ayZcXLfZa/5j8bSBEmFVbwx2r1cB1CvtQgV6dOugb0lhpFi1+5s
7KFLtOLuEYF96vvuPoKnVcuVIHQpIZO0Ea5xsF0IE7wztwZlAnor8eR5U3Y77DYaHNVTy6E
rA5Yhre3xVt7U/tLDzEYZTKgmMjHnJvKXiSaMW9NYO4y3dY/DNGOtZ1O8dCmJuru8tJkk/n
dyt1l3guAyxXBQKxji4IOJ4gniaaz1zTRU6Lb/EZbFLbIu/ZJrjsfMsSJEjiUO4blGWLqP4V
GNDQ7qdPp3NVetePzWUeX+Am2PRuegj9IMq/HWFkU7J3VGCdwB6pQK66dvmp7znZPIYk/wBM
o/4xWoSf5gg//d5NEtgup9Af055GfGZK6uvZ4i9srmSB2WiTS2kLFgrfvFDs9DqslU17ik41
EL+u2+fKz9l3cgKvc2FeHkZFrT9uk2UWD5TWTDOweQuZgAd4IeVPPXTEHTqNjVP6t16/iNW0
GMmJd5YAYWB4IWA/6vX8tY7OHqdDEpWhftOV/AqvUMGoKnqP8JH9x0m1uOxorSVLK8+NNvKY
5SSxNQfKu/XUV20U8aW53aQe24ahYDwG35ap3LWlpZ62UDklaAgkD661YcjZh7jFGwD4FZhT
0kHr9T/r1rkxxAewppKHK1oOn01THYn4jDYXSy3Ksp48N6/T+/VGmr1Gb+ZCZecflWo6bD6b
f6tZ2jqqaRDJI7qST6BvXr/AHatAWK0sypHUGnkPr9PpokgXG5SiuzylS1oCQv4aviLVvEu
Jk14DgfT/b+X9+qdTTiyqC9bTe+hIpU/kdIvK0j2nqDmPgUqCTv1H4V+n+bWS9Tvdv28KWW
5OC2piZqg9OldKT1NbppBSICCrWtK0NK6ZqZ2q7FeJjQk1qBUN9Bo0Zr6JvwO4nM4YQ1Y7b
+FdRqNxxVc/1HfSeyuv4rRTr+jxH9w+v4arJTRNE7b07WdbboLWpSZBQnbcHz2/zHSJg05NHB

Su7iEOQacugAO4/1+B1tw47HC73uKLfcqxMjKZLgrIpUo4YBldGBBUjxB8dab010RysWZOur
0Mn7/wCw37Yc5jBq0uCdlEkC0aW1djQLyNawn91v3fHah0yr6Pc5vd9uq+qny/p/ge4rI3eM
xKyXSW9xmrr27nFxSMWVIVOSx3Ula0ZwCRAZPUaVioBU48DEQ9kdoZDvTNCOO7a1snlDX1/K
x/W5JKsDX+M7dW6b1OgyN0xu9a8uPRdS1q4bPofF2/b/AGTh0w92iYr7S3kHJWMI+oHk3KID
yJrUipOvHd13+XuJX9M/L4ew6uHAqxAKa+W8mW7jFA0cdOm9Vqx223O+vX/bcNsWCtbb8us
HM7iytdwGseW19QAAPsIANbIktywELWiHbz/ALz4f6tHwkS7wFrWJNpB+6Kjz0t0gp3ksBOT
ECux2H46JC2TyxJ7XFzXp0231daywXaCpcRw/byiYIYnRkZgdwGHHY+B307uM1MWC9r/ACw5
jfXTTzM9cbvqq7yCGtmjjjEJ922sgqQxMQAXT99j/n1897PscncW44qPbXXSq87eJ67P3eP
t6Tktq/z9iKORae9ltZlITmkh91Af0o6kUjbb118TtrNj4uarbobU9Du3srm1nkupJjdQzHi
qOAFcgb18a+eu/8AYfsmPv8AHk5Wdb0sttVDRxPu33K/a2pFU6239pO8zORCAIoVoUjHQGM/
XXvPtH2XH2FXxbta27e3uR5b7h9yv3USkktl/idqBzC0Art/q311znGP/MPypOt1N2j2zL7M
dseOVvl6s46wxnwVP328Ttrj993evBHb+3dlCWS3u/kQ+2sGncZOQunleMO0TKN5HP9qpOu
Xe1mjs1SSHLHdm4hVRorVF4GvL9bGh6Gv+jSLZetglLEz5Jxq4vM2ikKwMFSqigFJDvQdaV0
VLzqyWtHbFCTs/bVmFILorAjah4sa08NvLT77AJagi6lpkFfkG/UzRr6pBXpJXXOyZKY2pe
rOjg7XJl+RbE1vGt/HC0joxcKZHNQi08/Lr4DV0vRqUwMuG2P5luMltZ3djCpguDLKxKxOqh
3IFR6ARy4VHTITSrX5NP3AKmhf7ZbIpaXNrlQuijzo8d4wSOIRuWjNduRKnlUqCND3HFpViY
CooeoyzXAbHw3WLtYHmAShRTBLB0MVstWfCTsNtYK4ry1Pp6rqPrevHUXe9pYm7ZzMDrbXS
W/2weC7RSldJ7TorLVqF1psrBRq+2r6qRafUBkt6H7AB2Bk72w+O8Q+One0N13KkE3tEKXhZ
5CYyabqSBtrW+anvOTk+ViL/TA AJvc6kZAFh/5WQ6tbF/1I1n4YyVzisjFZNK9zjLW3yF4m
Nlc+wrtZyGTjQ1USAeog6HK/S/YXAqf1wXCg9izwIEjbHQyxxBmcIOKkKHb1N+J0D+b3F1+Q
yHsmQS313liKqZISUXcCqk03/HRVGUY0nehC8qeBB0TQaZJZ3F1Y3lktCSV9RXrRabg0+nXS
r1VlqOx3dHKGzEG3liFzHVA5q/HcqepH+fXOypnpawxdShoXFRZm1AQBbyg8D6q9D9a6yq/E
dbEDpcaYEMbLSVKhloOo61/LRfUl6FLC1p1AuUsWmUSKSGU9BU7n6ddaMOBUy9z28qQPc494
k9ynpB/PW+15cHMyYmkSY2Ro5A4NAepOniaaDRj4FoZP8Iq3jWnhXUa0NGO2oRgnBT2o9/M+
AGk2OriUqEXkaIQFmapbaniN9UtWaGIsupTlgVH9yRiymIAOnlo666GfMoUoD9wRT2UfuRt/
BkOx/vGmJGHJfQox5J40HGpYbmVSnTx/Zq+INc/FBC2y1xCBOzUrT0+NAPHS745Nfa91atpC
OM7zKTKoAVIHXXWJ28nd7T7vD1GL+cwXSJMSSrGm2sjo0dtd3W6k9ursMRMpr4cR+OrqugrL
adUQS3ioFjryLg/t0/Hj6nK7zu+PpXUs4u6MSOx9VNtvDz1eakoy9I3Lo3LO4LhHl578g3q
Hj/lXbU+10BXeJ2ksT5GWJWSNuKmoLDr0/s21MeBTqV3P3C0aAeQytKODTTfc/t1vroedyuW
WfKYSIkNB4fs+um1Zlyyij3Zj8t3D2/c4vD34xt3cKR7hWqTJSjQueqq/wDiXRWppoL+tbYy
PDX1327k5rLN47lmMUAkCzmsccgNI2liAPvlf/Bpsdq1A0hr4hJ/A17AXPdOPwMJvbG0ilRK
iyhT25ArHm81y7Eh7hyatT/o5n3F938uJotFvZav3LdLx6mjtvpb3eoUxLXXdONaHO01jDd3
RHtRuZJroEcmErpfCKoqafQa8zhVaXmnqaXuOs9Anf2jYu8kxkY4xW7BYQBT+HT0UH4HXv8A
tcy4q3XVHm801s0H8fI0UaGtWNKjy/HUbhg7hKxliY1BoFLw6+I0avoJdQvaSx7JXc7U/t1
HZMCGXUYK3kT0/zaB2KSPGcSnc/p8PHRVuU6kDOs5aJgCgPTzI/zaX3GGmen07/K/wBgsbeO
3Ku5DNBzPsAARU3UbdddXsuGKnCqSr4GDueV7cm5YEuCFcWFqbe4b7i3U8vcSvMjlyWo6bAe
GvFd3/8AO58F+eJfUpq9N0vCOvuPR9p97xWsrk9NtF5P+CzcSNNMzk7EAjeooRWtRr23/wA3
22PF2VHVa39Vn4v/AA6HnvVWa1+5sm9K6L2EfE8lYdWPjrunKO6lZNYRQHcdQdV0BPmjo9sX
+DyWZscvEwlgf3FIJSSKRi4kVjsQ3j5HXme6wWpaWeu7XKr1TWwU7AmjbFTBAeaT0ABoKOB
v9T5az2u0kPg1PD4yNIVaSiO5qwwa06jfw1y82RtjK10Mw+arUxZrFzKtKxTQysKkckkDLvT
qVbWntravwgt/KCsLPLB29DOisgBljJ8ByLCg8zrZfbUqqOMdaYyK+SSRlnSQgyEkRsWf19e
nlVpU/hrz/e4cmJu1fVT4wek+19ziulS3pt08/8AEdIMVh55Pu51P25RVldCilkK/q9VNhWp
pvtrnYnbFZWo1r0Z2u5wUzY3S695JbY+5YmO3ju7yFykcVtbxhJfKEn3Jzy2Ty6fTXaveJsa
TbPEpJahDN22aaVkyMcN9EtEtpJZzdXF1QFRHQBViCfuq9dYb9zxnjuhtKLqzvB5Jr65gsxx
bfy+9jVo7a8mVpnRVAyhpUVYYkBWqEVNfGmhV63cpzbqXZWqvlIFP5Exdz/yvksrNdPOGj9p
0KBFOzoUeoNPUa0oN9K7W3LuEkvTV6PxLy6Y34wKnZRKFHvb48P+al6dR6pev+vXorfNT3nG
yfl8BK/pkZRY5dFvwx//AGWQaJPRIT6jVPi27hlthZyWkcOQsrDMvLkUkatzDJZO0SNGdl9s
fpYeGx89Bmfp9xJhMVP61gDD2EvTjhojtvSkSnQ2fqCo/SjK/jelG4viegSEHz/RWmiqx2PZ
jgfbj2I3Brq2MTgrM7iSqn/AKtR6SOhi0MotW1C2IvJrWVTbyDkzKctNiv92svcVlbHV7HL
Dg1rtCWC8x6mzpHc25PCN/UeXXiT5eVdcDuLNPYPRYaq2kEHcOMvJYjk5lpcKyFBQujfvH/
AKp21dLLboHm7ZzKAMVvHwMgpps3TqNMd2LWHkipm7NJccTEACN2HTf6a2dri9Wpye9xelpC
xjmSGVo505BtlOu4jzqcPUaLOWJLMzNQoAQA6NwkFRt2I7a7aN23AJHUf2aRbY6mF2qyzbX
zCMo+58dKk61VNduDS3SyHelV3G/+Xjp9NjI9zkZ4XgvlhDdASKjVCk+OmI51shxI7OGa0SO
2RUKB/WKcgNQqZRUhXQ6yDmAKEVqSPrqmNpdIpXfb8iXRe2IWA7rU/2aXZwasNFZ6MK2E91D
GqDqKUG/XWW8M9Dgd0oDcKXM7cjtUDx8tI5JGlg9iSKyaR+Tmq1O1dwdEsyRkzdry9pcWBIB
uTXYU69fDWilurY81ViPET2z7g613NfDz8tNofzjUmaVCNzXqT9T9P8APq1XUG3cKIlmMdeV

RUGUBOmWZbZTu11qoYer/Np06GS256iCnIGg3NDqSAyG5weKu8nbZ25gkyFkpjguGoWCn+w
8eqk/p8NRbkmEfoVblWRVmfCCr1pXwqBuR56DucOS9eOOyqnu41jyKpmqnNk2frS1ihvReXH
pFCqpD6UjqtKRr+7Xap/6NcjL/8AO0rh44m/qLQ9n5P+TXX7rd2my9PgWJru7u7j7y7fncSB
RK1aiiig328Pprvdp26w4a4/9K/Pqc7N152di/aXjBCKig8Aa0+mryURVMjgl2N2qKrMKtWn
5eektB8glBehnQo4FT1rvpbbREwv7zEJIppXwrpflnE8uLoW8YkLCsuxFfHTceoF9C17sgvZ
MgqVt4Y1hmkqOKPI3JQR9QNa1X0e8U7Pctpe29yR7bqSg31dXDFW2JpAlwAWN9PMEa6eLK0
c/JUrtjOSV/y6601zQIdSKO1YuUUAeVJ8gNMd0DDBGaz3buliknvs1boqKzBBKrO3EbgBSan
w0D7qlV6mMp22S79NWzM/kvJ43vW0spMBcxzSSW7Iylhyg9yQMBKtdjTemuZ9wvXJxdXodn7
Zjti5Vuo1AXamAfD3LQW/KUWzc5ZSOQeQgABVFKfTy1yM91EHWPqOYzctuq3F23to0jKpkYB
SFAqCeg+p1zMt6w1EjUmAe/5cbdYiK7jIJmNVYycl9J6VqVptsfLTe1tZMK2wg3V+A0VIGIV
lhkbkd6DbYf6daubs9dBcg+0gaS+iupHC8Y/bjjb96rBiQPPbrorW6LqWmaJiLvFT4+S1yUk
SvHHG0EMgq0hrvEfy8emvM5Oxy1vxqpU7+C8T2NPvOF4lZuLRqushHBw30T3aRS/yee+4xyx
zk3Ejg7iN4U/Sq7cOXXXQzK9KzRS5/I8qmr2ljR9oHEUTEtOoC3bSKluTD9RCMSorWootKHW
XM1WHxhfGQq200LsrQrNFFbu8FsOMU8kPucFXcbgAAEdDx1nzWhNVr/iHXbVir8gQY+DsvJJ
7U1ldPAC8tC8cTe8gT10kjFVp5Dx1Pt8/XTflGmgWe80enQR+z2UfHuAEpVA3diIpJFK8pfP
XprP1U95xMj9Ik/01qVWWQ/pa7I+tRay6P8Ap9zL/qRrfXa2cuMOWtrqOS6ucbmlZ77AqVmt
WgtWYScxbZlIU8uq6dNKzbe4p7MVP61CrXfYkQoFfDxJ+bRqvjoXrYJfKjL/jOGT77JW8qkFD
ErDyKpTRJmnApHCW2py5b8RVadPxr/o0acjHSCsFKt/tGugaBqWVZZJkdIXEVA58K0LV/VTw
J+mkXWhvw2my6Dh2rm2sbiKWovlcGrhTRiB4CvXbXGz0PV9hdLVmhjLpmlDfllualaKVANF/
e5DwIoPoRrnq3HS2x3Po86SwHku35ceDOaKuxZK7Anw38SdBXutYE/2sqUL9/wDxJeKkCotJ
K7VB2prpYbQtjhd9g102KE+Lto5CY9gP79vLXZ7TM7bnm+8wKuqJLiLhaCM9GNfSa1oPIa15
XA77d21b6uZAsuTe35VNGGgPnpa1NwaMalo5gzLDjJJXiCePmTXy/HVvGgcPetMI292XRm6l
hvXTKxBh7hu1tDwXE0TcyKU2A/H6aajC00WrfJmQbnnanXQkkuQ3EJ9LMCfMeP7NQsslVuE41
oTQ/Xav56Xeso19tkVXJJIVtoFVQKV3b6baw3wOZR6TtvuVWoZZx1+q8lYhgelnZ74mzZZXuq
rQs2UrSO1KUFab9dtGsfiz8mZuYO7i54yBSN69fprbjrBw+6yyziFbm8kL26FIBFWrQCnkdM
lI5trakl3aXlqga4iKrtbyqBXoSPI6LHkq9mItVshjaIsEY8KgV5mmxO3Xz0xWrllptYJQx
Xg4VfFIHTWJoOmp9SviW6to6pL7bvQlIz6iKHid4nyGostW9wHjZLA3uIW8R/07aYBBftKF
anxG5+mtFLJqDPdEjxgkVFKnzO++jW8APY79pR6ANh4eHTz0SAbJlI4ciB+f10NoZdZRFspI
nQKUzeI+tNKVje5dchYDBaDxB/DWceF7K74wDka9euk2RaY0u8tGJWeUEpGCSPqPLTMagl1K
O8F1b3tqbJ3Qob68djvQrGgCLTzpTW5tVafkUqelrqyJLp7KU1/3i+19qdN99HwcmS2gTss2
ky82AVglCPA6fjRnutAjFILUQtJLIEiiVpJHbYIiipP5Aad0qXsZkpcLcwn5Q+U7rN5BrTG
XM1hio1PtW6VAnYNX3ZRt+SE089cnN3Lu94R3O27JY1LSdhBuMzeZS4rM1BEivIY0A4xqakq
mw2PUDWW1jdWpbsrq3kUXGMWZbuFgfdHFIYV2JWgYB67Bq6BStQpnQZ+2MtZXEKiTkJcHmzl
7n23K0qi/wCBvJD18NJzNtESQSVBaX1lcQ5a1klGRQR+xC5QR+O/6iKkerWWFyldB3JIAdyR
29njbW0sbYRi2gMRHuCQECIAPCtNPxNvI2wH8sC1e+5wYlQWkRQG2Kvt+zy1q33FLQjxqFi
kIIdyoUgVPECo3b66ptlLoHrARpcqWcr6WPMrXidl38tug0t2huQklA42UshraSOC4uIppk
aSUlrZFjJpWVTUurMfSS2x1jzX5Qofu/G4zEkMHYIM5LaTY/GT31jBj5JXSfl+3F781KBBIV
MvE7eQprE3Z2hsY1VEVx2qL2c3E+SlXN2pjb2WZ7PdgHUKAVrQ7HrXrofp3xPmnKmC/qJrV
FT5AFmvYeVj9xpHWIMnuEsXpKnraqV6a+Oi7b/tql/qKyp8H7BM+PsheWHx3hzZmNfu+6Utp
TJHHLVocj+kSK3FqgeoUOu9Z+qnvOTb5WlF9NtWiEdOt47fkLWTRr5fcTr7zb/hXt65Z5slc
Wuk+OksL8e6KxpOotmiYJKK7hvSStaHWTubqnzeDG1xqycMz7+u22+1yHZcUQMft4xFVC3Nk
4qlAXoORH+Kg0ScuffPKKmcF8Ltd5KQHKw9lia1O8YJqT46JM09tV9DQDjTMhBNSa1AGwNf
26ZWw+1GwbJi3iO67VqKaqzQFcbk9mjWJNhQjWW7N2Kh3iLiYXimhem52oKDr/ZrBnSg6/a2
cmidm5RSL4ZTUxy0DEb0B2qK7dDvrjZqzuex7VrLj4rdGg5PFx5bFSxEi5uYmqxiWhKKNiQd
9Zsu00pox4s308iT0q/HxM0z2MOMICTqSjn+FJSnIDoPx1t7HLYbo/8AIVu+3rxno/yKbWpW
3BB5FgSAfH+/XX7PL6tTx/fYIUID3FxMXKH08jT8PPx10nqV2OW1FCK2Vit5reIRqFYGrk+O
2hpKk633B4nWqaBrxp9xuPQT08ABpqTOXelFrVPhWqW/isEQbip8NVZWcx5e2a9TgPxYWyu
Lcyi4X3F3ANOh0h58lbQ1obV2HaZaTW2otXn/Dyuinx2p47621eh5TPRVu0e2dxMGPEGg3qP
KmrBercM2N7PQsQel2J/P/TqrND8dWXhdLcxihN06geP56CyH479CCK3aOVvbaik7V/s8dLb
NNJXUJWq3RahPH89DowuV11O8ncQY1YZ7k8iWUMP/kdRWvjuDoLZGnCMncZPiXrOyyOWuXgN
zG1u7GSCCBwHQCoXiKU4inQ/t0h2bWpnL7rmMDhrmLJzx3kdIGZF5Hm5tmX1A1LEBf1UrqMF
M/XeYntUi/5dljaWKG3V7VkiJ/3YLKpd3PGv+LRQ51K5+Bx/7m3DsuOzFiq+/sQU4oQvUMjC
qEEfqXbz0LUhK76l6xs8RmGfK4dXsry3CswjB4G0tCSO/d8Dqti9xwbsu17mxouMHbra5qAF
3twQlRpVHqC+Cv4rTYjWnDna32BvjTUimsTwOVkUpIhKsrAhlI6gg+11vx36oy5adGSIk5Db
ceFKaf8AVMzxHMzkgFRuB1/tGheVsixJEKq/hlTQ13NOINHVaC7NSWIVpQnqOhp/1460J6Gd
7nrxvIysrFW6g6XbDOoyuaCeO7eNBG56dCNtVz0i2NjFcD5m7YRCMGhnahr14jc7auldZGTO

hoeIxsdp2ZaIJgq0BlpSo5SEsR+wjR5Ky2mOrsmkCb6BXt4r1FFI6RSr/wDMn8PDWrdZ2Wph
7nHHqWwPEfttyBp5Dx6a01xMxWya/vK9ubPtyWO3HJ7p44j9ELAsT+zQfcL8cMB9hVWryM
LuoY58hdWEh+1mVmKFGSSm5p4/3a4Cs0j0aUuAlgezBmlhWC4WJm/S8lap4j8QdZ8ufibsfZ
uy0JB8c9zYm9leWzlkFsDPJHG4Ec9vyrzVhuR/doq5lZaCL9tar1JB2/byrcPixdWl+nB5IL
iMsohVj6vc2YsFNrt10PNreAOAbwuT+8x4vreVLNBKvImgUCSMKPVz9wUHOnIHfbppGdNPSd
dQUpYI7uyNs2Mhu4LIPZnDqoiUgNU09FdzuPVtqdt88PQLJHHQW55IOAkgHuQlAnJth0rt5U
+mtt9dEIW57YzUkeNAOQIMm2/GtPGIPw0FaTuMIQGVUWxkmnkI5EcSdgtem2/iK/U6JuqmQZ
G3A5K5S0isrFIG4ndiJo0KoY43FaMygkBz+nxB1kyNaJDMbj2jwT1a5C7+5MURjj5KZY1eM+
9GmzF5D/ALwUOy9dZ76J+IcpGLJ5Z4Zkt4EiWW4DN/M1WQ2iMOIY61LMNm8K00h5LPSPd/Bd
egvZy8934+zLTxxLI4BWWqKZGMiV4on6eJ/GvXR4MfHJVxCb0/xCzpcfcL/ZS+38ddvFfVz7
uSjGvWktRrtP56f+xyb/ACsTP6aoz7YmBoUuZevSn2sui/pLW5s/xBkZ8biL7H2lxlbU2OSu
La2aRjHG/wBvV+AJovI9dI7iitV+wi01Eb+uRzcZTs0sQS2IDCm1T7a6qIcBpzVMQfh1FeXK
pSpQwADyIj0NnB0uySaZpcMdugHIbHw/y26aahzrB+kgt5GNV3rUeZ/bq2VRFK/s4uDMGbr4
+I+mlWxpj6SCRxglY0K1ApxJ/s8dZMnbzsa8Ga1XqMXbGQ9icUNEmZUk8gG2/v8AHXJ7jC/g
eq+19xDNhwV89vBbkNylAZYCSOqqQVNPCn7dZlkVlpuO7zCrWt4dfx+IB/cvbceWk9uPjJ90
QYQKJxlAALcakjffWRcsb5IqmRWxxf8Ap/CEm/s7u1LY2dfbuLQISQPCvh021201zVnl/qON
9w7V8U1sJ2WuRbzfCilvbFSfx/6ddmlpOXiusa1QMOQZ+RKknrtw6/6daKIzd93buogjS4Mh
LFDvAn/Vppx+dmyy7bH5iXav9/4bakk4EsV3cQ7k0Hxbx8dE2i1KJVmjuEBcBj0P92hjE7l
5LNWP/DN0oaHQ0GIYFbRFqJZVTgR03I26f9Ggbkfj606LlVAHVialHnSuqKrVNk0Mqh9C
Ov46GB8dApayrx6UHUK9RQarY1lCF/OzLnhNaxlWWM/copNQ6V4kLX9JWms63k49nITtshNj
8rPDZSGOOCKIGVTQrEqAAA7VLHQlI3s24t8hl8umSuWZLq0dPberFZakMPCquKfUavapS+YF
3l1PPcvc2si3FtJxDhD6keNOAIpuDt5fQ6GQo10CeBly7xx4nPQfzK0RgYJus8TeV19Snpv
+0aLV6outDQe3MZNib8XlnE0vNQ68RxxKnqrJ+k1poOaWg/+3stRmg7ttsfcQyW9UQOx48SD
StStOtQDTbUqvAJ1aWwA7hvbXJ5J8hGgln3l47BnFByAHiab66HbSqnO7h6goioBavnrRBm
k8UGtSaV6HVoJOpGKjknJt+2uj5NaIWqJndvKWX+yn0prRismhGWsMsIw2Hh4D660CIPWVWA
NNv7Kap1RJF+ZGyeSon+7B9pfxJ4lA/HfrpDhuDdjTqteps7xRRWQgoOEUaoa1oFQAD866Fu
XI6raQEhjtZK1nIPRIpRidx06in5HRVfHUG+tYAM6+xPJBKf4kbFWA867H89ddXTRxMmJ1tD
FT5CzdVYJaYySMuZR94Jaf34qgK+LKTT8Nczv7rSr9p0ft2JubL2GWe9bX2bu8zd1hiiUI
9Kmo+n5eOuPtWDu1xxbXoGuxZbb3Y5Z7hfadyf1gELWn4jrrFnTbOpiyKNz6C7de3mx1m8Qh
umtuSmjAMY2/EGqnY76RTQLJqfu7MfihZzZCa1gYWwErXUUMwrVm qw/VUjQ2s5AhKrMfiFom
KtLW+E0Tzk3BgYL7Ugkct/FjoSQKgMARQaZmtZuKqTmU3FLu3KWai4x2PR4mSUGVKBUt2U1M
cILNRT+qopvrR22G1EpBy5E2wS8s0s8Ss/NSoU0HpNepp1P9+tsPd1EzoW8fKtrOqgl257OW
qx26beXhop4omgXQXt2UeKsTCQMrN0opFCT06nx0PDUNMbMVfbiY38EDzZWRTHcCy5uyxNVh
RAFRX29TE/hrFfS0dBIXKgMvPLemKG+yX8tnF17Rp6KZlrRRHQbTJ4igLddc69snJuvT8SO4
1jUhSe8E8sVpl/tbpAVmhWJEhdRXiqCTcMxFG0XO3h6S4rVLluCu+1cdq3U6RqOcC++5opAE
q8geACGP8PA60YLL6lYeki8nF1emoI7LU/8Atv20qVJPdy0J/wDnv+fXX/rp/wCxy8nysT/6
YkDWUxIrS4mPhWgtJdF/T7i1uaj8c3wOB1x09rDFd2GFzTPfxlg13FLFyT3VJIBjrxUr4baD
Nt7v3BacMT/60blIcr2J74DCPFQ+4DUDiyIG/s0Nl62GvkQn/DsERuMwyH3ELxBX/wASINvL
SmpOr2NtGaC53AbqPEf5V0UGqThrgOLfp8x4aKWVojllJPWobY6rcKt4B8sdJuHnVAdfro
XWR+PMji0kVLkNyPplqP+mms2bHKOp2maLKDU+1MrJlbNbaLixJJWYkUDpuSR1GvOZsP07T0
PVPJS1ec7bo0nB9trncWmYgk5GIjllH6fTvXiDvyGhpS7Uxtp5x/J5zu+/8AoZHja38f38hW
707ByWTuZZMSjs9ofbRpiAZAf3m86nVYsn0rtQ+Bsx3jyY1XI0p8OnkZZn+22RuUoKFyQ5P
Xmv4/XXZ7buJRj+4dhwc+IoTKV5ISPcU7fl566tbHFy4pqQRR083pNDXr4VPlp8nlePUSGNy
IK8qCID9NSQliZ+tbqB7iW0YENb8ebt+k8vr+J8dU7IIOPJ1ekBFFh/RShH5Hbw0Em2mBMIW
vCA1J67/AF0F7NmvBgVdQjj7ZLqZ1LcfH9uhdmBkpDJHw0nMCvICoofHRK4ng0yWDF3MYNYy
fLrudVYQacFuG2lK+2UZQduhB6f6NVoyr2TFK7trnHZI3AqUtnaKRgDuPPzpSnLSk+hx70aZ
Yt7wyREyKB9wOLOejJQIN/8Aa3odU1qUmD4VurSUSQSFVJpD0d22/cdfHY9NE3IKRzYZh4cg
z8ivuMzyBSerYnvp5nVOugSNE7Uuwz25uJPXIS3GpCgDzpSo8NWlobMeKXrsbf27Cl8qSTBG
IAAJWjU/6wNdJddZNjbrUM3mAwx0C0c1ure4fVJQcgfMHVNITXNkMt7gtBjsjdWWx+3kUK1K
VDdD+w66fba1k5HdqLtaP+SAb1P+fTzLB+DchyJqw6eWrkh2Eke2mkoKRBdz4FmpplaymwXu
iujDjUUrSv08/wANAi2iZaqFINTTwl0qIsyK7ysMMZgLCrlqhY03ah8TTpT66a8igCmNt+RV
wsyWd3HdScFMTCQe4yioQ8h4/lpKsbHuNy99TXMkrTPC7MDQiVBv40FdUrETOF7mtZyHU7gi
sYo1AeoJBPTR1clciTlZ2V88V1A1Hj9DJvyZP3T+XlrX2uSsxZ7GHu6WeqM3+YbS6eLH5GLY
QOWY/p3BrsfMitK6z/cqvkmaftd9LV6mbT426uhDZuRALmYRs7fpArUcvGm+uTd8fcdyqd1H
iMGH+Hrr+V5CbPZAY+3KlrWaKMSxGRf92zFfXxBrttWv01lfd1fTUauzsuoxfc+JzWQ7U7kF
lc8b2BRBAJVuBdgWBJ3KigJ20PcpaPZD8CdVrqylgLPu7C9vXlz3VcXM0F3BxluBP7liPcco

IGDqJAXa5h0Ow2O+pm4tpV6mf18bOyKOUx0k6QXDRveG3oUjeKOT2Q24ko5Uj/aP7N9Y6rg2
hL1Qj32Nt8jNkMtZcjFIC0zunCMSCpYKrUZem2xrrZj7hrjRi7YiLaAlulPbNGCvxPtqd+FN
zU1Ckxj1tbaepngvRxqkgaOhSQ0JJq2+/TpUf36G1oeoSegVgljn420h5RuVBVd2JqANzt47
6pPoMrXSRS7bgkVgLjli4fmyfZyKYwwirQqQqQaCoqzDWTNaFp7w6J7hWa9hmEelUJi4ILt+U
khgNwZGHikiKzIwA4sBvTWZ1eTpoNpbgpK+GjhyrNG+GhsHMji0muYnBeIMKusztCaCgpy1
aTpWAbJWtKclDvuwtft+5uWnlkLR+1FHNiJAp95Tx9JG/ivlqdtPNTrsVbSjhQUeXL8Wnx3
2/G1rbXwwO6FgZbyH3lhKtIwkiXkvGTagfXYfz095zMmzEX+mPmLSY1p/GmKkeQtZdF/T7i1
uaj8Z/ySawfIXF1LIJMjnl8vjoF9u8tRFHxXg0gMbGRaMD4GoPnoMr0937IPZy1/9bQjnzXZ
0cZcxDDw8DJx9woIkL8PRz8+O2gt8zDr8qFb4elo2VVSBR4UIG42j3pTQdTp9psZQo1Lelq
U6b9PLR2sa8dSIJLbvNjbwSiSSAhZYwalT5HUqVyrMJ7Ay87ltLC6a0ZHkkTb00CVIqBUnRK
pmyd0k4gpp3LdX6GSyt0j34lnbkQOh2FOh89W4RnrmbJcBmIL8y2mVpE5oYZwOCUO3FjvQ+W
kZanU7DvNYv8Rowtzc4mUBPBqsw2rxO1fprmdxjT1PYdh3Dq46M+hPiTiWZJ0kT/AMsVTnGS
QxlB6kDpvsNYezXHNxsc/wD+hxOlPPo/I0yS0U3ps1slSqssd1IRICpWp9I32rTfXbfbpt6l
8esno5cv/VaGN/MWBxkiZH7a34XlmULTRgrHQjCUPjXfbXEdfpZoXyyev+33v1wJWcppx4nz
zkbDyrl1JqxrWoFBr43oZ8mOEVktXOWPEg1p0prWrHDy44Z2tvIhluHqEhRpCfGiitK/ITV
WZVZWOk7ezFjNkrt8ICbiC9U/cRojELwlcCQCCwUfq8tDkpKOf8AU5XbfUZ7+XEW/vZSXkYV
jMkKw0iBd/c47EgVAbUS6jF3Do9HoX4rfGnDLmVndbeb2vYMsZQMjRQ4b1KxPQHUVSGas
X3Jr5kFMVbm3uUt5oZFuJSRDyUipHVR4ddLdW0bbdzSd9ws8l5sLyD23TojDiT9R9Pr00HEN
ZEyZGvANxxQDYU9VPPVfblhWmp126b7U8P79TQpoGZLt61ywulLiZmhCROfQaKSikio8tRpGf
JiT1FnEWct5dpauwUwKGUNQViX0UNep3HHUfkc6tW9ECsxHGt9NB7j2zcyQF3pXcUPXQVZGj
qDEy3VL1mLKlFLsAGZuvh9NMqaO3wzqxP7fiubq6S1QVOwqNqU/u0fQ3JJPU3btd8hisdHLe
wt7BIHuA1oPNqdBTTrpFIlyyq9EOrvDLdGImV/cAZKHc1+mha6GFJpuTL++o1TuK7RWDcuDEq
Qw2WhBp4g111e0+SDk99/wBk+KFog86eHh+Om8GZ+SODUOEG391PrqnaC1sW7MNNgr645ELL
IsMP1Me/IU+utCWir7y1VPUFXuRtcVjWyV7yWGEAvxHJqk0pTr11MWObQKu/Az/P9/8AcN/y
gsiuPt3HJRGOuVe9OTHtctkvlCx4V/UK8tnlmhju7ue5j+5dxy9115FCK14n6jS+M6PqaFRL
ZH62wIvpFtiZFZq+tmD+JINGpvo1jiSkyKbt2SEANbzOBSta9RpLxeAU6nljby3Mc9v70Rl
5EiN3RkNeJvipr5Go0SpZQkyaMNWndXduNYC0ydzGq0pHORKpoOg5j9u+jdXADomxms+9s33
dipsBn0tbtXgklmCNHlghHIEAEgmuhyO3Bp7LUGmNLImtwFkWCNNbAArGyuG8aEgg/kNc3I
dfCoSY1Xnd0ln2FNbr6nukMdugqSynZnI8h4U1yq4uV0vA6lsqrSQ7/T3k7GLF3Njj0uPvjd
pLJI0TbxqpDlnoAFFdP7htbiu342rp+YX+WckWxDYO3SP7dZRKQQQoZTUVcbsNz0rpFLTqxH
dQlXxx9hOtZ45oYzyjke/uxuWimKp4qhBJUA13/AGaRdNWbZmSXHzFzue+S9urmSBIS2MPA
SNzHu0Q0YV60bapp+Gt2GkrUTZoT/YneMNPsvVWZd+ngfDbbXQ1kSN3x18b5n5AuruzwjCKW
wtnuObg8XlB/hw8qijSdFbw1z+97ynb8ef8AU4/lhVrMmsdu/wBL96Vx8+dv1iSe3aa8toUp
NBcFeaqGNVehor7fhtjZvv9ebrRbbN7QMjrxbbf/CdhX+Wkss93E0libKT+CJCizSKrcX4
xPREdAV9XlPnf/eMVHxx+q76brX2GrD2lrLwqXDPLkRPijDdNaQTyJFdiT2UZw3FfaMY48io
+gPSutDra2NRpZfhwBxSu09gf9pa2aiwuLY300fKO4tAR64wx9uRZJG5JKA3RfV00OSXVS/8
CLRvwKPFkXsfZeQuJSTaXaoYwoRCCkfkfHko5HhSqt9d+mh7S3/NVTrl/J/1WjwFrs4h/j7td
Qa07vFaeG0p16KfXT3nByfKxO/prKnG3NDuj3Db0/wD0WXR/0+4i3NQ+PsfxYbJZCa3eK0v
8DlpLO6ZOMc4SNYnKN48GFG0vK9C38onf1mrE3c3Z0Kk8/5Mimuy7Qpxp41Ol3+YKr9KFL4S
h5pls46zxilKfubaW2dvscUpjr3LcGxw87xSm2mZaRMteZYnw8enXRVlsb3PoxvXUR5SLVvQ
WZHRessVqZWoz8iPqod+tfPTqqTi3tBzDFVJWkBdypLkr+8DWp8a/XRgQzm2EiXtuA0jRSSV
RVaiio6eWqtsSq1PcbJcwSzSRxtNGvqdQB7ZoTUBidm8fqNKuk1A/E2nKH/B3T3ODtb5k9f8
RHQ7EBGpSh36ay5MR6bsO8sqxpHxf34O2b5uFPbkoJENAdvEa5mbHbHbnXc7XcvH32PhZw1
sbj258pYbMrMt3cJZO925B6DryNKA04fuSsov6WeY73/wCfy4odFzXURvmdI4+7t7i+sZC1
pcUjADUMrAbvQ9Fp6RmZcqy5lw2O99lwPjdMm6Xw8vafON80Ru3kQ+JpXzr+Gu3SYEZWIM
FczRtKyABmXfyrX+3Wiuxx8l/VBB3NGseDiUEwm7lWrdRwQciGH401FuZu7hUhdRexIuEu2V
ZOBpv+3JQ040A/IeGiOZV6jJa3sa4kQMkoUCoYJ70ZJHEq2xNNvoPHrqQ4JITyuQtLvtdJmm
RFtXhRpv/CiZHBfFENXcVghWjRLNNMa8Jf32c9m4vpvvrVG9y2kThwc/42ZKBgabbddHWsbg
2smEe4svOthFkiYlu/YIHvQUaOYW5JDtEQqHkuAT9Kn9WhUDKZbV2DVpb2GRgS9x10s8cqgG
JiQ4PGRKCQA3E1G2lZFGp0017nm+L3O5MSAgBNKjcA/TSeZv4ka4lXDryILKQd/MaLmA8Zn+
QxbpnDbOhmNrGZAtSpZ46hen0Oiqp1Mfbt0var66Hr4u/wAykb3JiEoJSVw3JOS/vcupp11f
051Cy1q/aEiIbW2tFsU9XA1/E9K6l0UpC0KOQ/5jtQ0mltFuAvqrzIAHmab9NT2i7uy+VS2X
7PG/LNzanuawvjZWNUjPJBBIJOGJUfopIOLfkNva9duoCx5d7RBqN5Y95H48xAsL3nfZWBP5J
jzVFVh6li8QLDL+k0pTSHVvt6jVztZPJugNa3+ZuLC2i7hgshr6xi+2a2tiWijCMdgTuWJNW
PXXYxUVA6dTzPdZHe7npoeN9NgDTTjMyjlr1bS0aZCPcdeKD/aPlOvVvNh0TGNoUxeDtsC4J9
gR+4PEtTkx/7xPXR2c2kcloKfd7fb9v5XYe3JbyFKj0liQCPLxGm424TM1quV7TJL4tayql0

/wBuGhiKlm/WDUginU6q2VVUGtVCMHeuMxeCtrFIZ7iWOWd5gpUU5kcTuCaU21neVNH8DmDv
1BKlxHZN7CDn6X9VCDv0676r6iK4k/8A7iqJDyxjFYvH3TUE+HTQO6KdSSz74xondpcaywzc
qhXDFPcNSwBA3A6av6q6gur8Szb3OIyl3AVRxbK1WWVCRx48diPGvlp1bLoDZtEefzWL7et4
7Tt+WCW/ug4ubcj1iNxrYXYgFOQFV338dKyXb0+JeNw5YHsMtBnbE3Skx3EA9m4hbZh/hYjr
Q/36z3rOpvw5dOJYt8jkrZ7eN5hBFwBkKxe8VSv7oJA9P+HWZ46s2VvbToaVgszcyY9c32/l
IMrYqywXkTWzWVwBGNnjAZIJ39WwrrJmxJaamlXTWhX717kgvsnJkPcCC1UQSsvrZSzcqRs
vqHqI1daqSfUxZ5vfToVJclZyfbmaSW3cs3s3Vs3ONeY2MIK0rseo/ZrJdNXh7g0pKYpd6Z
CCaaWK3kMwdhwuqLSYMvFyRvVq9SNdLA04ZmsBUmlhUc1ZpYwOTVACjwBG9Pz1oTb1AgcfjP
vu+7GyN09papLZZFEW9t2YopMfrilUivCRD06/XWD7h9vXc1UuLVejLx5HRybX2b8mZb5Eup
4ZsdHNFEiLdMtwYeiIJVjt+t5BWvgBryH3H7R9CG7+zTdnUwZcbr6NLeG7F/Idq9y32TuZs
heWd5O8REMy3HtWy2qElhzHIsXrJt9g0HYd1iw5NaWj4ufZ/Bt7pPJimrj8bA+/soLciGe/
juLYhOeTcgr+krxqzUqP0ii+mmvTrPyWtXS3RP8AHU5Lxvxn9gUMjfrJa2+BtJcx8RX+GzF
OMR9LM7pHykQeJNKaD6trWm3peg5YU1MkPyHdxv2V1Vmc8pIYwpf2oy7+9H+6h3229Pjq+1x
r6tWvERls+L9godjnn2F2sPA94AN9fTL18dtd9/PT3njYfKxO/pjHKzuV2NWuNqb/wDIZdM/
p9zLW/vNh+H8fPc4HNY5JXMSYzJRw20jM0UZlHR24Bj6CSPAb6y9xePh+41UmrfrmZ/WvI9r
3f2kyDk0KLg286Rx6Z/UDHPSF/4YcEZeSgjmK8dEG4BKA6zX3PR/a6t42MXyAyDG20SYUuvf
VkJQEVZKMGqB4CvjpuKZF/dIVUusitLbi00hQREKICKajlvt/fvrQmcVllmUJj3kkihOlip8
qV8/7dC9y40k6tEAmg5KGQ+3QU2FV8R47ali6rYgXGXf7cT2sLGMQnnz5MtKe+O3Ko8tA7QP
DWNtwO2FiiHdbnbU9h2hBkCb1bep3ruf8ttU9zrYKxRLZlvH2bNIsqycmFKHev5V0m9JNmGz
TmQ8b7J422Lp6jzqXJNaHWS/aq2p18P3G2NQCctls3lleDEhAD4k9fAV6avH21KEz9/e6jZC
7/K8jO7IsTbbEjeV01rOve1rFpO3MjKoCwusoNC1NvxJ6avnBnthb6C/3TMI7LDgUZeVrMrT
3G4KSE8CieZFXTTK+JzO6sn6F03IbOzXH5SOIJR1imD8eas0itxJoxO/wCG3lqqWmTK6cXB
cjSWa0d1ZoZlAdY06qEJLVXY1oNNQpoN30sb9tSxTwR3EcrwuY358XAapc8SDUdN9DZaovXj
AShw0tpkrVYbq5xuPgicQW0JUxRmcgcQvAgp1oj1p5jRY3Dh+AvJXwDOUkvrW3vbe9mjyFvO
FjVmqRuooaVIZkOxo3CnSuqvXQlbNoJ9tCS37cxU0kfCJLRA0lSKyoxQe2vQqQ3LnWv5b6rM
tWP7R+tMMi8EgrzYKfz8KazfSZ1PrKSb3iE5LUkbtqnSNw65Rc7msJJnTK2TBbyED+Gdhlg/
dHkflUr6WLy1mLrcDz5DHZxEL27GOW7DGWLiVo67E/4RWm/mdNkKqmsle6d44+S05J0Yfs1T
G0Yc7E7iWyy0Ty0YVJ3HHyOhspQ+tkax3b3pjrPAQwvJGjZGQJAShCoSASxP4LpNFqLvTqF
PibuGzuO3nt47qGb7CR0ROQJEcg5U4+ABrQ6Zk2ky5cTcGe3k8dzeXM6k0lmkZfGc/5tdbG
mqpeR5/NZO9n5lZ6FCqmtP79W2BWobUjzmO6lFdScfZOCQBtlympl+lrTTaenVhDnfZa3vEd
OEivQITTYsT0OhakZMgDM21rfY+4tcjV4pkIkiDcTt4Buo1atx06AMyfO9n3uAgXINKuUsl
isF2PU2/QSg/ocDy2NNLvjddd5Dpn5aAR7OFbOaSCJlkgLclp+p1oR168tZUkNbLjRstjnlR
R7zx0VelGNcb+zQz6iMvWlg98vt20QeWRFEcahXMSQRQflp8Ji7ONy/e9qHt+2gue5Hisvc
2eKRv+IBO68o1qV91tkDUR+Go6JMHnoB813VJ23bwxYQe3d3ZV5Ym4SBEik9aMylqMw60/HV
O8bE4zu115kpTc3NrdeoXVX5l+Rikb1U51PJADQf6dUnCgOSvis5e468iurckzRbM7fvxjwY
eIofHVSrwg0vtPvHFTRBMgY/bj2EMtAUDD1L/r1kzYW/Iop23c1/qHDN/ImCh7d+z7XhiW+Z
SIlgCjYDeR6f4f1AHx1lp293fXYf1qlazX3GfYPuC/xU/sRSq7yf+cjmHu28/MkFmHXkR4j
XQyYa3UPocet2nly4LuaJoZbS6lWyd1ASyHtw2rqTseRG4WISDvrHl7a3JOORqr3ErXQr5az
t5YpbqKBGEhKJJHJVBXr50/s03AofgBZQd20xkvBDLGxUoG3GzBgPVU+XUafkbqogUjuawk
ickNRZOo0eo6f5DU5+RaHn4w71k7KzgvTEZsfDIbW+hip7rRbFXUmnqjI2/Maxd/2de4x8dn
uXVtOQ/3vnu2cwltdfoXlumVu5JiYriAiJqEHmUB/wB4w2Fdq1I1wftnb5e35fUXqnTq48jo
Zs/NJTovxqRXWX+ztYJPsmMs8yrJBBD7q7gAmWJGp6x+RoDre7K7hrXzFS0pRcOLlx9iVjlk
aOc/+I3tgUJIARvWh6U1XWH0C4/1J7i38ji2i7Av7Qw/xoY0WN3pVV91OXEkVK70oNOWpVNV
g5fkYr/G7WcHx527He2SZET92BIvckli9iQGRvdUxMORoOPftdpv1095yMvysRv6XkPszno
pF0xbyP20oB/L66KfT7g1v7zZvivLNaWE9nfpFZiwuXW5yNuhkmuUbiySSxswVnj5cF3X07
V2Gk9wk1LCrd1Rmv9bkSv3r2vEnqRMTHxbjx5hY4xypT8Kmmhs4sy18qFv4UALZSM+oe+hI
rXcIBrPl3PVfZbzVoL992obPwAgDlbqKk7bltwdOw30Mf3jH/wAy9gMvoJYLWG4hCmR4/bZi
eQjCsdYvX1dPLTVY5nGNQXlZ5Zvt7ZHCfwm98J4MCaA/lvTvOxZBqGP+JaFmFA0XhRgAB5bE
aB23HVrsfoXktr2O/ljEMlx7katy9wLVunE0VRXbbqNLeqgclDkZLe7keyhZzR1DKwHWoNK7
ft0S2k3Ut4hTDKzElgoX6ft/y66ltB+NNuBjucLfSwx/ad3ourh2A4nrT611n+vXqdL+zu0u
Op59mPbLiIRsuzIRupHX/ToOSLeJ+yCs989mGpGhpUcaDR8UzO8tqlC778isIHnu+AWIcmQU
5kDyFa1Or+gmKv8AcXXVwZZkL2fjt3t9dAzPdyPKbYH1LHK48R0oKAKa01SShHnsuV3bs+pd
peRZaJrogTSQyNIqVKliQv8AD39K0A6eOqq00DaU9SfL38mKxz3cNOBaxlQtWV5NIYEn9Ibc
jRxIpuHJ5ibvJTDqzxX0puXub1YF2UGMKR/3uZJB8ttXGqgrk+Lk04JDBIsLeqOirEGLhijz
GgA8fyIpoY1JZkWftIExFwYgYr2H+GkIcAACM+5yUGtWUV3Gw66uz6Ap8WFLSxt7ftfHtYzF
kFnbNJFyqo5DwHnt4f5tVkv6jR21IcnluzIoNdy3Su+rq0NyVaCUaO441JU+A0fEzvJBFLaq

5VnqKGp612/DfS7Qh+O7Yi3qlGaZV3glkbiKfp5aTJvooUF32lnSikkFagifY+X5eWrB5M8s
7YWsvT11BArQVrq50JzcjHc5KHun2+2ZsFf5eWJIRVSIba9fQXIrt0i0uF0Doub30HeLGYHs
ntl8fg8JPgsnekRXEt4yvdOjCr+pCaKvRenXposGpnfX+kT9xy/SpFbK3LaP19ovoiEAgUB6
eA/0a6x5sE97R5GPt+ebGT/bvDxeQ/vNFWjAHeh3robOAqOdDN+437ix3b/88iu7iL+Ikav7
IBVvBQNvw0rm+SU7mlrQ0THfHklzjYlia9nMssaO38SQ0LKC1RXrvrJl7qLNeAVaSGd2Hhsl
3BmM5j5cjcQR4qT242SRhvyI3BqD0rq79xalE/EJUlwHv+V57T+Y47KXjX9IPDwETitH3bmD
QUI6a6HaZnkxNsw9z6bJLcQUxss0Yieq8QBWnVfy+msb0ZtWpbtMDM1jNkY7aWWztZBHcz0H
sK7dKk06Vq1K0GqopclNwddyd72fZsdvD2Msd7XlFfZPmSZJePRB4RrvxA+mnO0aIU04oWd
/kLiCdLu4mjv4njuPeQyK8cprxq36hX1b7g7jQN6Bi5d20+JIMF3HyjLAWSMKGo/dLjqR/bq
SVBRu7SOZ6QI7BKk8hRqDfc6NVJZxFZ8CvuArG/VqVC18dtWUWr7HTY5uSD3FI4sj089twP
rqjwrBIuOw/BU967nYHig8KefTbVtkRUscllrZkKfRlZLVVbh6d9v3vDUTJJfdGzUsEWWdYo
EZquDVFPPhKtOrdDQHVNOiP2NjzGMY3eOA9mHibq05BY5SCB50Y08Rvq4kkwaFiMvgsmot4b
pcXcO1Gx96/Fg/QCMnqh/d0uIcPUNWQTbFXUE0s9yCwj9PQ8SnjT8addW2k/GQ0eeyq1oaBi
3AAbcTuRtoLKNcwtipFEUuULt42dnCETIis3mlZPVxIPpIGsWeyWr2G0q2M9rNW25WrQie09
U/trNNcRQsaFZOI24nYf6NYstf6lsOpZ7Fua6x0MM1jOHuHh4yfd3EarKwdar0JB49B+Ws+O
tm5THOySgWPkq+ju+wsK0rGZzFEI5mUKSBNGPCAL+36624atZarTcz5nKYNdiFh8f9o8tj/z
jt0rTjL+euy/+yn/ALHKy7MUf6Y1P8pu2BqwjvKD/wDFpaU/HTP6Qq/uaZ2XLYyY08ubS6aa
6uO28wchZNGUa1mR4woDN6ZA6+qo6dDpebb4A9GJn9ZBebv7tGFmLK2JhjWvhziTp5VOgsvU
xifoQufB68JcoH/h+3OoqdhQLTeusuVnqfsq9LbGvvaBEzNnKwD+/bAjxqA5ApTQYbtpmj7t
hVclW9ZqDb6wV8EZkC+6sUJZ9q8PeIlr/wBrT1fU4lsYByNsTJa8VHExyiiim4fxP+W2mUe4
N6ahLh7YgcAFI9oiop4AbnVNlqkQdXsEn29vKqc6PJVS6oxKvX0k06Hx0teAd1oF8JbJNa8p
ARJK7s48Aenpp+Ghvk4m3tscqeoyYq0uInQ2oDFDuDuK6S+4q1DOz2/2/I3yqOEOQjx2PS6y
jpAJKkKKK1DdeP4jWF+uzVdTu8ljP0SKnrXUd1arkLIcknUMQwoWA2G3gdXLq+LAiuSnNbMXM
7eGysZ8leLGSUKs9XFAT+6taeJ1ordtwupy+4WLHR3bThGX21tLe5proLEz3vNpi68qEKSao
PQeA/t1vb9MeB5B255OT/qJoYsUIMfkU9E/8O0mhV3t5Hl6+tVBQggghlah0UeG4mVs9j9LaW
8V9DL7sYUwyJ6X5MJeVAKHf8NVS0oI0pOc1aFbSVJXX219qRTGRWgG9T0NK1NNMFWRPcWgxe
PiZW9izhkjuZh6TQuwV3JPQbD0/nop1QFqjml5cxZuUtxkLiBQyDgwSolAJJqoHRvH8dUlqB
ZwSd1SQy426juACWSpkBU68fSxcepMurtU9K+G2o/At1ISEsZIX7WsZlyAEhgQxDb1FeVad
afjoc/zGjs2SQySfBRacSfzGITqdK1E0E8ddS9Oowr/p1prY52bCg5aYq4v7eSVCiYEB5zP+
ksBXivmdXdNqRFdGZu1oXMnUpL6qn/a6nWWdtbIGoLzENRT7sG9B4rv+X9uluzrvqTSz8y5b
ZK0mZHk2jsKmoFPXp01kVhTq5NL7K7a7O7jlQ5K/la5pzjSCT2iSp3JYVNRpWVwzRibSmu4
Q7qNub5lxdg8TYfBk3mclw0ijk9XavJiak+Ouj21ONdd2ef73PbLkbfTQCCJmXn4nx/PWnVm
HRAvupWk7fvErQNwUfSrjQNwMpEnOJx9ncWy2l/Ek6PBzEMqRCivQNxl48gdvPXKz5uNnqb
8dZGeG3P8qto4/cWJShQmorxBosh8vodZnI9TkZx0hEVhj8XZ5B57W39ie75NPwXikxFKM7e
LD93V27i1q/+JSoquWU71ZfuLwsayFWIqQa+g7A67PZP/h95zu6X/IKuMg7flspWvrrlJjeI
yVm4PEjxgoWf/aJ6f26O0MJWFnu7u67vsfM3b1yY47JGiS2jVvHsKQgkBDseQA9XXQsiEWC
GS9uLmVYBAifxZbcVMSsSFZlpsN/HQrzCGaPI280WYj242CBTuegoP2aLcEvPZ4TO232dwqq
ij25hxAyRsQWCE9HA/Sf82hdfALi4iZ3H2hmu3rlrzFI7rGqXa3mI5SpEDssqio2H6j00PKN
wtHsC4880443SIjV68RSp/06IpF+yvbN45IJI9qWnJaHkrEeAG+q0IWZM+LC2+2x0AjUbFmU
MRXy/wBerLRQsoss3DkltLRWmvJGChRuqltgdq16V2rqraLiYxw9tXOQtba3+3WO1xDuJGQ
UEkr+pubH9QqPw8BqlD9SCTpoRZTBpNaI8cXhNjxgoCOQG7HrWgGigBMrpjdDbzWV5GZbP0y
h5RUM8la8WbdQKVAB1CIu2vceY7auI7fjy3d9jZlEcFo8g92IdAVZwar4UOpo9wlaNh6GQW+
wsd7jqxQXXqUsvrxqUCpJpTfw1kdps69RisGO3FvCokPG3icKGO3uttTkPIEUH01n7lpLUZ
RzsNVpFGkpuRPxklNV4tLSTitA1zQj3mK7hf0jprmvJKZspVSWVyN5Eie0oQcQkcbBRuSfOq
qvIU6HFXt2g5LKVIs/LWLtV7GyF3LKBceZGY4kdiCWmjqlImmtXbzXLVeYvNZNCZ2H//AM97
SAr/AP3fXf6JJrs2/wCynvOVI+Vif/TSp/kF0OnOO+FFH/y8um/0h16mj9nY6+trG/yFxC8d
nku2MtJZz/uTpE8UblCPFWFGB0vM9I9hTXpEf+tYMO+u1Ujf2uOKg4kfu0jQg7aB/Mw18iEn
4wup5bi+ti5eM3IYsdyzBPE+PTS2ludjsBOOK2k0ruCN548VfseMPsPEGpX1q3Lp4bazUhNn
Z75O1KPwUEYjthSjYTOyG7iISZf6lf3BsfqOmjbaOaq8tAflMLbQWqBjJI6OFUlgPTOWDUK
CmnVmRFlpudQxtHeLaIvEXuxxx+kB1VW2HPfc06kaFuQmogtZ7FC8xaSTW6tFDPxkmnJjLHn
QLBwBDM5IXyqN9CtC8mqJcWri5ZFjWGlegRqagAf6CN9Z+4tpudz7X2/OvLoMmOvXgdeJ5Kp
ofHevQ01zsiO5jycdEwTm727v8ndRySF4o2IjrsuwG1OgHXXT7WqVE0cDvctrZbJtvX4Bft
nP3cvt4lwnsRQsNq15A1B/zU1WXCvm6mntO8tpj6Qyn8ioydqHqVS4hY032V6kb6vFX1yY/u
DnE15meWeRhs8hb1PvxXFEZNwbUuwFWZRUKk7Db662VU6HnbWh/jQLZfNWOPuo8ROZYTbXfv
XPHdTAA0ZAUg/rFaEnrXpqqoK7g5RLS8uLaWH1x3McjBgvAkV69OnidtSiaFXhxBSme3uSUh
IF3BDI6GQVeKKi/ocH97qFalPromhThngyBgsFjuGTIRpEslZ15LRG4g0HXgDXfrTUstUAno

E/v3usUt2rKUMaLEygkxx0KqFNaUpT6aOYYu/qCWVY2OyNm06SBHa1kWOAg1VIO5d9/Swag
8D11VwqNNBntnL2k+HtMcs8c80dvGqlX68P1Dif8PgQOmgyqXJo7ZpNB5EJQcRudwD4D/p1l
b1O40oJLWeWJ+dfSu35abVmTNjq0ap2PBY5fsKS0uQFkuXnCt0ZZhsv132proUx88Sg4eW/H
IZLl8dN288+NyUYgntmCnlWh32ZT5HXPdWjt1yVskwPNhZb8hoxYDdNi3XxoOu2s7razDdkk
a38Q9iTRWcsFhaR24vBxvMjdos04Wu6wxGoB8By/T11tp2kKbKF+bOdn72swnL/I0jJ/G3Zl
rixb2OOgsJ3AiS4gjUTB22Vi4Fev6j46djqm9kYXmv4syjJYXKYUw5KF4RGxpIa+0x BpVSN
t6fjp6XiZmmioQnEFQKHw2ptpmiFAruNQcU4UcuUsWxG1eQ89KzP0sOm4Sxt4BjxCkYVvKQhW
YV9Q3p49Drz2ajk61X6QriluGxVsl8eVyY1M/iDJT1Up4V8tLyVluA00kQ3t79o1r7duZxez
rAX2Jj9wM3JvJBxp+epipq52Je3VAHvLLR9vYfIZh1VGiiPsIehlPpWgPXc113e0ttxecnNz
15ZPcfPWQzWU7ayTZi2BkndUflrIsy3Kyp1kB2/eFKdNENDgpgTk39vcyq+H5LBcUmhB/WU
Y7qw/eVG2+mpAXme2V1c4XI0LNFQuePUFJBR1/2lp4aj2IGLYwLChhY06GjFf8R/SafXy1ZQ
1YPB3N4EuYqB4P0r/jI8TXY6NIqQgl1dY9gYEEkAjAyg1DBtmBB24kdR5ahAT3V8XYzL43+Z
4K3+wwkqlzDWsZjIHH20+hrXeuk5E66rYZRp6PczfMYLM9q5SbD5iFra8sn9u4hJ9UbuUrTkK
+BB1KtMjRawmMzGeyEOEwVsZr26cLCo23agqxOwpoi mx5xnaDdvWYtbIy2+TDpI98shhkVIL
CeLiBU1HEjf0EGu50NPVr+IDt6dBsjltf5d9tCVWzhQA8fSvJt/bUdW3/UdNVUIC2FNt6sDT
2yWUT3V3F7s15wFjGFPGMcqMCDT w31NiADvW3lt0trd35q5aRhUnipoo8PHw0D3CWwq5vN3l
3di5uKOWVTDGg3EcSmgA6VpvqvMiRonac2NOBe1tJC6QLHNb1O5t7pfdBJ6C6ummiNJs2nGg
2uw6dtBo7NGjetAVCl dwTt6eRpXx31ze4rNjTicla7SS2ggWUObX2xSR3b2ncA7GirQ+VV1z
ctWmaaXIVt4pZROzB0cmjcmjPGu+3Wo/DTsDaiROWGLnyhCw7FyrSuGAjj4qQKj+Mm4Na61d
vZPJX2md1aTFH44nxidgdrjJwzzue6h9l9tMtv7coDktJzR+aFajiKfjrswudPeYcvysS/6a
pAmAuSaDjFfHcDxt5fPRv5Qq7s0r4xt45IczY3F21pZfyLKL7sgeeG35+0xYRLU0rSqqK6Vm
0RLLR/60oj/AO4nbcVQ7Jh4fUKhTSOPcBqMafrvoLfMw6/KhI+JIgZsizLxZJ3pTrWm3jpd
9jtfbVq2bF3DhWMWMW1ccfaYe0Ca7gEsQPPz1zPrJNpnrMnaPJWvHwB11aPBbwupMTLU77ml
dxTW3HaVJ53uacLusFTM28iY0MzijSJRdyf1D/LbT67mW2zO5cer3cTyECQTpUg1Bq1NqHr4
7aBMYloNFtBHeWN1hYleeWyuZCJmVT9qJvUhHOG9xyUCH8Tob6QVUApgh95RApikMYVRxA
EiA9PDrXWfjzspPQ9jk4drZ9av8AU7aSP7Ga0TrHlrq3UkuN/7RrP369afkD9us1RrzKaSP
99cSo1XJCB2Fa8gVItoTuKvoS8jJaz+o2TYNHS9RdxziYVPlptiYaxZEXyNfFe3PYLjnJL
EBF1JCV5HQ4VNhX3KyWOOokduY+6v78WcUwtorghZWdS0ZVRy9YWrEbV1qeiOFWreha7vxNr
BklWy4i3jtolQp605UPLrWv5muqraQr44GWMhMjjCiFA1q5RQODgBaepTvWnl00uvUO3QBZ/
H2lnbvZSmK0WSaUx3COGZxKCxQLGuygkcj5+G+jq/iZ8i6AqIWFxjWx0ty6XwQClqhWEuu6s
qkApuN9G5mRKhqA1bw3s3b5iuJnEtGZrgDk0oLDIUtT0t5HU0BaP2MW5uo0tlml4ShxEhpwq
nVdj9PDRQUgl25bZG1uYLuZlIkii5iGvFYYSj1FWGxKruqmm12a1Q/DKaZpGEx+W7nnhh7e
sJ721YIJL8KEtYqbHnIxH9ldBXA7uUbb96q6SaVZ/HPbGBhSTLv/ADW9UAmCKogFN6H95j+N
Na8fa+Jgzd9a3y6F5IPdcXFmi2MFqQFQUVVY7qWA2C/Xw1uxwlCMLc7kGWy088rxTWLHckfx
GMayqCDUklw9VeuxpobVTRas0UbKASyG8l4AycwJFRYKqhoGNacCV/VTv46qNoLs2PvZ0lra
2apYBQCf4slKLSv7viRoM1ZKTC7ZuzvEm+1Jl+1IqxH6mG3ID/Cp8fPSFjaL5FixSyubRdo
xLG360kUFTXzBqDoMiclpgPN/GXa2YWsMBxk9aiW2oFJ+qH0n8qapXaL6piH3h8LdyR2DDCv
Hkwro4UfwpqId9jsT+B1by6A1pDkWiTsTk8cpvLWSNoCeasKMCPptrkXSb1eptWik9ue5MTi
oRBPOqSA8/a3aUrT/AOg38aaqmJthu7a0Fm/72yeVJiw8a4+E1/jyASTMAfBP0r/AG61Ye09
SbBtaBM73kmks7WzuZ5J7j3aRmSutl1EPQeQ5MBtrY6KrSQi1m02J/cVtDJa3V4Ks011cp
DuGDANwAFP3QoFD+eqTIIBLVyJuAyE2HvJ8OzpGIwaWc77JHcH9IJ8Ek/S/5HROB6MaojZXM
Mc94pj40oKbhgeLjyBU12IICkuzobTIwWoMnNbXT7srnhH6DQUah4Myn06uu5G9B4sbmfH4
7+GCxyiB5IYErIV9zgaHl+jevSmikeI2Nmt5yvLuUCNWpG4oyE9QFA331aJlQubyGNHgueT
ToRyFAIqdt67U+mq0IL/APKO2s7793nYnKCSGCGKJWR5loasJN4/4X6SD6j4bDQOqevUPk0C
Pj63is8le4RARbkFWS DJPKsAimhc+yrMaDi9D6q8fPSIVX0YbfFyMq5eF3RloBLLCB70m9CZ
K1qTvUnqepOnqBepftobCNkkv43THy8isxjZ44nVCzemMVLH/CN/HUf5ISBcnLFkLpb5Xc29
pE1LeRqDmxB/6gY7b7V1TLWol9+XMzW8U1yhS7v+JkiDExxhRxo0r4Dbbx1VtwlsAezMOuZy
BIznYfdRWdvDEK0Qn+LlznZQGFRXqdtZu5yvHjd/Abhpyuq+JquB+M1w2Vga1vriSxg9+CBW
goiW8rmRYyTQ1ietG+tNeZv9+6Oi+J1f/wCeulhigxN5aX32ltNDcKypIJ1DqyEmgVhTx6U/
PV//ANbDdO0WUeR2GRLSCOHvd7/uOLHxwTZGsssM0sKrJ6kIXmgJ3XarVptp1clbeqHsVbtW
lrYapI7ARPLOOChvPiiFtuTFgaiVh4alIblMz3kVvk+7gl7HycRUPiI4uEqD+GQJ4xVWBofr
rX2y/wCRE0z2mGJXx+gHYnZ5ru3d5pU124Sbfjrs75Ke8w5fle7+nNmfb3UdafwL/f8A/F5O
mmP5fcXXc2tSNZpOx5rW6hgivYcJlYJJ4k4zTx+9bujzGtHYc+Kny2Osme8trwS/UJ43wnxb
M+/rY9mH5f7bW4PBDjYRIT0CsirX6jR7thRFUIvwwC8i5R1PuIZmCtTanmNJyODvfa1KbNnt
HeWVbgxLKBDfGydWDBDQDw1x+5hWPb9jNsc+BFI7Slpa3DihJYEbctyPV+w9Nbe2tocL7pj9
c9QJmxWExP8AqXiUNABUsCNqiu41sTOLAWFqiXEMkhjEXvKiZyAhdganbz/LQ2YVdUMct3ZxQ

zG2njMcEsy3MaKROZGP8OQH9+P2zTidwdxTSbyXXcUs5ELWOaPrJcSRyysTXkWXl49NtSim6
N+LK1idV4nHbfvslzFboHkQe4qVoxVNTq9Tvou5xKzXwL7bPwTgoxqwnMh9LNuyfu1JrX9ut
FawjOry2Xra4FpcpPQmikKPxHlqcJQxZuDTA/dbtkLiwmdVkCSMKiP8ApoaEsaamOsSjJ3+R
34sOdvdrWNUtFfwkx25VuoBB57DiTt10vJl6MVjwqJQtdw4gpkRax8lhApCpILAA0046k10db
zqLyU0gabjGyW9xbXLn0RqxVCoPrdaNv4Hbx1Sb1JZCHIsabedldKvdOa0qyU51Xc/pJBpT6
afV6GO6grYfHC8v7u0ulld4fYa3McoUKrGjHau5p57ajtC94tV9WowWqW1ncLbWbEwryPKZj
L7gBpRjXcL4U6U1acoXZKS9bYw/dpZY6L797t0jg4EKerPED6U5bnV1luCaJan0N2P8ABnb3
bljHJmohm8sFVpZJxW3ikHqKxR1owDeL1OtSxVXmleVvTZDvJi2sYl4MKRpSGFVVIUp4hFAU
DTFYBgm5t7ppjZLOkc3Ee47Ch9W4Cg+XUNrNkRrbDpFa+7FMRO4ZTcMOSzr1IdfFdDLKKI/Z
RFYbeWE2z7IDCSVYDaoU7gaJ2KKEVvJM0TTfxxbu8Q9xeAJqKVXfc+WpWzgJjNYyU9e6EI9P
9tYoQphQD1VoB9TvQU1VrspINXBxNsZJuDpKPRce0lAsfTU16aQIZhaADGZW5huXImklWOVo
wWHEcK7GhppjU7lNwH4szMsgPEHwNP8ATpToicgkuSgKcjUt4KPPS+AUg/uCPGZGzWO/jDtO
eETKP4IE+R+ldxoLdur6BLJxPmfvnBPgu5cnjL2MI0cvH3KUDqQHDeZDA1GqxJKuvQe22LEO
Xjtp0FnC07hSpUgqK+X4U89OeVbF1wuNWBe8pb+fOdtEqFn+4lrENgDxNOR/HffS1blefIXa
qiBb7g9yyusfjXoGiVYiP/kjksW/7x1aeoL0Q5yK1kWSzQF2gnKuD6fEjr+GjACPbeXnkLW
lyeUnJQz9ainEtSu5IC6iZQ7StYXUJadm9qJaRzIRyUHwB8eJ8/DVlo4w02dhvILOxiS8Vgs
0TvliYOkBHoDOKSmphHFZOo21abBaNIss1hL9Mgr30uKzAQN/KZ7Yw7fcNJ64yuwjjCCrKR6T0
XV9NC/ady9qZm4RL+cl4rmMsnujiJlqFS6AkVtYNeuo34kKVrahpIEt5gTBKjLE2wAU77bCu
2oiMG9nWvNnNfTXSe48khAtgBHxEpYASGtSd9uNPomk4lqMuM3b2KiW4lvMwHtcMZkgvMh7R
kjj51Cs6ioJA3CDr4actNxZLkcsLqODAYi6NzZyTholGJSIzbp7hibYNw6uxFB11W5BftWsG
tZ7C84C1gmDTXAO0jo5oqjY8Qu/I1Femp0CZmPe+U+6v57iEEQQ+m2ANQFrQfmaaW2ER9u5i
8XDDtvt6CSbI5CRHVFHra5B5Emn7n93U6z939L6beR+lajMF8lb+jc+jMXd3VlgYn7gnhjMc
ca3EyVYK7KA3nXfodfN8rre74JxOknpqzpp6v3Ir3P4JOVrYSJeiSGWJaEgyTyrxDM3UAeB1
q7ftM1nEcV5+AGTPWm+4M7S7cxuIjS2EwN06cvf2LEKN1VfH6muvRW001g5t8nPVjLZtA55w
Sq0wqoPJQAZdYluJ/XT1VrpePR6A5PEU/IO6EfZWQtZHS7kRhIYgSokEyEgFFC9PPW3t6v6
tfaZ7uasUuwXtsHs1nFAO8W/+huPw12p/wCSnvOdk+Vib/TejHF3UVKiW3vTTzpBJ+Wj/pCW
5tGC+3x1hffa3Rnng7evvvYHRgsFyLm3AVXIpIjihB6+B8NZstU02usBW56pJ9DNv64V9/5Y
wX+IYyAtT6ohp5eOo3xbD+ZV8yh/Tn2nNmrDIIszgZLpt36UXwp4k653c93Sjh9T1f2ntHaj
b0RuVp2/Di2+1t5I7gpGpnIFZAd9/qBrhdzmd7y9D1PaxjxxDWpW7o7fjixEeWhKm3APNuhU
VrWn7dtb+yzQ+Njn9/V5HZ9aoznOFX5zg0VlwFZKEEdDxNK08afjrspweabCF29vLERxushL
KQTQADY9fptQ6tIJE6RxJE81rccJpJ5G4niSYwq0BqNq6XZhxoBc6z/zAwPVWWNAoqSK8dzt
v10/BXSQk40LvZ98cdk4ryKETTTQuvBxBKNU0owHhQ6ruZ4D8FU7RB13dg7zC52S0Le4qu7wS
KOqFtgPyOmYL86SJy43S5DDbSTrHLJWpqKnryPTR8kimnYZ8L2TBKqzXq82A5rGRQDyqT9NY
8vcf6Uasfaz8xH3FbJr9vaoWtyQV4k0Vx6TUDppOOztuV3GNU2WhQse2pMirX1A00JqiaH
iW6DahJ8K6f9T4M9e2dlJavLebhC196XVG2/wCqaAgDfKfpq1bwE5MbW4IZyKQ3MDoZFBdw
XUV4pUNuOlaj+3T6sxZEQ2S420umIkiWZ0WOQV4E8JCeRFD0B2GqctAQpObm5u580Yo0EmPh
jpJPQL/EbcIAtB+NafXTazGpkyfOaR8IYa3yvyFZcgClqGvGjrXgUHpr4epjp+BayLzPQ+nV
iIk4jYUBNfx06RJ7JGstQ/pRAWbz4r1/u1ScFsFQ9q217Zi8vi63tySwldGqoxqi06EBabat
5IehIB09hmsVcO1lIbgKoDRV4oWbcmMQ1RWg3pok5KZ6ctN7re/ayrehAsMwQCrMoTCdmUV+m
iKJ7u/w9IEMEIGMjISjsCvKU+qrct9z1+uh1LZ7bQ5bMZ23t8irWojjaYcKDb1lFPgVsuqdk
k2QaFw6pPBcvK8zxhgxeqZujEAAVHhpP1NGgoBuWs4oMlyKgiZOveg5VodHjcoqRaCWSZY
0PBWrvXy8tHoCdmeEJnaM/w4xT67aGCzvt2Zshkg1wOSryaMf4Tqr6VIIv8AUv2ubiws+47W
MCRa293IBuQu8ZYj8xrK1q4NFLQZPjsRA14isAKoQaGgrtudLejD5tir39YXEGVw11i1pLb3
Er7UqEoGkpWo/TXV4pb1BsIXeMGRubuRoYXb7eaSQOICfbBqjDevSnnptdNBdmxSyzi7uTkY
lpDcke4q9FkbeRdvGu+jRTOMR7tvfO6n/eqaFvNdWtig/b5swukUpokvqkpUAr41p4E6hBpw
ObsbL24pPWrkugkIoVoRwJ8DQ6tMoYsb3FBePa22SeeWOHnEbuKFZJ442q0fPIUtxJVdjsNW
igxZ93piTDaZO5WWK3o0SkN7RXnyMdOqof3gvTqNXJIKs3d2JmlUypGhUPR7dSDR2LCvXISv
EfQapaFgnCZS1hkk9msMFxK1Y+REh9VT1BVG8dvDS8MjLoYr24P2i2EU80izyJxQyGO3kof9
7N0FIyTxanp02OgtAaPuGTHl8XaiESc5Pcveryq3oKA/pZK+oGm41UlgPPXZjie1hm9xpR7b
suwQA128KaFhIRc20t3OMdG3IEqDQj1cRXby+mhZB1+N8piO3rr+YZFY45rqCWS2u1WRqRxs
VkgdR/4hoH5BqGu+snedus2J0ez/AB8UHjyOtk0E++PkbN9yQWWMt7dsPDkmjks5YmrziduD
gt+ouNxx9msHZ/ZcPb6v12Xjt8DXl77JbRaJjJhBblprBPQsa8JZJD6XAUU8t6U0nN3EN+Y7
Hj0GK2vzj3ImaJYWZWjji4n11pVT1B1mdbXejgKUuhPLdySxzfc1ltiSVt1SjBPHYBaV1KuV
Uqz1bYJ76uAfjrJR2zFipoomMPH2wQJ46E+ZB+uuhhTWaqMjadXoAPjtMY/x/wBppkJLhHfu
zlbfbLE5aUK5Ky+4VKpxruu9ddn+unvMGXZiV/TwiLgLMRx0tMhyO2wFu/8AZov6Q0bP27bz
5Xt26yEjQ2MOZ7dupbS9vJPbtSkVxAhLS0YrRkKn07VGi5kpa9gNn6TMP6zSZvlzDxbGuLho

FNRURRn0t4g02Ok5FLY/G4VQ5/TLbY6XAsryPbyXt7MFKjn66hVqPDy214z7w7fV0/pR7b7R
lyKloUqps0fZ+Sxt/PO86i6tal0KjmXQV3BFOJNfHXNf3B3SVvidS33LHkqlD426+As93Rdy
yYq6xs8SrcXlcvWrHifaoTyUn0nYctdTD3mJWRExXqaox3x24Q5UT5/yJlt25IntCVDNJQGR
WJKKCTeIp/fr1va58OWs0cxv5Hj+67PPhcXUJ7eZWvOyspLcCLGzqtVkwOJK1jNk02G++2id
FumJTfVfHK4XuDt21hvcvAbeOdvRNG/Mc1r6W49CfDQPGFLSkqwCXIXKm5UoXCsslCarTqte
vXTq14otOR27Is8ZBDP/ADpvaiQBwamrFW8Nq9dYu9b4qDq9ITVp+4cP+VcRc4f+eZq6T2LK
VybpKkfbSmoU9f0k9dZ+2ytLTqF3Korerojq+7IwNo8JgcrAy823DMD0pUbH8tHf024Lw4FZ
bQzrjkpJLW1xaxyPKy3jysVaOHgeBVR1qwpoatNajc1LVajbr7AVf4q4u4yhRZFL1b0+klf
Hbw0NbwxWXHKO/5De4w3F5LcMbeSNUhtAAAgYlnLH1EsdgPAfXRzpHmIVWrNzpGwoZm5nky
J5MBGqGsYU+hQ+FdaMexze4bdgBlkrRrU0IaRiVp5ioPmKb9NOTMtkKmRSdsmVQgH3ARUgb
DoR4Go20+sQZMichS6m/4Nnii9yUlgFNQpkUgVP5aJIZXZuH9Nnb7Wfb9/3ZKnty5CVI7XqS
IYD66ct6F9a8VYXtMt3LNYjf7kCZD1Ar+z/Xq3oST9eXCRRRWru965/UPHj4/iT01VVLkuS7
y4w0CluCgnoOg6aX1LkoGSCQG8NFjIPEsNj0B2/DTIa0KkjJsY4XnlkBb9S06qT/AJBavUGS
7DZQsYJcTKsiRhWxmB+rwP46W7PYJEPJ7juFrqA/8Pbx+zJL+6XJqVH4ataVhlzqGHmj4KQw
2130hJlyCe5pYwkE678H4yHyWTYf26bhTkP7A6Q+8o4bEeWx/bpsAyUchWCCOIGHk9TAnoD/
AGb6skhDtkhbnk1G4AfTx/t0u+xJL3deJh7i7VyWNmANVkmZ8pL/Up/aNishlXqfNkQyW3P
ONUJDUIPWg/UNZrpjaPoJ/zCfaxmPEYYtdTyDmCVozpQKaUNN6n6avG27e4K+0+ZnUhlvLnr2
aAG9t8SwFxiGHmiWilZQCCfbU/8AiDdT109oWZ6nmMoj7iw75cxqZxL0108SAEqhDAjjuSFJY
jjvq4gpWkXMsqRBzG/8AEi25L0dSKhlp4MDq0UVIbpn/AlczcGWioT0oB0rq2UFFY8rQKpJL
svE1PSngSRqyByyzJjtwtszh+7GxAJ8fp01CSXLHIX92UsnuJzaiUTGF15hXeiNIvi1AP01
30SIGY7IQAzkj7dGYh2QoXUHY0P+LxFdj11XQsmxsE01tGCpsXkLKq3PoVeLhuRoONP8Xjt
qqotvUoHugxsY5CWcMsk61WQgjiVYn9zxCO1clAy8yz3EvuREuRsHffemxUf3DQtrYH32Qn
Ry0r+5MaM5O5Bao477E+O2pBJBAEJv0kKCQRB2VEfhuFJB5f7J8PHpqmQvXOSubG2nxNw7LL
MiCFaUQRyUZuJG55eWp0gkhztO3vb22uWDNLbTezDAWBZWuUmU08BWIPDSszirDpqzRMfIL
eF545mPvn219oKGJDX+kqSab/XXn8nbXu5r4nQpLVdPIPWUV49vE9zGEE6ckKiKsbr6SjN/i
r01my862HY61sX+V2bRGXl6ePMu604f4gUJqR46ZV2bShIG6qBvkn2I+08ma114xOVEhZW5S
oOVNxXz21t7ZN5qvpJmvdCWhf7HFOwOyabE92tSm/qMb/lruR/yU9jObk+Vit/Trx/5cuEfd
TY5AmvgPt3/LR/011e4/9ixwwduZ6zggYhhrthHViErc22wBqBXy0nNt8CrXDE3+Kf7T5mw
kvH3AmOtyUrTkDEoP7dC/mYxfJUJ/wBJ1hJksbPlsIN9rh8VcyFkqT7jtRwlR0INNzryn3zN
XFKS9Vz2/wBpy3WHjVeu3+UmrXnyQtrcXhyty6Pco8iRkxHcHgKnwJHQA5eH7aslE9nodvL2
2LEqpKeIkTd2XUOatY2uf5gttJI5lklSRrHPQcFFQfSPDXXX2ytlaNJhKPIKfeKi4xvq3+PA
d8V9nf3JvMnbslpJKTJCAa0oAFU7bCmlfcftWTtq04Wmz9Phr+4jB3zzVtSq1rs3+oX/AOWb
m2ZbxbKxjNWGZlqBGf0ksOnka6LTPvFrX4XfT8zFkw4LaV0ydV+un8EHd+CxN/21cwZltJZx
KZiYzWQsgJTjQ+ohiNjrp3T5JVE17ZcWrfSz45g7k+Pbe1MFJrGklvOKB0cDkQa78TuKai
71vJb/xFdxl4LUpbZr8QUJfjG0sb85UK0J2FB4mmhyZ7XWj0Onhy4qvXqEOzLO/s8HLhs
4iTrIJP4ZQCNI5Ebg7dOukLKq7E7uis1bd9S7/J/uQRJUooqV6CnkP8ARoa3kL+4VNj2yxUG
NgluSecsp/UaVFeg/LTeXGsg5czyWSWxcx+Je7MUw2CE+8Co9anoAfCh0vFlkydzl4uJB2Yw
udssbdTZEPdxQySOlykZiC23VFetQXXoSOutXKYgz4cicy1PT2GP5KQZPID22FSCQEB0OJPh
9fPW2mhgyuWA4Uu5L+YFSPZZuDU6k+G/9mnToZ+oPvLSuSZmos/t1VCpVtjxNPGnno1bQTdl
hla4u7uOzWNzJOUSLgDw5OwUAt/1jsNOqpOfbc+ssZho+y7Gz7btmrBjbOOFi27O1OTsfqWJ
10qRBibGbe5K3hsFvpTRGVQoAqS36aAaXdS4LqyOOB2ZGuLuaVJJnleagPtr1A2FeIJGqcbF
8iW67hvI7Uqgi92WqpKWokDxoOuh+mpLVtCtfZq9sUS3urY1jj9LowAZm3qOu1NEkmyScbDP
fflxexhTy5KhorVXanUgjbrogitmo6mYDHW0ZtzwBkmYiqkitFXx/HS1VLWS2yHG9zY+zxpt
1E8ssBrNLRAW5bmtSNXZTqRWggl7/toJY4Vg9yKYhpmc8m49eO301TSKlhaDO9t5PDzWcd0g
Eqv7bE77V47/AE6aG1XMhKyPcSqTwaS1DUH6gaqSNjTRtgyBu4Z/YliCkGSRuRr1oOn5Dpoi
pL3aUnOaSSPiWgUfUHc6XYsbMe4lhkDgEe46n676TdBpnzj3Fiv5HnMhjXQl4biRvR/gc8qj
8VprM94HJmafM16Y08TbKA7CZ51QbVKooNP201eP5p8iWt6dTN8G0D9zSQ212cVkmijSYXJf
uJdKSGtZw3pMUw9B5bV1oovD/MXeOp3bZNMb3D9wtkuHyVq5XK4ejG3aSMbyxBJ/ALuRSeUd
aDw20LhryBTewF7kxslBHdWJ/4W5Q0Xf+HRIry6NQHW6dDqctYLaA8S7Keo5AhSKgiu4P5
aInQK2E8UAe6hj/USkkDElo6bqwp+qPz2qNXJOoVsbaC6JW3HAGPnUsv0BAI679APDUJOgx4
HH3dlGPbAZWpU1rQeAFdWiBmbJ3ULL91GI9aW63KLBPz4JJCCKXICEUkVxzHVSeo1bZSBeUu
ZLhPt7njlsxm91ixlKmMLwIrwKVFRQV1TLQAv8AFyPLQvyYnp0oPMnp5aElhunjsI0SzkZr
iVGSeqDiHLbCLqTUDw2p4auSgdfR3tk6tOnGZ1/hxNuQGB9Z/LpXVSWC5LgWCxNDT7hysiV3
KBWqDTTfzqfs1XUobbLJdp5jHxLk7U2mVmb34cirxkQKlVMbRUIdAwqtNxxqELPak9r3IY+4p
92SVQ0iqVDCTYngejEENT4aXeHVjK7mr4tzZ5PJRQwLbSSvCpkZFkDKFIU+qoC77/wDTrhWy
2dHrGpv4pNalGPL36XMIrBjec9JI2jX1idCaVBCqdt9vDXPb5KTWqQFo8lHZ20F1lqY2S4U

qCYgypKRshPhVvp+GipfXimC1pqB+8P5pL8e3N/LOO2FwkXsFQARW4TZgd1+i639rdrPVLx
1+BmyOaN+RT7HHHsLsVCAefdZ9H9kT/nr0C/7KexnJyv0sU/6dyqdu3MrGlMfkaEdQftnG34a
J/KSu7ND7Nv57rtnJWF1FCGxXbt1bLcwpwluEN5buGmNaM4rQGnTbSM/8FW+X4iR/WnQ/M+K
MIKL7ZjttvGmgYaNmjGp4gn4YyV9adu3VhbMY4JbmZndQa0ANaeddcTusVbZJfRHvvtN3TD
otWzSe0cXcT3qNkiEOyzRMA7up3ActWhA/PWHuc1dkvedvt8OSid3t4DDD2H23a3MN0ZHce8
XhQnkg5GtCD0Gm9r3d7R5C3hq01xDN3l/wCVXT2xKEBTR2O1CtPSPwOm93nWWiq1Pt6GKnb1
V3bbRD98e924XNPbdpxs0rrA8s5LBYftQcErUsSCagHXnK9heW7aJa77/jocL7rgdXbNVrft
x9rDWS+PcPlpFmj54514ovscXjCJsF9sjiNup07sO4srTMJ+/wDyMeP7vxpXjb19dd59oMW1
7o7Ggljig+4x88yrHLA+okv+8UALKPPW63JNWst9NNmb+fbD81rxvWu1v56lW/u4rZTOin/5
IvipB3BB6HV7yq0Q/DidtGynh8/YZDjPj5iqyTnXtF6b6b9VOhp7rsmPG7rZHPcWaaykub
SwCNFGAkcmvKUn1ny4r0GrpklQidl2nNVtffePLp8SvzbNPYRC4NOR5PU02H+nR5r+mENvW
LuAyvdFvbWkNrhbcSzKf+JncHiigA0WuxJ0mrt02Of8A/wA61rO2W0LovEz75o+ZHz8idp45
WtbC2K/csuxmk/Log8PM67OCtskwt7l+5zq9qu2bUzZ/kvD+TM7S8Y3POB+a8ePBwBuBvQj+
w61LQC2pXt70PlzYklkdnMkwPp5D1BQelR400zoIbcbIjvbaI3RmlHNaMtS/6jUgGn4atWF2
Uhb4uw8OX+S+37e4QPDHeLLIpJ39irjb6MBrZg+ZfE5OdpSfUF9bteXU10AC1SDX69KHw+jj
QZSufcNJBjUR95FNjxDUIqDUE/TVvUnUvJg73LWz5G5kkie4T240PpAAPqenkei/TfSnZJw
FxlC9oxcYqSSRgAht68qj01B8tR5UTic5nBS312BcP70UCF1UihrGAEG3m2+pW63IOAJu276
1iJ5gNB6ojxpsasw5dR9NXMIFWCy7gzFslzBCHlqVlqRwA6V8TqWLROOy8ouRTF3vDldKjxy
ippXdl8ttUnWJ8C4C5+JrG/t2W6mkWV6qXQ0l+ul3yotlWpu1pu3Lw4mAgwuR7srKC9V6lSf
BvHRRXUqzwWN7BY2KW0eyRjB+G+++mcZAFLPZs3mYWBDBQRgKB4c3P021FoWOPbapbrHEg3JX
8TQ76VZEkaMSOLXSkU/ik/t0nJ0DRjvzBj/tO83uxUjIQK5NOjJ6f7tZMyiy80Pq1BgHzcJQ
cZcRKGVUmHF12O6k79RsNDgtqysi0Rk+RjnuLCKdQ725mkU71ZQQR12qeWtK3A6BvIy5TL4
+1zd2DcvBGLT70009fTHIa8un6Wp5g6t/qUAXbUzH22AvS1nDG0/vS0LSoEjaSnA+Kld/E6
qOpfkD8XBjehUiImJAuOPzrvTb66IpBW17flkdJL129JHQAQg8vLbVKGXFYW0w7CeOdrOYyf
wrogSxkSkKkc8Telk5dWSjCurWmxTGnFZWPIXdjie4RbY9YCbeW7tYzLRC5JmZRQystaCn7t
BqLUjcfvNYuJYHlt4zPDbuBJcg8kVGqqFj4F6VFdRlgHH2Ut64uISrxxtwag9SrsCajfjqoi
mFrm3s8RCP5Yzly8rSRSSRRvALaSPjRQakympBWM3Ub6jLQmXds+OuOfomuVNTGTutagC1O
h26ddD1JGgHygnupJHHPKSV1t1ZtjuPUVB+mqLBWYjC5T1kGNIV9sin6UBFNv8+qKbLmJw+X
uZYJYrZ5BApKsoKlJOWZObmig/Qmu9dUyx17AX+Z952rCb+Nb+9W0VveSGNRsWlqebstTbYD
x1n7h8cbG4lNkP2SulkvJvt25yx0jeNC4Y1O+1OJHmF31zKY7XpGiW8s2/VVWEL7Gx5cWcqy
3cZtEIZIUYInFtvbD/vFdjriKVd6Sn+Z0JTPHuU4WW1w90VxUjtNIEk43YFwdjUfEvaOPDx0
/Grc/T+SMt9EDfKWS2uuy8tPbzJLKye8UjcMzNOnIkk0BDdb1463dph45avzEZci4teQI+PI
bs++P+ztD3i46W37r5WwNvJcC4fgymMe0f4ZC78m216Ovz095ysvysTP6fVd+1ZY41Lu9jk6
IOUrUhaGfDfb5UXXc1L45xVvl+zcjPi5C13fyW6iu4bnjBFDcpcwEokzMFZCgBBNN9tZM7Ux7
A3X0yZ5/WUrSfNmKgcet+UwJuQalYVO9PqPDV2Uu0DKOFVlv+m6PH33b80Vyxjb7iaSooOSB
f0knqNeW+4t1vPkfRPs1rVwtrU0C9FrauHsQY1MJksid2aqnfwdZu3o3Z8j0V8lvpavWYBN
5nJLv+GZHHojJYkmslBy2HmddTBg4bHN7nuk1wWgPy17kZ3tTzoWBEQJBNVNDWv+ftFRSzmX
bhWbJ0yk1jNHljhJW4sWQ8aPXqCoh2rpF8U6bgWzJ67Gi/FnypJhs+8eRmlntZwVvoQfdYPT
0SAMagg1DU8/HWet/wC0tyS9L3F932a73DwSX1K/K9tOq/g3+CWGeI3NszOkYq6AgrVWANRW
nhp9VRq9qWbn+nbwlniLVafG3QXu9e2bfuSwlW2jS1v1Kt9wKhmqBEEr1229Wld5h+qprRVa
/M632r7hbttrk3anh+P2MY7lXk/a96EtS7iFuLSMvFkYjxoSOJH6W8dYMDmrRY+h9r3X9zib
cS/0/G6CXauFyEXnoA0kJo3LxJY18dMeSvLijH33d0xVlvUN5CGztSCWD+0acBQxim2/nouT
szn4cl7e/wCIFy/dtpHEyY9PAKU51sx1bG/Trj1e5k/eF3illa8f99qlGY1ZvNiNz+Gurhml
ON3dqzJQ7ftbuSaDM3i8bGZJft4grc3kA9PGNa0J6qZKBgPPW4r4nM+pLkX73+d2eQkgysdx
ZSwyhrdkjPBpDuGr0oa6lUoUMlcrhja/uTpEzhGeWEO0qkU5+RB2HQ6uJBuoUo0n+nft2KTL
33dV0gZ7MrZ2fjRpvU7fiEA/brp9tX0tnE7n5oNys3l/ir1DBiy+Y05iAZi5MdLcKb88YYZz
wjPR3K1UNo7JxoSRpjnkMrSD0IFHXoxPRRU6zNaQMTk7V5WiJlcSyElSqAKQCfSNUWUvug8
tBKKYjihO5qpG5G1NMjyBkp5mWRiTxyX2mJBFRRIgX6dPpqVRGd4K+tbAsAFMTMiguaUqKdPy
1V6tlo6zOfa2lt54wks6ScTx34r9aeFNVWiWnQp6hu3vHuYlu4WVIXAK09RY03/ZpTqloELX
eftx3UEzsD7gJqOgJ8NOxbAtiflsxHboVXcr9dunT9utC0RUCpaXLz5qGWSpDSciD19Ir46E
jNQwMzG4g3JLOBv5HQPYGRowk5lubxG6pKfzH00nKoSGLcQPmSzMo+9B5PE8aH/ZV1IHT6jW
fulGNPzHYt4Pm350tpP5Pj7hSapN7Sheh9xP2cgr46x9s5u35Ds9JmWAvYILUWN/IkEF00k
C3MgrHFKXWRC4ANFenFmp6eut8SZ5gK3l9NDJc4W8tVt7q2EcjrMR7crDb30dSQSwNeS1RvI
aFlnIW57iK07luL7EB6Ik8kCXBEjl2iKnkR1NSdElO3qVcXZRWLLSUieIL7ZY0jKv6eJP7u
/Q9NEUteO2Fszexnl3h9HEhIkG5Yencnw5CmrIWLhLlpBF1QE8eXQg06g701CBSHHXvtZsbp
xeW7kShOAqrhackOzCg/dlftK9h3fRTwNJaWl5FkLSFWEM8BdVloAduYBPGviNiDTUZEzrtW

Jy5jmCwoxDNuQCFpJQ7g9SNRFsOZO0lnYXiTxmORGMINAyvy4vzAPKIk9Aeo+moyCZkLCS1v
Sjk+2CCQRRgaUB333H10MaltlLN2hjS0IPOZGKqpI4FuNefStQu/lqPcnQX8jiYZcpJLC6rx
uFto4mAMcnCMMWJr4nw8tDOpZ2chdZiznivAzWR8nZFkf20YnZvaYmMEj/p1HsUmPnxTjBBd
5LueBRHCUWxt6DYuKEkAdApG5+usHfWrx4tb6mnt16pHGGGHJPfFubvEqyIWINUpT1KoQVav
7temubfMuHpqqrb3G2tdZYetpI5LKONi7TsVbkzvQuo/QaAbeeuRZqrSg1K07k1namFXFtbo
9vFWRY1Z1dS25VOVQaf5HU+tXt76vf218fqIXfIDIXEnaeQd4GtXkENXXdZP4qVdmmxpvrp/
b+6pky1S8TH3HbulG5AvYzq3Y3YYbYf82v0P/wAhbXpV/wBIPYzj5PIFv+m15ocAbiCnuLZZ
HgT4H2mU10VvIRddzbOwcbFF8JZNb1BbNdWd5e2UwoRNbPcQUkdOLx8SrUI1iz1asn5fuPV
1x4mMf1rGQ/N+MngPtN/LbVIK9FrEtNM2bBiVUHfA6zN2/M0vuEGaWNGBoC5Un/Pvrh97HM+
hfYZWBLwH2a+e6y9sC5QQWoVOPAAQg0GsuOsJ+Z28jVIG0MjLRiKPgeW0Zd/rXx8tasVpMXd
YuLhFfL+w4t/cDTPVkkJPELHUGoNeoJ2On6Qczi5O+48hbYS4S3niLTLGBQbVUGIST10tasp
Y5WhBbXBSnhzFojl+PMO9FJFKrUr/bqs2LknV7MrHktV+aPoPsH5owqdp2lpn53tMjBEQs7
qZfCdCfTuPedPy1zcrvJsrTS1ZU+Rzu7+02z5Xkxpcbb12h9RwwXfOC7ms3mxlwHpyUyupQh0
p1B8CDUfTV48t7QOr+KMHdfasvb2XJaeXmB+7e28VkrGSedBSR1AkV+P8NmFUH+IV8PCus/d
4bTK3O19t7/Jjuqp9Pz8fIAZLO2eHhaO3jjsqilqpNQq7E0rtUDfXMxYnazmTqYe1eRzdz1
1M97j7yu5d7ARzQKKs0UkbhB0rxBNBX6a7nbYHEtM1X7jFi9NXL8RVvO4MhKwjdlR3FVDIUB
BNP3qa6VHWpyO5zsg7ZGTnlvrskY4BUra1klb94VpQ02/SNbcdk1ocjNfkxrtJ9r6JZlw
8X28scsZSNRGOQLcmzny6BemrtEtiEuhyljNdP7glWZYiRz5q/CNxRqA/hqJpalwCcpY6bl
DbBZmkUfoZeNOQDEkbUB30UyU6vqa/8AEOHTCdr4q1Pqe+dryQ+J99vT+xQKa7WFRjXsOJ3L
m7H1udpJyQUBUBbNiD5Eam4oWZGV7y8g48RL608wyHYjx01bFF/ti/7intmu0dbmwQycUkl
WvE08juNDkpV711kijPcOcgSLdb2JBDNL6OK8XIB41B+hP56V9JzoN5HV/mvu5LeP7eUGJBG
sdOMjk9SD0+urVWVZgj5uali2l5WntK4T3CakHegFNz9dRgwCV7jvIEP2849txuBQksa+qv
XrqmyEdnnp7VfemImuEwoVWo9C+w5NTRegmn75zdp1toJisZYsjgcWB/wAA+grqQTiVZe8M
1lQseTZXjgX+EoXjSu25rU6OqJDAeQyck8nFampKr/nOiZGWsLCWuVlr/u0Yk/U0GgKZp3bR
rNhtUKQSPwFdC9iDH22q1nuB1mkZv+jS82yQVdwF8h2Ud3hcuWHJkiSUL5e0wNR/bpHcVnFA
zG4tJ8xfNtp9x21jnoRC11ykanpAdCoNBvrndtV1tDNWVzUxi9xEkU89lUuvTG4DKCRSMcuY
8CN6H8ddBGZHWlabI42SzaeRv5chmtYRGZh09QQR64duv7n4aLWAQfklU7PJC/8AaZUQhgzd
GLr0/OvhqkRkdt97CI5oH9tj+DVB/dYGu2rIg9gu4bixR/egJiKuUlgPBORIoWG+wpQDURA9
aTPlyXMPBklJZGH6aU2p+Hj9dDkyLGptsHjxu7SWoaxuPvMheQwtVoWb+J1PpoSelr+rXFy/
dW36dF+p3O2+1elu3qf6Bq1ISBJIXMVneBYrrlErsBBJ1ANGVgfUQpHL9Jrru0srJpO9TgX
q6trqtAJC8djfdxolQxE08MNG9nn7TcPcA3dQtQeB69PrqVZGghBfC1ufVSRHoS1KipH66f
XREZTz0doy81ICsOchOwSn6qnpTQwXIEZ2lt5uEicYyGQkUPsEAEKHxI/DVFiRBK91nPtmm4
qJZWiwNkIN+KjarE0pvoehBgvrBwMLEEftOlyAI7i+YqkpcAEqAD0PTy1UMvQ0D42tsjadp
Nl7kleY9xLd20ahqCBAIQVA3oePXxO+sfdJOPH+RuHSWMFugjga84+kyKrKHdjzA5GoGw21y
LVUtPpJtTIBC2jjVuMhrbMtYaCXkoJqOLE+BPWus/GWvEatJYexacoZYAw5SUKk/poAfVSo2
+usneY0uLjJmN9QB8pTte9j5iUARRkQ+3UDm6JPGO22/HR/bMDr3FG1uV3ORPHZCp2DT/kj
sVR4d3P06ke03lr2i/7K+xnAybMXP6e6f8mM6gcvsN/GiGg0b+UKpoPYciWfbfcUdueKLi
p2CgluB+7t6gA9OvSmk5dvGU9EI39aKmT5rs0j6DF2/FR9I0ppV3rYfiXyn7+naG2PbN5d3T
APbXEko579BuAPE68/8AcFZ202g+ifY7VWGH4jBDfX95eF7XhbyS844xSgjil/UIPD+/Spis
M7FK8trrSfxJdu+1aTrBb3BcuADzAjDMeoWp31pdEtjn37ibPyLWK7Xt7kNaXkj11qXm5FeQ
qOtAB6qUrTRUensMea+s+Je7m+PZe5BYiyyVss6R8VjnV4h7cnqVidwoHE9fDrptdBNCvHoE
sL8VY6a3gtbrLpO8sZWP7JecbqhKl/cJPPNKKQtD103jOxmyZt9PiCL/AA80cr2n2jW6ozRR
pJX1ChBdl9ChvCp1ltjTfH1yuuzCnbfbeFnHJf27LiWhlRfLhjlzlpQ7KGI47mnj9NJv
2tdH1kYu9dvS/UhqlyucubZLEZeJrn3HhijLiKyNHSre5FyHE1/h1pyld+0q41YimWlW3w/X
8e0BnANcvLmZcjdXzguJbOxFC0rmhMxcVFuG2oOjafVLHWKKfx1E3fJ+oTRgyZZ3ijSFYpHa
aGTg1wrleTFEXpJQeA28tHVWam2wm3pcBKzwc+Jlftiazu7uRElS4vIgHaVhUKryFmRW6pl4
/VUaekq6Izw7fMil/Pr6W6Mdy0mKvYIwshvYKnuFmjktQF9JJqw67VGon8CLGoZWgyGcass
rQT3c6KvvPMx5wK1VogZVWr9VJ8eumTsIWNIDK5BollH3iFl5hfbqFjY1oo47gE+NNvHVTqN
dIRBjZJL6/tcJZQ+419ItqbdQFjjuJGVZOANTUrR61p/dp+OnOyr4iMmThV2fRH1LZ26W01v
9uAsFq0dvHQUHCMBR/drvaPY82MdxFHxcP6uW+51nTLEnJ3S22RY0FFd1BPkQDTy05Mg4YbH
2uOsIbaAgwTD+GDXl69yT+3SLWkJA7I25ymQiaViYIpqxnqSluoAAA/dLEmumVaSKYVkeF3O
OMXK5txU7ER0PUq1K7fQaXyOJArdy2a5i3aGVPb+09x0Z/TUCSoII+miXiQB9vdmO+JS7vPS
/ALFD5u2wlr9N9Hd66EGLA9m4+1x15j78c5Lv7R3NCvQg/jtqrW2lhd7rwdooSGzVvbgIAL
Doh4kHy6nU5SyxfFgzco6EKNn1+ngDo00UyCWwBVugA3FNtvD+zULLmG4xmQN1ooFfxroUU2
aPhaQWFxdGIUj9HnUjQtFIM9tFf8Ih6kip+td9tDmQSZW7nieTD5RurSWspUfVVO39ml3+Rh
VfqR86dzYn/mjtiXEOfbkZVe2c9FcgFKnyrtku8NM3qiaqwh7a5TuWO3uGMFwhe1ulkZQFV

arLTpSlfz1tq5XtMcRuVe3aWWTkspXWaeKxuUYRzKgqvoZ6cWpsaGujT0Ba8DnNYzJPIRafb
yy3EzrwltTgxKoFB49RtRifLfQPJWtW24Schtwgtb9rtE1taXN7bkA/xUt6sYIJ9QqRRjXx1
hf3JcW1W3l5/wba9i5SbXn5B/KdhW/b6W17Y3E8v3iuiRzKhXYcuXpIGw/boPtv3G3c2smo4
1952lcKTTbllDAjDWbKb1ysSSNwRSXI4nYlXfjy3/wBWi73BlytKuyH/AG/uMOBO1930HCDP
Lexwx4v24LeRSXulj/xUvAlCHp/um2O3UjVdp9opR8snqfh/Sv5C7z71kyp1p6av4gjLZ02b
y2lsT6wVYt6qsP3qmvq8a662yhHH3cgbCP8AcZKQlVrIasZL+o+PL9moiDWuMvrl0isovuJJ
KRwRKQeTMNkqaVqPrq2iSBsperHCLe7qsVsCsklamQs9AoUfppTfc6oiAmauhbYm4ZTwNwjE
kDcFjRV89gdU2WgFicdx9uWqxzQqZwvPg7oKAnkKkVrUkbjQyVBPPYtmr+LF4lSk90lCpZnV
ABWRyzb8VHidDyhahpS4NkvL+fFxR2duqRwW9vDbAOrLREjC1Wm2sFmnb2uTUqwgjYrC9qQ8
xVp6MJC1dx0YqBXpT665ttbuEpeiRYt8jNA0aM3OdSY3KsUjNainEiv4aW6zogrPivEKJLGg
5GYBeHGpdt+lCCBTfxJ1UPIDRJXEXvkkq3PYN+Hl5vWIAddxMn7TrX2tV9W8xGR6NAX42sT
cdk9lsbu3tPt+6DIFupGj97lGV4Q8VbllOtNvx13Ev8Akr7Gc3K/SKf9PKBuxbjmeI+yy/Fv
EEEx9dH/SFU0XsP8AnOe7ZyWAgto7u8scDcW9oLWMJPcRJeQSEyke5IBWhNDTbQZU2vgU9F8
RG/rEkQfO+OSX+EDjII25UFCYF/V5EHbSmpdkOTitWRfAWQhk7ZvLVggCyyyFuPlkQBBSDuEf
def7ytlb2H0L7l6PBL6sbFv5lCSxMgYtRY1jJULQnqx/ZrLuzufRqlM6lO4y95LKWvFWRU2f2
yyMw5dNjSvkdOqZL4qySXFzZyNHc20ctqEA9zjcFnZG8eT0Un/ZXV1dtZYq2Gmx+tb05Biy
SqAxA90s68Sf8QB/303aNXf9q1rod3OEsZA0l4u8SEKykUAG4FduK/TRVv5i7Ue0F6y7ctr3
nNa3ZyUQSJprWQ5lWjFAD6a7gfunTL5lCrIj6Ker0CMfa63AL3sFw8cbmKWJp5BIJAKjmfUP
wJO/npdsja31M+SE9CdsbibG0/8ATr+7s7iRQSQHioWMUHJyOtNtB9XInsBXG7b7API5LO4U
wiTLusF9J7XtSyFS7tsFdEAO43321vx2lCrpK35ImjjuIMmbm3tpbO9cALJLHhznV1qGDxtT
17jf1eB3lJcT6nKB5ifJ25sri4tzbKwRHk9xVcE14EkLyjG1Fbx1Osi3XxPLnDZAul2t9BdF
ZF9daFSlSAOHT8NRbkagpX2IvJVRp8iiRqWq0quxo4px2WrbeGrTAVdSye0MtaPG9vcRte7S
klDXbcGor+O+h+og3ibQ4fC3bCzd33mUv7f35sOtIrlSiXk3iARTmFqQfDXV+3VIO3TY4f3
W/FKk6v9Dd44HtbEPJ/4ciPXwpyArrpJ6nDDki+5/EXdD1HnXStizMO9pDBeXcakj1GRQPM
f+zTba1CRPF3lnMeYlX3BjBGCjHzG6jav+nWPLS1XoacdQ2Woy4zvXDSIsTTSW4ROKFkoC
x6qSKOrTrqLI+qKtjrOjLN73pi4mjFsyoyoCJYeXFU5dKP4l8tGrJinRg65zsN+fYghKho2R
y9PUD1Cg9NOTkU0TXU7WY29hbt7aRvES5LDmUQdD9K9dW7ayWVrPunGYz30nuABIGAHGoJap
AUnatfPVPVEKEefsL+2ks2Ba4uHDpxWvqHiSeu2pBD8+Mj9sqRStdgKU/HR1cFSA8nCsS0Uc
nc7AeWo2EC8fMFupITsSocU/E+X01aRTNBguymGijX0++tX6df7tRFIPYRqLGlaBQFp+Gqyl
ouZ2NWwtm8JUZT+B20nGp0Ceh88ZK2eMSWsf6opGiCHYjgxp/aNcLJqdHHoYT82Y6C27x+6h
PtNkLSO4kUfqMyMYiw8dwByrrV2d5prvInuK6iza5GK1vkyV0hQS/wAOZloAk6j9dP8ACw6/
2a1QlnqdZPO30PcQyFl+q3CngC0kaIq8ePxkY6GnXQ3orJq3UurdWo6DX2/fYvIXEeTtfbS7
EgeTH8uZVFYBuNaVQg1Fd6a4fe4clE6vWnj5nV7XLS+u1vAYPkrISx5u3wtnF9ubOAXI39JW
4HpArv0Gp/8APYoxWyT8zj4CfuN9VXw1FG3+4luw4SlvF6WVv3yagjofPx16FM5wZw/HjZ4
78wfd2KtwubfkY/AghXUVAB4sf7dWnBGiDlXTT2yZVnDxzFwhBAJKUBqB+k70odUUmT4eG3j
tXmrlHMgAc9Dwvq/wCzUEatECdlmJbnGNaTURiAjIpDTSvQ14od1UAdW/vpQ5IkUcdkWXuS
O6+2ilWGKZTAw5w+17Z5K1alvTWpOpWJ1Iwd3F2nf5GATYIRLhJZv4oaRVmgjjPIr6yOSH9x
/Edempko15/jqWmBGxN00UlxacZrSSX2SfcWSTkpBQGM4Qk8dj1GlapahKG9B3wfa0vb3bd1
lmUpdLNGlxNUMJAD60jI3CqCG1hv3lOaxvd6/wCZrx4Wk7eA2AzZa/e5a3W7j9CmEc1fkCAn
Aj6ijDUM1VMkq09Ce4lJuZFuErZ05rJAzCXHRGteQH6TQVlBwLEm02Ot4ERuaTpHJSTiwHpYD
YdCCdqHx1FRA2YRlnuon4zr7cC0CsHUhwegrTz8DpWO9cj0LtS1UAu/8g79mXlqq+2GMfP8A
SKj3VNdvppna1/5kxV7Liyv2lPfs3sJfFu6HI28oT/lvruL/ALKexnOyv0v2i1/T3E3/ALdX
EyqWP2WZA6CpEY2r9a6P+kOu7H3tL+Wzdk5i4sXlNzJgwMIDMgURXQv7cFYmB9cZWnUVGl5f
4Ke3xEH+s9Vm+c7RenDHW1adBSFdLs4dh1EmqoF/BM0iY24SIIUM0gIAJBDL0oN/DXD7zS3u
PoX2WqeB+00iXGSALITQjixH7tK1p+Oud9XU9GsHpkG31uRJKEWgBIO3hptWZ7VmCqI2luB7
caiONPX7pJUVNa7bk16DTG4QqZL2RvpMdDHPeymG2t15OsfoBr0Uqn7xrsNTBj52hLVgd3mp
gxO93CRU7ez0PcJOOUY1t51f3IlkeoK+QP1/eXWzue1eJc05XU4v2/7zXO3SyVbdPP8AxG3H
yW+Ouhc2josyoFqyIFRfDmn7+1R/r0jG5RpyJzD2CN5fC5ld1iiSdyGaRa+0AooOK16KOM1f
PUx3UtCsna2hSipl841vbBCRdtUBY+IRAT5qNzQjpovpz5Ca4WhEkin7s74trW3BlhwfOe7m
X9JYCrSD6bEhBp/P6Wnt/wBWi/H5iMWFZ+7rT+mmr/H5DHLdH1t4/tkuESICP24HKCFweoVz
UEk+epVm7uNLNRxORc2ly7xSTNEdgb2VjMXJ3Huqreg19P6dWttDHbcHXl3Jl7r7cMSliqI
oVZJCF9IcuT+k+B30clWpCJMZbXUyulZmlkINfecyIE60Uf4gfHSSl4Lx0l6hnCWmTyFxFhs
db/dXM8iiGllhGrUJeWUCi8Ixtvto+3xvLZKv48wO6zVxVdrbL8Qbp2P2pYYayWxxY/wYyWZt
+Usz/wC8kYnc8j/ZtrOyosdFVbl8Tmy2y3drbsabq3Bx8qCpPen9m+qWrFnuDuXls+MnqYbn
UyLUpMzX5BnW07ycpFfZjdunUhTtorP0sZUFdpXi57s3G5CQB5rZTaylTXeLbY/gdAvXRMNr
hdoY7LE20iIjKqjDk5ruQf7dTgy8iC0HYltPMGhBkAXIFyOzL+PnvomqpCuTKI927k8Ldotm

sjoacDIKkHjuNq9D01KQRIW4xeWujllw5UuQTQAHf6776KASAdrAyqtyWnoCVLfpWnWp8zXV
BSFcfioLSUyBAHIop8a/5tW2ByZNeyiFVbbkKhgDqiCxdze7JNdbBIq0PgPDVFyL9vLTOBno
jSpsh6mvq6aXW3/K15BPY0PC/wDFqI68vZlJqEYXrrUkLkZ8KpFwVBGzMT+R0nI9AluE89ED
aq69Qp/vGIYXqFYwjvaOOyz91GdhO3uhVHUMBU7eRGuF3eRVy2r5/qa8VvSjNvkft227uxZj
iH2+TgDvYSOtVcnd43+jkbfXV4MvG89G0tjV66GL21heC1uFnjVFcCLiCCYbmJqqsy/us37p
6HXTnqYgaGjhsLkKvGRyEUr+7X+0b6vwLWzJMXkr3C3UORtZF9+L1RCQK8ZUgghh5HfbS82K
uWrbZhY7ujVluhiy/d+S7j7gkz7rD7lyEjjjNG9mOJVRUB5A8RStNK7btlgxrHXZfiRI7/U
fJlj+bX1woE1srAE8ZI2ZA1fIb7+Om87FrHUigylsOYkimiWbaTi1RSo+gNTqvq28i/pVfiX
LGeC+vosi4HuDdOyizl9YZApJXktG5Cmzjcal8toc6EeKiiHqHe1O277uy4e2wlrFcQr/xE
kAmZ7gQ2xLP7QYgPwUE066z27my6W0NNO1o4lrUjyX8vwjrLjGbIyIOUhdVh9sE8RHQmrU2r
xOmYu6dugOfsIV6PQq9s3y33ctnZXMqgjyUrW5lLcgpnrkFOnViOm+toPJLMeTFxUlj5NycW
LuoLK2qILeyjEkabcpDsF/EGu+tGV/mJqhMwN/e4PJx5XF+gSMYQkiiWNxMQhop25DwbWfkt
hsPc3iLHXN9gbiewq9zaz8ng2PGJgOJC/wCHkCDtry33p/T7ittlau/mjsdlZOjqVMYq3Fym
OvZJ8X7rgtJF6RzoOitsOQ2203tPuNrNuTD8wO47VJO1feXb14rK9IRV4ThzKwZXdZHj3LOa
ULkHXVxJOuhjCTcpdFyqcQGKmRhQBuoYAUneQ0PGIAdmwkIFl4LMzKAOLNGdgB0DKw4nXN7
jsuVuVHDNWHunVcbaoofICYeHsS6+zE1xcVjq6x8Y46yrX3OtK9B5nRdh9euWq8v42KzWx2
q3Xco/HzV7T7BXP/APKaQVXqKQEHXol/2V9jORlfp94vf0/GnxjdUNP+EzO56f7pd+mifyr8
dS6/MzRu38LeY/srLZCdPbt8rl7i0k5Bg8Ml/bqCxWoVqqQUO40nLpbXyLeqM//AKvvYHz/
AGwuU92ODG2zTJuC6rEhYbeYGl23saMa1qV/gDAvfYiSeLikcly4BJIoBQjp9Drgd7b1QfSf
sSrXA2/E0W9jMToagrG9EQ7grXrrmU1Z6Nr06A+Uxm6mFAVBPXx2/wBGtWMx5NUQXOPeeB0t
U5NHlrKBv+qmmNpGaibfiKXduZXJ5FLCAc7bHclVgSec/wC+SfEL+ka6/ZYOFZfzWPHfee++
tl41+Sn526/AW3N293HBj3aKUEgzJsyE7ctqHYf266SWmp5y1tdHqN+Pue6sdaRzNepeJCKv
zWrOlerf4iOvnpVu2x26Gmn3DPiel3+oZg7vndX/e2qXCqAFaItCaEdR+ob1rvrJb7bWfS2v
zOpT/wCizRF4svgcZrubDS4ueSzjlbIuCLSCZkVGmGxAcHqOulV7HlratOppv99xcHxq1aOp
Y+K+4ML2J23e5DMKk1/IPWYNmuqQsqrX/dBNWJO2s3f9plz3VaqKr4A9h3ODDhd7X/5J2W7A
/cvduGeFMjjiyOuWv6yPilWvsyAEMoKjoKA1I1oxdremltKrr4j8/3imWqtVN5HvX2eZ7F3Bj
7i2jvoElma8jErOCsQMopyJ4Ddgw/e30N5q2vAd29lkor12f4gjmnTIsZfbIaQ8pCXDIgRTY
U2/06pXjoHkxhrrHohCxrL7axjjwVKvzOwBNasSenHUulbZCFZ1Nq7J7VHb1gl5dIWY2URUYN
+q3t/wBXtiprU/vH8td/7f2ixVI/M9/4PL/dO++veK/JXbzfiaRhrZiIuIFFI2I8/PWnl9Tm
Is5EcbZ2XY8TQ/WmhpuRITBx+zGSwoCKUro8urKSMY+V8xHbW96pYl8hM0SEb0UH1k/Si6zd
1k40jqzX2uPlaeiJviYQS4m6xtooETXRKKOil4g5A8eumdlaccPxYffVjJK8DRMJZpFcRrcj
0Bvx0aXBsQ3yWg3YyL7dzHGKx7mNvKvhoMmopEmVjDiMSAE7/gK6HG9yWBVza2yEu+3Sv+X5
aamCCrye1R+Iloeg+u/looIV2QoplyOUb1P5ahQMvOuLsN7QLMwIFPDUL0AuSsyvsYZd5Lph
7h/2QKkfkN9WtNfAIRbs/hvO9rvMq68ZXaCJB1EcY9J+teOuT22ZvO5/qkF7mo9n3gtsTDMf
XJlr3Eg6BQSacj0/LXa6EjUbu2o53i+6ev8AEHL/AL5/16Tk00LD2U4/aOD+6AP8+s+PcJ7H
zb8wS5Oz7vaaBkaGS1jEStyIDKW3IH01xPub45n7v0HUUmJQg3/eN3dxizyEKPIIVDRhkANDx
Uiul1qkpRdetkhG+QsNWKTunGQvbJccIslbqKjjT0TD6ggAnz31p7TuU7cPh/BVnOuwmwWMV
5c/8dLHChPKaMtxdiNwFp4nz100A2dSYeSvu4wFIVg3syelJ2X11NB1rqQXIRCyWjC1yEEcL
rukjIjACtf1jY9f3tC2+oUvYQeCxxvkikjWxAQRM0dVV2U/qajEFjtypTfVcqMY8V0p3RZhx
UcNvWfmx9tuLxyNxa6KdR476kVfgV614lq3xrY9Iu4IWUTWPP3Le4DPFPHitHQleLLUbVHn
qXxpoDk2Vu2O5u7OwbuTK4P7cCZZbUXGMkrBMLJERuo4hwgPXSsLatOr6mjG7pKyPbU3+ZmN
2xIHNI4opXmTXozEUHENRYcKrsTN3FrTqE7rH2OPs3mhVYb7HM08cskoEvxxH3ERVBovV0rz
H4V30bVauRS5206C/wDJmWivLv7y3Q+zfvFfQCooEnj93iSOoDOw/LTW9En0FPYq9rwr5LuT
FRXbNZw3FxFmVaiQmMgbLTp6h49NKyW4ptIvkbPZ5DIWN/b3Nm/GdJGVpSeLcXajen95Wpur
f36xdzwy4oupGUbq5QZyXc9s9s82VjRprYeu6tU5VIO1IyOQ6+qmuI/tVa2VqW0nZ/ybad44
iykizFhdZS6iW3hEp9tZOCFhGyUDKZCHoCBs2uzjXD3GZuUDoYYygvIOKWsjnFViwY7bpyo
rA6K3WVIMonuke4SJBh4GQjyFYmFKAb77HfbSqbItqAD3y1/J2hey+2y25lhimYybFhIpqU
6nceOjx5F9RVSBDuk9S98WYy5vOuzZbMRuln3E8s5aWOIhXiKgqJGUuQeoSp10En9Sr8jJl
294pfAAUff86tSr2uZbxrT20Xzp4aY/IRF8zNC+PI2ue2+4MXArvOFxqSLbRq0rNwvbsQi8
iel8tZ8tXv7BmnGDO/6yrlrf+oNZihdFsIVZF2NDAPPy0OksN7IYf6eVSy7F+9uERiJmkCqd
+TdFb6+Y15bv7P6ujPoX2F2vj47SM+bmZJnnlURs9aKampPIxx1mxroeq5NV01RROOuJvaWY
cFdeW/U7dKfXWpODn2vJX7xycvafbhsIgPvsyoVJTSsUK0q+3jQ0H11r7PB9XJyfy1/U4v3X
vXgwwn67yvd1f8GVu4saVPCCXr1LKa9RTqW/v13kjw9rwoWwRxGMitbf7yWoupf92HILKh9V
Cem466OzaF1qtjxL+1EYp6/bNVklZeQG4BBP+15avyBvDUIDuFprKxuI4ZTGsBXjcqICEZg
eIPhw38NVPUFV0Zcx9ocnYx3U0XKOYU9uJFHJoQ1I3oaEFhuD1pqN YupDk8IJzKB6lQry6G
gNaGgNVrvvquYzjJ12UkUV9Jb2bfbnIoGPugO3KGpKKzVYcuo331z/uNZry0/ozv/8AzudU

zPHbRZP1X8kP2I XuWnxc dEtMkzSW8Z2MV0D/ABlXx0HBDLpSf1cc9a/mv8Dfwr2/cOr0pk1X
lbqveTT4i6tQOBCFwG3/AFjzHlbf2aVzXU23tChmtfDHYcriHuTLRj3Sa2EbiqhTt7xHm3SM
Hp+ry12ft3awvqW9x5D7v3s2eOj06/x/Js8mOE VZG Cat+Gwp5fnrr1ehwgxaFIowp2HhpF9W
Wme5BPehKpQ/X+zVUCMtg3L5GPC4Z7xzQxRk06VYjYft0e7IkfLPd3eBzmVmt43ikjgbgCzG
pTIWRIUbE18Drl58nO/ktjq9vXjT2jt8RZWOFrox0BiuENFJNAycQTXp007t7cFPmD3C5NI3
bFCzyNsJD6SwBFP8vDW67laHOXpZZtb3+X3ZtriQGIgmM+Neh20HDki7wtTq/wAlHJdJEjip
QkAfQ6LHjhANgvO3ywWTSOqqNtq10xVKFbEBsrfnmC6A+k7/wBmmNaEDuWpxjtHlGdB1Zh
/mGllIHxWQgxNlIqENOR6mI2BPlqkPLerI5sW9j188WBktbVre0r1Nxdn20p+HqOI91fjfn
oElqZt2/a3rZGGSVv4MS8SoFDVvM9Tt131ye2h5UkS9YRtVvKYbK2sbdQOSJCEG3Ub/3a7rB
NDw9uYraGItxoVBUEsius97F1RakP3EMzDapYA6BaQEfN/zRIJrTuIGNDKAkQjJcK8mFWI9O
+uD9wurZ7LqoNSpGJPxM5/5liE3K8gRaElIK05E+J1mi8aGV+YVs7uPL288MoUoYpGfxDREE
09XVaayzZPz6e0pZLJmI2NhiL2VbjIKzW9xLliY11HVFPoox2BP1216yq0XiGerXH/bO9rDI
XoEHvEcSBWhNfH/Lx1ZC9Fji4SOSqwmoQA7cT0Ykg1P46sgXmscXIj7y7gsYMBdbpDI0Fk32
yBaLEqKtS3Mu45PQnqTsNU6reAldpRJH0yD+9fLNZ35dpbVbGdXjmUMgPugRQF/cbz66z3
7ZWWhpp3lloyzc5bH47FSjL2E7Sw1Z3YxzwCACq1iKOrV/f6UppLwXrbR6Gp93juosiTCdq
2t9eWGNyV0mOhuErcXM0iqqMyNOw5P6eTFuK8v3tKyXfJpbj8VK8En+JPcUuBMlxi+37C+yl
4YD9uqEKqGNizyS8v1J7f101pVb2ruY7Wx477Ef/ACRlhbhcXcK2cYp6E/i+kjb1MaDbyOVO
3a6i790nshN77tLbFSWmMKOyWccgX3KrWMMSig/qBXmdPZlbKuOaWzXH3trGy3Fi7xvcigjC
tIchP+0FNKEGq0e/VFxo bbb3GMmENyl2A7IsixuNunKladK64lcjah9HBTtBftb+5SRpzL7h
mDxFVZeA9yMjk25PFem2+idW1BKXXiCsPL3XYvXJ21s1mqBWe1ZaugWicVqKpX9XjrRW1fHU
ZJ7JbXUCNPZJfJbA0d3p7ynqKLtXfVc4aTJEosZRo7iRlMbe5GqsPSoBU78QK7fiNMwoqlhZ
7wgnHbU0r8SHZHPBmrtIo3WtOhGjx6X26gwokK/HAI7R7AcqCf8AmaWtQKj+CdxrWl/yV9jE
5Y4+8XvgCH//AFrMT6edhmPV4gHiKjbwOmP5UFXC0Ds6/wAqO1cmjSpBcYrDQWNvc2q/byte
L+ChkkQgu+5Usd6baVlf6oqzipnf9Yn8b+oFIYbx46DI+PtD/PrPk0VjTj1dRq/pxlxB7SW1
ypZo2lfgsdeZcmooBuemvL98rc5R7v7Ssv0nam5qN52the5L2NppRYxW4BBkFFoeqg+dNZMV
rV03k6q7zJhxtRzkGdw4WPC2i9w8aY61TaufUU7uS1ajauteKzdlTrYD+4olbk44qX+PExDu
/vG3z2QmyntcothFbxUEcSfuryJoWPVqeevS9tGwJcUel77vr9xZ3c+HsXRAdYchexXEtgW
hZqtGJFHpTYAk7bdaL49daZRz3jullWhZgy9ljp/sL93gbpE0wqlOvHku+x67at67Apxo9Ag
Lvuc3dJMHdo1oYx7dvxBUudyeW6sprqLcXeoEzWYiuLi2xM8gMdqwn4AH9uWcfqUlaklv01E
pckt0f8eo0WPeGlt07ib7Yexbryea0mdhy24RgOCKt0HHp46F1ncFFgd6Ya4irzkjMpChSlp
/S+x/wB2wau/gNA6tDK3BmZvLK1yVLK7ht7uBkRWq6mKeI7NUgqSP0uP9eqjo0O58Xo9Sj3n
3Dd9zy2s8FukdGMcCWiWe6vG2LRk0Pqp16KNJ7fBXDy1/wAEbu+73J3bqmvh/VbxH3sLte+v
5MR25mHe8n5VvZJIWp9TJy/e404ltZcVa58609L/Q6WV5O17R8nNqr8309x9Q9s4mOztlyI
AtAFAGygDYD6AbDXpbW6Hi9Qw1mZGEq7nwr10CtBZ7dW9YaqKHxOqVyQV07jjG4l2Ef6j02G
jsupFJnHy/3DPD2jkMutY7eCMx2ykn1SyEKG/wBG+ldzfjj0NHb19ep8tBI5rgSTLRF5szDr
UgmtNcFXa0R2a4k99kOnxp3jY4DM3S5WcrZzWylnox4yhtg1N9weut2JTNTDa7TnwNI7J+Uc
XkLaVcLepcCjQNSpZCfEqdyPqNaceZ00tqh6K+q0YUyd7mqjIif3otmSVC GUA/tptrTTNrJ
nvicQTWeUvJZ4biZqMr8GFf8W2tdbpmWl0L2VmkzV5FjYPWWoaE+keZPTYaoKD9c5LFdpWZi
SWP3gCGmZgqqfH1Gmhdp1ZYoz/MfaFqJALp8hcN6WmhRmiXf9KkeA89KfdYk9zTXs8ttkAsl
8tYC6kighguJmXWNVjJLPsvQ06jpoX3mPoX/ZZVuoFvN9922TigxGOiltAtwJJmlCBWmRT7
akVLEZ1h73uK5KpdJ1Jm7a+JTM+w4xGXkiv+NxGOBcKGC8S3Lfkf9Ws/aVrjzR76CMLppa9
2owy2VRiAY7dQaDoXYbV/Aa7guTRYy8TiIb1FBTSHqSS1My22OYEitD+Zp/r0FdbBny93r3Z
Jb9x36L/ABI/fdKLTKrV47EjalPDxk8t1fLez8WbK51VKorDJY68nKSwgSMNpBRgD+I1UpdY
F2vWxYyMdvI8PdZCEpJHHbT8yTyCqYyp+m9dtMxeqyXmBfEkrRh1nPQCE19qlAo/y8Ka9KgB
jsFDSRY64aSQKrEtsACSGC0P7u5LU3r9NWJhi44RAqwk12q3Wh8hqSue4aK8F/DPAVAtPFe
luoK1UhlAVgQw29Q6Hx0ScMj1COFz+UvcMctml2tyrXFpQIs3OshIhUBfZFOBoR/h6aHYtgi
9ux17eO0ACtlrqGJkjFFVXl5uig14qqigHgNBeOIOMrHMWlvd5R4bi0S+gmSaRrafZZE/wB1
FIGFRQFxx5UHmdcpuaz/AFfud1wnrsVr7BWlpYwY62hWzyWMeUDKQljcSlyFMMtCEeJCvp49
a67CWz8jg2erDmHyMt3GldngJOVpIg3jNNmKHrX6eGjmRwjfLuMs52rbqWmt4matCPRWgBb
ofp9Bpdtw1sItjf2y9tz2k0ji4S4EsS09NWjowJP1XSbJ8kxisuLTNm7QNN3D2tb31IIFWNG
injKivNOqivQEhXmfuH/ABdxZxo9UZ7Pofn7fiYAt7cCINin6vxB+upXuXHpbKV Sucbkbdc
srl1aNjwJc+leun1726WsMPifo8rlrKV1ek3KpZfbUgsRXlWn56au7Xggk3B+HcEEoDZNVBZ
gqLwBIHSID0Jl66es1naS1aCn3RfY+fte9EFypld4ykBQK4USKdiAQf2604M3JpeYPUKfHJB
7S7AqSD/AMySlfw9ncU8Rrb/APpX/awMu3vAfwJI8nxPczKAzxY/LqB0qV9ug0b2Dqh27alx
kvamVmxXuBlcTZHIJdKqhbz+ZQe4liv6ojtStCPrpeVeHigLbfEz7+rj1/1C3Sk9cehH0pCp
21ntWeRpo4dWPH9L2F+97NbJPMtpHb3PtpM68iWcgFY/Mk0/DXnO8+Y9r9v7jhh4Jcplx/Jp

fc/22MaWGNq3M54o/VERCWZmr1PUaw0TZ2OxdsiVnpWu/wCPAwL5X+V7jPwth7OZ5cFCRFFG
pKm9IU7ngP8Aw1PpRfHqfDXpOw7Lhq/m/Q8r9376t20lFZ08bebFC6xncT4qW+vZFs2gKP8A
YKQzGMMBIX/2lBGw6a6Kqk9DIO13jhuEug1fy3txY7eCG0inSEUSRgXLEcPbrQ8fh67aktC2
q+AMgx9vf3d9MxAMXsx2ysOQD8S24O/Sm41VXpJdqRaF5FnHzRYaB1ERU1pLZofTJy6mEVHF
v+rTRagwgVn8DNZwQXOOmN1g7xqQzUHuRyMa+1Idjy8BXrq0/EG2NdAbJefYQmwtd71GHMBm
CB4UqDsfHVrXcGyVdEV/uo8a6ZNYwbvkPaEYUUU+IHQU1cToA3rJNFYT3cslwUkWoYqakkk0
Ykknoa9dLtaNBqxS9hq7FyNrhO5Wk7htSqXVssNlcPFRrSFjXnEjbGN9+TDc6w93jeWkVez+
Pkzq/au4Xb5+V6zKheXmj6a+Oey7aLHnuG1AvZ5Abe3ljA4iFaEtUdS/92tv2jDVY+b+Z6ey
BP8A9F3Tv1WNfKkn7Wx5s5crM/sxHh7dAVYhKDzAO5113Wq3PPBC3aaaCSE3AMq0CsgNAT4H
w0tqGEkitJnbvHSG0ya8iRUBtuQ81PQ6t0T1REgdc9z4ue59mTlBE4o7N0pTQNh1rqZX/Ur3
DbL23jsDinSRL2UysincxxLWo/7WuZ32bZG/tcfUwNJ+EbNKho1RvevqHj5CvnrmKqdtzotx
QmxvGK2uLihrpDbwiZgqBqgksTtQLUa0ty48NzPsnVA1Z7uwmFzZStbTRseMkTFTXwII1pV
0D9Fs0TtX5rZWncxZWN76zECpcBOKzF602Borb9K76ZXJWrAydvaG30Q65D507Bt8dGqrdHI
sHS5sViCyQulPbqzHiA3judbceesTMyC21XtABf5lzd5jbm9xFzaYxnKRNCWe4yEik7cE4BA
oP6mrpd+9t0Roxdon83L3IWcxlr7ISxy5WaXJGRIRQwJUUn6qL+way3drbuTq0xY8eiUFaW
eSNTG6NGaDb6ft0EPqaVGxSyMk93AIYiY2DBkkDU4uv6W28tBMF2x8qwD1v72iX8jBri3ekl
RtVCB/aNHeqso8TFmbvSLew1PD42LIQ3Uj1EnCSnWnLfj+GuTXM/q1X/IBwL4leBrfx5aC
GH7ihCyNz2/Gij8hr2FmCx4EhMx4gl2oB5n/AKNKaLJcxMFgWAb7qrH8Tvsqa1kInzJ3njV/
n2S95VPG6lalaVHM7fsOvDZrV5Pxl/qalVAH+QRzXAEfrDbqqij1G/Qf6dKV7C+Egnvv3sN2
fk/uTT7iBowGA2MIaGFNBxOxdZaroT1KsdDKcZGVZXcAnjUg/X/p16lADHjIbeVmidTFEYxR
xuOYqAp3qKU2Or3IkGMTaR5F5RO8rT2yxpHGRzBiXb1MxqoVacNt+nhq99SgvMkVnbhJD7ag
kAqPVXqVrq2iA23vL21u7fM2vFVsZPch5xpOh4bAGOQFWU9KEUOq9oRVsVxyd149oQ6Mn3F1
cwMoVI3rwjZXr6lbny3A49NIzfKaO1ryvqOWNvYWyGftRKENpZwW0gNI2n5jIlgUEgflQV2
GubasVjxZ06W9fsKMeViV3x927Myge01BVoz0r4clAoddqZOJBdCWyRi4a4Ea1LhuLMGmjpw
VKfvGu5banXVvQqAX3HGmUxUqPlxujFLwISiotRIV8IXwT9mgstAq6GZ4q4gSxy+EaET3V19
s1vGV2/hyHmzMogWu+kXq5T8Aq9Uax8N3HLETWakKQIZh0HIspVjT8V1zfufb87JoRe6ruNo
SxLujiqppqvU7j8PLWC2DhqVXLOgNnxsUgEil7SkkyGtB6d6Gp0t14qeg3F6nxSlkNtbwXL
qkVyeUjeJ0nbbwNBtpOTNRLY6lPt2tYQOykC2dz7cx5NG3GSu3QUFfy1px1V17jBfDxtxfQ
EdzmEYGYRGafw6EefMdNbuzxRkTfTjWgZvjWxvr3tbsOaxtpbq007gdr14kMiwo8JUNIRXit
dqmmuwl/yVf/AlsVk294uf0+yJ/7S5GQ/wAMQ2OVq3h0j30dnog6vUeMBjryw7VzN5eqPzyW
Jx97aNG6yhoZcjdQngSVZaetWFR46DLuvagLv0mZ/wBXUlz/APnEXX2x4yrZxBDQMN4VXceW
kzHL2j23C9hrH9LpuB8eoOLXC2d4328ZA4mdlozNQfp2rTXl++yLmeq+2qMWrlstX5fyXf6j
L2Lft+wsbaUjPdZRFrgKx4W1nER7zrXerk8Fr9dM+2YeeSf6a/qHm+75OFsVPlnfrB89YBJ
ri9GZChnj9yO0MhFE47CRF/eZQf269MmkoOArWvbl16BjGxU5zX1RJfIIRExB9q3BqAx6cmP
qc+Lfhq7PTQrEoevXQ/W7SrBw/SLSq12Cn2z6Qv08T5nVMpaaEmPnigilupjQuzMztTiKEm
v4aGNA3aGwRkcvEsseZYmaWQe3YWtacYK/xJmP8Aienp0xKNDPe39XXoMPb7rBbezfcvrt/O
J7N5LsgjkfZHANSH6WbzodC/AKttN06idksTcdtZebBTuZ3ViY5KbyQkVjI/Ff1eRGjVpUi
2nVwWu3e2svn89b4LGxNe30z+3BGB0dhVqbkKq+flpV81aV5W0Q9Ynz4o2bD/Hlgvdll8TQ8
bu7RRedy5NDXiiDktrEf3VoaGvUka4l+6s6PN02qv3OulWqVFq4mz/YbO/8AsXEdu2C2aQrj
psdGIMbKtT9sI9lUnqUNPU8NYO17q2O0z7M7rxPQPsqZcXDqtVb8dBa/p++Vsx2v3AvZukqy
2V9I8cUU7/wo7mMnkqt4BqEL9aDXpHntjrzWtd2v3Xn+R5T6OPLb6d9HrF10fh51ZvtrkT3F
IDf42lsVX25Y3J5B0bf0gfp8NdnBlrfGrrZnDz4rYsjpbevgTX8Xc9o7yWZ9qByOUyUZBU70
FK18K6P6lWDDYAm79ge7Ttnve0mtzcEi2uXWhRyaKOY2Ffa9PDy0m1k9txtVauvQI/8AJ1nK
rTx3fuW4G7sfTQDcny+usV+4bNlcSPm75dabuDvW4OLIP2WPiS2tgBsUj3kYV8yfDXPz5krO
UbMOG1l6RKlAijCFmqwo46BhXx+m2kY3LG5HxSRYWNExMTELJQSxmNyC3JiDvQetAR+3TVPJ
kVvRCBYt4bRZ4shG/vqOMXE7KfCtPr5+H10/IK1A2ratoO4bu1htJWuZBEJGjWV35USNCGJF
Aevj5auH03F9zmfHye53kGsXyDXlrcLI10S7RKDSOIAGPW08emiSarEA9vZcpDVvLZWdlBP
HO0lzMfWIF4BaAgqQa7H0sGHUaDRG/Hlu7WTUVVwZ8SXLZaBrbHyxNxnS4JkqwJDUYKvACoAG
/Ou5NKafW7iROR3+qk16f3IjkBcScXIYhCGp03P7Omo7Nj00rETuUWq+hevl4aU0HygBzyN7
9wg14s4YD8N/wqSaab0Rz7/NaH1k1T45vDf2VkcSB7qwFulRWlfdZliWFPKqv/Ucrureq0bf
ybx24EgtlU7BSy08aJsNejbMjY44mELCLiWvM/or4V+mlXfQJFNjJkcgSx6ED1NepCnRp8ST
JgPfbvB3TmYWtxKVu3IYDqW8CT014PuKJZbT/qf6msX8JLDLcyQQ+rieTs1Rxp/110OWqhMj
U6i38xSPNhLWCIsbe4mX3iwqAI1JG/1am+up9qpN23ukBbYy5I+Eckitf002FB9fx13xchOw
WaVUt4qs9wAOICfL8KauSpG9nhJauJGhv0ArOQayM/pb1L1FB61PTYjRFJle5v2yNz9nO8kl
y0aKkpVQntL6W3Wm4AG4Hq8dU9S9ju/lt1gURUKKOCCMeXWn1231Gy0K9nfe7mby5kpxUpEB
4clwZGH+nWbO9DX2ujYwdn5aVYM0zDk1/LEskhKgli7ciGBYilP0bjrrPZapGqmRxZhyTGW0

9jI9y4hUI0izFauHr6AoUVFSKfnvtrpNHKTZZxd1JnSlplHjtJbeOKGGFFEbyAegcQo3koeU
jdfHUKk57juRZ2d3bAh5QPSQiorKABxCr5Ur51qdU2EmZngLrH4vuQ3N7UWt7BcQtQVoWB1q
KGoqPDWXPW1qwt9BuK/GybGf4zysYuft4WY+2koVk6sscgdSK/8AWOry4+VV4oydy9B4kysX
3RnEq0HpdailevTwr4/XWC1JSM2OSfH31vl0f7ce7HNG7gdfbKEb01j7yjrVLzR1/tM/XXsc
hPH4+NbSS6uGX27fm/ILxkoo9J22rXXLvJfKfVY9LfJWqbeyFbIzffXs0sqn3HPJk6V/zV8N
drHghHkMuW17O3iA+44wuGndRVQ0QG+/6hXbWvtqxdAVeoyfHpc9t/HkQd0D9wyEjkQDSCo5
UpX+3XQX/ZX/AGsvK/T7wV/TvBy+G8qqCY7DKOzEVHFmiFD18tS2yCpuxy+O2ve3+y+4M1h
5JLOUR2cKzRHiyrJfwq6VH+JTT8NBk3S80DdemTLP6wWeH59y00dVZbCN1PQ1Ma1P9ulRuvM
e38vsK3wf8sdzdt4P+XWGGQkgCylkjJqrM1OgINfw1jz9hS7mDbg7iFDL3f3c2c7zyt/ms/Ob
q8MKQBVAcli7hVVegFdwOp0zBhriitVCHtt1b8gRirfJC6nhFj4wDJGdmII/Qp6EKTvvNjT
w1rTMqnp0Dsi+6y3XDhwK+4q70kHQ18vL66FaDr+v1LoVp4/auJoK1EpWRKHYhvSakfl4ai2
KtX1e0GZaNPraGOBklkG9ycrQB6V4xfUs29B0UaOYEuK+wGP9xMHvUhZ5HJEVEJUUG1BTZQO
mmaLQVrZzBZ7e/mSW1xYXYISOQM0ayGi1Y8nFD05GhOhvEF46WUyGslGmWgxfcTN/wATi+UM
4XdnSIVTen79P7dLekpdRtHLVv8ASNwx3XhOze7L/uTuB0gNjY30lskgI968MfIIAo/U/hr
B3+K2TGq1XVGiluNm7eJoPZme7a+Hey37++QLhb/ALr74YZKHF2pBv8AjMC0cZ3IWHmluTN06
Dw1z82G2a308fy00kZXK6p2cp28evsA6ZvLfIjv9+Z+HsvFyyBv5VbTR/ezIT6ffuK0jPhw
X1fho64Fh/66834xp7kdblfJWbtY6/6U/VBSy/xa3cHyDjbT4o+1hieGO65pMJrQ2jiNpp2
BJ5SelwDuzHXQ+388tWrr/JnM+5Vphh1f+f46n0725hbPCRIlib354atcXEhpI7v6mJPTiSd
hrtVSpVUrsjgZMlslna27DTNHxZoCDX9SeR/DQMupmXyLf5J1MNraRXuLX1zqyqZISTx/hjr
Tl1YdNYb31OhWuhn3dFxfj7W4gt555o5BT2SzcWK12atP0+Ok3yqmtjRiw2u+NTMcg91kGeS
Q0Lkk8VJYuT4/TWF3Tc7nVWFqSLYDXdrdijciWT0hCvRa7fmOmmVtXwMeajW4UvLH7ft+AXU
XuuhUSCKH1esuPrTx0rHlnJpsM+mlRShZuZzrm4eSMni7swQgsQpO22/QeWt1YSEWbdmyC9e
W4tI7N6FEZ2IA/3gkABB8aUGpSE5Dz43fGqztJ5bRRPBE0zOstsEhQogPKJfF+nrAOx8fHTn
bX2mKmlLlp0DmOEEtu9ukc33DmsEpMaoCCQOY3J9P+Gm+qS5M0q+ZLoFH7Snnv4vYlujVVgy
xrQEb+OtdMKYnJku1qy/a9oY+xWkjyXMshq7MeKin7oUeR036Fa9BdbWblsnmw+KVRs3Svix
qev4nQtldWviKsWJxpvJZ7mT2oFmk+7t46LJGAaKQXopDbNt0Gsl2+gdKauNPbsNPxbko7q4
SxgYuYZozGB1oz7Gn1pvpXB/Ur5s5netNprwh/sfSWAtDJeAvugYsw8PPXbsYRwubv8AhrHH
RAB6q+AA0utdS50KLXUOGsbjN3HpRt4x4IKemn46LdwRbnzD3XeS319e5OeTI97O8gDEg05E
eH4a8bnsrZLPzN9WBLC4kSQohp7WxBqqn8T500DVXbYJuSr3/dzXVvbWRT24oldjGfFZQAf7
q66v2ykKz8xefSEZ1HbLFLolNgGhkBKkncn6/nuddZbmdjDaRW+OmEpIkY1Kj978tWVIWD87
OR8vJs6cY40P6CejdP1V3qRomUCbmFbhJVldzM5UREKwKfnXk6ulByB/UnjXbpoYL6E8sl3d
LcX1+8k18CC8IEMTxKgAZeNPXUCtP79U9pIvAVMfdBYZ7ph65pZia18CFFf7RrPkUuDZgtCD
nY8ZuLJ5C4EYu4hIh4nkCCeVDv6d+mgul9SqHYH/AMN2O0TwNlCRDfWzW0PvC1v3VoEIU+sc
iwLV24wggDvTW2fx+OpzZLrx3x+14NxWFTHaIUUVWgLEsSxG7cmry5Hxp01aRWgu5Ym7eYvwx
aH3FmhP7shBNR9D4EaBhpmf2VwLTNWfyzcYobtAZG22ZuLV+IG0q9ZQdHDGDsq03x/c97bWi
j2G+79oCpXjAw9Ip9dUm+CncT3KtILaRpaMPKFkti0ciGg86+f7dItjtUzNXXK6qETdudxr2
zLJFBZidxTJ7bKx4yJQ1DIxqPMEaZn7RZEtDjb2md4XyWs7ha670s7iKS0x9rNElzQyNOVFS
CKgKtSfPWBdjFk25Nfc/cvqU4JQC7yaKWUuqqHckOy7kU2pVv11orVwjXs5AXccVwmKmJNY
y8ZO+5NabjTMS9SGUeoz/HzOvbfX3XencE1PoPY1qX/ZX/aw8ny+84/pskjj+Fc+zOyc8Tk4
1VTx5O7oAProcq0QeN+Pj32rnsjnvhPK4u99llwkmItlpY0EURxpdIUDUHqoOrddLyL/AJE/
YVf5IMZ/q64zf1CZm2duPPHLGtSgEiYftI1S6+0Oz29gp/E4hXDm5uYkAtJXaFyKyFyoD0p
4LTQ23N3a11T4B+9luhAb3HScJDeBFJAZSpZQaj8DqVrNoY95GqTV9Qu89pBI0FzGZ41qRNF
RJFqabADi1SdtgTq1Vk+onpZe8mhsVUZbGX7hR/vkYe3KE6UKHwH0/HVctNQ8eLX0s6ue3bq
8ghnSQRSRKYisiMEbxWjDYsPLQ1vMh5sMR0BFxiZMtLJ6JhbY0e1bCphJLAFpqtSvIjby06r
6mZrlp0X4k9EWNjgEU9wZHX0yRQ855Dx+qig/adW2Lqo3PJ1wlrERAGgmmPtpM6hSQaUDFmq
D9ANXqW7VRz2/MY5snYXBHGOMT0qduINdtztTQWUoHC+N2in/NrLoo1yx4Ia+k0I4cTvvt1q
Rt59NL4Oo6uVZdXsO/ZPx8cvaWmbyvancPdy38HuWk1hc20EAjXqA7Mz+naqmlPLWTLnizqr
Vr7mNTfBWh+3TqHZ+1+woH+6v/i/uS3t4IveUsrXfB2NahlIBLDbjpTy3nTJUfjWYvR2t+3x
D3Z/eGH7SvFwPZnb0mGky06ve2mT+4ivpWJCubrsqA1QKS0td9dXtbr6cuys14HO7m7d9E4
6Sa4neBsrJPulHmvJ2+3PFT7MgryDs9SQVUH0+Php2Lua3hPcV3HZ2o56DVjrgXNubyAExTE
G1UHKvJWnIsf8dduJ30i+eC1gRlvcuGzN1lcReXtwi2PZVVSzUkgIf0FQpHp33rrj5+9dbR
B2O07FZEtDxiJd0z2+JDWEDNdTstPddAqKCTUBVJBO29fprM8tsutjrrtq4NFuInZfc1JSrE
Ft2HX8NNrSZZkzZnWEUIWnuL8Rwgu15IsaCoPGrUOnOK19hidna+nUk7h/n+NyVz/L5PvLlr
wa0m9Q4Jt6OjD8L7e2O1Ur6Px/kb3OLJW00crwF20v4Hmd4hJj5IY3Zw7chT9JWV2PqLU3G
t9sTiPmMuHOpbfOHHE0ET28DRmhkZyxHgq7AU/t1Ss02mbKUraIWvM/RL6FoSeRJavQVNNN0
6mTXp4hrDuqSAsvE+VPLx31ddxjeg5W17E/JyfbC0K79APGuuhhtBizV5OUUMj3jgblZLgS

yA/ohBdq/ltor5UKrZVAF93lfXsgjw9p7Cf/ABLg1O42oo21lv3FUErWewKNpLdSmfJySTTN
QLvQasegA2/brK8/gE6O3zOTTv6ecHPI+6o7a1VWTGO0s5JCjxPFa9TV6UGndvjbzK3RLUz
dxav0XV7zofS+ItJoIEkuljDMLfcBG4I228666ttTmIJwwROTeXjcIAfShp/8t4aFzsgoEv5
LzWu4XtbY8YrKJ536cSVU8fyGhyejHZ+CCrqz50uZpbsKlyaRFS8YG7uxO5J+uvHXxпамzku
h5i0na4PvOEjkNHjpUin72p6V6vAvR6sH93XKZHMxEVkc0FqqolSSxooB67767n26v8AxT/q
cis15fsEXNROuRSFNgnq5VfVINQajW4Uyzh1ne6LSFPcsYeFi4YHifUN9/T4AdNXAMhW6nd4
gJg8hUkDxiI GWXcPBC0AmZmhnt2DCRW4MGU1UoRutD46tIpnGZMeNx8k9rPNb35leYoqgi0
BSVHDcg7NXkpA6V1VtFoXuIDTP8Ay+ORm3dC5NRUsSzAn9ukRqaKv0h/stEX2bed/a92cJJN
JtGsbADKx6hQTUny0LrORDseWMFkaVBiobZZMYj2t3bLNy+4jUMZePoDRTMFcREeoKfx6jWt
IwnguZGums7o8J0AEZrT3EB6+FWXx8+o1EQE94xw2weax5pLJCy7g1WjD/AOrFKda036aCyg
iMuyEL/Yx3APpE3EDY+un7NyNA9Akx57BxsWR7iuLqzkitoMZMDMGr6oLqECiebc1Fa6RbI6
111epMyVnCNaurG7urScDlxF9q7JMW6OuxVhX8wfrA3Fn0kRbDCAEwhlvzHEFievFk4gEbm
hqR0rra26qHsNvjCJHV5i4cbHJJfhoyCCHioSDTYin020uuTlZJMnCFqpBCSOpe5lb+HIwWJ
go5Ghr+Wt1GtF4Gdpv2FbuS5MmLIAPEcowKnX5A0p4aXxiyCxtpwM3x4WPbfX05Vn CZ+YnXU
sAWgoKkA0r4V0xf9lf8AaxmTb3gr4MMq/BuVWMc2eyvaJtU0milFfDRW2Rddx27Pv8OvYGRf
HJPBWzxT5FLZgqi9/mMSyNGwpSMilA2+IzD17Udd+kyX+sdEk+f8z48bKMkfX2h/p0C3ftH2
2XsFz4uuLde3jGGJfwmYL161CKPF2/s6nVork14ckVgY7q1eyjNmB7zCZfcWME0MIHHEW1K
6pW9Wo1VislvXr2lrmZZbmGNusaO+/uMKCirybYelRTRKSnFXqBcnmcdaez/ABLh76BluYmi
iMYZ60APII4N06aJVkC10t5kN4vuzL28ksWURbe0Jqv8YSe29No6E8+XPoCNKdPA01y2UqxS
vIF7mlSK0yxs75XeQY/IAxpJvQqrpfD05jTK6eYm/q0mPJg4dv91xZiDAZUy2P3LhY7yUkW
yoxpyLA8GA+mrvkSU+Ai1LJw+oV7szfaXb/t9l9gRfekPGmT7huYxNc3UysCy29QfbiBqKru
fPwBFS93zyaeC8PaXa1argtdX/B5Y/b2vdl1AT+qCUtWhG5qenXrp39I23FZWgbiuzb4TTY
y7mEc4tZLs2hIFQArqqkbB1B5jw8NKfKE1tMB4+0cw30mPx1Ni+I5O5+yezH7r7KyjZfhG0
vc3bl0gjjKq/F2tWqA0pTcAbt9dc3u7Vtd0ukl0Zsw9nbgpOz/da+73jBkvmfDdwXVplMLd
OlpKQ0lmD64JI3UDIGaUYKOvTWZdjNyyYdntO6wLFvNvg/OfINNkI++Mhad0Xdu4jxzTraX
cnoL+7Tk/CpCqorSh1q7TC8Kbb3/ABJiz1xyuC0R3ncus1osONkJWTi9tdIwoGhNQwp5EaO2
V118A64lf0sYuyvk+0yMAiv4JMDkQv8AHeJDJazt+nkAN0auo7zqmZHZ2lm4iV0B3yzkrWSC0
vEnUe6jIypUNJGpB9QP+E6xZmuSN/YK2PkYtJkZr6WSVGZpGUqoceAJ3/u6aroarNtx1gXct
7kcpdAQwNVCn1Bgab/t1pxNHN7xNaFjsFxc94xWrKZDZwy3INeNXjWoG+23XU7vTFy8TN2Nu
WdV8Aze4qK/Ulhp5biyKMTGZIXjyJ2MbKSaH/al1hrk4JRDOnlrybkF3PaVteR8pmWeRgR7se
zMv+1TbTqd1any6GfJ2iv82ouXHa11FEptXPJORIJ3ox/wBI/PW+nfKfUY79k6pcdIKMEeTg
cRrEZ+TGgrxIJHntTx1reWj3M1Flq4WpcD5FUDwSQRJ1CRsZCB9Wpx/ZoPrVTHWV+OjU+X8k
q4zIZie7kbnxowXgpNOISTTQW7yHCQuvaulySIRYDH2kdX9ZJFH60UeQ/wBOs1u5vbqAK9tW
q2L6YWya4hWJeLy7p6txv56Ss78R30Z6EGtorVpREoVoyGNGqSK+fjpvbvk9RGZQjaPgPtK
Htns2Xvi8DO3cLlipGf/AC0MJbg70/ele8h/s69L2HISur3PO91kVradDQ581d2CqJPdMUw5
xj1VIPjrSxSRXuMoZl/xE5WGJfccVrt+Pjoti0InfuW4YGW1SpnypPIdeMS7mv0Ow/1a5H3b
PwxCFvb9BuGrbMmu58dASZHPQB+Iq1KeHL8NeddbuINdaOpdxDpc3HoI9uvIELUMetK6t4W1
qWq16A35PRMHF8IUKXNZKlpUY+kqE5Hp0Ya3/bM13NOiFZEmpZm8+enubprieNjIdjQ8Sfe
b/hrr0S0XsfmMfEhE8MqMasjxkHgTtXr+RGoVBcbOYImJmlZJgOK842ATev7tajRSRI6g7hw
cRes14hYbVIdRq+NKU1SZUFLuL426sXt7GczStlpUE8hsTXw+mqZaQBvZF+xYDYxr7fnWnF
af2HSqjX8sBjtO9hhSGS9ISGBTleUHGGrDjv9Gp46JL1SWn/AMcDTad42NnRDewNbiqonugs
g6gdD6fLTUJUFa976wkjF57hVKsHjZSWdSn6eNAdzqpJAJyXfWJmhdUae59wkH08RTx3Y7aq
SFC3ePL9v5S9tUEceLMM88UjVdub8VZKCM2lZLw0vEOi3GbsHjb/ACBb2mNmVrTKWCvfxLuP
4Z9DUO/pJFCPr4aW72VLN7rYK6TsoNWtLh0WewkhMxhR+e9aEn9KjzpvrrjZG3DNV6KyINSO2
sLaFYxeKH5jkCVq/pGwNOhGhyZ7vQumFroT5DAQ31oZIPSrIDVGWgNPEj8fHSadxdWh6sC2N
roB4MVbywpA0IVwSfbZamngd96HWz6909GDbBogT3xgbJe1L3LwqfcSSFGWIBGA6im/Xrtpn
a91e2VVfUrenF7Fr46nu7btn49hs55YUu89Ms8cbsglVYagOFI5AHwOuy51/wBrE5NveBfh
x7e3+D76SQ8VSyG8DNFXRWe3uJXf4j52e2R7e7cyN5E0BfJYzF3Vq/8G7jMF5ki0KurB1W
RaUKsKqdDk0fvQF3pJj39XgLfPncQ6FbGM7k9eK1/v0hbv2mh9PYJvxldTY+yNxBGGEpLM1R
RAD6fj5jV21Dx2ddhpuhd5RZbaQS2ktyoEVyviENGp3WFNwp66GYh+Bqxt2TT69S3YzwWbv
8+ykaIbNRBAEUKJZVHEvtuWNPVXp+eitq4ReNXXlbp+Ys/cXMcTdwTqTfXDGsXvtj40mp4U/
cH56b5ISm4+o/d/JaxFjb3IxiZRFZ75JlJ0b3Z+Uoev+IUAGgb3S6DsVFFXbXIK+I5HHw97
21927Oqp3J2+38CRtjcW7AcWNacj0VvI00v5fUtuppcZJxP5q/KCcV3LnsLavYvSezj5RT2F
4PdjLLsy+rp5baY4ZjTtX3dC5j5u08IKGxiLgsoQHNsR7sJC7nirEMO/6u300NvHoNx3rPp9
NgRi7oz9w3VxTdYnBrvU1oKHVteKzK03chp57q37x9/243KW8cli5LSSIbUOs6pV0a8zest
lkVvKPyLNjFZOyuLzC2LsoNbi2V3IqBWIEALD1KNBkpVxZjsWa9W61fmv4L3Z+Gx/cmTu87l

z7NlhZUW/li9BnkK1W3HgzkbsfAfjoZ4V12CxVebJC+YcO5Mrk+5Yo4MezYXFQo0cVv6uLD9
2oShO2sN+5hzud7D2EIMYqxzcOJxWPVkfI9srCCo5BKEt6qV3O+svd9xWGacHbRrGzDnadr3
DhQI1LEk8TAF4zQGg8ajodZn33JeKKr21EnVuGQ/JGPue6Z7e4s3alhUUwPQBKN62Ug/vgeO
l/31LX0WkB4ezjG11T3/AB4Ge3Nm1hcRQ3EZURMGZqUBAaiKfDc63VsnWTm5K2pePMBZVJEF
5GkRMgk3Y/ula7H8G31pxpaGHuL21hE3x5ZSWy3+SMDTLNHFACDxajsS3EnelB+eg+4ZFCr5
k+0YXzdn4BI4NtrlxWB1TIFFOpPq5BCeR2Ox1jrl01OnbDqwBc2OdxF0UWJ0RatM8ZLCgNK
EeHTT1alkZGr1a00J8V1Ybm4jW7TjEysjMdtmFNx0266XekbDK5Vbcr21qgNxIOiyFN6MCB1
IB28NOvbRewzcYb9p3jrAXLfw6eshEqNqEVpqrZILx4uR+kRYHb2wVK0DADp5121StJbUbHd
srs1VUUO3jUn/LbVNhVUkskV0koW3VQ0inqwPh022G3jq6pdQbu3QpXNn9s7fcSc5o0HIGrH
kflFw1qx21hGPIo1e6NY/pvucl3Lent+7mdrDARLMAuwkjY0jhkPQhXJlrvQa9J2mZurnoec
7rGlZPxPoG+s5vYHtr7r9KbEAHTq3UiWhF7vw0dtHJcycYppekcBJ5Ef4k6aYtipMh7lhvMx
KkonUxMxiUH07gdB/hP115nPd2u7W3OvjxcVCFXI9s3CzANG/tRMMy+obA+ZP71dZVeyGPE40
CvbVjb28jW8laQRR8WC/qY+JAPj9dJyu7AxYn1F35v1SNMfbhfb14vN7YPRKBQWPiSddP7a5
VmzP3CjQyVTV2Vd9/EU100ZiWVgux28z/ltq9iI8ZpZh7lCR0HidthqEkqPQmgFS1dyd/wAd
UVI1/CuNjyPFUUsyh7bGwT3cikektGhCHx8W1z/ueTjgfnCNHbU5X9ibF3L3AJm9veN53EY8
QAZeA21Xj4C7PQ5uH/8AQLeNv3m5A1HhXb8hq/6i59CBxifiSN+IABUkaORSO4olX+Kd1pVv
Hc+WqRbCRtLZIC4rMr+hgdgCQKUp5HVtEQ7fEWItcqO6e3poQ8l9jHeBqgcGiq3Tx8tc37jd
042X+o29lVWdk/8ASBfjvuePB9yYa/lh+6keGE2kgRqufcBWovLYKoG/0FeutWenOll4oy0v
xa8mb126sV5krqfKI9s8xaeGCikleYHqLDzO+vOZciVVDk6mBVeRt6aFm2xzwXNXfDSM0zyb
UFSI223H46RkzvpsPTS2LiSz3KyW12jRlFIYyS45mL91wQfGnTS7ZGrzUX9OWn0KzWsLTm9Z
vbikqIpCQaInmT9dt9NedpDrY4QsfIMMtr2beyTFmS7kiaAggpQSDr4lprb2GRPNVdV/Bk7i
tVRxuV+wOKYL43p6eObuK/nAN/z16Kf+Sv8AtZx77e8FfEqD/wBI7IT6l+ymFNqVMsNdMs/2
LX8jF2PFBB2z3FHAixokeK5Ba/qOSj2Pj+GI5Ht7UDdaGbf1azwxflCZ5rgcons1RwOorEP8
+lLR7R9t7Ab8WQZC67eDJFHKqlg7zVaMRk0B6+mlNLcSb8FW67B+aO+jgFq1zHN/L5TIlqh
/wB2ab0B6hh5anJbkaa0laFa7x2Iuo0yuUuaYqFi0NiD/wCYuHoBGo8tqv8A7O2ird7LcZkr
RpWs/T+NBazZku7l3l9EsjCNEAPHfYUPh4Cmn1hGTNflaWXe4A2Ju8YqleViEmdRsVBYUHT/
AAroKOZ8x/dejiv9OoW70u7vtvnC07pxhEUssccoqfS6gcHRh/hcAV1MXgy+90urrqgx8lYb
+cYWLuzCrwiZVOQtgPVFI4BEhP0B4nz66XRxaOhO4Vr05+G/8i1iJYiY5riOON7YGSO5HqlM
IOAG+4p1p5aO6MtGtJ6FDBTo2ZjgnYLE7/xK9BGjFiPzporbAUfqgMxZKS5zbXgrFAaRvIRz
IRVK12/s0mlRpWX1T0LFxdXlxcndZ26mYXkzWMPHiS/vrwFB/stRtzoHRWq/EZTM65E+m3xN
Txvb+NhtrXtPFANZ4pqSSg8vuLxhWWZn8fVX1fkNcX7h3esI9n9p7BUx8rdQxJayLbribKJL
q+eUC3mCkonMcT6erAAcv9WuTfJGrOw6x6tl+NRr+Psde5DNwy5yOSexJ9lualErqArIOg4k
jfWutaX4zrK2Rwu9y2pitxaVlt/JtM3bHbzKqPZRqiLxAVQoC0pTbW7uvt3br5k0o1g8XTv8
61VmD8n2J2nkLcwG09hmHomh2cEhRu9fz1izdr21F6eWu0fvJr7f7v3WO08p8nsZF8i/G93i
cgHtpWuvdrKWICjipoop/iX/AF6wrLbFd47dD1HZ91XvKcl6bLSDKMTgWx8jpxo7cuat0qfH
8xrp4c6stBPcdq6M0dgY1Layych43bNJDVEBAUcSaCoHTQd5aeOhf26jVreZF3JFJA1bmyne
SKMn3oG8uVevXp+WkYmjV3OmQFN7/KMHSjSM8gCqf0qHNCf9o7+etdaV6nPtdnLXQlWa2vLJ
laE8Q6LSgB8ab0pvqcEtUwXkcw0QWNons3cafxIPcOxHqp5bU0WSz0FVWj9pZx11DbTsgIX1
JQE9GPQf5tLaIdsd4YStMUMtmhjAxa5kZQEUFiwjLf2003t8X1LKvtE97l+IS142Aa3jQw8
2IHJXZVqNiuw/t6/TV1pygv6iSkhjvpZCCnEcInKnofx1boLrkkP/GHxfnfkvOGFH+wx1q4S
/wAkaMFJHIRxDo8rjoOgG58tdftO0+op6HH7ruXjcdT6h7L7N7Q7DsRie2rVbaJmElxM5Mlx
cOAVrLlep6+QA8NdetOKhHltZ2csOXMhtovfuH9qInkAP8JGwrqFNAfuLF3UkSmyvVzOkhBm
UMtQOSgEeoV0dbtStimYlcwy2l62Iy0LWdz6XQVEivzBIKuOoO+vNZ06WdXudvBdWUo5/kV6
t2jzN95ao1Y1cgMtRQkmtONPDSXdRqaeLCVljcRLMbZHKq9saOI0r+quwJ/Sa9NC4ZdTkf6l
447XveC2gX21SwgJDGpqxJqfCvnrptb1FX7Tm95rZPyMgijPuO58Dua+PhreYi1HVwY6Dio5
NUA0qf2nfVyUdzqFpDGtHYcUH6evXp4ashWnUVNtAoaq8a+Pp9TaFkH74KtmEvcmQjHCK1sO
JIUVod36eOw1yful0uNfFmrtW03HgZxk0Y24kJHEyn1DdSzry28tjWmuojPY/X6e3Z2cNSCs
YbjsetSPw1FuwrroXrCQMvA7DdSNm2+vhtohchKytIHgM3ANwNGTzU/6NWUWFjUCeNBSI8Z
l/p6d/zqNQsdPh77X/nU4uaZrRM1atEk0QRjyU/pB8OQO+uX90UY+X+k3di/+SPEXLWBcYXX
FhdQW8MuJyUrpPw4u7qTGEaQ7hQV/RtrVW3JJrqlEOkNz4m54XlXMIbhlHMxhJ3jIAZHUMK
U8q+GvJZsVm3VfiDfiq7JWO7/My2EiyWIE7O3Eq/plJoQWB36HR4UktTRktwc+IMlydnhZ0i
aV7qe7U3CM5qRwNSxAHhXTvou65LoW8sQkXbq6x1ytrbzRhklHuMEHoYEelqj938NC5onPQK
9q6MGfIdw118f3ThFecTQKPSBxJlB2/GnXTft2Se6r4w/wBDJ3N1waXUH9kGOPBfGoZlRjm5
uHJqccq2/RfPXqV/2L/azjZPl/wDYG/GdsrfdFxb8ivOwkqQaH1TRf3aZf+C6/wAjp2pkMple
xcjdZUJl2PgweOilRFiDQW+RX2w/EDm4U9T7v4aXkc3XtQNIFTHP6vC3/AL99xynfjax/lsqj
Sq7v2j79PYQ/FF/kT22kSRRQRsxiEx9X6jQsyHZtjpN0lqdHtnbiOuT7T7wkyKsBTmiD3ckpK

kOopQb9PPw0CyNMO2JNefiLjWn8tnksZYvv8dcEyAhfURT9SgH0kEdR10fOVpuClx0eqZDFj
rI5+zljK96xMglJI5UMYLhSPHfxGrrlcOdwbUrzUbMHdxKMllLuWM/wJVCQ09RliUIK/7NQf
rp2LRIR3GTndsYO8bSHMdsYe+DVKw+1yJqf0AgU/EaVjcXaNncV546st9rdwyI0d1cUltb2J
bHIwMaxpNbpXYPToGFGVtXkrOiAwZY322f48xezmTw+KN1j8RWQScwJSwLhW6bjY0G34aOtW
4bMuS1aykUu3cJLPE91OGEVwOCIBV+NaUX/Pq8l4Aw4pDa9t2Vm3u387W0SbRvsdz/iofpfpf
JvYf9FJyxq7cwNphpR3BCUu74q0GLEvJY5JV0829DVEO31OsufK0oR1Pt/a0dvqPao19sRR2
kslpEW97jEfbY0TifoOpJqdcbuKJNT7z1Padzyo2vcfR/Z3ZuPw8bZqZVOQyapKSFC+xGVFE
X6/4j46y58GOy9Vvn106Lp+e+x5L7l9zyZoxL5Mentfj/ATt+2raDMHIo7uYuRRNhGjP14gf
hp3b9k6ZGquVXr5mPJ39rYuDS1+LC0Jq/wDEKBLirKaA1/DXYxqX6rb7+3zMNvJHNzEHIEsT
UkjpsPL66rLdUycq7qJX7l0tpD2ZS7l7etM/a+3I5imAJicdPwb/AGdZfuvY48lldPjdrTwa
Wuv8mnsO9v29pWq6nzb3/jpLO4nx8rBJ7eV1mQDoB04nxqNcnsZbk9z3OauTFVrZrQH/AB3I
xgyAVmCe6m5pWpFNa+7rsYuxvqyzmT7/ADeD25SPTwOzE1oPp56x0N+VJoVMnZ3wkljSPtG0
T03pxBU+O3TWvHZdTnZmb1gEXz9xW9zNM1zSGUlyqguaP1BIHgaKujS0Mt65OTaehFDhc7Z
Y3+c3cyLZ3t0bRIUb+6kSyEk9N1O2m5EnRNLx/Iz1tauR1b13IsND97nbawx0RuLyRn/AITS
KGBQVBPMgDz1VcN8iipr48bmz23/Y2D467ByNubvuDvK0/lr4maPJY7L+4skbIF4SRSrEW5
RmtfOut+Oq7WnO9YtV6ec9H+xye+7z67dcdpVIDXh5i98gYHF9j9qZGHCxNcJn5zNd9wtFzh
tsY7n2bGGSIBNKR6qAbbaLEq/TSr1+Z/ol+5jv3N7ObS2vIXT2szGe1v7LGY+/uVWxsc2ks1
hcXBH8WKf/aqjqchnBAbxptoHiacta7+7xHZO/41411fUYOxO+I+zrmTFy3dy+LyH8aW3hZr
ZLy6ip7MbOoLRx77laFtdDBeNJ9O5hatmtL9hu+G+b8Dc3KYGyxdys8iiS6tEAYRKf1ypLyo
VUCvqodaF3Nik037G9bcRjbvPtrMZJcbY5P7DI7CW1vw0LyRt4Uk9LfSh07Hlq+si83aZKbo
M/zbHTzfjyH3C5C8t5RzMBDRxsB+glaiiqRUv0xerUQ00Z58vYuGOSwVP+GvQ8qxxx0ZHjaj
Ecuisrnga5H3fFV8bf1bG7sW5a6Gd3OTu7WDneXSRQqxUMxBqD4VNN6+WuK5TN7y2rvsTWHy
R29jGPt7k31+8i8obaNplPIgV/h9So820+mnN9dEAu7qvN+QiflH3MU/eVug2lSwiaQVqRzd
ioJ/DW/sV6X7RPftc17DKLV4Fakg5DIVjv8Ah01vRgCMSLID7RFAXpXY7Hy89SSFjiiKrS7r
GOVPrQ0H9up1IDZomPK45eoAhqCIKUG346ohrHxpE3bnx1e3xjDPIYLM4kSvqZWRIQU8aAa8
39xtzpf6Wh+HRSJXb/bf87+JsvcxgNNb3iXUTHY0gjCuBX/AGWO2unnzKncU801/BFWasT7
4xPHDHHWsagNWla0HWn9mt9RdnMH61McfiT1KWKup2679eujALkKLFMQj/w2qD+f+gaiIy6
1tKqco6Mr+jc/mD/AK9Qgy/DrhfkTCNNCZzELmqJ+qoQgfsrXfXN+6qcDXjBq7OfqKDru7EN
Z5zuuzdBW2nkvoWKkp7bsGq1AQWbl/Dr+e2p2lpw0fkl7w+4q1eyftHfsW6sc328mQIPtzKg
V1J4hyaMpjA8j1prk97hdbNo2drZWpxDtm8VLetjrCaFrssIpVkB Yc6Uop6Any89ZcmO7pL
2GRW9uIU+ysruK4bIusN1axO0bCMc9vSVUMB6aihGpgpwiFoxuPtqpPWGhMyeQgsftsfiL1b
lxGHikIZQEYVMTV6OOGBFDroLtvqa22M1rqjrjA+6sgb7tme692WskqRGHkDCQo4KkAUlr/f
rT2uOtlUkZc2tWw/wDGWUvLPT3sC2spTFDf5WZLiSiOXEcNVALqStCtutNdifWl/wCLObfZ
e0D/AB5N7fwnekDIK1gfbWtBy9+ICpP4aO/T3Er/ACaB2rmMOFjIWuKsjISmFN7Dkgs8f3M
l4FmaJV40s05R8t1P01nuv8AllbaB2svpR1MQ/qxPP557pDDISyQ7/Tif7NUuvtDs9vYCFia
6yCYuO0g9pYXYszzmnHr+mnU00nlkzpdpa0JLYZMDk8lkMilrcSiO3VnT3dqNwO6AdKnzOju
0kfJbdlVaCtisMZmaKSQqaUopCV2UeAH9usks18agTIduzyTCawspLS5IYsop7bJ/tAEfqB/
d0fIRfBoYgHy2Vosn2lxj7vHPAvJ2jUyKCD1Bam2m1t1kz2xJOHWC9BLb3mIW1hjubymN7kc
sMRVAASfU7jiAKmu2hai3lcmuHFSxeuTkIlryzxePNIFI6yXEr+oMoHEF3Ppp4gD8tOTWksy
OUmkgdBhkkmWK4b0gc25ng8hB68T+IB/bpjuJ+nqMFPg92wsMfcvEE5MzJsCFFQTPKulO0as
0UOiPb2O1+4drK4lmswFWtxEElaUqA3JAW4jnsID031baBrV9Q32ql/YXEMUiNHGFO0hXig
33LAKvP56RluoNeDHZQoNA7JmsrvLJcSyBopJ4YgEPJj7aUrT/CXI664H3K71S8D1PY0/wCD
TofVlvClbWCCPyxooYk1JI8z4656xLjSi1e7+Oz9h4jJebN+ZZS5ECKOtApHI+Hq8dei7bP9
GvF166+8S6ctird25aUTWY9yfkI5KbcY2pyofAgaRmxy/RLsx2K8KLALf3nMH36wTM7qCh4R
uwJYqPFvMjSqO9au8x0fiXfg7LQs2Z9yzWaRuRA3Y7AgbV07HGTC8lp0n2RArIovCMT7wtMZ
3DI8oEUJ92xWKUeoiRDVW+gNNeewXduRLx28j33bYWu3rW3hr+PIUO27CXAtf4+4VTJOFvI/
cUP6OBDA+GxGulmycko6CsWHhaH1IMrJkp0EsLRCNWDUWIKT0O56jWZPXU0ummgkyYPvTJZF
osZOGldixAPgTWpOWAqab624r0enFs5fc1vT1OyqgzhvJXvHKq2Muru4tc1bkzG0ltq2csBI
UcZgfSxPwoonbKYqWTaTT/HU5eTvL1sIKtV+G/noNWC+K3i7Oyyd1XAaOO+Ht3cAM8QmX+CP
bhQh5ZeTke35geWmUwp1jpO/8GXN3jduX+Zj3ffamIx/cKYXCZGXuG7HOC5tJbOTGXlVmgDL
7yyGhjIPLkT6fHbWrFVVR6Xp+PE5mflfJb1TjRxXBa3HZ3ZWfuMrKft5L+O7mjt3ZoL2Ml1R
izbMRtyUChG+nJq2Rcvl8PODP8tW+rH75S+POxO+8dFYZNpbXJWtARz2pLNAZF94WsqbxtG6
7ISrRWqkaPL9HCoWkdP2FVdrPYWs38Udt9990213krIWW0sri3s8QFK2drbRWqw2USV4gsk7
tJj/iNPAaaqLI20/U18PD8iP01lrqZl338C904HEP3Na3FpLY295Fa2tjas9xdsz8VStF4u5
YMxRTUDQ5KvG1puMpkiRRvb3vLtbPXVhmxcY64y9vb28okjVJZLd5ahuI3RWHpIp4aS1Pp89
TQ+5yZou+j9g9WPdk1oue7id1vL3HObWJ7hfcUBVAWNeXSnXS4slpuz01MiXJv8AoFO7zfc

mIWkORmsorq3a+yHtytAje7U0opAFa021rre1dE9DkZ6K2r9ot3Pyh35lLdLO4zd1LHHT24w
yJxKjiDypUnjtXVZLcklbZHLVocrcpP97cKszzbsfW0kvusSfGjmn9mkuAX5hHBXdxgLyLJ2
8MxulQeEsaiQVlofSSEOX8dDbXRszs6uUC+8stf53MzZTISSSu6xoXnMaygKKBeKGgAGw07
BCUBXycrS5A2Ot5b24EEEEZmmlycl0BZidzQAa0NpKWCjc/iv4DyOeite58qlvJa3HuxS4idW
W4VCPRZSw9KsDQqp3prz/wBw+8UrNKtz/qXG63D2j3fwFD5P7TxHaWc/12MJFvPFFcNG78zC
3qqhfqQWXauuj9s7m+bFyvV0/iL7nEqWhCZLB91BLJJ6VCImavUgVA10DMA323bm3wViHdwY
4YUWKnpBdBWlfy153Nj52enU10njsFUtpCjlw8iRjBxASQT+wVIHvKRzIAA2rU6xXq6NPqtS
09T58zFjNY3ctpPX3LR2t5eg3jPGu3nTXqsV1ZJ+JlsoZJiYoZlmiOPcqCDTx6qfz05AMJ20
YnQECu3SnQgbr08NURHkPNQ6OeUZP0I6+GrIMHxPcLbfJ2NjLZokAuPWp6c4jQGvgWAB1z/u
dXbA0jZ2LSzVDve03v5++bkXlVbKNpLiASO8jBCCiRoQXrxAJb0jx1l7GvHHx6VZq7xt2mNW
jr4xysJxMeNnHN7dmSAuA3pXcKx2pxLbk6Hv8b5cltGoPZ2rs9+gyvZYayZbqCSLGzzTq689
194Ak1J/sOkPkzRojrOZbJWiiS8K3E0x/iOjVaj04gHxr1lVccsv6kbgF7i1WWW5zVs7q03N
RHRgr9V5kdPV4a2UTSMz1YJ7ovUbDTUFGupYgOKKqLVHKhP5eetOGi5pic0qrGT45UPhfjgJ
1GVuWB+ggFdbJ/5K/wC1nPybL/cBuxilfhe9lf8ATDYxFj1//CYumnZNGvYiq7/Ede28Vc4j
tvJpJLDcC/8A+XbmKSCVZkMc98WCsV/TiVr0O4OIXXqS/wDII36TGv6sLl7f577kmpz9lQ9
QCpVgFIp9dLr19rHX6ewA9meynaauq/xEYnmW8zsANLXzG6kfTCly9z/AC2JbdlLuOFCSpHI
1BP92jSizKs3xUHla9+5ilvmoInUGhPAFFqTtvQU1WmyB1mWOnbHcaQxJk7ydfZ4yOQakeH
Wu30prLkprCOhHz+mWWj3hFPfyBrhrlYWoihaxlCCD1Gx30P0XAf9wmyWpUC2vEisbOd0rJR
xsY1Zz+nyJ21To1uRZavRBiWCyjwySMebMHcFgCU9s8VAUAAbklvDQS5GwoEy8gsbmKPT9bF5
L6eT3fvYwHcJWoYsf0oB1rtrTSziZ0MOSq2iWwjh+3LySOB7SMOIwFovoMrULEhj0Wn9/lqr
W6l0o1oEMX2Ut5dc5lIT3eLvZVCOFXaprXbyNd9LvkgNYk9WXRhJlrlrbHgJbpVHPVVlqd/7
ydKvadWaaUeyC/xN2NdJznZ62mHth9weZNZVBBVgACQrVoDrm/cstfp+r2G7s1alnx3sfW2
NuYMhZpe2zB45VBIU14tQbHy1Pt3by3dOVbw8V+h5fuKWx2dbbosCjLztQleqnrTxB1udLVV
rWjTp5dZEKmvreR5BmWQNaOOaAchVhQcSfEalO1ayTXbdfwNtko6beotCNR6aUL7keGtFMCS
49batfsIkHZm5tba0fHpP7U06sQCeTBT1ankOmuJ93y48OH6FLObbqZ0f4g19rjtayvEpGU9
1zYvtu5a2voZbK2pUyqnpZm2V1Yda+I1yO2re+iep7Ptclr4/qOycf15R+hnkV/fXObE5O9o
9u0cFfVzeL1V4g7VFRTXVth+nijrIT7j6mZPap7evcZOzNuSbajlnmhFGjR/3zGf1U8tJrXX
V6DsrcPitQv2t2HZWMZv797bJMIbi2lvYZJIEvMbc/7yO5gbpNGd4pE3HjXW69uNukP18Ge
czOcJvnr4PoS/F1r3PYjLQrdXl7Y9sXT21hDcmkksJUMjz3kgqqKp4BVqWpqZMtnXm3utY6G
DHV83Xotpl+yr3vCH5EONuooMrirELd28hdIGt3vA0r2oB4p16H11/V9dPxt2qktbIq90Nm3
t+jDmStu37HusZGTtTLZLuruSYBnvBZG2YIOBQPI6oYWBj4Ly2GtlaWttM/+XXxM17wtlD8O
kFzuuLFq5KwSZd8ZMhuMY5VVtEdQY2SG3AZ4ytVRugGp9Wluqu2vXp+PgKtjTmspFm4vT3Us
+OyBucddn7f7a3tJEhuEiZlq7dWDp6fw/bp18+HPerbatV9PEyKtqr3F75GzEmGt7PF2cFtk
7mKaMpa3bF51DD+LcSkFVchOR9uoDHRqd5e1b1jznxIoaaMq+WflrLdr4y37dwV9afzK3ifg
YZIpDaxyRhoC0ND/ABJg9fe5UTiwpXWuma6Xg/L8f5iHRe1GBY/Jy/8AN63/AHJczZO+Z0uZ
r2duZkIFXnaQ7cIwPSo+g0jI9JOH2Lorpv8Ay837BjTI2uZ7ahxGPZSmtvZrq+YHiVvPc1XH
/UAFProYi/sR2/qUyYnxa1epPiLSzyt9c5fNks2NJWCCCUc45WiYKvJRvwUnkdK7izrVVT1M
jyLJZ+H8DFJJB2VxBa/y61MXMRSpbW6MijzLU1zlb1RMIWtxS03LNL/y7lQHxiW9vwdknEsK
JxC7Gm3WvSmmzZW1KSW2xNWxaURpGr1JKSqsOO1QBT56ObNagusuDKPIEXvB3XdgDlNcLF
OhBBLKy0pQeO2ul2TnGp6SZM9eNjzA/Gvddjfc+vp48Ett7csd6ziUhqB14iKtSNq12lizfd
8FfSps/9P+YynZ3v7D6OxveM+exF1b4Bhd5exhSJRaH2Qq+2A91NIKoRWpoenTXj8mJvInb0
0s9n+n+J3MEVrD1aPnfVaxyEHcN/jMyGGRtZzHdcyfUw3r9ARQinhr3/AGtqvHXh8saHn87b
vafEF4rGnOZm07XtjlyEqIQv+GoZ+nhxB30+zhT4CUpcH0M5sbiAWV0gidR/BW2FGWNCaKV
HkKa4rTmTsSvIKK9uYv3ZLjBSuktH5OeQJYjfkCN6HfS7VIRYG2Cr2ML+V8YuN7uu13ZTLNH
HdSKBx2nG9R0qePla6XZJqiT6aGDNWLCTYStbznNyNOhp1pralGa0jgngWW3osqMS4rUNXxp
qyblWdDFciM+kzKSF6jkhqf7DqEZJ23eG17+xN7A452s8ckoIrxIDAH6g130juFONjMVuNkz
Qr68s4O4LaxnkkFjkYZEtTagySh5Z+SwRiOjPVi3pYgU8aaw4qWvPHdM25M0P1bAL47yFhb3
mTskjKvYXTcmkA3Z2ldGoW3XjRQOmr7qenFPQX27Tu17xj/m+MbnaSkG6vLn2xxUuYmQA8jy
rxr0qNK+k2ar3SB+T7ikuPYx0MbfXGlVyo5e2q7KakCIPDT8eFLVmbJlKFY2TIW8s9u873Mc
rCOYPsQ0g9JIPWtBpl0mgMTaIcxa5WPEPK1fbLxm5QkHgRUKwpSIW1eKy5JF5m+LHL42pHhv
jZgdzk7qpHiDb/6Nav8A9F/tZgy7L/cUey4QvxLPF1RrG1/6vqu4+tf7dOvuvcsq/cYO0IEj
7ZyvtvAoiT7zADj0l/wCPYig+o0u269pWTYxz+rJmf5x7qfoB7S0+nIDSa9fax9+nsAXZFwf+
VmJefMxuxZ+u3XUjU00s+EDRjYVntVdEIC12lqGIAoAf2nS7uGPxVIFq3x63kphdADGgXid1
IZuoHhUbarkMVJeoNNxOLM4iMMntSlzJQ1JDUO/7NtGomRDBsDs/b2z2tsIZEYxsQGKDck71
r4nQNYxqXFahCwt0WdJhxt0VIBD+lvT0r0/s0Fpa01GU0fgH/wCYIt5DaRkyPO6UqQY2Un90
iu6gHWetDDTayWknqF8ZmpMhzEcMtu4kMi02V6KKnccv8vDRraBb3kO46wZTa3a87R7s8LeJ

iWDmQGvLq31rqN9Aki1l/vTerC88EalRH7UPKSVgoP6nAFN9tKcMZUq39ythi7i2lURzTgB4
hsSmwFPxO7DrTbS3qzSICchL/wBxJMPjJ7eDixkEcEkabrw2IJH+yR0+uufnosjho1YHxsn4
Db8b/Jt7j8lb3EkjTWkgEbxLSHA2NAPiA5rTw35V08Y0k3932VO6xOsLl0fmbpju5e2spYJf
R3aBjAfaqYJlrf4SK12Oujj7rtnT/AJbNzr5ry0PF5uw7jFd147fAuXOXs7O0N2biE2yAkyM4
pT6Eddbdq7ipjOurVXvf+LM9O2ve3FVfIU8j35dTXMkdpJfBhdk25Md6CpO2+uB3Xd5ct+Sc
M72D7PWtU7Jsz7vH5JituWPzd08l/A8nMxLwMca7lFbbkT4+Q0rD2GXL6pn2nTwvtu3toorH
t18RRv8A5ff9jlrOz5yY2ElhSYiRo2ccq83qW8vDXY7bsXjc23F5+5wy7Y/me72XuFjFdWRX
ncFrPbtIkFxcGKQMaBQ6lahR0FemtWfG+DRmw519SrXiOFzS1yMMpVRHDQSqevEGhpTYgr4a
49XOx3snpYIusnkLW++6hkrFbTvJEktWU7leJQkeB6HUpla2EZe2pf5x8xV2e8MTbwLkoYrW
OidC89V96a2Xk0qWyU9xogeII8BWmtdW2pX48zz3c1VbtdA1d912uKjtr64xoyBe3J7muQnt
Sx2G0UtxCnjRfW4UVCbdddPwOnKHoraeyei/kyZ63VddY/MWr3sKfuzvs2WSvoL7tXt66t07f
imjlWYw97bKze3eR0EkJ6ijcq624Xpr802Xw2MeROzUbQv8AEa7uPuIdxwYy8x1njoryCV7/
ALkhPtyC3tVAS3iU+o0QVYyGgXw0NG7SnpP5kvhq3C2CYtO2Ju4bPN4n2Bkb6zmgx1025nSJ
DJUNtxbn1YfqH007B2UZHar0+ZL2fjYz5bwkjlPLfueGx7jvcFlr24yGXunjuZLbIx0Wzarll
YSJ6JEn9Lwsp5MgNRtroUjnadX/ht7t9PIz5q/8AFSFC1bfv/CMo7zwHyL8oW9vc5PtxcXku
3lIx+XzRC2tnPBM5aIx7BpHUALitQFqdS0QrbeIOOrbha+BmmVvobFJLGzkF5E0hjkVBC+3
FRVAARQM3qP0ppKxpuX7hvGFHXqE+yrSfMZKE4u5EhgX0YmSzVGCTljwjQU/d5/rPlpeZKtf
Tu+vU09tj5Wnbip9ppNtgcT2ZBeS5W+nYCtvc/tlZUWwRSGvQ/wCz9NJ5vLvoafp8fMtS5mOx
mS3qJiyo0wY8kmB9IBGzVIJU0/HSP7VS7NjKZK29KOCtjbq6zNzjI8Z9paguyM8qs3Co4KDv
ziHpP9uhyZFX1J7FtctQ2cTcQXMUcwUxQqUIZQgFN6mn11KZua0JWrt1Md+Usklx3LdGwAP2
JSKmf7SL6lPjv012O2rFEc7uLJ3KHatvmcxkYbfbF34sI0T7mVbicRW0aBgHbi54kgH9HU6X3
f0q1m9eU6bS2BiTmKuDYu2u7e3sZ3Fbds9u36XKXM8ZlnjT24551B4xsBRVUtv8As15N/b+4
+nbLeu3RvWDs/wB5jlKf4E35uzWNznflzkMantusNtbXZ5BuVxAnF9/Gmy69H9nq69up6tte
xnN7u05GJvZstxYd1xZOL3Y/YEsSzQKOXuyxlaAn/ZNTroZWuLXkJxrVD9PLE4G1/mGXy9xa
/d+mOAvymZhunoF0Ajx21jWTK4SHukatneH7r7ms5eCZNgrb8Zmjn8K0IIoNvrq26vdBV5LZ
it35FJ3p3JlFXl2iZOaIJo2eP2lcQDqihIP4j9mn49FoJvq9RGyGAYmGUS38DQht0JGzjwl
psR9dOrZPYU00TYidpHCqzVQ7Uoo28PPpowQnkAkcYahIrVGG7Bh4E/jtqtC4K/a6zTd2WV5
PZq801YreFmPjPsp4kmoG3lpHcqaNFLcbvk+xyN3jrO6sLb+VX0d28FwyyltpowVKkdBVdh5
65/ZZYul1uuMmrIrOEwL8Y4aaxy+RMEyRsYbdlUZS0ZS4J4s/4UI/E76f3l08a9pO3xtZpCNK
5Cwe/hu87DcWCRLwgktaOsvHkHdwK1Wo0IPTQ3Os/MQyXUK2332PSee1lQH33BWLmX2Ut+yu
+mNudSVrVrQo3MUeNRM3bXD3N4wBETCsQIQgiM9Qy7kHRc50EKqrqXO6r9LnGXMi1ha5EL3E
fGivOTU8WO5oNL7Zf8pfca0+AzfGsxx7e+PbV4YJjPzyc5oxl8RjgqDExl4Ma+o010Z/wCR
L/xZysmy9oO7Zt1n+ILyJyUSTH2qFl2oGu06ft0+/T3Fr+Rr7OzN1eYe/m7hWLNvEe3bCL3w
0SIkN46QtWAoxaID01P46XfdPxYFl6TE/wCqKP3vnbu6Abu8YZQabsrK1BT6aRXr7R9+nsF3
sWQnAtF1QlgVOwr1qdRo14n6YHXsuMzEo3JKB2edhVI0H6mNfpSg89Zu6cG77fSf5CUUsE2Q
9yJeK/u8v1njsK08TqkmlqFe6dpRXuPt50M9wAX5kKUAFSN2JFOoArq1M6AWajUiae3ezN0k
hZ6FShDI4etBx2px8jpmwqU1JTKwdzeYibJZwaQSwmW3tqsjEEmlWpP8DovrJOEEu15Udrb
xoQfH2Wu5+4LWJP4sMNGdTX0HoDv9To8yUSZO1s+UdDRclDFPZ+9wr95ztnkXYitaVU/Xz1h
UydOzUFjt/P2NzaQfdRj0B4ow27K6UViFHQMT4/3aKycg1so1CqwWy3Blo8ogILKDRJKmoo3
6uJ01dJt5GnG69SrmLQvj7vM3UAZoZSgUDkXd6kBVHXgNz+WlvdJDt07MSMdge41uFPqVJwS
HqSVWm4NASB9dTM6tbAdvraehofZuOtsCi3kz1UVkYmFqP/Pw/HXPzUTOriytajvd5KzXFL
lli9pPSPo3HmWFAQfEfNc9Y6u3Hqa7ZLVrJaxfdeFEUazxoLgAxx7n6GfKk77b6t9hEuqMr
z83HKJCMUhyNm1xZtbFD0CmvtSL6glankd9xrKqfTtDk0K9U92/3M0z2MsDdZi9u4p70SSRX
LsxZaneldv2a9L23LitIRxe7eOd5tLAKOAsI5xaykTw3BAj4gqC5FFc8qAcTQa0NuJMdEpjo
VsVBj4WkF65hnt3SQpMQiBo2/c8N/I6XkcrQPHpZrwHLMze9crPE9BliuGr6SGGx/CuvP00s
58T1eT1VTQFywu0aWXjGHKh2J8F2rX6jz02mjM2VyQWedGKlsLSW3SWXB5OLJ2cbsy8nB4O
u1CVNA51qxXdWrlZ/M5+ft1kmr+ZxHuHL5Ay69m32G7ysIrie/trbIXX28zAwTvlrgO1rck1
HF1PoTyA1pxP+no0k/zPPd0oc+ElP4Mvb+6kyOekjgweHuJ0XBYY8url7aLJWqOUHyhmitk
ViVWlPyproxEVTI9P4mHG2pb0WxP3n31eYNI3f373DjMyI7YRXtvZlbuee4mlaSUQiliUCg
rGOTdOueqOW52gtZopvq/wCf4DOG/mfyJ8d23c3x5dDF9xdqY2O1sbd3Uisrs5nhYuCA4iUC
u/XWu0rjaj2Wq8VBm+eU/j7yD497kt+++3l/dt7u4yclvFDeSXNp7Mk3t+q0uJHpxjlVi6wV
9ZStQo1XcXtFrLePz6flv5AJ1Xo6SOtnhrjuXGcf5BaS2tLHkt7aRMGgnVRuJlVeSgIq8yu5
G3TQ9vkvmVuen5L8SMdK1add5PITvi9Q9w5vH5+OLETRTLZY6yx8Kmw8t8cG90LHIAOfuVvub
eo+OgyWte1Wo9P6j8N8araW5t+m/5neDmmtMQsuGZbiWNUB5ACinoFbxb8DTR8U36ti75Eko
YxjMRzRxxfaxrePH7EhXkoWVgSrHiNzQH6azLE1onobMedVWtZOrfI4u3mkv8nGYpUoGotQ7
gCpQt40pXRWra60YxRXVDRg74FJ4LeOS1t5EWA3NawEOFWA/g3mNjls9YJGntI89m7RIiku

X9uxjAeWVq1oDQKPEk/26GtHMLcW7wpexhfelycxnr3Lg8LiaZiCNiUucVX8QqjXYxpKqRzb
2lgSG6uLaMnXSQKa8WGxP4jTAD8O4LqCXICQoUgq9DsdcTtRTVEL7Z9HgVp9udXZnJb1E7no
T11Ei5DX3kuPt4ILBhCTJxUEKOQR4dajzO+s7izY2rhH4fzzMZCK4yPN5ZSDaK38R/a/2vLU
9NVoW22zTsV8MXI7JZyG4kNvcx8pnZkiMZpyUcgdx9dYf7ly0ka/oKJB3yX2LjvsFx2LIM2R
t5aQSB0240JRuJNTTcHy0zBktMtAZqVgBYH3bljgs4yZGCxDBxK3MKYgGqNSIKmjDT7XjUSI
OjFfM9mxraS9y9uhrmwSQpd2S8vuLJ+olru8Z/dbw6Hz0+t+jFWr1BsOTkjhUSkSqrHKB+o
DqDpoBLZZqeK+s8jaLxlrhJIm3HrU+H7dDkrNWvliHXI2t8mGybPK10jKLqMVDsoV+UgHGo
28uuUmprrpHT3Gu9OPUBdpT38WbucjZiWoye0jT7ySP2kM0cgdQA3951ozVXHj1kKtny5LaA
3l2zKu15bwB4XUR8kccFEIVYgg+IrQaHfHs3GvM2tCBJe4osLb2mHjxasBM6i3nJCsqj1Aqw
/f8A1b/lprVvUBWaWhHlhc2FJIEQvt3yq4gtiDSo4sK+G4qaale3li7W1koxZa9yPal1Fk
Jl2e2lhSNdi4TcDifKg9WosXHKmg7ZJxtPoPnYDEYn414gHlfXVQPrbjf/PrR/8Aov8Aazn5
Nl/uKvbQnf4Yu/YAeb7K0EYbYczdrT+7Wi+69iInoM3akuKyWMvpsNBLalZu2hPFdOsn/EJd
v7rqdvQzCqht/wAtJyfMv9wF/IMM/qtJb517plBIKsgr0O7AaXTr7WaL9PYD+wEYYA3ES1dm
YEVAAHSrToLPU2YfI0Q4YeeW2x720K199g0rH1fprRSPKprpV6p2l9DTiyOtHvDt9JkBrV0
MEq9DT0k+IFNWqpgu7R7jfbgJS8vn9z3aycJPANv49Py1LNvREptL6nt5kVvYVSwi9u0LU3U
tJKzGg4A9B4Vrqtt9WbMHa3yw/lq/i/Z/JBnM/cWsa4m8mE81Cq2hZmVFbctKR47bLp1KSpZ
n7zLSluNZcdZO7a3ssHDjO5LCV5VvgbWWJ0WMPwIJ4gfUnrqa6GVOit7h0gmN/ZG1nqLaNe
AcbljufPwr5axO5v4gye/nsfbkVJHkvVgjKLs1FehYVpuVFGpo5Vm/ABqEh1vu6LCZs24pBB
7ksDJ7KI3pG+xYDqqjSOLY6YRLLmL+bFXD31vA8qEyAy84+aympKEKQSPCmltBtT9mDnxd2
sZyV97xyyIkiW6OscClacRyqOW3Xlqm0hqTgmmYyMLibLNsCbaM1QHqFFQOVTvrPbFyZoWZ0
RRy+dvXIXGe40UcJBY0qBUVEajxpWmm4+3qnJmy95ZpqSNb2W5snhMgZoZPaeVd0DvusZPhs
OutcJbGJtvc47HvDHWeFlxSVs7mOMI9wgoY2Pq95AdiWNQK7jXNzdj9TJzb/AB4HTw99SmJV
Saa8BeS1uLm3liEd3Cn8T3HapKcGekB6VND+OulVnKGcqxVnKP0ipduwkZREirzcMQqt/2a
nmp39O2qYKepDeDDTWk+MSL7m0unEktQSy7H9VeVCdutB00pyko6GjmrN+DGCCWO77fs7kE
OEi9t1U7+2poeJ6HjsdcDOnXK0eq7Rq2BPwBOSmRLQ2itUylVBjFPUaVHITrpqq05M17J+kE
3uTtHv4rhgT7Ci3YUDM8QXhsT0NAN66fWnpfmZb5VW6fgF7H5GbLXmNwPd9hBkcLCq2WRvJW
eJ5IZGCREMv6JQ9FDjqa2Y61fq6+COD3KtW8OOHi/0NX787AtpezJOxPj2WQXFvD9/LYe9w
mngmJQiSSpdjH6SwBq1OOiWTTTRzx39/41E/TrKV1Cb+P+bPmvBY742sZ4Ie9JcndXsEoWaXC
xx28c86bFP4oLmQH95V311VedehxUrLdG+9sW2BTCJj+3sXdYmLIO+SWHLXlcmSlrE0lw0ZM
gX2/BNhrm53C9E6eHXy8vabFR8VO1vx7xK72yHenbeffI4+O4xeEZI5cdcSssthjruWQG6ml
da824gCAsEp9umtvZZL3xp7KVH48TB3OJKzjX+Qn3r3x3n8f3kd98a3NlkrC7nltM1DdxO1M
sVD+445Hg8kbcqjY0K021qvleGsW1raVp0a3XtH4O2ebROGoft8zDzjxbJJHdD727uXYSMxZ
k5ySbLgtdUmgHlrHS3JqNedJ4K41DUscLSyL46PCY8QyXkqmNG6RgUPKrVAWnh+Gqrebt22
Q2/ZxRNKbF3AS8Ls4DKb391Bxt7mM0RGg9J512HkreWlZbtKa+IdfB7xqNdphJshj7WTKWPO
OMceMToXoDQmmzEt4jWfDp+Af06yixkJobcjXiaM2lpHXj7gHoRKLv+r5HWh677g2TTa6GS
Zzu9u5si32wEdsgpbWrij0KqnZ3r1dqdNaseHgvNnOyZeTE7KOz8i5oxJJI2qSa12210KmaQW
Z1QvE/qBoCdSSjm1gtri64TOBCD5gE+erRQVYx8qWL2RJGTx2VSCem1Kb+GhQRYvrtprRZWX
uF7gpUjpSFQOgr46UIDljG9B/wCwP5Jhrhc53NE4tbYAIQpVWZN/94BSteusmZt6VH4klqwz
e5/MfInvcZaW4OK7bxjeiSBmh9DbULEUff8ASDpKr9OF/Ux9n9SX0GPtULs1sHdZG0wyCwiQ
I+UyLMrTxqKH7eP9X4kedNS0tw3qDVJapAbujF2F5gY7ztVxHc3j+8beOMBgXQsOO9eimpP0
PXTMcq2oF4a0FbsO1vYrmXMLFc3Eb8VmmjNVgm3UNJEdyhPpZgCNzrTl20EY5B3yT8dN29kI
crjoyMTkJT70YHphuWqxVfD2234n8tHgy8tCsuPjqBrDHY6zzmM/mqlbCS59udtwFLqQpP05
EHTbptQgKOGmOmYxF9gbsXlxCLLGBxEqqS0cjjdSAegamstbUsoNOetmC5s9eZHIy2ssMMuO
FOccgpyUA8R1ffYnVrHWtZW8iW7QcCzmyFqbRUnrZzMI0j5B3Yx7UIqAvEdPx1V7w9dxmNO
yIcnk3g4WWVybZCyRQkZVQs8bpsORrQ0UcTvvtTV6lITUaMq3KSWV0l9j7Zcvi5ImWUCT+li
yfocLQFWBNRy6nRVt0YfCIa1RWvLCT+Ui/kt5HgJZY7K+9KF2FeZeP8AVUio1St6wMi9DNA+
PIH8n+NqjYXd0TTzNuu+i/8A1X+1mLJsv9xxgJ47X4QnuX3+3s7Jm4+puP3gJp9a6fe3qXsR
aWjGHs7GjE4q8pc292txcdtXCS2sglThPdSPxagqsiV4utKg/TS7/MI/5C7/ACmHf1TAN81d
4ORXg8R8urgaTTr/ALmaL7r2A/48En/LgWJxRC7NE+yv402FR+OhtubML9IenzPs2iW9zarD
7g5coQarvv6yak0/v1SxKZkdbuYrDSIbbN46UULuJLZSWPFoy6qo8FLerlplqCK5ekntncRZ
q4c39w8WNjzqMg5SSUGyqg8K9SdRJV6BKzvvH48327FasMfJIXjLiVkJupXY8jWuw8F1TQ
360afj2ewSJrdnuho4cTygq6N+uvVqtXfxNd9NMD3kOcbm9gx2EtpTLAZmlEh2Kl9m8dyv0
0mzSlsfVNwl1Y646QnHvCCzKXj9txWhAbqeh6a5q2OqQZG4i9Lohn4M6KCKgE+AApTro0Uzr
t6+lisZUNwoSzf25EkjUtwrsATUiuru/ICrjTWdtpnrm8mjW3keNi9Vhdt6L1oTUH8NK2YTs
HbLHZbL5e2+yFpFfLxCx8vWQT62IblQ0BP00nJdUq2x+NuzSIspxcLeTT4p7W94lmRCzIwJ
DEgVIBUhPGnXR4mklyAz39TS6FMYqO4tprySJ5mjjLiJiqksQaqCNqV9P9umO0AXKuEschBl

JJbuyktLSaH2pYyyyBkZhxfbxQ+oeO2rs01oBRw9diZ8UMdeT21yixTwillmr6iQRyDb/ALpB
DarnKBAacHkN7kTaRtZwveFvUtxGpYKBsAY6flq5QIIzcxcXgvZ39hYg7RQonFVKJ39xjSrA
eY1cpLQU1adShcXN69nGLO1LJOJLmUBhzDE14g0qxI8NSE5ljtFYW459jskvb4x0iGNYWr
CCDyVT+O+uF9wXr519R9mt/x8GUcnaJBdGGWSo49R0pv4n9uqpkmuxWXFxvqCtoobpETkQIy
CR6v1eHI9dPrrBnulroUMb3plux8jB3ZjYUu47Rmtry0m9UE8cvq9qRTWoPHkppUMARrZgw1
v6bdV+Gcf7hd8OSWqtCPpjGvgZs4+fxURgytvcrDeZCXnW3kmgSXjGzfw5raRCABV9Lb9dJU
4dJUy156dH5PoIqlls9Ht+IFods9jYS9zXdPbtbL3Pcs4sry9BuLW1yt1yL8Lc+uE1PL17D
bTO17pXrx+HmvxsBnwpWbX4Yc+PsZmvh7szK5jvP7W67supQ0ZushFc3MlrIfceOPiSUZ5PV
QClBrfalVrGmn8I52SzVYtup/MFfIXeUtthcR3n2w8JIEsmF7lXhUSWl6J0EwE0R2arVo1Ki
ux1oWZLHRR+par2BYsKvkvSNo/Mzxr3xurm59o2STubhrNXZ0DKCVqzEliK7Ft9c3Jfk3Hid
zFj+nVvFRaUyZ7vO2tvGpkdX99kHiI9z+860qyVGzHITd0hzmiuMvc1hshb0A9t7U0DUff
4ke+4NfqdI4V16j4tbfQI3uEOGEN/DYw3d9cOi0UmRWEh4qHU0oN66ViyK74voU8DpXeZGDt
qWOyvVZnkM7y+7cWSU9kuuxoW9SqOurzrLHh+YmtHUVfnXu5MvLF23jlSBbkrPempqrxQE9
T5/jpnY4o9bA7jJK4+JmGkt0tp5Yo3LTQ83hYDYsFNKn6V11XbRGGNQrkUlKDMP1Nv8AnrSh
BDaYNrjwJWgrXrT8dQhOe3u3wf8AjWHMbsQxAp5basiJLbFYW4mCLbpDDGnug0/3gQgceR8D
OroLtpf1SbLnalt3y01/dSe3FAJJGqCwUMeIAA8NxpOV+mF1HY/mkdGurruWzixkUEtpg8Uv
Ka0Z6LcSe+Iqt0BP501mUVc9R/zdNArbR5K3sosDa8LlRzkubJ5UjhSq15KDQc1U+hF8+luN
bBpv5Sa37sskvl7TJSpeW+SdLN2RSkFrEGoFLLszCtWptoqYG/IC2ZIGd03ZwGS+4wqGUMiA
xMremNy0QPioFQaeenUTEjE2fVFvtu8xeMiCySTWkV/AIoLgoYmD+oEIXryDVLVGju5nyJVQ
HMP2pcRYGSwyV2MjZzW6ye6pJAYts+52Zeu3kfpSuXqnvYxV0gx/P3TY8XeGy6gXVvGiO+3J
KFJF/Hr+et6cqTLEODVna7ft6O4ugVaGCKWK7YiZVLKtAyfv9f2a5r0tHmdJWmqEXKWD4vJy
pOYX5Kr/AMEEKHahKv5UpsK/TWhaKDPihtos5K8xuMzLR40DLWFxF7i3ARg8RmXY0Ir6DXlq
uEyNrZV2AM+AkzyNkCV+8uJPWEX202FAEWm9eo0f1FVQA2re0KS2tgXxxgeVY3pHI5qWiZBQ
wygAHemw1mtkaTZZHaSe93XtjNbC1xkaiMFwuDGGCK++5DdCaanbJq6bFZbLZMafjiW1TB/H
UVxb+7LJeXBgm914vZig9VFXZw1aUbW5P/kX+1mXltF/uKeEcR/DdwjtxX7OwVvLe7WoJ/yO
n3+ZEQMPxolraYfj22RtXZTfYBI4hI9vIkj3kRuWALFabhaeoeO12+Ze0XlfpMW/qfmjX51
7wjuDRJW4cgK0PIFdh+GkU2ftZoy9PYLfYufhs7D7XJWong5eg1KnyJrpqqmFXJG42TRYK7g
W9S7kg+49MCSAVLj9XTbiP8AEdtVxY1NPUkt02mykwtrW4dJkorrig4An/aTr9NVsSJ2CSdr
XGMuhDBfCFYIImZIkCt9ELVJanU6C12zoYMVMded9+IV+/kQ5s2qWSW1yfuRixUSSKkbjwqO
NCo8ydFRa6GTNldtbaite3Ed5nTHbBFto2jihWCpT24R0XxbfoUdydM2M71cDDb3Nm0tjkoR
7IVIDRgiq8jxq3HY9dZ8i0aNWNqUxmguilqIamNX9PI0FegO2301znsdIsozPbm6cgokbOOV
OT8K77+OrWsA+ZVtbLIm4+2woBmlT3p5bghV5HblK52Cr4V1d7pfMDWI7P0jBjsbgY3js07n
7++JVru6kDRRBx+k28fVVXwLfq8hplta2uyG/TrVQtbdRixtk2KumzVhdkXfFleUusqJE20h
VKUpTrXpXrobQ1DWgVE05R1HmXkllyEVuJOBK+4aghztXIA8twOmiiAHDpWyF6Ejff3bWAAG
dpUqK0eiv13G9ANFuxbYdtk7ZYr6WFHjdgVRTQqNhWUDz66p6DIhF6fK4EPHFBAf7lImuJ
yo4oK8QOtWpXroarr0GWq3GmsCnnsnJbyTRNFJenMC2EYV1wBvXkh/Dr10W+hnTVdRdzULWt
1Hj8lN/Bf+MrsheJYieYYqT1PKi/hogQ0TJWH7StksraBRDBfMVswK3EhVKJ11VetSafTVqn
VIq19Yb2DHb2Ta6nkBkDOyDkUHFfxH5nXO77Hodf7ZlatB1nZIp7O3CITogk+5Y1HEV9JJ+o
rtrDhWp0+4cixd5KOO0ktrcEGZl5SMf1hCsDvKtKDW2lJcs5mXlkoBcsvtwTLIFKt7Unq3/Q
x33+h1lrqp09pz7WiX7GbN8lJWVubG7xV9Hbw9qdm4+a7u5ZAAWdj6XmkJ5MzmrLTrTR9xi
d1tO0L26HMw2+nb1OJmWhu7u7k7T+P7tLXIqgwZqBry4mYBrZppluS294WEjwiUBjHIRx5bG
mhwdm8Tas0+PxfkvPwJm7tWei3/HwFDtO/7E7ptMbdf8q4/F4XuKS5hxcN5LLcZW4S3B9ycy
EhTERX0jwFAa63XxapR+Zz7Wrqv2Mnu8oncXd8k1vbW+Ot7y9lhFna1Fsn28JgV6Emp9PLkd
9Zsy41fs/c7v26tXxa/qf7HRSMWzyBCsZcRqGJrxP+mms06mq1fDYk7Oa3Hc89zc7+3DwWm3
rliHh/sjTs8/TjxOe9choi8IYa2ts7LyrIImVB7h67AeOsSSv1g0O7XmTSXWPnlW3yNhIkS0
dJ7dHXm5FFRCzEltepbVY8F09GC8s+IUEmOxdvJaXMJDOhZpJCH4mMcmJY7knzHTTcn1N6uP
3E8ukGL9zXuH0z1zkI6Nd+57iMx3QL+hQR+kACmujipasLoLuqtMXMhfhNHFcqG43C227ijFf
cYchXbanXWzGtjHkf6C9PnpogiXNuCqKE9yLYsFrVmBqOR8SNtazMXbTNYWZAPdeJWakqFSG
oR4H6HUKksy9wYS2kAt4WlC7emkgcfXlQqfw1ehCndZm0u/et4IjBLlikM59AjXqorvyB/LQ
OpacB/tbEzvbTWVoyy3EyqkKU9DctVY9f+qdZc1tZNOJdDQe4J7ft/t+Pl7Z9xYWmh4+kCJQ
Rv8AusxH9+sdNb6dDW1fJBnH8ev3jYTznHZlBXXZaQotteoUhaMsBX3gT7cjmoHJenKDWWh5l
RqrQiuF3TsirY9od14K4Pb+StUjSUyQQRfG8QIB2Kv8AusKVrpqy1akW8V4D2Kix+EU2OUy
jy38s3ABvX7ckQPKnjsDTfz0nJkb9SWwzHjWze5ev4+38zLjsbDcwtHbTlra1cmOdiu3pJHn
0+upT0y2nsVZjPkdg1izJbG6w9xC0lpMxR7itlpYtVFRfp0PTVQrLRh6p6oyz5I7CyOPkt8
reAXEOttcXdx4Okdu4VCQTuWil/GmnYs1dmxeXDb5kh47ASfl/H+LvFo/txc4xICyNFXh6l6
EUGk5mlkZo7ZN0KWW7Ytba5eMPHb2cn77o0akMCW/Ag7g6lckrUK9PgKd5A+LyEsME6e0aIs

kQqlTuS3jyPTWmuQzWS2R1jpriOYtBcEXExcslKpKlSfCnEeoEaDimp6FcXV7D58TW2Fub+
6TOhrmX7lQCCUe0s0R9Mzo52klVfWCN9cP7o7pKPln4eBqw462tr4QF/ne37W/8Abgrgl4mG
Jls4IriEJSkjEcSy0diVHI9dYfs+W77tKzfqVvyHdzhrTA4Ql/HVHxXxmD1FzeHbwIhXr+Wv
ZL/sX+1nDyBL/ceY2xW4+IprYGqTWmOicA0096CSD+H5a0XWq9hVWH+18hk7zGXE+XuXv5YL
7tu1jlegPsW91KkaCg/dXbfS7qbL2gZPlgwz+qKknzX3lIf1C4T/AOiU0jH19rNOTdewC9i3
dlc4dMbeII5I2Y21yRXjy/UG/wASk+B01JhUaahhLKTYTie+Lm1n+7XiEJ2RY0+gFAE/DVzoU
6sZ8NkbjH4+K1jo0SIQJSwDOVPqIb+76aVZSasV+Gu4MzmckExWOr0NONa1Lb0bx1dK6AXyN
vUX7zJPPIyhuftjjvuC58h5DTEhLtqS4OJFy1nFM6xCOhcs3FQo9Tb+ZG2hvsHgrORJhHuS/
S7z9IFj1EKxrG00EdAqFTXjtsOv10jFVqrk1946vIIX4D5ZwKwZQd6qVXzMu9fw1zok6Sqd
5cfy7HkgepXRFBpsD4UH7tTo6KXoDdcasq2E8VhfskzCRl48mJDAO1Nx4H8tR1dkLq+LCllm
YArrbgBnnb3Kgrf8K+P9uhdGErrUL4/vH+Q5KE28fvzD0+2tAOLCjBz04la189LeHkmmFXNw
smfprS7kmxIlgxNx6YrpSRLWp5hif0uteNfEU1MVXCVvm/GwWZqW6/KDI8tPbZE3Nzd+9aE
t7MDtUTU2APkF8T46Yl0SM8pat6BWLu6ZZGllhPqgYLLioRG56ACvltWmrdICraXLCGLz95DM
s+QZblZOTS0oxDMDvx6Cn00tpQMxy7yyXIZq0vbcQWUcYtDRCUJYKfM+VNEquRewNyDxiPjB
M9xFZQhElKhZVK0AG9ByNKU1XH8wuXq9gEsbTDxFrjLwxX6ByntuFIExApyYdFQ+Z/HTLNuE
tBVaVU2trBexkE+GzdvDLcW8iXrOYoIG5NGCp3qenw8P7tI7uk0nwH9nkay6vctdxmQRUI2W
pPEDqT0J/A65ONancz2monZBnrQCqpQtTwB2289dDFucvMVbqeq2sW5WVX9zalVkpXa86U1p
pXRvwMd7RC/Gp1cdzZ2DtKfsKyEdrisk731+Yx/GvZkoIVnc/wDhxcFTGNvE61JppPwZheH1
OeqKc2T7gkvJLI3yFzNJcwRws8sjm/uRRxgcGDk+leij6au+RPcTh7TTVasJvDuK5/5dnj
gW57e429lwURMkUD8glagLyDEk/U6ZXJ62/Z8CsnZLglrOpLipor7ui5vsfALOKaa6uwGq5j
WcFQgpT9PI7jx1z+6fp1Ot9spxhL+1Of0LWZureNYrKln27YV5AAf2Y8Qz9d9Jx0b1H5rJPi
tjzto+m5cLH711IBWUkCiivUoN6E62NTCiTl2tq2MVtB3TbzFoTLdqGDe9E8axhRuFXIXoN
J+VwkRRbdjgJMrmrEx2TCGazjElwkvILGR/8QgUbl5L01jzV5OJ4wa8Xp1WpSy0sC4G/X7IG
kMDDlByMRe4IXNtV66vDjaupcoDJr7TO8n2nh4sZALG5WCvk5MNIzCp3J/HXTra0me9KxAjT
Rtl1wsWxna8maTqGAPp/0U1sq9jHbWQsKtSMQ43FP7NtaoM4TtcTA1utY1BkWrN+Hjqimz
9JDFG3trRhy6U8NWRMp5e2CXEBRL6CaUXxFKGmoXI8fHl2spgZUIvLcGNjWqOq9BTzBNajfW
LOnqasEF7uD3sr3VLYuJJY7Fo0lQ7gtv/EYmnLoeqqBpGNRWR1nNolu2rp7G5yIu5HFteyW
CA8iI2X0sN6bFQDvqs0OqnoH27au0uoxP3Mt3i1tdk3d5CnvCWrcjHFuolrT3Co9KP8Aq8Dr
PNlqtvx+ZotVNx1BQx1vl83LayXivK0ct9ae3RJ3FVMTl/pEyRfq347AnWmbjKXk/59hga
StBQxlrDXBx1/PdrHfXYmSa3t2VbuKMgyOwkaoQsIo9S777Urpl7wn4IGteTXmOdt3fNY29v
hLBuTPEhhSX1Q2yNUioapkkY7nkaA+Z1zbu17TsjrYsaoo3ZF3Djr7+QZefJ281+Fty9xe8i
8iq44cqmgOQNBou3wp5FPQruc3HG4/q0GDtN8TkMDZDt6UvZwW6QwREBFiJAT1rt6gwNVGt
OZNWfLqZsDVqqOhfyNxZY8RQ5BEaG42HM+8gJFDVf3V/HWeJWhpbhwxD7iwmGsbmaaFI/vJ
A0ca+uP/AKqUPpqd9acdmzFkrxegCkhhELXeMtxOy8Vk4N++P1K1elfPT+dUoehMdW+p3GIp
LyziqHiZgUBIYNGwG9ADsNa7xvPbVSRqCfuVcWo1cklwXGReaGSzUMQrDkfdJQnqU3FfDWf
BVvLWYXimBmzPg6vYv8AYBMWN+NKKd57sgmnQwAV3101rkX+1nOvsvad2jXD/Ekgs1VJvsce
I67gt93QMa+Otf917CktA523d2N9bTS4+xbFRG+7ZEto0hmAnWeUSurHcLIwLcf3fPQZN1H+
r9heSeP48TCv6mFD/MfepTfhclQfp7tP8+kU297NGTdewG9pYNJu2o7qN/bMtSu9CxB3oem2
q+o04NVMKdJGDGYC6ltJWycgjsWg4LJVefEigPiTXRO3xDx9v1ewKusjNaKbQf8AIS3ONBuU
dTSO/EaJVE2t4bAi6vJ52Kw7szVr4Any+ujSSEtt7EuKxct3Kluh2TdmALFnY7BR1Jr0/DQX
ukpG48Ts4CE/aOQFIJdWtZokPGWUD9Pj6wTyA8j00r66mGot2llWVsX+1e2pobr7i4WpSjGt
RXfbS82dQM7btWramp9sWUmWuVx8JSGWTcs42LAHitd99qa5GXJxUvY7/b4ubgGdxwreY9kn
qsnM+6epBG1BrXjtEMzZ6OGmJkzXFuY7WBeXA8TWpYoD0p1Fa7a1Vjc5tqtaImu3f3ZPtZDb
e3CrMD+omnEqaUoeWqXxKtv4aA8/zVIIMvIFGMjPUjmd1BHlps1ENXghnyncFxK0pmaGFB7X
ssaxhCOgHQ7eerVK+ALyZJ3JrezuLfDHIPI6Sq3M7mgBNAu+2x8NU7+qC1jfcS/a925ERJFI
nOJQURyTy5U3JNaldVbEmFXPZBi2z0khh9u4VXIHA+4p4cgacIP1I2rrPbHEmpZJguf88/y2
a8tZLL3BDaTgsnExkgA8a03qTqnhlLXdoJZos1GyZWxPeay2sjZKI0lmrI8HpAhX9IABNK9S
a6ZfCp06CMfca9f0Cdtksalu3cF1EnsXYa3hhZOAZlNdwdjGv7xPU6W8bmBquo5eP4/zBGE
a3ts3b3iRrEJZOSoFoKHxrvtq+5U42hfbWjImPWbj960Lx/7xRUqOpFfD8NcCmjPS31qLFxH
JA3u+2D7gIVGG+2xND5GtNa666Mw301BIZLy6V3JCj0rXoABT/XrW9KmHe0kbpzxkUbeo+1I
SD406D/Non/1v2lQ/qL2F0WMYYNXjIBxcj/FT++hOs1rs2UxoqLbFMiQi8uqhTQkGnU+FANN
+pNNRNsUXOL+HR7WaSRao8gLHy4k+P56C75b9AqLhMdSnmLrLJzYAfcEBB5Rp+8fx8NPxUM2
awe7TsLe5xUI3eqfbhWKSPoEea7IYCNq7n0JWmrvm434+P7IXjxK2O130/djNaR2VtCsdpIn
tysOQZ6JGCOoA6/gNLyZ1/UWsS6Ftq+xdWss0kyDjQxAKRmOlSrHZgPEjWHJ3PLpCH0q66gD
vbI3EmEaW0tpLM5G6jjYy9aqpIKL4Bm1p7C3KzTj0oDuprVRuwdmu0Le0x0IkupJ74wBpFr
tU1og8hresjVjG6qyMyucdepJegBiLgJri4pt/CUGVNfDmQNbq2ThmG1WmUcS4LhWalTuPpe

pB04UkMzRJFaK5ICkVLA9B4U/Dx1UEF+5u5EuQ1aIpNQxoDv4+Wr6EJJmv5okCM5AaSig8u
KD1EH6DVWcFpNjT2w0axmitym9IiUAFkpxSpG6tUitdZMmo+jgK4vC5LHwzSNM4ydwuwihAa
uEryZgN6PQU NRpFrJtLp4GmtGk31ZWt5Mk2HuLhwlxc3ySLaRufVyLe2hUr1NOTHzlWRKUui
CxNqX1GrtHtC1Eizy3Pv3ITiYplYxtxAqGY+APgK/XbWXPknpoaMVY3ZxFiLHFxZ7KXQiv3s
ZIY2PH/ysktZGkZ9z7ThqBF8dOTdqpGe1Ydglc9rZK87j7byOGW0xeTusXK19EApiiQMoR4
49+ETQ/p8t/PQXUq1uraolHTlarW5ay/Y1/DC+SxksDWVnbuzzTDjN7IGYsqHcrXptrHjzVS
h9TpZK2leCIO2rt7z4oXKXTGY3CTCYxs3MRn0OGU7Asp9A+muhT0Wa84OfnbvVN+BJ8UypF2
FFipLV5DZTy2bOleZlhl/UzDYVUqS2j7leqfIHtLRVrzDWYxrW6Q31zdtbvbSH2po1B/XUsG
XyJ8dIVpk0WTrqxRzEvamOuIlU0ZZzykScHcKSaFuO1Gr+3T6JwJhWtIMtri0E1wMXyZXKyy
GVuKEVotBTeuhez5apKX7iqvi4fxJ2ctdhXhvb+It9x+oRLUhNiT0rt4nWKlndNJgZap6qQR3
3/Lnxq3FsGkkaYGOdgKhSregkfTprR9u+pz9XQRdN0kY+wZLNcV8cCZZTcGW6Nq0TKsYAGHM
SgqxYEUUpQjXY0+p/6mO3T/ce2ckdv8SzXvHksNjYKwA3LJdklR+OnWepFsGe1LTG2iZCBR3+
ZwyX/bUtt45l2nlmkdUk95aDh6lkXr5aC+6X/kBkXpkwf8AqVuWg+bO724hxJclXDVGxY7a
Rj6+1mjKtV7EQdi3D23aMRkjaTjKxQUqCHFBQCu9RoG/UbsX/XsX8xLkinsFOBADMPBX8QPw
/v1KZE9i81L7MA/ZT3U595iqr4HrTx07mY/ptvUuGGysYnj3L8QI2pQ1YdafTQcmxyqqjn2V
hBi8cmSmdWksnrBIBK8vSgFehlJz5JcHU7TDwrIRjs7i9n9uGNEA9TNUkkHffw+mlyhvbZBYE
bW8bWxWVpsxAquegb0DSgl2F8lhFhcWfyfxbcgheLVB5bfjTy0u9ZUel7Fk4uSzlprK5yz5D
GoVtbiT3PacFAFNgcU69SDlWqyolbdDu5ab5LqKndNtDaZFriGUol5vA/EEiIGh281IodbMT
nTwObnrDnxFzue3ubvLNkYKtHNRyOg5UHIUHVSRXWjBbjWPAXd3Tlfkuv6kE1zk751kuZjbW
ivxlenIF+tFHWo8q00SdVotxXC9tbOK/jY03d7ykUQMWhiqQPFufifx02q8RF34Fu4vMnNbH
EQIyxTnkYF9bJx6n6Dx0PpXqYcXfpXwP1pb3ARVuQIbZTRTMQpAbaoU1benlqnXRSXTE09d
F5/xuFoEwdnavA0c2Tlt2WWGtbeNVfy1Irl1NvLWazyWa1VV8TdRYKVai2RrX/Sv5KV5nZrw
SW7iK3WUGKNIVKDiRRgORPpI618dOpiVfP2mTL3Lu+lfYibBQW0jLb2gkEr0K23EtypvxBWp
3+o0WSYE466jfZ9pdw5+3uleMfbwuFS0kojBU3Eacthr+es3NViEanjvdtvYpZLAYeak9V
WgSJUw5B4IK78ag7dOmjd+SaYKpxsmN2TyE32kU9qSvBBVqDdSobr+B1wWoZ6NWmos5e5vW
tTkC7GHkIfdqNmYcul6HoK604knaOpk7hPjy6lF49w0x9r9HLMzk7ADp4VrXW2+i8zn49WW8
RanMd2Q260CLEWkJ/dQnc/s0rNbji943FXlIXsCzpG95IyrxQyOa1267UH5axJ6HSaltlS4M
MC1K/wAefooBLFTp1JfsE5HC8y4tsl7Bmk2aSNiDTYEkAdPLQq2parKfsFnPTJvunMErsOta
Ig28NdHApZyu4clcUSSltY57dDGB1a3PNNoqh2t04qyPvQqW0svBvJzjXX4Ac4x8PMJdsXUjX
oiMS3P259qSbipUsRU+2o3DVG2qvksnPuGqqjzD13ZYY4RL7JKYcjeyGK2tfdZjb26/vMiNx
5v8Auqa03rrNkw3yLT0/mPrZY3PzC78mdwxw4iwwLiQskVwrSchoERCigA0pWnhp/wBrxRay
M/e39KYkXGQ7nyOEiyVhGxjcs8k9eRXjWiCnj4a6jVauGYvVasom7M7cn7i7e7iW9cW+Sktj
CvL1ERqguKih8StDoc2ZY7VfT8ImPE7K07mfYwRtKHVSH2Kmm9TvXr/dromMZHiWHHmReQDC
rKD40qdvrrqEgUcjdJlvX6A1G9Om2oighhf5jAf5kqkQ24X0/+IN6swUbfg/bpd2tg6rq03s2
0tmclbys9lLJDI5Wg5yltmPGgAp4azS1p1HtJqRIE0MeMWS6YRC7EsEcn6WLITVh9afXWWG7
aGtWsrqBJe47LEW1pZ8Q0xijUxqB7nLiAKV2UnxppjxOzbF1yKqXiXcNk8zlB/L702bHJMwi
uLye8W3WFC/EBnINF5bO1NvHbSb0UzM+4artVeh3mm9q5lXn2UsWSv7d7bMWrrOrgUuY54ILx
MyEpHXx8dKxX8/TMr4DLY1atXXXRphXFrJncjJdqw3l73DcNJBd3tshlitTMaWcPNvQiJFG3
FTsSNDflpi7ivSev+r2hJKqTXzP8l0CmB+QcZ3HEuDY15Jj5ihSNrisZuCW2O4IPueQP9mgv
2llqkmMXc1ah6FS0v7Ru18v2/GskllLeJFZlQUkVnILRgBE0ZTv9dNx9BORyMPx3e4zAYnlR
XReKCO6YmTqXlkVSSg6/Tbx0XcWbj2E7e1aJyB8pkrS4vyn3MqyEGaKwnmUEEkigA/dYb+rp
oK3s1sLVtfUuqRZeBMbNYyTXKsRyeOkShWqQrb8gPw0D7hJ8uW3mT+2draLQOw9iS5C1j/mg
x9jPy5LDExYvGvTkxYAFvlig1y7d7jeSFL1HW7O/Ft6EfcEltazxW1/C0VtIjRtcFDI0HI0W
Sg6iuznWrE2rQnqJVtOLFvnvs+5xXyn85yHC8k+4ihhvbSRWt3HrBIRf8S/s10eyyf8ALHjI
GWr+m/Ik7JqbP4yA3Ae8pTy9lanXW/8A0/8AVnMvsvaOk2Ks8f8A0u4TMbRS3zj7h3/ejW5P
Bt+iqBpln6/cXR+l+0X+zMdcY/GXVtdxvBcJl+3SYpEKOqtNMy+k70YEEHpQ6q79S9v7C8m3
48TD/wCpFefzP3c1f/wseX+M6RXb3s1X+ZewZPiTtYXfbMV5DKUesgQbFA7fvEHcU+mudnza
wzt9njiqYSzPZ+QxlvBcTRiW2VTUwkk7sTyI608zoseZMvLhajwKkOKtbmAyxwKEIoQVqSp6
lWB3NfPTHZpgKifQ4i7QxM13FcNK6BG5ewwBDeNkN66v61oKXBumQ6rbey8tQrD00CCoGwp5
DWds2raCrBkprK7ELvWRBQV35cietNXbaUVW8OGWZZ7m6hN06x8eQQoKeo0JrsNhoEG3ZqSP
3PYMagAgjb8fAflo1qBsgpbMxkMjksAvqp59SNCw02Do4I8mHWdCerQqQQYt6Gh6nkOo1Wqc
gwo1B9z29GZwzGh5e48YaimgoF2p+enLK4MzwwqZJb7BSZX/zMiw8E4W1unoiA2pGoHTl+OnV
UycdgsmlJ5Hr7gbD2haTRNPQsbBSLxYxURsu4r0A5DrU7EU66K3ctNL/VsBTs1E/6dwdPE8DV
tgYZJCAyofWT4EsN/H8tPlbsx35bV/Ioy2bwP7gkVpV2eQHIQdDuf1b6arN9DPake0tQSX1z
A0kAIPeOGUGrKnq/yJ0tLcZR2a0Ldh23eXM0NhPaSm4vGAtlkQihk3Br5AbnV2yLx2Cphs9
GtzSsfZ2FhapjcXHCZof+Ge7CmmkUJqzAjfiSNY229XsdFUVdF0CN7nFiC2NhKhuUAgluAeC

Kaf7uNT1266JIG7bQv3dkvvrHGqypI38RWHPkTsWIPXfxOjlsztQzqLnd4FYj/vLVvZkU+Y2
Ffx1ycqi+x1cNm6C93TdW9vhMfh4JQxIku7mhB4vI3BFNPFUQa09rRu7s1psJ77Kq4q0T13Y
Jtorv2vdFYbdDX3JPSCQP3QxBJ/DWuzrPizn1peNdeE+1rh/5zcBG4u1qF5dSQH3p+Os/dV9
C9oeC75+4MRo08tRuOZ9I2rQUJNNYDr0lnM9IELiSaRvX1NP0qijodNV3xgXenqkqxX0lzHM
wclVHBAK0OrVdUBa+jF+aUXmZt0FCkdxFVvNuS7a6lE1U4uezs4HrN292X96ON5Zd/bVGoDQ
nwJA67aXE6gy0Usa15K7w3UyWRPVqD3OSDxofLQXS3GVtZEsGNuBfxJcXxtraRgIVjb3HLE1
3odi31OsrfaqjOUtSEe+8fYZ3t14LxJI5bGdXeJSpeRUWg9RqqrQ76PtPqUyPluws1cdqLqk
KV93Sy4ZLDF2XsYvHp7YeOpXmfFm6k1O510Fil6vUx2zaaKEjn4z7us7Bcu14irNCjXaLJ6j
IApRkB60oNX3GB3SQRdK4tyJNhaLcn7gSJBHIWYV24hjUin+yNhroamSS3kft4lin3EdxGdj
xYgiv0rqQypFG6W1cuFcsT0qa0P1J1SLDdpILzHmO4jLPbzORIFFeNQFbc+OI2U7hJtaobe1
sY0QiyFIMLnFvxS5iYIWQk+rkv4mus2W/RrU0YqdVsMubsmn7YitlYyfbS8A4rVHNSqnmjQ6
RS3rk03r6IKcSQJeR2GRaB5most3SqTzWh9MqDwPTkNG7clluHVwWZu0MnaX9nk4br7tnkY3
F4SKoWqKuiHjxoeNOh0l5FD8B303KfUKdmWmLgyWbsMs8Nna+79zE1ugjQCRAR0FaAOQK06a
RkTaTUtPQa8fzWThKZPILK8s0zeZtJVe9f7JYrOeaNJ7OA8Yo3hRIWXR+95nRVnjVPZa6rr
+wnNWvNtqX09hQm/mWbx38myFilleSMaxmlqrxSruhChUrx6BVNF0dclU5roBbFZVSSp/Yb/j
GyeyuJZ8rP8AfiEP/GnowSYLv5gMoHX+3SM1vBRIdK9G9jnsVM2zYHIw5NkliueVzHEQa05N
X1b03A03LjbjyAwufAb+y8fZXPb0Nxl7NbU3FZJZrmNOaxglVgTUKMD6CfDXC7pt3jl16fp
/JowwpcDkhWwKu7A4a2Eqyh1Esn6TyUGr+IrSgJ1gtgWq3gl1s3XUXs93j2VHILjDd6W0Vhd
H+NxMHuxTQqCwJ4j9Qp+Wj7ftMuSqvr/ygL5knxeqBSLj+4o58jjYnmjDI7GyuQpRFZRQMwJ
9D/u1/D666lMdpqK26M6pWzkrVl23S07WZjNa2BmuIo5cNaOXiMsYblNGBULTo1f79dHsWnm
010Ynu5WJ+4H9hF/Y+NGZ96XtKClR7K67a1yf+pxb7L/AHDLlMwuW/puwnbsyVW0s42Yqd2E
l+RQ+VBplv8AsnyQxfJHmUO0MlkcyjLifLXUmQniyvbdsksZFn4QzThFqf3VA28tSzmy9v7C
b10MP/qDX7j5m7wSMFiLkutN/wBMm9PyOkVej9rNNl6l7jQfh6zA7XtQZ1Uu5IQkbD6jx21x
c1psei7fh6R5llvJZFL8XDckXqaAnqVp021VUkOs9QVcdqY68uFeFXx6SSFpTEwq4pU0U7IT
rRXK48RdsdW/AW5YzYXVxj+TFoZCjTGgPDYqSNE3IK00OZFVbGW4syecbANCWBd1Yn1AnwX/
AD6qXISWhRS0la7D8C3T1kbggfTRN6AcZZbs71Vint5D/F92NkqN2K1BFfwOhjYarbohlknm
mqTxC/pr4jrQ/logG9RgkVLOMxxVYP6uR3orAcD/odLcjdEtDm1VY4FuCQyvVqHqD5HUnUtb
SVLi1kS7M8XuPCRyqPUQepIU9aNq5F2rroC8kMjbS+2Ct1G1G9twwcVPhToT/Zo6NCb8kXr3
ITXVoMZaxAW86lcg5Uxy3FwoBEznx9s/oHj1O50qlErcnv08v8xuXIuMJaNa+bBd1jIbZOc8
hVWBQ1orN9PE79NalZtmO1UkVL6xxZjS5tPcW1lj9yFHIUhRsVfbqpBU1/z6NXtMMVbHWJUw
EcVkiLOygnTCGEy+4xSrRgq3FgTSteX7o66XdN2afQZicKQrd3lxd20s1tL9nNLGY+ToxkQy
7bqleor49NCID1Hws2vToMNjaizxMlnayTQTWQWK4vpFEjycgBK0S1HHb9IO5A0FrS5G0pFY
8OpV/klnK1LKPlaj0s8jBnlbowddlau5NNMlrfcRdJ7bA6dMrPOvt5n9mzl4tl8YUFV8Op69
DolaFJn4y/YVcHk57V760ybKz3HJuS14ULbUruKdP2ayd1iTho09rlabVgDIzNxF80NqEU1
rcFQ8hVt6At0A6badhSvXX4AZ7Wx2028eoOu7mSqN3Czsf3iSxJO3XWiqjYyZLtlrAXVxb5h
rlI6QwwEzt+6qMwWpl/2tL7hJ0jq3oXhbV56QM+KuyKqz+qrLvQAKSSCSa+B/u1y8q10Oz29
nD1IMjeysi4+0SrSlvdlbckAU8dXRdWVe06IglkaOx+2gr7snpA8j56fjcuWZ81tQOwQY5u
K1hiaWRWLKhHqLgVBp+VdbplTJzMijQZbzHTlhlyUwEgg0lkqOW1dx6SK6qr8CPF4I7aym
DTc3jl/3jxjkDXc7joD56XesasJKAxj1+/iFlawvmf3UKYw9GLkKpNduQ26aS3aZahB0op13
ZdzVjflJ3spGWSK2/wCC+4RhRpSCz08ajcfTSqZYyc3sactU6uqW35i/2dXC4L+UXsQks25r
czyjjHvUqWJ6sSf0ip/LW/I+dvMxUx2VdtBI+6j/AOYWnSIJZ3Jlt9/Sg6oDXp461VnjHUyW
+aYA8Ie2uRaX9u6rFROFD6qeP1r4U1preVKEujXQuXc+EeLiqi3ZtjEEcmvTq2pJl8gD9ot3
JKLaipEOTyMRQCtKE9AfLVO8F1xu0+A+Z7tN7TG2KxwC0Y24jkjWoB2BApny8z46zLJqx7x6
IFYi9lx8zREkQrRXbqPJRT8dE3JVZQ/RXP2Fh/MK+5azyK0yLXknJePPfbYjWJ6uDVtWQB3R
Ck9wpWkUcUVRJuOTHeoJ67eA0eK+gOSSljt3u+HGx8Fjk7VLI2npG0rKQEVh1IU70NDU6G+N
NNNoOmS6hPYPX2e7Osc7bWl1YsJJpVXIuxjeIRVAV4y5Gxr1B2Wtd9Vjx24vizV9Xxqn7R8w+
M7ZDp3BYRMLjKGhsrZhwiINU9wLUko1Kr59dIrWPmYu+TlsgR3V7mAti+JgimY191ondJAXF
eK7tVWG4pTQuymEoDqnEspdv5AXdnJBPGbe1VCzHYcppWAUAGhDUJr1GgS1kk+0Fa+jbG5L7
S1IFIEixR8TR2q1a9AfrpVW0rXcVirrCCndeXuM5jlikvv5fDeq/cWysGSQD9NX67U/1azYO
1pjU9fEu2OyYw9vd9QLFZWmTuVhmV1SIllpMBSipXY1UiubfsrUs3Epz+YdcmgJzgu8x3Bc
Ze/gS9ExNktq5KosK1UKki1qSd6+B666HbYa1xqq/DDb6kkPbN3jp4nN3cfbWiCaOCMCNhlG
2TmCBQVoG3Ghy4GvUIJSunpsKfyncduX+HOWx0cC5KeRFle0PpMPqNJhUj3QRuyjR/bXauV
VT0jw/QX3mN/Sbh9DrsBIJMD8cmaV47hfujEiRho3X2RzDsWHCm1CAdd7l6//VnDutF/uOnN
zJ8JW0Ns/Cb7S0EZ39LG+NP9Wm2Xqy9Itgv2vc4m/trq5jtGwET5TtwR2tsfuVN3G8qsaSkc
UILLMAxCnpoxHJ0Xdx6amBf1EA80d1sKxsL4ryUnYF2r9fDWer0ftZqspska18RYnGJ2Zbi
J/8Ai5m9JJBiatR13/LXFyWfI9J269A/WuJtrX+NNMDJRmbh+qpHn9PLQcnOG+0pXZHVY4rK

F3kJIRQDUk/vN4kV0dG/EW2Ub7sG0vYWnvJ+El26LNcoRWg340Ow600f1ICrTkV AQcx2/c4l
jOZPubND/EZTxf2gaEeX/aGtNcitoZrYnV+KKQypCukS0kdSzIo4qq9Bx3/vOrdfgWske3cp
yXckbidvWhUk7+XQn9u2iS0gHnrJasbXP LIXJ2I3Yb0P92htWCvU2w+JOUXqYhmWoHhx A32+
g0ps0lhhjubjhcTvXrWwtwaqFFdiPz8dU4I5IKZlrhLexj9+SoaN0LUflsRSvnQn89R3qIL0
Rda3s0lqVu5prOwy5gwcjSRWSos0vIyKJj/vCh/wctk1XbO1q+rrt7P5A7zjS0V6b+0gucl/
MrJoEqkki8i6U3kU1Ip1Al66eq8WZXZXQtXT58qElmo0JKp15FSagA+f01rrxOdat/EJ44Sr
amDKcpqETQlf94jn0uCDQFGHUfnpdmm5qaMaarFgzFBY2uMpYII4eVXRWNCx2NFO4JFPHSLN
8II6qSWg12c+OwMVtdTRhLpEEhljUuaNv7UfhXpyNP7tDaXobKutUT3ecw97LDNfWbSJeEFV
iLYL7g/TLICRSnSugrV7SS+RNSwrYXFtc4PI+3CbC8tI4pIJA3NSkcvFiKeniQRXVvdagr5W
gfNBDLELiA/+pDi8jRtwR2Hhwbcb6ajJYV7rFL99B905H3iPCPc9JEgqUDDwU7jQZbRXTToVi
r6km99ADlrR7WMTu5ntSpMEhHqiYmhR9q+kjfuW2TcbP9S81HVTuv0YMtJa3AL0Yxbop/SfI
UB3GtNloY6W9W5fs7pJMRkoEXhcXTRio6cY1LcfzO+kZVF6+CH4da28T3G5FBCvvMQ6ekuSR
SngR5g+Ohz43Og3t8umu5djykMcREZEzE/pDCpH/AEaQsLb10HPuIWjkrzZq6qG+0IVGB9xA
SABt1GnVw18RFs9vAK9IHHXfdk19eXi2MVvZNjYK15sxEbKtf3uOiu+GPXxEt88qjwGm4xk8
xEdnG01u5rCLgqgIHgpY77dNSuSr6hXT6FISXeMu0tZ7Qq8/piiece1dtiK9NE1yFdQxbGTE
LOLV4mhjAlkh9Li4/eoa/uj0189LSha7dB7arZfbrcr3du00Uk0Dtb2s38OrlmBlf1sW8fcb
9TU8NZ26bI0WeSyTa0Qm/KK5KzsrK5RmFtGw4xVPCN60NPDcnc9d9b+yhrOf3nJew87hmwR
7bxPpWH7yHlcRghW9wV508dNpV8hNr+ICm339zeB2PKBY1ihlY8FvA7MxPTc7nWmsIS5sE8h
/K7LHS2NrcDM3Z2kuSn8BAdytvpyNdvcb8hoEr2c20Xh/P8Ife2PGnWnqt/qe3/AKR92LNv
aXfcmXs8EkSWcE8ix8YRQANu0h8XcgHc6JxVOzEu7vFdl+NTce+rOzyfa4aJZLZcT7XB19VU
AER6+Wx/brmYsrdnMS3sbslFx06GQzReysgLCskgHClWFW6j8db1q0zI5SY1N3glgUxF7CRH
KnBwyEr6yR6+lr4/TWf6MuUO+rChgu9up7a4e0ZFu7bIWOC HnWBI6H/Co6baLinrME+o66bn
FtYxXMIczM0L15KRSh3pU/XSr2snoh1eLwRy14LuvIYoR2qJYX8sIpa3F1GJCgI8OXpqP9rS
LYuWuqGLNCiZCKverxrJLe3/AN1kbmRRMFHPrV6cKCgC/TQRDZlvNVI9XviLKQH7cKklsgd6
kENyqrDj1NGH5H66HJhtWwePMmvYR4/uKS25+6yXczgPFGiHaMGpxZzuGrs35aG2Lqgq5U3D
GyOyuLbuv3I4UdzaM89uzIp5yIDwV3qoofPQZWvp+U1Yv+1ewT+9L/tc3/K1icOy8bi2lf2n
R/McDwYePLW3t8Vmo1gvPkS9vkB7XuHtuPI2a3MqpDaKVWVKV+cisWqGYnqRX0601x2q5MryL
adRqTuNsPikdpcLNYGrxpyDO5fdSiNvUOtdZLJqVJrx2VILQWx2VbukzWNzdS29xLEwjkkC
xx1Gylz+O4pU6S8IFVqZDytpxoZ53J29me1cTe4vM2gAmuIntLy3YNCxUOX5n97kKcakU0f
aWx2y6P1JJe6PIR3V7fRc7T7xj7CoLb40DdDHe/q8hCvSuut+/n/qcS729pYaVLH4aju2BYQ2
1kVVdmJF21R9NOFzL2EWwTw1tYwKZhxt9F17VsZ2263cStGCZGncoUahVkJt4HrQw+ZLz/Y
C7IGAfpjNJ8td20PpXJdBuAeTgay1297NL+Y1v4dyNza9pXXCyP8EAvdOPSRXfifBh564uZa
npO2+Uebe+spZFyEkjPDiaoiLz3B6kqabb+GlXoaC7Dk8HaibJXUjRTOvpeRQqgdAEX/ABN4
1NdSRbp1A7SnNSG7if0yP/CBqkVK05gDqdNQMIfl4eOWwllhtQktyY2AkJRqMdwgX+++ui5B1j
wMmmjvY7q9jyU6RXRY/cRSen/d/u1A4ig1tlQoWhi4t2tyanzIkka7haKKNZftQJG4kVVBvR
9xSg0OxdaOyhQ/YzyiJvHJV1IDCg5gqDUdd9V1JrHQMLcPUyNukZ9O+58OJ/EaSaV4lieQS
PHIQXlmQBEvtumwH+yNVHRBWcuTy2zMuFmW7Mf3FwvOJZq8QjuOIKDoeIJ0F8XNQ9gqZ/pOd
2BL+ykMnuqRZtNyZIJDVQf2flrTRwYcqNXYqRwjj/ZyKG5A86E1IGwLdOo30x+YhLTQqy21z
dsbnKSAKhPFfIx68ya/qNNMVktELtRv1XPHiureJppuX27LwlnZqMA36eleurTTfmC6uqb6B
ntWSwu5rV7uwnkgLcR8peMUSibCgVagUqdzpear1i35GjtrVaU1fxDQ7kivHurQ2kdna4iQJ
burvO9wzndXJ3/SKjQfS0TbLSZ/cJtqIVSLaZkWWQSeRWmV4/ZEJBMSyOachWpZ96UOWGj4J
oR9RJyPNhfY6zsWiu5GP3Vu1u6sSCSxBVjQbgU30h43Z+80LKktSDCtFJbi4LIU5MV9z1cqN
oD4U/wAt9MsoMtWmUO6bCOLFSTM/uPbypPGFUEj1L1O9fE00L16BOEJ+WYUttkryMgSQyuCU
6hqeI0OHGrUT6h9xlaU/Bi7kooWP3lkeKg+pd+Snz1sxN7M5+VJ+qp1hLiX3LiN9mMjEb1K
np/2gTqZ0tH5I9s3LXkWmtorhZJBVUZmKnwrtsTpXNrQf9JNtrY5ixrKrEA+ryFTtvUV6b+W
ieVCvpBjF5HJY6LjLA/s0oZOJIK+TjyprNkpWzLPU1Y72qoa0DOJmjXue1ydnbI7y2twgWda
xsxQAmIz46GqfB1bKyw71cDNlXu7q0SHHvAkiAAhIYip2oK1A/Pw1dKVW5Vpewp5mfuK2iV
clJLDDtFKi+kdbFbw21qoqPYTfnXcr4q9i/mkTX80i45gAzz+qVR/sAkDIXxJOOTFNdl5BY
slU9fIdF73fZ3NzElpZc8ZZAR26huTqD6mJru7t1Zup/DWanZQtXqaM3ePI1Gy2I8zHc5WC4
jyTwtYXC0SOOodQdlcht+W+9NNxJV1ruhGX1SnsZ73Bby2L2+PvB7iR8/bL/AL5H11vxptm
DKuMIZoL00bBWrr/ABI2RvcnVFFaMPp00q3zB1hVFy9iiji/gGiEM8atT1LWhAPUF9etSc
iGgf29dra91Y6QqzD3FRwDTZ6ioP0rXQ5FNX7AqNKy9ptd1czvgbuEXKyRfbyRN/jfV6gdSN
ceuklckpas6mTaDjPbhXNaNbAS3EbCUplDGPpTbpWhprpxu2c7pA12OTlewnkzOPZZONGJo4
IYAdKHHWW1FPpZorZxqhXyyJiLpLrHu7W7AKEYf4/cY7keQ8gdaKPloxF1GqHn427IfuNp85m
I3vMfZQmIRhljjeTeqN0PAdOXnrLnvxUV0kdiXJyx8bFdkyxLDkbC2jmsIxKsHtu4CIAd5Fq
Gp4764jyZOTasdgatpJNGR/JubxMvyVdXfb8SWtiotogkKskayJGCz8WApyY71GvRdhW30Vz

31OT3TX1HAuTSDGZU5BqzY+ZnaNUNGAJ5Oo/PbTrVIR1Aq4cmhfH6Q5KazmycK2uKhb3Wic/
xJUJ9QdvNjQ652dauNWdDC9Jegc717mw2R7ltcbYymZZua3rDYwRuOAr4VFBTrpDwWWGz69P
aMrlr9WvhlFS/wADYRiW9mb+YxKSDLEaKE3oWIO5Om9t3F700Tq/Mfnx0VtWrfbHLNh1+2v7
FTBMwkjuJoh7qg7EOwBqAabkaZbPOkwxGKiljBjLSzvcmpRyjyqfXcD+FwG3AA7A03Ap01Lc
HUbt0/15y+UPaqmK8sDeRyMwX7Z+Y4+bqAGXbfSqY3dwoXjpqHktxrLTOu8MvfZX4/+4h4W
mLaeExWRYmfnxccyP8NfHR9t2X0sq94fsMPcZuWNpeQQ7CjT2PjZE3Kw3r7nf8A3K/5b66n
/wCv/qcu39PtL/tfbfCVrczACJoLJvdb9IUXb1NT+7p966r2Eq1qjvtuwu8TC1je2z2VxDne
3n9iVDG4VzO6mjD95WDL9NC/mXt/YC/ymCfN7Kflru/3fRHLkHAKPQOHZhXrrLT5fezS/mTN
j+KUabse3SZkZ3HMsalSpoOFB/i1xsy1PTds/QFXwcgvf5hG0liGqPRIEi9O6kD93yp46HIA
y2rkv2OPt3klN1EmRikjY8Q55LIwpRVBBBbfQrwQVn1ZKb22t0MFnARJEoRwRV0K7cVqAo0x
pidCtbwNaoZbo+w7s7AbksTvu5qPoBo2HRyxJz+LwK5mW+dgplAm9kksj0pXiT6jVt2r5aYr
OIFulZ5MV7uytG95oY/40il/dU8Qw5eFNvHT62a6md46udNyCNL6BwK5seFAZCx6eGrs1YrG
rV6l2O/DkQqpDcdgCQTv1NK7k6U69Rqutj9eZSW1ma0qQ3MRlw36EA3p9fPUSSZMrrot53L
Xu3UoWcuVSGhQeDsvQk6HYkkF+jTSxm5cLYBYJWrFvMeFB9dMq46C8kN6lH3HZvtluOVrAeV
w9OTUG4UAUFT4abPlqZ99E/StyzNcPXkAHZAFitCCI46n949CfPVJL/EK19Z/IH3U1w8ij/
AMrbqUmVhUvy6oPoNGkkvMTybs/Bb+Yd7avJIVmxIRrXgEEcleQEPGoYk7+pvVtoLa6j6N1f
FbdPYVCrEzKJWedCzRIDxQSk7tL5g9NHqxHdSnBm5Lcpa+wFmt5XZlrQb7Go89Hw6+Rn+p
0jqOli0l8YBcyhZm5ERAVMcZFQREmnLrt4DSh9tF5kDZye2nXFQCkcDBgo2DBug89tXHUU7B
CS/a4nks7hwsYJecY/8AEQAAsD4rv00FthLaiPnbBxBhCkOPUF/D07H600jBkdXJp7jGrJC
1dxLZ2bys/OaQsFUNuir15DzY9PoNb62dn5HOvRvrvqXOzkjmmv2mAM6WqmJTupUn1U+vTSu
82UbSN7COTneCRbmAc1mDKCaLGu1CNC6PoMWRLrluytrC4Vmkj2/VSoH46XbDaA65qz1DMW
WBjRoHwWaNhuFNCNj1H+rWZ0a0aNCumtAr2FexXPc6Wl6Y2NhbXTxvcElhBClQT+dBprx+ltd
TJe/qhhtrS5uibi14W0cjVChuUY3oeBI89FTRQyOejKd3BkYLaS2a6ivWmG8HBioU+PLwOr0
6EVnLkUWNqjSrRq/pkgBXiKHrvrRrAiNSxj4rVW2q5P6Bt6WHz/q0Fm2ElBMCntFr1QxHoLc
9+P49P8APpUOdBjsupRzuJtcxj5o5XRLaPh7TLvKhbYOD47ih0+lnXXqKvVW0ewswZmXDWk0
FpL/ABLUuDG55e4D6XXfwPXWp1nUyPSURYi9hm9p8gpSK8cRLGDVzFWhnp1AQ+n676lm506f
iA60SrNuuy8vErXGNuLfOjHsQHgl4e4WCKErQtyPkDy0SvNZ8ilj9UGhY3P4ufHtZm5+4mtD
7ZughVWqOoX/AANSITrHbHZ6wbPqVXpTnzFm6trnGZ2C4xVu16l4rm3jQ7IXPq3H7o66crJ1
h6Gayhyg1eYPJXVizrc3GPu0I5wqwljDKEq0oSNJplh+KGXxyp6i9Z32Ue5ucNerHdTSyIkE
i7gq7UIINKGq06U091q44CVaymo72MmQjxf2GGu3t5bMcbeP9MUwp6g67ciD0OsL3lmuu0LR
oEz5buWwUrZX9xjZpiTNAzge4ehIRhstf7NM/tcORpuqb8QXkuuojXOTur28nyF3Ibied2Mp
c1Zz+n+4a6NKqhqGG0tyzuKSS5sZselGfks0PUsONQ6jp1G+qt4l1WsDJ2193f3ltbTtNFaw
xsZShqaOwFafSIBrLlyVqpNGPFazSNcht+3XxUuKw6xR5MAuLhhyuB0tSvNgSN6a5yy2dk3s
bnirxhbnOJzOCyfZq3EYhtSjO93ZhQEiul9Llfd1kVX6HWfuceZZFWfS9vZ4De3yYnWWvUt/
5LE5vLXGM0CixhuUqElXm7lxQFfcwPnQ6ZbtrVfq+Al2VtgXghexI1jbWounQgX9zNH7lfA
cCOjitVP+bVxeqbW3RB1tqMVnPfWd0be5xqj2gUS7viFaSPxFajlTw20mryY07WfGz3W4+11
fzRT+WmjvuyI8in2rgzwxj2mHNFVXACqu1P8RO+tv9zzyJTMox9zT00okHPYMcH2Xx7M9yL
eaKC7WK3aJ3M6tCOZR19MZQ0/V111X/2T/4nJutvaNGaxFr/APmv9tXU7lzfWQxyRjofS7el
Kb9TrRa0tLwQFa6N+IE7PnnYONeKXKbfcRZft9YZrgPcPKYnmVIqqaqtP0n9I0Fo5rXr+wFt
FB88/Nx9z5Y7pdgNsm602/xP46zY/l+Jqspsbf8AFewHZdlbRsGdCGZen6ugJlr01yci9R6b
t/8ArSGxVx8pEsMSXRQ1ZZi6oStSeC12/wB0ID4PlrCyuQ13EDE8hMq+0xHENyL04keflqk9
SNaSy7xtrqKKkX3BVx6mcszA7Fi5pU6ZURZiTk7m8+7kt7+d4YrCRkLTPyEcjg8eXH90ihU6
NQF0AOOfvcd3DdM8AH/ALHB7iEUmJ8duvTRpWrv1JZ1soXQqwYGe3uZm5iKJ1DKJjXjyoQKbk
6t2TKpjgpTWcDXXuzO0mxA5JwWtd2AP16V1FbTQGI1NZK0txbwSq0a+qv6h+qo6UHXRPn9QJS
Z3DJjpfda8iM0iUdK1C8j4tt11fRlJVb1Unk9/brBzKcxEKPGhqmmv9PPV1o53AvdJFaOC
L7c3VwWd5xyjhPq6n0qKdW8dM2cCEIE+J7Z2/t1eUewkbnkAd6kfp/LUs5ehFVRDKt9dlb9G
YMLike4A38XkBQf6dNpXTTcz5b+ryGHEYKFce2c80iX0xgULSSGu/nTSL3lmzFiSrIc7jmu
sTcGr8FmPJB+mnUf6Prp2JKyMnct0ftBtzl47yIwW6GA8R6t+bClBybrX+waZXHDkzXzclE
Qdm6lW4S5RGlupEcba1YniAeI/xGnXRCVGrF1blQtQx25fyzD7O3Mst8R6ZSPR7bfqJ8VI+
vXQ3XiXR6wXJXkhm5RqLjn6QhNCGHj9dCloW2cZ3I3cmGnmgi4SxAIHSoEcXjx/H6aGiXLcZ
ezdZFubuC/ext7aSKSRoV4mTlXkOta9d9M/t1yb8RT7l8VXwBU17ISxkibff1Ggppyq15aBn
s2/ZP5heA8CI1RGH7u4oen9msvd1nijZ2Vo5PyJBklp5GFwypKWIY0oOXj9N9W6QtNifVlvl
udG6+yk90ACdsaiq/hquKsoI7cXKLcGQsG4zCFZJR141H12OkvFbx0HLNVrbUvdjdxC375ht
lhF1Hkj9vJzX3WiH6qqPHjTf6abfD/x7xHgZ1mjJ7TT7sxyNHfAxGSIitAwA5L5Cgpt56x0u
tlubYncFSO9k5kS2qA1JG5Enbc1bcU0WoNoWxy1jvcJJcZCXRZ3258qS0XZRT002srqA4f
Qjte07ZbiD2UESyyAl5WCiY/F67eGqtlhbkwPyD+QxsRx1zY4TFwX623OEyyCjPIKUkXhUhd

Yv7uztEwOeJVSfiZ93Na5qxH8vv4o7eX2gUSNdZU8gGPjX6634rJ6zJmyppQZzdgNmLmCZCg
5j0GoIJFTroU+VGDJ8wcjxtj7Alu0aZ14mGWvGVFXKYCNqDVx4EbnfUpZS5ee5a4Cek0oKgs
rptXzPlaqhEs5JMNlppspHE0KGOAe3LGg3aNh+pT5b9NLdEk9RitOgZt7qa3v7O7IVmheOZ
bNYzuzRvxOw6Kp61ppN4smuugyspphmzvbS5y44XNzD7YUyKFMioSaEjYjf+zWZ14roPnk9A
Z3PYRYjveSSyk/jzxhrhRsQTSChoKVPMBny1owt3xais6VMmhdse8Hs+EQhh9sU5XIFYzXqG
p5aD6TWxPqVCv3+K7mUW5uIXnApt+jirMf3Q59SgjSrLjrsOnlpKZnfcWFGHuPdhBELsVEZ
SjV3Wvjv0Ot+LJyRiyUhghJZYJRNfy58gUb6jw03QVA84nK+/dC1toWkuMjACFU0BIRVa+Aq
Py1ysuGJc6JnUxZ5URq1+gRw0fcZjlsbSOK2lik5xiqn3JKcQCT6tVa2NNPcKlb6rYVMdnMh
29kr0liM7SFbqOnXIFJxao2NCGVv0trbkxLJRa+wwK7pdjVa/IE/dN5Bas7s8QJazk4wqSqa
e2xO9D4ayPtbV1b5Gpd0nC+UMdur3nPeJAiy46Z5GY2srtGiAgAMSK8zToBrJdVq95RtxXfH
Vbmk4rDtKkd1m4YshcXLgOb2RFmEaVVjCG/UTQU6HR2xcun6g2jVrp8BZ+abXD2XaZTHwfa
XCzwcomAJZaSAAnkNtj+3V9lhjLyb6MX3Lf0vLQpdihyho/jkAGhs76u3/AMiUa67/AOz/ANf3
ONbavtGTue5nb+mTmtwt39iZbKM1J/SWYLBW/wC0PHTJ9fuQe1ChgMjDk7UZFLGHFFsz28j2
tqWMPuR++hcKxPFnpyYDx1dvnX+79hF/l+B86/MktP8AKPdbDdhlGP5FmB1mxv0fE1txc274
tsHt+1lb25b3FZV4RjwBO9fE/TXJyPU9L2y9CDuUtMPUSzc3KL6VBkI9X59fxOl8jQXMZd2V
zbe1AiW7B6N7hYv7SigBr0Y/hqkVbVScJMLk28isyowPuxlQtGO22w/GumpSJuxYfY3cOW
jyKyE2V0yrcQdA6AU4sT416ftGm0a26gOVD6dQNZBLNwtbKNYE4mnE8pCQdgWapbUs53Lq40
WhYGUu+cllgsZFHZj6/AGlOhr56qA09T8yRXkc+OuZDNbXBDhgKSxOOjgn+0H9Q0LTIWW6GV
tWHV7fjUEngQW7EyTq6o3EDp7irvXzX8NO5SZXVV6lHK5aR2EEcYQV5UbYknYkDx02IEZ8mZ
7IuYyxS7sz9yoLfVgPgw6DQWvroFSsrUiu5DYqogEfpC8RKPCnpNB4jR013F3fHYBZ3IZxpm
trYhYYAGcIoUEGgJPjSppvrVjrVKTdNveWl0K+NssvfXlrfMjNHPOoRE9QoDUigqd6aK161T
YrfjvdpELNXVI7WFZZ2R5F9P24b/AHAUdXPQt9Brlq3LbY9HbGqb7iL3IBII5Z5SfBLQkHb
ivQ+e+tmJ8Tj9xPpAYZLeye6SUB+QPq3DEDYD8TrRMuDFKSmQe10sMkd7FK3uB0KEVdqoanY
dOmmRmpmfmk01uhr7c5G8vLyyCtQV9IRjxVpakLv121nv8qTNcp3dkWj97b3YnUhyBxV+IPE
UqyrXYfU6vyBb1kNwPd5HGHE30UVRa0bUKndp5BsZD+FAo6D+3SuCTnqNWSVxM7t09u5EEuy
isbVOWYgn9mtqZiZ+uLYFZlpADxJAIOxFev+fVlSirbyXNkHit3HCb9cb71p0P5aC1U9wq34
7Mn5Xcg90xqtTidjTzGpxROZ+RsiSyxjijjDORYH9upwRXPwIXe7zJhD8CSOSqd9W0ic4GP
4quXsO+ba8ZfcdIp1iQEAhmSla/TSO5b+m43G9vDyKTZpMjeXYNqLNzIUaspIJq2wZvqp152
zyvpY7lVTxJch25kmGNFaXI015EEdfc4e1I0ZDFDRagEjqNOxZLLcTkevQD2tv3C9zJksxZ
yx2qtQQwQCSdeXTcMaijvTTC2W3GK7g149S5lqcHhpmrbyYd2W2QLbXt4u0077GORDVo0r4k
eGubj7XLZ+u2jftWHPLSAdhclLhLvOZ26Fo7W4R5bdVt036QonSp6htbK4aVT0cLx3YFsvF
KHLfTois+NxE2MaK7vGFzPWdZZOJ4nfZiSzOfdrTTqdwIXT4EeF2euxmfddpNYZVffimUyjj
48WQbIW8Qw12cORWWhyc9HW2pNYX7vAEkYOEg3KnQ9frp+gmShkBHDMzKKMw4sp6b7/ITw1S
KbLXZ9uk+S4f7mZKH3DxZqVDcd/PS8uw7Ak7QMwUu8hke67eKzohtYjA7KqlC8j+41AuW2oN
ZIpWjk02bd4Q34OwyepvkcESuXqW2qoAJB8K/UawZLJ6G3FSNRLycdzk7qXL3VmVjyNw80lw
lZCEB4iNV2oABWvhrr42qpV8Ec+9bObRuUbm1t7GQS3MVwMfIRS4SihgfAqa1KnV3mNBaSW8
le1tPcuJ7OQQRvujooSRgDsGXwOgd9PlCpRTuXZbBrS34Xge7CMz12ILi3OzU/upqJz0gu1E
t3IMyXbN37kV1bqPeY+4Y32aikVBA0VbpC7Y/AM9tXXKXGetnuIzbuoc8KcQVDVopHh56zd0v
RoO7WY5wzQO2sPby3ksdwqTPzLSE+n1EVbQn9q+GuZku+KR1KVUma/KmAusZ3ZNMMAqx5JRMq
g7Vpxbfp1Guv2l/RHgcjuv8AsYs2VLS5inJ98sNxs3E/UHy1peqgzKy3N4+Fcrf3mDIGtkM0
VhdLHZysFLKjRljzZvUVU7LQ64v3DNjxWTtpyOh2lXkTjWB17owcPdVwJlvFaSDi8U5UBUp1
4lIFK9dYadzjnVnRpa1KxBmnyVmLBLd+2LK9OUa3kSSZwDwicK5Kh60av0Gur2WtpSivQzd7
mTtP5tAx2KzBPjhgar9pej6AmNd/LbXT/8A1/8AV/qcW8RX2lnLZGf/ANjrSPH7/wBrY48x
xivRr12/ZX8dPa9QSehe7YgxMNqkGGvWytnJm8BItY8Rt25sJ2dCjV/QxK8gaHqNLv8AMva/
0FZJ4Hzh8oXLRfKfc7BBKsuTmVkrSp9xqUO9N9IxaGq889D6C+NZYV7Rt41qHYcpAtD5KC
IT9NcbNvoeo7RPipDRltLiGSSJkZxQzI3q9I3NPx32GISaoZEKLCwkmvECr7ZeSSIFSpsvFj
/skfXVzILQEmz9rhpCl/NFzkAPpqtSoqtKjr5aZVzsKdeoPvMi2WtrmB7d6pEPbZmaoJPId
fGvlpkwLaA1iJDMC7KAKqjAgFTQ8jTp+Gis5KqtSaeBIBSQRv7RcqAsjDc7kk/6tUgm3BEkv
2ds0hVr1itWMPIQDcttsOtNHILfUEZAvbXpIJJHEhJV0AIp576OinqItKObe5kkjSK6j9asf
aWTehYdB46lq66FKzjUICKWG2cIwZ4xUkMeKiooSaaCJYfQhbDC6igu57lFkLo7RkqgQDUkn
qp2pptbRohbxzuUchHj8fB7zIRNdSGR05+4RFvwqeoU1qNHTk2Kycav9rkq4qVjlob+0NI7N
SRKhYDk+xCDr+ejuvTxfURhs/qK1f6RivriK4seSAxhqL5FuQJ1nWjg3Wvy1ZzHZRvaosmx4
NwKgei21Nm/dJ66t2A4aC5k8XGVki9sBw1KAVbYbdNNxZXOpizYVqB58ayx0EYd2lCldtydu
utisYbUGDl20MCfZRH2pUclpF/S/A0rTr10m95cjQ14yixkMXeZe+eKznWGNUIIn51CBV3aRi
P3VH+VdUr8V05X0ndwtCpZS3F9kkweJujJJoFDPIwPOYD9bMp/T/ALI8BqOVXlbf9CSnZVrs
vzF2V1e8aSPIL7jcfw5ba002Rls9ScMWuXVvUChpt+PloipKSRkKCwq++4618NUMyUy3BdcRx

IXkB9Kj+zREO55yIgyx1qCep6V8h9NRllMSGU8lRV5mlRUk/md9DJBh+PhFb90xXAblJ7Nwl
kAqVl4gI1SKUqfDfbWTVe3jaRo7b/sRquNzF/icfK3dEsUkbEK00aUuUjU9WdqBIPSiNcW2k
cdzrNypZfwlxlL/I3J7Ov4oYVAHt3De7G60BNVH6DU+nfUxrlvoU9N9Shn8R8i3COtzeNbQ
KwNvFakRJJKu+1KyFq78Tp6xqEnqD9TwaUr7v7tx+KitslJr+6e1aouI5ESWWtayEA8xTbT
sfa8VCenTyF2z+Qw47I5PKGzvLyOO4iuAJJbGWNAlAKrUH9LVrsPz1gw/U+q1ZyaHirw0R4b
SwXNy2mQtrW2juFLT3RX90ktWIKJUUr4a0XdZi7iCKr4ypYv91do22ZgfC4SaK5hib39yzKg
kofQwqVPiKddRd5XFbUB4HkpApT/ABxf4yP7iSb3YFaiSqKFOTOVSGp+WtNPutbOI1Ml+wde
ugs5HF5NXAkEsSysSqn8Vdt61H7ddHHmrbYxXx2T1LlrjchY20V7OFZ5jSOFW/jtTZVAXepP
9mr+rVtx0JWwWo6dmY+/tJJs3Jbk3lGaS25U/UP1knr+A1gz5E1H5m3DV7sM2t9krqfbsqBe
XbuPbBG5UAijHahrrKqpWl7VNNrxX2gzLYifCS25N1EJZkZ/twxHsENQCUB9daX3Nci9LAqr
J6kFpfDF30MGXucd3FYzFpHa1klbkDG4Xg6jbrTUyWaq+MolW2/VA3DsTsjMwWWTwdjPivv
SwhKcXTbtvvl1z/AO+7inRMJYKPCdwdoXdl0xVtKb2WITcMarRIRXi5BqPp/p1rp9y5U5
XXGPzFvAk4TFG/bNwV5LFjaXEK+hP4LfttuW4qOm2tNM9bJN6CbY30ZwZMxbX2PvslAG2KuF
WR6rzVzQk11bsrJpFJNNMf8Atjle3NxcX8zWsEtJiAQTIQtW38tc66isLc6FXrLL3dWLwPct
ktmVWHJQxySY+7B5JzAqyOD1V/poqN166CMtVf2iDgMTb9wXdvikxkEN/M5jkZDSJmStRueJ
3pXWY6s/lZnok9LI1e07PazsLS1wsZ2tx7Z5VwVfZAFNGYqGqB5MoOuN3FE7xZ0kNmPjwXk
S3kUzLHBk/sWgVwkaRzbT0JrGNxyao3XWbLgWkytVc3vqaefNeAj/JuTsr/G3CW0kUftywe3
ZpClyqhZAWLkAswOxftd7T7TfLe036z7PcjH3tFXHCCvYFoDafHlwZokMNPdqYZGlmkDxA8o
wFlbjTepGu8/+z/1OLb+n2kzrFB8T20kjGONLLHyM52oVvHJ31otuiLqFu2sHeYcPYZXjhr2
3y+CuY4rhXf3TJ7zxooi5bujclbp56V6k0a9r/QC60+H6nzF8hkT/ACNn5f8AFmJxv9JH8qaz
Vf8Axm1a5DcPjZLubC26jkIkNFWtAyHqGPKfpvrjZT03bvRDi7tZQF/ajV1QCkYLMbTfcmPJ
6aSzTRJkUjNd20guUKBkKNGxKf7wBd6+Q66qSPyFiTGQW8IjuqSOgI9xqKWSIbGg+mnK2ou1
dIK2YykMGD9yE8xLxRJANwHBUEU3DbbaYm2xbUIAJZx3E0V0Gf3Y0HuMPA7UNOn46YrCWiaW
wgm9Mze4WUUVif1DetPDUTDaLdjZYIznKwxP6KO1ZHYmoCoKU6dTqnbwDpRQ2ytLcWoiFxl
FJCYASA5qvWm9OtK6ZHgiULUDyXpikP3FGuGP8I7KS0O/InoDTbTEhVtN9zu06u5ZmkWX7ZW
AMyAirelQpP+3VxCBtB8irGtzk8jJGllrSON3VRVVLn0+6x/eIBPXR2SrXzFVm9/KCrcQ213
cyW90wto7gc15AakUpQIR1Wg9Wr1SldBbVb2atpO348A3aY22w9gLaRfbnVqlSwLGo67fTod
L589RyxLGoLeNlmKVniYRFyA7bt6QKba7eO0k9BtHpqiS5WS6eP3tmjDkAHcFQTQEGvTVRB
T1AN1NJ6BEOMUtQpcFmJHUn8vPTVVGa92e42zv6b/T7YxFYz7ksvEBY0Qcmdv+rT/Nq8jSWp
MNXay8AdjGNrdTyNMTA9UMrbcQa0H1dupA6aOzmNDGqQ3rp+PizrOZJp4fatZTGWA5AbAoNu
Jp+FdFSviBd+BbxFlbYTHtM7BMtlaxItGpDaLQPv/wB1pj6f+r+OhtNrR0r+b/wGYopWX81v
yX+IAyuJu8YTLon8GQ1SRDVTy3A+mn0unoZcuJ11ZFb3qmZSepqN/MimjFnoao4noB+ob6os
9C13CxVFCB+WrbLUzPFBGsp4+kjepJ3/AG6JkKLqgXI0U9B0G3l9NAG0GexwX7iRl5VEMvSo
NSB5aR3CXByO7bW6gcMzm4rumJyMHOOWsSxzAsTNxJVQOp/HXO+k0uVXqdDJzfk0c9q2eTwe
OuMjaXsAivOMUtqDzKU00bRtRwV8CNLz3pktxaaa8tydvSJ8P0GO27iyU1vb2sJaW9xyMkN7
cqfeqx3FCanc0/s1brZeriPiqXiSZbujuVb6PCiSaFrhFM8y25hJqtCkQJdCW/xHp4aPHZ39
glceugVxFrJHZSCSOa1WIOeco92QBhQtzNAwXrQ6dxr7C7WnZyQW1n2rhTgb/OPe3cy8Fkdl
bmGBIUA7KPPXSM2DFdasdjtkWkBHFwQluvetrg21jbt7t4pt0SecBaA146IBvWnTptrnZO0x
xryiPEXfNkrKSU+RfCyfsWC4hy167TXGQnlhpl5Sdyf4cLjcDpsD10fbv5Utl5CJyWbdhG75
tsJg5Y7KxdILqZZHvLVJFeOKQmqRAigEjCpYeHTXXxZlZ6apCL4oUvQTbPINasL9k5TxRkIj
ENxdqLz2rUgHprRZJ6IVVPCz8V3laWN1LMsw9lYIypO5dzXkWHhQ9BrHfHZrzklUvVP3B3B3
2M7kzMP8cJjomV3g4hFnZ9miLuQRGD1I320q9Gk/EZHLYo5nD9rSZx4e3kD8Q5ubY8w6lTRS
rMabU9VSdDivbik3IV8OugSusJBlre0xQwK2yMAwuQ9KrWrVvD9/LrolVUs7bMqylQgzY4fL
wWESPaI+w+3PKC3vmdpA3HjyjqSFSnQDbTEldzYBjOUcHk721vLu5yHKe8mbhPcMjcmkJ4kK
WFFHkdNzYq2rHTwJSUwvlMnZWVfuvcsJ1Tkk7AuxAFQjcRvvtRklwtOK+O37obMC1mO3sneW
SZa6mFza3Xqgu3cAyFhULQkcSPADWuuR0cPcFcbqALYZrLWrN9zG5ZKxyCu/Etv4/Ty1qvSn
TqJr9QL4S57izEsJt7X3ntawxsXWMnkeSgkKByF6aRmslsFRNbj/AlftG3wN3/N8wRa2NuCW
b3SzLMxqQDgKg+Iprl27iyerl9INUKyiqJbpO6O48vHne3bmU462JfpcSqttrRrShAMIC8Zb
YcuutLvCm+tv28xf10Bfc+Ksm7ZNj3F7sHAcyoEa3RYvVpUWlke4SdyOus9cvHuFZKenuNKx
q2JpgLuntvF23AZdhnWzyR3EUPuTNWdfcfj0yL1QqB5a7PbrH9SaqHqc7M39Pi2HOyDwHxy
p/X9je0p0p7a/IroP/s/9f3OZbp7QhfWMdx8QwNOvJJbLHIwr/8Arr0I1ovuiI77LYpj0/iP
MVzOGAZyXI4C5AFWqdhPObde1/oLuoXvX6nzX3ZC+Q737gWKhYZWeT/siWQE/wBukJxjRsWu
T3m8fHq5CTtm0h9t6UVWdP01FaE1p6dcBj8x6jBCqOfTjExnuJisn76KRSvnnv4/gNLglssz6
l8mxcXLm79Aeu5p+ddDxglc89Bb7wntYY1iEInYD+LItWCJ/tU21K7jtlIslbi8t47Bpark1
Qp9L8EHl5g9NPQt6o7iieXn9pIw6OaNsivU+G3jok5A4kUr3EUxuSoKqK8q1fSdgbPlVoD1J
Io5LxZIp5FgRCpf14LWmzeOo3ASryIsnDhBG8eMR5JgoAnmY7dSSF6bnz1KKz3KycUvSL2ah

iubuJJEo8MccTM7GrMoB5sevrjTSUmYs65NT0OYbcPHJcvJHFHER71yxoqKa77frc09KeWib
1glMUp2bSS3f43fkStkkmtPGRylvOqqLxJvJCYzUMIl2bl4r4eepw18wPqJp9E/j8D9BhMha
2z3jvz95v4ax+tWrtzwPiTTePYgeeq+qm48Px8PMLcFq1b8X+X46Fk38V9dRxcF9zGqryFHo
D0r5daeWirSFJTvycPogqLmNrRYXQe7bJ7iEEkIW6p+QofwGg4jplQfsjLFYwvGShurkCMrW
vFWoSa/h/fqk0/YTlulPy7GWweC3q0CkAuPE+C1HT8NFXRyxORaQfsfbzQYqVC3CORaXCJ6e
QqCVY9TWgrvqWUuSqTWsdARcPDOjKQsTov8ADPGioo6AU8/HT6yjHdJ+0opEJzxaoIAZyNgB
9dMehniSf+Y36StGW5xbCNGWoC9BvoOKaCWSycSGsniY8I23cTK/O4EBdUVuQHH1VoPoDoE+
NkaLLiRoQAZliTDffkp8dtbDmQWHkSK4ZDVVO4rufPw1RcliO5twW3CkUrv5ahDy9yltyorC
QGteu1dWyA2W+DUCgtTpXYb+HnqoKk034fX7bGzZaUxQsXbyJ77yRQyi3iX1GP3T6qE78d9c
7vnN14JSb+0UVb6sN92Yf+QrBkrZZb9LsobLIt6wzSCvEDqv089Vj4vYda7mWtRXn7oyNjLO
s3GORwaCWMpJEXFA4bzP166asaeqYv69uoLbuy7vI0tDdfbJHtKbcENKfD1VJH/Z0d8bYKzP
Z6Gj9p48YgKO+/mYa5u1aW1aVnhTkKgNz6sPpTWB0h7mpbS0Wcz3bk7S1uv+ItqEBPZjX2U
4tsaMxJ5eYggyjdnxn2h0tx1Eu6x+Zv7BjOJFeSb1LbJHwQLXZixNT01px46LRIXk7n13qx/
7I7I7T+2te1u6p5LbMwAqPvGKxgg14pIKKKDcAn6aC8bxoC7tvfUHdw3vx1LfwWlzbYJYQsV
JDdWt0AOQIUcViP6T1qw0jnfDLoFwT3ZU+TcL29NgIpe3LCICCs3OPdyzUqxDVD/AFqdO7W9
uWovNXRzqxNwbY9RNIVV4rpAjRMgLLIB4U/e1XcZLNwug7tqUWre4Vs3+Pjbs8vOC4iQ8kaM
sWYERB/v1mtblJdM18ca1UA23vp7vIKMVi0uWLj245IKqo6A8/0imtV8bdWrWj2Gf6leU1r
L8xg7kwXclrJLdx3MJsoEjliUinhOWI9fEqf0r4E9fLXNXZMdYUOX16DMt8j6qDzNHP2DxxLJ
71vLErrM7VNWa/Symg0NFRty9ZBeS/TY/S5fvSwlju5p/uVhRerVQq+6rUdTrVizU6CmrLU
KjvDukWUqy4+J3vITHFI5qiFwRzCtvy3qBXqNXbPjt6ZI6XiYIcn3Dex4ZbLGo17l3gK3V9K
qtJ7SAB2HEUXYerbTLqjFaJ7hapeL6FXtu77Zzdyz9z3kkdrjFRbP7ZRNARUWrySu2wNR6N
Vm9OiT1+PuE1cuZWgcy+E7Qz2F17hwNz99CG9kQPG8UIT+kw7BiT9fT46TZ/SWmi+I6jmxfg
5XhMOLmxCWVrMPSwUzFifFmG4b8DrDn7iyTfLbpsaIQQyTZ23w0eLxqLYW3IH3RL79zMFOy0
YegebHSsd6uLnt/kCk04KV33flbG5We3/md7ZqvrkgUy28QFAebhQCB1B1ox9le1XZeLebV
lrVxv7jm47axuQZcxilZ3Lq4dGjkhLbKZnNSD1pQ7AbU03E7pqirt+PiS7TUtd5Ktu24MEZ
LKymiyzRGbIPQLKOD8lBjQFh+Gur2rjllxjR9TH3FXwbmQl2aAZPjpaUP2F4R4mnBa7/XXR
f/Z/6/uct9PaNPeSi4+Be3rS0KxyPhLLnOv6g5vmpWm/QmmtF36p9hVfo111KmMy1xk7SLIX
ENTbyvk8lkkdIH7MLGGO4TkVH7zAVZh166Rlab97/Ql04Xu/U+XM3JcL37lZ7aVoGbJXK816
gNK9fx20qYx+40LG7Xg+jfjaeQdrRCOehVfbcMBt/h3I/u1w8j1PSY0oSaDvtQqamTkwpWhq
W5Dz8P26GUM52jYmF3bhfaqAzAhWAq1a/X8NU2AqW3YsZmaYPcxFU43sZikLQkAEKwoOhJ3
GhVjWloKmIxrPElxdPya3RgNztv00/1lL00LihOQjJ9wKrhga+Ar/o20S0FuYPJrcwwe3DW
XiKkeLUFBWumzIvYoM0yEwzcpGKByKU40b9z+7RJktqz82Pk9pleqVooG5JYirEn6eA1atIL
qAc57xkcIXeYoTIB6qeJP5dNaMTMedWaKF7NBcW1vAoEVlaM8kcNabE0DuR+qRqbn8tMpVpt
9X+PgKz2rZVqlFa6x/PiySAySxGa4WjcvbVR+mnU6uddAFqpZea/KWiIJGNJqxBCQqlF2Y/U
HS+PqGO74+8tLdnJXK5BOK3xb27iPoHAXa4oPP8AfHnvq44qOhc83K3/ABqStyl5wkbNwgq/
IbFmpQmo/wAR2/DVdA3v7Ahc5GCaO3mJT3olCNGQDyAGzb+XT9mgoobHZbK1U+p1KwaNpZka
Ex8SFQcYyzdNvE6nsF7op3+QkZPYtU4oN5BJuajw0SXiLtboK7V7aBRbrLKArluxHIFTsBTz
GjdhSppJUFpd30Xtwge07nk9Cg3NQAP3tR5FXUS6N12bHXgK+0FgjiAEbVX1fkdCp6gfrbZ
cx+KFhcy3VxNHBKAyrEpJ9wMvFIaFNt9S/cSoSHY8PFy2Z5PC0JaCvIRyMv/AHW1sq5SOabaj
Tal5SxfkB5gj+7RJgtMkUJxq4O/T8dSSJMrXRUMtNzXalDqSRplSjHpt46KSQzdPjjHYVfjG
0/5iiV4Z2nkBdQ/pd+KcQRWpP4a5He9xxs/Z+Z000o4GbA96dv39wMFjpUluLVF9tJwCp9sU
BBG1R026a4P0smP1WTSZs0tpu0Q5/uq+wd3K81vbZBjRpEjtmkMZ/dMhK7mnTfWvtb5Y02I8
dWtUAb+axvbW5ubbfSWWSZWYPHaqiR8xyDAhSGY+Y1sby2jqhS4rYGY7IX+RtZMD2jhrf3kj
9qa9v3klvWnIHOZUPoA/wgjWxJLeF7F+4l8n/izzK9g91Y+KM5SaO9uJf91CWD3DhR6mI8OO
lf3FFbjUJVBqWsdJl4lhave1XgOC7c1BGwO5pptmmtBancllhtri1NrlXgnHIKUoZHNaAmtK
gj8dVy8Cmm2VP5N21HM91PaSSw253htFPuKv6cQaBm8yTqLI6rX8ynj5bD/9r2vjIYI0aSaQ
Qiee3vealoZFqFLUCo3hTWLJ3VuQ7HhZmuX7ByN5lJu48IsGNtZJDNHFLPT2VWgJLAeoDr0r
rbXua8YvqBft7JyiLIRWkWQtjhcvYZy5gKe8kyJDEZCRQVNOamvjuNlrStquVaqL9S2abNLv
MU+ZtYZbt0sJ7bikcUCq0Tjaq7U/Jtchzjq4cmpX8EU7vti4v4rjHsZbWSXqYXX2/YqKUY13
qN9Z+1snZJR5+I3JdcdNye87c7V9qNM1cxRrbwcQY7jhliu7VTy+o1039PpBm9bUJC1aZn
sd7uLG2mSeSKgeBplZE3BoFLMoBJ8xtpGbtrop00DVk0jqMN6cbh5Tcu8ypcxheR9cKcd+4tC
A589c2tuT4xt8RqTjcpZvAY3uXKWlhkvcgLxi49iOTghh6AkofVy/fB1s+35LLk/AXkonUDZ
HBdu9jTWtjb2wubGS6WVGndjAit+rilKMV6AOdvDW1Zb5W3bp5bi/pVotP8AlZsl3Rfk2tv2
JjrbKvKeTopCRRqfHmT6OP1U6vEuWk8ULv6VLUsG/wDMeVTM2tlkGexlUEFb5lkh5MT+iZUF
UH+EaDJ231G/Dx3GVvG6Ga5yNrioLeG5eKVbuQxGdeKiQsPRt04n66q9FRJUBTb1OFw11fWE
2PMj2eNclZYrTZxib9QYmtK7gDwGmYWnDvaf0CV1slqKuRx/bHYNWJ8cTalaIkEcgbfowU1

8N+uiy5rX0THdviot0LXd3ckmWxzWzXCvHJIrpDJ6nPtq49xGAoB/iB3On9jj9XJ7pfqI7+q
qvT1G/smGZl+P7pPb4QWVvykiVliuRJGCCiHd+ldTprqv/sn/AMf3ONZbe0ZM9LjYf6a8I9lb
scylhYSTS8vTNH97KhFBuqyOPxporWfOOiScRVKk9WVcSMJc2Uh7auI2Ptr7DTxvkf8Ah5Hk
ZJxLEAgcM3ltw2FR10GVKfe/0F32Xu/U+Ws4obvDJ1rx/mlx1/8ArjeWIP8A6/cbMX/ab92L
czWuDt4Wo4dQSAB6j0664OR+o9NhqnQLmB5yUuXCwrT1V6b8tyNzv9NAkO5xsi1blYpg0ktQ
1aAirMQNjXUSF2s2tEQZ1Uawl5cWUqUBG1d6j+zVXLxWewDsoAttMWWhkBY13/UN6V06oLs
C+TxKkLVAO7FaV4hvAee2nIGz0K0+WMTMvFv1UYkj97pXby+nXRoW2UoshEsrQyCRhUhmcUI
QnkT5+GrZKkr5aFLaaaNzNcxjmYG/Sqk/wCLxIrpq9gXbedwVfyXkzSm4RUncLUmvpUj0la
08+INHwBVrOPMCS2cM7i1VgnEKruKkKEruR461cnuc50VnBPPH780SRs0ENsgCpWiIo86dWJ
/Ouqq4XtDupsIsKEWxr3NutvE/JuXucn2Zq/ToBpavDGvGmoRNJcJjyUt0JHFVZtgK06Cu9P
x1FqSz4vQjtZ6GR5ErUqH3O9N/x66uygGr3J1vHaUyoFUchSq79a9PLVQFybLtxNc5CatIxK
KSdtgKDbb8DoUoCs+RJBA05Yep5IVHG36geJO/nQHUdoJEs/ZG1tJCMewKEkEsOno6gU8T4
apX6lXqvlLcdotxFzVnaNGCLQEVZtlFaV5HQcUlqBbYtLCLVxavbtLlxDyVACqCaDdvHUVuo
phgdv2IT/dygsjhUKw4kEVorQ9a+GuffvrS0kviHxXUx7M2gtc3kLVhvFKxJ6UB2+vjr4LT
Sr8jnZqxdgyQV4udg4rT+wacKJolCUZmBLk0Tq1B4kajIVblTK5WNSxNSfIAbk/ITVopkEuf
ukAb8yEFPgvlqEN7x+Ivx2TZWuJljkulL7Zo2QzOjOd3CFgqsAf1H8tcXJR Xu2dPHNJaA6U
x4J7C9u8VdfzHHeiGQxCCEmhBb0npTcazX7bLLUri/FyPWbHpO6B+R+Qs3klkXGSwW5MxJP
NmNN9qU11oxdrHzT7IBVs0/LB1jvl7KWNutnkLbS3jUV6hFPEU3FNvOunrt4WjFfWr/UtQmn
ygbjDfZWloyXd2eM09vGFwJNsPdI/e8q6CmK6t6iPJSUyG1+8NysmSkkZD6AZamWM+dfMdBp
1cVVsBkytnl82Cs5Uubcme5BqtHoQ3mzdTTTrq3RCqtk1lk8mbmfJPY3GRhhXlDbW5SRZGPQP
Lt7aj94kaqza1DSRTtO32vWPcHdmX/lhmlYwY7d4UVh0VuvpPl11zM3erWtac/M0Ux3TmYLW
G7ttIMhJhrhf59iGdFlmZiUihrXl6q8iG0NcbrGS64v/AEhOyei19nQn789619g9o2jXMEEnO
R1jcygIRs3Ba0X8a60dt3GPLdqOEdWXld6V3kzi0ul8ZIBnf2cd6bdw8ltNWgYEE7eB8tdj5
loznTD1RoNx3qcxafBY23mtLmdVltkBQupbqlP3RSITrkW7bjLs0bceRPb8ewsv3dj5LuG3
nHCcLxulZqgkAbKCDSHPXz0jC6114+nxgY024nXwCeN7m7fvzMtZDFaiz4j3pEUREHagIqQA
f8Wiy5J1qTg5Lkna2Hzcxvcl7dvepAyWsPIAK259LE8OJ89L7buGIZclPwKyV12IIAXmNx+Q
b/1y/jiyFtGiSRNlyCNgKclQNxZTUfQhrpeG1aJwuvhP5jmm9HqQw22J7byaySZGa5QR+3Fb
w8WRWNCzM/gP9nWimajUVW/XYv6dp3gYv+cLPC28otbaTNFIFwIrQLJKIyOrlvSAtegFTpmP
Iq+mUIyrSWfsp3Visli4xj45obiNikUKPYlheniWHGv0Ox0vPmacrULFjkX8n3zJCwtLy0mu
Fmbm1vLHyjkYUo/uHZT/AlqDfTKJ3Upx+wN8aq4Z7c3V13Pj5bKwWHDezGrXsF2oeAxt+8rg
Ag/hoMuGGrtv3FUb+Xcivu+LTDR2+Mt+WUt7WEQmSMYGF06FWI48unXx1nfbPI200vbuNqlR
Q5/HmQ2WRkz8zZV0gusbGAGRuCtawxb8an1enrSmtFF9GsW+YtLk/StCLvfGYKywL3WPF3Js
hLE3ICgdFSQ1UAAAGu51q7G3qjqZu5rOPkGuyv4c/wAdMBUnG3qg+VvWvXXT/wD0/wDX9zlW
2XtCRuAPiAiQIYYbHHOxG5r969KD/a6afZar3Fp6Etlicj2/C2MyaxpcJksNKvCVJUaOWK4l
Qh0JU8g37dtKyrVLzf6A3cpe79T5quRDP3jloZpUhY308kTSHipdZW9JPQVGkNN41Hgaa3Vc
kvY3jseVv+X4VjUc2FN+IP7fDXByfMeoxfKvAOK9G9UftDkPU1N9vD+/VLVIWcdSeW3jkoU6
vTiGFRXpt/q0XECuVwD+4RaCwk5yxxTQmrh3AYih2pWtdR429k37iYs6rbV6A2wu7SSAIJka
g3CnmwVN2ZuNSFXxJ2GnVxXfR6A5M9EpdqBshRchLaIxj4+pgDSiHyO/wCGiqMdiheqrDi
ICSPUDvuP3j9dGA9SvdqVjIVGJ5qAORqd/1EnyA6aNIF2BtvNPY3Qum4SIpHJjUek7Go06E9
BCs6uXsS30rMyrKwkdyC0reK/ug/SmokS7K8dushpuEkk5yMwpVVHU7bDy0cwAqplv7eixy2
6l45CXZ+hB8AB5A6EtWQXE8skjR27e00LcmcvyUbfu08B5+OrqkLvbWb9xJNvKf7UDb8268j1
Yj/Np1UZb21LNgxKENRlloQRsDTev56qwdGEYnTaSQAEr6f5bHqjXY9W/VisCfprStdq/hqu
JFknQ6yeZixoE6x+2WUe2/8A1qgtT+7QKrsyr5ITU7xMN3kAl9PJ7QFGij/VLIFFQ1B0A6+e
l5claOCsbdIL0GjBteRWpklu1EUjBERfWU5bmShp6iPrrBmyJap+5bjObelhZvMVFDdJNBdPe
KIf+LAEjvU1UqDUDbqui+tWfSmK426ldp7a9E0H3Htw26UML0ExanRShB3+uo/Vrx19heu0m
Z9wQLZ524hj5KhQGMMatQgH1V12e3c0Rz80K7A/FIVQ/qCjpWhp1ptp4gjc/x/cUkK4BQ18B
tTREOJwWBAbjXcjzHlqQVJc7et1usvZQMPS8oLddlBFT9dBdwpCrqzUsT3Zd4Vbie1xsTTLK
y/eyl46q1eIcUpWg6a5303GnX4nQWRdegTtO+48zZTQdzwwSwoFaNVDCzivGE3O3h56XFqvX
CXGy8APFgWv5ri/sglvaSmvswJRUBIoFDV/PTLdwktZklcTW2xVv+1LV7IreGGYJFQSF6kV6
lj9NMx5pUi7094Vx0MOHsQJCr2i/7IDVwWP+FR1rofQjvxJwcBSBIspC/wBi8lpcLRvSiFhT
wKtUcT46OX4FKqjcd33Yodib7qGaGeVz7j/uRgvv6CxoNtqaNXQt1kCxWOYuHuIfvo7VihWa
FeUjcQfV/DQb+YGrfGPElW1toDHxWbtpmhj967F16Q86+oIdgVVqcDT+zQ8cdocbFrnOkww3
jvj3NX2P9/t+7kmR+SSUAiVGQfocE+r8tVkdibatlbWjromwJgK4a9hncvJfWs3IwvDbMfdqC
QwAHRdDkrS6+VMrHNX8zDnbkXad3f3mTz6M2PtSzxiens8aVNzybZitP3fPWS+S+OK1+CGQsn
8hn5ChvLzt+17lwTG258R7SIA5glUUAARqR5DQ4sdFaL6g87R6RKxnbXcXcUovIJWFzFQIzi
gZPM9Ka3U4KvFL0i7VtaHLkuXVj3JjYH/wCHDPaMVlmFUSSNhU8wfl+Os7wUT1mH+o5ZLxppq

w3a393dWcmJnwJybTwgpeB+UcRpUcaEHWdWUaWUz1WobctaMMWXw5HlbCS8uZ5cRLLFH9pBV
Z1SQg8uYbw/wgGo076io0mtRVtXpMFDH4nuTtF3Et3jIMpEjNCzVKPIEPijjdiuw46yZe2r
ltKtxH0yQtdWV775NwMJCXuGvcTcQ8REYaK0YpUEg05U6jz1Mf2uyfzJg/3arpqfsZ8h2Ofn
fAPm48Q13Iqx5A2nqf10VnNEWnQsRp1ewslNlPIIu3cpuET3c+PMjYy8tLi+uLN2UyTRSL7y
Jszxup4sP3IKH8dMxYHXVfAJdzXVM9xqX0eJa+tY0it2eRI2umZw116BkFaknop0WWi46vTw
RoxXl+mpXscTBckZCV4hHICDa8PZiSMdWB5VHTroFWvGf1Hvmn5eQe/k3a+LvU7lZUdvGxpb
200cUrROrDYlkqrek0qRq3kslxhuTHlabnaOov8AyHib+GM5Jn9/H3cimCRG/hoRGwCkHegH
6Dpf266eVr+qBfdWnH8A72caXXx105LjruvTf0qKnXa//T3fucu2yCVpEg+P3tpAGjmsMahX
6m8Y1/LWi26LRBi7dbXDcFNQ2VxhHiSQzt4+ek5bbe1/oVf+P1Pm+/iWfvO89yjB8jMCP6H+
Ix6HSbOMXuNFdcnvPoHtBRFhYQR0IWtP1Cv11wb7npMbFfaBuTm0kYRR7jgKCD1+IK9N9QFP
c0H4z+KZu9sYe6M/cPa9uVYWcULezJdrCaSTSTDeO2BBA40Z6Ekgdez2vaqted9/00N3Pcu1
nWmiWntAuU76xNjPJZ/HOExVjirb/wAveXlsJprjX+Iqfuxn9wuxYjfx0GT7IDipMP293U2
ehb7F+T4Js/Z4fvTEY6G0zUi2DZKwiELR/ch2+MyMKmKSvFiG28dO7bvlltzej/UHuuwthrz
WtV8UZN3BZY+1uWeBxJDbzTWySk0JhildIzXyCqDX89c3ez4rQ6+O8Y68vAEGSyjhJeSMlz6
U5itF6V38dGkwneqW5WmWzaFnt5EkYbsEaoqfI9DTTlaF8k+pSdbFEKuPRSp5EAcem58To1
LFu0bnVbttdt7p4sq7SMrcqgbmh3ofDVuUDz5BIWbTgNOQIV9aoDxUeXI+Ow0KCbKtxN9YQwr
E06MWRqSyOK0PgRXRVTFvJANSOyQSC0dJlq0koQw+m+muRSsofgVg1nFUMqSsoorxk9Y5HzA0T
lgK1U7Rc5Gimd+ag1UU4mnSgA+g6DQz0QSL6kizM18FCJLEo/SSwqPqPodtRrSdSlk9URJ3L
GY5PfaJI0TcKleP123rqlPmXa6Bt/eteXMX3iFoaseD7UVP2Up5abVRsZrZOTTa0GfC31jRW
gaJkQgFiyIln+Hc9dY70d3qh7tVdQtkr+7eJlxVvGZG9MclwpEZbzRIND5jWavaOrmzf5FWy
rogdB3ZfWcxgyUkMDr7UZIEbALVqOTHFUsFFSadfDTP7RWslLSfvgF9xFZiWvzHvzvtf4/7U
vcNfdqZ2HuMZazFzdSKOEKXIemXknoSOUIiwt61p5aPv+24aVl+W/vkDtszu9f8AIyD5CuIJ
c+L1WDpNCnqrUHGsuTPZJrGk9BXctc5Qu3YQMqIOPIH6UI1sTgz2OEhaW3K8W5A1RgCQSOu4
Gr5FHbwNMylImVaUoqvU08TtquRUjB8c2ki9zRB4GYhHKclYDkv4jfrpOa3pbG4X6jS8zY4d
41tr2hEzc7iJX4ksBQME6t+OvO4smSlTJZ07w1roAM5jcZ79tbYa0FvLMvIorkvFx8SCVNNb
MefLaVZ8RT4LZSSYzCXFnDHC2UofJ1PKW7kZ1iJpWNCEII8WrpWXvVMPreS/cZTHGu4Tm7
znzC3Es8EcCL7cqQLyiZR+qop+rRqvKvKib/ACK+tDhpFnLYu4yONeRLv2nUqLe3RGjQb0Ks
WUCpGw+uqV2qcmnPSaJzU6JFV3tYYPsYr2aDm4+45COFjQbqZQaKpPWm+ir3Vn0LtSVq/wAi
bJPNf25tkYtbxIQRRRStHyHQKyr6h4ddT6mZvWr+AFISNGBWyUtjcxONx1tcz5KE+3cxwW0g
uEKGjck48gFPUMNaMeO9t1sJteqCKdvW+ItkzuRyFy+Qv1IXHXUTRI0tB0Z1Vv4Y3Ok9yrP0
0q1PUbhyNPeV4DB2197Z3Xu5nGT2RWFud1BHK9oyA15boODU3aopTeusuXse4on9NyvPdBvu
K2Xh+gu5Kyw2WyFxfQ4PJyogK2NxjraaWG4UkgkSJG6mp6kHTO37fuq0S8fEq2bFO7leAMve
w++swkGHxeAy9xjbpwv2EtrJ91Qes+2wQUWgO7HW/B29qPIZevymPeJyZ1ZQvl89xkkyFt37
27cYpTW2uLe7skrRw2CPMaRniqsYIJSpBT1eOqx47O0tSXeyotGK/bPZfdcedSyySXWEMiLP
HZXkFwpvGVzWfY6K7KKVPHy1ttiVlCWojzXXQes/wBr2d1Bbz9zLeWcML8QHiuba2aV+i/x
EAYt+6p/LWH6F11b6Da5k9OgKzHZfcODtvex1ndwYy2BZJLi2mgVA37hlZAAg/HSsnZ2taX8
RuPuarZhK0l7qubGPFmyv8ukknG5vrOGadIBEKGL3FQhnGgp216uUnZfqE8tU/CxSyc3cz+5
hsXbyZa7kd4jbbhX+5jljAIJULzrHWpWldSuO1sjqk00tYwXds1VXlo5B2W7P7ivILWHuWyu
MZkbgBIJnhmj+5nj/TEiyIG50PROQI8tPrS/LStvY+oq2erWv5FPJfHc3bSNkMpjLmKyChJp
72yljEj7CjyKFrXp56Vkt3Ea1aDo8Te8stYrtPurN2UV52zBIGS2f3bK8tbeaSActqoEVI3
pQ+GhrizUiyo3yX5Evnx/LOzBGE7H+QrrKNLhre8yNo07xZC4WCWZY5oyTIHjRTRqnpsQddC
uHIRTWBVe6tW2lp8RlB5XJZKXCR4y4vb62VhPaW0ErSpw4hg8QXmo5EA1Gs6wZJcJ6Gxd5T
x3AsvavceCycMORtrGRQubhseRJBzJyPAskU1AONfCmqzJ11vo/EWstbP0e8sd/3VxJg2ju
byLlRnMjxOpQSxFEfkrBDurDfp10PZJLI+r8RfdVap5Bfs6G4aX4+vI05QQY+6jldaURNUFa
gmpBp+6Drq682/L9zmN/KEMtaSTdhG2jcJ9xY4tBIh3Aa4fY+I+un23/AB4BV6kl3fZjM464
y2Unt3vra/xPOR2S0SRlIJokVAq0Z6b9KtTfWfM+vt/QGNI7D5jjAk7pmdtx/MpCamnVm0rJ
/wBfuNWLXIb9gXAxkLINunGtAf2a4bTk9Di0qELj3BaTC3ZjM0bcWB35cTSn56pVgjtJ9Lnl
2OV/p9Fl2qSWm7dEdusQHI8bbjli0/f2Yfjr0fd1dq2SPL4nDR86yQQMiXNmS8DRh4CCGXgV
qKfgNecdWm/E9FhyoBlvj8jnbm3w1ogmvcnNHaQqzMAZbhuKqSlGHmTpnatfKknHn4QO73
JSmK1mpUbeJf7P8AkG17BXuCe3sILjua9ihxulju4xNbwQe863rNG2zMnBfTXfau2t/bX+ji
t/q5a+ww93i+vlx/6OP5ml4PvPKXv9O3cXe93Djm7qx11NDZXTY6zCoiyQqq+0I+B9Lmletd
bnmt9NW6v+Tl2wVWZ4+k/sZH3t8oWnf/AGHYWGdtLW37nwmTeOK5sYEtYpMXdQM8nuxRigPv
KtKdWHhvrPmyc6J9dZ/Y29vgeLM6z6Wpn9hw+EYv/b/4/wAt8tXGHI7kW/uLbF47GpAZwbaK
St1eyIEZqIQOVh/hp461YKutEn/U59iMfe3V8jj+hR7WVv6p+3Mda92Y/vbFOyYHumziFusS
iKOK4tF5GI0FoObiTFx5aRno1Z9fxA/ssiiBR+JO07Tujug5HMXslj2t2vAc3mp1oCkNuap
CnKvqkkHEf7NaeGr7dcXzf8AT+YXe5E68f8AWaD8Y/MmS78+bMfjLrG47F9s5J50TDrj7Wix

LC7Re5TGZDKCAXIIFagCmnYMLrNq3gzHnwVpVPrKEr53zWUt/nHKXWLMWxi7evbS2xiW8UUA
RQlY/cVVC8SHZ2Zqg10OLJb6nvj3DLyQPC/ZJqn9VHb9x3M+AwXbmWwuBtZopbqXF30sePN9
cKYxE6v7ZDLFUihYbnTL1dm0mZ8OStYs1LPm/vHs7vn4yvov+Z7GbFXyrPj7tGVoJWfJFQ9vP
EwV+PXz+mlKjq5W5r+tXImnsfUXy0/ZGY7C+Psf3vnZ+28bnZLQZN7S1RmvyLVHaoaYU9heR
5GSh38NabpWyxPjoYaNqkrUI+GE7F7ZxXf2K7D7gl7ms8K0suON1boYrFlglcRwTNX7gchVp
KUJGhtZrH8S2vXr1Mb/p1+PO1e/bbuP5a+Ufcz1h24hm/10jVF7eLAbiWWfjQvQABU/SSd6g
U0tLjXk9xl2m1Suwa7d7y+ee6u3r7v8A7UscbZ9r4piRh7WwshZ+yBykSKlX+5OsC091uQP+
HpTVK+ZKXEPoyWrimJc9WGe6sJ2T8jfDsny9gMYmCyuMJHcOGsWC2dx7bKkrRDZVYB1kjcUq
PS1euqz10VqlYrRaGHVjls9m/wCm/N4ztoS3PcpubqwxDj2vukiMkShFlkFF4Rs3qb9I/DRO
97Y6vr/j/BTrWt2o0/wBnwDZ/HnYvyNB2V9+3dPcl3BcjIyWXEYTHtbGOYQT/wCauN6NJ0Wp
6avCuKdU34smW3KLNeSMM/qPy01980dypfyGeKzvHtrlenhDbxcQsSKoAVR1p576Xjs2pfiH
aqRnE7I1W6gkUP4Dw01SLsz6n/ok7guB2Z3na3UgnixSJPj4pVV0hb2ZnbiGGwZgCRo8tmsU
9VMfAcsc4M++1/6hfl7NfJvbWMzufu8dkMjbx31ube1CSQuSGU8YgQPw0ylrPR/JQG9EtUO
P9S2VzmV/qNxfauPuzBaPbY61x0dAILeBISOJZQopVivU+QA1lrR5bcXtP5RqaFZU9XkM/fV
y3xx3hiviD4fs/tspkreO4vM5xhbJ3tzO7KEa6uFpToBGXcqNuigDY2rW5caKEC+PFu7Je3s
/n1+RF+FfnzH2/cNvl0IxWUYRvcIaF45IbiJY5DG5UirBXRh5aureSVdLyfiDCprV+0zT5Fw
Ldk973/ZlqJchNBjELK6JHuXCXIVrdXoADIOQR9qbV8dcrJ26tfqg7s20yQuTewzd7d6X/xZ
YD4q7RyE9i2NVRmP5C2cpNd5idBJLFHKFcRQQVUBVpU/geWnNfLRVpicVrprqLx462m1+vQY
f6h+88g3xb8b3NzJdJjKCOXI8n4iWWOzRhLIRQEh2Lbjr4aZ9xra01q+j/bQrtInVTBR+KsX
2ra9gZf507rx0Gdvs581vhMfKvktkkiZYvdYboXeRwOVPQo23OkdviXbYeb1s9fd0X8hZbPJ
fitEgbcfKHydPdHIWvc95b3uzQxIlksVYfpQWvAr7Y6UNT5muudj+7dxyTiV4R+5qfY44cvX
2IHCdwP3D8z4T5JoMZe5nK4+O7gs3ZUkeFVtrgsVNOMrJyKGvhXfXWwd3Od461irl/FSZr4Y
wzbVo0P5iyHwne/LmQsvlK9ywnGwaGwiU0x9uXEj87b26t92/grjifr4aeNbVs5c/jYz8mmt
NPxueZbN4+X+lzDR9tT391jZ7u1tRJl5Fjuprdrt+QuDG3EKeP6A1Kcmh7yz4ynrC/QvBVO0
Nddjz+nPJPhOyO/Ibm9lNtbO1zbyWbq326SWTOftwSY1dStR4V66VgyN9uuU6SvFhZqpZXC8
DO7v5XyGCwuL7o+Pu5+573K47JQPlbLuKZZY73Guh5LFEjNG9GX1keoFq9Ka1LM0055V1Tnf
8dEKteqijjaNIEXFpdd3flmZ7vSG7wlll7ue/trbHTNFMstxLyhgjMRXnIS2wA/VrNS7q1Sr
18vaOtVNS0bz3tgcNYdjYG3+bMpfXvecE3uY3KY5Y3yWptGkQILiRSqzxxsAJXYDk2yVpXWn
R3q5i3ihCWj0IQNPzPkPi1++O1Jfk2W7uraKKZ7bFgVxy1kjH312QQSqOFQLv1q2w1S4/U1e
vTwn+fAtp8PL9jMfmyLu/H91SXXfN9J3Dj7tHuMMYz7VnJbg8hFBArCJZ4xx5g8mcUatDrn5
7ZK3hs04K1stBr/pivcfZXvdk1hLzW3Nla3s0cMleElJqnjUqkhH01twv/hsn0t+3QVmxrXm
v3FDt3MfA9vb9uXuksM6vc8Wag96c3aPcu00yskl1cAGN4mPRUAfYg+NbxKnOjrOv49XiBet
uFk1p+Nib+rfPNa9/vGLR8nIMXAttEshDwFzOzyRqf08dnZh5DXNyzq7hRaEoNmJL6bbQ6/P
HbkHeHZnaV/3BIUwvbeEtRcZa9l5T3EktxbwrAlt1/jXDkMF5V41Jprod3i+plcuK6+/XYy
4b8a6KWcfEXdGCPxj33iOz8HL2zjMHBMLR55jJkrlpbJ3N1cOCQsqQVVD6eg1MlpwTXtdlq
q/5IfkKX9FvcNvedy9wSWYkjimxto5iY1U5I5VWoTQnj1bqdD22O+PBat3/Vvv4kycXZcfAL
fGeV7Q7n7f7k7X+F8je4jvtXk/8AXszGovMnBFWk9mRgRFE0lVqg5Js7V66Y8f/AB+j3/jz
KT9XqMWurm4N/fYrMWJhnikELMfeTuLuC4iY+4sxcxqfUDyoeo1x79s3bnaz8up0q2UekCd
ldw2GHjzGOkt2xrOYlJgC9WVhXkK8txvU61uvX1bgRmjpsN/akcZyHx621Vxd2V6VHpXr
XfWxzzfs/cxW6DR37i58D2rFZ25E9w+IwNypovK4dn4geIXp9daLRPsf7ErMAPOXGLktJ5c
Pbz2tn/NsWyQXTLJKkn2s4kHJQKqXqVqK020jNt8f0J1+B82Y+6jg7ouRcwvcrTXMq8YjSRX
5txZa7bHQWSePXwHUBV9PE3ft92/IMJZQG4+padTrhNanpKbB/FJG09CeRYAonU1+mgbeyM/
cXarl7djfIGX+M5JraC0GYwFxiBhseHEVxbTMavJaufSQ53MTU33Guj2vfqteGRbbP8AY4t8
Ts+VevQsZvJ/AHclzJlozm+0L64LS3UMFmXtmkY1dvaCyqxqPUpxlrs+3vq2v0Lq81NpCfYW
Z/p87Py0/cLZG+yGYsLaS5tLjK27W8XoUBks4wiJ77g8RsWPhosP0aVtwjz8SrvLeFaY6eBi
TXsl5cT5W9jC3U8ktXlGFSrzu0hTx3Xlx1x725OV1PR4sfCqrOw/YPP9or/TnnuzrvO42Hun
NTT3lpYSzlKK8sUiJJU4pIVjPprsaDXa4RiVU1KRwL3bzu8WifAyHA4y37gy0ONuby2waXL
f8Rkb1vaihiBBZtVmofQg/UfprLgx8ravRHQ7nM6UIJtv8AGpofzD3VD/zJhMJ8Z5pYu1e1
8ZFbYibE3TqzyV/jvcKvHjIWAABrUb+OtGXJZW5IxdrgerVl8Rpfuvt/wCTvgi67b+Re4sX
Y94Qzm4wclxKI5i9sf4JuuK8Y2kq8b/7JDHT8lVaq25Gas48jjlCfh+PcKPZNz2j/wCwfd3b
TZ3H4nu7uS9jVbK8m9n3LaxaOiCUAgLIA/Fuh/PQ8Zokmt2y8jf1eUONIBPwPkMHhvlLF57u
fIWmExeHwAs5nunKmQvG0SJEoBMjEmpPQDfVYllt+wb3TbSSnxPPluXFdy/MuSusFmMbc4Xu
G7hurJfJ/wAbeCNFiEgnJUGNIKNQU9Q6amPH61qt5/HmDzjE0k9o/HkaF/UTH8bflD/gbzAd
8YC0tsPaTWtyL95wW91kdXQRxtyHpNV23po7V5OZgVjtaiiGxd+Ve++wJPhfD/BnaWVHdOQt
JLdp+5bxHtbG29p2YsryAsP1e2ONeKdSemqu+VkkStLVtCfV+ovujSLun4z7Sw3ancOPYl/2
pwF/bI0kckoNqtuTAHjAkow/TX9O+izKbclsVgTro00df04929gdmddkzW/d/cFjibvuWP2s

fbSGV51wLeSLIMEQhKs2y1rTfUVZpEqd/YXlInnMMUvgn5dj+H8pfYLOWaZ3tflQlFJpZsJF5
lhjNxbseIlRkYqWpGo+ugpaqTrf4/joMy43aL038Px1CMuD7CtYr+y7D+UbXFdoZgq9ziMjb
X0dykcbFkikWFCs3t9Kjy6NXUdZUctBcuZdXIQzvyb2fjvjhPin45ae+w9xNyzncV9H9tLf
yM4d0hh6pGxVak0oo4iu50vLdQktkFTG25e4y/Hvc6//AJsXf0Xb1yY8viricCaI/wARlsh7
S81OxB4mRQfporP/AIU/d+f+IDX/ACtPqKnwHku1O0u9Mf3F3JfWulxmKgvIHj4SNN18qiNe
KxoxI2LFmp/bpXZ0Sbs2tejGdz0STMx+dr/E5n5Tz2bwGQtczi8zcveWVzZsxoklKxyq6qVl
DA1FOmtFacVAp25CICBCSo3DdKdK6IFn0N/Sx338a/HnZ3ci97dw2uPvu50EVrZLFPLNBGkU
kfOYohUElqhQemmXryx8ZQtOLTDMu+KHwPbvynirzuLOWdphu3r2K6uMkgmlgukgNQtuqpy
sTtyUU31eJQ9ehd5jqaF8993dqd//J0ffnx1l0yUa29p7YgiliuLS5sGYhn91VUqeS8aHzB1
mtOK3JND8dVkuORq7k+TPjz5Ww2PvPkKaXsLu7GJ9s+VFs93jLta8xX2SJYzz9cbChSp6jbV
1vjvblR8X4fwC6XqospRF2z3h8Zdn9zJ3rk+4ZvkXuaNmfH2dtbzW0LXJX2xPdXd5RiVQkKq
rRfAE6DLlpm7ct+BK0taKxCQX7NxtHnWf8AqO+XctFiLS1zbvb423iM33klqCkMcVTz2YBY
4wDUKS1NyKxcUllejsv1/H6F2Tc0Qsd1Zn4vzmay/cLX/ctrBmLie7aBcRazGI3G7DkZ+RpX
bkOmoqYn1Cdsnh+Y93C/HP8AUd2hiuwu0cjdYrKdo2krWOoy1qsUmRWObYI9YegFVHMP6hWt
KablornvV6oCtnXRrcQfij5Q7W7B7Uyvx93blNl+xsyH96CFh99ZSPtLQVHNSyhtiCrCulV7
it1xvM9HH6jr4LvfKhYl/wDZ97uMf8+3UNnKE/gHCv8AfCFjQH3FYxA0P+847daaX0P/Pu
/wAdC3lyJfKywz9ID5ht+5MTE1n2pi722ktLTY5rgzQ46GNOUUSCoe4dT/EcDb1eOnY4+o7O
E9QLTvwVIV+U+6sJ3T3nd91dvrNeWN5aQr7M9tJbsklqrJx/iDi3MNVePTeo0nNs7rUPEn4
MizXenxrbfAtp8V3t48uTspEvJfmx10LOd452uDAG41Gz8Fc+ND00/NHFJWXpW4vHW3J6bss
/EHyB8Ydsdl5/DZeaa1n7uQq1rYWUkyWifbm3BZxRHkapY0oOgrXSlej8XZT7HoHkx3V54/
oUO1cT8PQ5XGDubuHIXePx8kbiGPESW1v/CIZBJJzmZY2KgMEXfpXR0eDlyVk2tdSr/V4xxa
RB8b92fGOA+TMr373NbXljB97cXmHwtvZyTKkk7uY55G2RWjRyqxr0YknoNL7V1VeTfq16bL
/EPNS+IUtPx+gq/JHd2Q7y7uy2fimeW0ub6OaIj43bH2rqYYij7xKiDdfFuTeOpX/tVm51X
sCdIxtLRufaaD/V/3BFa969rz4qWMKulleUshdTb3k6qtfChCtt46V3+BXs6vp+oPaX0kq4b
5K7BznwvafH/AHhLdXOYxcpxmd5DZG6hsjFITBGe4plQJWN+PVDtqNPvlpq5W9UKXD3K/t
8lW4Wklj4V+SOyuzZM7NnLK+tr/PxLbmzx9kZi4oY/cAked3VXdW9QtPSNm31eK9VjdeXXw2
AyY78pgz3HYqxwPc2MzubvJ4cBhrxbi5khtmrQWjq0XGHn6fdpQ8mIXrpf2x0vyb2/P+Bt
3e+Pilv+JGr5o7t7Q+Ws5L3X2vNd2MuliLG4ub22+2Nu0JdlZWZyprKJOJHXaoOsvdWrWysn
LlemC8Nb7RCG75Iz+M76+PPjjM2Th7WSC5SRF/SI5bW8UL1A/eSj8fodtavuLatyW1tV7/xB
nweHVFP45717f7U7X71w2etcg913WrwH7K1jkgT4Vge3Q83mX3SQ3I7AeHhq6ZcX0IV289tp
Ldb85gVf6f07ey/hLIZu57kN9f3uSVLKO1tbRUjghJYSO0koIeSoIUbL0qdOpnx3o6z+RHH
vPKALZ9x3eGvobjt33Bc4a5a6xN7MhhdULcgrxgsFEqkxuvLiRvpVLfTurLVlfzXUd9PnWHO
/wBw/wD1EXOGzPfOD70xFvF9p3pg4L69PGsnNGaHgWUiu1Faviukd+rY7NV12a9/Uvs1zWuh
kGYjs8bjpcRh0aOxmm9542HJRKqPTi1SfpTS+xy5L3m/gM7nEqViviP3ajn734/6UGKugNqU
2Ty10f6/d+5zn0Hb5YyEMXa9jk+qy9u9tSsRuaguKbeNRpthy37Q4he4Uc7YDH2dzZpdQXoT
K4qUXFrJ70L+5azsArf4hWjA7gJSszhR7f0Be8+w+brEuVdT8Txf72UBvzbSsj/4/cPw/wDY
b9gIy+MijGzKoqR4HXItud2r0oOysGEMiyA+uMHceO+50u70E5k2oLrZTlxJ3Db9egH00Bn/
ALeEVxdxmNuNV5eFf8vDUEug6uNoqzLzduZ5caMtfVx3+u9d9MT0HLSCKYYogTFU8zQ713A6
/wBn9mrmB3JtizLJKtxKrNVIZqE70P8AoNdaa20KutSII7vKVJAAIDdNqaKQILVXhCtwLJb
iuwr+3yNNXLBW+oOuL67nRjIvCSWprXegPxfT9tALostCscm85BptVfE+A1J0FQeT3R/3UTc
woNaVND5VPI01fIBohlaowlqvKh5cuoHWINerOdAHVQcLcGSRRbAPxAofAL0GigCSOviJlt
0LGYHn7hoQD0HpP9min4Ata+ZLFC7hVLL08j7tKSSPEt/ZqWuHWvTxOb29kmulOf8NJf91Ga
ABV9KggalYhlZLS0WoE5xmpCqRQlJUHZ289KbCaPwin5hLCBrigo770qd6mm1BXV8gI8D038
i8oXAllqvscSqk9OXL6eWqVG9ZYfmkW+1u78l2xPkILSU26Ze0fH5K3ZPcglT5dzzWuxQjkj
eH4V06Wqthp/hNeYi1VZzs0Ds93Ekpmx+CkYQzMXup6lTKTtRPJfPz1MVEokq1p0F5Y2ibmf
T0AJ22J06RcFeaROVFX0qTyNT6j5nVyWd2zARuaEsB+qvQfhq5IiEFmJapAQFh+WorEgY00
b1bDjZWV1UpMgErJQkDYjrt5az9zLrKHYIVhwFj/ADy1jvllWZOR9qVxuCbbrx+hGs9KwvA1
5MiYMz+Lkx8cmTAjMcZjgKsHjc/urTYq3hXVqqSgF2nUv2/fc7YTG9u3/uJsg9zLZxvVkeI
8weVjt/s8Vr0UnV3ta1arfiv3KriSs23uWEzhvB7GPlikDr/ALpiwYU6nku+kasN0VeoRwuc
bt/LWOcwd0sWYxjC4sSzenmQUatN+JVjXz1ox5+Dn3Cr43ZQI+QxE8GSaCEuLmcEr0LOWNT0
Pi2rWVddkA6a6FO6tYrOUY9IpTkOQbkjMTw4kFAi/X1ctOWRNT0KdeLCnb3d2fxck1rJNJcW
M4IcEGR4z4MtTvt11V6/6dw6ZIfq1Pz5RL65Vr/IXEtXHKDAHkeFQV/T6BsKf26W1C2/cNQ/
6v2GLI3ec7osz71og4UPILUujPxb9TD9K8h4aFcd5GOWthXsb3K4O4uLbFyT4wK9JomarM4
6MxI6eXhqXqnq9RVdHCLtv3TO6tAZroTz9Vj5IXfoWPEVp4Gh1nvi68VoMWVLdhyCGa2wUs+
bvIW4SutC0UhPtptSng25Nd9Znmi0UTDrye5Vx3eUWPx7289k10AxDSCc+3JzNCGYA022A1t
Wvtf/Tq9ZOu6u6sv3jJaW0sUmSMEMUMKyzBCba0T2oI3WOtViBPq6kknRXzN25W0AripjXFO

ffBewvaOOWGA5OB7e4koJJLaV4050qfSK7AdNJeercJyFqtdgtkLde3cBeXVulJIPH/FQSyE
uXJ67U4qta7b6HmlC2KWtpbkq2vdN3Ljq5GzVKJTII/KNmpQclYCq6W7+Bqr29bPcT8jDDJC
lzPLGt61UhhWhgZBvWVKISF6rpnbtzC2Az4VWstwXn7zzGBxIsLOZiolNw0LHIBHO0YiMoQ/
vFPSabEUr0GtKryXB7T/AJmG0K3LqULbLXOSu3ve4O4f5ckxBkt43YsU8QsQ9K7fXRURjSit
ZLfK291VDJZ4IWI/9IyltkZWAYyyuXnRFNRtyO1NKdknpOHDSSXUnulitZlopLhpTMP0x0Ucq
9dBXXKpiQ+LepTymQsoraGyuriSZMXGLEyjDVENuzPKENa1Jd2P56c7u/n0+GxVMfFtyBcvJi
7rENPYuPcj19uSCpDoDG5oR49PDRYVFpFZ7TU0Ds23upn7EvPbZ4YcXcLLMm6LzICAxrtp1
1obf1G/L9zE1sEcnK912DbLKOfHH4eJw5qOK3D+nfWA0bjl7/wBglv0Ba2dwcZeQRwGNrPM
WBliciFwqxTg0VytT6gadaaVkaHa+P6AtfsfPlnEx7wlCqT7eScsadFLsK6Xf/r9w/HZLJ7z
6A7fiZMbECp9S1r4gjpri3tqdfkoJ394KSq8RStR/m0NXKDUEJ5CD1I/Vua6jKybHXIKAAu
5602/bqaApN9Tyh3IHXY/t1chNpdTkwlYqODxG5A2r4/XVymR2amARLh4TOZmBNWLUqN66jy
RoaVaQdf2kcehpCsbKNn2BP+rTMV2FdKAX70akuytIzU26KK+INfprXVmePMgZrYXbuye4T6
IPUCp6U0fiW/aRqsdXYFuQBI4gek9Nga9Bq5AWnUqC0e4YNHVG6cVoK/XRIU0RyLBDKYWHKQ
ABh1Ffln69NX5oFpLSSSKR1DCOJVUBLOA3/DVz5g9T8yBQzsvBzSu9B+GoRwj2KQtdWqQcCG
5CQgVUIw8T4U89X01LVlyQLyTFba2iA5SCooBU8VbYg6ZTCz5GoWuoaguOZgMkaRgotSRzVQ
TQEgOv4aztS4NTaVvkXrLK+zcfbXrD2t2boiqoHkNh9Bqnj61E3yVe7Br5ezMcsd0ZJplZhB
JCAAIyaipOxOn1xPxM7zIFCW4ulzaW0ZhtixZy28j/V36/lpsITyR57MUJecY5SN4DepG++r
ktNFd5jKzLwL9CARtTrt+OpBUoHyCR5GfhsWqF3FPDw0cAtosxK8cJ92AqzfpkNPQ9GqbKIE
ENjklunpB01mngQ+qSJHdP8AvAU/t0RSaZd7dglkyJP6OKFSxFeLHxofEaVm+Uf2/wA3sGaJ
e6bK09i0mJgX1gLRWNDUsDTp56zt1e5sXtRUlyuZy8nKd50RfUXjAEZZdgKdPrXVOigt0wPr
LpoEsVHHbR85rhiwPJIno5LOasWp4jSrZS014h1BDPbtKfZiPHiWACu1fDwOqV+rKhPYULqG
8GXkwxjFFkU1Q8CRWpVR4Cm2nyuIDeug0SwQy3MOVWNq26sFULVxy6hh9NYU3qvEdpO4UKWF
IFcX7olvJdL/AMVcVvXdaDbn1oflb6Xa9nFZ9xOC3Iu2bvtx4JLnE23tc9rikbrv1ABYb63+
qIsLSrvVgDvSyxcM6XdxEWmmFXjiorAA+kt4dNMx3b0TBvVLvK5K2Zto7vHMYzB6ZDUoxZe
hqCNC1D1HKystGUrXFxeQyMMNz/FjqPdnLc14E1oTXIXUTjWVBVIO+5oMMkCRUtOPt24KJlq
jmASK7inWm/nol3SWpSoCM1PjrSZchlYEuJ7miqrLyZgppupPh0roFdJwhqxytXAJuu4R9vL
YYuzFtZ78TioAlloeSnbV8+rDVKIg7PvMVguRSzlF9MwjF0Tz5E7jyNPppPd88iidBNMda6s
cLjLTW2Ca7R/ZVlb3XUuK8iTUDz3/DXNx42si6jb2UNivkvkPIQXVzEzS3kTx+3EoCpEVYf
qlps2/Ua6f8AbfU1bgR9aqidyTzdx4W8tRD3XDJDwOQ0bKC/GSICrItNgBo6UvRxUZbLS1Zs
wHkrCK9uzcYGCals1FfWjEV8SCa0HkK618rKvq1M1uLfpZNbz3FiyXk0SSwQstVuB7h3NDxH
1/s1mbVtE9WE6tavY9vr+8uzNbTxxxCxKq71GBStVlbqCNBw1pDW4fKU1oUcc91j7oT2Nv/
AMVbGgKMwZh41p59Na7Lkob0ZldoegUucdmMpJDcyvJbK6bQUYKtPw6eegSpTSDRrbWsvJZX
RsWs3hMrRcjJPJMFCAGvoA3b8zqTWZmC+LiGUrM3wmhWVGS1CyvEzrxZi0R9R/xeX01oTT66
mW+3kbL2UXM/YZIoTiboMBt4J1Gqf/Y/Z+4qy+UuYxYmI2B7MxBVraxiDU5er3ZGqPqCOujs
rT+PAWIY9mu7rNzQ3uauHvr64zdt71zKSzOLfHzBf+6KDSsnL9f0Ksraa9UfN1hJO09pJ7aT
2WkvpqXFG9BkNdmqDsfHVNxjXsHuZPort82qYxeG6nYV3NKeOuFat5NTvaFqTXRt4ohtSp/V
1/z6H1IZhtZvcptLCI6jrWgr/npq2rSa0reJx7lupEIQVpQDck/XVvkFDiDqOeCQcUA26+Br
Xp10u/KQbJpasnX2qqSdqUpU9DqvVsJte3iflt7RzxK7g+Fa9aaOGRZbpxIt5uzS514RqG47
b9AB4fj+OnYat13c3G4Haytlj4yIARvXetB0/LWibC4ZSniiNXFQwOwoakDb+7bTK8hbmTiD
2EDPQKy7hqdBTYnVtspJkMzQMjNC3CZjRlXp/wBZfLTERC22SWmNi4fwQiWYjk1xITVnlrRO
tTq+fjq/AH6WR7OPM452kX8Mww8Kn1MrStXxNS2mK7WyQn6LnWzO5o0gEMtxb2skdyheOilW
oDx3COCvQjfv/VfVIF4X0tYgSXARDIJHc2iyVvPbVxcxkE71jm4tSvk+j9NtGmhM5a6ppq35H
q9sz5dqdvXdtl2NaQQE296AOv/DT8WP/AGC2j+i/6dRbzt/N6SsES2d7a9Q291alF+3kBjZQ
pp6kejAgeekcWmPVm0iG/jmyV9b4+1jkuLqZiUgiVpJJHY0HBEqzbbabRN7CMtmnqaJgv6ZO
+ZLRcz3ndWHYWGyChdZuYRTlPErahue/hyYaasdhDvAQbD/0o9op9vlu4sx3zdp+tMVF9naF
h4c+pFf9rVQC7Xa0K8vyV/ThjiVw/wAbpcCgpJkbtPJN+pJMpp66iZOF/EHXXyj8P3ZIT41xU
avThweZXHgaGKYEEnpqTPQnC6/qBV1d/BOWobrEZvs1pNlurK4/mFqrj1U9m7Csw470SSStNW
q+4qciXiGuyPj/tC2ydr3S8lv8j9ui5W2t8VG81g00syuEadJaf7mRQJlURWlWRdRVsuklz
Z+Qw95f1AdvZFxyHLea9sbF1EUWAht8fioXhYMBAA0g9yf23X0zcVDU221TyPeSnay0AGay3a
nfWKKyljbf8A5QcwFyPfbWQFTyeC5giHF3I/S9aMNxuNvejsHjvZOUxlsuxvgbttlh8h95zd
wZOQLyWxbUbuUaRarGXo8hffcDjv4aD6Kro9WOfcZbLTRE118if0/YaMW2A+OJbwx+kXOaeS
r+RKyMTqnZV/p/IBY8j3sC7r5O7Gu45HTsXtu2jU0pIu4APQUKnbsn3K/wBIX0L/AOoV5fkr
4ovHZL/s+3tkANJcRkLizJbw9LNIJHv8AVdNeOt1rWAE8lXpYgto/inLTNe9u9w3OAu2Hotc9
brNbISRt95Z1p+MkVNVft+ShMKme9XLU+wny2K7xtrlyXcdumMY0TMY6dbqxpP0uISypXyfi
dZr9o8blyaadxy2KeNwuDhjaO7/4mXxaWUICGG3DfkdKte/LQNU8WOGM+L+5vsZc0bs9qYW6
i4RX+amFtDIa7tDFIGnl4joI4z+OtVO3u1N1Am+eH6W2VLaP41DxwQXN333fw8llykqDFWqg

dWYHndGOuwNEGqtkrjWikXxy5NW4/NIDIdzd14+0k+zfHxGIIY7eyhq5fzZ5DIzD/arpNs3c
W+Sqr7v5GLCl81vz/gChvG0yEa29pZTST0/3g4KWoaabbU1H/AHK+a6j2L+Blay24SbLEOQtT
jPvRNNhBI/ARSkTxSOPSeIGFDtXw1HyvbjdK3mtC0nXWtmvbqV7vDG0IWQXkkwFR7dwpZF8i
D1KiumXxaalOtrzyA2TzMIJZlJPNUrxq4q5A3otaio6V1ls4b8h/N9SpOL/AB94hH8N0ZXh
dlK1puOu2x20caagcm9mGYLbuLvKGT3rgLBCwja3gJhQchWr0ry6amDFWuqXxF5LW2f5FC9+
PchjI57uZl+0iIz3WY1lqKca718aalFuGvXGXG7PqV8hb3Nzaxw3kotiED28qKoeRGJ4u3DqTS
n+bQazI7g41CFvcfyLFS20N011NItVDvUKWFPMUB0FvVoXVWqheS7JAt5AonAJEY2J38d+mh
eJ9NiLK9upy8b3MihQLIGNf4bVHL6U8dXW3FgWpay/xGvtzLY/F2sVqsItZQR7p4CQSSEgEk
9V21WS92/IumLitxmvspjTcMpkRIxRSwqwaQmvHby1id7tzqHDXUo5Dtze3FrJcTkV8AccVj
MAFA1DSOHN002trN7FTZCvIMI1pG9/NN7yoTDbipICGNqnY7H8NbsHgZsZs1r0NL7K9hJuxB
+6MRclj1oaJ9dNfL6j9n7mS3Ka6+IW7YtXuvj0/ZRxl4LeymWoP7nuct6/XWi6sre8ZWvmyv
LkrC8vochj7CPFWZzLtFZKzT+2FxfjgKZGIJqa9dJy1ce6xVqarV7rqfM2HKN3CJEhrF1MXY1
IPqqKDalNly/9a9g9LVn0V20w/IERZUFQf3fD9uub9JveSOFF/EsZG6gWL1qlDtQD69Ou2l5
KvbUbpgZvRv4gZ7iA0CIqrUUBUnr5b9dUquep1eL6t/EnCEwMWjQU61Ujf8AbtobK3mZ1dco
TfxI4X40AVGLA1ou9B+egtV+Yy666/Euy3UJI4likgenif8AT56FLzMjo99fiR3l3HBCQEWo
G4C7/lvouNtpY3t8bs92Abq6jkHuSou3RQKAK/n4afSj8zdaseJUM0J4K6R8D+gBTUHCU69N
OqmuoLp7TmWzImRJVLjZ6kUB4kp6a9adVNCrL2/Ep39jbXERjmmWFVFWCKOO3idya/XR1TT
kGybW7BAeytLsySLI9q1FAi4oSR5M4IG3002jX9UmbJS39LG/G98fFtvCtkOxny8wT2ke6y
s9V8SY0t1RUPkdOX01soM1q53/U/ifu+5vg5DzftfLhST6WvY6A06dd6aidQfp5etn8f8Dr/
AJm+D41JbtDJFZKAs12GZh4dG1FwZHiyrqj/gTWpChwhPGXg7IvpYwfUZLjYsPD9YrTVO9F
u2CsOV7N/H/AvYi9+J+48imEwPxfZi9Ugx2tuWndfGp4yejz5MRplPVtIrJS9VFm/j/AIDv
nMf8OYc2z/JEqLNCBy7KhMecuVjp+n7iJhJavWnIe+w+miu4UWcgUxN/LPxJOx/nD4Y7YNxB
2Z27b/H+Vkk/gT3savHcoNgrXp90w7funbRUtK9L9xL4rJ+qfbID7+717bNwc/3Z8cQ5O4uJ
BJ/NL6M3+PnQ15BLi3keOMMN1KUp/h1Trx3kqtW3o38QGnzF8ZTQR2o+Oe14LZCeEhtriXjU
Fd+BBc0PQt+zUWSrGPHfz+lbsvm340tpA1p2l2tCTUgyY6Qbnf8AeBG/q/Mjw0SsvEW8d/8A
yD1r/Ujg7Wgx+J7YtLBFKWvtglanrQHwTf8A2fPpfKev5kdbLxKvdn9SmFu8Ktn3Bhu3M1Z8
1aCylh95GnjReDcUJ48TXfyIXpqWbW5STb6i1V/kLtHvLPYzGW/bV/gIWymNxeOha2ingvUN
rLMYZaPH7MdfbMY4tzJNdJvRw3rvr7/xAdd9/YZnYZGBsVFBZQwyTKoSIImNQFUb1BqADQU1z
8mJ8pbZgth9WrY7f08fH8HfuQ7lyWYM1pgcZb2oN5aoryfzD3w0UCcti3AsXpuFPhro0o1Xr
Jroumo1P82WPxl3X/wAt2vbeJtLzCu1njs7kccOF/KpIX3Jpl4A8/wD4iCh8/HR47zvow74n
0bfvDEn9WeYnDtJaYO5jGzIbeSTxO2zGpoCKeYGjd6rr+YKpbzBt7/Ut92HE2D7duy5dStjT
JX9Y3r/i3P8A2vrsLy08S/pXfiQf++eKSL72Lsztk3sbkwu+KUKUc+oD1jidy1fHoaHqp58a
2DpgyRu/ijnDfJ1z3fk2tcb8XYPOXU25OKxYWUtWlWkq8YU+INPPUrlV/IT/AB7SrYwT7P4/
wOVzg+z+27IZf5Otcf8AGVxIjCCwwNwXzEwpXi9vbIYXU+Kyqw0dpprya+H8FKjfi/eJXanz
f2h2j3R9kO07TJwFXfHztbG1s8uqE15NcrNCXFK0Tix0uuekTPHzC+hfaW/LkEO4vlgZ7tyb
Zle2MT3tNDGoa/kilW+hjFaJLayoJ049PQrA+eiafGVNI5Q/2KVNY5Wr7XAn5H5W7Gxrlbv4
9wkksysJfZieJ6iSiDr/hOk4s1brRW08Y/gZbt7Lez+JDH8qdl3ssVinxzgkY/w0DyNWICv
E8V6b7aK943l/D+CV7dv+p/Et2nePaxuo7SP4+wcMjMVRmmnCLtXai19Q0H1F4P8v4C/t7L+
p/Elp3PeWTTWml7P7X+xvAqyW11btfKhWpLi0vF1Vv1EL476JZ6pRAL7a2/J/EQu4e9VF7cW
1/i8dhEDqkUmHjla3bc15K0zqvTpTUrKvUMWg1d7WKM/Z6Zef75ri2xduoEhd+XuFiK8hxa
ms9syTaU2kfbHaz0lc9kMpf3aJdX9reWduQkbwW7J71BSrGvXScGqW1p82EIzdTzC5TIY2d
re2ZVerEuKHqo69RocmOfENPq5kYcRNPmVIS/iDWoPL+ICyuwGxXfr9dUsTq5AmfH4ITu7CQ
rizc45obN1BAjCkvKx3ou+zeZOn1eussirZrRv4gXt3+S2t7FkL+39q7tnWSO2mjLJKSv6wh
JDIRUHfTb2aWoFKT02xjyXbuHzeLMeJSC1MjiXkiEshHWgqTQjbSlm8w/pe0WIE2srj1nasZ
gjkIR+VTypuSoNQKatvnAHG1XGpY/keUa1W7sbn3ZOVOLDjSm5K+I+misLMNBcbdBgyziMmvb
11OmRiLLNRhEecnOQ7bcDRajz0m9LWXpKhp6tJa919u3Un8sgspTdXO8QEbqiuBVIDhwjGn
q9W1lW33RLVj+pg3uy4VsekcdoqQs7FmUDgpCpt1qS2tOCTuWrFXrpuxz7T92G67GmWDlbr4
qaKeVULIhkUFQxBoCaGm+nuy5vfYzWrPHcbPjxnuuzPtbZecklhbvIVaqlIjlZ2APkF1qzW
46tx/kMom9tX/iCLvEi0vbyxx80eStsZmTGbqEiNXjfhSocLIVYmvUCuk5J3MG79S9p809q
R2c+cure6mS2jklmtzKeKs6NulTtVl6V0u9W6oZMM3zt6QfymInYHda9On1+mkJQpIeX59+
QKwIU15BfFR0rrDZNUtVgVxRymPjorlSGDVoR6SABt51B1dMbZL53B1fShVCj9NfVobtzBMC
18yvCqK/uCh2ND5b7AGxpvZxB4ULTciAaU38NDxF2tCgq5C75M0QVgE/Sem9dyf9WjpXqasN
eK31AzPHPN7KejlXalBXw0zUc3oetb/blkgIYx708KHrvo09QHY8lnZ0ZTQLT0sNqKDua/jp
6BtlLks5ivuQKrkduVdyvXp9dFbUBo6mskWA2yTEMqKciqWfFEV1a3BaZUu7Nopmls1WONIA
KAERYpQ8WJrU+WmKOom3JbM5dYZSSbhVnVaLyUnf94nY9dHxrG/5C3e/+k7jhsTdm4ub9Io7
cbpHBLNQ/pqQOIO/11da1Shv8ivqZG5VdvMvWG7QxUSW8OOu+4biPkVF/crZWW/7xitOUrj

6NINW1ROUp9otfVtpMLyL9x353zlbBsDHergMMxo2LwkK4+2ZR0932qSSU85HOhyZ2y6dulr
u/MG2cVIZlyQxqkzsSZf3iCKUirTwrWldJlwPKeQRi1Y6BGPRhUH20SQFvAkwOZ7h7YYy9s
ZKfCmQ/xlraU+y/XZ4XrGwPjVdaKZr16me+Gtt0E/wD3DjvpefePbOG7gp/vruK3bHXZXw/i
WjRjl+K6Z9Sr3Qr6V1tZlyyz3wNdkHJdu5bGyH92zyMksdfICVGI/bqPgyL6ie4XizX9KlsF
a9xOfyJXcW73UnCpG/6RGPPXVpUWxTtd9SeP5++MuzYifjD41xtnfgH28hliLmQAdGIPNq/9
oaLmugDrZ7sXj/UD3Xc/Kdv8l5iZ7w2imCO1SOGFXs2Rk+2nSMcZIKsea9SKUIOqdrdfuVa
mmg5ds2P9LfyLn0fLYy7wFxfQS3dykOSS1xUMkHrdXLUdfcr6BT6ddM4roV9R9Q38k/MvZ3Y
2Isuz/gy6g/llhHN7Vljdvs7e9mBU3Ut3Ka3cgDGicevqLbAaTkt5jKVe5k2I+R++cTjFx1
zkVzOPA4mwzcMeSgp9DMGdK13ow1S7hvRqUFbCplNpl6375+Mbyi9x9i2sLsKNNh7q6sht14
osjLSvlq+VH0JxyLqF7Lu7+mS3jUjtvNI6Voq5GalfoWIpqPh4FessWXY78M4y4RO1Pjq0mu
j6lps1cyXHqHQKqEv/dqcq12Rfqe9i1n/AJ4+UcxZfyvGZKLTiwI4m0wtvHaJxPUc1q/92lWz
2ewdcKW+pmo/iZGSeVZWUjvXNdXUkksr0apJJYkk/wC1pNm3uPULRBO8t7K9jQSoXEf14Eg
qw6EEbjfS6Liy2p3Kc0cM0bJazmK4G6SXB91lfzSSokRqeKnrqKE1Zen2OAmrRG/tJszl7q
24dxta5g2rCMxX7Uu2DABWW4j4S0/EnWr+4TeqnTeP3Mqwx4/HgSYiwx0F4biKXuLC5T0+2
8sc8ADbjgXCMTTbcnQ3y42t37tQqK68As9xN97bNWQOj8okQJGGNP0szPx38jpa+l4v4Bq2S
NEpLF1iFuZ2tZbpbKffjtmUPTpwLrUb+NDpV71SfFT7Q60tpLj2Fa+7bss1YfJq2ix+qJkH
6Ao9OxoDQa5uP08dpWo7Ik1AKxuKzWpd4Li2W5i4tSfkKcqUW0666Ve4rbVaC5ezKF9NlrQz
XHOoi0EXEgqSdz+Xlp2OincG13oyhPMPRdLiWoZcJU7g+OjiWirPSRn7D/na2boRzsS7fwP
S8W3rZa/unY/jpWWE9CsdnGoSz084Ro5o40ikqBISHiHiB5Vp11mdmtJGKy6i7d9zY+GAY+7
JWMAcTTnxH009PwGosV7aoN5K1KsndVIEKxThOH6G9Qk6B6A0d03tOqBeeqW5Hj81bySvP77
MLpysqqeSkge7gioqB11pWNpbQLeZt6MKYU9t8wfbglEcAK1iLMCQemwpWvTS7Ue9g65HGhe
ZYXv/txDPLbLT3ZwAvs0P6/qNtx5apS9UFZ+JeW4sVSKa2e3iiElHJYKyE+kekmpJ20PJ7Ng
RJV7nZWsoC+pQ9Ca1XkY38RtpmD5heSUG5L3GO1rLs7Ke39xPHhpBHBWIXl4qjNtCdqemntP
noZmpg2r+nW5htbzf2lyeS3NnFbhaA1eW3n2oaA9Omjz6uPP9g8D/T9xAtcdkLHJ3FhlzDd
2ufeKaJlMbKtJ5d+J3Wo6fTSbvRex/sBlfqXtPmnAwBu7WSQBGLqeobpVanf89Xd+gJ7s37C
Fhi1HIEkV+u+sl7QtC0ydElkWRqPx6A9DvXemkKj3C56HprTr4fkDpiUKEVYKeSJCe3y8ak+
Z69dZLbwacFupVjZIVU2BI89/poGaOcs/PMYY3ct6jXbcnpSuiqWvUwbcXEr8S5B8vp5aajU
kVJZCwJlqVr6gPpWo0RJPJrv3GTkpUEUJ8CTQGGu3lq5gpIrtLytwrLxEbEKg6lQOujrZlW17
cStMzSMVVuJArtv41Gjkb6HEskKzCNFaqmnpHIUJ67eGiQLaOJ+CwsGk5rsR5qR0oB4k6NWB
ZVu4RMirb1BZjzk6fgD56tPUFnMWOLXmsjokTKKhdy3HoB9dF9RPoUkSQ4dLZS8Ugdn3H4fX
8BoXcipBNLczWSMLcAttw8RWtNzollkBs99P7hPtirmtAKHbrTR8RTyEFxlnWka2jMWO7Of
SK+O2jVZQFw9mdCivRq02pxJqPwrqSimQISC6OfbVgA45bEKagkDyPTRKIAkrXchs5VKsGI
NBUBUp0H5HRVRVrFLiQtCKsfL6/TRyhbI5YRQsOgl6+Hlok0CRirAgbgA/26sqTu2t0mm9tg
CpoX6VAXVWZa1CaXnvEoQYokACpUU2Nog0mygrHRslldhJTVxsDvQaFWa6ElmsbpaLOKqo4
DrQg+O2j5IqSiwCngR+mo4j6aPQos29slxMrfqVCAVHWh8RobWhQVuwtnl0hX2EZnkqVlR+n
8TpTTY3mfhmlsFk973FZT6iKOHZem/l+egVW9C+a3LWP7nsbiVYamlzioRwR12PTpUaG9LVU
xJFarK2dupoYvsYuKmf1SyAfpQeTAepJqYLK2rQeS0KAemAugnu3gJVqGlr4nzJ8vLR27isQ
gOLnUmmu7/H5iOe8Hvwe3V7cE+kH/P46XTjemm8hOzVlOwRx0dnmkaS9NjJJIUjSLzJFIp
3Vh0IK9NjtoLt4+k+aLTnb8ysmOn7WycVSS7t5S0UrQoaOGNQFLVBYYU2Ojrl+qn/ACCnxLuV
yPcA4idJ7eBkCsHZfZYcm+w5VJ3NtrPXDJ8PUHkyOyaQXtu5sRbRljTBlrQPSOzvJelaHTny
2gja3kGd3ZCznsxbpEon93mWH6kWBWmxr01eKeWgLSiQJj7CzyBMsrGAoABJy35Hau+3TRZ
ctqAJJj5ZSsZwHbSFXQqGS5ZOTkoCAQwING8fDWK3d15RAcqu5VvMLi8g6NexRzR25LFy9V
Lyb0ZKiv5600yRsU6zo0cXqYS0tXvRawXUluo/hqFV2A/wBnpXx6albS4nckQpaE20tbia6S
SQCS1WTk6BQRke/pG1SanprTFvtuCr++YbKPDWDLkJYYY5IywHJKMg6hmIHHfppTs2M9O8F
yDJ4qRyca8NNi6ooADdajbroW7dUyVvWie7tLGVGncMryepN5DUB+kVGq5NF2WouZeD7sLc
2DwTlAUildCkj3gQfrUHWvm49SFROxXt8TdY1Rdj/iPvFa3ktmesYlkUHWUVBDJ1Vjtq63T
cC7SIJZsIL6QxuRJczoEiTnUqqAegVPgP3RpjYvkl2rkrD4XD5i0YJNjpcVPE5OwZBIaEV
3U9GFemru1L9v7F0RUxtzPkL64v7mRppr3uN5jITY2axmJULiTxFaLvpF2tPY/0QGRar/cj5
swsTDu6Q9eN/Op/A8v8ARobNcENvXVm54ISMdHv12ptrNuUkW2Rv9ddNUEg4FUBbcgDrsN/L
QXski0mU7w85OCmo61Gwr1PhXWC1k9TXjUEDSTJGIF3jB5gbbMRxJ236aFuWOrXxK0havJjR
v3RUAb/XTE0PovAqMru448dq8iaHr10SaGQkipJBMCE8RXanSmpIUHoHELwejj1MX36bb6t
WTK4kU0Zn4wKQXLcql0BX/NXRVaQLRTEKSJub+ID9aVPmPw01OUDDO5fcjYFQK0DlifHx+p0
SsgGjhZvZP3lqIByCcgVWo+vXfVtoqNCq1yzx8Bma1qNwa1366PQo5a+EYWNeUkigVL0Br5g
aj1I2SLL/DXmOKlqncU5eBFNssPJXDMBXrUU36r/AJ9RNFWRJaj7ZmlAqVJVjs1PA7+HkdX
yE2rIH9y09xbRwSFUS3kURgoatzArVvMnz0SUsCz4vY5snluAzRg8VorvSqCvTfoKnVsqNDy6
SZDwSo82FDv511aaFtQyhcxzzymGX9YNR0BNdHWyRVk2QFLhGYEUKEGAU6jr+OilMHgznhNL

uiliKbeP56jskUqs8htZCSkoENTTc0PnSmq5roTgy9bn7RyIYkkRqc9ulOvHfx0F9dw6qNj1
pYpZpFROCV2pSn0B6aDVQG0WLNrm3rIsTS1pxIFQB16Dc6pWROJYXJyzI/BTEij1jb1p4jeo
poWy1WQDLdM9wz7tzJNdqgeWtCqoFvcYcVFGYFu0i/iSLSmw418zrPGsSFx8SwYoxI00iJUD
psAo8q6tNIF1ILm3hlgdKX3iy04hhRgB0rq00W6MFKBcX1r9rAArgGvE+pSV/SGr9dHey4uX
oVxXQL3s0n3UaXsaJBGtLhTuT9EH11gpRJPjMmlM9x2VtUhNsHMtpUC3kc8RGCF91J/hzf3f
MavJRvWPV1X7omONun40Jcvh7q5mF3GqhGHR4tUtWhH0poMOVlQbkrPQ6tsBaOYbuZZTKgLx
xghVRh9N66dbO9UhDomSS3F3jspBGI3lthSRqHkwIOxJ67HVvtXjoMtVvQs39/Nk2RI4mEa1
BjcqRy86eXhoFxiWUtGUUxNoJGuLiBMwrSIU4g+FPLU+s9loinRWYFf7uZFnuo+K14kKQKAH
fW+vFbGays9yzgDby37Wt0FWKbcFzxPNTstdI7taKyCotYG5xdWcaWlu1YqcwoogJoT4EeW
uZbFVtsNVXUU8IMI8qy3MojKknqSEgeuhFaa6WNPgoQT3kmSOQDjyRCAecnHIIgPitSRq5gj
qzq2y6Yx1glqxdATdMu60qAaDx8zoiVWUwA1xZfgHKP7hLgSCSnQAhuha/XwpoW6pw0Hqef
y28eSWZKVZaKaUU1/DbV/UqymvIrX/cl9hnTHxW7SXAIOchNE9R2IH72qrjrfXYt2a6SV4ch
eYwxSXUEFyrMQ0BqAUy1YV8PoR0OtGO9XK6lRkThWH+17a7bzVpby42WJ5rof+WVWWbmCBxp
yFW5dOOmO6kU7Ku7g7znYs/ZuYxuOubr7gZuB7qaI0VYpEY8ACT+sUo1PHVvJErwU18Blihv
JOxbX7d0jnc4sxFm4LyVJWoSaUG3U7aY7Pm/b+wK2937ktrcXGXuxnbe0t7D3c4LieztaIYI
hLYOhKR3s3idyF+ulZHR8f0Bt09qPmawykOK7rvLq4iFxA93OhUsUKszNxcNTYg6CteVUvIbe
OTNPx3e4SxWMm29NAWMwHj+FaaP6KKTLs97AkHlaBR1BuAD/AHav6SBIElM3ehcMK2orsSLgH
9n00jJ2lbvVh1ukQP3L6B6rcqdyRODpb7Cvix9e4a8CBO57blzMOXLp/vVP7dX/Y18WM/vm1
sjm7zVreOCbmL09P4wpXr/l+Wr/sq7yw6d/aihJHSZZJlWOK4t4wo6CZQTT8fPRf2lfFgrvm
nLSJWY3Fche2Ct1P3C+Xj+Og/s6vqT+9czCKkt0jJz+4hRaCoEynod9WuxourL/vreCI5clD
I5jnnhHHCJzXbb8qjV/2lV1BffPwRHdXNncAOBuIFf8A5ItT/bo69ulpJX94/BHcV3ZqohWa
35A8ubSrWh8/DU/tlO7J/evwRFNBfWBe6t3QHnwMydfMjRLFXoLfcvbQhNIYtN7guLdK7kLK
pFR5an0l4kXcudkR5KDFuxL3kUZNBtKp6DbVqiQNu4bPwiwrMDJfRnYKayLvTpqcER5zpRj1
YH7+ID9IDyCg8iNtq6n00T67LYkt5QH++t3CqFCvMNIHRaU8PLVfTRH3DZDLdJ5TE0lzbVty
fbUTrxBbapFN9E6A/Wk8eLFRSERXsliPqr7ijcDfYbeY0KxpFPL7CuGxRkaVsih59FDrSg/K
uiVQfqHEdlhXkAW+jK8agtIoPnStNXCi8h0mLxD9L+GtaqTlOOPhw1UeZf1Dr+W2NuW4ZCAs
w2IIU7+Y221TpVlrK1qjj+VYpiGN9C3Hc1kG/wCPp1FVLqVzP0cGESQ88gjU/cDr/mXUtVMi
yQSLHGWPJbqKvQAKH9lF0Kxp9QvqsmT+XKeKX6la7NzI/bQaixVXUjyshucTiZwrffXUrVQR
kCtaf4lRVpVdQXkbIx27gyHRb5AJCrM1eRBWp9LcKiv9o66PlODJ3a2uKxwAjvGkBJAB5MB
X6Baapqr3CVmiwk2JPL3LkyAjiOSufHrsu/56HhUvm2cGxxbv70N1LCSKcYlkC0A8gtNFCgF
WZZtrDH2wL283ts1CWMUpYkfXjXfx30u2Ktt5CWRraCeU219VZ5EnUbVNvMDUDenp0K7ei2k
L6hTTFY6xkkngZuNwvGWARTGJum/Ep10dsdXG+hSu6k2Pe1sk4xe+YuXpVopyEB2oBx6eNND
bBRuWwS1konQtG/L+tHIHtgjIJqVG/+DQ/21PBhfXt5fAnFn977k8JIYQIJJmW2nAVCQtf0
io5GI0v5av8Atsa8S13FukFYRPHIWWsUcgAf+FuaV8AfTqf21PBkeZnlxYC4haNmnda0eNLa
5Ukdd6LXfR1w0XQp5WyOGBVT2jbXHGPqPtbkGnSo9QjDe+jB5NHMMksbhkkexuneOvEm1uKH
bx29VNRUSUKSuRcto7qD+EkV8yOaBmtZ5AAd9qjSn2+PwL+o/E4yGMfXGUmt7pm2LEWUwJ/7
RGiWoQ2knN+JEMFSovC3vFFNq2s5NPrtOnVPoWrvxK9xiIp5QLixvZXFPULacEL+QGrrVJaI
p2kkhw627CSHHZAOKUKwTkCvgQwporJPRoFWhbliyx93Zzfd2lkhUkYE7wSkerY+k1G/4aHg
toL5vxKORtcfj+cksFwl6yhxFdlygilWp5tUDypqcUlsWrt6yezYSfJ49ZIypvIT7wWycmLW
7GuwP7yfvU/PV1qqzANrzHgWcFn4e3s5is2xLT4SdJ1gYBlkCPzArUEVB0PD1cmJyY+XU0Tv
vuzBd7ZntzN4CUuq2s0VxE9fet5yzO0T1p6gD18rvq7PWz8h8qF7Qjd+jsGwhlaeaVsYsSU
q7Fo5VA4j6nprrfrf46A1mH7P3Ly2+NgvLVcO1w9gua9uA3qLDc8hYSBxIikqpVqj8BpOT5v
iBafS/M+VJZGs+5LlvceJob+Zi6IJWUBiOXA7MN9VRelB5FqzV7HO4I4IRPlbVsjNMsyXUuI
cBbcRhWiKhDVue+mNPoxSraDn+c4wH15nH/gcPIP/pNR1fiTjbxI2yuNpyGXxrjrbfSDr+E
f5anF+JHW3iSplSd9lJE+TsPunlRoZf5VLwWBVYSIfRWrEqQfpq+L8WWqsiXK4yTYZjHR0G1
MRL0/wC5quL8WXwsjs5XEtRYSzjlAABLYiTqOv8A4eo6v/UThYuR5vt2PG3Nvc5THnIvJA1r
cfymQLGikmVWX26+tSKEappxuTiysudwi1Y5nFNUbVw8ta//AGPU4W8QW+r+J6uexZ9K57GqA
egw0x69afw9Ti/EirYu2Oe7XWzvo8hl8XLeyxouPm/k8tIZVkBZnUx7hkBXU4ONy3W0ld8x
h1Yj+fYYEeWfL8AvWpxfiTgySPN4WjK2fwwc9CMJMR9f/C1ONvFguli1ju5u1IY75Mnm8bc
PNZyRWDw4KX+Bdl4SsDGOSgAinXvTON2RVsioO5cXyp/wAz48CtCV7fIPTfasf5auH4v4Fc
bfhkp7mxfl/zPbcduIHbrgft9zVRbxK4WL+D7y7Ws5pZcz3Bb30D208cMadvMvt3EkZEUpq
ID7b0amo1aHr+QVaWkqf81408TJ3dAF2D8e233oOgqv+Q1cW8fyK+nY/Sd2Y08B/zfEKqOQH
bT0r9PR01It4K4WCHbnfPauMzMf3nu4Ey2NVZfcso+3GRnZomSNgWX/w3Ieh8tXrrr08CISy
f+IPTu67FIwG7yEjKBVv+Wm3IG5Pp8dSLep5EdbfhlpO8cWUJXu5qk1Rv+WqU8CKU89VF/8A
UUqW/DLWB79wFhnLO/y/czZHH20iPd2P/LnE3EQNWTKRQVHnolK3f5BKlvwyIJ3nYe47L3nK
FZ2ZB/yzuFJJVa0HQbaFco+b8iOj/DOP+d8aBQ95TE/Ttqm2r9X+r8iuFvwy5ie/cJb3lrc3

vddzexW88clxbf8ALiQJoUYM0da7chVa6ibTnlp7CuFp3/M8v++cZc3t1NYd33dtDLPNJbQL
24lYopJCyRsa7+2p4j8NUuX+r8gnVtz+5UXvW2RuTd65BvD09vIP721ev+org/wyaPvyvSYN
J3hk5lQqxQYGIbgDUr+vYHUTac8vyI8T/DJ8x8l4bIZi8yFh3LlcfZXMzS21kMHAywxN0jBD
j9P4aqLf6vyLtjbf+JU/59sqinduXYeS4S3UEU+sup6v9X5E+m/wzw972Z9Td350b+oJibZP
/u2pL/1EeN/hl7uD5Hw+Uy9xk7DP57GW9yY/bsI8daskQSNYzxb3RszLz/PU1X9TLdG9f3KI
71tFWo7p7llrsBYWg/8Au346rX/Uyvpsjl76sKMn/MfdBfwb7WzFPy97VQ/9TL+m3/mWMx8j
YrMXaXttme5cei29vA9vBBaFDJbx8GI3mFGIPqbVw5+ZhcGVj3fYAbdwd0sF6kxWW/kKe9qN
P/Uwfpv8M5/5ysKGncPdNKDf27PYn/59qo/8mR4/Mu5X5ExGQitVhyncdkbG1jtXMS2dJmjL
EzMDLs7hqN+Gqa1nkyfTehQl71xZVVfPd0OWpRq2Sgf/AG3UjX5mX9NlVe9Majchme6JD13l
sh/908NRV82E8fmXLz5Fw99b2Vv973DAbCJ4TmlzZq03OQv7kg5kchXiPpqnWerK+n5lRe9c
Pzr/ADXuQitKNdWY2Pj+qmo6+bK+n5nLd4YhhzXI9xUDcS33lnSp6V3O+oqrxZf0/M6uu/cJ
NaWllPd5yNseJgLhL+1DzCdw/wDEANDwK+k/XU4p9WFw0Kc/d2IVqG7zpJoy/wDqFqAQRqcV
4lftXicN3dheQLXuboDU/wDqNtSo38tTivEnBMtv8gYOTFw4n3MsywXD3SS/zCATN7iBWjYq
DyQAbaHgvHYnBeIPk7t7b5czNl2B8Dk4fH8EOriviVwR5L3h2yYvTNlA5XijnIxtxYg8WZVQ
E0PXfVNV8S+CAc2WtJZvfuLz35R0Z2LU+prl/DRKyDUHMfcMEDI8dz6oyXikViskbH9RB8mG
xXRc0VGu5MnddpHuLipIoQEApQ7eHTVc0WXrHvi1Slvc3SpEXV1cxFirgV24gEBv0tT8dT6i
SgppeJ//2VpYQ1ZCTk0xNTcxN1VTMDE5NTIzM0dERlNKRDl2NDMyM0VGV0VINDc0NzI5U0Y3
MjI3MzVHUkdKRVkzWTM4NTY0MzZSVVdFRlIHUw==